

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

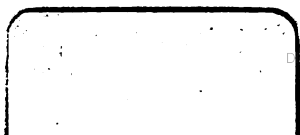
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

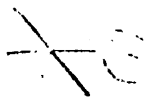
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855264 7

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

1831. N° 17. СЕНТЯБРЬ.

- I. Мысли Шатобриана объ Исторіи и Историкахъ..... 3
- II. Письмо къ Доктору Эрману..... 37
- III. Критическое обозрѣніе новаго метода учебнаго изобрѣшенія Г-мъ Жаконо (статья Г. Д.)..... 74
- IV. Сокращенная библіографія (Краткія Записки Адмирала Шишкова—Востра на зучорбъ близъ Даканки—Шестъ Элевтеской стихотвореній—Албертъ или часъ смерти—Гарришій патовой Путеводитель, сочиненный Пампковскимъ—Жизнь Его Императорскаго Высочества Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича—4. 2-я часть ирѣжетности, изданная М. Погодинымъ—О Сибирской ягд, сочиненіе Деллера Хашовицкаго.)..... 87
- V. Шабритское обозрѣніе новаго учебнаго (окончана)..... 111
- VI. Письмо къ Издателю..... 116

Въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, состоящей у Тверскихъ воротъ, напротивъ Страстного монастыря, въ домѣ Г-на Римскаго-Жорсакова, подъ № 2 мѣ, продаются по коммиссiи слѣдующія книги:

СТРАННИКЪ. Соч. А. Вельшмана; 2 части. М. 1831 г.; въ бумажкѣ за обѣ части 10 рубл. асс.; каждая часть отдѣльно по 5 рубл. асс.

МУРОМСКІЕ ЛѢСА. Повѣсть въ стихахъ. Соч. А. Вельшмана. М. 1831 г.; въ бумажкѣ 5 рубл. асс.

АНЕКДОТЫ О БАЛАКИРЕВѢ, бывшемъ при Дворѣ Петра Великаго шумомъ, съ его порпременомъ, соч. А. Д. М. 1831 г.; въ бумажкѣ 2 рубл. 50 коп.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ, соч. Александра Пушкина. СПб. 1831 г.; въ бумажкѣ 11 рубл. асс.

ВАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ, соч. Александра Пушкина. СПб. 1830 г.; въ бумажкѣ 5 рубл. асс.

БЕЗУМНАЯ, Русская повѣсть. Соч. И. И. Козлова, съ его порпременомъ. СПб. 1830 г.; въ бумажкѣ 5 р. асс.

БѢГЛЕЦЪ, повѣсть въ стихахъ. Соч. А. Вельшмана. М. 1831 г.; въ бумажкѣ 5 рубл. асс.

БАСНИ ИВАНА КРЫЛОВА, въ осьми книгахъ. Новое изданіе, вновь исправленное и умноженное, напечатанное въ разныхъ форматахъ (въ 8-ю, въ 12-ю и 18-ю д. л.) М. 1830 г.; въ бумажкѣ 4 рубл. асс.; съ пересылкою на города 5 рубл. асс.

БАСНИ АЛЕКСѢЯ ЗИЛОВА. М. 1831 г.; въ бумажкѣ 3 рубл.

БАСНИ И ПАРАБОЛЫ НИКОЛАЯ БЕНЕЦКАГО. Въ двухъ книгахъ. Ревель, 1830 г.; въ бумажкѣ 2 р. асс.

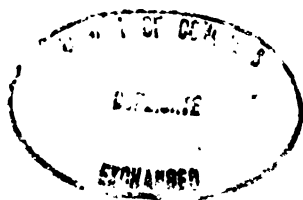
БУКЕТЪ. Карманная книжка для любителей и любительницъ Театра, на 1829 годъ, съ порпременомъ В. А. Карашыгина и заглавною виньеткою. Изд. Е. Аладынымъ. СПб. 1829 г.; въ бумажкѣ 8 рубл.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Полевымъ.

Часть сорокъ первая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи.

1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаиіи представлены были
въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва,
Октябръ 2 дня 1831 года.

Цензоръ и Кавалеръ Левъ Цотмаевъ.

ХОУ УАВ
УАВ
УАВ

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

МЫСЛИ ШАТОБРИАНА

О ВЪ ИСТОРИИ И ИСТОРИКАХЪ.

Въ нынѣшнемъ 1831 году вышло въ свѣтъ любопытное сочиненіе Шапобриана: *Études ou Discours historiques sur la chute de l'empire romain, la naissance et les progrès du Christianisme, et l'invasion des barbares; suivis d'une analyse raisonnée de l'histoire de France* (4 v. in-8, Парижъ). Вотъ что пишетъ Авторъ, бывший споль замѣчательнымъ писателемъ начала XIX-го вѣка: « Не пожелалъ-бы я, въ остальные дни жизни своей, возобновить послѣдніе восемнадцать мѣсяцевъ. Никто не пойметъ насилія, какое дѣлалъ я самъ себѣ: я былъ принужденъ отвлекать умъ свой, на 10, 12, 15 часовъ въ день, отъ того, что вокругъ меня происходило, и употреблять сіи часы на сочиненіе, кошораго никто не прочтаетъ даже и одной строчки. Кшо, въ самомъ дѣлѣ, будешь читать чешыре большіе

Сентябрь 1831.

1

пома , когда съ шрудомъ читають самую газету ? Я писалъ древнюю Исторію , а Исторія новѣйшая спучалась въ мои двери. Напрасно говорилъ я ей : « Подожди , я приду ! » — Она прошла мимо , при громѣ пушекъ , и унесла припоколѣнія Королей.

« И какъ счастливо самая сущность моей книги сообразуется съ временемъ ! Гонятъ Религію , преслѣдуютъ священниковъ — а дѣло Религіи , участь священниковъ являются у меня на каждой страницѣ ; изгоняютъ Капетовъ — а я выдаю Исторію , въ которой Капеты занимаютъ восемь страницъ ! Самая продолжительная , послѣдняя работа моей жизни , сповишая мнѣ наиболѣе изысканій , старанія и годовъ , въ которой я излагаю , можешь бышь , болѣе чѣмъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ , идей и событій , являешься въ то время , когда нѣтъ для нея читателей : я какъ-бы кидаю свой шрудъ въ колодезь , гдѣ онъ будетъ заваленъ грудой лепящихся за нимъ обломковъ . Когда обществу слагается и разлагается ; когда идетъ дѣло о существованіи всѣхъ и каждого ; когда не увѣрены въ будущемъ и на одинъ часъ (*) , кому нужда , что дѣлаешь , говоришь и думаешь его

(*) Авторъ говоритъ о Франціи прошедшаго года , какъ видно изъ слѣдующаго далѣе. *Пер.*

сосѣдъ? Страхъ какъ нужно занимашься Нерономъ, Констанциномъ, Юліаномъ, Апостолами, Мучениками, Отцами Церкви, Готтами, Гуннами, Вандалами, Франками, Кловисомъ, Карломъ Великимъ, Гюгомъ Капетомъ, и Генрихомъ IV, или думаешь о кораблекрушеніи древняго міра, когда крушится нашъ новый міръ! Не вздоръ-ли, не слабоспъ-ли ума эшо занятіе Липпературою въ настоящее время? Справедливо; но эшопъ вздоръ принадлежишь не мозгу моему, а предшествовавшимъ обстоятельствомъ жалкаго моего состоянія. Если-бъ я не принесъ столько жершвъ свободѣ моей страны, шо не былъ-бы принужденъ войти въ такіа обязательства, которыа наконецъ должно выполнить, среди двояко плачевныхъ для меня обстоятельствъ. Не могу устранить издавіа, когда уже не я хозяинъ его: мнѣ надобно увѣичать послѣднею жершвою всѣ свои жертвы. Ни одивъ сочинитель не подвергался такому испытанію; но, слава Богу — вотъ конецъ его! Теперь я сяду на развалинахъ, и буду презирать эшу жизнь, не уважаемую мной съ самой юности.

«Послѣ эшихъ жалобъ, естественныхъ и невольно вырвавшихся у меня, мнѣ пришла въ голову мысль ушъшинельвая. Я началъ свое липпературное поприще сочиненіемъ, гдѣ смотрѣлъ на Христіанство въ отношеніяхъ поз-

шическомъ и нравственномъ; оканчиваю эпо поприще сочиненіемъ, гдѣ разсмаприваю шу-же Религію въ ошношеніяхъ философическомъ и историческомъ. Мое политическое поприще началось и оканчивается владычествомъ Бурбоновъ. Не безъ шайнаго удовольствія вижу въ себѣ шакую опчешливость. Широкія черны моего существованія не гнулись въ спорону: если, подобно всѣмъ людямъ, я не былъ похожъ на самого себя въ подробностяхъ, то — да просяпъ сокрушимости человѣческой! Начала, на коихъ основывается общество, были мнѣ драгоценны и свящны. Мнѣ опдадутъ справедливости сознаніемъ, что искренняя любовь къ свободѣ дышитъ въ моихъ сочиненіяхъ; что я былъ спрасшенъ къ чести и славѣ своего опчества; что, чуждый зависши, я никогда не опказывалъ въ удивленіи дарованіямъ, въ какой-бы ни находились они партіи. Не слишкомъ-ли увлекался я жаромъ полемики? Раскаиваюсь въ томъ, и опдаю справедливости качествамъ, которыхъ, можешъ бышь, не узнавалъ: хочу разспашься съ міромъ какъ другъ.»

Сии краснорѣчивыя спроки, шакъ слабо переданныя нами, сосшавляють Предувѣдомленіе Автора. Поняшно въ человѣкѣ, много лѣтъ прожившемъ на грозномъ поприщѣ міра, негодованіе къ порокамъ и къ ничтожности людей; но

какъ достигнуть ненависти къ своему времени? И гдѣ права Шатобріана презираешь жизнь, сидя на развалинахъ собственнаго попріа жизни? Ясно, что здѣсь говоримъ въ немъ спра- сии, размученныя, неудовлетворенныя, а не спокойное созерцаніе философа, во всемъ про- видящаго благо.

Мы почли необходимымъ сдѣлать сію ого- ворку, дабы не подумалъ кто нибудь, что мы раздѣляемъ всѣ мнѣнія и мысли Автора. Нима- ло! Мы смопримъ на книгу его, какъ на явле- ніе любопытное, какъ на плодъ цѣлой жизни чловѣка, отличнаго дарованіями, но не фило- софа, и, что еще хуже, опспавшаго опъ сво- его вѣка. Да! только запоздалые могутъ про- клянуть свое время и видѣть развалины тамъ, гдѣ явспвенно во всемъ дивное зданіе Прему- драго Спроишеля.

И въ слѣдующихъ за сямъ выпискахъ мы оп- нюдь не во всемъ согласны съ Шатобріаномъ. Одно мѣсто изъ той части *Предисловія* его, которую предприняли мы перевести — мы пропустимъ, какъ увидимъ читатели, именно потому, что даже не находимъ онаго досто- иннмъ отличнаго писателя. Намъ любопытны мы- сли и мнѣнія Автора, но мы не почиаемъ ихъ непогрѣшительными. Кто однакожъ не отдастъ справедливости краснорѣчію Шатобріана, чи-

шая его Предисловіе, которое начинается съ слѣдующей спроки.

«Предисловіе.»

«Иродотъ, въ самомъ началѣ Исторіи своей, объявляетъ причины, заставившія его писать Исторію; Тацитъ указываетъ, что побудило его взяться за перо. Не имѣю дарованій сихъ Историковъ, но могу подражать ихъ причѣру. Какъ Иродотъ могу сказать, что пишу во славу моего отечества, и потому что я видѣлъ бѣдствія людей. Я свободнѣе Тацита: не люблю и не спрашусь тирановъ. Опиннѣ я чуждѣ землѣ: не ожидая ничего отъ своихъ трудовъ, я нахожусь въ самомъ выгодномъ положеніи для независимости писателя, ибо живу уже съ шѣми поколѣніями, копорыхъ шѣмъ вызывалъ я.

Прежнія общества сокрушаются; изъ развалинъ ихъ восстають общества новыя: законы, нравы, обычаи, привычки, мнѣнія, самыя правила, все измѣнилось. Великій переворотъ совершился; еще болѣе великій гомовился: Франція должна вновъ написать свои лѣтописи, чтобы согласить ихъ съ успѣхами умственными. Но гдѣ взять матеріаловъ, при этой необходимости воссозданія по новому плану? Что сдѣлано прежде насъ? Что хвалишь или оуж

дашь въ писателяхъ прежней Исторической школы? Впрочемъ-ли слѣдовашь новой школою, и кто замѣчательнѣйшіе писатели этой школы? Все-ли справедливо въ религіозныхъ, философическихъ и политическихъ теоріяхъ настоящаго времени? Вошь что я предполагаю разсмотрѣть въ семъ Предисловіи. Много лѣтъ работалъ я надъ Исторіею Франціи: въ сихъ *Изученіяхъ* только очеркъ оной, общіе виды, обложки. Моей жизни не достаетъ для этого сочиненія: время останавливаетъ меня на пути, и я указываю путешественникамъ юнымъ на камни, которые собралъ я, на почву и мѣсто, гдѣ хощу я спросить свое зданіе.

ОБЩЕЕ ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЕВРОПЕЙСКИХЪ НАРОДОВЪ.
ИНОСТРАННЫЕ ИСТОРИКИ И СВИДѢТЕЛЬСТВА ДЛЯ ИСТОРИИ
ФРАНЦІИ.

Древніе понимали Исторію иначе нежели мы. Они смотрѣли на нее какъ на простое наученіе, и въ эпомъ-то смыслѣ Аристошель ставилъ ее ниже Поэзіи. Они мало дорожили существенною истиной: было-бы что рассказать, истинное событіе или ложное, но только-бы представляло оно великое зрѣлище, или нрав-

священный и политическій урокъ — имъ было и довольно. Они были избавлены отъ неизмѣримыхъ громадъ книгъ, которыя надобно прочесть, отъ этого труда, равно убійственнаго для воображенія и для памяти. Свидѣтельствъ для справокъ было у нихъ не много. Почти нѣтъ у нихъ указаній, и если приводился подтвержденіе, то почти всегда неопредѣленно. Иродотъ упоминаетъ въ своей первой книгѣ, *Клио*, только о томъ, что онъ слѣдуетъ Персидскимъ и Финикійскимъ Историкамъ; во второй книгѣ, *Эстеръ*, онъ рассказываетъ слѣдуя Египетскимъ священнослужителямъ, которые читали ему свои лѣтописи. Онъ приводитъ стихъ изъ *Иліады*, одно мѣсто изъ *Одиссеи*, одинъ отрывокъ изъ *Эсхила*: довольно подтвержденій для Иродота и его слушателей на играхъ Олимпійскихъ. Въ *Фукидидѣ* нѣтъ ни одного указанія: онъ упоминаетъ только о нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ.

Типъ *Ливій* никогда не опирается на тексты: *Историки, писатели говорятъ* — вотъ его способъ! Въ своей третьей *Декадѣ* онъ упоминаетъ о рассказахъ *Ципція Алиментя*, плебаника *Аннибалова*, да *Целія* и *Валерія*, касательно *Пунической войны*.

Не столь рѣдки, хотя все еще очень не многочисленны, подтвержденія у *Тацитана*: имен-

нихъ насчитывающъ у него шолько принадлежь. Таковъ : въ Первой книгѣ *Летописей* Плиній , Историкъ войнъ съ Германцами ; въ Четвертой , Записки Агриппины , матери Нероновой — юворихъ пошера достойна величайшаго сожалѣнiя ; въ Тринадцатой , Фабій Рустикъ , Плиній Историкъ и Клувій ; въ Четырнадцатой , Клувій ; въ Пянадцатой , Плиній . Въ Третьей книгѣ *Исторiй* , Тацитъ упоминаетъ о Мессалѣ , Плинии , и ссылается на Записки , хранившiяся у него ; въ Четвертой онъ ссылается на Египетскихъ священнослужителей ; въ *Нравахъ Германцевъ* онъ списываетъ , и по ошибочно , стихъ изъ Виргилiя . Часно онъ говоритъ : « Историкъ нѣхъ временъ повѣствуютъ , » *temporum illorum scriptores prodiderint* . Онъ объясняетъ свою систему , говоря , что приводитъ имена писателей тогда шолько , когда они разногласятъ одинъ съ другимъ . И шакъ , два темныя указанiя у Иродота , ни одного у Фукидида , два или шри у Тита Ливiя , и принадлежь у Тацита : вошъ всѣ подтвержденiя сихъ Историковъ . Нѣкоторые биографы , напимъ Свонiй , и особенно Плущаръ , нѣсколько болѣе цинили *Записокъ* ; но многочисленныя указанiя предоставлены компиляторамъ , каковъ : Плиній Нашуралистъ , Аеней , Макробiй и Св. Климентъ Александрiйскiй , въ его *Спромавахъ* .

Древніе Лѣтописатели не вводили въ свои рассказы картины различныхъ отраслей государственнаго управленія ; Науки , Искусства , публичное воспитаніе были выкинуты изъ области Исторіи. Клію шла на-легкѣ, безъ тяжелаго обоза, который она влечитъ за собою нынѣ. Часто Историкъ былъ не болѣе какъ путешественникъ, рассказывающій видѣнное имъ. Теперь, Исторія сдѣлалась Энциклопедіею : надобно все вводить въ нее, отъ Астрономіи до Химіи , отъ финансоваго до мануфактурнаго искусства, отъ знаній живописца, ваятеля , архитектора , до Науки экономическаго ; отъ изученія законовъ церковныхъ , гражданскихъ , уголовныхъ , до законовъ политическихъ. Только что новый Историкъ предался изображенію нравовъ или спраспей , какъ въ самой срединѣ его рассказа является — пошлина съ соли ! Взываетъ и другой налогъ ; является война, мореплаваніе , торговля. А какъ дѣлались тогда оружія ? Откуда брали спроевой лѣсъ ? Что сдѣлалъ фунтъ перцу ? Погибло все , если писатель не замѣтилъ, что годъ начинался съ Пасхи, а онъ помѣтилъ его съ 1-го Января. Какъ можно вѣрить ему на слово, когда онъ ошибся въ спраницѣ ссылки , или невѣрно высказалъ изданіе ? Мы не знаемъ общества, если не знаемъ цѣна Королевскихъ шпановъ и цѣны марки серебра. Нашъ Историкъ обязанъ знать,

не только чинъ происходинъ въ его опечествѣ, но и въ спранахъ сосѣднихъ; а въ энихъ подробностяхъ ему должна бытъ присуща, должна руководитъ его философическая мысль. Вотъ неудобства новой Исторіи! Они таковы, что опъ нихъ, можешъ бытъ, никогда не навьемъ имъ Историковъ, такихъ какъ Фукидидъ, Титъ Ливій и Тацитъ. Но избѣгнушь опъ энихъ неудобствъ не лзя: надобно покориться имъ.

Будущій Историкъ, живописецъ великой картины нашей Исторіи, не ограничима измысканіемъ надъ пѣми источниками, изъ коихъ непосредственно выходятъ Франки и Французъ: онъ будетъ изучать первые вѣка обществъ, окружавшихъ Францію, пошому что юные народы различныхъ странъ, какъ дѣти различныхъ земель, бываютъ одарены общимъ сходствомъ, даннымъ природою, и пошому что сіи народы, происшедшіе опъ небольшого числа родныхъ семействъ, сохраняютъ въ юности своей оппечатокъ родительскихъ чертъ.

Есть четыре рода свидѣтельствъ, въ коихъ заключается вся Исторія народовъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ возраста: Слѣхотворенія, Законы, Лѣтописи главныхъ событій, Записки, изображающія нравы и частную жизнь. Люди сначала поютъ, а послѣ пишутъ.

У насъ нѣтъ болѣе военныхъ пѣсней Германцевъ (Bardits), собранныхъ по велѣнію Карла

Великаго; осталась только одна ода, на побѣду Людовика, сына Людовика-Заики, одержанную въ 884-мъ году надъ Нордманнами; но монахъ Санкшъ-Галленскій и Эрмольдъ Черный писали совершенно во вкусъ Германскихъ пѣсень.»

Здѣсь снова прервемъ мы изложеніе Шаповріана, ибо считаемъ излишнимъ переводить его сказанія о Липпипературѣ Исторія Сѣверной, Германской, Славянской и Южной. Онъ обозрѣваетъ все это слишкомъ поверхностно, и часто впадаетъ въ непрощипельныя ошибки. Какъ доказательство сего, мы приведемъ одно слѣдующее мѣсто о Русской Исторіи: «Въ одномъ изъ продолженій Нестора находимъ «древнѣйшій кодексъ Русскихъ законовъ, называемый *Правда Русская* (La Vérité russe) или *Право Русское* (Le Droit russe). Онъ извлеченъ изъ Скандинавскихъ законовъ. — Дабы «увѣришься, что *Право Русское* происхожденія «Скандинавскаго, сподипь только сравнишь его «съ Шведскимъ законодательствомъ, отъ котораго сохранились дословнѣйшіе отрывки. «Довольно рѣдка нынѣ книга, напечатанная въ «Або, или въ Упсалѣ, «*De Jure Sveonum Gothorumque vetusto,*» содержишь въ себѣ «оригинальный текстъ Права Русскаго; часто «даже не лзя понять текста Русскаго безъ помощи Шведскаго.»

Шашобріанъ говоритъ обо всемъ этомъ какъ о пособіяхъ, коими можешъ пользоваться Историкъ Франціи. Но для насъ гораздо любопытнѣе его мнѣнія о пособіяхъ Французской Исторіи, и Историческій взглядъ на состояніе *Искусства* Исторіи вообще. Здѣсь будемъ мы переводить его Предисловіе безъ всякихъ перерывовъ, начиная съ слѣдующаго:

« Архивы Французскіе. »

« Поговоримъ о томъ, что принадлежитъ намъ самимъ, и укажемъ на собственныя наши богатства. Прежде всего, да воздастся громкая хвала незамѣнимой ничѣмъ и никогда школъ Бенедиктиновъ!.. Теперь я чужой на родимой землѣ своей: не будь я эпо, имѣй я право что нибудь предлагать, я осмѣлился-бы ходатайствовать о возстановленіи Ордена, незабвеннаго заслугами въ Липшературѣ. Я желалъ-бы видѣть ожившую конгрегацію Сенъ-Морскую и Сенъ-Ваньскую, въ Аббатствѣ Сенъ-Дени, подлѣ стѣны церкви Дагобериновой, подлѣ стѣнъ гробницъ, изъ коихъ прахъ былъ развѣваемъ въ шожее время, какъ раскидывали пыль изъ Сокровищницы Харшій. Дѣшамъ безъ закона, шолько и не доспавало опустошенныхъ библіотекъ и гробницъ!

Липшературныя предпріятія, для совершенія коихъ надобны были вѣка, требовали сооб-

щества людей, посвятившихъ себя уединенію, избавленныхъ отъ вещественныхъ заботъ о своемъ существованіи, пишущихъ среди себя юныхъ наслѣдниковъ своего званія и учености. Прикованныя къ алтарю, сіи ученые поколѣнія открывались у пѣхъ-же алтарей отъ страстей свѣта, и съ искренностью заключали всю свою жизнь въ ученіи, подобно пѣмъ пруженикамъ, погребеннымъ на днѣ золотыхъ рудниковъ, которые отсылають на землю богатства, а сами не наслаждаются ими. Слава Мабильонамъ, Монфоконамъ, Маршенямъ, Рювнарамъ, Буке, Дашери, Весешамъ, Лобино, Кальмешамъ, Сейлье, Лаба, Клеменсешамъ, и ихъ почтеннымъ собратамъ, копорыхъ труды и донынѣ еще остаются неиспощимымъ родникомъ, гдѣ всѣ мы, всѣ, черпаемъ, думая презирать сихъ людей! Нынѣ ни одного послушника, опривавшаго въ Поминальной запылившейся дипломъ, указанный ему Дономъ Буке, или Дономъ Мабильонъ, нынѣ ни одного, копорый не былъ-бы въ тысячу разъ ученѣе большей части думающихъ нынѣ, шакъ-же какъ и я, пишашъ Исторію, и мѣряють съ вышины своего невѣжества сіи обширныя головы, обнимавшія все, сихъ, шакъ скажашъ, современниковъ Опцовъ Церкви, сихъ людей готическаго прошедшаго и старинныхъ аббатствъ, которые какъ будто сами писали разбираемыми нами харшіи. Гдѣ ихъ собраніе Историковъ

Франціи? Чпò спалось со множествомъ другихъ исполнскихъ шрудовъ? Кшо довершитъ сіи памшники, вокругъ конхъ видны шолько испоченные червами оспашки подмостокъ, покинушихъ рабошниками?

Но Беведикшины не одни, цѣлымъ ученымъ сословіемъ, занимались нашими древностями: въ другихъ ученыхъ сообществыхъ имѣли они современашелей и соперниковъ. Іезуитамъ мы обязаны собраніемъ Агіографовъ, названнымъ по имени ученаго, начавшаго оное. А ошець Гардуэнь, мой соошечественникъ, чего не зналъ эшошь умъ, впрочемъ нѣсколько спранный? Ошець Лаббъ долженъ бышь замѣченъ, какъ доставившій планъ и росписъ для собранія Визаншійскихъ писашелей, и какъ издашель первыхъ восьми томовъ княги о Соборахъ. Ошець Пешо сдѣлался оракуломъ Хронологіи; Ошець Сирмонъ издалъ *Извѣстіе о достошствахъ у Галловъ* и сочиненія Сидонія Аполлинарія, и проч. и проч.

Отцы Орзшоріи счишають въ своемъ Орденѣ Карла Лекзанта, написавшаго *Annales Ecclesiastici Francorum*, конторы продолжали Жераръ Дюбуа и Жюльень Лоріо, собраши его. Жакъ Лелонгъ ешь издашель *Исторической Библіотеки Франціи*, исправленной и дополненной Февре-де Фоншешшомъ, и проч. и проч.

Сентябрь 1831.

2

Даже Судьи Парламенпскіе, предводимые своимъ Канцлеромъ, составляли общество Литтературное, которое заставляло трудиться и удосаживало само участвовашъ въ шрудахъ. Это покажу я при означеніи рукописныхъ пособій; укажу и предпріятія, основанныя Революціею.

Академія Надписей работала съ своей стороны въ открытіи нашихъ древнихъ памятниковъ: я насчиталъ въ ея Запискахъ не менше 257 статей о всѣхъ спорныхъ пунктахъ нашей Археологіи. Члены сей знаменитой Академіи управляли многими великими шрудами, совершавшимися при пособіи свѣдѣній различныхъ Обществъ и подъ покровительствомъ Властией. Академія Надписей счастливае конгрегации Сентъ-Морской: она еще существуетъ. Она еще видитъ во главѣ своей достойныхъ предводителей, Дасье, Саси, Капрмеровъ де Кенси, урожденныхъ ученыхъ, подобно Биньонамъ, Валуа, Сентъ-Маршамъ, и сочлены ихъ продолжаютъ между нами быть вѣрными исполквателями Древности.

На ряду съ шрими великими сословіями Бенедиктиновъ, Судей и Академиковъ, находящяся частными лица, каковы Дюканжи, Бержье, Лебѣмъ, Бюлле, Декампы, и множество другихъ. Ихъ усердно-писанныя диссертаціи пролили яр-

кій свѣтъ на темные пункты нашего происхожденія. Нѣтъ нужды означать, чѣмъ должно воспользоваться опъ сихъ авторовъ. Какой кладъ учености эпохъ Дюканжъ! Онъ почти ужасаетъ.

Особенно совѣтую нашимъ будущимъ Историкамъ внимательнѣе читать *Соборы*, частныя Лѣтописи областей и *Обычаи* оныхъ, на Латынскомъ и Галльскомъ языкахъ: тамъ, и еще въ Житіяхъ Святыхъ, находится истинная Исторія Франціи за первыя восемь столѣтій нашей Монархіи.

Но громада сихъ печатныхъ матеріаловъ, подавляющая воображеніе, есть только часть вспомогательныхъ свидѣтельствъ. Архивы, Кабинетъ или Сокровищница Харшій, списки и резшры Парламента, рукописи Библіотеки публичной и другихъ, должны обратитъ на себя вниманіе. Мало того, что мы спанемъ искашь событій въ удобныхъ изданіяхъ; надобно видѣть собственными глазами то, что можно назвать фізіономіею временъ: дипломы, къ которымъ прикасалась рука Карла Великаго, или Святаго Людовика, внѣшнюю форму харшій, папирусъ, пергаментъ, чернила, почеркъ, печати, украшенія; наконецъ, надобно сродниться съ вѣками и дышать ихъ пылью. Тогда, подобно путешественнику изъ невѣдомыхъ странъ, можно возвратиться съ дневникомъ, писан-

нимъ на мѣспахъ, и портфѣйлемъ, набытымъ рисунками, снятыми съ природы.

Почитаю обязанностію внести сюда Записку Г-на Шамполліона-Фижака, въ копію которой заключающіяся существенныя извѣстія.

« Съ давняго времени предполагали собрать
 « во-едино всѣ подлинныя докуменсты, относя-
 « щіеся къ Исторіи Франціи. Кольберъ и д'А-
 « гессо положили первое основаніе сему собра-
 « нію. Въ 1759-мъ году было учреждено *Депю*
 « *Законодательства*, методическій сборъ всѣхъ
 « законовъ Королевства. Въ немъ находилось
 « уже болѣе шрехъ сотъ тысячъ нумеровъ, и
 « оно должно еще существовать, или въ Кан-
 « целяріи, или въ Архивахъ Королевскихъ. Какъ
 « естественное зависящее отъ сего собранія
 « было основано собраніе и всѣхъ историчес-
 « кихъ памятниконъ, копорые было можно от-
 « крыть: для сего послѣдовало повелѣніе Людо-
 « вика XV-го, въ 1762-мъ году, во время Ми-
 « нистрства Бертена. Повелѣніями Совѣща-
 « ній 8-го Октябрия 1763-го, и 18-го Января
 « 1764-го, устанавлялся порядокъ самаго про-
 « цесса, а также расходовъ, и вызывалось рвеніе
 « пособіе всѣхъ ученыхъ, для сего чрезвычайнаго
 « общепользнаго предпріятія. Въ 1779-мъ году
 « учреждены совѣщанія, весьма удобныя для
 « рядка въ столькихъ благородныхъ усиліяхъ »

« въ 1781-мъ году, во время Минисперсва
« Морепа, сіи усилія болѣе и болѣе возвышены
« новыми распоряженіями, прибавленными къ
« прежнимъ, и въ 1783-мъ году, по вліянію Г-на
« д'Ормессона, увеличены капиталы, назначен-
« ные для расходовъ Кабинета. Въ 1785-мъ го-
« ду, Г-нъ де Калоннъ предложилъ новыя сред-
« ства для соревнованія, вообще полезныя, а
« въ 1786-мъ году къ сему присоединилось ду-
« ховенство, прибавившее къ капиталамъ, на-
« значеннымъ Королемъ, сумму, изъ расходовъ
« для Исторіи Церковной. Сему благородному
« примѣру послѣдовали и обласныя Чины. При-
« казами Г-на де Калонна, въ 1787-мъ году,
« открыто пособіе всѣхъ Инпенданшовъ, и об-
« разованіе пруда, благоразумно сосредоточен-
« ное въ рукахъ Исторіографа Франціи Моро,
« подъ власнію Минисперсва, оправдало всѣ
« усилія и сдѣлало ихъ успѣшными. Ученые люди
« всѣхъ странъ искали чески учасствовашъ въ
« сихъ прудахъ; Король опличалъ ихъ усер-
« діе и награждалъ важнѣйшія услуги милостями
« всякаго рода. Конгрегаціи Св.-Морская и
« Св.-Ваннская развѣстали своихъ искуснѣй-
« шихъ работниковъ по важнѣйшимъ мѣстамъ
« Франціи, гдѣ только можно было сдѣлать ка-
« кое-либо изысканіе. Документы собирались во
« множествѣ; все, казалось, удостовѣряло въ
« скоромъ изданіи Реймера Французскаго, лучше

« соспавленнаго и болѣе полезнаго чѣмъ Англій-
 « скій. Постановленіемъ Совѣта, опъ 10-го Ок-
 « тября 1788-го года, болѣе и болѣе обеспечи-
 « валось драгоцѣнное для Исторіи Французской
 « послѣдствіе, и печатаніе перваго тома, гдѣ
 « заключались акты перваго поколѣнія, шло бы-
 « спро впередъ, когда настала Революція. По-
 « велѣніемъ опъ 14-го Августа 1790-го, при-
 « казано было перевезши всѣ Историческіе до-
 « куменшы въ Королевскую Библиотеку; вскорѣ
 « начались споры, и наконецъ было уничтоженс
 « оудѣленіе особенныхъ капиталовъ для сегс
 « предмета. Въ печеніе придцаши шести лѣтъ
 « почтенные архивы Французской Монархіи бы-
 « ли забышы.

« Труды Балюзовъ, Дюканжей, Дюпри, Да-
 « шери, Маршеней и Мабильоновъ доказывали
 « что и кромѣ коронной Сокровищницы Хар-
 « тій, существовало множесиво документовъ
 « чрезвычайно любопытныхъ, а иногда и весьма
 « важныхъ для Исторіи и Публичнаго Права Кс
 « ролевства. Съ того времени поняли опноси
 « шельную недоспапачность двухъ огромныхъ
 « предпріятій, начашыхъ по приказанію Короля
 « Собранія Повелѣній и Собранія Историковъ
 « Франціи. Последнее, вслѣдствіе плана, благс
 « разумно обдуманнаго, было чисто Историче
 « ское и не допусало никакихъ общихъ Пра

« вилельсвенныхъ акшовъ , шеднихъ ошъ Ко-
 « ролевской власпи ; а первое обнимало только
 « повелѣнія Королей шрешяго поколѣнія. Та-
 « кимъ образомъ , не смотря на то что Ба-
 « люзъ собралъ капишулярін , за все время ошъ
 « начала Монархіи до восшесшвіа Капетовъ ос-
 « шавались большіе промежутки. Они могли
 « бытъ изглажены , единственномъ множествомъ
 « акшовъ и харпій всякаго рода , оспавав-
 « шихся , или говоря общѣ , забытыхъ въ мно-
 « гочисленныхъ архивахъ городовъ , церквей , мо-
 « насшырей , судейскихъ обществъ и знатныхъ
 « домовъ. Изъ сихъ свидѣтельствъ надобно бы-
 « ло снова создашь досшовѣрныя и полныя Лѣ-
 « тописи Франціи ; ихъ соединеніемъ въ общемъ
 « дѣю надлежало устанавишь неизмѣнный пунктъ
 « для всѣхъ изысканій , производившихся часп-
 « ными людьми , или по приказанію Правитель-
 « ства.

« Планъ сей ни мало не ушрашилъ своею
 « огромностію , ни предначертаніемъ онаго , ни
 « Правительства , кошорому надлежало обеспе-
 « чить исполненіе. Но работа надъ историче-
 « скими харпїями и дипломами Франціи раздѣля-
 « лась на двѣ части , совершенно различныя , хо-
 « щя и тѣсно связанныя между собою : 1-я, Об-
 « щая Роспись напечатанныхъ харпій , кошорой
 « составленіе было возложено на Г-на Брекины.
 « Онъ издалъ при шомъ въ листъ , начинающіе-

«сі письмомъ Папы Пія I-го къ Епископу Ви-
«енскому, принадлежащимъ, какъ полагають,
«къ 142-му или 166-му году, и оканчивающіе-
«ся царствованіемъ Людовика VII-го, въ 1179
«году. Печашаніе пома чешвершаго было пре-
«рвано на 568-й страницѣ, гдѣ шель 1213-й
«годъ. Сохранилось нѣсколько чиспыхъ лисповъ.
«2-я, Собраніе, возможно многочисленнѣйшее,
«оригинальныхъ харшій, изданныхъ или неиз-
«данныхъ, и вѣрныхъ списковъ со всѣхъ хар-
«шій и другихъ акшовъ историческихъ, неиз-
«данныхъ. Сюда-же присовокуплялись: росписи
«множеспва кладовыхъ или архивовъ, многіе
«сборники, и рѣзсмотрѣніе сборниковъ въ Коро-
«левской Библіотекѣ, хранилищахъ и собрані-
«яхъ, соспавленныхъ частпными людьми; порп-
«фѣйли умершихъ ученыхъ, коихъ труды сооп-
«вѣспивовали соснаву Депо, и наконецъ шѣ ру-
«кописныя сочиненія, любопытныя для Исторіи
«Франціи, кошорыя всегда спарались спасашъ
«опъ гибели: шаковъ, наприм., великолѣпный
«манускриптъ, на шонкомъ пергамешѣ, содер-
«жащій въ себѣ судопроизводство Орлеанской
«Дѣвы и извѣспный подь названіемъ *Манускриптъ*
«*та д'Юрфе*.

«Окончателъная цѣль предпріянія была ясна
«съ самаго начала въ пошпшіи шѣхъ, кшо упра-
«влялъ симъ предпріяніемъ; но для доспи-
«женія къ цѣли, кромѣ всей ревности и всякихъ

«познаній, было необходимо пособіе времени —
«и сего-шо пособія недоспало. Обвщали, что
«общее собраніе сихъ дипломовъ можеть бышь
«нѣкогда издано вполнѣ: Король обнадежилъ
«въ шомъ ученыхъ людей въ 1782-мъ году, и
«черезъ нѣсколько лѣтъ первый шомъ Собра-
«нія Харшій и два шомъ Писемъ Папы Инно-
«кенсія III-го (искуенѣйшаго юриспа своего
«времени, и споль-же много дѣйствовавшаго на
«дѣла Франціи, какъ на дѣла другихъ Хриси-
«анскихъ государствъ) были уже въ печати.
«Надъ первымъ шрудился Г-нъ де Брекиньи, а
«надъ другими Г-нъ Дюшейль, собравшій всѣ
«матеріалы въ Римѣ. Само Дѣло сдѣлалось зна-
«чашельно и ошъ шого еще болѣе полезно. Оно
«спало средоточіемъ и великихъ историческихъ
«шрудовъ, кошорые навсегда останутся чеспію
«Французской Липшерашуры, и драгоцѣнныхъ
«образцовъ для всѣхъ народовъ, любящихъ
«свою собшвенную славу. Туда приходили по-
«черпашь, въ одно время и для Собранія По-
«велѣній, и для Собранія Историковъ Франціи,
«и для Искусства повѣршшь годы лѣтосчисленія,
«и для новаго Собранія Соборовъ. Эпоха, на-
«вѣки достопамятная въ нашей Липшерашур-
«ной Исторіи, когда подъ однимъ покровомъ,
«и дѣйствіемъ одной щедрости Короля, Фран-
«цузскія шипографіи печашали вдругъ ченіи
«великія Собранія, коихъ достоиштво рав-

« вилось обширности, и когда въ тоже время
 « печатались: Gallia christiana, Собрание Хар-
 « тій, Историческія Письма Пашъ, Хронологи-
 « ческая роспись напечатанныхъ хартій, Лиш-
 « пературная Исторія Франціи, частная Исто-
 « рія областей, писанная Бенедиктинцами, Фран-
 « цузскій Словошолоковашель Сентъ-Пале и Муше,
 « полный Фруассаръ Г-на Дасье, Извѣстія и
 « Выписки изъ рукописей, и Записки Академіи
 « Словесности, копоры основали и распро-
 « странили въ ученое свѣтъ самыя прочныя
 « правила Классической учености. Это цвѣту-
 « щее состояніе Литпературы было во всемъ
 « блескъ въ 1786-мъ году; въ 1791-мъ оспава-
 « лось одво горестное воспоминаніе о сшоль-
 « кихъ славныхъ предпріятіяхъ. »

« Г-нъ Шамполіонъ говоритъ о перерывѣ
 сихъ шрудовъ, но не сказываешь, чшѡ было не-
 посредственной причиною шого. Я скажу эшо.

19-го Іюня 1792-го года, Кондорсетъ воз-
 шелъ на трибуну въ Народномъ Собраніи и
 произнесъ слѣдующую рѣчь:

« Сегодня свершился годъ опъ шого досто-
 « памятнаго дня, когда Собраніе Конститут-
 « ціонное, испребленіемъ Дворянства довершило
 « зданіе политическаго равенства. Тщась под-
 « ражать сшоль прекрасному примѣру, вы пре-
 « слѣдовали сіе Дворянство даже въ тѣхъ хра-

«нелѣщахъ, кои оныя служатъ для укрѣпленія не-
 «исправимой его суешности. Сегодня Разумъ
 «жжешъ въ столицѣ, при подножіи спашуи
 «Людовика XIV-го, огромныя помы, свидѣ-
 «пельствовавшіе о суешности сей каспы. Но
 «еще остающіяся нѣкошорыя слѣды ея въ публич-
 «ныхъ Библіотекахъ, въ Счетной Камерѣ, въ
 «Капитулахъ Дворянства и въ домахъ генеало-
 «говъ. Надобно и сіи хранилища подвергнути
 «общему испребленію. Вы не сбережете, во
 «зло народу, этой смѣшной надежды, какъ-бы
 «грозящей равенству. Дѣло идетъ о пораженіи
 «самой смѣшной, но и самой неисцѣлимой изъ
 «всѣхъ спрасей. Въ это самое время она еще
 «замышляетъ какой-то проэктъ о двухъ Пала-
 «цахъ, или о различеніи большихъ владѣль-
 «цевъ, различеніи, шакъ благопріятномъ пѣмъ
 «людямъ, кои оныя уже не скрываютъ, сколь ня-
 «жело для личной ихъ ничпожности равенство.

«Вслѣдствіе сего, предлагаю постановити:
 «что всѣ Департаментныя уполномочивающіяся
 «сметъ дворянскія свидѣпельства, находящіяся
 «въ различныхъ мѣстахъ.

Собраніе, ушвердивъ необходимость сего,
 единогласно приняло предложеніе Кондорсета,
 кошорый въ послѣднихъ фразахъ своей рѣчи ска-
 залъ все, что повпоряютъ нынѣ: мы пародирю-
 емъ его.

22-го Февраля 1793 года было приказано :
сжечь на Площади Пикъ триста сорокъ семь то-
мовъ и тридцать девять лщиковъ.

Не смотря на свою заботливость , Кондор-
сепъ не думалъ , что-бы онъ былъ совершенно
обезпеченъ опъ равенства : онъ предохранялъ
себя опъ него добрымъ пріемомъ яду , которій
обыкновенно носилъ съ собою.

Въ 1793 году Министръ Роланъ писалъ къ
хранителямъ Библіотеки , приказывая имъ вы-
дать рукописи ; они опвѣчали , что готовы
повиноваться , но принимаютъ смѣлость уни-
женно замѣшивъ , что надобно также испре-
бихъ *Искусство повѣрять лѣтосчисленіе* и Сло-
варь Морери , какъ зараженные множествомъ
спашей , подобныхъ пѣмъ , опъ коихъ споль
справедливо хотѣли очиспихъ землю. Впослѣд-
швмъ , Комитетъ Общеспвеннаго Спасенія по-
сшановилъ , чтобы со всѣхъ книгъ Библіотеки
были сняты гербы Франціи. Съ однимъ ванда-
ломъ заключили шоргъ объ эшомъ предпріаши ,
которое долженспвовало спохпихъ миллионъ пашъ
сошъ шридцашъ штысячъ франковъ. Французскій
эку былъ разбишъ и замѣненъ клочкомъ кожи.
Если на какомъ лисшѣ книги вспрѣчался гербъ ,
шо эшопъ лисшѣ вырѣзывали. Не лъзя-ли и
ниче возобновихъ эшой прелестной операціи ?

Былъ поданъ доносъ на Кабинетъ медалей, и уже хотѣли свезти на монетный дворъ и распилить медали золотыя и серебряныя. Аббатъ Барпелеми обратился къ Омону, другу Даншонову, и повелѣніе было уничтожено: Даншонъ расплачивалъ шолько людей. Одинъ спрашивавшій актеръ, бывший послѣ и магазиннымъ смотрителемъ, просился на мѣсто Хранишеля рукописей. У него спросили, можешь-ли онъ читать ихъ; онъ ошвѣчалъ: « Конечно; я и самъ писалъ. « Драгоцѣнныя рукописи продавались на всѣхъ лавочникамъ, для заверпки; изъ посланныхъ въ Мецъ дѣлали зарядные патроны. Нашею шарою славой заряжали пушки: съ каждымъ выстрѣломъ разлеталась она и распространяла нашу новую славу.

Аристократическая республика Директоріи дѣйствовала иначе нежели Демократическая Конвенша. Она велѣла исправитъ въ Расинѣ, Босюэпѣ, Массильонѣ, всѣ мѣста, опизывавшіяся религіею и Королевствомъ. Люди съ достоинствомъ занялись этою философскою работою; Расинъ былъ почти ошдѣланъ: я знаю кѣмъ.

Можешь спашься, что въ насъ шеперь нѣтъ великаго бѣшенства мудрецовъ Конвенціонныхъ; нѣтъ и добродушной ненависти гражданина Директоріи; но лучше-ли мы любимъ то, что было? Возьмемъ-ли мы на себя даже шрудъ но-

правлять этого ничтожнаго Расина, который могъ-бы сдѣлать что нибудь, если-бы у него не испортилъ вкуса Буало, и если-бы онъ родился въ наше время. Онъ былъ не безъ дарованія.

Но, если уже насъ ничто не прогаешъ, кромѣ событій, то мы должны согласиться по крайней мѣрѣ, что прошедшее есть событие, кошораго никакъ не лзя истребить, между тѣмъ какъ милое наше будущее не существуетъ. Для каждаго народа есть миллионы миллионовъ возможныхъ будущностей; изъ всѣхъ этихъ будущихъ совершившихся только одно, и можетъ быть самое непредвидимое. Если прошедшее есть ничто, то что-же будущее, какъ не пѣнь на берегу Лешы, пѣнь, можетъ быть никогда не долженствующая явиться въ здѣшнемъ мѣрѣ? Мы думаемъ жить между ничтожествомъ и мечпою!

Ошъ начатаго изданія Капалоговъ Харшій, и уже напечатанныхъ Харшій, Посланій и Документовъ, сохранилось, какъ мы видѣли изъ словъ, Г-на Шамполліона, только нѣсколько экземпляровъ; остальное было расперзано. Томи, напечатанные Г-дами Брекиньи, Лапоршъ-Дюшейлемъ, *Diplomata, Chartæ, epistolæ et alia documenta ad res francicas spectantia*, изданы съ Прѣдъизвѣщеніями, гдѣ изложена Исторія

предпріянія, и гдѣ находится все, что нужно знать о содержащихся въ сихъ помахъ документахъ.

Открывашь матеріяльныя доказательства подложности какого либо акта, довольно легко, если хотя не много поучимся Каллиграфіи: Бенедиктинцы составили для сего хорошія правила. Но есть явности днупренія, на коихъ инакже должны основываться юные лѣтописатели. Напримѣръ, ошъ Хловига до нынѣ дошло только шесть Королевскихъ дипломовъ, да и изъ нихъ *однѣ* только неоспоримо достоверны. Сравните слогъ и образъ подписей сихъ актовъ: внизу акта на основаніе монастыря de Saint-Pierre-le-Vif à Sens, вы читаете: Ego Chlodoveus, in Dei nomine, rex Francorum, manu propria signavi et subscripsi — какъ будто Хловигъ говорилъ, писалъ и подписывался по-Лашини, обезображивая свое имя по Лашинской орфографіи! Послѣ этой ложной подписи, слѣдуютъ подписи, спольже невѣроподобныя, Клопильды, чепырехъ сыновей Короля, дочери, Архіепископа Реймсскаго, и проч.

Подлинный дипломъ есть надиктованное письмо къ Еписку и Максимино: Хловигъ даритъ имъ мѣсто, называемое Миси, и все зависѣвшее ошъ Короля владѣніе между Луарою и Луарешомъ. Это письмо начинается такъ: Chlo-

doveus, Francorum rex, vir illuster, и оканчивается словами: ita fiat ut ego Chlodoveus volui. Внизу подписано шолько: Eusebius episcopus confirmavi. Вошь повелишель! Епископъ какъ шолмачъ переводишь его приказанія. Вошь Франкъ, во всей его Салической простомъ: fiat: ego volui!

Словошолковашель Сеншъ-Пале и Брекиньи, съ продолженіемъ Муше, составляетъ 56 шомовъ въ лиспъ, изъ конхъ напечатаны шолько два. Изъ всего изданія спасены шолько при экземпляра; оспальное въ рукописи. Въ каждомъ шомъ опъ чешырехъ до пяпи сошь сполбцовъ, и опъ чешырехъ сошь до осьми сошь спашей. Это реперторій, составленный по образцу Латинскаго Словошолковашеля Дюканжа, и Словошолковашеля Французскаго Права де Лорьера. Въ немъ часто встрѣчаюшя спашьи, переведенныя изъ перваго, съ прибавленіями. Средніе Вѣка вполнѣ шупъ, въ эшомъ неизмѣримомъ сборникѣ, по азбучному порядку.

Тѣ Французскіе Короли, копорые удерживали насъ въ самомъ грубомъ невѣжествѣ, для того чшобы удобнѣе принѣснншь, и копорые должны-бъ были всѣ родишься вдругъ въ наше время, чшобы научишь не прелѣщашся ими и временемъ ихъ, имѣли однакожъ спрасшь покровишельшшвовашъ Словесности; мысль объ

огромныхъ собраніяхъ дипломовъ пришла къ нимъ съ ранней поры, Богъ знаетъ ошъ чего! Моншаго, секретаря и хранишеля харшій при Карлѣ V-мъ, началъ, или, лучше сказать, продолжалъ общій каталогъ историческихъ документовъ. Онъ сказываешъ намъ, что предшественники его были принуждены оставишь свои изысканія по недостатку въ деньгахъ. Геврхъ II приказалъ открышь Сокровищницу Харшій Жану Дю Тилле. Эпошъ Парламенскій приказный, человекъ съ величайшими свѣдѣніями въ нашихъ древностяхъ, придумалъ почти во всѣхъ частяхъ пошъ обширный планъ, который былъ исполненъ въ царствованіе Людовика XIV, Людовика XV и Людовика XVI-го, при пособіи Правительсва, ободреніи Духовенства, и содѣйствіи великихъ ученыхъ сословіи Франціи. « Съ « чрезвычайнымъ прудомъ и издержками, гово- « рилъ Дю Тилле Королю (*), досталъ я мно- « жество реэспровъ изъ вашего Парламента, « изслѣдовалъ книгохранилища и архивы мно- « гихъ церквей, и рѣшился изобразишь въ видѣ « Исторіи, по порядку царствованій, всѣ сва- « тры прешей царствующей линіи съ сосѣдами, « владѣніа Короны по обласнямъ, повелѣніа и

(*) Стариннымъ Французскимъ слогомъ, котораго не лзя передать. *Прим. Перев.*

« законы , начиная съ Салическаго , понами и « царствованіями , и въ отдѣльномъ сборникѣ « по , что относился къ особамъ и Домамъ « Королевскимъ , и древней формѣ правленія , « и порядку правосудія въ означенномъ Коро- « левствѣ , съ послѣдовавшими въ ономъ перемѣ- « нами. »

При сихъ сборникахъ приложилъ Дю Тилле росписи харшій , для доказательства и поясненій . Одинъ примѣръ покажетъ его почность : « Обѣщаніе Элеоноры , Королевы Англійской , « подарить Королю Филиппу Герцогство Гвие- « ское и Графство Пуату , въ Іюль 1134-го . « Въ Сокровищницѣ , ящикъ anglia C , связка не « помѣченная. »

Сія роспись Дю Тилле — образецъ новѣйшихъ кашалоговъ харшій .

Послѣ Дю Тилле , Пепръ Пышу и Маркаръ Фрегерь сославили планъ собранія Французскихъ Историковъ , кошорый началъ выполнять Андрей Дюшенъ , справедливо названный ошцемъ нашей Историі . Его сынъ Францискъ продолжалъ шрудъ сей , кошорый долженъ былъ сосла- вить четырнадцать томовъ ; изъ нихъ пять напечатано . Кольберъ поручилъ обществу уче- ныхъ продолжашъ сіе предиріашіе . Сія ученне были не кто иной , какъ Леконшъ , Дюканжъ , Віонъ д'Эруваль , Адрианъ де Валуа , Жанъ Гал-

луа и Балюзъ. Дюканжъ предложилъ иное расположеніе, не Дюшеново, со внесениемъ вновь открытыхъ бумагъ.

Архіепископъ Реймскій, Карлъ Маврикій Лешелле, снова взялся за сіе предпріятіе, подъ покровительствомъ своего брата Лувуа, и хотѣлъ поручить управленіе шрудами Дону Мабильону. Канцлеръ д'Агессо, въ 1747, составилъ два общества лишерапоровъ, для занятій собраніемъ Дюшена. Мы имѣемъ планъ Дюканжа, замѣтки Аббата Галлуа, записку Абб. Тюльери, замѣчанія Абб. Грана, и эпитафии: Планъ, Замѣтки, Записка и Замѣчанія много способствовали составленію *Regum gallicarum et francicarum scriptores* Дона Буке. Лансело, Лебёфъ, Секуссъ, Жиберъ, Фонсманъ, Сеншъ-Пале разсуждали о сихъ изслѣдованіяхъ у д'Аржансона, у Канцлера Ламуаньона, или у Г-на Мальзерба, его сына. Всѣ эпитафии имена, съ самаго Андрея Дюшена, можемъ мы противопоставить знаменитѣйшимъ въ Европѣ.

Пожелаемъ, чтобы настало время, и настало скоро, когда великія намѣренія, задуманныя революціоннымъ варварствомъ, будутъ вновь продолжаемы, и когда будущія окончаны кампани, ничтожно, въ безвѣстности лежащихъ рукописей Библіотеки (Королевской, или Народной

ной: не знаю какъ и называшъ ее!). Между ими встрѣтились бы, можетъ бытъ, не только докуменсы древности Франкской, но и сочиненія древности Греческой и Латинской. Писатели, которыхъ у насъ нѣтъ, или которые есть, но не вполне, еще попадались въ десятомъ, одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ вѣкахъ. Можетъ бытъ какой нибудь Тацитъ, Титъ Ливій, Менандръ, Софокль, избѣгли отъ Кондорсевоу Среднихъ Вѣковъ. Пожелаемъ, чшобы улучшился жребій почтенныхъ людей, шрудящихся въ хранилищахъ знанія, и падающихъ подъ бременемъ работы, ежедневно увеличивающейся умноженіемъ числа книгъ и чшашителей. Пожелаемъ, чшобы увеличили число воспитанниковъ Училища Харшій. Когда Ванпреети и Дасье, когда другіе, остающіеся у насъ почтенные ученые, перейдутъ изъ сихъ могилъ времени, называемыхъ библиотеками, въ собственныя ихъ могилы, шо кто-же спашетъ прочтшвать наши лѣтописи? Отечество Мабильоновъ подвергнешся-ли спыду, искашь въ Германіи шолковашелей для своихъ дипломовъ? Неужели какой нибудь Германскій Шамполіонъ придетъ чшашъ на нашихъ памятниклахъ языкъ нашихъ ошцовъ, мертвый для насъ? Пожелаемъ наконецъ, чшобы не прошивились болѣе расшросшраденію зданія Библиотеки, на шой землѣ, гдѣ она шеперь, и чшобы приняли изящный планъ

искуснаго архипиевнора, посредствомъ коего соединится храмъ Науки съ Луврекимъ Дворцомъ. Это послѣднія желанія одного изъ Французовъ.

(До слѣд. книжки).

ПИСЬМО КЪ ДОКТОРУ

Э Р М А Н У (*).

Не говорилъ-ли я вамъ, Докторъ любезности, не только Философіи, что первое письмо мое помутитъ вы, можетъ быть; съ другаго полушарія! Бьюсь объ закладъ: не угадаете, не взглянувъ на подпись, откуда пришло это посланіе, истрежанное какъ Русская сайка и за пред-

(*) Докторъ Эрманъ, Прусскій подданный, молодой человѣкъ, извѣстный своею ученостию въ мірѣ почтовыхъ наукъ, путешествовалъ по Сибири, для наблюденія надъ силою (*intensité*) магнетизма земли, что входило въ общій планъ путешествій знаменитаго Гумбольдта, Норвежскаго Профессора Ганштеена и Лейпенаша Дуэ. Оригиналъ сего письма писанъ по-Французски. Для прочихъ читателей, Сочинишель стель нужнымъ прибавилъ поясненія, безъ чего многія вещи могли-бы показаться загадками.

цашь шаговъ пахнущее адомъ! Признаюсь, самъ не подозрѣвалъ я, чѣмъ изъ Якутска, гдѣ съ вами видѣлся, такъ быспро перелетѣлъ на берега Каспія. Но по-ли бываетъ съ человѣкомъ? Едва поздняя весна на гусиныхъ крыльяхъ пошанулась къ полюсу, я понесся на вспрѣчу лѣта къ Югу... но вы, господа ученые, любите хронологическій порядокъ, и я возвращаюсь на слѣды минувшаго, еще горячіе на моей памяти.

Красавицы Богоспасаемаго города Якутска очень на васъ сердились, чѣмъ вы уѣхали опшуда передъ самымъ Свѣплымъ Воскресеньемъ, въ кошорое могли-бы ихъ облобивать на обѣ щеки, безъ всякаго зазрвнїа совѣсти. Если-бы вы знали, сколько лицъ, раскрашенныхъ самыми яркими шелками, ошались неподаренными, вы сами покраснѣли-бы, какъ Христовское яичко, омъ раскаянїя. И вправду, ашо было жестоко! Пускай-бы не склонились на просьбы прїапелей: а шо бѣжашь предпоченныхъ спарушекъ, кошорыя собрались уже высовывашь передъ вами языки, чѣмъ посовѣшовашь о разныхъ своихъ недугахъ (добрыя души никакъ не могли понять, чо не всякой Докшоръ—лекаръ), и молоденькихъ дамъ, кошорыя надѣялись повертѣшья съ вами въ вальсѣ. Хороши вы, Г-да путешественники! Всѣ ваши связи сопканы изъ паушины. Между пѣмъ какъ новыя друзья

обоего пола, со слезами на глазахъ провожаютъ васъ въ дорогу, вы молодецки впрягаете на коня, посылаете имъ поцѣлуй рукою, закуриваете шрубку, можете быть, розовою бумажкою, и кричите: «Пошелъ!» Поминки о вспрѣчахъ бывающъ только тогда, какъ придется перелисывать на-бѣло напущный журналъ.

Но вы уѣхали: вамъ-же хуже. Въмѣсто того, чшобъ влачиться по дурному зимнику, на быкахъ, на оленяхъ, на собакахъ, Богъ знаетъ на чемъ, весной вы-бы въ десять дней перемчались до Охошска на коняхъ, и все еще послѣли-бы шуда ранѣе прихода Камчатскихъ судовъ. Вслѣдъ за вами уѣхалъ Лейшенаншъ Дуэ въ Оленскъ, для психологическаго изслѣдованія о прихотяхъ магнитной стрѣлки, и я остался одинъ однихонекъ: скучаешь по ушрять, созерцаешь на стеклахъ Якушскую морозную Флору, зѣваешь по вечерамъ, перещипываешь Гёте, да набожно поглядываешь на барометръ, по вашему завѣшу при раза въ день. Получили-ли вы мою метеорологическую табличку, для сравненія высоты мѣсяцъ? Я по крайней мѣрѣ послалъ ее своевременно. Къ чему, думалъ я тогда, не подвелъ человекъ ишоговъ? Ко всему, кромѣ самого себя. Вы ученые умѣете звѣснить каждую планету, каждый невидимый газъ, взмѣришь дыханіе Океана, вычислитель миганіе и мер-

чаніе (nutation et aberration) звѣздъ Всѣ это хорошо и прекрасно ; но умѣете-ль вы опредѣлять съ вѣроюшностію измѣненіе вкусовъ , наклонностей , спрасшей людскихъ ? Рѣзвая , лешучая ршуть , предсавившеть непосредствѣна воздушнаго ; желанъ знашь : какое вещество могло-бы успѣшь за измѣнами воли и приходшей ? Если-бъ возможно было найдши эпогс указашель , передъ нимъ ршуть была-бы неподвижность , неколебимосшь . Впрочемъ , любезный Докпоръ , нѣшь правилъ безъ исключенія , и смѣи увѣришь , что сердечный барометръ мой неуклонимо спомпъ на почкѣ яснаго къ вамъ уваженія .

Между шимъ какъ вы , водрузивъ свой секспанъ на гольцахъ Алданскаго хребша , какъ орель глядѣи въ очи ооляду , или , по словамъ Якушовъ , слѣдѣи по блѣдному сѣверному небу звѣзду , бѣглянку съ Евровейскаго горизонта , я думалъ : «Гдѣ-то нашъ милый Докпоръ? живъ-ли , здоровъ-ли?» Церебиралъ , что должно , что могло , даже что не могло съ вами случашься . Пошягиваясь на руховикѣ , я мечшалъ : онъ , бѣдняга , шеперь лежишь свернувшеть на медвѣжьей шкурѣ , напудренный ишемъ ; садясь за добрыя щи кашорья вы шакъ полюбили , невольна вспоминалъ о вяленой говядинѣ , эпомъ милымъ Якушчанамъ цлодѣ , прозябающемъ у нихъ на кров-

лякъ (*), плодъ, который необходимо долженъ былъ составлять важную вашу масляницу, (**), и наконецъ печально поглядывая на рюмку, которой не съ кѣмъ было чокнуть, я, пожимаясь, воображалъ о винѣ въ видѣ прилика (***). Попомъ я представлялъ вась сидящимъ на прозаческомъ, песчаномъ берегу Охотскаго моря, за повѣрку своей знаменитой теоріи о замерзаніи воды, или въ романшическомъ раздумьѣ, любуясь играющими вдали кипами, единственными позвоночными живописными, которые сохранили свою допотопную простоту. И наконецъ, сдвинувъ байдару (****) своего воображенія на воду, слѣдилъ ваше бурное плаваніе

(*) Мясо расплавленное вывѣшивають на шестахъ по крышкамъ домовъ, чтобы оно вывѣпривалось и вымерзало. Якутскіе жишели такіе снрастные до него охотники, что въ лучшихъ домахъ подають гостямъ кусочки онаго на шарелкѣ, между прочимъ десертномъ, и я не разъ былъ наказанъ за лакомство, принявъ сухое мясо за поспилу.

(**) Carni-vale (п. е. прощай мясо) игра словъ, отъ чего произошло: карнавалъ.

(***) Въ Колымѣ даже водку продають обыкновенно на вѣсъ, замороженною въ ледъ. При поѣздкѣ моей зимою по Ленѣ, самый ромъ густѣлъ, исполненный морозными иголками.

(****) Ладья у которой осповъ сдѣланъ изъ прутьевъ, а обшивка изъ кожи.

по Тихому Океану, котораго пишуль, какъ всѣ пишуль въ свѣтѣ, вовсе не по шерсти дѣйствительнымъ качествамъ; слѣдилъ ваши прогулки по островамъ-полипамъ, по островамъ-коралламъ, по островамъ обитаемымъ невинностию и крысами, и потомъ по материку Нового свѣта, такъ далеко опередившаго нашего старика въ счастьи.

Скажите, удалось-ли вамъ совершить объѣздъ кругомъ Карскаго моря, по прибрежнымъ скаламъ черезъ Гижигу, или въ байдарахъ черезъ заливы, какъ вы предполагали? Если да — это обогатитъ ваше занимательное путешествованіе еще занимательнѣйшими страницами. Путешественникъ-философъ въ каждомъ цвѣткѣ срываетъ воспоминаніе, въ каждомъ огромномъ деревѣ узнаетъ свидѣтеля древности подножія, на которомъ оно произросло, и въ каждомъ валунѣ читаетъ букву этой *Divina Comedia*, которую зовемъ мы *свѣтъ*, этой романтической поэмы, у которой нѣтъ ни начала, ни конца. Путешественникъ просто — бабочка, уносимая вѣтромъ; путешественникъ-физиологъ — шелковый червячекъ, влекущій за собой нить Ариадны: изъ этихъ-то нитей почется великолѣпная ткань премудрости человѣческой.

Но, такъ или этакъ прибыли вы въ Камчатку — тамъ не менѣе наблюдали вы, конечно, по-

жуопытаявшееся человѣчество въ Якусахъ, въ Корякахъ, Чукчахъ, Камчадалахъ, Алеусахъ, эскимъ, болѣе по роду жизни, чѣмъ по собственнымъ ихъ преданіямъ, попомкахъ рыбьихъ (*); конечно созерцали дѣвственные красоты природы, незабрызганныя чернилами; пласты утесовъ, коимъ не касался еще молотокъ геолога, и горящіе вулканы, въ которыхъ не утонулъ еще ни одинъ естественный испытатель — всё предметны достойныя вашего изученія и общаго любопытства. Безъ сомнѣнія допрашивали вы жерло Камчатской сопки о сердечныхъ тайнахъ испанскаго орѣха, на которомъ живемъ, едва зная скорлупу его. Не присуществовали-ли вы, какъ новый Фаустъ, на шабашѣ (Walpurgis-Nacht) вѣдьмъ, оборотней и шамановъ Камчатскихъ, споль знаменитыхъ въ Демонологіи Сибирской? Говорятъ, они слѣпающа надъ вулканомъ, варишь на адскомъ его огнѣ чародѣйственныя зелья и копшишь змѣй въ сѣрномъ дымѣ.... Да по-ли рассказывали мнѣ жители Якуска о чудесахъ

(*) У Камчадаловъ и Алеушовъ есть мѣста, что они происходятъ по прямой линіи отъ кита; со всѣмъ тѣмъ, удачная поимка его у нихъ праздникъ. Они вѣрятъ, что праопецъ ихъ нарочно дается своимъ попомкамъ, и кушаютъ его, прихваливая за доброту. Мудрено-ли впрочемъ, что Алеуты вѣдятъ предковъ, когда набожные Египтяне вѣли своихъ боговъ!

и удалъспвѣ, о приворожахъ и порчахъ Колымскихъ и Камчатскихъ волшебницъ!... Отъ одного воспоминанія у меня спановялся дыбомъ усы. Можно-ли не вѣришь словамъ людей состоятельныхъ и классныхъ — свидѣтелей неопровергаемыхъ ни въ какомъ Судѣ. Сначала (что знаешь грѣхъ) я было дерзнулъ кое въ чемъ усомниться; но когда меня чуть чуть не разжаловали въ безбожники, за то что не вѣрилъ въ чорта, я оцсшупился отъ своего, какъ они говорили, непроученаго бѣсами разума.

Впрочемъ, любезнѣйшій Докторъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ долженъ объявить, что не на одного меня пала эта участь. Когда Якушскіе мудрецы дознались, что вы не вѣжда въ Хиromanшю, и роетесь въ небѣ, не могли предсказать объ урожаѣ брусники, о конскомъ падежѣ, ни даже о преснавленіи свѣсна; когда вы признались, что не умѣете лечишь отъ спаросши и отъ сглазу, а что хуже всего, когда они убѣдились, что вы едва-ли читали Брюсовъ Календарь, который замѣняешь имъ всѣ Кораны, романы и исторіи — почти всѣ головы закачались отъ сомнѣнія, и ученость ваша была опрокинуша. Вопъ ломкость славы!...

Черезъ мѣсяць возвратился Дуэ, и съ нимъ я уже не скучая провелъ оспальное время въ Якушскѣ, въ прогулкахъ, за книгой, за мечтами витѣ-

спѣ. Между нами не было размолвокъ, если не включашь шуда небольшихъ вспышекъ, за то, что, по обыкновенной своей разсѣянности, я иногда заспавлялъ магнитную стрѣлку танцовать съ собой маплошъ — вспышекъ, которыми называлъ я магнитными бурями (*). Кспати о магнитныхъ буряхъ, почтенный Докторъ!.. Дуэ, водворившись на вашей кварширѣ, нечаянно ошкрмълъ вину частыхъ рѣзвостей, замѣченныхъ вами въ компасѣ и приписываемыхъ причинамъ опдаленнымъ, или шамиспеннымъ движеніямъ внушри земли. Эпо былъ желѣзный запоръ спавня, кошорый, качаясь при сильномъ вѣспрѣ, двигалъ стрѣлку, чувспвительную какъ модная дама. Не мое дѣло рѣшать: вѣрно-ли эпо замѣчаніе, но едва-ли не должно будетъ вамъ вычеркнуть изъ списка бурь половину испышанныхъ въ Якушскѣ. Усправивъ все мешаллическое опъ стрѣлки, не шерпящей вліанія желѣза какъ Англишскій Парламентъ, Дуэ бывало съ упра до вечера кошпшъ надъ цео, замѣчая ежечасное

(*). Знаменишый Гумбольдтъ приписываетъ сильное и неправильное колебаніе (*affolemens*) магнитной стрѣлки, замѣчаемое безъ видимыхъ причинъ — наиболѣ Северному сіянію, дѣйствующему на ужасное разспояніе. Эпо-то колебаніе назвалъ онъ *orages magnétiques*. Эпо еще проблема.

(logaire) ея склоненіе и наклоненіе — и почтено, однимъ Сѣвернымъ жителямъ предлежало пояснить магнитную силу. Пускай въпрямь Французы изобрѣли воздухоплаваніе, а увѣсисшме Англичане законъ тяготѣнія: спальное сердце сыновъ Сѣвера невольно влечется къ нему любовью — и вошь явилась наука о спра-спяхъ компаса. Только на бѣду магнетизма, молодому наблюдателю прислали шогда портретъ его невѣсты, на который онъ чущь не заставилъ меня молишься. Бывало онъ самъ, какъ магнитная спирѣлка, колеблется между двумя полюсами, ш. е. магнетическимъ приборомъ и очеркомъ любезной. Въ общихи силами открыли два магнитныхъ меридіана (*); онъ одинъ нашель прешій, и эшопъ прешій проходитъ черезъ Хриспіанію, черезъ кровлю дома, въ ко-

(*) Весьма важное для мореплаванія открытіе сіе состоиптъ въ томъ, что магнитныхъ полюсовъ не два, а четыре, отъ чего и существуютъ двѣ линіи, на коихъ спирѣлка не уклоняется ни въ какую сторону. Направленіе сихъ линій, такъ сказать, только что подозрѣваемо. Первая изъ нихъ (съ качаніемъ отъ Востока къ Западу) проходитъ между Муромомъ и Нижнимъ Новгородомъ; другая на Востокъ за Иркутскомъ, между Паршинскою и Ярбинскою спанціями. Продолженіе ихъ къ Сѣверу еще неизвѣстно въ точности.

поромъ живеть его невѣста. Прекрасная душа! Сколько разъ я былъ согрѣшъ его восторженными мечнами о шуманной, ушесисной родинѣ, о свиданн сь родными, о счастиѣ въ супружесствѣ. Блаженъ, кто такъ горячо вѣруеть надеждѣ! Когда-то и я гонялся за этой бабочкой, не вида камня прешкновениа, брошеннаго подъ ноги рукою судьбы... но не о томъ дѣло. Я не успѣлъ дослушать милаго путешественника въ его рассказахъ объ огнедышащихъ горахъ, находящихся на одномъ изъ опроговъ Саянскихъ горъ, между Оленскомъ и Туруханскомъ (*) — долгъ звалъ меня за придевашъ земель, и ждашь его въ попутъе было нѣкогда. Лена разлилась необыкновенно глубоко. Она зашопила всѣ бичевники, а вѣхашъ верхомъ съ цѣлою Кунштъ-камерою не было ему возможности; пришомъ-же нима шкурки черныхъ зайцевъ, бѣлыхъ лисецъ и бѣлокъ, и прочихъ выродковъ приполюсныхъ, собравшихъ имъ для Кабинета Е. В. Короля Шведскаго, не были еще выдѣланы: пришлось распашься нехопя. Я выпилъ съ нимъ спремляную чару, и поскакалъ къ Иркутску.

Путешествие мое было не очень саншимен-

(*) Если это извѣстие подтвердится, то сопки сѣмъ будутъ единственными горящими вдали отъ моря.

шально, но за шо очень живописно. Вы ничего не видали, не видѣвъ Лени весною: эшо прелестъ. За каждой излучиной новая картина, новое очарованіе. Вообразите разливъ водъ, кошпору въ пору Гомеровское выраженіе: пошокъ-океанъ, высоко упершійся въ ушесы и отражающій лѣсеншма вершины ихъ въ своемъ зеркалѣ. И все дико, и все шихо. Не голосъ челоуэка, одинъ рокопъ грома смущалъ шамъ порой сонъ полупробудившагося шворенія... И какъ величава гроза надъ эшимъ краемъ! Молвія, шо разшибалась о черепъ скалъ, шо жаръ-шпичей купалась въ кипящихъ, мушнихъ валахъ. Кедрш падали какъ прорешникъ подъ шажкииъ полешомъ шучь, и возмущенный боръ плескался и вылъ какъ море. Но за шо какъ мирно, какъ радосшно выходило ушро на крыльцо горъ, сыпя рубини съ крыльевъ своихъ. Облака еще дремали опершмиъ объ ушесы, и съ вольнодышащаго попока лешълъ сребришпый шуманъ, между шимъ какъ по узкой шропинкѣ небольшой караванъ мой вздымался на крушь, оглашая пушшню кликами *баръ*, *баръ* (пошелъ), и ударами бичей. Въ шшшинѣ сливались рѣки, заграждавшіи мнѣ пушь широкосекущимъ пушемъ Лени, и скалы ея береговъ воздвигались какъ башни мечашельнаго замка духовъ, надъ мшиспными зубцами кошпораго вѣяли вѣковма сосны, подобно знаменамъ. Когда за невозможностию пере-

ѣхашь черезъ хребты, я принужденъ бывалъ въ лодкѣ подниматься противъ быстрины, види открывались еще величественнѣе. Это было въ Идахъ Юня, но ледъ, нагроможденный въ колѣнахъ рѣки, лежалъ еще шая, прозрачно-голубыми скалами, подъ багровыми или сѣдыми утесами берега, и плакучія березы, вѣясь по разсѣлинамъ, опѣняли ихъ своими зелеными кудрями. Идѣ опрянувшая скала возникала спорожевою швердынею изъ лона водъ, и я вплывалъ въ эти шоржественныя ворота Лены.

Я скакалъ неушомимо день и ночь, бродясь черезъ топкія болота, переплывая черезъ широкія рѣки то въ берестяной лодкѣ, то на упавшей соснѣ; перебираясь нерѣдко по скользкимъ жердямъ, брошеннымъ на вершины заповаленныхъ деревъ и плава коня въ поводу; порой отыскивая подъ волнами невидную спезю на утесѣ, или объѣзжая скалу, спупившую въ рѣку выше сѣдла въ водѣ; порой лѣпясь по крутизнамъ, высоко висящей надъ бездною (*). Безъ

(*) Корнизы эти называютъ пуземцы залавками. На послѣдней станціи къ Верхоленску, встрѣпивъ обвалъ, я принужденъ былъ взѣхашь на утесъ, и конь мой оборвался задними ногами. . . . нѣсколько секундъ висѣлъ я на ужасной высотѣ. И до сихъ поръ не постигаю, какъ выкарабкался оный опять на залавокъ.

престанная опасность приучила сердце и глазъ къ безпечности, и впослѣдствіи я уже хладнокровно рыскалъ по корнизу, видѣ ошорванному дождевыми попоками, съ шумомъ низвергающимися изъ подъ ногъ, и вездѣ шакъ узкому, что однажды я проѣхалъ 45 верстъ съ порванными подпругами, не находя мѣста гдѣ-бы слѣзть съ коня. Перѣзды черезъ гребни водопадовъ, которые съ оглушающимъ ревомъ, съ крушащимъ зрѣніе блескомъ, мечутся внизъ мимо, орошая даже лицо брызгами и пѣною, и проѣздъ къ верховьямъ полноводныхъ рѣчекъ, съ шопоромъ сквозь плетень чащи, стоили немалыхъ шрудовъ: это было совершенное путешествованіе по пустырямъ Канады. Но не смотря на все это, я въ 23 дня проѣхалъ верхомъ 2600 верстъ и еще 200 на повозкѣ. Въ день Св. Пешра я былъ уже въ Иркутскѣ, и пушъ мой, за исключеніемъ нѣсколькихъ неожиданныхъ купаньевъ, неласковыхъ встрѣчъ съ мохнапыми князьми дебрей, да двухъ или шрехъ кувырковъ съ крупизны, былъ очень приятенъ и успѣшенъ. Быстрый мой перелетъ за хребетъ Уральскій не нѣлъ въ себѣ ничего особеннаго, и я на мигъ въѣхалъ въ Европу, чтобы снова покинуть ее. Ровно черезъ мѣсяць, ошъ холмовъ Саянскихъ я уже былъ подъ пѣнью Эльбруса и Бешпау. Оттуда обновилась боевая жизнь моя.

Со Владикавказа въѣхалъ я въ ущеліе, про-

блшное Терекѡмъ сквозъ желѣзныя вороша, кошорыми, всшаръ, Азія изрыгала на Русь волны дикарей. Тамъ надъ головою пушника вьелся разбойникъ воздуха — орелъ, шамъ рыщеть разбойникъ лѣсовъ—волкъ, и разбойникъ горъ—Черкесь: принавъ за камнемъ, гошовишь имъ и себѣ добычу. По Ермоловскому Семплону взбирался я въ обласпъ громовъ, и скажу прямо, что кто видѣлъ Кавказъ въ грозу и вѣдро, шопъ можешъ умереть не завидуя Швейцаріи. Вдали, какъ исполинскіе волны засшывшаго Океана, вспавали горы надъ горами, увѣчанныя алмазной пѣною снѣговъ; угрюмо, какъ минувшія спольшія, висѣли надо мной громады и надъ ними сверкалъ снѣжный перунъ лавинъ, гошовый низринуться опъ жаркаго луча солнца, опъ крыла вѣтра. Далекѡ подъ шюпами моими бродили облака, подобясь спадамъ злашорунныхъ овновъ. Въ споронѣ, горныя пошоки, надменные дождями, ниспадали млечной спруей и едва вняшно ропшали въ глубинѣ. Роскошное, многогоразличное прозябеніе опоясывало ребра Кавказа зеленою перевязью. Дикій виноградъ, перевишый вязими плюща, рдѣлъ, по разсѣлинамъ... Какой переходъ опъ края, гдѣ нѣтъ ни розъ, ни соловья! Я упивался зрѣніемъ... я любовался Касбекоиъ, на лдяныхъ раменахъ кошораго ошдыхали облака, и ненаглядною цѣпью опаловидныхъ горъ, и голыми ушесами ущелія — и все

д*

было шакъ мирно кругомъ, все, кромѣ кроваваго челоуѣка. Сстрахъ, какъ Ангелъ съ пламеннымъ мечемъ спрегущій границы рая, спорожишь эшопъ край поэзіи и любви. Вдали на каждой вершинѣ обрывистыхъ горъ, какъ яспребияныя гнѣзда, чернѣли разрушенныя замки съ подозрными башнями, въ Русскихъ редушахъ курились ошпили, и ребенокъ паспухъ, неподвижный на краю пронаспи, вооруженъ кинжаломъ. Скоро-ли наспашешъ время, когда елей просвѣщенія смоешь кровь съ крушинъ Кавказа и обрашишь сыновъ его — героевъ-разбойниковъ въ миролюбивыхъ орашаевъ (*)? Ждемъ эшой поры во имя челоуѣче-

(*) Въ 1829-мъ году особенно, горцы, ободренные ошсупспвиемъ войскъ, спали разбойничать на военно-Грузинской дорогѣ. Передъ проѣздомъ моимъ они увели въ плѣнъ одного Докшора; за недѣлю ошбили купеческій шабунъ изъ подъ пушекъ конвоя, и при проѣздѣ Хозревъ-Мирзы, ранили его Нукера. Четырнадцатъ челоуѣкъ провожавшіе насъ, возвращаясь на постъ близъ Ардона, на рѣчкѣ Бѣлой, были ашпакованы према спами наѣзтниковъ. Безспрашно ошспрѣливались они цѣлый часъ, но на бѣду ихъ нашла шуча, и проливной дождъ замочилъ ружья. Черкесы, ожесточенные потерей лучшихъ узденей, ударили въ шашки, и Рускіе были изрублены въ куски. Одного шолько раненаго Казака умчали они въ плѣнъ.

ства; но до сихъ поръ еще желѣзное племя Кавказское, которое убавливается ревомъ водопадовъ и грохотомъ грома, которому лютошь звѣрей и всѣ ужасы природы дають въ жестокости уроки съ младенчества, которое необходимости и забавы покупаетъ опасностями — плохо слушаетъ идилли о прелестяхъ пастушеской жизни: оно алчетъ буйной свободы, разбоя, добычи. До сихъ поръ оно коситъ въ мервобышной дикости, подобно снѣгамъ своихъ горъ, на которыхъ вѣки не оставили слѣдовъ. Какъ осипровитяне древняго міра, они еще борются съ волнами новаго ихъ заливающего.... но это вздыхающій левъ.

Въ отношеніи геогностическомъ, меня всего болѣе изумило ошвѣсное слоесложеніе многихъ громадъ Кавказа, между волнистыми, покатыми и горизонтальными пластами первозданныхъ породъ. Очевидно, что онѣ опрокинуты и переломаны были ужаснымъ взрывомъ... Въ отношеніи

Недалеко отъ дороги показывали мнѣ дуплистый пенъ, поверженный грозой, въ которомъ незадолго предъ шѣмъ До/ской Казакъ, преслѣдуемый 30 всадниками, убившими его товарища и коня, скрылся и спасся, грозя ружьемъ нападающимъ. Пули не пробили дерева, и онъ ошсидѣлся до выручки.

къ экономіи природы, необходимость горъ здѣсь осязаема: это великанскіе насосы, пьющіе влагу изъ атмосферы для того, чтобы съ крупными дашь ходъ пошокамъ; это проводники, возстановляющіе пошерянное равновѣсіе въ сокровенныхъ силахъ. Только, мнѣ кажешся, не одно охлажденіе привлекаешъ къ горамъ облака: шумъ работаешъ и магнешизмъ, и элекпричество. Гляди на вѣчные снѣга Кавказа, я приноминалъ слова одного извѣснаго нашего путешественника (*), кошорый про снѣга Альпійскіе сказалъ: «Если-бъ возможно было счешшь ихъ слои, шо можно-бы опредѣлишь древность міра!» Какое пынное пустословіе! Снѣга не слои дерева. Изъ чего-же берутъ воду рѣки, если не изъ плающихъ нижнихъ слоевъ льда? Изъ чего образуются лавины, если не изъ наросшающихъ вновь? Это колесо, какъ и все въ мірѣ. Извѣстно, что всѣ снѣговныя горы, періодически сбрасывающъ съ себя излишнюю тяготу. Напрошивъ, снѣга естъ шлемъ, надѣпный на великановъ шворенія для того, чтобы сохранишь ихъ отъ разрушенья. Со всѣмъ шѣмъ, любезный Докшоръ, я думаю, что землѣ нашей суждено кончидься не отъ огня или пошопы, не отъ ко-

(*) Это былъ Н. М. Карамзинъ.

мешы или холода — а просто *отъ плоскости* (*périr de la platitude*). Развѣ не подѣ глазами у насъ холмы шаюшъ и горы понижаятся ошъ дождей и вѣтровъ; самыя льды не вовсе защищяюшъ ихъ ошъ воровспива пошоковъ; а когда исчезнушъ возвышенности, механизмъ рѣкъ спанешъ, воды сгнѣюшъ и люди погибнушъ ошъ болошной лихорадки (*febris paludosa*). Какъ вамъ нравится моя теорія, Докпоръ? Я шакъ глядя кругомъ, особенно на Липшературу, болѣе и болѣе увѣряюсь въ ней.

Что сказашъ вамъ о племенахъ Кавказа? О нихъ шакъ много вздоровъ говорили путешественники, и шакъ мало знаюшъ ихъ сосѣди — Рускіе, что мнѣ не хочешся умножашъ шайку хвасшуновъ. Наружность ихъ величава; особенно Черкесы оплнчаюшся гордою осанкою. Сшущишъ-ли, спанешъ-ли онъ — эшо модель Аякса или Ахиллеса. Пронзающій взоръ, сшройный спанъ, шаптральная походка: все обнаруживаешъ силу и свободу. Женщины не даромъ славились на Воспокъ, и если гражданинъ содрогаешся слыша, что еще незадолго предъ симъ ошцы продавали дочерей и брашья сесперь въ Турцію, шо философъ ушѣнаешся мыслию, что эшо улучшило кровь Арабскихъ и Турецкихъ поколѣній. На всемъ Кавказѣ женщины не закрываюшъ лица. Учасшъ ихъ самая жалкая:

онѣ исправляютъ всѣ домашнія и полевая работы; мужа въздвигаютъ на грабежъ, или, курия шрубку, цѣлый день спугиваютъ кинжаломъ палочку: самая созерцательная жизнь! Впрочемъ, они человѣколюбивѣе Персіанъ и Турковъ; не рѣжутъ головъ плѣннымъ, и если они согласятся бытъ Музульманами, то снимаютъ цѣпь, женятъ и даютъ хозяйство. Мечъ за кровь и господство дома (добродѣтель, кошорую не часто приводятъ въ искушеніе госши), опчаянная храбрость и цѣлый выстрѣлъ на грабежъ: вошь итогъ горскихъ доспоминствъ. Прибавше къ этому бѣдность съ неоправданностью — и мы знакомы съ горцами, ожидающими своего Валшерь Скошша.

Искупавшись въ теплыхъ ключахъ Тифлиса, я скоро оставилъ за собою цвѣщую природу Грузія, и за рѣчкою Арапа-чай спустился на завоеванную землю Турціи. Печальные виды: поля безъ зелени, горы безъ лѣса. Одинъ только хребетъ Саганъ-Лухъ своими сосновыми борами напомнилъ мнѣ Русскую природу; все прочее опалено солнцемъ, наго, бѣдно. Полуопустошенныя деревни, похожія на кучу развалинъ, ибо крыши въ землю и сверху завалены землею: это вертепы, а не жилища. Жилища въ рублищахъ, умыленныхъ или настоящихъ, ибо въ Азіи одна нищета спасаетъ отъ жадности

власшей. Города, какъ напримѣръ Карсъ и Гасанъ-Кале (говорящъ, нѣкогда Феодосіополь), копорыхъ не спасли тройныя стѣны отъ Русскихъ шшыковъ — пусты, и живописны шолько пошому, что расположены амѣшеапрокъ по горѣ. За шо поля желѣли богатшою жашвою, и если въ чемъ Азіяшцы опередили насъ, шакъ эшо въ поливаніи полей: не рѣдко на одномъ и шомъ же скашѣ горы вы видише 4 струи, бѣгущія по водопроводамъ на встрѣчу другъ другу, и за нѣскольکو вершъ. Ни одна нишъ, ни одна капля воды не упадаешъ даромъ: все разсчашано, все поймано.

И вошъ я въ сполитъ Анашоліи, въ шумномъ Арзерумѣ. Я люблю Османовъ за шо, что они не любяшъ насъ и не скривающъ эшого. Персіяннѣ разсмыаешся въ привѣшахъ, въ лести, въ увѣреніяхъ, и гошовъ продашъ васъ за грошъ. Кавказскій Ташаринѣ ондаешъ вамъ въ расшораженіе домъ и дѣшей — но не просише у него спакана молока: вамъ скажущъ: *Сей засъ*, и не принесущъ *никогда*. Я не говорю ни слова о Кавказскихъ и Закавказскихъ Хрисшіанахъ. . . Но Турокъ не подвинешся для васъ съ мѣша: шребуешъ, а не просишъ должнаго. Не удерживаешъ брани, когда его принуждающъ; грозинъ мещью, бессильный, и мещинъ жесшюко при случаѣ. Впрочемъ,

они честнѣй всѣхъ другихъ Азіяшцевъ, не любящъ шорговаться, и воровство между ними рѣдкость. Здѣсь однакожь кончилось похвала. Магомешанство, эта душевная проказа человѣческаго, убиваетъ въ немъ всѣ стремленія къ лучшему. Посидѣвъ шому въ глаза, кто вамъ шанешъ рассказывать сказки о госпепринимствѣ Музульмаина. Ни одинъ изъ нихъ не пустишь къ себѣ на дворъ лучшаго пріятеля; а шакъ какъ ни въ одномъ Турецкомъ городѣ нѣтъ пракшировъ, слѣдовательно свиданія ограничивающагося трубкою, и много, много, что чашечкой кофе въ Караванъ-Сараѣ. Для Турка сидѣшь, значить думашъ, а курить, дѣйствовать. Но взгляните когда онъ на конѣ — это другой человекъ: ловокъ, быспиръ, неушомимъ. Я ничего не знаю прелестнѣе Турецкаго наряда, ничего воинственнѣе Турецкаго всадника. Онъ вмѣстѣ вихоръ и молнія. Женщины не столь красивы какъ мужчины, и не шакъ невольны, какъ думашъ въ Европѣ. Разсказъ объ ихъ пылкости басня. Мадамъ Спаль замѣтила, что въ Русскомъ языкѣ ешь что-то *металлическое*; Азіяшки могли-бы сказать шже самое, ибо лишь на этомъ языкѣ Рускіе объяснялись съ ними, и лишь этомъ языкѣ шрогаль ихъ сердце.

Въ половинѣ Сеншября мы двинулись къ г. Байбуршу вшорично. Тамъ новый Сераскиръ со-

биралъ свои полчища (*). Съ нами былъ Графъ Паскевичъ-Эриванскій, т. е. побѣда. Турки были разбиты, развѣяны. Мнѣ удалось промѣнать нѣсколько пуль съ Дели-Башамя (**), Турецкими и съ пѣхотными Лазами, народомъ, не измѣнившимся со временъ Александра Македонскаго; они по прежнему умѣюшъ сражаться и умирашъ какъ Спаршанцы. Докшоръ Галль не даромъ замѣшилъ на черепѣ человѣческомъ органъ разрушенія: со всей походною моею философіею не могъ я запретить себѣ какой-то звѣриной радости, когда непріятель былъ опрокинутъ, и гранаты, свисши надъ нашими головами, съ прескомъ лопались въ шолпахъ бѣглецовъ, уходящихъ въ гору. Послѣ сраженія за городомъ, въ заключеніе спектакля, мясешный городъ, взятый приспупомъ, былъ зажженъ, и съ эшимъ соединились всѣ дивершисементы безъименные, но неразлучные съ войною... это было великолѣпно!!

(*) Говоряшъ, онъ, желая ознаменовашъ свои бунтушки побѣдою, умышенно не пропустилъ Гвардіи Кашипака Могучаго, ѣхавшаго курьеромъ къ Главншкшманующему съ извѣстіемъ о мирѣ, черезъ Трапезоншъ. Туркамъ дорого стоила эша неумѣшная попышка.

(**) *Дели-Башъ*, безумная голова, опшчаянный. Такъ называющшся всадники, удалцы Турецкіе. На головѣ они носяшъ высокій калпакъ.

Въ ночь особенно, пожаръ, отражаясь въ волнахъ Чароха, обшекающаго Байбурпъ, игралъ на багровыхъ скалахъ окреспныхъ. Зарево обливало воздушною кровью густыя облака дыма, висяція надъ городомъ, въ которомъ слышался только прескъ и гулъ падающихъ домовъ; въ лагерьъ все праздновало и шумѣло. Черезъ два дни само всеразрушающее время могло-бы написать на развалинахъ Байбурна: *fuit* (былъ), ни почкой болѣе.

На возвращеніи пуши мнѣ спало досужіе разсматривать скалы, ущелія, и шпыкомъ ошибивать куски минераловъ. Я хошъ не болѣе какъ путешествующій Скиеъ въ Аемнахъ наукъ, гдѣ вы въ числѣ Архоншовъ, однакожь если я для нихъ чужой, шо онѣ для меня не совсѣмъ чужія. Чупъ было я не заплашилъ за свое мешаллургическое любопытство, головой въ Мисъ-Майданъ, мѣдномъ заводѣ, не вдали Байбурна, оставленномъ Греками-рудокопами. Вечерѣло, и опрядъ былъ далеко впереди, когда мы съ однимъ офицеромъ хошѣли спушишься въ шахшу... крикъ Казака, державшаго коней, вызвалъ насъ на поверхность... Турки со всѣхъ сторонъ спускались съ стреминицъ. Признашься сказанъ, мнѣ вовсе не хошѣлось пожертвоватъ своихъ косшей на будущую би-

рюзу (*) для украшенія Турецкихъ чубуковъ, и я вспрыгнулъ въ сѣдло очень проворно. Нѣсколько пуль просвистѣли вслѣдъ намъ добрый путь, когда мы по живопренищему источку огибали рышвину, надъ кошорой онъ висѣлъ. Но шѣмъ и кончилось. Горы Лазиспана изобилующъ мепаллами, мѣдью и оловомъ въ особенноти: это видно по голубымъ и зеленымъ скаламъ. Далѣе къ Трапезонну есть богатия серебряныя жила. Вся спорона мною видѣнныхъ горъ, хребешъ Куфланку, Арарашъ, Алагѣзъ и лежащія между ними долины принадлежатъ волканическому происхожденію. Повсюду ноздрешашые, ошеклѣвшіе камни, пиришы, пракишы, обожженныя скалы, гребни и сполбы базальшическаго образованія. На нихъ видише въ всѣ степенн разрушенія: вивѣшриваніе, размывка, розсыпь... не покрытыя еще зеленой волной прозябенія. Сюда должно ѣздишь учишьса анашони земной, потому что косякъ земли здѣсь наружъ. Вы видише здѣсь обѣ системе Непшунисшовъ и Вулканисшовъ: вы убѣждаешесь, что онѣ обѣ дѣйствовали, шо по-очередн, шо вдругъ, и наконецъ устшупили свое мѣсто великому разрушнтелю — воздуху, и его

(*) Минералогн почишаютъ бирюзу животиною костью, проникнушою мѣднымъ окисломъ.

газамъ. Мнѣ пришло въ голову сравнить воду и огонь съ Классицизмомъ и Романшизмомъ, за коихъ шесть во всѣхъ концахъ ломають копы и шупають перья. Тихо, мѣрно творилъ Океанъ въ своемъ шогда жаркомъ лонѣ. Произведенія его крѣпки, кристаллизованы, съ правильными формами, съ неизмѣнными углами: иной подумаешь, что все эшо дѣлалось съ шранспортиромъ и линейкою. Но вотъ ворвался новый посылъ природы — и все обошлось вверхъ дномъ. Своими порывами вздулъ, взволновалъ еще мягкую кору земли, гдѣ не могъ прорвать ее... разорвалъ гдѣ могъ, и спрѣля изъ нѣдръ земныхъ гранишными пошоками, опрокинулъ осадочныя горы въ бездны, сплавилъ въ стекло цѣлыя хребты, сжегъ въ лаву и пепель другіе, и выдвинулъ сердца морей подъ облака. Онъ смѣшалъ въ себѣ обломки всего прежняго, какъ завоеватель, увлекающій побѣжденных племена, и наконецъ заспылъ въ огромныхъ формахъ. Посмотрите: эшо волны Океана — эшо облака неба — эшо мечша Ангела! Причудливыя башни его не походяшь ни на Греческую, ни на Мавришанскую архитектуру: эшо зодчество Божества. Шолбы эши не Коринскаго и не Песпумскаго ордена: они ордена природы. Въ волканическихъ произведеніяхъ вкроплены (incrustés) мѣлкіе, блестящіе кристаллы, яркіе слои порфира — эшо Классицизмъ; но шолца,

копорою они проникнуты, облиты, превращены — Романтизмъ: останки щепильные минувшаго періода, воплощенные въ неизмѣримый, мрачный, но величественный періодъ настоящаго — и надъ ними гоповится новое развитіе жизни. Умъ ограниченный, узкая душа, хватаются за бесплодный алмазъ; полипникъ съ усмѣшкою беретъ себѣ глыбу земли: онъ произраститъ на ней миллионы алмазовъ, которые цѣлые вѣки будутъ насыщать и украшать многихъ. Что было, то должно было быть, и что дѣлаешь, дѣлается вѣрно необходимо. Близорукіе жалуясь на частныя перевороты, на землетрясенія: у Петра провалился домъ, у Ивана жена — пускай себѣ проваливаются! Охъ эшого шмычамъ гдѣнибудь и когданибудь будетъ лучше. Ржавчина разрушенія и пепель volcanовъ нуженъ для сѣмянъ новаго бытія, безъ чего они не принялись-бы на граненомъ камнѣ.

Я надѣюсь, вы не прострете моего сра́вненія за границы шупки... люблю ихъ, но всегда помню, что *comparaison n'est pas raison*.

Гдѣ возьмешь довольно черныхъ чернилъ, чтобы залить радужныя краски, коими поэты и путешественники разцвѣтили Персію? Голая горы, пыльные сени, въ копорыхъ обиташаютъ только шакалы и вѣшры... вопъ Персія. Только

близъ селеній , какъ острова возникають купы раинъ (pin d'Italie); только гнѣющія болота , напущенныя для хлопчатой бумаги и сорочинскаго пшена , дають мертвый цвѣтъ свой землѣ , а воздуху свое зловоніе. Порой встрѣчашь кочующія орды Эздовъ или Курдовъ : первыхъ со вьючными быками , другихъ на маленькихъ лошадакахъ , съ зыбкою пикою ; но все : природа и люди — неприязненно , мрачно. Я бродилъ по развалинамъ Царства Армянскаго ; видѣлъ горы , въ котормя упиралась радуга Завѣта Божія съ народомъ своимъ... высокій урокъ , котораго не постигаютъ силы земныя... и кровавою спезею минувшей войны съ Персами , которме только именемъ похожи на своихъ прадедовъ , черезъ хребетъ Безобдадъ , возвратился въ Грузію. Въ немногіе дни искупавшись въ волнахъ Лены , я пилъ струя благодатной Волги , перебрелъ на конѣ Классическій Араксъ , и поилъ его Евфратомъ... Это было *édition comracte* происшествій , замѣчаній , лицъ... вѣка протекли сквозь разумъ мой — но надобно бы годы , чтобы ихъ описывать.

Въ исходѣ года , по Куринской долинѣ я поѣхалъ къ востоку , засыпая напущный журналъ златоносными песками ея розсыпей , и черезъ Ганджу , черезъ Шамаху , известную древле шелками , а нынѣ Баддерками , прибылъ въ Дагестанъ , проѣхавъ въ полгода около 12 тысячъ

верстѣ и видѣвъ въ это время чернаго соболя на шундрахъ Сибири, волка на поляхъ Приволжскихъ, оленя на вышинахъ Кавказа, шура, скачущаго по сшремнинамъ Лазисшана, и кабановъ въ дебряхъ Дагесшанскихъ — и все въ пущынахъ! Боже мой! какъ богата земля пущынами! И звѣрьми шоже? И звѣрьми!

Теперь я живу, ш. е. дышу въ Дербеншъ, городъ съ историческимъ именемъ и съ грязными улицами. Здѣсь Кавказъ, разсыпавшисъ холмамъ, исчезаетъ въ волнахъ Каспія — вѣчнаго воркуна, и пошому нѣшъ вдохновительныхъ видовъ. Ни одинъ минарешъ, ни одна высокая мечешъ, или какое величавое зданіе, не краситъ города: онъ погребенъ между двухъ драхлыхъ спѣвъ, и лишъ крѣпость нагорная разнообразишъ немного видъ его. Кровли плоски, дома набросаны другъ на друга, обмазаны землей и вовсе безъ оконъ. Улицы шакъ узки, чшо въ иной буйволъ чершишъ рогами узоры по обѣимъ спѣвамъ, и шакъ шопки, чшо ловля чобоповъ здѣсь ошраслъ промышленноспи. Онъ, кажешся, сдѣланъ вовсе не для сообщенія жителей, а шолько для раздѣленія ревнивыхъ сосѣдовъ. Городъ довольно многолюденъ, но если чшо здѣсь заслуживаетъ вниманіе, шакъ это неисчислимое народонаселеніе кладбищъ, на нѣ-

Сентябрь 1831.

5

сколько верснѣ окружающихъ Дербентъ : каждый холмъ эпитъ предмѣспій , какъ ёжъ (hé-gissé) опъ надгробныхъ камней. Мужчины довольно красивы , но вялы опъ лѣни ; особенно лѣшомъ , въ жары , они движущся какъ выходцы съ шого свѣта , и нѣпъ мудренаго , что лишь электро-магнетическая сила огромнаго Вольтова сполба (ш. е. земнаго шара) подымаешъ эпитъ , минушанаго вѣка людей , когда маленький сполбецъ заспавляетъ мерпвухъ лягушекъ прыгать казачка . За то женщины , Докпоръ , чудо прелести : что за живость цвѣта , что за глаза ! Полудюжини такихъ глазокъ довольнобы было , чтобы взорвать на воздухъ цѣлый Философическій факультетъ Геттингенскаго Университета . Жаль только , что невѣжество и дикость ихъ разрушающъ очарованный кругъ воображенія . Совѣмъ-бы эти красавицы переродились , если-бъ привели сюда проповѣдниковъ въ усахъ и шпорахъ : ни что такъ успешно не распространяешъ образования , какъ добрый полкъ гусаръ . Ручаюсь за это .

Берегъ Каспία , этого соленанаго озера , не подверженнаго лунашизму (*) , берегъ , на кошо-

(*) Т. е. въ немъ нѣпъ ни приливовъ , ни опливовъ .

ромъ живу я, принадлежишь къ земной впадинѣ (dépression), замѣченной новыми физиками, такъ что если какому нибудь морю вздумается прогуляться сюда, мы превратимся въ раковъ, не только *по праву*, но и по дѣлу (de droit et de fait). Май здѣсь пльнипелень, но только Май. Тогда все зеленѣетъ, все цвѣтетъ, все благоухаетъ. Яхонтовое небо проливаетъ евою синеву и на волны моря, сладкозвучно плещущаго въ берега. Соловьи поютъ подъ серебристыми вѣтвями миндальныхъ деревьевъ; скалы осипаны розами! Что-бы это былъ за край, если-бъ здѣсь не было чумы, холеры и Магомешанства! Земля, вспаханная лучами солнца, произращаетъ все, что задумаешь, изъ одного поклона; здѣшній жишель не хочетъ сдѣлать и этого. Марѣну сажаютъ и собираютъ для нихъ Лезгинны; сами-же они по цѣлымъ днямъ сидятъ на улицѣ поджавъ ноги, или зимой вокругъ жаровни, покрытой одѣяломъ (кюрес). Здѣсь винограду не окинешь глазомъ, и нѣтъ капли сноснаго вина. Померанецъ горитъ въ глуши лѣса, а нѣтъ близъ города огородовъ; земледѣліе, торговля, гражданственность, все въ одной степени. А Рускіе... о, Рускіе другое дѣло. Скажите, который у насъ вѣкъ по Р. Х., любезный Докторъ? Почта не привезла еще новыхъ Календарей.

Но климатъ здѣшній губительнѣе для смновъ Сѣвера. Мое желѣзное Русское здоровье, какъ вы называли его, распаяло въ жарахъ Грузіи. Я вывезъ лихорадку изъ Тифлиса въ здоровый поясъ Анатолиі, и съ пѣхъ поръ, хоша на время подавленная хининомъ, она преслѣдовала меня и сюда, въ шеченіе 9 мѣсяцевъ, какъ безопвязная любовница. Я былъ шакъ худъ, что вы-бы могли сквозь меня наблюдать колебаніе звѣздъ. Госпожа Холера, однакожь, хошь и пробовала по жиламъ моимъ, какъ по струнамъ, аккорды, но не сыграла своего адскаго погребальнаго марша. Видъ города въ эшо время былъ ужасенъ: люди падали мертвые по улицамъ и живые бродили какъ мертвецы; шонъ и плачь раздавался во всѣхъ домахъ; самое солнце, какъ погребальный свѣшочъ, видѣлось сквозь саванъ дыма и испареній. Болѣзнь сія унесла 1500 жершвъ изъ 40,000 жителей — пропорція ужасная! Берегитесь и вы ея визитовъ; она, кажешся, какъ Мадамъ Капалани, хочешъ совершитъ Классическій объездъ по Европѣ.

Если-бъ изъ учтивости вы спросили меня: «Что я дѣлаю?» По совѣсти я отвѣчалъ-бы: Ничего. Да какъ и дѣлашь? Ни книгъ, ни досуга. По чопкамъ памяти перебираю что зналъ, что любилъ; на крыльяхъ воображенія порыва-

юсъ порой въ шо, что хотѣлъ-бы узнатьъ; да во время душныхъ лѣтнихъ ночей, шерзаясь безсонницею ошъ мошекъ, люблюсь бѣгомъ скорпионовъ по сѣнѣхъ моей, или, какъ Англійскій Лордъ, спускаю въ пазъ на единоборство фаланку и скорпиона — упѣшно видѣшь, когда ядовитыя живошныя шерзають другъ друга! Однажды на кровати своей я поймалъ шакую огромную фаланку (*), что она привела-бы въ восхищеніе любого естествоиспытателя: премилое шеспиноего! Я нахожу только, что оно гораздо красивѣе съ двухъ-вершковой булавкою по срединѣ.

Но я пишу, пишу, не замѣчая, что вѣсно письма вышла цѣлая пешрадь, и вы пожалуйста не о шомъ, что вамъ нѣтъ времени прочесть ее, но что мнѣ былъ досугъ ее написать. Какъ бышь! Мыслящему существу оправдно бесѣдовать съ человекомъ понимающимъ его; это-жь для меня шакой рѣдкій праздникъ! Я увѣренъ, вы просните и болшлivosть мою и легкость предмешовъ: я, щибеча, касаюсь ихъ какъ ласпочка; какъ ласпочка увиваюсь около васъ, какъ около шпица учености, пошому что уважаю ученыхъ и люблю науки. Благодаря Про-

(*) Угрызеніе оной поэши всегда смертоносно.

видѣнію, мы живемъ не въ шѣ времена ; когда изученіе пайнъ природы — хоронилось какъ кладъ , когда крылось оно во мракъ пирамидъ Египетскихъ , въ пещерахъ Друидовъ , въ мрачныхъ залахъ Тамиліеровъ. Теперь не упошребляешся оно для обмана рода человѣческаго , шеперь оно не пугалище суевѣрныхъ , не игрушка любопытства , не шаманство и не фантларство : нѣтъ , оно средство къ улучшенію вещественной жизни человѣковъ ; оно охраня ихъ безопасности , источникъ новыхъ силъ промышленности , новыхъ наслаженій ума и тѣла ; оно усовершеняетъ не только людей , но живошныхъ , но самую природу. Съ благоговѣніемъ произношу я имя громошводца Франклина , градошводца Ляпостола , изобрѣшателя коровой оспы Дженнера , усовершеняшеля паровой машины Перкинса , спасштеля рудокоповъ Деви ; Ганшсена и Гумбольдша , Коломбовъ магнетизма ; свѣщильниковъ Химіи Тенара и Лавуазье ; имена Физиковъ : Румфорда . Гаюи , Біопта , Вѣдана , знаменитаго Араго , Мисприсъ Смервилль , Эршпеда , Ампера , Моришани , Осшроградскаго и тысячи другихъ ученыхъ , давно умершихъ и вѣчно живущихъ благодѣянiami своими человѣчеству. Въ то время , какъ новые философы раскрываюшъ книгу судьбы , какъ Нибуръ и Баранпъ обнажаюшъ Испорію , какъ великій Кювье засшавляешъ говорилъ кости живом-

ныхъ, не одаренныхъ словомъ, и въ жизни — оправдно видѣшь, что врачи жертвуютъ жизнию пользы, изучая въ Барселонѣ желшную лихорадку, на Дельпѣ происхождение чумы, что Парри плыветъ по льдинѣ къ полюсу, и Ленгъ проникаетъ въ пески подъ-экваторные, для распространенія границъ наукъ! Оправдно сердцу, что и оптична моя стала предметомъ изслѣдованій! Я считая себя счастливымъ, встрѣтивъ ученаго минералога Гессе въ Иркутскѣ, встрѣтивъ васъ и Дуэ въ Якутскѣ. Ганстеена едва не заспалъ я въ Красноярскѣ. Съ Гумбольдтомъ, котораго въ Сибири называли спранспвующимъ Принцемъ, вмѣсто того чтобъ называиъ Княземъ путешественниковъ, разъѣхался ночью близъ Ишима. Видѣлъ Клапрошовъ спанъ въ телескопъ, на срединѣ Арарапа, и наконецъ ловилъ букашекъ на берегу Каспійскаго моря, съ равно любезнымъ и ученымъ Менетриѣ, и любовался цвѣточною добычею извѣстнаго Бошаника Мейера. Всѣ они, по естъ всѣ вы собрали въ одно и поже лѣпо, на землѣ покрыпой одною и пою-же Порфирую, вѣрно, богашую жашву, плодопворную для наукъ и благошворную для человечества.

Но гдѣ вы, почтеннѣйшій Докторъ, вы сами? Какія звѣзды улыбаются вамъ? Какой океанъ разсыпаетъ фосфорную пѣну о грудь корабля

вашего? или вы уже попираете плиты Берлинскихъ пропугаровъ? Жажду новостей о васъ и оныя васъ, не сомнѣваясь, что оныя будущъ пріятны сердцу и любопытны для ума. Я думаю, навезли рѣдкостей, чудесь, а исполковали оныхъ впрое. Скажите, благоденствуетъ-ли вашъ Аршуръ (*)? Бѣднягъ вѣроятно не по климашу пришла съ полярная луба подъ пропиками; за то какое лестное право пріобрѣлъ онъ рассказывать своей четвероногой бранщи (если онъ удостоиваетъ ихъ такой чести) о своихъ паше-свѣтныхъ походахъ! Я увѣренъ, что весь собачій міръ слушаетъ хвостатаго героя, съ открытымъ риломъ оныя удивленія.

Прощайте, почтенный, любезный Докторъ, если вы не раскланялись со мной ранѣе! Будьте здоровы какъ Наобабъ или *Eucalyptus globulus* (**); будьте веселы какъ соловей: я не говорю, будьте счастливы... ибо кто любимъ всѣми, тотъ не можетъ быть иначе. Вспомни-

(*) Сонная собака, которую Докторъ вывезъ изъ Березова.

(**) Огромнѣйшія деревья, которыя могутъ жить до 4,000 лѣтъ, до сихъ поръ видимы въ Новой Голландіи.

те, хоть перебирая засохшіе цвѣты свои, душой уважающаго васъ знакома.

Вашъ и проч.

P. S. Если-бъ вы были молодой поэтъ, я-бы адресовалъ это посланіе на вѣтеръ (dans l'espace), какъ самый надежный способъ встрѣтить васъ; но на бѣду вы человѣкъ, для котораго необходима почка опоры, и потому я подписываю въ Берлинскую Академію, къ почтенному родителю вашему, котораго ученые шруды извѣстны всему ученому міру.

Дагестакъ.

1831

Январь.

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

НОВОЙ МЕТОДЫ УЧЕНІЯ, ИЗОБРѢТЕННОЙ Г-мъ
ЖАКОТО.

(Статья 1.)

Не малое удивленіе долженствовало-бы возбудить невниманіе наше къ спорамъ, сужденіямъ и рѣшенію важныхъ вопросовъ, относительно *Педагогін*, если-бы не видѣли мы въ тоже время, какимъ безчувственнымъ невниманіемъ сопровождаются у насъ почти *все* вопросы, приводящіе въ движеніе умы Европейцевъ. Весьма часно, или *почти всегда*, даже слухъ объ оныхъ не достигаетъ Русскихъ ушей. Наше умственное *far niente* только по временамъ слышитъ газетныя извѣстія о томъ и о семъ; наши Журнальные оракулы умѣютъ только бранить безъ толку, и вообще, кажется, пора *разсужденія* не настала для Русской Журналистики. Чшо извѣстно ей о важной революціи въ Политической Экономіи, производимой Сень-Симонистами? Чшо сказано ею доннынъ о сущности и слѣдствіяхъ Парламентской реформы въ Англіи? Ознакомлена-ли она съ швореніями, знаменующими современное *персродженіе* Французской Литтературы? Изъяснено ли ею, зачѣмъ странствуютъ теперъ всюду ученые, преслѣдуя уклоненія магнитной стрѣлки? Извѣстены-ли ей систематическій переборъ, какому

подвергаются, во всѣхъ странахъ, всѣ возможные вопросы, начиная съ смершной казни преступниковъ, и реформы шениць, до происхожденія Буддизма и теченія Нигера? *Нѣтъ* — и сто́ разъ *нѣтъ* (*)!

Послѣ сего неудивительно, если важная, возбуждавшая сильные споры новость, по части Педагогич, донынѣ не заняла мѣста во вниманіи Русскихъ Журналистовъ. Разумѣю здѣсь методу ученія, изобрѣшенную Жакопо, и названную имъ *методомъ всеобщаго ученія и умственнаго урвенія* (d'enseignement universel. d'émancipation intellectuelle). Въ *Литтературной Газетѣ* видѣлъ я, правда, начало статьи о сей методѣ, но *нагломъ* дѣло кончилось, и окончанія, кажется, не будетъ.

Педагогич — *наука воспитанія*, конечно не представляешь собою предметовъ столь блестящихъ и обширныхъ, какъ другія знанія и науки. Но за то новости по сей наукѣ близко касаются людей, которымъ дорого все, что относится къ воспитанію. Для сихъ-то людей — для родителей и наставниковъ — не видя на Русскомъ языкѣ ничего болѣе совершеннаго, рѣшаюсь я изложить, какъ сущность самой методики Жакопо, такъ и споры, ею возбужденные, и, въ заключеніе, предложить свои мысли. Для родителя попечительнаго, для матери-учительницы, для наставника благоразумнаго, бу-

(*) Но всегда-ли въ этомъ Журналисты виноваты? Если. . . *Прим. Изд. Тел.*

дѣтъ важно и немногое, и несовершенное. Если хоть одно примѣненіе изъ новой мѣтоды кому либо пригодится; если докажешь даже бесполезность мѣтоды; если спашь о ней возбудишь хоть одну *новую* мысль, и шѣмъ облегчишь тяжестъ и шрудность ученія дѣтей — я почту себя совершенно награжденнымъ за малый шрудъ мой.

Жакошо, и послѣдователи его, издали по сіе время уже весьма много учебныхъ книгъ. Самъ Жакошо изъяснилъ, какъ по его мѣтодѣ должно учишь отечественному языку, языкамъ: Нѣмецкому, Англійскому, Голландскому, Латинскому, Музыкѣ, Географіи, etc. etc. Мѣтода его была изслѣдована особенною Коммиссією, наряженною Королемъ Нидерландскимъ; за мѣтоду его, и противъ мѣтоды его, написано и издано по сіе время множество спорныхъ книгъ. Полемика началась и продолжается жарко. Изъ исчисленныхъ выше сего предметовъ, входящихъ въ мѣтоду Жакошо, можно видѣшь, что она объемлетъ обширный кругъ ученія. Если мы скажемъ, что она объемлетъ *все*; если прибавимъ, что она рѣшишельно идетъ, по увѣренію защитниковъ, *противъ вѣхъ прежнихъ мѣтодъ*; если дополнимъ, что по ней *вѣ равно могутъ выучиваться и всему*; что *не зная сами предмета, по ней можете учить ему другаго*; что она, какъ говорятъ защитники, легче, просѣте, скорѣе всего, что шолько мы знали... кажешь, это должно возбудить вниманіе и любопытство наше.

Но дабы никто не могъ упрекнуть насъ въ непоняшіи сущности дѣла, или присшрасшномъ изло-

женіи, мы предложимъ сначала извлеченіе изъ сташья ученаго Дезось-де-ла-Рокёшта. Съ совершеннымъ безпристрастіемъ изложилъ сей почтенный мужъ сущность метода Жакошо, предоставляя другимъ рѣшать вопросъ о ней. Сташья его была помѣщена въ *Bulletin des sciences géographiques*, 1830 г. книжка X, Октябрь, стр. 190 — 202.

«Справедливо упрекають иногда» — говоритъ Г-въ Де-ла-Рокёштъ — и, надобно сознашься, упрекають не безъ доказательствъ, что въ старой, школьной, методѣ ученія многія важныя части остаются неполными. Это можно сказать объ ученіи Испоріи, Географіи, Ариемешки, даже ошечественнаго языка. Почти вездѣ — во Франціи, Англии, Германіи — соглашаются, что метода стараго ученія и несовершенна и медленна. Не лзя не удивляться — говорятъ повсюду — что большая часть учившихся по старой методѣ, восемь, десять лѣтъ просидѣвъ на ученической лавкѣ, выйдя въ свѣтъ только съ маленькимъ знаніемъ Латини и заученными словами изъ другихъ знаній. — «Правда» — отвѣчаютъ на сей упрекъ — «они знаютъ мало, но за шо знаютъ они *методу ученія*» — какъ будто для этого надобно было восемь, девять лучшихъ лѣтъ жизни убишь въ скуку ученической схоластики! — Пришомъ, если они *знають методу ученія*, для чего-же они не *выучились*?

«Говоря справедливо и безпристрастно, сознание недосшатковъ старой метода ученія необходимо и вѣрно. Прибавимъ, что благодаря многимъ измѣненіямъ, съ нѣкошораго времени учиненнымъ, въ на-

шихъ училищахъ, скоро, можешь бышь, не будешь учишься для того шолько, какъ говорить о самомъ себѣ Локкъ, чтобы послѣ разучивашься всему, что узнали въ школь; ученики не будешь, подобно Локку, торжественно признаваться въ сожалѣніи, что въ школьныхъ, мало-полезныхъ занятіяхъ убитая юность, которую можно было употребить на приобрѣтеніе знаній, полезныхъ себѣ и другимъ.

«Желаніе улучшить старую методу, изысканіемъ средствъ *изучать лучше и болѣе въ меньшее время*, порождало донинѣ множество новыхъ методъ, болѣе или менѣе удачныхъ. Въ наше время является еще новая методу, которую — можешь бышь слишкомъ великолѣпно — изобрѣтатель называетъ *методомъ оссобогаго ученія и умственаго уравненія*.

«Рожденный въ 1770 году, въ Дижонѣ, въ печеніе сорока восьми лѣтъ былъ онъ Учишелемъ, Капитаномъ Аршиллеріи, Секретаремъ Министра, Вице-Директоромъ Политехнической школы, Профессоромъ Идеологіи, Древнихъ языковъ, Высшей Математики и Правъ, Депутатомъ Законодательнаго Собранія, и наконецъ Профессоромъ Французской литературы въ Лувенѣ. Самые противники отдають справедливосшь обширнымъ, разнообразнымъ познаніямъ Г-на Жакошо, его уму и большимъ способностямъ.

«Съ давняго времени, Г-нъ Жакошо видѣлъ неудобства старой методу, убѣждался въ этомъ опытомъ, и думалъ о томъ, какъ-бы *учиться иначе, выучивать болѣе* (*apprendre autrement, apprendre davantage*) — мысль ученаго и глубокомысленнаго Ла-

мешне, кошорый говорилъ: «Все измѣнилось во-
«кругъ насъ: понятія взяли и продолжаютъ новыя
«направленія; уснановленія, законы, нравы, мнѣ-
«нія не походятъ на то, что было при ошцахъ
«нашихъ... Необходимо намъ *уѣтись инаге, выуѣти-*
«*вать болѣе*» (*Des progrès de la révolution, сшр. 277*).

«Идеи Г-на Жакото пришли наконецъ въ такой
положительный порядокъ, что съ 1818 года, онъ
рѣшился начать курсъ ученія совершенно по новой,
своей методѣ, или, лучше сказать, рѣшился на-
чать революцію въ методѣ ученія, столь давно
ожиданную. Г-нъ Жакото началъ не по часнямъ:
революція его всеобъемлюща.

Вотъ основныя его идеи:

— Учишь навѣзущь, повшоряшь, сравнивать —
есть основаніе всему. Кто изучилъ по сему основа-
нію *одно*, шотъ можешь приложить къ нему *все*.
Кто *читалъ* мало, но много *думалъ* о шомъ, что
читалъ, шотъ *читалъ* много.

— Какъ ни многочисленны, ни разнообразны бу-
душъ предметы курсовъ, всѣ они ошнесушся къ
шремъ началамъ: *уѣнію, повторенію, сравненію*,
шотъ есть, вездѣ являющся шри часши:

1-е, *Мнемоника* — простая передача шекста кни-
ги, или чего-бы шотъ ни было, памяти. *Повторяй-*
те шотъ, что вамъ сказано, повторяйте всякій день,
присовокупляя ко вчерашнему еще немногое. Повто-
реніе есть всему основа — што *все* (*la répétition est*
le point principal; c'est tout.).

2-я часть, *сужденіе*, или *умствование*. Ученикъ обязанъ размышлять о томъ, что выучилъ и изустъ, долженъ присовокуплять ошь себя грамматическія и лексикографическія отношенія, существующія между словами, и отношенія логическія: концы соединяются идеи, и въ чемъ заключающіеся всѣ способы соединенія (*les moyens de composition*) въ словахъ и идеяхъ. Такъ какъ ввѣряющъ памяти весьма *немного*, и присовокупаютъ къ этому *немногу* и поменьку, шо ученикъ легко управляетъ съ тѣмъ, что ему дали, и легко измѣняетъ оное въ безчисленные, разнообразныя предметы.

3-я часть, *подражаніе*. Ученика заставляющъ располагать въ разнообразныя составленія все шо что приобрѣлъ онь въ первыхъ двухъ частяхъ. Изъ матеріаловъ, какіе у него въ головѣ заключающіеся послѣ *мнемоническаго заученія* и *умственнаго отсуживанія зрительнаго*, онь долженъ разливать самъ новое, шворить, составлять, по образцу того что выучилъ и обдумалъ.

Таковы основанія метода Жакопо. Конечно, въ старыхъ методахъ употреблялись всѣ три означенные способа, но метода Жакопо отличаетъ особеннымъ употребленіемъ сихъ способовъ.

Говоря собственно, въ ней двѣ части:

1-е, ученіе на память, и

2-е, анализъ изученнаго.

«*Выучи что нибудь наизустъ, повторяй это безъ перестанка, чтобы не забыть, и выноси къ этому*»

все остальное (Apprenez quelque chose par cœur, répétez-le sans cesse pour ne pas l'oublier, et rapportez-y tout le reste)— вошь основа *первой* часши. Другими словами: затверди на память книгу или предметъ, небольшую или небольшой, чтобы не ошягопншь себя рабошою, и опдавай себѣ попомъ отчепъ обо всемъ, чего не знаешь, изъясняя оное сходсшвами съ тѣмъ, что ты уже выучилъ (en l'expliquant par ses ressemblances avec ce que vous avez déjà appris).

» Въ анализѣ изученнаго, по методѣ Жакошо, та особенность, что сей анализъ дѣлають ученики произвольно, рѣшишельно сами по себѣ, и безъ всякаго пособія учишеля, который шолько смощрнть, чтобы ученики занимались, побуждаеть ихъ къ шруду, и можеть даже не знашь шого, чему учншь. »

По сей методѣ заведены шеперь училища во Франціи и въ Нидерландахъ. Изобрѣшатель приглашаеть всѣхъ приходншь къ нему, видѣшь и увѣряться. Но, не говоря еще объ изслѣдованіяхъ Коммиссіи, по сему случаю, мы изложимъ, слѣдуя Г-ну Де-ла-Рокёшшу, при главныя положенія, на коихъ Жакошо ушверждаеть свою методу :

1-е. Всѣ люди равны по разумѣнію.

2-е. Все во всемъ, и въ *нмто* ничего нѣшь.

3-е. Можно учншь шому, чего не знаешь; можно учншься безъ учишеля.

Вслѣдствіе сихъ положеній, дѣлающихъ *равными всѣхъ при ученіи*, не шолько учениковъ между собою, но и учишелей съ учениками, Жакошпсны ушверждають, что названіе: *метода всеобщаго*

Сентябрь 1831.

6

ученія и умственного уравненія, ни чуть не громче великолѣпно, но истинно и справедливо. «Этотъ метода умствования и сравненія, приложенія къ всеобщу. И не уравненіе-ли истинное, умовъ средствъ, являетъ сія метода, когда дѣлаешь учебную принадлежность не однихъ достаточныхъ и нужныхъ, но бѣдныхъ, и ложно называемыхъ неразумными?»

Противъ положенія: *toutes les intelligences se égales*, возстало много противниковъ. Оспаривая справедливость его, доказывали вредныя слѣдствія. Жакоинисты защищали истину его, и доказывали что по крайней мѣрѣ, оно не только не вредно даже полезно. «Мы утверждаемъ» — говорятъ они — «что разумѣніе равно для всѣхъ *не-руководимыхъ* по естеству, что всѣ люди, хорошо организованныя имѣютъ равную способность понимать, видѣть, соображать отношенія предметовъ. Не мы первыя говоримъ это. Сверхъ того, это мнѣніе частно для метода; оно можетъ быть полезно, подкрѣпляя довѣренность учениковъ на самихъ себя, допуская ихъ унывать при встрѣчѣ препятствій, одушевляя ихъ волю, при которой все возможно»

Положеніе: *Tout est dans tout et rien n'est dans ri* называли противники словами адепта, шаманства, чуждымъ глаголомъ, недостойнымъ нашего вѣка, котораго надобно говорить ясно, а не мистическими загадками. «Это аксіома» — отвѣчаютъ Жакоинисты «а не глаголъ шаманственный. *Все во всемъ*, значитъ *все въ отношеніяхъ, все въ аналогіи*, или, другими словами: «*Нѣтъ ничего такого, чего-бы не м*

было сравнить (comparer), больше или меньше, съ тѣмъ нибудь другимъ.» Это общая истина; мы только приспособили ея выводы къ ученію. Прежде насъ знали, что всѣ части міра, физическаго и метафизическаго, связаны взаимно; что вездѣ и во всемъ есть аналогія отношеній, согласій, сходствъ; что всѣ идеи неразрывны взаимно; что во всѣхъ знаніяхъ есть безконечное разнообразіе связей, коними переходяшь отъ одного знанія къ другому, и открывающъ новое; что это кругъ, коего центръ вездѣ, а окружность нигдѣ. Мы говоримъ: все соединяется, связывается, сходствуешь; начинайте сравнивать, переходите отъ отношенія къ отношенію, и вы будете учиться, облегчите память, соедините идеи, сообразите ваши изобрѣтенія, и новыми уравненіями придете къ новымъ задачамъ и новымъ рѣшеніямъ ихъ.»

Учиться безъ учителя — пусть такъ; но что сказать о положеніи Жакото, qu'on peut enseigner ce qu'on ignore, et que l'on n'a pas besoin de maître instructeur. «Принявъ это за истину,» говоритъ Г-нъ Лоренъ (Réfutation de la méthode Jacotot),» новое поколѣніе должно отказаться отъ наслѣдства прежнихъ поколѣній. Тогда-то, въ самомъ дѣлѣ, *ошибки отцовъ пропадутъ для дѣтей*, и родъ человѣчскій надобно будетъ созерцать, не какъ *едное*, никогда неумирающее, совершенствующееся со временемъ, и собирающее себѣ плоды вѣковъ. Жакото хочешь, чтобы каждый начиналъ для себя, и каждый уносилъ съ собою свои открытія. Это злоупотребленіе извѣстнаго правила, что *узнанное самими вѣрнѣе*», и проч. — Жакотинцы оспиваютъ,

что подобное обвинение должно. «Мы не отказываемся отъ умственного наслѣдія вѣковъ. Мы пребудемъ, напрошивъ, *образца и примѣра* отъ нихъ, дабы на немъ положить основу нашихъ развишій. Мы беремъ знаніе на высшей его почкѣ. Но мы хотимъ только, чтобы ученикъ самъ обозрѣвалъ и изучалъ его, дабы лучше уразумѣть и запомнить. Мы только не ведемъ его слѣпо, отъ подробности въ подробности, но показываемъ ему почку отбышій, и заставляемъ смотрѣть на общность. Учитель пусть будетъ только товарищемъ работы, а не единственнымъ указателемъ, безъ коего ученики нѣмые автоматы.»

Но шочно-ли успѣхи оправдываютъ методу Жакошо? Вошь важный вопросъ! Къ нему присовокупляется другой: *отъ методы-ли* происходятъ сіи успѣхи? Г-нъ Кинкеръ, председатель Комиссія, учрежденной Королемъ Нидерландскимъ, для изслѣдованія метода Жакошо, можешь быть лучшимъ судьей въ семъ случаѣ. Онъ говоритъ (*Rapport présenté au Ministre de l'intérieur du Royaume des Pays-Bas*), что сія метода заслуживаетъ особенное вниманіе и подробное изслѣдованіе, какъ новый опытъ надъ умомъ человѣческимъ. Далѣе, что ученики по оной изумляютъ своими успѣхами. Веди ученика отъ извѣснаго къ неизвѣстному, или мѣтѣ извѣстному, заставляя его слнчать все новое съ прежнимъ, приучая его сблнжать все сходное, связывать, соединять, искашь и открывать безчисленное множество уравненій и отношеній, методъ Жакошо *видимо* производишь то, что дѣбалось въ другихъ методахъ *незамѣтно*. Переноса къ уму

ученика по, что машинально пересказывает по другимъ методамъ училищъ, она не новость вполнѣ, ибо шожь основаніе заключалось въ методѣ Песталоцци, шолько подробности различны.

Въ чемъ состояли успѣхи учениковъ Жакошо, видныя Г-мъ Кинкеромъ? — Въ заведеніяхъ Г-на Дегсгюйселера и Г-жи Марседльсъ, одни ученики въ годъ и два, другіе въ 10, 9, даже 8 мѣсяцевъ, оказали успѣхи въ языкахъ Греческомъ, Латинскомъ, Голландскомъ, Французскомъ, въ Математикѣ, Музыкѣ, Живописи. Десяти, двѣнадцати дѣшъ дѣши импровизировали, составляли музыку на куплеты, писали сочиненія на задачи, и проч. — Потомъ объясняетъ Г-нъ Кинкеръ свое мнѣніе о слѣдующемъ :

1-е, Что сколько методъ, столько-же и вскушву Г-на Жакошо надобно отнести успѣхи. Онъ умѣетъ говорить съ учениками, наводитъ ихъ на предметы изслѣдованій, удаляетъ препятствія, уравниваясь съ ними, и навыкомъ довелъ онъ все это до удивительной степени совершенства.

2-е, Что для сравненія надобно завести два образцовыя училища, одно по старой, другое по новой методѣ, и взаимнымъ ихъ соревнованіемъ повѣришь успѣхи, ибо въ новыхъ школахъ ревностно заботятся о дѣлѣ, а въ старыхъ часно предано бываетъ оно небреженію.

3-е, Что успѣхъ не ручается еще за прогностъ ученія по новой методѣ, и обширность, неопредѣленность ученія заставляешь даже подозрѣвать, что оно можешь быть непрочно и легко забышо; наконецъ,

4-е, Что метода Жакото можетъ быть съ особенною пользою употреблена для предметовъ, гдѣ болѣе пребудетъ память и простое поняшіе, гдѣ аналогія ведетъ ошъ одного къ другому, а форменность и видимость даюшъ средства соображать одно съ другимъ.

Г-нъ Дюриво, въ своемъ сочиненіи: *Examen raisonné de l'enseignement dit universel* — особенно нападъ на опчетъ Г-на Кинкера, уличая его, что онъ не опшчилъ личнаго умѣнья и ловкости Г-на Жакото ошъ сущности его методы, и не испыталъ сама образа преподаванія и способностей учениковъ, опдѣльно.

Гнъ Де-ла-Рокёшпъ говоритъ, что при личномъ обзорѣнн училищъ по методѣ Жакото, въ Парижѣ, онъ также замѣшилъ, что ловкость и способность учителей, по крайней мѣрѣ, равнялись легкости методы, и составляли задачу, неразрѣшимую, пока не будешь опытомъ извѣдано, какіе успѣхи окажутъ ученики по старой методѣ при подобныхъ учителяхъ.

Онъ заключаетъ шѣмъ, что невозможно опвергнуть нѣкоторыхъ явныхъ выгодъ и удобствъ новой методы; но доколѣ не будутъ учинены изслѣдованія болѣе подробныя, не лзя жертвовать старою методою новой, хотя не лзя, въ тоже время, и не ободрять опытовъ, дѣлаемыхъ людьми, за конхъ ручаюшся ихъ дарованія, характеръ, нравственность, и когда при томъ успѣхи оправдываютъ начало дѣла.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

— *Краткія Записки Адмирала А. Шишкова*, веденныя имъ во время пребыванія его при блаженной памяти Государь Императоръ Александръ Первомъ въ бывшую съ Французами въ 1812 и послѣдующихъ годахъ войну. СПб. 1831. Въ ш. Россійской Академіи. 299 стр. in-8.

Насъ, Рускихъ, часто обвиняють въ излишнемъ пристрастіи къ иноземнымъ книгамъ, и разумѣется не къ Китайскимъ, не къ Турецкимъ, а къ Французскимъ, Нѣмецкимъ, Англійскимъ. Выводяшь изъ этого, что Рускіе, по крайней мѣрѣ многіе, плохіе патриоты, ибо не читають они своихъ *отечественныхъ* книгъ, а пристращаются къ *иностранному*. Несправедливость обвиненія явна въ томъ сближеніи, кошорое мы сдѣлали выше. Ошъ чего-же не привязываемся мы къ книгамъ Турецкимъ, Китайскимъ? Ошъ того, что намъ онѣ не годятся, ошъ того что онѣ писаны для людей особеннаго образованія. Напрошивъ книги западныхъ Европейцевъ заключають въ себѣ все, что умъ, чувства и воображеніе челоука произвели въ нѣсколько тысячъ лѣтъ! Мы, младшіе братья Европейской фамліи — разумѣя здѣсь образованность,

ибо въ другихъ отношеніяхъ мы сами годимся, и жещъ бышь, въ дѣдушки инымъ Европейцамъ — не уступимъ имъ ни въ умѣ, ни въ способностяхъ ни въ священной любви къ отечеству. Не дум хвасташь своими достоинствами, скажемъ однокоржъ, что мы гошovy помѣряшьяся съ Европейцами во всемъ — кромѣ просвѣщенія и образованности въ эшомъ, мы шочно младшіе ихъ братья. И вужели мы виноваты въ шомъ, что позже ихъ явились на поприще образованности? Неужели слыно намъ брать уроки у людей, достойныхъ бы нашими учителями, а не гувернёрами, не наставниками? И скажише, что за странный патрістизмъ, морщась читашь пустую книгу, и еще хилишь ее, потому шолько, что она писана Руским на Русскомъ языкѣ? Къ чему эша странная възшельность, что мы учимся изъ иностранныхъ книгъ, если въ нихъ заключается все просвѣщенное современное! Пишите книги, достойныя вниманія издавайше Журналы, не такіе какъ *Телескопъ Прибавленія къ Инвалиду*, будьше яствѣ, умнѣ, ученѣе иностранцевъ въ своихъ книгахъ, и мы гошovy забышь ихъ книги для вашихъ.

Знаменишый Государственый мужъ и одинъ изъ достойнѣйшихъ лишператоровъ нашихъ, А. Шишковъ, одушевляемый, какъ видно, подобными чувствованіями, рѣшился украсишь нашу современую, бѣдную Лишперашуру своимъ важнымъ сочиненіемъ, изданнымъ нынѣ подѣ скромнымъ заглавіемъ *Краткихъ Записокъ*. Вотъ книга, истинно Европейскаго достоинства! Въ ней все любопышно:

самыя событія, и учасіе въ оныхъ историческихъ лицъ, и множесство подробностей, остававшихся доселъ неизвѣстными. Книга сія начинается призываніемъ Адмирала къ важному достоинству Государственнаго Секретаря, при особѣ Императора Александра. Рядъ событій, послѣдовавшихъ за изданіемъ Манифеста о наборѣ рекрутъ, въ Мартѣ 1812 года, извѣстенъ всѣмъ; но въ книгѣ Ал. Сем. Шишкова находишся много неясненій касательно войны 1812 года, въ кошорой, какъ счастливо выразился одинъ Русскій писатель, *не морозъ, а жаръ нашей любви къ отечеству былъ приливою гибели иноплеманныхъ полмищъ*. Никто, напримѣръ, не зналъ до сихъ поръ, что ошъездъ Императора Александра изъ Арміи, въ Іюль мѣсяцъ 1812 года, и прибытіе Его въ Москву, были слѣдствіемъ всеподданнѣйшей просьбы шрехъ приближенныхъ къ Нему особъ: Графа А. А. Аракчеева, А. Д. Балашова и А. С. Шишкова, кошорый и писалъ ошъ лица сихъ шрехъ пашріошовъ бумагу, сильную, благородную, и чрезвычайно замѣчательную по многимъ отношеніямъ. Тамъ находишся слѣдующія слова, дышащія самымъ жаркимъ пашріошизмомъ:

«Изъ всѣхъ сихъ разсужденій явствуетъ: первое, что вѣшь Государю славы, ци государству «пользы, чтобы Глава Его присоединилась къ одной шолько части войскъ, оставляя всѣ прочія «силы и части Государственнаго управления другимъ. Особенно-же въ обстоятельствахъ затруднительныхъ и опасныхъ необходимо нужно ему «избирать пункты пребыванія своего такимъ об-

«разомъ, чтобы какъ вѣсь часьямъ военнымъ,
 «такъ и вѣсь Государшвеннымъ внутреннимъ
 «мѣстамъ и обществамъ могъ онъ подавашъ нуж-
 «пья пособія, и новелѣніями и личнымъ прису-
 «ствіемъ своимъ оживляшъ тѣ, которыя въ вѣщ-
 «шую дѣятельность приводишъ должно. Второе,
 «что и личная оупъ шого слава и честь не всегда
 «пріобрѣтается: Исторія не похваляетъ никогда
 «поступки и царствованіе Карла XII-го, Короля
 «Шведскаго. Теофанъ о Пешрѣ Первомъ, вдавшемъ-
 «ся опасности на ряду съ прочими, сказалъ: *вос-*
 «*трепетала Россія, единого смертію вся умретъ*
 «*болшея*. Ежели прямой долгъ Царей есть жить
 «для благоденствія вѣрренныхъ имъ народовъ, то
 «едва-ли похвально допускашъ въ одномъ своемъ
 «лицѣ убить цѣлое Царство.»

Авторъ описываетъ, что видѣлъ онъ, слышалъ
 и чувствовалъ, прилагаетъ почти всѣ писанные
 имъ Маніфесты, воззванія, Рескрипты, или ука-
 зываетъ на собраніе оныхъ, особо изданное подъ
 заглавіемъ: *Собраніе Маніфестовъ*, и проч. Соб-
 ственныхъ сужденій Авторovýchъ не много, и, ка-
 жется, это сдѣлано имъ съ тѣмъ намѣреніемъ,
 чтобы за него говорили сами событія. Цѣль его
 вполне достигнута! Онъ доставилъ намъ книгу,
 драгоценную для Исторіи соединеніемъ многихъ
 важныхъ актовъ, поясненіемъ многихъ событій, и
 картиною народнаго духа въ 1812-мъ году. Мы ви-
 димъ здѣсь, каковы были дѣйствователи, изло-
 жившіе Наполеона; видимъ, какія чувства рожда-
 лись въ душахъ главныхъ государшвенныхъ мужей.

и всего народа Русскаго. Всего важнѣе находимъ мы въ сей книгѣ новое доказательство той истины, которую давно питаемъ въ душѣ своей, и въ которой мы убѣждены совершенно. Главнымъ виновникомъ спасенія Россіи былъ Императоръ Александръ. Храбро дрались войска наши, благоразумны были распоряженія вождей, пламенно усердіе народа: но кто могъ остановить Самодержавную Десницу отъ подписанія мира съ врагомъ могущественнымъ? Всѣ были готовы — единственно повиноваться голосу своего Царя, и великая душа Александра выдерживала всего болѣе борьбу съ народными страхами, опасеніями, и въ первыя минуты брани изрекла незабвенныя слова: «*Я не покину, покуда хоть одинъ непріятельскій воинъ будетъ оставаться въ нашей землѣ.*» Императоръ лично велѣлъ Государственному Секретарю включить это въ Рескриптъ Фельдмаршалу Салтыкову: это его собственныя слова.

— *Вегера на хуторѣ близъ Диканьки.* Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Книжка первая. Спб. 1831. Въ ш. Деп. Народн. Просв. XXII в 241 стр. in-12.

Мы не знаемъ имени Автора сей книги, но для пользы читающей публики желали-бы, чтобы оно было извѣстно... Предвидимъ коварную улыбку людей, умныхъ старыми остроумами, и предслышимъ въ единогласный вопросъ: «*Неужели хопи-не вы судить о книгахъ по именамъ авторовъ?*» Нѣтъ, Мы. Гг., мы имѣемъ въ виду совсѣмъ иное, измени свое желаніе. Собственно для насъ, име-

на авторовъ не нужны. Мы, по обязанности, должны прочитывать шѣ книги, о которыхъ даемъ ошчешъ. Надѣмся (какая ушѣшительная надежда) что эту обязанность несемъ мы для пользы нашихъ читашелей, которые вѣряшъ нашимъ отзывамъ о книгахъ. Но развѣ вся публика принадлежитъ къ числу нашихъ читашелей? И развѣ все читашели вѣряшъ отзывамъ самыхъ правдивыхъ Журналистовъ? Эшого-то мы и не смѣемъ надѣяться, видя какіе уроки въ недовѣрчивости даютъ наши собраты журнальные своимъ читашелямъ. Напротивъ, мы хотимъ, чтобы публика сама была ближе къ дѣлу, сама судила и надѣялась, и пошму-то желаемъ, чтобы она знала имя автора каждой книги, ибо это примѣша вѣрная: по ней почти всегда можно судишь, чего въ правѣ мы ожидать ошъ какого автора — исключая авторовъ-новичковъ, или, чтобы сказать поучивше, кандидатовъ въ авторы. Напримѣръ, какъ не сказать спасибо Г-ну А. Орлову, за то что на каждой своей книжонкѣ онъ высшавляетъ прославленное свое имя? Эшого и довольно, чтобы не взять ее въ руки. И наоборотъ, когда А. С. Пушкинъ высшавляетъ свое имя на книгѣ, то какъ не взять ее въ руки и не прочешъ? Любопытно знашь все, что выходишь изъ подъ пера эшого писателя. Предположимъ напротивъ, что онъ подъ своимъ сочиненіемъ высшавишь прозвание какого нибудь *Косишкина* кто шанешъ заглядывать въ него? Кто подумаешъ, что эшошъ *Косишкинъ—Пушкинъ*!

Если шанушь увѣряшь васъ, почтенные читашели, что *Вестеръ на хуторѣ* произведение одног

изъ замѣчательнѣйшихъ писателей Русскихъ, или Малорусскихъ — не полагайтесь на это. И насъ убѣрали въ шомъ. И мы въ свою очередь были въ вашемъ положеніи; да сверхъ шого еще мы видѣли въ Сѣверной Пчелѣ громкую хвалу произведенію Пасичника, шакъ что присшупкали къ чшенію этой книги, ожидая встрѣшиться въ ней по крайней мѣрѣ поль-Вашингтона Ирвинга... но предубѣжденіе наше разсѣялось какъ пріятный сонъ, не сбывшійся на яву. Пусть слѣдующія строки послужашъ новымъ доказательствомъ, что мы судимъ о книгахъ не по именамъ сочинителей и не по чужимъ опзывамъ.

Надобно сказать однакожь, что этошъ Пасичникъ большой хипрець! Чѣмъ вы думаете начинаешъ онъ свою книгу? Бравитъ ее!.. Да, вошъ его слова: « Это что за невидаль? Что это за *Ветера!* « И швырнулъ въ свѣшъ какой-то пасичникъ! » Но, едва-ли удашся ему поддѣшъ насъ на эту шшуку! Мы скажемъ ему иначе: Что у васъ за страсть бышъ Валтеръ-Скошшиками? Что за мистификаціи? Неужели всѣ вы, Гг. Сказочники, хотише бышъ *великими незнакомцами*? Пишите, сколько вамъ угодно, да пишите свое, или хоть не перенимайте чужихъ ухвашокъ, кошорыя, право, не къ лицу вамъ. Валтеръ Скошшъ умѣлъ поддерживашъ свое шпогнито, а вы, Г. Пасичникъ, спощыкаешъ на первомъ шагу. Неужели вы думаете, что предшвляете хорошо Малороссіянина, говоря: « Какъ « шомпательно жарки шѣ часы, когда полдень бле- « щеть въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣримый

« океанъ , сладострастнымъ куюломъ нагнувшійся .
 « надъ землею , кажется , заснулъ , весь пошону-
 « ши въ нѣгѣ , обнимая и сжимая прекрасную въ
 « воздушныхъ объшійхъ своихъ . » Или , почти шушь-
 же говорите вы : « Лѣново и бездумно , будшо гу-
 « ляющіе безъ цѣлп , стоятъ подоблажные дубы , и
 « ослѣпительные удары солнечныхъ лучей зажига-
 « ютъ цѣлыя живописныя массы лиспьевъ , накиды-
 « вая на другія темную какъ ночь шѣнь , по кошо-
 « рой только при сильномъ вѣтрѣ прыщешъ золо-
 « то . » Воля ваша , мы своимъ Русскимъ умомъ не
 понимаемъ этого высокопаренія ; но понимаемъ шо ,
 что это писалъ не Пасичникъ и не Малороссія-
 нинъ ! Если-бы выписывать все ваше высоко-безпо-
 нияшно-лешаніе , шо рука устанешъ . Довольно : мы
 видимъ , что вы самозванецъ-Пасичникъ ; вы , сударь ,
 Москаль , да еще и горожанинъ . Но дѣло не въ
 шомъ . Будше вы хоть житель раззолоченаго ка-
 бинета въ Пешербургѣ , да умѣйте сказывать сказ-
 ки хорошо — мы вамъ поклонимся за нихъ ; а не шо ,
 не погнѣвайшесь .

Благодаримъ васъ за шо , что вы разрыли кладъ
 Малороссійскихъ преданій и присказокъ ; но вос-
 пользовались вы эшимъ кладомъ не искусно . Во-пер-
 выхъ , всѣ ваши сказки шакъ не связаны , что не
 смотря на многія прелестныя подробности , ко-
 торыя принадлежатъ явно народу , съ трудомъ до-
 читываешь каждую изъ энихъ сказокъ . Желаніе
 поддѣлаться подъ Малоруссизмъ , спускало до такой
 степени вашъ языкъ , и все ваше изложеніе , что
 въ иныхъ мѣстахъ и шолку не доберешся . Во-вшо-

рыхъ, видно что вы много читали и можете писать, но вы сковали себя ролюю, кошорая вамъ не подь силу. Должно было рассказывать сказки, или просто, какъ онъ храняшся въ народномъ преданіи, или пересоздавать ихъ, смѣло, шворчески, на что большой мастеръ старикъ В. Скопшъ. Далѣ, при недосташкахъ слога, при несвойственной ролю, при бѣдности воображенія, вы еще вовсе не умѣете сражаться съ читашелемъ на всякой строчкѣ, не умѣете увлекать его подробностями, не умѣете быть ловкимъ въ смѣшномъ, и всего менѣе умѣете шутить. Посмотрите-ка на одного сказочника, кошорый написалъ повѣсть: *Лейтенантъ Бѣлозоръ!* Вошь художникъ! Его Голландецъ Саарвайзенъ какъ живой передъ вами! Сколько разъ вы сами, вѣрно, хохотали отъ души надъ этими чудаками Голландцами, кошорыхъ живописуетъ Авшоръ; а онъ, можетъ быть, не бывалъ и близко Голландіи! Но таковъ шворческій даръ. Ему нѣтъ надобности жить между Голландцами, между Полякамъ, Рускими или Малороссіянами: онъ держитъ волшебною ширинкой — и они передъ вами.

И такъ, Г. Пасичникъ, если вы будете еще описывать что нибудь, то вспомните, что читашеля провести трудно: онъ шотчасъ разгадаетъ васъ, какое-бы ни надѣли вы забрало. Потомъ, не забывайте, что вамъ надобно загладитъ неприятное впечатлѣніе, кошорое произвели вы въ немъ плохимъ употребленіемъ превосходныхъ, бывшихъ у васъ въ рукахъ машеріаловъ, остающихся и послѣ вашей книги шолько машеріалами.

— *Шесть элегических стихотвореній.* СПб. 1831. Въ ш. Шшаба Ошд. Корп. внутр. стражи. 20 стр. in-12.

Книжечка сія издана въ пользу учрежденнаго въ СѢбургѣ заведенія для призрѣнія сиротъ, лишившихся родителей отъ холеры. — Стихотворенія, заключающіяся въ этой книжечкѣ, писаны Австромъ для особъ, имѣвшихъ горести: ему принадлежатъ только прекрасныя, гармоническіе стихи.

— *Албертъ, или тая смерть.* (Повѣсть). Перев. съ Франц. В. Праховымъ. Передѣланная въ стихи П. Ев-евымъ. М. Въ Университетской ш. 1831. 24 стр. in-12.

Вошь преславная книжка! Просимъ читателей угадать: кто на второй страницѣ ея напечаталъ: *Лизъ, съ знакъ любви и дружбы. Посвящаетъ сочинитель.* Изъ заглавія видимъ, что сочинитель ея какой-то Французъ, переводчикъ Г. Праховъ (нѣкогда сотрудникъ Вѣстника Европы), а перелагатель въ стихи Г. Ев-евъ. Кто-же изъ нихъ посвящаетъ? Стихи въ этой повѣсти чудесныя. Напримѣръ:

Полкъ Гусарскій раздѣлился,
Вокругъ стѣнъ монастыря,
И Албертъ расположился
При помостѣ алтаря.

Но всего болѣе пригодился перелагателю:

Монастырь *Сивецесовъ*,

Для рифмы:

Межъ нависнувшихъ *утесовъ*.

— *Журнальный Почтовой Путеводитель*, или описаніе всѣхъ почтовыхъ дорогъ Россійской Имперіи, Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, расположенный въ четырехъ частяхъ, съ таблицами и картами. Составленъ по новѣйшимъ свѣдѣніямъ Штабсъ-Капитаномъ *Познякомъ*. СПб. Въ т. Глазунова. 1831. V и 806 стр. in-16.

Кажется, это лучшая и самая полная книга по своей части. Кромѣ росписанія всѣхъ станцій отъ столицъ къ губернскимъ, областнымъ и главнымъ пограничнымъ городамъ, и между ними городами, въ ней находящаяся: росписаніе всѣхъ городовъ и замѣчательныхъ мѣстъ въ Россіи, Польшѣ и Финляндіи, по алфавиту; разныя таблицы, и наконецъ общія постановленія по почтовой части, во всей ихъ подробности.

— *Жизнь Его Императорскаго Высочества, Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича*, или полное и вѣрное описаніе Его дѣяній съ 1799 года по самую кончину, собраніе писемъ, въ разныя времена и къ разнымъ особамъ писанныхъ, анекдотовъ и проч. 2 ч. М. Въ Университетской т. 1831. 64 и 71 стр. in-8.

Книга сія написана хорошо. Въ ней изложены подвиги блаженной памяти Цесаревича, и вообще она составляетъ весьма любопытное историческое собраніе, хотя называть ея *Исторією* не лзя. За всѣмъ тѣмъ, Сочинитель заслуживаетъ благодарность всѣхъ почитателей памяти незабвеннаго Цесаревича.

Сентябрь 1831.

7

— *Всеобщая нравственность*, основанная на Религии; съ примѣрами опытности и правилами знаменитѣйшихъ нравоучителей, сокращенно изложенная *Николаемъ Полозовымъ*. 2 ч. М. 1831. Въ шп Лазаревыхъ Института. 120 и 220 стр. in-12.

Нѣтъ сомнѣнiя, что Авторъ сей книги имѣлъ намѣренiе хорошее. Но исполнишь своего намѣренiя онъ или не умѣлъ, или не могъ.

— *О Сибирской язвѣ*. Сочиненiе Спешана Хошовицкаго, Надв. Сов., Доктора Медицины и проч. Съ одобренiя Медицинскаго Совѣта. СПб. Въ шп Медич. Деп. Мин. Внутр. Дѣлъ. 1831. IV и 133 стр. in-8.

«Сочиненiе сiе, съ одобренiя Медицинскаго Совѣта и съ утвержденiя Комитета Гг. Министровъ признано, вмѣстѣ съ тремя шаковыми-же сочиненiями другихъ врачей, достойнымъ напечатанiя и съсѣтъ суммъ Медицинскаго Департаменша Министрства Внутреннихъ дѣлъ.» Предувѣдомл. страж III-я.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПЯТОЙ ЧАСТИ СВѢТА.

(*Окончаніе*)

Въ то время, когда неуспрашенный Кукъ странствовалъ отъ одного полюса къ другому, и всюду оставлялъ памятники своихъ великихъ подвиговъ, Маріонъ, жертва люшости Новыхъ Зеландцевъ, погибъ среди трудовъ и опасностей предпріянія, подобнаго Кукову, а Сюрвилль, открывъ острова *Соломоновы*, или *Арзасидовъ*, упонулъ вблизи *Хилійскихъ* береговъ. Тогда-же, съ малыми средствами, *Форрешъ* обогатилъ важными гидрографическими изысканіями познаніе *Малайскихъ* острововъ. Моря, омывающія острова *Молукскіе* и *Филиппинскіе*, были безпрерывно болѣе опознаваемы, и Европейцы узнали наконецъ удобнѣйшій путь въ *Китай*, чрезъ сѣвѣнныя мѣста. Почти въ то же время, *Дапре-де-Манневиллетшъ* и *Дальримпль*, присоединивъ къ собственнымъ своимъ наблюденіямъ труды всѣхъ прежнихъ мореплавателей, издали собраніе матеріаловъ, равно драгоценныхъ и для *Географіи* и для *Мореплаванія*.

Послѣ необъятныхъ трудовъ Кука и досшойныхъ сподвижниковъ его, *Фюрно* и *Кларка*, все еще оставалось обширное поприще наукъ и мореплаванію,

7*

и мореходцы, столь-же искусные, сколько отважные, отличались на ономъ въ концѣ прошедшаго столѣтія. Въ сію эпоху Исторіи пятой Частии Свѣта, приготовленную и обогащенную успѣхами всѣхъ знаній, является намъ множество знаменитыхъ мореплавателей. Таковы были: несчастный Лаперузь, Делангль, Ванкуверъ; Броутошь (Broughton), Морелль, Маласпина, Бустаменше, Блей (Bligh), Эдуардсъ, Данпркасто, Кермадекъ, Маршанъ, Бассъ и Флиндерсъ, Мак-Клауеръ, Делано, и наконецъ Вильсонъ — основатель Проместаптскихъ Миссій въ Полинезіи. Въ своихъ путешествіяхъ, руководимые наукою, прибавили они познаніе важныхъ острововъ во всѣхъ архипелагахъ Австральскихъ, ознаменовали себя трудами и опасностями, и сгладили множество Географическихъ ошибокъ и затрудненій, изъ коихъ нѣкоторыя удостоивались довѣренности самихъ ученыхъ людей.

Въ сихъ предпріятіяхъ, Франція показала себя равно великодушною и безкорыбною: слава и успѣхи знаній составляли все ея честолюбіе; Правительство Французское ничего не имѣло въ виду, кромѣ пользы Человѣчества, и для сей цели, люди, на коняхъ возлагало оно исполненіе предпріятій, безспрашно были сподвижниками мореплавателей иеземныхъ, и часто жертвами своей смѣлости и отваги среди опасностей. Не одни Делангль и Ламанонъ погибли на Маунѣ, отъ излишней довѣренности къ жестокимъ туземцамъ — Лаперузь погибъ, со всеми своими спутниками, близъ гробницы Менданы, и долго ошечзна не знала даже,

гдѣ должно воздвигнуть надгробный его памятникъ. Только въ послѣдніе годы, жребій Лаперуза былъ разгаданъ, и каждый мореходецъ завидовалъ участи шѣхъ, кошорые отправлены были пилигримствовашь къ роковому острову *Ваникоро*, дабы воздашь почесть вамяши Лаперуза, и искахъ соотечественниковъ, можеть бышь, удалившихъ при его несчастыи. Дантраско щещно вопрошалъ мѣсто, гдѣ погябъ сей соперникъ Кука. Идя отъ Новой Каледоніи къ острову св. Креста, онъ не вѣдалъ, что шель мимо мѣста гибели Лаперуза, и что самъ осужденъ былъ погябнуть не въ дальнемъ отшуда разстояніи! Его изслѣдованія были ошѣнно важны для успѣховъ Географіи. Г-да Россель и Бошамъ-Бопре прибавили многое къ совершенству Морской Астрономіи и Гидрографіи, составивъ превосходныя карты пушешествія Дантраско, съ точностію, которой, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно начали подражанъ въ другихъ странахъ Европы.

Мы приступаемъ къ событію, навсегда достопамятному въ лѣтописяхъ пятой части свѣта. Въ 1788 году, Англійское Правительство основало поселеніе ссыльныхъ, по совѣту славнаго Бенкса, на берегахъ Новой Голландіи, въ *Новомъ Южномъ Валлеѣ*. Сіе мѣсто обширной земли Австралиной, едва дошолъ извѣстное, сдѣлалось центромъ обширныхъ сношеній между Амеркою, Индією и Китаемъ. Съ самаго начала Ботанической колоніи, положено было основаніе систематическаго обозрѣнія окрестныхъ ей морей и земель. Корабли, назначенные для основанія колоніи, открыли острова: Машеія, Кур-

шиса, Макаулаа, Перигина, Лорда Гове, Тенегъ, архипелагъ Мюлграва, и обозрѣли ушесы Кораллового моря. Изъ Сиднея, въ 1794 году, Флиндерсъ и Бассъ начали свои обширныя предпріяшя, и на легкой ладѣ приступили къ обозрѣнію мѣстному, прежде нежели послѣдній, смѣлый Медикъ, на простой шлюпкѣ, отправился обозрѣть пространство 600 миль, по бурнымъ морямъ, и увѣнчалъ свой подвигъ открытіемъ пролива, долженствующаго сохранить его имя потомству. Въ Сидней соединились снова два друга, дабы повѣрить свои прежнія разысканія и кончить обозрѣніе Тасманіи, или земли Ванъ-Діемена.

Если мореплаватели и географы XIX-го столѣтія не могли надѣяться ознаменовашъ себя великими открытіями, то имъ оставались труды, болѣ скромныя по наружности, но не менѣ почешныя: довершеніе дѣла, которое во многихъ частяхъ своихъ было едва начато, именно: узнать подробности Австральныхъ земель, изъ коихъ многія оставались дошолъ только вскользь видѣнными. Путешественники, по достоинству знаменитые, приступили къ сему предпріяшю, требовавшему участія и пожертвованій всѣхъ народовъ. Ученые спутники Бодена, Фрейсине и Ганселенъ, Флиндерсъ, Бассъ, Граншъ, Джеффриесъ, Кингъ и Спирингъ, были шочными, подробными описателями Новой Голландіи. Съ начала XIX-го столѣтія явились въ Австральныхъ моряхъ Русскіе путешественники, и ошличились на поприщѣ знанія и отваги. Крузенштеръ, Коцебу, Головинъ, Беллинсгаузенъ, Врангелъ, Шимаревъ,

Хрущевъ, Литке, Числяковъ прибавили много свѣдѣній, касательно архипелаговъ : *Маркизскаго, Помотоу, Мореплавателей, Мюлградова, Каролинскаго*. Намъ извѣстны Географическія ихъ открытія ; но къ сожалѣнію, мы почти вовсе не знаемъ подробностей Русскихъ путешествій. Это молчаніе отмѣчаетъ у Европы средства судить о пользѣ и степени подвиговъ Русскихъ мореплавателей, заставляя Европейцевъ хладнокровно смотрѣть на безпрерывныя почты путешествій Русскихъ. О многихъ изъ нихъ мы знаемъ только одно : день отбытія кораблей изъ Кронштадта и день возвращенія ихъ въ Кронштадтъ.

Новѣйшіе Французскіе мореходцы — Фрейсине, Дюперрей и Дюрвилль, замѣчательнымъ образомъ усовершенствовали гидрографію острововъ Малайскихъ, Папуазин, Помотоу, Общества, Виши (Фиджи), Новой Зеландіи, Сандвичевыхъ, Маріанскихъ и Каролинскихъ. Имъ, и Капитану Литке, одолжены мы, послѣ столь долговременной небрежности, положительными свѣдѣніями о пространствѣ и величинѣ важнаго *Каролинскаго* архипелага. Еще съ 1696-го года узнали о существованіи онаго, по случаю кораблекрушенія нѣкопрыхъ памошнихъ путешественниковъ, спасшихся на Филиппинскіе острова ; О. Каншова былъ хорошимъ географомъ Каролинскихъ острововъ. И прежде и послѣ него были, также, поверхностныя извѣстія ; но даже опредѣленнаго имени сему архипелагу не было дано до 1786 года, когда Лазеано называлъ его Каролинскимъ.

Въ это время, какъ годъ отъ году болѣе процвѣ-

пала колонія Ангаійскихъ ссыльныхъ, дѣлалась столицею Новой Голландіи, и дѣятельнымъ центромъ образованности и открытій въ сей сторонѣ цѣлой части свѣта, торговля пролагала себѣ новые пути въ другихъ сторонахъ оной. Южный Океанъ непрерывно болѣе стали перерѣзывать своими путями торговые суда Англіи и Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ. Открывая иссточники богатствъ на земляхъ, уже извѣстныхъ, торговцы открывали и новые неизвѣстные острова. Нынѣ, китовая ловля, добываніе шюленей, голошуровъ и жемчугу, вывозъ сандала, хлопчатой бумаги, табаку, соленіе мяса, приготовленіе кокосоваго масла, и другія торговыя предпріятія, въ Новой Зеландіи, на островахъ Фиджи, Общесіва и Сандвичевыхъ, а также и въ другихъ мѣстахъ Австраліи, ежегодно привлекаютъ въ Южныя моря сотни кораблей, пересѣкающихъ оныя во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ. Различныя и учащаемыя пути сихъ торговыхъ флотовъ вскорѣ поставяшь познанія наши объ Австральномъ Океанѣ на степень, равную степени познанія нашего о другихъ моряхъ. Въ доказательство великихъ слѣдствій, коихъ надобно ожидать въ будущемъ, мы могли-бы привести здѣсь имена и описанія болѣе нежели *пятидесяти* острововъ, мѣлей и скалъ, узнанныхъ въ послѣднія десяти лѣтъ. Большая часть изъ новыхъ острововъ сушь *спорады*, или небольшіе отдѣльные острова; другіе принадлежатъ къ архипелагу Помощоу, прежде называвшемуся *Опаснымъ*, или образуютъ собою, на сѣверо-западъ отъ Сандвичевыхъ, цѣпь острововъ и мѣлей, которой надобно бы дать шаринное названіе

архипелага Помощу. Не бесполезно замѣтишь здѣсь, что изобиліе кишовъ, оказавшееся въ послѣднее время въ Японскихъ моряхъ, умножило дѣятельность торговую, и много способствовало неожиданнымъ географическимъ находкамъ.

Когда казалось уже, что всѣ усилія патриотизма и человеколюбія бесплодны въ разысканіи жребія несчастнаго Лаперуза, частный человекъ узналъ печальную тайну его судьбы: Капитанъ Дильонъ открылъ роковое мѣсто, гдѣ кончилось его путешествіе, узналъ гибельные утесы, на концы нашла смерть наши соотечественники и были потеряны безчисленные драгоценности, собранныя среди тысячи опасностей. Капитану Дюрвиалю и его сопутникамъ довелось быть избранными отъ Франціи, для изъявленія нашей скорби, на мѣстѣ гибели Лаперуза. Но неужели Франція уже потеряла всю надежду узнать: какой жребій ожидалъ тѣхъ сыновъ ея, которые избѣгли отъ кораблекрушенія, и должны были, или ошдаться въ неволю дикарямъ, или спасаться на другую ближнюю землю?

Событіе, о которомъ говоримъ, всегда будетъ занимать важное мѣсто въ лѣтописяхъ Австраліи. Оно печально заключаетъ собою рядъ усилій, сдѣланныхъ донынѣ мореходцами, для опроверженія опасностей мореплаванія, для большихъ успѣховъ Географіи. Но какъ усилія были произведены въ разные времена, разными людьми, при различныхъ средствахъ и намѣреніяхъ, то и части общаго труда вышли многообразныя и разнообразныя. Пожелаемъ, чтобы успѣшили ученымъ образомъ осмо-

нрѣть все, доннѣ неопредѣленное въ Австральномъ Океанѣ — все это безчисленное множество острововъ, мѣлей и утесовъ, копорые, хотя и извѣстны, но кажутся подвижными опасностями, пока не будутъ означены совершеннымъ образомъ.

Корыстолобивое и безсовѣстное молчаніе многихъ Американцевъ, излишняя скромность, или нагубная небрежность нѣкоторыхъ изслѣдователей, нохищающъ у насъ много драгоценныхъ извѣстностей; но въ тоже время ревность многихъ ученыхъ людей стремятся исторгнуть изъ забвенія собственныя труды, и свѣдѣнія мореплавателей всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ. Собирая матеріалы, конни совершенствуется Гидрографія, сіи почтенные мужи служатъ давно пользѣ Наукъ и благу Человѣчества. Дебросъ, Флёрё и Бюрней, столь-же ученымъ, сколь и добросовѣстнымъ образомъ, изложили Исторію Южнаго Океана, въ отношеніи Европейцевъ. Творенія Нори (Norie) и Горсбурга, карты Брюе и Арровсмита извѣщаютъ свѣсъ о каждомъ маленькомъ отккрытіи, а превосходный Атласъ Южнаго Океана, изданный Русскимъ ученымъ мореплавателемъ, Крузенштерномъ, и обогащенный самыми вѣрными свѣдѣніями, должно почестъ достойнымъ памянникомъ географическихъ познаній нашего времени, касательно пятой части свѣса.

Мы почти достигли конца нашей сташы, хотя и говорили доселѣ шолько о первомъ опознаніи каждаго изъ острововъ и различныхъ земель Австральныхъ, и объ изслѣдованіяхъ по берегамъ оныхъ. Исшорія отккрытій въ Австраліи есть почти тоже,

ше Исторія путешествій Европейцевъ въ сію часть свѣта, столь вѣрно названную многими : *Океанія*, и *Морская половина міра*, въ противоположность Сѣверной половины, *Земной, материковой*. Внутренность большихъ острововъ Малайскихъ и Австралійскихъ, на концы ушвердился Голландцы, Испанцы и Англичане, была посѣщаемая, съ большимъ и меньшимъ успѣхомъ, смотря по мѣрѣ пріятности, какія противоположались климатъ, древесіе, вѣковѣчные лѣса, или неукротимость туземцевъ. Намъ невозможно, въ краткомъ объемѣ свѣдѣній нашей, слѣдовать за успѣхами сухопутныхъ путешествій по разнымъ частямъ Австраліи, и соблюсти при томъ хронологическую точность, возможную при обзорѣ морскихъ путешествій. На Филиппинскихъ островахъ, Миссіонеры почти вездѣ были первыми изслѣдователями внутренности земель. Тоже было и въ Португальскихъ владѣніяхъ. На островахъ, занятыхъ Голландцами, долгое время извѣстны были только прибрежныя мѣста; прочее, изъ разсказа туземцевъ почерпали много извѣстій о мѣстахъ неизвѣстныхъ. Валелшинъ, соединивъ съ собственными замѣчаніями все, что было извѣстно до него, въ сочиненіяхъ своихъ оставилъ намъ памятникъ того, въ какомъ положеніи была Географія Австраліи въ началѣ XVIII-го вѣка. Войны довели потомъ Европейцевъ до столицъ тѣхъ земель, когорыя завоевали они на Явѣ, Суматрѣ и Целебѣ. Путешественники проникли при семъ случаѣ въ мѣста, доподъ для нихъ неприспущныя. Башавія, первоначальная столица Австраліи, сдѣлалась убѣжищемъ знаній, и знаменитое ученое Общество,

въ ней основавшееся, изданіемъ своихъ Записокъ доставило намъ важные матеріалы; ученые Губернаторы и Резиденцы Европейскіе пользовались своими отношеніями, собрали свидѣнія драгоцѣнныя для изысканія всѣхъ родовъ. Такъ Марсденъ соединилъ въ своемъ сочиненіи все, что только можно было узнать объ Исторіи и Географіи Суматры. Въ послѣднее время, Раффлесъ, Кравфордъ и Горсфильдъ издали подробныя описанія острова Явы на кошоромъ осматриваются нѣсколько неважныхъ оконечностей Южныхъ. Не лзя не пожалѣть о потерѣ матеріаловъ, собранныхъ первымъ изъ сихъ ученыхъ людей на Суматрѣ, вполне имъ осмотрѣнной. Во внутренность Борнео также проникли нынѣ далеко, по теченію рѣкъ. Европейскія заведенія въ Банжеръ-Массинѣ, Поншіанакѣ и Самбонгѣ съ 1818 года распространились и упрочились. Не смотря на труды Лейдена, внутренность Борнео вообще намъ мало еще извѣстна, и мы должны жалѣть, что смерть осановила предпріятія путешественника Мюллера. Что касается до острова Целебеса, то донныя изслѣдованія на немъ только юго-западный и сѣверо-восточный полуострова остальное неизвѣстно.

Властительница Голландскихъ владѣній въ Австраліи, Голландская Компанія держалась завистливой пагубной полишкки Испанцевъ. Не рѣдко шюртъ была наградою любопытства и ревности путешественниковъ. Просвѣщенное Правительство увидѣло нецѣльность такой системы, узнавъ, что подданный его употребляетъ на мѣстѣ каршы, чужестранца

цами изданныя, на которыхъ находятся Англійскія и Французскія имена мѣстъ, Голландцамъ принадлежащихъ, ибо данныя Голландцами невзвѣстны и скрывающся впайнѣ. Нынѣ споспѣшествуетъ оно географическимъ трудамъ, и даже само посылаетъ дѣлать изысканія. Недавно изданы изслѣдованія, учиненныя Капитаномъ корабля Поллукса, и Капитанъ Кольфъ отправленъ обозрѣть западную сторону Папуазіи, также острова между Папуазіею и Тиморомъ — почти невзвѣстные. Замѣчательны еще заведенія Голландцевъ въ Папуазіи, нынѣ предпринимаемыя.

Новая Голландія во внутренности весьма мало извѣстна, и заслуживаетъ вниманіе общесе: ни одна изъ Австральскихъ странъ не обѣщаетъ столь богатой жатвы для изыскателя, любопытнаго и наблюдательнаго. Долгое время, цѣль *Синнихъ горъ* представляла здѣсь непобѣдимое препятствіе; наконецъ, послѣ многихъ тщетныхъ покушеній, Лаусонъ, и его неуспрашимые товарищи, перешли сію непреступную преграду, и съ тѣхъ поръ благоденствіе Англійскихъ переселенцевъ было упрочено и обеспечено. Изслѣдованія Окслея, Эвенса, Куннингама, Джамисона, Мики, распростерлись на сто миль отъ береговъ Новаго Южнаго Валлиса, и достигли до 28° широты. Говелль, перешедъ горы Морумбиджи, проникъ до Западнаго порта, гдѣ находится нынѣ небольшое селеніе Европейцевъ. Обильные берега Брисбанскіе уже заселены, и Ричмондъ и Клаарансъ готовятся къ заселенію. Дѣланы были опыты заселенія къ сѣверо-западному мысу, на ос-

шровъ Мельвиллѣ , и въ заливѣ Раффлеса ; колонія на землѣ Эдельса уже процвѣшаетъ , и , кажешся , заслуживаетъ названіе *Новой Гесперіи*. Наконецъ , военное укрѣпленіе обезпечиваетъ теперь для Англіи заливъ Короля Георга. Пользуясь непонятымъ бездѣйствіемъ другихъ народовъ , Англичане спѣшатъ распространить власъ свою по всему объему Новой Голландіи. Можемъ надѣяться , что овладѣвая сею обширною землею , Англія откроетъ намъ , что таишся въ безмѣрныхъ внутреннихъ областяхъ ея.

Исслѣдователи Тасманіи , или земли Ванъ-Діеменовой , соперничаютъ въ успѣхахъ съ исслѣдователями Нового Южнаго Валлиса : здѣсь немного уже неизвѣснаго , немного пушей надобно еще совершить. Новая Зеландія давно была-бы намъ хорошо извѣстна , еслибы не препятствовало варварство ея обитателей. Но Европейскіе Миссіонеры основались однакожь и здѣсь , въ заливѣ Острововъ. Внутренность одного изъ острововъ , составляющихъ Новую Зеландію , *Ika na Maui* (или *Kaheipomawe*) , сдѣлалась довольно знакомою , съ тѣхъ поръ , какъ Марсденъ и Куннингамъ ее постигли. Берега сего острова весьма почто осмотрѣны и списаны Дюрвиллемъ. Что касается до другаго острова , *Tawai-ropanon* (или *Tawai-ropanati*) , мы знаемъ внутренность только южныхъ его береговъ , благодаря трудамъ Шаса , Сьюарша и Эдуарсона.

Какое бездѣйствіе , въ теченіе *двухъ съ половиною вѣковъ* , какая дѣятельность въ послѣдніе *шесть*

десять лѣтъ! Малайское море было съ самаго начала поприщемъ многочисленныхъ предпріятій, почти всегда относившихся къ соперничеству власши Европейцевъ; но великій Южный Океанъ былъ нерѣстѣаемъ только одною извѣсною линією — пушемъ, по которому ходили изъ Акапулко въ Манилу Испанскіе гальоны. Изрѣдка, послѣ долгихъ перерывовъ, являлся въ Австралію корабль какого нибудь изслѣдователя-путешественника. Нынѣ, сошли кораблей плавающихъ въ Австралійныхъ моряхъ, по всѣмъ направленіямъ. Многочисленное заселеніе въ Новой Голландіи составляетъ, можетъ быть, зерно Новой Европы, нолага міра. Нынѣ служитъ оно непосредственною связью сношеній Европы, Китая и Америки Сѣверо-западной: въ немъ видимъ укрѣпленія, города, мѣстопробываніе иностранныхъ Консуловъ. Туземцы Австраліи служатъ уже на корабляхъ Европейскихъ. На многихъ островахъ, гдѣ прежде алтари идоловъ омывались кровью человѣческою, сіяетъ уже Крестъ Христа, и идолы служатъ предметомъ только Историческаго любопытства. Ошанши управляется по конституціи, данной тамошнимъ владѣтелемъ, и флагъ Ошаншянскихъ кораблей вѣетъ среди флаговъ Европейскихъ. На Эimeo учреждены бумаго-прядильни и заведена Академія. Многіе изъ туземцевъ Австраліи сдѣлались проповѣдниками Христіанской вѣры.

Никогда и нигдѣ не было видано успѣховъ образованія, общественности и просвѣщенія столь быстрыхъ, споль необыкновенныхъ! Въ сей картинѣ замѣчаемъ и тѣни... Богъ знаетъ, счастливые-ли

нынѣ шумецы Австраліи, при своемъ знакомствѣ съ Европою! Болѣзни, огнестрѣльное оружіе, пляжніе пруды, пороки Спараго Свѣта, впорглись къ нимъ, вмѣстѣ съ образованіемъ и новою общественностью! Рядомъ съ роскошью, тысячу неизвѣстныхъ дополъ предметовъ, удивительною дѣшельностью — бѣдность и трудъ замѣнили для многихъ изъ нихъ прежнее довольство и грубое бездѣйствіе. . . .

Но сближеніе съ Европою XIX-го вѣка не можетъ быть столь пагубно для Австраліи, какъ было пагубно для Америки сближеніе съ Европою XV-го столѣтія. Да успокоятся тѣни жершвъ, погибшихъ отъ сближенія съ Европейцами! Ихъ прахъ былъ орошенъ кровью и слезами тѣхъ людей, которые пришекали къ нимъ изъ Европы для ихъ гибели — невинные мученики судебъ Провидѣнія, непосижимыхъ и неизбѣжныхъ! Въ Исторіи Америки видимъ, какой несчастный жребій постигалъ всѣхъ великихъ изслѣдователей Новаго Свѣта. Исторія пятой часни свѣта представляеть намъ также длинный поминальный списокъ знаменитѣйшихъ ея посѣщителей и изслѣдователей. Имя Магеллана находится въ началѣ сего погребальнаго списка: стрѣла дикаря Филиппинскихъ острововъ поразила его, среди поприща славнаго и блестящаго. Тѣнь Менданы взываетъ къ соотечественникамъ, шребуя памятника на томъ островѣ, гдѣ сей мореплаватель хотѣлъ водрузишь Крестъ. Кука считали полубогомъ изумленные дикари, но дубина Сандвичанина доказала смершность сего вели-

каго чловѣка. На другой оконечности Полинезіи, подобный жребій ожидалъ Маріона, оставшагося въ мѣстѣ Ново-Зеландцевъ полубогомъ. Память Сюрвнала равно принадлежитъ Америкѣ и Австраліи. Сія обѣ части свѣта были свидѣтелями гибели многихъ спутниковъ Лаперуза — печальнаго предвѣщанія о жребіи, ожидавшемъ всѣхъ ихъ — и самого Лаперуза! Сего недовольно: самое стараніе извѣдашь ихъ судьбу, какъ будто требовало наказанія — и Кермадекъ и Даншркашо погибли жертвами болѣзни, среди изслѣдованій о судьбѣ соотечественниковъ! Сократимъ сію грустную повѣсть, не забывая однакожь памяти Клерка, Делагля, Ламанона, Бодена, Макъ-Клюера, и другихъ, достойныхъ нашего воспомнанія. Забудемъ-ли и то, что благошворители Человѣчества, мирные сподвижники знаній, сколько-же терпѣли ошъ несправедливости просвѣщенныхъ своихъ собратій, сколько ошъ варварства дикарей и свирѣпости стихій. Помощво никогда не перестанеть требовашь ошвѣта за цѣпи Роггевейна, Флиндерса и Маласпینی!

До нашего времени, у Европы не было соперниковъ въ стараніи узнать Южное полушаріе и надѣлать обитателей его плодами общественности и образованія; нынѣ Америка благородно начинаетъ соревновашь Европѣ, и хочеть передать другимъ то, что ей самой передала Европа. Какія размышленія возбуждаеть въ умъ просвѣщеннаго набаудателя декретъ Сената Сѣверныхъ Американскихъ Штатовъ, которымъ опредѣлено отправить экспедицію для подробныхъ изслѣдованій въ Южномъ

Сентябрь 1831.

8

Океанъ! Кажется, что Испанія, ошдыхая отъ прежней славы своей, завѣщаваешь докончить дѣло, начатое нѣкогда ея, едва раждавшимся флотомъ, республикѣ Новаго Свѣта, ея открышаго — республикѣ, у которой число кораблей въ десятеро превосходишь число кораблей всей Европы во времена Колумба!

Сшашья, которую мы теперь представили нашимъ читателямъ, есть сочиненіе Французскаго Географа, Г-на Юлія Блоссевиля. Жаль, что составляя превосходный *Историческій* очеркъ познанія пяшой части свѣта Европейцами, она не показываетъ Русскимъ читателямъ богатства Сшашисшическихъ, Историческихъ, Естествоиспытательныхъ, и другихъ свѣдѣній, кои въ послѣднее время обогатили Европу описатели Австраліи. Все это пропадаетъ для *Русскихъ* Сшашистиковъ, Географовъ и Историковъ, донныя перепечатающихся только то, что извѣстно еще было во времена Кука. — Многимъ-ли Географамъ нашимъ, хоть по слуху, знакомъ самый Англьсъ Крузенштерна, о которомъ съ такимъ уваженіемъ говоритъ Г-нь Блоссевиль? А новѣйшія свѣдѣнія Англичанъ, Французовъ, Голландцевъ, Американцевъ? — «*О! гдѣ нашимъ ребятамъ спознать заморскія хитрости!*» восклицаемъ мы, и, громко крича о нашемъ просвѣщеніи, предаемъ *новому* шисненію . . . Географію и Сшашистику Гейма, Всеобщую Исторію Г-на

Кайданова, Русскую Исторію его-же, Русскую Грамматику Г-на Востокова, Ришорику Г-на Кошанскаго... Извольте чистать!

П П.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

Въ Телеграфъ вашемъ помѣстили вы нѣкогда драгоценную находку, которую, несправедливо, угодно было Издателю сочиненій Сумарокова причислить къ числу пвореній, и безъ того слишкомъ многочисленныхъ, сего писателя. Я разумью здѣсь: *Разговоръ Кортца съ Монтезумою, съ царствъ мертвыхъ* — едва ли единственное литературное сочиненіе великаго Суворова. Ошдавъ Суворову принадлежащее, вы, М. Г., оказали заслугу, за которую не лзя не быть вамъ благодарнымъ.

Позвольте-же мнѣ просить васъ еще ошнить у Сумарокова *гужое, и драгоценное* намъ по двумъ отношеніямъ. Во-первыхъ потому, что помѣстивъ спашью въ Телеграфъ подъ именемъ настоящаго ея Сочинителя, вы напомните эшимъ о человекѣ, геніяльномъ, и несправедливо забытомъ. Это, можешъ быть, побудишь и другихъ подумать объ эшомъ человекѣ. *Вторая* причина дорожить находкою есть та, что человекѣ, сочиненіе коего на-

добно исключивъ изъ швореній Сумарокова, писалъ немного болѣе Суворова.

Говорю о *Васильѣ Ивановичѣ Баженовѣ*, знаменитомъ, единственномъ Русскомъ зодчемъ. Слово, говоренное имъ при заложеніи въ Кремль Дворца (отъ кошораго осталась намъ только модель), помѣщено въ сочиненіяхъ Сумарокова (томъ II, стр. 267—275)—Богъ знаетъ по какой причинѣ! Баженовъ самъ сочинялъ его, самъ говорилъ. Можешь быть, по славѣ Сумарокова и по дружбѣ съ нимъ, Баженовъ давалъ ему поправить Слово свое, въ литературномъ отношеніи. Вѣроятно, въ бумагахъ Сумарокова нашелъ Новиковъ это Слово, и, какъ счастію Суворова, напечаталъ и Баженова сочиненіе въ сочиненіяхъ Сумарокова, все обвинявшаго и все писавшаго.

Въ бумагахъ отца моего, который былъ очень хорошо знакомъ съ Баженовымъ, нашелъ я списокъ Слова, *лично-Сумароковскаго*, съ именемъ истиннаго *Согниателя*. Переписавъ его, отправляю къ вамъ, съ изъявленіемъ просьбы моей — помѣстивъ оное въ Телеграфъ.

Баженовъ — къ стыду нашему — донынѣ не оцененъ по достоинству, или, какъ я сказала выше, *забытъ вовсе несправедливо*. Многіе-ли знаютъ труды его, памятники Зодчества, имъ созданные, мысль его о преобразованіи Зодчества въ нашемъ опечесивѣ, и о томъ, чтобы создать свой, *Русскій* вкусъ, который былъ-бы при томъ соображенъ съ нашими потребностями и каншомъ? Баженовъ славился въ Европѣ между современника-

ми. Когда онъ былъ въ немилости у Императрицы Екатерины, одинъ извѣстный Французскій Архитекторъ, прїѣхавъ въ Петербургъ, разговаривалъ съ Великимъ Княземъ, бывшимъ попомъ Императоромъ Павломъ. Исчисляя тогдашнихъ Архитекторовъ, славившихся въ Европѣ и въ Россіи, Французъ сказалъ: « Вы забываете, В. В., объ одномъ великомъ архитекторѣ, и притомъ Русскомъ; я видѣлъ его чертежи, дивился имъ, и... не вспомню шеперь его имени.., инаждеое, Русское — кажешся, если не ошибаюсь, что оно кончилось на *овъ*! » — Вѣрно вы говорите о Баженовѣ? — « Точно; гдѣ онъ и что онъ дѣлаешь? Я ничего объ немъ не слышу! » — Павелъ улыбнулся, и сказалъ: « А развѣ вы не знаете, что *нѣтъ Пророка въ отечествѣ его?* » — Неужели и мы должны повторить сіи слова? Намъ будетъ спыдно.

Баженовъ, рожденный въ бѣдномъ сестроуиѣ, чертилъ планы и планы, когда еще былъ студентомъ въ Славено-Греко-Лашинской Академіи, откуда, двадцати лѣтъ, перешелъ онъ въ Университетъ. Вскорѣ попомъ успремилася онъ въ Академію Художествъ, и въ 1761 году былъ отправленъ онъ нея во Францію. Тамъ, и въ Италіи, пробылъ онъ до 1765 года. Золотая медаль Парижской Академіи, званіе Члена Болоньской, Флорентійской и Римской Академіи, были его наградою. С. Петербургская Академія не удостоила его однакожъ званія Академика. Баженова произвели въ *Капитаны по Артиллеріи*, и Екатерина велѣла ему строить Дворцы и церкви. Баженовъ всегда угождалъ ей, и особенно угождалъ планомъ и моделью огромнаго

Кремлевскаго Дворца, который был заложенъ в 1773 году. При семъ случаѣ говорилъ Баженовъ *Слово*, мною при семъ прилагаемое. Модель Дворца стоившая тогда 60,000 рублей, донынѣ цѣла в Оружейной Палатѣ. Радуемся, что постройку Дворца впоследствии ошложили, ибо онъ лишилъ-бы Москву ея древняго Кремля; да, кажется, Екашерина и не думала въ самомъ дѣлѣ спростъ Дворецъ; ей надобно было *выдумать* что нибудь подобное для Европы, чтобы доказашъ мнимое равнодушіе свое въ трудныхъ, полишическихъ дѣлахъ тогдашнихъ; наконецъ, Баженовъ былъ оклеветанъ и лишился благоволенія Императрицы за неудачную постройку Дворца въ Царицынѣ, гдѣ, прошивъ воли его, все было испорчено нарочно другими. Извѣстень смѣлый ошвѣтъ его Екашеринѣ.

Баженовъ издалъ только *Архитектуру Витруві* (СПб. 10 ч. 1790 г.). Но архитектурныя памятники его донынѣ уцѣлѣли, хотя многія были обезображены впоследствии.

Счастіе улыбнулось Баженову въ послѣдствіи Императоръ Павелъ пожаловалъ ему ордена, чины почетныя званія, богатыя имѣнія; въ 1799 годъ Баженовъ скончался, облагодѣтельствованный Царскою щедрошою.

Намъ должно почтнть память его, какъ геніальнаго Русскаго зодчаго, и литографія даетъ нынѣ къ этому легкія средства. Желательно, чтобы кто нибудь занялся разсмотрѣніемъ и соображеніемъ всего, что осшалось ошъ Баженова. Въ Петербургѣ и Москвѣ находящяся его памятники. У наслѣдниковъ его и въ архивѣ бывшей Кремлевской Экспедиціи

скрывающагося драгоценныя матеріалы. Неужели имъ погибнуть въ неизвѣстности?

Баженовъ являетъ намъ рѣдкое достоинство — *самобытность*, чего нѣтъ и не было ни у одного Русскаго Архитектора, по крайней мѣрѣ, донынѣ: говорю это смѣло, и берусь доказать. *Подражаніе* губило всѣхъ, кромѣ Баженова. Посмотрите на церкви, на дома, воздвигнутыя Баженовымъ — какая смѣлость, благородство, величіе, прочность дѣла! Сличите лучшія труды другихъ зодчихъ — какаго бѣднота воображенія, какое жалкое безвкусіе!

Надобно отмѣтивъ въ трудахъ Баженова вліяніе вѣка — это правда! Но гений его неоспоримъ. Я упомянулъ выше сего о великой мысли Баженова — создать свое, Русское зодчество. Въ семъ особливо отношеніи надобно бы тщательнѣе рассмотреть труды его.

Въ *Словѣ* Баженова вы найдете много мыслей его о Московскихъ зданіяхъ: онъ особенно любопытенъ.

Если увижу посылку мою въ Телеграфъ, то постараюсь доставить вамъ еще нѣсколько свѣдѣній о Баженовѣ, и, можешь быть — осмѣюсь представить на судъ публики нѣсколько мыслей моихъ объ Архитектурѣ въ Россіи. Угодно-ли вамъ будешь это (*)? — Порадуюсь, если и другіе также обратятъ вниманіе свое на предметъ, достойный полныхъ изслѣдованій. Чесъ имѣю бытъ, и проч.

Князь А вѣ.

(*) Издатель Телеграфа покорно проситъ объ вспоможеніи почтеннаго Сочинителя.

РЪЧЬ,

ГОВОРЕННАЯ ПРИ ЗАЛОЖЕНІИ КРЕМЛЕВСКАГО ДВОРЦА,
В. И. БАЖЕНОВЫМЪ.

Празднуешь Воспочная Церковь обновленіе Царяграда; ибо благочестивый Константинъ перенесъ шронъ отъ береговъ Гибра въ Визаншю, и украсилъ оную великолѣпнѣе, и богодухновенно освятилъ то мѣсто. Въ сей день обновляется Москва. Ты, Великая Екашерина, посреди кровавой брани, посреди множества порученныхъ тебѣ отъ Бога дѣлъ, и объ украшеніи первопрестольнаго града забыть не восхотѣла! Кажется, что судьбина ради того много Тебѣ разныхъ препятствій во исполненіи Твоихъ желаній представила, дабы болѣе превознести имя Твое. Зіяющая на насъ Општоманская Порта шрепещеть; Геллеспонтъ попирается флотомъ Твоимъ; войска Општоманскія разсываються; Вендеры горящъ; пучина корабли Турецкіе на воздухъ мещеть! Тамо Голицынъ побиваешь, и многочисленное Сарацинокое побѣждаетъ войско, Хопшинъ опустошаешь, и Молдавія покаряется Російскому Скипетру. Тамо Румянцовъ гонишь и возметаешь непріятелей, яко прахъ, его-же возметаешь въспрѣ отъ лица земли. Тамо Панинъ расшворяешь адскія пропасти, и попадаешь непріступный Бендеръ. Тамо Орловъ раздираетъ валы морскіе и Турецкіе корабли изъ пучины на воз-

духъ бросаешь : суда непріяшельскія не бурными на водахъ волнами , но бурными на воздухѣ пламенемъ окружены. Тамо Крымъ , устрашенный именемъ Великія Екатерины , едва воспротавляясь Долгорукому , полагаешь оружіе , и въ прежніе вѣки приводящій разстѣянную и не согласную державу въ ужасъ , самъ стократно болѣе ужасаешься грома и молній сѣвернаго Зевса , создавшаго Пешрополь , и оружія Россійскія Минервы , возобновляющія Кремль и Москву. Здѣсь Волконскій , показавъ искусство свое и въ военныхъ и въ Минисшерскихъ дѣлахъ , прехвально Намѣстницы Божіей намѣстничество исправляетъ ; Еропкинь усмиряетъ Мегеру и ушверждаетъ безопасности вѣрныхъ Ея Величества подданныхъ и сыновъ ошечества. Во дни брани , правосудію швердые столпы сооружаются ; сирые воспышывающіяся , и невинно помирающіе младенцы , не только къ жизни , но еще и ко счастливой жизни готовящіяся ; пустыни населяются , училища умножаются , худовидные грады облачаются въ великолѣпіе , дерзостныя междоусобія прекращаются , смерть изгоняется ! А ты , о благословенная рѣка , орошающая Кремлевы стѣны ! Воздыми главу свою , возведи очи твои и виждь ! Се ко твоему Сіону събѣгаются жители многонароднаго обшашаща , видѣши о немъ попеченіе Премудрыя Екатерины ! Да украсятся твои брега , яко брега прошока претвореннаго изъ баша въ чистѣйшія Невскія струи , и носящаго въ Пешрополь имя Великія Государыни ! Ликовшуй Кремль ! Въ сей день полагаешься первый камень новаго Ефесскаго храма , посвящаемаго Божіей въ Россію Намѣстницѣ , шолко-же и доб-

родѣтелямъ, коликъ своимъ саномъ сіяющей. А я, будучи удостоенъ исполнять Монаршія повелѣнія, въ сооруженіи огромнаго дома, и всего великолѣпнаго въ Кремль зданія, гошовая зачати оное, почитаю должностію нѣчто молвить о строеніяхъ Московскихъ, ибо то къ сему дню, и къ дѣлу сему пристойно, и нѣчто выговорить и о своей профессіи, ибо зданіе здѣсь начинается.

Іоаннъ Даниловичъ, сынъ Данила Александровича, и внукъ Александра Невскаго, воспитанный въ Москвѣ, при оцѣ своемъ, содѣлался наслѣдникомъ Россійскаго Великокняжескаго престола. Возростя на прекрасныхъ мѣстоположеніяхъ Москвы, по благословенію Петра Митрополиша пренесъ онъ Россійскій пронъ изъ Владиміра, а съ нимъ и Митрополишь переселился въ Москву. Остатокъ бора, лежащаго на горѣ Кремлевской, окружающаго Спасскій монастырь, вырубленъ, а бывшая тамо монашеская обитель перенесена на Язу и названа Новоспасскимъ монастыремъ; осталась шолько посреди Дворца одна церковь, называемая и понынѣ *Спасъ на Бору*. Ошъ сего бора названъ и Боровицкій мостъ. Замоскворѣчье составляло слободы переведенцовъ, какъ были переведенскія улицы и въ Пешербургѣ. Гдѣ нынѣ ряды и гостинный Дворъ, тушь было поле, а потомъ посавлены деревянные лавки, ради торгу; при сихъ рядахъ посавлена пошомъ, ради торгующихъ, церковь Великомученицы Варвары, ошъ чего улица Варварка и имя получила. Жилище Великихъ Князей былъ Кремль, на коемъ мѣстѣ и наша Монархія нынѣ Дому Им-

перашоровъ Россійскихъ основаніе полагаесть. Книжай спалъ попомъ жилищемъ мѣщанъ шоргующихъ. Тверская, Някишская, Воздвиженка, Дмитровка и Пешровка, первая населены были, и лучшіе Князи, Господичи и Дворяне на нихъ обитали, а особливо на концахъ, ко Кремлю и Китаю касающихся, по близости Дворца и рядовъ. Тверская, лежащая по хребту вышей горы, значнѣйшею починалася улицею, нося попомъ имя улицы Царевой, какъ Някишская имя улицы Царицыной. Пречистенка была улица Конюшенная, касаясь почти самому Боровицкому мосту, и, слѣдовательно, Конюшенному и Колымажному дворамъ. На Дввичьемъ Поле косили сѣно на Государскія конюшни, а на Остоженкѣ ставили сѣноги. Гдѣ нынѣ Земляной городъ, шуть жили мѣлкіе обыватели, а попомъ Спрѣльцы, и вслкіе ремесленники. По временамъ Іоанна Даниловича, Москва, яко центръ Россійскихъ земель, стала годъ ошь года размножаться. Во время Великаго Князя Іоанна Васильевича, она возсіяла, ибо онъ увеличилъ Кремль, и обвелъ его стѣнами, гордыми украсивъ ихъ башнями. Во время сына его и внука, Москва красому свою и велелѣпіе умножала, а впускъ его, Царь Іоаннъ Васильевичъ, воздвигъ стѣны и башни Книжай. Царь Борисъ Феодоровичъ Годуновъ, а по немъ Царь Михаилъ Феодоровичъ, Царь Алексій Михайловичъ, Царь Феодоръ Алексѣевичъ, еще Москву и распростирали и украшали. А попомъ, и время и радѣніе обиташелей привели еѣ въ шо состояніе, въ коемъ мы еѣ видимъ. Но упадающія Царскія чертоги не могли болѣе сшоять безъ страха, и были

гошвы ко всеконечному разрушенію. Сія главная причина благоволенія Ея Императорскаго Величества восставшии обиды предковъ Ея, и нашихъ Государей. Превзошла Она побѣдами славнаго Россійскаго Монарха Іоанна, дѣда Царя шого-же имени, а нынѣ и украшеніемъ Москвы его превзойдши усстремляется. О, дабы труды мои соотвѣтствовали моему усердію, щедрая Машеръ отечества вашего! Я всѣ мои силы, и все мое знаніе употреблю, и принесу на жертву Твоему повелѣнію! Желаю, чтобы сіе почтенное художество, на семъ мѣстѣ во всей своей славіи возсіяло, и было-бы сіе жилище достойнымъ обитаніемъ Великія Екатерины! И сколько Римъ и Италія принесли мнѣ ободренія, сколько-бы принеслося мнѣ похвалы за сіе начинаемое мною созданіе, и столько милосердаго снисхожденія отъ моего Государыни!

Египтяне первые привели Архитектуру во презрительный порядокъ; но не довольствуясь хорошимъ вкусомъ и присвойнымъ благолѣпіемъ первоначальнымъ, едину огромность почиташъ начали, отъ чего и пирамиды ихъ, возносясь къ небу, землю осягощаютъ, гордятся многолѣтними и многонародными трудами и многочисленною казною. Греки, хотя и все отъ Египтянъ и Финикянъ къ просвѣщенію своему получили, но ставъ лучшаго и почтеннѣйшаго на свѣтѣ охотниками, и введя сію охоту во весь народъ, Архитектуру въ самое привели извѣстное состояніе. Родилась отъ Египетской, несовершенной Архитектуры, три въ Греціи ордена: Дорическій, Іоническій и Коринтскій:

важный, нѣжный и цвѣтшій; разныя въ нихъ размѣры и расположенія, но всѣ приведены въ совершенныя правила, и всѣ огромностями посвящены бышь могутъ.

Нѣкоторые думаютъ по, что и Архитектура, какъ одежда, входитъ и выходитъ изъ моды; но какъ Логика, Физика и Математика не подвержены модѣ, такъ и Архитектура, ибо она подвержена основательнымъ правиламъ, а не модѣ. Когда Гошемъ овладѣли Италией, они, привыкнувъ къ великолѣпнѣ зданій Римскихъ, и не проникнувъ того, въ чемъ точно красота зданія состоитъ, ударились только въ сіяющіе Архитектуры виды, и безъ всякаго правила и вкуса, умножая украшенія, ввели новый родъ созданія, который по времени получилъ отъ искусныхъ, хотя и не слѣдующихъ правиламъ, огромность и пріятство. Такого рода наша Спасская башня; но колико она ни прекрасна, однако не прельститъ только зрѣнію, какъ башня Гавриила Архангела. Грановитая Палата хороша; но съ Арсеналомъ сравняться не можешь. Колокольня Ивановская достойна зрѣнію, но колокольня Дѣвичья монастыря болѣе обольститъ очи человека, вкусъ имѣющаго. Церковь Климента покрыта златомъ; но церковь Успенія на Покровкѣ болѣе обольститъ имущаго вкусъ: одна смѣсь прямой Архитектуры съ Гошическою, а другая создана по единому благоволенію спростела. Видимъ мы въ Москвѣ нѣкоторые хорошія зданія и кромѣ шѣтъ, кои мною наименованы. Всѣ Кремлевны башни хороши; церковь называемая Николы Большаго Креста; церковь Іоанна Воинственника,

и — можешь-ли ей уподобиться, спящая близъ оной у нѣкошорой церкви, и подобныя ей стягосныя колокольни, вшедшія въ моду, подобіемъ обезображающихъ дома подъздовъ? Хорошо построены Архангельскій Соборъ, хотя и обрушились его галереи въ прежніе годы. Царскіе Терема, въ Кремль, свое достоинство имѣють, и веледѣльна церковь на Рву у Спасскихъ воротъ, хотя придѣлами послѣ и попорчена. Хороши Гошнческія зданія Сухаревой башни, и Университетскаго, у Курашныхъ воротъ, дома. Прекрасенъ *берегъ* (?) Аннинскаго Дворца, и мосты. Прекрасны еще въ Москвѣ дома: Главная Аптека, и былъ-бы домъ сей еще прекраснѣе, когда-бы не было при немъ необходимой аптеки лѣшницы. Казенный домъ на Срѣтенкѣ, бывший Князя Голицына; на Знаменкѣ Графа Воронцова; а всѣхъ домовъ прекраснѣе домъ Князя Гагарина, на Тверской. Имѣеть великолѣпіе и Воздвиженскій монастырь, и пріятство церкви Варсонофьевскія и Воскресенія въ Кадашевѣ, съ ея легкою колокольнею.

Великая Государыня! Тебѣ врученъ отъ Бога Россія скипетръ; Тебѣ повинуется побѣда, слѣдующая войску Твоему; Ты печешься о сирыхъ, убогихъ и обидимыхъ; Тебѣ поручено исправленіе нравовъ, законовъ, просвѣщеніе разумовъ; къ Твоей славы и Архипештура устремляешь усердіе, почитая Тебя Россійскою Палладою, а Москва благодаритъ Тебя, что Ты, Государыня, помнишь о ней, и въ такое время, въ которое Възнесенная Твоя Глава множествомъ неусыпныхъ опягощена мыслей!

О собранные зрители заложения Дома Великия Екатерины! Я желаю и устремляюся, колико могу, исполнить повеления Самодержицы! Умъ мой, сердце мое и мое званіе не пощадаютъ ни моего покоя, ни моего здравія. Архистратигъ Обладателя вселенныя (*)! Предъ Твоими очами, предъ самыми Твоими очами, сей первый камень во основаніи полагается! Не самъ-ли Ты назнаменовалъ сіе мѣсто срединною начинаемаго зданія? Будь хранитель сего дома, сего замка, и сего града! Будь хранитель и всей Россіи! Повергай враговъ нашего опечесства, силою нашего оружія, какъ Ты повергъ надменные гордостію духи! Видя храмъ Твой, кажешся мнѣ, что я Тебя предъ собою вижу, воздѣвающа руки ко Прешолу Обладателя подсолнечныя; слышишся мнѣ, что Ты уже возносишь общенародный гласъ Съвера, сей гласъ: «Всемогуцій Боже! Благослови мѣсто сіе, и дай Екатеринѣ шоль великій вѣкъ, коль велика слава ея!» О вы, Первосвященники, и вы всѣ, сыны опечесства! Возведише со Архангеломъ на небо очи свои, и да будешь сей торжественный день и днемъ молитвы — о здравіи и многолѣтій нашей Государыни и Ея Наслѣдника!

(*) Закладка была подлѣ Архангельскаго Собора.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОПЫТЪ ПЕРЕВОДА ПОЛТАВЫ,
ПОЭМЫ А. С. ПУШКИНА, на Малороссійскій языкъ
(Изъ пѣсни 1-й).

1.

Богатый дуже Кочубей :
 Іого ланамъ конца не мае ,
 Іого опшара скричь гуле
 Въ зеленимъ луга безъ людей.
 А лугъ шакъ ажъ кишипть воламы,
 Ковамы , кннымы и вивцямы.
 Багацько у іого добра :
 Опласу, хушра и срибра,
 На змдюдци я подъ замкамы.
 Да цышный Кочубей не шимъ ;
 Не довгогривимы конямы
 Не башькивскими хушорамаы,
 Не злошомъ , богаше , якимъ
 Іого що годъ вишае Крымъ.
 Дочкою гарною своею
 Ты запышнився Кочубею !

2.

Тогда Украина мурмошала
 Мовъ лишомъ бжилъ на сонци рый.
 Вона до себе *Карла* ждала :
 Щобъ волю давъ скоряще ія.

Кругомъ Гешьмана обзывався
 Не гарный гвалтъ : пора ! пора !
 А все здавалось , оставався
 Мазепа кривимъ до *Петра*.

Щожъ Гешьманъ ! парубки гукалы ,
 Чого винъ жде , спарый Іовпухъ .
 Годы да праця зопсовалы
 У його Опаманьскій духъ !
 Чого жиночею рукою
 Ище винъ носить булаву ?
 — Теперь ушкварить бы вѣйною
 Намъ ; на поганую Москву !

Колѣбъ спарый нашъ Дорошенко!
 И Самѣловичъ молодой ,
 Або Палѣи и Гордѣенко ;
 Изъ Козакамы спалы въ спрый ;
 Тогда въ снигу , въ лихій години ,
 Въ Москви , не дохлыбъ Козаки !
 И—скричь по селамъ Украины
 Рушалы сошци , и цовкы !

Е. Гребѣнкинѣ.

Г. Пирятинѣ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Новымъ Положеніемъ о тарифѣ и торговлѣ въ Закавказскихъ нашихъ областяхъ, Высочайше утвержденнымъ въ 3-й день Іюня сего 1831 года, исполнено желаніе Русскаго купечества и Русскихъ производителей. Даруя новос и полное обезпеченіе сбыту Россійскихъ издѣлій за Кавказомъ, новое Положеніе должно возбудишь дѣятельное соревнованіе наше, къ оправданію благотвительной попечительности Правительства. Желательно, чтобы Русскіе торговцы и производители прочитали статью о Закавказской торговлѣ, въ N 75 *Коммерческой Газеты*, сего года (стр. 549, 550).

Извѣстно, что транзитный торгъ въ Грузію, усановленный на десять лѣтъ, съ 1821 года, принималъ у насъ среднца съ выгодною сбывать за Кавказомъ наши Русскіе товары. Армяне и Грузины вывозили туда товаръ изъ-за границы, а у насъ брали, что было имъ угодно, и какъ было имъ угодно. Снмъ транзитомъ, Правительство думало обратншь въ Грузію торговлю Персіи и Средней Азіи, производимую черезъ Константинополь и Трапезундъ. Оказалось, что транзитъ отбилъ только пошребленіе нашихъ товаровъ за Кавказомъ. Нынѣ транзитъ, съ Октябрия сего года, прекратнлся; соперничества нашимъ издѣліямъ не бу-

дять. Но постарайся ли мы за сія распоряженіе Правительству вознаградить дельнейшими предпріятіями нашими, касательно торгѣли съ Среднею Азією иъ Грузіи? Вошь на что должны дидеры обратитъ вниманіе наши производители и канцпалісты. Правительство всегда готово поощрять всѣми мѣрами, отъ него зависящими, каждое доброе ихъ предпріятіе. Дно оно доказывало и доказываетъ на дѣлѣ.

Александровская Мануфактура, въ 1830-мъ году, произвела бумажной пражы 21,155 пудъ, 36 ф., и пражы льняной и пеньковой 33,360 п. 14 ф. — Продано: бумажной пражы 10,766 п. 35 ф.; замѣчательно, что льняная пража продана была наиболѣе въ Англіи и Америкѣ, а также льняные очески и парусное полотно. — Сложная цѣна бумажной пражы, по продажѣ, вышла 72 р. 82 к. за пудъ. Въ ткацкой, при Мануфактурѣ, работали бумажныя, льняныя, пеньковыя и шерстяныя издѣлія. Мануфактура продала ихъ въ 1830 году, почти на 650,000 рублей. — Игральныхъ картъ, въ 1830 году, было выдѣлано и опущено на продажу 108,400 дюжины и 10 колодъ.

Изъ С.Петербургскаго Коммерческаго Училища, въ 1830 году, выпущено 4 штатныхъ канцпаліста коммерціи и 26 пансіонеровъ. Къ 1 Января 1831 года, штатныхъ учениковъ сосшоло 60, пансіонеровъ 86. — Содержаніе училища стоило, въ 1830 году, 128,805 р. 76 $\frac{1}{4}$ к.

Изъ Московскаго Коммерческаго Училища, въ 1830 году, выпущено 6. штатныхъ воспитанниковъ, и 5 пансіонеровъ. Къ 1 Января 1831 года, штатныхъ учениковъ состояло 40, на счѣтъ пожертвованій 12; пансіонеровъ 49. — Содержаніе училища сшло, въ 1830 году, 75,392 р. 95½ к.

Къ 3-й книжкѣ *Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*, приложено особое *Прибавленіе*, долженствующее обратиться на себя вниманіе Медиковъ. Въ семъ Прибавленіи изложены подробные ошчѣты о С. Петербургской городской, Обуховской, больницѣ. Особеннаго замѣчанія достоинъ прополокъ чрезвычайнаго врачебнаго совѣщанія С. Петербургскихъ Медиковъ, касательно леченія укушенныхъ бѣшеными собаками. Вѣдомости больницы суть матеріалы для Медицинскаго описанія С. Петербурга.

Изъ сихъ Вѣдомостей видно, что число поступившихъ въ больницу было, въ 1829 году 4,246, а въ 1830 году 4,177. Главнѣйшія болѣзни были: горячки нервныя (1738 и 1758), горячки вообще (1177—1124). За шѣмъ слѣдовали: перемежающіяся лихорадки (въ 1829 г. 120, въ 1830-мъ 94), внутреннія воспаленія (171 и 200), помѣшательство мѣсячныхъ ошдѣленій (135 и 138), чахотка и сухотка (127 и 59). Самую большую смертность изъ болѣзней составляли нервныя горячки: почти треть больныхъ ими умирала (въ 1829 г. 514, въ 1830-мъ 437).

С М Ъ С Ъ.

При сей книжкѣ Телеграфа приложено изображеніе *Мексиканскихъ гіероглифовъ*, выгравированное съ подлинной картины, хранящейся въ Музеѣ Вѣнской Императорской Вибліотеки. Рисунокъ, съ котораго перегравирована картинка при Телеграфѣ, находится при новомъ изданіи Французскаго перевода Робертсоновой *Исторіи Америки*. Кажется, донынѣ Русскіе читатели не были ознакомлены съ живописью и гіероглифическимъ письмомъ древнихъ Мексиканцевъ.

Къ сожалѣнію, Европейскіе ученые вообще, или не имѣли средствъ заняться симъ любопытнымъ предметомъ, или оставляли его въ небреженіи. Мексиканскія картины хранятся въ Вѣнѣ, Лондонѣ, Мадридѣ и Парижѣ; большею частію, онѣ скрыты отъ взоровъ любопытныхъ! Пурчазъ издалъ 70 рисунковъ съ оныхъ; Гумбольдтъ и Бюлокъ сообщили намъ объ нихъ многія любопытныя подробности.

Живопись Мексиканская была груба и нечѣпа: эщо начало искусства, не вышедшаго еще изъ дѣтства. Но Мексиканцы употребляли живопись вмѣстѣ съ письменъ, изображали ею свою Исторію, свои законы, учрежденія. Для сего было у нихъ придумано множество гіероглифическихъ знаковъ, которые на картинахъ Мексиканскихъ были перемѣ-

шаны съ изображеніями предметовъ , и пояснял смыслъ оныхъ. Какъ могло все это быть при гробомъ состояніи Мексики? И сей вопросъ , и любопытныя историческія шайны Америки могли-бы можешь быть , поясниться , если-бы кто нибуды имѣлъ средства , способности и сноту посвятивши нѣсколько времени Мексиканскимъ картамъ. Дѣшкъ поръ , онѣ любопытны только какъ памятники искусства между Американскими шутками в XV-мъ столѣтіи , до прибытія къ нимъ Европейцевъ.

Въ теченіе года , съ половины 1826 до половины 1827-го , Англійская Остъ-Индская Компанія вывезла изъ Кантона чаю , 38,567,505 фунтовъ ; въ слѣдующій годъ , до половины 1828-го , 34,593,176 ф. а потомъ до половины 1829-го , 28,617,280 ф. — Фамиліи чаю , Англичанами вывозимаго , совѣтъ нѣтъ , какія мы получаемъ. Главная , коюрой пользуется $\frac{2}{3}$ всего количества , есть *Конгу* ; потомъ много получаютъ Англичане чаю фамилій : *Богел* , *Тванкой*. Далѣе слѣдуютъ : *Камлон* , *Сугонгъ* , *Пекоа* , *Гизонъ*.

Въ Турецкой типографіи , основанной Паше Египетскимъ , въ Каирѣ , кромѣ газеты (о чемъ мы уже писали въ Телеграфѣ) , стали печатать книги. Въ 1829 году выдано было двѣ книги. Странно , что первая въ Каирѣ напечатанная книга была — *Исторія Россіи* , сочиненная лжецомъ и клеветникомъ Каспера ! Французскій подлинникъ оной книги слишкомъ извѣстенъ ; на Турецкій языкъ

перевелъ ее Яковаки Аргиропуло. Имена собственныя переданы на *Турецкій манеръ*. Нашъ безсмертный Пётръ названъ *Дели-Петро*, т. е. *Петръ Сумасшедшій*, какъ донинѣ называютъ его Турки. Въ Предисловіи говорится, что книга издана для пользы Мусульманъ, дабы каждый видѣлъ, какіе злодѣи, извѣрцы и безбожники Рускіе! Въ концѣ книги означено имя Директора и корректора, и то, что книга напечатана въ послѣдній день Рамазана 1244 года эвры (4 Апрѣля 1829 года). — Другая книга, вышедшая изъ Каирской типографіи, есть родъ Письмовника: это собраніе образцовыхъ предписаній, писемъ, отношеній и донесеній, писанныхъ Даванъ-Эфендіемъ, т. е. Статсъ-Секретаремъ Паша Египетскаго. Титулъ сего собранія: *Сады для пишущихъ и рукомошники для знающихъ языкъ*. Книга раздѣлена на восемь садовъ; въ первомъ находясь — донесенія вѣ Паша Портъ; во второмъ — письма его къ чиновникамъ Султанскимъ; въ третьемъ — письма къ Визирямъ; въ четвертомъ письма къ Муфтію. Всего помѣщено 615 разныхъ писемъ, а вся книга состоитъ изъ 954 страницъ, въ малый листъ. Изданіе, какъ пишутъ, весьма хорошо.

Графиня Б * * * ошлывается гостепріимствомъ, особенно когда живешь, лѣтомъ, въ великолѣпнои замкѣ своемъ, подлѣ Парижа. Но вошь странность: Графиня непременно хочетъ знать: походилъ ли похудѣлъ гость, въ бытность свою въ роскошномъ ея убѣжищѣ? Для этого, шось, кто не хочетъ огорчить хозяйки,

долженъ непременно позволить себя *открыть*, при приѣздѣ и при отъѣздѣ! Всѣя устроены въ видѣ прекрасныхъ кресель, въ красивомъ павильонѣ, и называются *fauteuils-balance*. Если Графиня замѣчаетъ, что гости ея вообще худѣютъ, то приказываетъ удвоивать стараніе о вшолѣ, винахъ, десертахъ, прогулкахъ, и обо всемъ, что способствуетъ веселости и здоровью. Хорошая Графиня увѣрена, что дородность и удоба суть мѣры наслажденія и здоровья! — Въ Парижѣ вошло нынѣшнимъ лѣтомъ въ особенную моду *садоводство*. Каждый щеголь, каждая щеголиха, старающіяся достать самыя рѣдкіе цвѣты и растенія, особенно неизвѣстные, и платятъ за нихъ дорого. *Общество садоводства* (*Société d' Horticulture*) приобрѣло въ нынѣшнемъ году множество новыхъ Членовъ, преимущественно дамъ. Оно имѣло свою *выставку*, подобную выставкамъ Промышленности и Живописи. Пишутъ, что на этой выставкѣ всѣ были изумлены богатствомъ различныхъ цвѣтовъ и растеній. Въ Лондонѣ давно существуетъ такое Общество, и ежегодно бывающія у него выставки; только Лондонское Общество болѣе щеголяетъ плодами, фруктами и овощами. На выставкахъ своихъ изумляетъ оно огромными ананасами, аршишоками, исполинскими рѣдками, разнообразіемъ капустамъ, ягодамъ, яблокамъ и проч.

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ
ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.

№ 17. Сентябрь 1831.

БЕСѢДА

У СТАРАГО ЛИТТЕРАТОРА.

... Успарѣла спарина...

А. Пушкинъ.

Филофей и Леонидъ, молодые литераторы (выходя изъ кабинета Родосова, стараго литератора).

Филофей. Надоѣли! Споэль былъ прегадкѣй...

Леонидъ. Вино прескверное!

Фил. И Шампанскаго дали по три капельки!

Леон. И впереди — бесѣда о Липшерашуръ-
и съ кѣмъ?

Фил. Начавши пашь изъ чаши глупосшей, надобно допашь ее до дна.

Родосовъ (сходитъ). А вы, господа, и ушли съ васъ, спариковъ?

Фил. Мы хошѣли подышашь здѣсь посвободнѣ. У васъ въ кабинетѣ шакъ жарко, что по-
думашь...

Леон. Не жаръ-ли вашей поэзіи нагрѣваешь его болѣе печей!

Родосовъ. Ласпецъ! что ужъ теперь мой жаръ — Теперь ваше время. . .

Фил. Промилуйте! Музы вѣрны любимцу своему, и любовь ихъ никогда не спарвѣнся.

Родосовъ. Нынѣ! я шоплю пожарче кабинетъ, когда у меня собирается мое лишперашурное общесшво; вѣдь на мои *Аонскіе обѣды*, к кѣ писалъ Николай Михайловичъ, приходяшъ все народъ не молодой. Вы у насъ, господа, юные лишперашоры, рѣдкіе госши! (*отворяя дверь кабинета*) Яковъ Яковлячъ, Петръ Пареевшъчъ, Ваше Сіашельсшво, Карпъ Григорьячъ. . . просимъ-ка сюда — здѣсь просшорнѣ!

Леонидъ (*тихо Филовею*). Вошъ общія мѣста нашей Словесносши, со времянь Сумарокова до Жуковского и Пушкина! Всѣмъ вмѣстѣ сполько лѣшъ, что шворенія ихъ, конечно, не пережили и половины.

Шесть старыхъ литераторовъ идутъ изъ кабинета. Самому младшему не менте 50 лѣтъ. Они смѣются, говорятъ между собою; иные садятся къ пеккѣ; другіе смотрятъ на термометръ).

Князь. А дохновеніе приишшо на вашемъ лѣцѣ, Карпъ Григорьячъ?

Яковъ Як. А! 14 градусовъ шепла — хорошо!

Карпъ Григ. Да, признаюсь: мнѣ ваша мысль очень понравилась, и я желалъ-бы изобразить ее въ стихахъ.

Родосовъ. Господа! не выпить-ли намъ...

Филовей (*тихо*). Слава Богу! догадался!

Родосовъ. Померанцовой воды? А?

Фил. (*тихо*). Нелегкая шебя возьми съ немю!

Як. Як. Нѣшть! если-бы брусничной, а выпить-бы.

Родосовъ (*звонитъ*). Подай померанцовой и брусничной воды! (*Леониду*) Я-бы васъ просилъ шрубку, да Князь не шерпитъ — у него шощасъ кашель...

Леонидъ. Я не охошникъ.

Петръ Паро. Князь привикъ къ запаху розъ и ландышей. Ему-ли, нѣжному пѣвцу, любишь шабакъ!

Як. Як. Но Нѣмцы любяшъ куришь, а между шѣмъ пишушъ спрасшныя вещи. Недавно прочиталъ я переводъ, Французскій, Шиллеровыхъ стиховъ — ешть прелестныя!

Родосовъ. Признаюсь, я не подлюбиваю ихъ-шолько нелѣпосшей! Бочка дегшю и ложка меду!

Филовей. А, напримѣръ, Фаустъ Гѣме?

Князь П. Неужели вы его читали?

Фил. Признаюсь.

Родосовъ. Я не совѣшовалъ-бы вамъ поршнть вкуса Нѣмцами. Они , во-первыхъ , неблагопристойны. Какой дамъ , спрашиваю васъ , прочше вы Фаушта ?

Як. Як. Позвольте однакожъ за Нѣмцевъ немного заступнться. У нихъ были отличные писатели. Рамлеровы Оды, Рабенеровы Сашеры — а Гинперу подражалъ великій Ломоносовъ , и Оды его , которыхъ никогда не переспануть счншать образцами , начаты съ Гинперовыхъ Одь.

Карлъ Григ. Объ Одахъ я съ вами поспорю. Ода Пепрова для меня разнообразѣе , живѣе Ломоносовской , а ла Гиншеръ , и еслибы у Державина было болѣе вкуса . . .

Родосовъ. Вы любите Оды вообще !

Карлъ Григ. Да , это , мнѣ кажется , высочайшее созданіе духа человѣческаго въ спнхотворствѣ ! Ода есть днпя воспора !

Князь Т. А Пѣсни и Романсъ развѣ не днпя воспора ?

Князь Ѡ. Вотъ ! васъ задѣло за живое , Князь ! Видно на ваши гроши поѣхали !

Карлъ Григ. Какая-же разница ! Воспоръ Оды пробуждаетъ звучный громъ пушекъ , возвѣщаю-

щій побѣду надъ врагомъ, или какое-либо подобное, счастливое, великое событіе. Поэшь принимаешься за лиру, и служишь опшголоскомъ народнаго голоса.

Князь Т. А. Романсъ являешся при взглядѣ на глаза прелесшной—вы плывени, вы бѣжине домой, въ уединеніе, схватываешся Мепаспазія, Парни, Милльвуа — положимъ даже, Шиллера, и подражая ихъ звукамъ — засшавляешся прелесшную плакашь, шо упрекая ее : « *Наконецъ, твою обману!* » шо горюя о любви : « *Ахъ, когда-бъ я прежде знала!* » шо шремясь передашь спрашсь свою неодошевленнымъ предметамъ — « *Поля, лѣса густыя!* . . шо, наконецъ, блаженспвуя въ любви : « *Мы желали, и свершилось!* »

Родосовъ. Bravo, bravo! И какую вы испишу объясняете, касашельно подражанія! Точно: надобенъ восторгъ; эшошь восторгъ ищешъ образцовъ, и найдя, выражаешъ ихъ, шакъ, какъ сіи образцы выражены. Тогда-шо являешся взящное, и чистый вкусъ переходишь изъ рода въ родъ. Прекрасно!

Карпъ Григ. Но какъ-же однакожь сравнивашъ съ эшимъ Оду?

Петръ Паро. Для меня, Мм. Гг., все равно хорошо, и я держусь одного : *все роды хороши, кромѣ скучнаго!*

Родосовъ. И *Романтическаго* — Богъ съ нимъ!
Яковъ Яковъ. Позвольте мнѣ возразишь. Я не
опшвергаю и Романшизма.

Петръ. Паро. И я тоже. По моему всѣ нынѣш-
ніе споры — пусшые. Нѣтъ ни Классицизма, ни
Романшизма — ешь одно : *хорошее*.

Родосовъ. И я готовъ сознашь эшо, готовъ
согласишься , что въ Романшизмѣ ешь хоро-
шее , но его надобно искашь , какъ искалъ пѣ-
тухъ Езоповъ жемчужну — помните , гдѣ!

(Всѣ смѣются).

Князь Ѡ. Когда , въ тоже время , передъ ва-
ми , съ другой споромы , чистый , ошобраный
жемчугъ — извольте только низашь! Корнель ,
Расинъ , Вольшеръ , Кребилъонъ въ Драмѣ , Ма-
лербъ , Буало , Лебрёнъ въ Одѣ , Шолье , Ла-
фаръ , Метаспазій въ Пѣснѣ , Лафоншенъ , Фло-
рианъ въ Васнѣ , или хопя изъ Англичанъ : Грей ,
Томсонъ , Попе , или изъ Нѣмцовъ : Виландъ ,
Клопшпокъ , Рамлеръ . . .

Филоея. Судя по эшому , не должно-ли по-
лагашъ , Ваше Сіашельство , что нынѣ люди съ
умомъ сошли , ибо вы не упоминаете ничего , что
явилось въ послѣдніа 50 лѣтъ , особливо 25
лѣтъ?

Князь Ѡ. Вы не много рѣзко выражаешесь , и
я самъ , извините , буду рѣзко говоришь. Кро-

мѣ немногихъ исключеній, разумѣется, все, что являлось въ послѣднія 30, 40, 50 лѣтъ, есть чадъ, бредъ, круженіе головъ. И причина понятна: это порожденіе революціоннаго духа, который скоро долженъ пройти.

Филозѳ. Но Гёте, Шатобрианъ, Пушкинъ, никогда не были революціонерами, а между шѣмъ они Романшики?

Князь Ѳ. Да, вотъ и наши поварищи: Яковъ Яковичъ и Пепръ Пароенпьячъ, тоже Романшизма не опвергающъ. Ошъ чего? Ошъ того же, ошъ чего во время Революціи буянили и добрые люди: но Революція прошла и они одумались, и сдѣлались ультра-роялистами. Посмотрите, если Пушкинъ вашъ не спанетъ писать одъ Классическихъ, когда будетъ по-старше.

Як. Як. Прошу простить, но ваше изъясненіе невѣрно. Романшизмъ не чадъ Революціи, ибо передъ кѣмъ споятъ Романшики на колѣняхъ? Передъ Шекспиромъ, Дантомъ, Кальдерономъ, а всѣ эти люди — умерли до Французской Революціи!

(Всѣ смѣются).

Родосовъ. Остро, Яковъ Яковичъ, но ошѣтаки несправедливо. Давно-ли спали чашашъ.

Шекспира? Именно передъ Революціею, когда умы пришли въ броженіе. Перехода по разнымъ степенямъ, Поэзія дошла наконецъ до самой нисшей степени безумства. Спрашиваю: можно-ли позволишь наконецъ себѣ такія пворенія, какъ Бейроновъ *Каинъ*, Гёшевъ *Фаустъ*, Шиллеровы *Разбойники*? Господа! воля ваша! Не жалуйтесь на цензуру: вѣдь не лзя-же пропустишь!

Яковъ Яковл. Но развѣ Пирона, Лафоншени *Сказки*, Орлеанку пропустишь можно?

Князь Т. Ахъ! какая прекрасная мысль! Именно, вполнѣ, не лзя; но брашь изъ нихъ золотно — можно! Такъ и съ Романпизмомъ должно поступашь. Его не пропустишь пошомство, а возьмешъ изъ него только одно хорошее.

Родосовъ. Обращаясь къ испинно-изящному.

Петръ Парѣ. Вопъ, не по-ли я говорилъ! Нѣтъ ни Классицизма, ни Романпизма, а одно хорошее, и ово ешь вездѣ. Я самъ перевелъ нѣскольکو Арабскихъ и Мадекасскихъ пѣсенъ — изъ Милльвуа.

Князь Т. И какія прелесныя пѣсни!

Филоеѣй. Поэзія послѣдняго полувѣка, поэзія всей Европы — неужели-же эшо все было безуміе?

Родосовъ. Мы шакъ думаемъ, и повѣрыше, что безуміе это пройдетъ : останешся добро.

Фил. Но *Классическіе* образцы, какъ нибудь создались-же, если и допусшшь вѣчность ихъ?

Родосовъ. Да какъ созданъ міръ? И вопъ уже 7,000 лѣтъ спойшъ онъ, и шолько измѣняющся въ немъ подробности, а самъ онъ все одинъ и шопъ-же.

Фил. Слѣдовашельно, вы изволише допускать шолько однообразное качанье маятника въ Поэзіи, когда все и всегда должно оканчивашься подражаніемъ однимъ и шѣмъ-же образцамъ?

Родосовъ. Почши шакъ, но не советшвъ. Представыше вы себѣ Математику. Изъ ея формулъ вы не выйдете никогда : счетъ безконеченъ, а все дважды два чешыре, дважды при шесшь. Образцы извлекли правила изъ природы — это дважды два ; вамъ ошашется слѣдовать имъ, и творить. Такъ Виргилій подражалъ Гомеру, Виргилію Тассъ и Вольшеръ, Вольшеру и Тассу Херасковъ, Хераскову Грузинцовъ — формы неизмѣнны, сударь, какъ ни хлопчаше!

Петръ Царь. Именно, а между шѣмъ люди шалашъ, буянашъ, сбывающся съ шолку ; изъ швореній эшыхъ шалуновъ надобно выбирать хорошее.

Князь Ѡ. Можно даже вполне ихъ перерабашывашъ. Такъ украшали грубыя сочиненія Шек-

спира, Шиллера, и другихъ, Вольтеры, Дюссисы, Лебрёни.

Филовей. Но какимъ-же образомъ создавашь свою Поэзію, народную?

Родосовъ. То естѣ, *національную*, хошше вы сказашь, ибо *народная* что такое? Грубия, мужицкія пѣсни, сказки, опъ которыхъ въ хошошемъ обществѣ расхохочущся! *Національная* Поэзія создается точно такъ, какъ создается просвѣщеніе народное. Обыкновенно, сперва заводашь Академіи, Университеты, призываютъ иностранцевъ, учатся у нихъ, потомъ заступаютъ сами ихъ мѣста, и, продолживъ такимъ образомъ лѣтъ сто, дѣлаются просвѣщенны и образованны. Если припомъ естѣ поощренія, награды, шо усиливается просвѣщеніе, лихтература, образованность — являютъся вѣкъ Людовика XIV-го, или Екатерины — гении размножаются во всѣхъ родахъ. Такъ и *національная* Поэзія. Сперва начинаютъ образцовъ; потомъ переводятъ ихъ; потомъ шворятъ по симъ образцамъ. Наконецъ обращаются и къ своимъ предешамъ, опечешвеннымъ, облагораживаютъ ихъ, совершенствуютъ, ибо грубая природа не естѣ *Изящное*. Съ шѣмъ вѣспѣ, свѣшскіе люди принимаютъся за языкъ и вычищаютъ языкъ; являетъся общій вкусъ — и *національная* Поэзія создана!

Петръ Парф. Вы превосходно объяснили, превосходно!

Родосовъ. (*съ самодовольствомъ*) Какъ умѣлъ.

Яковъ Як. Нѣтъ, точно такъ. Наша Русская Словесность точно такъ и шла. Только быстрые успѣхи ея надобно приписать удивительной смѣлости нашихъ великихъ писателей. Вообразите, что еще Сумароковъ осмѣливался пворить, и уже бралъ предметы опечесственные! а потомъ М. М. Херасковъ, и другіе.

Родосовъ. Однакожъ, они поступали весьма опшорожно; припомъ спрого держались они образцовъ; наконецъ опечесвеннаго было брато ими немного, а по болѣе они подражали и переводили. Объ Одахъ я не говорю — ну! это воспоргъ; а Пѣсни и Романсы, Трагедіи и Комедіи, Поэмы — все почши были переводы или подражанія. Кантемиръ списывалъ Буало, Богдановичъ Лафоншена, Княжнинъ Расина и Корнеля. . . .

Филоеѣй. Слѣдспвенно, пора приняться за свое родное подѣятельнѣе? Я думаю, къ этому и спремятся шеперь Русскіе поэмы.

Родосовъ. Извините: мы, старики, любимъ говорить правду, а вы принадлежите къ молодымъ, нынѣшнимъ поэтамъ...

Фил. Я только что начинаю, и съ уважені-

емъ выслушаю совѣты почтеннаго, заслуженнаго лирическаго поэта.

Родосовъ. Такъ я вамъ доложу, что вымышленная ваша Романтическая Поэзія — извинише — есть плодъ всеобщаго головокруженія. Вы оставили истинные образцы, взяли за Романтизмъ, и я того и жду, что Шекспиръ явится на театръ, а въ концерсахъ, выспро каншашъ, спанушъ пѣшь баллады о мертвецахъ. . . Кришика превратилась Богъ знаешь во что — порядочному человѣку писать не лзя! Нѣшь никакого уваженія къ чинамъ: и генерала и студента спавяшъ на одну доску — шариковъ вовсе не слушающъ. . .

Филоевъ. Развѣ прежде не такъ бывало ?

Петръ Паро. Прежде! Боже великій! Прежде начиналось пѣмъ, что поэту давали уроки въживости, пристойности, нравственности, въ обществѣ дамъ и свѣскихъ лирическихъ поэтовъ. Онъ робко начиналъ писать, просилъ у всѣхъ совѣта, старался войти въ лирическое собрание. Журналовъ было тогда мало, и появленіе новаго поэта въ Журналъ, *Аониды*, или чтеніе стиховъ его въ рукописи извѣстнымъ покровителемъ Наукъ, пригласившимъ его къ столу, было уже началомъ его торжества. Потомъ, по мѣрѣ полученія чиновъ, шелъ

далѣе, и далѣе. И какія дарованія блестящія являлись... Боже мой!

Яковъ Яковл. А крѣпкими бывало слова не оставляють безъ замѣчанія, и непочного выраженія не допускають. И все это выслушивается бывало съ почтеніемъ, все перемѣняешся, очищаешся. Я помню, что первую мою Басню я переписывалъ шесть разъ, пока рѣшили, что ее можно напечатать.

Князь Ѡ. Да, да, помните, когда я написалъ: *«Чужа повѣсили, и въ клѣткѣ дорогой, его, насыпали пшеницы золотой — какъ нѣжно и остроумно дѣлалъ мнѣ замѣчанія почтеннѣйшій П. П., что чужа повѣсили — двусмысленность, и пшеницею чужиковъ не кормятъ!»*

Яковъ Як. Какъ-же, помню, помню...

Родосовъ. Да что мы, господа, ничего не прочтемъ?

Леонидъ (*молчавшій, и едва удерживавшійся отъ смѣху, вздрагиваетъ при сихъ словахъ, и тихо говоритъ Филовею: Спасайся! бѣда!*)

Филовей. Извините, мнѣ должно поспѣшить...

Леонидъ. И мнѣ...

Родосовъ. Куда-же это? какъ?

Филовей. Насъ звала пепушка Ѡедосья Ми-
рововна — чувствителью благодаримъ васъ...

Родосовъ. Просимъ впередъ жаловать...

(Филовей и Леонидъ поспѣшно уходятъ)

Князь Т. Чшо эшо у васъ была за молодежь ?

Родосовъ. Молодые люди, оба съ дарованіями. Яковъ Як. И кажешся, скромные. Ихъ можно бы вамъ поруководспивовашъ.

Родосовъ. Я и намѣренъ. Думаю, чшо сегодншній урокъ будетъ имъ доспопамяшенъ.

Петръ Парѣ. Вы говорили прекрасно, опредѣлипельно, почно.

Родосовъ. Да, помилуйше, вѣдь мы чшывали и Блера, и Башшѣ, и Лагарпа. Правила всѣ шамъ — я шолько приложилъ ихъ къ разнымъ предметамъ.

Яковъ Як. Бже мой! Нынѣ чшо пишущъ и говоряшъ !

Князь Ѡ. Спрахъ ! Недавно мнѣ попалась прагедія новая. Чшо вы думаше ? *Гамлетъ* Шекспира — слово въ слово, со всѣми нелѣпостями.

Яковъ Як. А пресловущый ихъ Пушкинъ, вообразиле, описалъ, какъ ушопленникъ памалъ по рѣкѣ и пошомъ приходилъ ночью къ мужику !

Петръ Парѣ. Въ прагедіяхъ герои ролшс : ! и спарѣюшся на сценѣ — по именно, надъ чѣмъ свѣлся Буало !

Родосовъ. Пересшанше, господа, исчисляшъ всѣ нынѣшнія нелѣпости. Эшо временное головокруженіе, оспатки Революціи — оно пройдетъ.

У насъ опъ шого съ ума сходящъ, что въ Парижѣ сошли съ него уже съ 1789 года.

Яковъ Як. А между шѣмъ будемъ поддерживать вашъ чистый вкусъ и правила изящнаго собственными пирудами. Я принимаюсь за полный переводъ Лагарпова Лицея.

Князь Т. Я издамъ двадцать моихъ новыхъ романсовъ — переводы съ Французскаго и Итальянскаго.

Петръ Паро. У меня скоро кончится переводъ Эменаровой поэмы: *La Navigation*.

Карпъ Григ. Я поддерживаю свое: мое назначеніе — *Литическая Поэзія*, и вопъ доказательство шого, что и въ нынѣшнее время ешь послѣдователи истинной Поэзіи, ш. е. изящной, *Классической* (*быстро выхватываетъ изъ кармана тетрадь, развертываетъ, кашляетъ, и, не давъ никому опомниться, нагинаетъ*):

О, Д А,

НА СВИРѢПСТВОВАВШУЮ ВЪ МОСКВѢ ВОЛѢЗНЬ, ХОДЕРУ.

Ошъ странъ Гангеса ошдаленныхъ,
Ошъ дальныхъ Индіи морей,
Горящимъ Югомъ возмущенныхъ,
Явилась бичъ, гроза людей....

(и такъ далѣе — 102 строфы).

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

1881. № 18. СЕНТЯБРЬ.

- I. Мысли Шапобриана объ Исторіи и Историкахъ (Продолженіе)..... 137
- II. Стихотворенія.
Преложеніе изъ Пророка Іезекіиля. (Д. Боршнянскаго)..... 172:
- III. Отрывокъ изъ Историческаго романа: *Стрда-цъ*. Соч. Г-на Масальскаго..... 175.
- IV. Краткое обзоръ книгъ: *Пособія и правила изученія Россійскихъ Законовъ и прот.*, сочиненной Докторомъ Правъ Дегемъ. (А. П.)..... 196:
- V. Современная библиографія (Страникъ. Сочиненіе А. Вельшмана. Ч. 2-я—*Russische Bibliothek für Deutsche, von Karl von Knorring. Русская Библиотекъ*, издаваемая Г-мъ Кноррингомъ. Ч. 2 я.—*О способахъ изслѣдованія кривыхъ линий второго порядка*. Соч. А. Заблоцкаго—*Прелестный вертоградъ для дѣтей—Дѣтскій натуральный кабинетъ—Драгоценный подарокъ дѣтямъ—Воспоминаніе о Н. С. Пономаревѣ—Клятвѣ къ от-*

РАДУГА,

Журналъ Философiи, Педагогiи и Изящной Литературѣ, съ приковкою кнѣвъ Записокъ объ Отдѣ-Зейскомѣ краѣ, будетъ издаваться въ Ревель, шпартимъ Учителемъ Россiйско Словесности при Гимназiи Англемъ Бюргеромъ. Журнала сего будетъ выходить ежемѣсячно по одной книжкѣ величинаю ось 3 в и болѣе печатныхъ листовъ, Первая книжка выйдетъ около половины Декабря 1834 года.

Содержанiе Радуги будетъ слѣдующее.

I. Философiя: Подъ именемъ Философiи разумѣть Издающаго не Криптку познанiя и познающихъ способностей Капшону, и Наукоученiю или Науку вѣденiя (Wissenschaftslehre) Фихте, но Систему трансцендентальнаго Идѣализма и не Ученiю шюдеснѣвности Шеллинга и не Науку Логикѣ Герѣла (Wissenschaft der Logik). Онъ разумѣетъ подъ симъ именемъ науку, возбуждающую и питающую въ душѣ человека любовь къ мудрости, любовь, и. е. душевное желанiе, душевное исканiе. Мудрость же, по его убѣжденiю, есть совершенное вѣденiе живой Истинны, источника всѣхъ испишь, совершенное вмѣщенiе оной въ познающемъ духѣ. Но живая Истинна, источникъ всѣхъ испишь, есть Богъ. Такъ возвысился ислѣловчѣсному самъ Богъ воплощенный. Совершенное вмѣщенiе себя Истинны въ духѣ человека невозможно. Лишь Богъ можетъ Бога вмѣстить, лишь вѣчною Ощца. „Бога никоможе видѣ, видѣже: единородный Сынъ, сый въ лошъ Ощца, шой исповѣда.“ Богъ Сынъ есть Мудрость прежде всѣхъ рожденца, срава Эдлер. гл. 5, стр. 43—20 и гл. 8 съ Иоанн. гл. 1, стр. 1—4. Съ сей точки зрѣнiя будутъ разсматриваемы философскiя мнѣнiя разныхъ славныхъ мыслителей древнихъ и новыхъ временъ. Въ началѣ же будетъ обращено особенное вниманiе на Философiю въ современной Германiи. Будутъ помѣщаемы переводы изъ лучшихъ Нѣмецкихъ и другихъ сочиненiй и журналовъ и Русскiя сочиненiя. Сюдаже, какъ часто Философiя, относилса и теорiя Найдана и Изящныхъ искусствъ; слѣдовательно и она будетъ съ шойже шючки зрѣнiя разсматриваема и на шѣхъже основанiяхъ утверждаема.

II. Педагогiя: Великое искусство передавать сокровища духа воараспающему поколѣнiю находяща въ Россiи почти въ совершенномъ небреженiи. Ни въ одномъ государственѣ не содѣйствуешь Правительству шюлько къ усовершенствованiю воспитанiя и ни въ одномъ государственѣ (можно по крайней мѣрѣ сказать, разумѣя просвѣщенный) ученiе не чуждается столько Педагогiи. Одиокъ спокойствiя моляшъ боговъ своихъ; другiе выходяшъ на вопище Литературнiи, какъ на Олимпiйскiя игры, лишь для спяженiя вѣнцовъ. Священный сащъ учителя и священное занятiя Педагогiею почташъ люди, чувствующiе въ себѣ живую искру небеснаго огня, несообразными съ ихъ высокими дарованiями, и не подозрѣвая, что для того, чтобы быть хорошимъ Педагогомъ, нужно гораздо болѣе дарованiй, нежели для того, чтобы быть даже Валсеръ-Скопшомъ, Вайрономъ или Гѣше. Ошчаспи, конечно, извѣстны въ литпературномъ мiрѣ мужи, составляющiя исключенiя изъ числа подобныхъ ученыхъ; и безъ сомнѣнiя еще болѣе шакихъ, кои въ безвѣстной шпшнѣ, безъ грома и блеска славы съ числѣнншмъ вдохновенiемъ трудятся надъ обработыванiемъ духовныхъ нивъ для будущей жатвы Отечества. Но первыхъ очень мало; а вторые просятъ мнѣ, если я осмѣлюсь и самую безвѣстность ихъ обращать имъ въ укоръ. Польза Отечества должна быть шюль священна для каждаго христіански честнаго Гражданина, что онъ долженъ для нее жертвовать всею своею особноспью, слѣдовательно съ шюковою смѣлостью открывать свѣту свои собственныя достоинства, на подражанiе другимъ, или даже на шерванiе непознанныхъ дѣйствельмъ, съ какою шюлью могутъ быть выславляемыя достоинства самихъ героевъ добродѣтели самоотверженiя и. ш. п. Посему особенно къ Вамъ, достошоченные мужи! обращаюсь, и прощу благосклоннаго содѣйствiя: прiятiя моему, нѣвнщемъ, по убѣжденiю

КОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

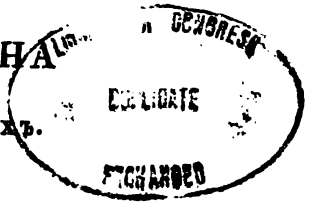
МЫСЛИ ШАТОБРИАНА

О ИСТОРИИ И ИСТОРИКАХЪ.

(Продолженіе)

О ВСЕОБЩЕЙ И КРИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
НАШИИ, ВЫШЕ ДО РЕВОЛЮЦИИ.

Особенно строго судяшь писателей,
надъ нашими льпописями прежде
Предположимъ, что надобно было
написать всеобщую Историю нашу,
изъ рукописей, или даже изъ пе-
документовъ; что надобно было-бы
хронологію, размашриваешь собы-
цтва царствованія: я утверждаю,
всей нашей врожденной учености и
приобрѣтенныхъ знаніяхъ, мы не вы-
спремъ помочь этой Исторіи. Мно-
гие-ли могли-бы разобрать спрочку
многихъ харшіяхъ? Многие-ли могли-
бы ихъ, даже съ помощію азбукъ,
1831. 40

образцовъ и снимковъ, внесенныхъ въ *Re diplomatique* Мабильона, и въ другія сочиненія? Мы такъ неперпѣливы на выказыванье нашихъ мыслей, такъ презорливы къ нашимъ предшественникамъ, что намъ-ли унизишься до скромной роли архивнаго копуна? Если-бы мы смали чашать, то меньше времени осталось-бы намъ для писанья, а это какое похищеніе у попомства! Но, какъ ни справедлива гордоспъ наша, я осмѣлюсь попросить наше Превосходство не шоропишься ломать коспыли, на которыхъ оно шацишься съ распросшерпыми крыльями. Съ помощью исправнаго лѣтосчисленія и изъ утвержденныхъ собышій, изложенныхъ хоршимъ Французскимъ языкомъ и вапечатавныхъ чешкимъ шрифтомъ, мы свободно пишемъ новыя Испоріи; но будемъ-же сколько нибудь признашеляны и къ прежнимъ пемнымъ умамъ, хоша къ шрудамъ ихъ намъ споишь только пришишь лоскушья нашего генія, чтобы изумишь вселенную.

Прежде другихъ, всеобщю Испорією Франціи занимались Дюгальянъ, Белльфоре, Десерръ и Дюплейксъ. Дюгальянъ знаетъ много любопышнаго; въ немъ еспъ огонь, и дворянская независимоспъ его забавна. Въ посвященіи своемъ Генриху IV-му онъ говоришь: « Я не хотѣлъ « ни сколько лѣшпишь и представляишь изъ себя

« придворнаго; хотѣлъ бытъ настоящимъ Исто-
 « рикомъ, изображалъ самыя безобразныя и са-
 « мыя изящныя черты, говоришь смѣло и сво-
 « бодно обо всемъ. . . . Я оспорилъ многія, об-
 « щепринятыя мѣтнія людскія, какъ-то о при-
 « шествіи Фарамона изъ Галліи, объ уснановле-
 « ніи Салаическаго закона, и проч. »

Белльфоре многословенъ; но его компиляція древнихъ лѣтописей наводитъ на много рѣд-
 коспей. Дюгальянъ кришиковалъ его въ одномъ
 изъ своихъ предисловіи: « Я не изъ числа тѣхъ
 « смѣлыхъ невѣждъ-писателей, копорые повсе-
 « дневно раждають книги и дѣлають изъ нихъ
 « *густой лѣсъ* (*grosses forêts*, примѣненіе къ
 « имени Belleforest). »

Десерръ былъ Прошеспаншъ. Онъ не вѣренъ
 въ своихъ указаніяхъ, ошибаешся въ хроноло-
 гии; слогъ его обремененъ тяжелыми фигурами
 и метафорами. Но Десерръ былъ человекъ уче-
 ный; Паскье и Добинье оуждали его слишкомъ
 жестоко.

Дюплейксъ наблюдалъ методу; виѣспѣ съ Ви-
 гіе, это первый Французскій Историкъ, кошо-
 рый на поляхъ опмѣчалъ доказательства. Преж-
 де образцоваго сочиненія Адриана де Валуа,
 Дюплейксъ былъ превзойденъ въ Исторіи двухъ
 первыхъ поколѣній только однимъ Фоше.

Добинье стоилъ-бы упоминанія, но я не го-

верю о немъ ничего , потому что онъ , также какъ и Дену , ограничился однимъ часпнимъ періодомъ . Также причина заставляеть меня молчать о Лабуреръ , комораго нико не превзошелъ въ возвышенности слога Историческаго .

Послѣ сихъ первыхъ чепырехъ писателей нашей всеобщей Исторіи , находимъ Мезерей , Варильяса , Кордмуа , Лежандра , Даниеля , Вельи , Вилларе и Гарнье .

Никогда не опишуъ нѣкошорыхъ часпей нашей Исторіи лучше нежели описалъ Мезерей нѣкошорыа царствованія . Его сокращеніе лучше большой Исторіи , хотя тамъ и нѣтъ нѣкошорыхъ рѣчей , высказанныхъ въ подражаніе Корнелю . Жизнеописанія Королевъ предсавляютъ иногда образцы простоты . Мезерей упрекали въ невѣрномъ чпеніи ; но большая часть ошибокъ его были исправлены Аббаиомъ Лабуреромъ , Ловуа , Дируа и О . Гриффе . Мезерей былъ бранчивъ . Его сужденія удивительно свободны . Какъ жаль , что исполнитель его духовной кинулъ въ огонь его Исторію Лихонисва ! Амело де ла Гуссе говоритъ , что Мезерей оставилъ въ своихъ сочиненіяхъ довольно живой образъ прежней свободы . Менажъ упрекаетъ сего писателя за то , что у него нѣтъ фразъ . Мезерей сказалъ : « При концѣ Второго

Покоління, Королевство было осмелено на законахъ лень, болше упреждало какъ ограниченная законъ, нежели какъ монархія. Все, что перенюковано съ шѣхъ поръ о временахъ феодалныхъ, есть только комментарий эпохи мысли гениа.

Людвигъ Кордмунъ докончилъ и издалъ Исторію Франціи, написанную ошдомъ его, Жеро Кордмуа. Эшо былъ, подобно Боскешу, великій Карпезіанецъ. Его шщастельный трудъ есть первый, гдѣ видна философская методъ.

Аббашъ Лежандръ ввелъ во всеобщую Исторію изображеніе нравовъ и обычаевъ: нововведеніе счастливое, открывавшее новый путь для Исторіи. Лежандръ, льстецъ Людовика Великаго въ своихъ опысахъ о его царствованіи, судишь обо всемъ оспальномъ ошкровенно.

Варильясъ осмѣялъ за романизмъ свой; однакожь онъ не такой лжецъ, какъ говорили. Онъ былъ знатокъ въ чшеніи оригиналовъ, и даже пошерялъ зрѣніе надъ эшимъ занашіемъ; но у него была самая сшванная привычка, переносишь дѣянія одного лица къ другому, какъ скоро у эшого лица есть сошвенники въ другихъ вѣкахъ: я могъ-бы привесишь любопытные шому примѣры.

Послѣ Отца Даниеля, военная Исторія Франціи была воздана. Наконецъ, не говоря о слыш-

комъ расхваленномъ *Сокращеніи хронологическомъ* Президента Гено, ни объ *Историческихъ описаніяхъ* Вольшера, слишкомъ освиспанныхъ, продолжительный прудъ Вельи, Вилларе и Гарне имѣетъ большую цѣну. Правда, эти при писателя не были гениальные люди; но у кого-же есть гений? Только въ нашъ вѣкъ онъ бѣгаетъ по улицамъ выхода изъ пеленъ, точно какъ цыпленокъ разбивая скорлупу. За невѣніемъ этого перваго дара небесъ, предославленнаго намъ исключительно, въ поименованныхъ мной *Историкахъ* видимъ истинную начитанность, спраницы, чисто написанныя, и сужденія здравыя. Правда, эти *Историки* ошибающа изображая физиономію вѣковъ, но и шо не всегда.

Надобно признашья, что, опносительно двухъ первыхъ поколѣній, Вельи иногда смѣшонъ; за шо онъ писалъ по своему времени. Въ нашихъ до-Революціонныхъ лѣтописяхъ, Хлоуигъ походитъ на Людовика XIV-го, а Людовикъ XIV-й на Гюга Капеша. У всѣхъ въ головѣ былъ образъ спепенной Монархіи, всегда одинакой, идущей посреди шрехъ сословіи и длиннополага Парламенша. Опселъ это одновучіе въ рассказахъ, это единообразіе въ нравахъ, и опъ шого-шо несносно чшеніе нашей всеобщей *Исторіи*. Тогдашніе *Историки* были кабинетные люди, кошорые не видали никогда дѣлъ и не управляли ими.

Но если мы глядимъ на событія съ другой точки зрѣнія, то не будемъ воображать себя, что это происходитъ отъ одной силы нашего понятія. Мы заспали Монархію падшую; мы измѣряемъ на землѣ разбишый колосъ, и находимъ, что размѣры его совсѣмъ не таковы, какими казались они, когда это колосъ стоялъ. Мы поставлены на другую точку зрѣнія, и почищаемъ успѣхомъ человѣческаго ума простое слѣдствіе событий, разстройство или исчезновеніе предметовъ. Тотъ-ли Египтянинъ, обитавшій подъ однимъ изъ спа вратъ Фараонова города, нынѣшній путешественникъ, попирающій развалины Фивъ?

Когда мы читаемъ нашу прошедшую Исторію, насъ всего болѣе оскорбляетъ, что мы не находимъ въ ней самихъ себя. Изъ Королевской и Аристократической, Франція сдѣлалась Республиканскою и Плебейскою. Въ насъ господствуетъ духъ равенства, а мы видимъ только нѣсколько человѣкъ благородныхъ въ нашихъ лѣтописяхъ: это раздражаетъ! Мы спрашиваемъ у самихъ себя: неужели мы не лучше этихъ людей, если отцы наши и не значили ничего въ судьбахъ нашего опечесства? Насъ могло-бы успокоить маленькое размышленіе. Кто изъ насъ переживетъ свое время? Знаемъ-ли мы имена тысячь солдатъ, которые одержива-

ли великія побѣды въ народной арміи? Они па-
ли въ глазахъ своихъ шоварищей, пораженныхъ
смертью черезъ минушу подлѣ нихъ-же. Безза-
конными наслѣдниками энихъ безвѣстныхъ дѣ-
шей чести и славы сдѣлались Генералы, не
принимавшіе, можешъ бышь, никакого учаспія
въ успѣхъ. Народъ носить одно имя: ондѣль-
ныя лица, плебен или наприціи, извѣсны бы-
ваюшъ шакже шолько по именамъ нѣкошорыхъ
изъ нихъ, спрадальцевъ или любимцевъ счастья.

Опносительно свободы по разнымъ часпямъ,
предспавляешся подобное-же замѣчаніе. Въ сем-
надцашомъ сполѣшніи Испорики не могли по-
нимашъ ея шакъ, какъ понимаемъ мы; у нихъ
не было недоспашка ни въ безприспращшіи, ни
въ независимоспіи, ни въ смѣлоспіи, но они не
имѣли нѣхъ общихъ поняпій о предмешахъ,
кошорыя развишы временемъ и Революціею. Нѣ-
кошорыя часпи лишпшерашурнаго ума и не мо-
гушъ имѣшъ шѣхъ успѣховъ, какіе совершаюш-
ся въ Ишоріи. Когда языкъ доспигнулъ своей
возмужалоспни, онъ или оспашся въ этомъ
положеніи, или поршпился. Можно писашъ спи-
хи иначе нежели писашъ Расинъ, но лучше —
никогда; для поэзіи еспь границы въ очерпа-
ніи шого языка, на кошоромъ ее пишунъ или
поюнъ. Но Ишорія, не упадая, измѣняетъ свой
харакшеръ вмѣстѣ съ вѣками, пошому что она

состоитъ изъ приобретаемыхъ свѣдѣній и открываемыхъ истинъ, потому что она преобразуетъ свои сужденія по опытамъ, потому что, будучи отраженіемъ нравовъ и мнѣній человѣка, она способна совершенствоваться вмѣстѣ съ родомъ человеческимъ. Физически, общество съ новыми открытіями не то, что безъ нихъ; нравственно, общество съ возвысившимися идеями нашихъ дней, не то что общество безъ этихъ идей: Нилъ при впаденіи своемъ, не поитъ Нилъ, который впадаетъ въ море. Однимъ словомъ, Историки девятнадцатаго столѣтія не создали ничего; только у нихъ передъ глазами новый міръ, и эпохъ новый міръ служилъ имъ вѣрною линейкою для измѣренія міра древняго.

Отдавъ всю справедливостъ достойнымъ людямъ, занимавшимся нашею общею Исторіею прежде Революціи, скажу съ шѣмъ-же безпристрастіемъ, что ихъ не должно брать переводцами. Не лѣзя не обращаясь къ самимъ оригиналамъ, потому что утомившые писатели читали ихъ иначе и въ иномъ духѣ нежели мы: они искали тамъ не того, чего ищемъ мы; они не видали этого; они опровергали именно то, что мы собираемъ. Напримѣръ, въ швореніяхъ Опцовъ Церкви они избирали только то, что относилось къ догмату и ученію Христіанства;

нравы, обычаи, повишія казались имъ не спощими никакого вниманія. Вся Новая Исторія скривається въ писаніяхъ Ошцовъ: мои *Изученія* укажутъ путь къ этому. О Греческой и Римской образованности пятого, шестого и седьмого столѣтій, шакъ-же какъ о варварствѣ разрушителей Римскаго міра, мы знаемъ единственно изъ духовныхъ писателей сей эпохи.

И въ нашихъ собственныхъ памяшникахъ надобно дѣлать шакія-же открытія. Прежде Революціи вопрошали рукописи только ошнотно священниковъ, дворянъ и Королей. Мы же, напрошивъ, изслѣдываемъ только то, что ошносится къ народамъ и общественымъ преобразованіямъ; а это ошавалось скрытымъ въ харшіяхъ.

До-Революціонные писатели Кришической Истории Франціи шакъ многочисленны, что невозможно упомянуть обо всѣхъ. Только нѣкоторыя должны бытъ означены, какъ начальники Школь.

Исторія водворенія Французской Монархіи въ Галліяхъ, сочиненіе основательное, много кришикованное, однакожь не испровергнутое, даже самимъ Моншескѣ, который впрочемъ зналъ о Франкахъ не много. Аббаша Дюбо обкрадываютъ, не сказывая о похищеніи: прамодушнѣ было-бы признашся въ томъ.

Такъ-же поспуающъ съ Аббатомъ де Гурси: его небольшое *Разсужденіе о состояніи лицъ во Франціи, во времена перваго и втораго поколѣній*, увѣнчанное Академіею Надписей, оплнчаешя рѣдкою меподою, ясношью и знаніемъ. Чшо нишущъ мнѣ о вѣ эшомъ предметѣ, шо ошчасшя ешъ кража изъ превосходнаго труда де Гурси : благоразумно не передѣлывашъ спюль хорошо сдѣланнаго, но надлежало-бы сказашь о вѣ эшомъ ; пушъ хвала ошпанешя шому, кшо имѣетъ на нее право. Ешъ люди шакіе, кошорые могушъ служишь указашелями другимъ: Паги ошпанешя вѣчнымъ свѣшочемъ для лѣшописей Консульшва ; Тиллемонъ вѣрнѣйшій пушководишель въ дѣянняхъ и лѣшосчисленіи Ишпоріи Имперашоровъ ; Гиббонъ лѣшишся около него : онъ пушаешя и падаешъ шамъ, гдѣ кончашся указанія Тиллемона. Такъ и Сень-Маркъ разсвѣялъ хаосъ дѣлъ Ишпальянскихъ ошъ пяшаго до двѣнашцашаго спюльшнн. О вѣ его *Хронологическомъ Сокращеніи* не упоминающъ, занимаешя эшимъ періодомъ Ишпоріи ; а справедливосшь шребовала-бы упоминающъ, шѣмъ болѣе, чшо впадающъ во множешво ошбоковъ, когда уже не слѣдуюшъ за Сень-Маркомъ, кошорый самъ слѣдовалъ Сигонію и Мурашори.

Замѣнаня Аббапа Мабли нацисаны съ шакимъ шщеславіемъ и хвасшовешвомъ, чшо ихъ было-

бы можно почеснь произведеніемъ какого ни-
будь изъ дарованій современныхъ , если-бы ще-
душность не замѣяла въ нихъ надушности. При-
этомъ высокоуміи , въ Мабли находиме поль-
ко узкія идеи , большое приписаніе на силу ум-
спвенную , и желаніе сказанъ чудеса въ короп-
кихъ словахъ : и въ самомъ дѣлѣ , словъ немно-
го , но дѣльнаго еще меньше. Прочитайме одна-
кожъ въ эпомъ писателѣ ятсколько мѣсѣтъ о
перемѣщеніи собсшвенностей : она порядочны.

Буленвилье хорошо понималъ аристокраиче-
ское свойство прежней Французской констишущи-
ціи , но о дворянствѣ онъ бредитъ ; сверхъ шо-
го , въ немъ пакъ мало начипанности , что его
ученость не вознаграждаешъ порока сислемы.

Изъ эписхъ подробностей выходитъ , что во
времени до-Револуціонномъ надобно различать
двѣ Историческія Школы : Школу семнадцатпа-
го столѣтія и Школу осмнадцатпаго столѣтія.
Одна была ученая и религіозная , другая крити-
ческая и философическая : въ первой Бенедик-
нины собирали дѣянія , а Бессюэшъ возвѣщаль
ихъ землѣ ; въ другой , Энциклопедисны кри-
тиковали дѣянія , а Вольшеръ предавалъ ихъ на
спору мірскіе. Вблизъ насъ , Англія основала у
себя Школу почую , болѣе очищенную отъ
предразсудковъ анги-религіозныхъ. Наша новая
Школа девашнадцатпаго столѣтія можешъ бытъ

названа Политическою; она и Философическая, только иначе нежели Школа осмнадцатаго столѣтія. Поговоримъ о ней.

Новая Историческая Школа во Франціи.

Новая Школа раздѣляется на двѣ главныя системы: слѣдуя первой, Исторія должна бытъ писана безъ размышленій; она должна состоятъ изъ простаго начертанія событій, и изъ живописи нравовъ; она должна изображать, безъ прикрасъ, разнообразную, исполненную эпизодами картину, предоставляя каждому читателю, сообразно свойству его ума, свободно выводить слѣдствія изъ началъ, и очищать истину общія отъ частныхъ. Это называютъ Исторію *Описательною*, въ противоположность *Философической* Исторіи прошлаго столѣтія.

Слѣдуя другой системѣ, надобно рассказывать событія общія, усматривая часть подробностей, и заглаживать Исторію рода Исторію лицъ, оставаясь безспаснымъ передъ порокомъ, передъ добродѣтелью и передъ самыми прагматическими происшествіями. Это Исторія *Фаталистическая*, или *Фатализмъ*, примененный къ Исторіи.

Я изложу свои сомнѣнія касательно обѣихъ системъ.

Исторія Описательная, доведенная до крайности, не слишкомъ-ли сбивается на Записки? Философическая мысль, умеренно употребляемая, не необходима-ли для приданія Исторіи важности, и для того чтобы она произносила приговоры, въ дѣлахъ, подлежащихъ ея окончательному, высшему суду? Въ какой степени образованности, до которой достигли мы, можетъ-ли Исторія рода совершенно исчезнуть изъ Исторіи лицъ? Вѣчныя истины, на коихъ зиждется общество человеческое, должны-ли теряться въ карпинахъ, изображающихъ только частныя нравы?

Въ челоѡкѣ есть два существа: челоѡкъ своего времени, и челоѡкъ всѣхъ временъ; изобразить сего послѣдняго долженъ стараться живописецъ великій. Въ наше время можетъ быть слишкомъ дорожатъ сходствомъ, и, такъ сказать, слѣпкомъ физиономіи каждой эпохи. Станется, что въ Исторіи, такъ-же какъ и въ Искусствахъ, мы изображаемъ костюмы, внутреннее убранство, и все *матеріальное*, лучше нежели изображали эпо прежде: но одна Рафаэлева фигура, съ небрежно-сдѣланнымъ грунпомъ и спрашными анахронизмами, развѣ не загладила-бы эгихъ вшороспешенныхъ совершенствъ? Развѣ менѣе распрогивались, менѣе восхищались зрители, глядя на представленіе Расиновыхъ созданій въ пари-

кахъ Людовика XIV-го? Опъ чего? Опъ того, что вмѣсто людей видѣли *человѣка*.

Jamais Iphigénie, en Aulide immolée,
N'a coûté tant de pleurs à la Grèce assemblée,
Que, dans l'heureux spectacle à nos yeux étalé
N'en a fait sous son nom verser la Champmeslé.

Бараншъ возвысился надъ эпими затрудненіями превосходствомъ своего дарованія, и пѣмъ что онъ не вовсе скрылъ *родъ*. Боюсь однакожь, что онъ сбиль съ толку своихъ подражателей.

Мнѣ кажется, въ системѣ Истории Описательной вошъ что истинно: История сочиненіе не философическое: эшо картина. Къ повѣствованію надобно прибавляшь изображеніе предмета, шо есть надобно въ одно время и рисовать и живописать; надобно внушашъ лицамъ языкъ и чувствованія ихъ времени; надобно глядѣть на нихъ не сквозь наши собственныя мнѣнія, кошорыя всего болѣе измѣняютъ событія. Если примемъ мѣриломъ наши понятія о свободѣ, о религіи, о равенствѣ, о всѣхъ началахъ политическихъ, и примѣнимъ эшо къ прежнему порядку дѣлъ, шо мы удалимся опъ истины и будемъ шребовашъ опъ людей, жившихъ въ прежнему порядкѣ, того, о чемъ они не имѣли и понятія. Ни что не было худо шакъ, какъ мы полагаемъ; попъ, дворянинъ, горожа-

нинъ, вассалъ, имѣли другія, не наши понятія о справедливости и несправедливости: это былъ иной міръ, конечно не столь близкій къ общимъ естественнымъ правиламъ, какъ нашъ, однакожъ не имѣвшій недоспашка ни въ величїи, ни въ силѣ: о помѣ свидѣтельствующъ его дѣянїя и продолжительность. Не будемъ-же спѣшить съ презрѣніемъ опзывать о прошедшемъ. Кшо знаетъ, не покажется-ли нашимъ внукамъ, черезъ два или три столѣтія, общество наше, которое почитаемъ мы (и во многихъ отношенїяхъ совершенно справедливо) превосходящимъ прежде, такимъ-же, какимъ кажется намъ общество, за два столѣтія до насъ бывшее? Порадуемся-ли мы въ нашихъ могилахъ, если будущія поколѣнія спануть судить о насъ съ такою-же строгостью, съ какою судимъ мы о нашихъ дѣдахъ? Хорошее, искреннее въ Описательной Исторїи есть то, что она говоритъ о временахъ, какъ они были.

Другая система историческая, поже новая, система Фаталистовъ, заключаетъ въ себѣ, мнѣ кажется, гораздо болѣе неудобствъ, потому что она отдѣляетъ нравственность отъ дѣятельности челоука: въ семъ отношенїи я скоро буду имѣть случай, говоря о писателяхъ съ дарованїемъ, принявшихъ ее, оспоришь эту систему. Здѣсь скажу только то, что система, вовсе исключаящая лица, для того чтобы за-

нимаешься единственно *родомъ*, впадаешь въ излишество, прошивоположное системѣ Исторіи Описательной. Совершенно уничтожишь *лица*, и дашь имъ только значеніе цифръ, находящихся въ совокупности, поже что оспоришь ихъ *высшее* значеніе, которое находишься въ нихъ независимо отъ *относительнаго*. Какъ вѣкъ имѣешь вліяніе на человѣка, такъ и человѣкъ имѣетъ вліяніе на вѣкъ, и если человѣкъ бываешь представителемъ *понятій* своего времени, то еще чаще время бываешь представителемъ *понятій* человѣка.

Во второй системѣ новой Исторіи, такъ-же какъ и въ первой, есть своя истинная спорная. Достоверно, что въ наше время не лзя исключать Исторіи *рода*, что дѣйствительно есть перевороты неизбежныя, ибо они совершаются въ умахъ прежде нежели осуществляются во *вѣщности*, что Исторія *Человѣчества*, Исторія *всего* общества, *всѣмїрной* образованности, не должна быть прикрыта Исторіею *частности общественной*, и *частными* событіями вѣка или страны. Совершенство состояло-бы въ соединеніи трехъ системъ: Исторіи Философической, Исторіи Частной, Исторіи Общей. Надлежало-бы внести размышленія, каршины, великія послѣдствія образованности въ сіи три системы, и выкинуть изъ нихъ все исключительное и софистическое.

Сентябрь 1831.

41

Имѣшь основательныя начала принимаясь за перо, хорошо; но вопросъ о томъ, какъ должна бышь писана Исторія, кажется мнѣ совершеннымъ вздоромъ: каждый Историкъ пишеть ее сообразно своему собственному гевію. Одинъ хорошо рассказываетъ, другой еще лучше живописуешь; шопъ любишь размышляшь, эпюшь равнодушень или умилителенъ, недо-вѣрчивъ или набоженъ: всякій способъ хорошъ если только онъ истиненъ. Соединишь важность Исторіи съ занимательностію Записокъ бышь въ одно время Фукидидомъ и Плутархомъ, Тацитомъ и Светоніемъ, Боссюэтомъ и Фруассаромъ, и основашь свой шрудъ на общихъ началахъ новой Школы — какое чудо! Некого небо вдругъ наградило всѣми этими дарованіями, изъ коихъ одного было-бы достаточна для славы многихъ людей? Пусть-же каждый пишеть какъ видишь, какъ чувствуешь! Вы вѣ правѣ пребовашь оиъ Историка только знавіи событій, безприсврасшія въ сужденіяхъ, и, если можно, слога.

Нѣмецкая Историческая Школа. Философія Исторіи. Исторія въ Англіи и Италиі.

Въ шо время, когда мы основывали свою Политическую Школу, подлѣ насъ Германія уш-

верждала свои новыя ученія и упреждала насъ въ высшихъ областяхъ умственныхъ. Она вводила въ Историю Философію, не ту Философію оснадцатаго столѣтія, которая давала нравственныя или анти-религіозныя рѣшенія, но Философію, которая разсмаприваетъ сущность твореній, проникаетъ сквозь оболочку чувственнаго міра, и старается узнать, нѣтъ-ли подъ сею оболочкою чего нибудь болѣе существеннаго, болѣе живаго, причины явленій общественныхъ?

Открыты законы, управляющіе родомъ человѣческимъ; взяты въ основаніе три или четыре великія преданія, разсѣянныя у всѣхъ народовъ; возсозданы общество по симъ преданіямъ, такъ-же какъ возснаноляютъ памятникъ по развалинамъ его; послѣдовали за развишіемъ лоніи и постановленій въ этомъ обществѣ; означили его преобразованія; извѣдали по Истори, нѣтъ-ли въ Человѣчествѣ какого нибудь естественнаго движенія, которое, являясь въ опредѣленныя эпохи, въ извѣстныхъ положеніяхъ, можетъ подать средство предсказывать возвращеніе того или другаго переворота, такъ-же какъ предвозвѣщаютъ появленіе кометъ, коихъ пуши исчислены: вотъ предметы важныя. Что такое человекъ? Откуда онъ? Куда? Зачѣмъ онъ здѣсь? Какая судьба ожидаетъ его? Есть-ли въ архивахъ міра опѣшны на сіи вопросы?

.... Касательнo снхъ вопросовъ Германія раздѣляется на двѣ споронн: Философическо-Историческую и Историческую.

Начальникъ первой естъ Гегель. Она утверждаешъ, что душа всемірная проявляется въ Человѣчествѣ подѣ чешырьма видами: первый видъ, сущешвенный, шожешвенный, неподвижный: его находятъ на Воспокѣ; другой, часшный, разнообразный, дѣяшельный: его видимъ въ Греціи; шрешій соспоишъ въ вѣчной борьбѣ двухъ первыхъ: онъ былъ въ Римѣ; чешвершый выходишъ изъ борьбы шрешьяго, дабы ссгласишъ шо, что было въ различіи: онъ сущешвуешъ въ народахъ Германскаго происхожденія.

Такимъ образомъ, Воспокъ, Греція, Римъ и Германія предешавляющъ чешыре формы и чешыре Историческія начала общешства. Каждая изъ великихъ народныхъ массъ, въ эшихъ географическихъ категоріяхъ, получаешъ отъ различныхъ положеній свойство своего духа, характеръ законовъ и родъ собышій въ общешственной жизни.

Историческая партія слѣдуешъ только за собышьями, и опшвергаешъ всѣ философическія формулы. Знаменишый начальникъ ея, Нибургъ, кошпораго недавнюю потерю оплакиваешъ учены

міръ, сочинилъ первобытную Исторію Рима; но онъ не воздвигъ своего Цицлопейскаго памятника на одной мысли. Г. Савиньи, слѣдующій за Исторіею Римскаго Права отъ поэпическаго вѣка онаго до философическаго, ннѣшняго, не изыскиваетъ ошвлеченнаго основанія, кошорое какъ-бы придало сему Праву нѣ кошорую вѣчность.

И такъ, Философическо-Историческая Школа нашихъ сосѣдей дѣйствуешъ *синтезомъ*, а Школа чисто Историческая *анализомъ*. Эпи двѣ методы еспественно примѣняюща къ *идеѣ* и къ *формѣ*. Философическая Школа утверждаетъ, что умъ человѣческій творитъ событія; Школа Историческая сказываетъ, что событіе приводитъ въ движеніе умъ; она-же признаешъ еще сцѣпленіе въ порядкѣ событій, зависящее отъ Провидѣнія. Обѣ сіи Школы называютъ въ Германіи системою Рациональною и системою Супернатуральною.

Въ согласіи съ двумя Историческими Школами идушъ двѣ Школы Богословскія, кошорыя соединяюща съ двумя первыми сообразно своимъ различнымъ соприкосновеніямъ. Эпи обѣ Школы Христіанскія, Богословскія.....

Мысли о Философіи Исторіи Человѣчества, соч. Гердера, такъ славны, что не лзя не припо-

инишь о нихъ здѣсь. Одно мѣсто изъ Введе-
нія Г-на Кене можешъ дань о нихъ понятіе.

«И въ началѣ и въ концѣ своемъ, Исто-
рія предшавляешъ поржесство безконечнаго
«надъ конечнымъ, владычество души... Дви-
«жимый рукою невидимой, родъ человѣче-
«скій не только сбросилъ съ себя печашъ все-
«ленной и пустился на поприще, дополъ не-
«извѣданное, но онъ еще поржеспвуепъ и надъ
«самимъ собой, скрывается опъ собспвенныхъ
«своихъ назначеній, и непрерывно перемѣняя
«формы и предметы поклоненія, онъ каждымъ
«своимъ усиліемъ доказываепъ, что Вселенная
«запрудняепъ, спѣсняепъ его. Тщепно Вос-
«шокъ, полагааясь на вѣрованіе въ свои символы,
«думаепъ, что онъ оковалъ его множеспвомъ
«своихъ шаинспвенныхъ пушовъ; на пропивопо-
«ложномъ берегу возникаетъ дыша-народъ, ко-
«торый позабавишь надъ эшими загадками и
«задушиишь Воспокъ при своемъ возстаніи. Тщеп-
«но Римская личность захватила все, желяя
«все пожрашь : среди безмолвія Имперіи, об-
«манчивый-ли призракъ, поэтическое-ли прель-
«щеніе эпопъ звукъ, ишедшій изъ лѣсовъ Съ-
«вера? Онъ не шрепепъ лисъевъ, не крикъ
«орла и не рыканіе дикихъ звѣрей. Такимъ об-
«разомъ, безконечное волнуется, спарааясь выйд-
«ши изъ плѣна, копорый для него — границы
«міра, и вспрѣшнвшее его Человѣчество, какъ-

« бы въ безуміи идешь, передъ лицомъ безмолв-
 « ной Вселенной, опъ развалинъ къ развалинамъ,
 « не зная гдѣ остано-
 « виться. Это путешествен-
 « никъ, кошорый спѣшитъ, скучаетъ; онъ да-
 « леко опъ своей спраны; онъ пошелъ изъ Ин-
 « діи до разсвѣша; едва остано-
 « вился онъ въ оградѣ
 « Вавилона, какъ и разшибъ Вавилонъ; остано-
 « вившись
 « безъ крова, онъ бѣжалъ къ Персамъ, къ Медіанамъ,
 « въ землю Египетскую. Одинъ вѣкъ, одинъ
 « часъ, и онъ уничтожилъ Пальмиру, Эбашану,
 « Мемфисъ; продолжая ниспровергать принимаю-
 « щія его спраны, онъ оставляетъ Лидійцевъ
 « для Элиновъ, Элиновъ для Эпрусковъ, Эп-
 « русковъ для Римлянъ, Римлянъ для Гетовъ,
 « Гетовъ. . . . Но мнѣ-ли знать, что будетъ
 « далѣе! Какая слѣпая поспѣшность! И кто по-
 « нуждаетъ его? И какъ не спрашится онъ насъ
 « до прибытія? А!.. если въ древней Эпопѣ
 « мы слѣдуемъ, изъ одного моря въ другое, за
 « бродящею судьбою Улисса до милаго ему ос-
 « трова, то кто скажетъ намъ, когда окон-
 « чатся приключенія этого спраннаго путеше-
 « ственника, и когда увидишь онъ, вдали, ды-
 « мокъ надъ кровлями своей Ишаки?

« И такъ мы подходимъ къ первымъ грани-
 « цамъ Исторіи. Мы оставляемъ физическія яв-
 « ленія и вступаемъ въ лабиринтъ поворо-
 « шовъ, коими означаетъ себя Человѣчество.

« Просшите сладостныя и мирныя убѣжища, не-
 « измѣнимый покой, свѣжестъ и невинность кар-
 « шинъ! Мы будемъ дышашъ воздухомъ всепо-
 « жирающимъ; мы попопчемъ землю, улишную
 « кровью, гдѣ всѣ предметы колеблются въ вѣч-
 « номъ непоспоянствѣ. Гдѣ успокоимъ взоръ?
 « Малѣйшая песчинка, воздымаемая вѣтромъ,
 « заключаешъ въ себѣ болѣе продолжисельности,
 « нежели судьба Рима или Спарты. Я знаю въ
 « пущынномъ убѣжищѣ ручеекъ, кошорого сла-
 « досное журчаніе, излучиспый бѣгъ и живыя
 « гармоніи древнѣе воспоминаній о Неспортѣ и
 « льшописей Вавилона. И шеперь, такъ-же какъ
 « во время Плинія и Колумеллы, гіациншъ кра-
 « суешся въ Галліи, подснѣжникъ въ Иллирии,
 « маргарипшка на развалинахъ Нуманціи, и меж-
 « ду швѣи, когда вокругъ ихъ города перемѣ-
 « нили владѣшелей и названія, когда многіе нис-
 « пали въ ничшожеспво, когда цѣлыя образован-
 « носпи сполкнулись и разрушились, ихъ сми-
 « ренныя поколѣнія перешли вѣка, и дошли, одно
 « за другамъ, до насъ, споль-же свѣжія и цвѣ-
 « щущія, какъ во дни бшшвѣ.

« Не должно-ли эшо поспоянствво міра веще-
 « спвеннаго возбуждашъ одни пщешныя сожа-
 « лѣнія, и эша величеспвенная громада не для
 « шого-ли здѣсь, чшобы мы живѣе чувспвовали
 « всю эфемерность и волнуемостъ преходящихъ

« образованностей? Боже сохрани! Напротивъ,
« она вполне отражается въ системѣ дѣйствій
« человеческихъ, и придаетъ имъ глубокой ха-
« рактеръ спокойствія и ясности. Когда утвер-
« ждено, что измѣненія Историческія рождаю-
« ся не отъ пустой прихоти чьей-либо воли,
« но что основаніе оныхъ находится въ самой
« внутренности Вселенной; что они суть воз-
« вышеннѣйшее слѣдствіе оной, и что начала
« такой-то формы образованности, или тако-
« го-то движенія впередъ, въ такое-то время,
« заключаются въ законахъ міра; что сіи раз-
« личныя явленія входятъ въ общую область при-
« роды и составляютъ часть ея характера, такъ-
« же какъ всякой другой родъ земнаго произведе-
« нія, тогда дѣйствія человеческія являющіяся какъ-
« бы новымъ царствомъ, гдѣ есть своя опредѣлен-
« ная гармонія, свои противоположности и своя
« сфера, не менѣе опредѣленныя. »

Такъ выражается Гердеръ словами своего кра-
снорѣчиваго изъяснителя.

Впрочемъ, сіи благородныя системы, примѣ-
ненныя къ Исторіи, не такъ новы, какъ ка-
жется. Человѣкъ, шептливо покоившійся пол-
шора вѣка въ пыли, воскресъ, пребуя своей
ошроченной славой. Онъ опередилъ свое время.
Когда настала эра идей, выраженныхъ имъ,
онѣ подали голосъ на могилѣ его, и пробудили
спавшаго. Я говорю о Вико.

Въ сочиненіи своемъ: *Новая Наука*, Вико опспранилъ частную Исторію народовъ и положилъ основаніе общей Исторіи человѣческаго рода.

« Начертать всемірную, вѣчную Исторію, » говоришь Г. Мишеле, въ своемъ сокращенномъ переводѣ и своемъ почномъ и хорошо понятомъ разсмотрѣніи системы Вико, « начертать « всемірную вѣчную Исторію, которая являет- « ся во времени подъ формою частныхъ Исто- « рій; очертивши идеальный кругъ, въ которомъ « обращается миръ существенный — вотъ пред- « метъ *Новой Науки*: она Философія и въ тоже « время Исторія Человѣчества. »

« . . . Доселѣ говорили только о естественномъ « Богословіи; *Новая Наука* есть Богословіе об- « щественное, Историческое свидѣтельство о « Провидѣніи, Исторія повелѣній, коими, невѣ- « домо для людей и часто противъ ихъ воли, « Провидѣніе управляетъ великою областію ро- « да человѣческаго. Кшò не почувствуешь Бо- « жественнаго наслажденія въ своемъ смертномъ « швлѣ, когда будешь созерцать эшомъ міръ « народовъ, столь разнообразный характерами, « мѣстомъ и временемъ, въ единообразіи Бо- « жественныхъ идей? »

По мнѣнію Вико, основатели общества были гиганшмы или циклопы. Гиганшмы не знали ни

законовъ, ни Бога; загремѣлъ громъ, они ушрашились, и признали надъ собою высшее могущество; идолопоклонство произошло не отъ обмана, а отъ легковѣрія... Чшобы опклонить отъ себя всѣ Богословскіе вопросы, Вико устранилъ народъ Избранный, какъ единый хранившій истинное преданіе, и свободно разсуждаетъ обо всѣхъ остальныхъ.

Религією начинается общество; первые отцы семействъ дѣлаются первыми священнослужителями, первыми царями, *патріархами* (отцы и государи).

Эпо семейственное правительство бываетъ безусловно; жизнь и смерть дѣшей во власти отца, такъ-же какъ его жизнь и смерть покорны Богу, создавшему его, и слышанному имъ въ звукъ грома. Здѣсь начало жертвоприношеній человѣческихъ, обрядовъ, церемоній религіозныхъ: эпо перыбытный законъ человѣческаго рода, продлившійся до Права Гражданскаго, слѣдовавшаго за симъ первымъ закономъ.

Вскорѣ дикіе, которые безъ раздѣла обладали достояніемъ и женами, и у которыхъ безначаліе было слѣдствіемъ сего, прибѣгли къ алтарямъ сильныхъ, на вышоты, гдѣ собрались первые семейства, подъ правленіемъ отцовъ семействъ, или *Героевъ*.

Сіи выходцы, или пришельцы, сдѣлались рабами своихъ защитниковъ; они не пользовались ни однимъ изъ преимуществъ Героевъ, и особенно религіознымъ или шоржеспвеннымъ бракомъ, кошорый служилъ основаніемъ для семейственнаго общества; но выходцы умножились и потребовали себѣ части земель, обрабатываемыхъ ими. Гдѣ Герои были не довольно сильны и не могли сохранить всѣхъ своихъ достояній, тамъ вездѣ они уступили земли, на нѣкоторыхъ условіяхъ, своимъ прежнимъ рабамъ. Таковъ былъ первый аграрный законъ, шакое происхождение попечительствъ и лень.

Тогда начались города. Опцы семействъ сдѣлались дворянами, патриціями; выходцы составили классъ плебеевъ, сопутниковъ, кліентовъ, вассаловъ; они не имѣли никакихъ правъ политическихъ и пользовались только землями, уступленными имъ опъ Дворянъ.

Всѣ города Героевъ были управляемы аристократически, и въ сущности своей были военными. Обишатели оныхъ, разбойники на сушѣ или на морѣ за границей, были вѣчно въ раздорѣ дома.

Мало по малу, сіи аристократическія общества преобразились, опъ умноженія демократической части, въ народныя Республики. Народныя государства упадаютъ нравспвенно; на

родъ, сначала прѣбующій только равенства, хочеть въ свою очередь властвовать. Является безначаліе и принуждаеть народъ укрыться подъ власть одного. Потребность въ порядкѣ основываетъ монархію, какъ потребность въ свободѣ основала аристокрашію, а потребность въ равенствѣ демокрашію.

Если Монархія не останавливаетъ возвращенія народа, «сей народъ,» говоритъ Вико, «становится рабомъ народа лучшаго, который покоряетъ его оружіемъ, и спасаетъ покоря, «ибо сущесивующъ два естесственные закона: «кто не можетъ управлять самъ собою, тотъ «будеть повиноваться, и лучшимъ принадле- «житъ обладаніе міромъ.» Правило не неоспоримое.

Въ системѣ Вико, дѣйствительно новая часть ша, гдѣ онъ вводитъ Исторію Права Гражданскаго въ Исторію Права Политическаго. Онъ особенно занимался этою частью. Его первые опыты въ Юриспруденціи и Этимологіи Латинской, говоря вообще, суть его лучшія сочиненія. Онъ показываетъ, что Юриспруденція бываетъ разнообразна, соотвѣтственно образу правленій, которыя сами бывають слѣдствиемъ нравовъ. Онъ замѣчаетъ, что первый законъ общесственный, сначала совершенно религіозный,

проникъ въ гражданскій порядокъ и продолжился въ немъ, среди перевороповъ и измѣненій политическихъ. Прежде его, никто не видѣлъ, что Юриспруденція Римлянъ была окружена торжественностью и паинспивами потому, что она происходила отъ древняго религіознаго Права, и что сіи паинспива были не обманъ, не средство власти, изобрѣшенное жрецами и дворянами. Въ Римѣ, акты преимущественно имевшіеся *актами законными*, были сопровождаемы священными обрядами, и для того, чтобы браки и завѣщанія были названы *справедливыми*, то есть основанными на Правахъ самаго высокаго политическаго порядка, они должны были утверждаться священными церемоніями.

Это превосходное замѣчаніе Вико можетъ быть примѣнено и къ нашему обществу. Христіанство самобытно основало оное среди языческаго общества Греціи и Рима, или у народовъ варварскихъ, и покорило закону религіозному. Бракъ и погребеніе были *торжественны и законны* у Православныхъ тогда только, когда были Христіански *утверждены*; сверхъ того, крещеніе сдѣлало *торжественнымъ и законнымъ* рожденіе, такъ же какъ соборованіе освящало смерть.

Такова система Вико, въ которой видѣнъ человекъ одаренный умомъ великимъ, но упра-

вляемый воображеніемъ ; человекъ , примѣшивающій къ новымъ истинамъ игру ума, не утверждаетъ ни Исторіей , ни разсудкомъ , ни здравою логикой. Его понятія объ идолопоклонствѣ , полезномъ , какъ онъ думаетъ , людямъ — не выдерживаютъ разсмотрѣнія ; его мнѣніе, что Геркулесъ , Гермесъ , Омиръ , Езопъ , Ромулъ , не лица , а идеальные первообразы нравовъ и понятій своей эпохи , явно противорѣчатъ естественнымъ дѣйствіямъ ума. Дикій олицетворяетъ деревья , цвѣты , скалы ; но онъ не дѣлаетъ аллегорій изъ временъ. Когда Вико говоритъ , что послѣ Поппа люди , сдѣлавшись дикими , опять стали такъ-же великорослы , какъ были гораздо прежде Поппа , онъ идетъ противъ законовъ Физики : человекъ въ скотскомъ состояніи , такъ-же какъ и всѣ животныя , мѣлокъ : физическія силы развиваются въ человекѣ обществомъ , а въ животныхъ , способныхъ къ воспитанію , домашнимъ присмотромъ .

Еще легкомысленіе Вико рѣшаетъ вопросъ о словѣ человеческомъ . Онъ думаетъ , что послѣ Поппа оно исчезло , и что для человеческого рода было время онѣмнѣнія ; слѣдственно , тогда человеческій родъ былъ нѣчто въ родѣ семейства обезьянъ . Вмѣстѣ-ли съ мыслию данъ человеку глаголь ? Опъ не-ли произошелъ онъ , какъ плодъ опъ цвѣшка ? Напрощивъ , рѣчь бы-

ла-ли опкршіемъ? Вопросъ великій! Еяко рѣшилъ его однимъ почеркомъ пера, но строгаѧ Исторія не позволяетъ приять этого за неоспоримое событіе.

Въ наше время одинъ Французскій писатель возобновилъ и улучшилъ одну часть системы Вико. Философія Г-на Балланша естъ Христіанская Θεософія. Слѣдуя сей Философіи, общій, непремѣнный законъ управляетъ всѣми судьбами человѣческими, опъ начала и до конца. Эпонъ общій законъ естъ не иное что, какъ развитіе двухъ живительныхъ догматовъ, паденіе и возстановленіе, которыя обрѣщаются во всѣхъ общихъ преданіяхъ Человѣчества, и которыя сославляютъ само Христіанство. Живое чувствованіе сихъ двухъ догматовъ производитъ особенную Психологію, которая изъясняетъ умственные способности Человѣка, давая опчетъ о внутренней природѣ его, и которую опкрываютъ въ сославѣ древнихъ языковъ. Человѣкъ, совершая свое трудное поприще, безъ опдыха ищеть пути опъ паденія къ возстановленію, дабы придти къ пошеранному единству.

Г. Балланшъ хотѣлъ проникнуть Историческимъ геніемъ и въ область, предшествовавшую Истории. Въ его Орфей сокращенно пятнадцать вѣковъ Человѣчества, предшествовавшіе временамъ Историческимъ.

Далѣ онъ сводитъ первые пять вѣковъ Римской Исторіи въ одинъ снмезъ, который въ одно и тоже время естъ поэтическая прилогія и Психологія человѣчества.....

Исторіи на такой высотѣ, можетъ бытъ, не подъ силу для всѣхъ умовъ; но даже и шѣ, кто любилъ одно легкое чшеніе, и шѣ найдуть особенную прелестъ въ *Общественной Палингенези* Г-на Балланша. Изящный, гармоническій слогъ облакаетъ у него мысли чистыя, утѣшительныя: кажешся, видишь всѣ тайны ясной и спокойной совѣсти Автора, какъ-бы при шикомъ и шинственномъ свѣтѣ его воображенія. Эпошъ Тео-софическій геній не допускаетъ насъ ни въ чемъ завидовать Испалии и Германіи. Не знаю, можешъ бытъ, что Вико, Гердеръ и Г-нъ Балланшъ, примѣняя свои формулы къ Исторіи, нѣсколько смѣшиваютъ различные роды и предметы; но нѣтъ сомнѣнія, что они возвышаютъ чело-вѣка: Историкъ и долженъ высоко думать о чело-вѣческомъ родѣ, чтобы съ бѣльшимъ благород-ствомъ писать о его правахъ.

Между шѣмъ какъ движеніе умовъ увеличива-лось во Франціи и въ Германіи, Великобританія оспавалась неподвижною. Единбургская Школа сдѣлала успѣхи въ Философскихъ учени-яхъ. *Нагерманіе Философій нравственной*, Дю-гальда Сшюрша, переведено на Французскій Г-нъ Жуэфруа, молодымъ Профессоромъ, кошо-
Сентябрь 1831.

рый начинаеть громишь, своею ясною, могущественною Логикой, системы, усилившіяся въ наше время. Но, въ отношеніи къ Исторіи, Англія такъ давно пользуется значительными льготами, и сіи льготы такъ хороши для ея благоденствія, мира и славы, что писатели ея не имѣли повода разсматривать событія, примѣняя ихъ къ лучшей будущности. Аристокрашическая свобода, господствовавшая доселѣ въ Вестминстерѣ надъ свободами Королевскими и народными, оплила понятія въ однообразную форму, отъ которой и не спирающіяся освободиться: это замѣтно даже въ пишущихъ экономистахъ Великобританіи. Они разсматривають налогъ, кредитъ, собственность всѣхъ родовъ, въ смыслѣ наслоящихся успановленій своей страны.

Но, отъ возраспающаго вліянія промышленности, отъ внесенія правилъ съ материка Европейскаго, составляется и въ трехъ соединенныхъ Королевствахъ особенный разрядъ людей, у которыхъ понятія не *Англіійскія*: сіи понятія очень замѣтны, по ихъ *цвѣту*, въ книгахъ, въ рѣчахъ Палаты Лордовъ и Палаты Нижней; рано или поздно, они ниспровергнутъ Конституцію 1688-го года. Первый шагъ на этомъ пути былъ уравниеніе Каполической Ирландіи; вторымъ будетъ преобразование Парламента. Тогда явятся революціи и въ старой Англіи; Исторія этой Англіи обновится.

Въ послѣднее время была замѣчена *Исторія Англіи*, сочиненная Докторомъ Лингардомъ; она не освобождаетъ однакожъ отъ чтенія Историковъ обѣихъ прежнихъ Школъ, Виговъ и Торисовъ. Большой соблазнъ сдѣлало то, что Каполическій Англійскій священникъ нашель Карла I-го виновнымъ, и порицалъ только образъ казни этого Государя.

Англія была не богата Записками: онѣ начинаютъ размножаться. Мнѣ кажется, что Г-нъ Галламъ удачнѣе написалъ свою *Конституціонную Исторію Англіи*, нежели *Евроку въ Средніе вѣка*.

Геній Ипаліи оставилъ свой старинный храмъ, при шумѣ Европейскаго смятенія. Теперь, эпопъ Геній возвратился къ своимъ развалинамъ, убѣжищу падшихъ величій, преслѣдуемой славы и бѣдствующихъ дарованій. Исторія Соединенныхъ Штатовъ, сочиненная Бошпою, не можешь быть опровергнута опечесствомъ Виллани, Беншиволью, Джіаноне, Далиль, Гичіардини и Макиавелей. Въ Древней Исторіи Ипальянцы всегда останутся нашими учителями, пошому что они сами продолженіе оной, и пошому что они хорошо знакомы съ языкомъ и памятниками ея.

Я написалъ, что Геній Ипаліи возвратился къ своимъ развалинамъ; онъ схватываетъ мою руку и заспавляетъ меня спохватившись.

(*Окончаніе въ слѣд. книгѣ*).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРЕЛОЖЕНІЕ

изъ Пророка Іезекііля.

Духъ Божій влекъ меня въ пустыню,
 Рука Всесильнаго вела,
 И чуда дивнаго свящину,
 Какъ свѣшокъ дивный, развила!

Я зрѣлъ: средь брениа и пыли,
 Косшей громады шамъ лежашъ:
 И сухи, вѣшки косши были,
 И поле широко покрыли,
 И были чьи онѣ?... молчашъ!

«Сынъ чловѣчь! внемли глаголу —
 Рекъ Божій гласъ тогда ко мнѣ —
 «Сухія косши зришь-ли долу?
 Скажи: возстанушь-ли онѣ?»

— Ты всен! — рекъ я, изумленный.
 И снова Божій гласъ гремѣлъ:
 «Скажи имъ Бога судъ священнѣй —
 Сухія косши! Богъ ведѣлъ,

Внимайте Божіе вѣщанье:

- На ваше плѣнное созданье
Живошный снова придеши духъ,
Сожкутся жилы, плоть обнимешь,
И снова зрѣніе и слухъ
Сославъ вашъ плѣнный воспримешь,
И снидеши духъ живошный въ плоть.
Возстаныше, кости, оживише,
И міру дивно возвѣсьшише,
Да вѣсь онъ, яко азъ Господь!» —

Я шренешалъ, я рекъ... О чудо!
И громъ, и шрусъ, и вѣшра гулъ...
Костей сухихъ подвиглась гряда,
Господь въ нихъ снова жизнь вдохнулъ:
Случа одна въ другую, жидой
Всѣ обвивалися онъ,
Игъ плоть покрыла, Божьей силой
Игъ кожа облекла извнѣ!

Но духъ живошный въ нихъ не вѣялъ,
Недвижны были шѣлеса. —
«Ты плотью снова ихъ одѣялъ;
Прорцы о духъ словеса!» —

И снова, бранными ушами,
Я духъ живошный къ нимъ воззвалъ
И свѣша чешырьми странами
Игъ снова къ жизни призывалъ!

И спали живы — сонъ великій!
 И шрешь въ грудь мою проникъ,
 И жизни радостные клани
 Воскресшій возгласилъ языкъ!

« Пророкъ! вѣщай глаголь великій;
 Израиль! слухъ швой преклони!
 — Мной возшають земли владыки,
 Мной низлагающа они!
 Влагая въ косши духъ живошный,
 Тебя-ль, Израиль! не спасу?
 Какъ кладязь вновь водой, безводный,
 Иерусалимъ я вознесу!
 Напрасно гордыми врагами
 Разрушенъ древній швой престоль —
 Я жизнью вѣю надъ гробами —
 Тебя-ль погибнушь въ безднѣ золь?
 Твой мшишель ошъ гробовъ возстанешъ,
 Сухія косши свяжешъ плоть,
 И гласъ швой, радостный, прогрянешъ,
 Что я Спасишель швой — Господь!

Бортнянскій.

ОТРЫВОКЪ

изъ Историческаго Романа:

СТРѢЛЬЦЫ.

(Ч. I, главы 3-я и 4-я)

Кто узришь насъ ? Подъ ризой ночи
Пушями пайны мы пройдемъ,
И будешь ширь спраснямъ роскошный.

Глинка.

Благовѣспъ призывалъ православныхъ къ обѣднѣ, когда Сухаревскаго полка Пянисошанный Василій Бурмисировъ шелъ въ домъ къ начальнику Спрѣлецкаго Приказа, Князю Михаилу Юрьевичу Долгорукому. Проходя по берегу Москвы-рѣки и поровнявшись съ однимъ низенькимъ домикомъ, или лучше сказаць хижинкою, увидѣлъ онъ подъ окнами оной сидѣвшую на скамѣ сшарушку, одѣвшую въ черный сарафанъ и повязанную плапкомъ того-же цвѣта. Она горько плакала. Бурмисировъ рѣшился подойди къ ней и спросить о причинѣ ея горести. Долго рыданія мѣшали ей ошвѣчанъ на вопросъ прохожаго. Наконецъ она, ошнавъ ошъ глазъ плашокъ и взглянувъ на Бурмисирова, на лицѣ

кошораго живыми красками изображалось со-спраданіе, сказала ему :

« На что, башюшка, знашь тебѣ про мое горе ? Ты мнѣ не поможешь. »

« Почему знашь, спарушка ! Можешь бышь я и найду средство помочь тебѣ. »

« Нѣтъ, кормилецъ мой ! Мнѣ ужъ не долго оспалось жишь на свѣшѣ. Скоро прикроеть меня гробовая доска, шогда и горю конецъ ! Охъ, Бояринъ, Бояринъ ! Будешь ты ошвѣчать передъ Богомъ, что обижаешь меня, бѣдную. »

« Про какого Боярина говоришь ты, бабушка ? »

« Богъ ему судья ! Я не хочу его осуждашь и передъ добрыми людьми порочашь. »

« Будь со мною откровенна ; скажи : кто швой обидчикъ. Авось я и помогу тебѣ. Меня знають многіе знаменитые Бояре. Я замолвлю за тебя слово предъ ними. Самому Царю ударю челомъ. »

« Спасибо тебѣ, кормилецъ, что за меня, беззащитную вдову, всшупаешься. Богъ заплапишь тебѣ ! Знаю, что ты мнѣ не поможешь, но пакъ и бышь : я все тебѣ расскажу. Вонъ видишь-ли шамъ, за крашенымъ заборомъ, гдѣ вороша со львами на веряхъ, большой садъ и высокія хоромы ? Тамъ живешъ сосѣдъ мой,

Бояринъ Милославскій. Мой покойный сожигель. Пешръ Иванычъ, по прозванію Смирновъ, здѣшней приходской церкви Священникъ, оставилъ мнѣ эпошъ домишка съ огородомъ. Онъ преспавился наканунѣ Крещенья, не задолго до кончины Царя Алексѣя Михайлыча. Вотъ ужъ седьмой годъ, кормилецъ мой, какъ я вдовѣю. Сынъ мой Андрюша обучается въ Окодемы, что въ Андреевскомъ монастырѣ. Не опидала-бы я его шуда ни за что, какъ-бы не покойникъ мужъ завѣщаль. Будущимъ лѣпомъ, въ день Святыя мученицы Аграфены купальницы, минешъ ему 18 лѣшъ; могъ-бы ужъ хлѣбъ до-спавать, да меня, спаруху, кормить. А по бѣешъ только баклуши, прости Господи! Только и вижу его въ праздники; а въ будни все въ монастырѣ. Учишся тамъ какой-шо *Крегетской* грамотѣ, *Алтынскому* языку, и не вѣспъ чему! Какъ-бы не помогала мнѣ дочь Нашаша, шакъ давно-бы я съ голоду померла. Она однимъ годомъ помоложе браша. А какая разумная, ка-кая добрая! Самоучкой выучилась золопомъ вы-ливашъ. Успѣваетъ и шить и за хозяйствомъ ходишъ, а по вечерамъ чишаешъ мнѣ Писаніе да Жишя. И въ книжномъ-шо ремеслѣ она, я чай, брашу не уступишъ. Въ праздникъ шолько у нея, моей голубушки, и дѣла, что съ нимъ за книгой, да за грамотой сидѣть. Пишетъ, словно приказной! И брашъ-шо на нее шолько

дивуешся. Каково-же мнѣ, бабушка, распашься съ шакою дочерью!»

При сихъ словахъ спарушка снова горько заплакала, но попомъ, скрѣпясь, продолжала: «Былъ у меня, бабушка, знакомецъ, Площадной Подъячій, Сидоръ Тереншъичъ Лысковъ. Онъ часно навѣщаль меня, ухаживаль за мною, спарухою, грамошки писалъ, по Приказамъ за меня хлопоталь. Не могла я нахвалишься имъ. Думала, что онъ доброй человекъ, а онъ-шо злодѣй и погубиль меня! Въ прошломъ году на моемъ огорошкѣ всю капусту червь поѣлъ, да попущеніемъ Божиимъ опъ грозы учинился въ домишкѣ пожаръ. Пріѣхали Обѣзжіе съ Рѣшепочными Прикащиками, и съ ними цѣлая вашага мужиковъ съ рогашинами, шопорами и водоливными шрубами. Огонь залили, и поставили весь домъ вверхъ дномъ. Иное перепоршили, иное расшацили. Нашаша съ испуга захворала. Пришлошь хоть по міру идиши! Я и сказала о свой несгодѣ Подъячему. Онъ днѣ черезъ два принесъ мнѣ десяшь рублей серебряныхъ, и сказалъ, что упросиль крещнаго опца своего, Боярина Милославскаго, помочь мнѣ, бѣдной, и дашь взаимы безъ росшу и безъ сроку. Принесъ съ собой писанную грамошку и велѣлъ въ деньгахъ росписашься Нашашѣ. Она было хошѣла грамошку прочинашь: не даль лука-

вещь! Сказалъ, что она приказныхъ дѣлъ не смыслишь. Я и велѣла ей расписаться. А сегодня ушромъ пришли ко мнѣ подъячье изъ Холопяго Приказа и объявили, что Нашаша должна у Милославскаго служишь во дворѣ, и что онъ завтра пришлетъ за нею своихъ холоповъ. Я свѣшу Божьяго не взвидѣла! Ужъ не за долги ли, подумала я, беретъ Бояринъ къ себѣ Нашашу? Побѣжала къ знакомымъ просить въ займы десяти рублей, чтобы ошдать долгъ Боярину. Бѣгала, бѣгала, кланялась въ ноги: ни кто не далъ! У всѣхъ одинъ ошвѣтъ: самимъ, бабушка, ѣсть нечего. Не знаю что и дѣлать! Нашаша съ утра пошла навѣстишь больную тепику. Я чай, скоро ворошится. Ума не приложу: какъ сказать ей про мое горе и бѣду не минучую! Погубила я, окаянная, мою Нашашу!»

Сшарушка залилась слезами. Бурмистровъ, не говоря ни слова, вынулъ изъ подъ кафшана кожаный кошелекъ, ошдалъ вдовѣ и, не давъ ей опомнишься, поспѣшными шагами удалился. Съ берега Москвы-рѣки входя въ улицу, въ кошорой находился домъ Долгорукаго, увидѣлъ онъ вдали сшарушку предъ ея хижиной. Она спояла на колѣняхъ, съ воздвѣнными руками ко кресту, конорый по шу сшорону рѣки сѣмъ на главѣ церкви.

Въ кошелькѣ было девять кейменныхъ ефимковъ, пять золотыхъ и нѣсколько серебряныхъ кофеекъ. Немедленно шарушка побѣжала и Милославскому и, заплашивъ ефимокъ слугѣ, упросила его сказать Боярину, что она пришла къ нему для уплаты долга. Но черезъ нѣсколько минуць слуга вышелъ къ ней съ оповѣщеньемъ, что дѣло объ ея долгѣ уже кончено, и что Бояринъ денегъ отъ нея не приметъ. «По ди, по ди!» говорилъ онъ, выводя плачущую шаруху со двора. «Хоть до завтра кланяйся не пуцу къ Боярину! Не велѣно!»

Солнце давно уже закатилось, когда Бурмистровъ возвращался домой по опустѣвшимъ улицамъ. Пройдя переулкомъ, мимо длиннаго и низкаго строенія, вышелъ онъ на берегъ Москвы-рѣки, и сѣлъ отдохнуть на скамью, сплывшую подъ окнами небольшого деревяннаго дома, отъ кошораго начинался заборъ Милославскаго. Густыя облака покрывали небо и умножали вечернюю шемношу. Въ окнѣ, подъ кошорымъ сидѣлъ Василій, появился свѣтъ, и вскорѣ кто-то отворилъ окно, говоря сильнымъ голосомъ: «Угораздила-же его нелегкая испить печь, на ночь глядя! Я такъ угорѣлъ, что въ глазахъ зелено. Сядемъ-ка сюда, къ окошку, такъ угаръ скорѣе пройдесть.»

«Бояринъ давно ужъ спитъ во всю Иванов-

скую!» сказалъ другой голосъ. «Можно, я чай, и выпить. Да вотъ этого не попробовашь-ли, Миронъ? Тайкомъ у Нѣмца купилъ. Выкуришь по трубкѣ!»

«Что это? Табакъ! Ахъ шм грѣхотникъ! Полуше насъ съ шобой крестный сынъ Боярина, Сидоръ Тереншъичъ, да и тому, за эту поганую праву, чуть было носъ не опрѣзали. Какъ-бы не крестное цѣлованье, такъ не уцѣлѣшь-бы его носу. Сидоръ-шо Тереншъичъ, проси Господи, давно продалъ душу *ненашему*! Поцѣлуешъ крестъ во всякой неправдѣ. А вѣдь мы съ шобой православные! Коли поймашъ насъ съ шабакомъ, шакъ мы ошъ кнуша-шо не ошцѣлуемъ.»

«Ну, шакъ выпьемъ винца.»

«Да не корчемное-ли?»

«Нѣтъ, съ Ошдашочнаго Двора.»

«То-шо, смотри. За швое здравіе, Аншипычъ!»

«Допивай скорѣе; другую налью!»

«Нѣтъ, будешъ. Боюсь проспашъ. Бояринъ приказалъ идти за шри часа до разсвѣта съ Ванькой, да съ Федькой, за дочерью Попадья Смирновой.»

«За какой дочерью?»

«Да развѣ шм ничего не слышалъ?»

« Опъ жого мнѣ слышашъ! Расскажи пожалуй спа. »

« Вотъ видишь дѣло въ чемъ. Бояринъ годъ назадъ или побольше, за обѣдней у Икомъ въ Драцахъ, подмѣтилъ молодую дѣвк слышъ пы, красавицу! Я съ нимъ былъ въ цкв. Онъ и приказалъ мнѣ провѣдать: кто э дѣвка? Послѣ обѣдни пошла она съ молоды парнемъ домой, а я за ними слѣдомъ. Глаз они вошли въ избу, знаешь тамъ, подлѣ нап го сада, а у воротъ сѣдншъ мужикъ съ рыл бородой. Я къ нему подсѣлъ и разговорил. Онъ мнѣ рассказалъ, что эша дѣвка — д вдовой Попадъи Смирновой, а парень — брата. Я и донесъ обо всемъ Боярину. Тут же случился Сидоръ Терентъичъ. Да я дав знакомъ, молвилъ онъ, съ эпою старухою. За комъ? спросилъ Бояринъ. Покойникъ ея му училъ меня грамотѣ, отвѣчалъ Сидоръ Терентъичъ. Бояринъ меня выслалъ вонъ, и нача они о чемъ-то шептаться. Долго шептали. Въ прошломъ году. . . Смотри! Бороду сжег. Экъ дремлешъ! Качается словно языкъ на И нѣ Великомъ! Не любо слышашъ, шакъ по спашъ. »

« Нѣтъ, пожалуйста, рассказывай. Незначъ вздремнулось. »

« То-то незначай. Коли еще вздремнешъ

такъ лягу спать , а завтра слова отъ меня не добьешься. Налей-ка еще кружку ; въ горлѣ пересохло. Ну, шакъ вотъ видишь : въ прошломъ году у Попадья невзначай домъ загорѣлся , примѣромъ сказать , какъ твоя борода. Наѣхали Обѣзжіе съ Рѣшешочными , и спаруху въ конецъ разорили. А Сидоръ Тереншичъ и смекнулъ дѣломъ. Написалъ служилую кабалу. Я ее переписывалъ. Въ кабалѣ было сказано : *Попадья Смирнова съ дочерью заняла у Боярина Милославскаго десять рублей на годъ безъ росту , а полагуть деньги по сроку , то ей дочери у государя своего , Боярина Милославскаго служить за ростъ по вся дни во дворѣ ; росту она высокаго , лицомъ бѣла , волосы темнорусые , глаза голубые , 16-ти лѣтъ .»*

« Какъ шакъ ? Я что-то эшого въ полкъ не возьму.»

« Все дѣло въ томъ , что дочь Попадья теперь опдана Приказомъ въ холопство нашему Боярину. Понимаешь-ли ?

« Разумѣю. Сирѣчь она съ нами стала одного поля ягода ? »

« Нѣтъ , братъ , погоди ! Бояринъ-то давно на нее зарился. Женишься оцъ на ней не женишься , а полубоярыней-то она будетъ. Понимаешь-ли ? »

« Разумѣю. Сирѣчь она съ нами , холопами , водиться не спанешъ.»

« Экой шеперевъ! Совсѣмъ не шо. Ну , чюко съ шобой шеперь полковашъ! Самъ завшра увидишь. Бояринъ , слышь ты , велѣ привесши ее къ нему въ ночь , чшобм шуму гаму на улицѣ не надѣлашь. Вѣдь спанеть пла кашь да вопишь , окаанная. Она шеперь въ г спахъ у шешки , да не минуешь нашихъ рукъ. Около дома на всю ночь поставлены шпоро съ дубинами , да Рѣшешочный Прикащикъ , сосѣдней избѣ укрывается. Не уйдешь голубшка! Домъ ея шешки не подалеку. . . . Ты пропасть! Опяшь ты задремалъ. Нѣшь , полн Пора спашь. Завшра вѣдь до пѣшуховъ над поднаться. »

Окно зашворилось , и огонь погасъ. Вслушавъ весь разговоръ , Бурмиспровъ всалъ скамьи и постѣлилъ возвращишься домой.

И смопригъ вдаль , и ждешь съ тоской

« Приди , приди , спаситель! »

Но даль покрыпа черной мглой :

Нейдешь , нейдешь , спаситель !

Жуковскій.

« Вшавай , Борисовъ (*)! » сказалъ Василій войдя въ свою горницу , освѣщенную одно

(*) Борисовъ — Пятидесятникъ Сухаревского полка жившій въ домѣ Бурмиспрова.

замгадою, кошорая горѣла передъ образомъ.
«Какъ заспался! Ничего не слышишь. Эй, по-
варичъ!» Съ этими словами онъ пошрясь за
плечо Борисова, кошорый спалъ на скамьѣ под-
лѣ спода, положивъ подъ голову свернушый
олашень.

Борисовъ пошянулся, прошеръ глаза и сѣлъ
на скамью. «Ужъ ошшуда не вылзешъ!» про-
борюшаль онъ.

«Что шакое ты говоришь?»

«Такъ и полешѣлъ въ омушъ внизъ голова-
ми!»

«Ты бредишь, я вижу. Опомнись скорѣе, да
идвай саблю: намъ надо идти.»

«Идти? Куда идти?... Ахъ, это ты, Ва-
силь Пешровичъ. Куда это запропастился? Я
ждалъ, ждалъ тебя, да и вздремнулъ со ску-
ки. Какой мнѣ спрашый сонъ привидѣлся!»

«Послѣ расскажешь, а шеперь поскорѣе пой-
дешъ!»

«Ночью-шо! Да куда намъ идти? Домовыхъ
шо-ли пугашъ?»

«Не хочешъ, шакъ я одинъ пойду. Эй! Гри-
шай!»

Василь одѣшый въ овчинный полушубокъ слу-
га, съ длинною бородою.

«Бѣги въ первую сѣвжую избу, и позови де-
сѣтерыхъ изъ моихъ молодцевъ. Скажи, чтошбъ
идти сабли и ружья съ собою! Проворнѣе! Да

Сентябрь 1831.

43

вели Федькѣ заложить вороную въ одноколку. »

«Куда вы собираетесь?» спросилъ удивленный Борисовъ. «Вдругъ вздумалъ ѣхать, да еще и въ одноколкѣ! Развѣ вы забыли Царскій указъ?»

«Не забылъ, да въ указѣ про ночь ничего не сказано, и при томъ никто меня не увидитъ. Нѣмецъ Бауманъ подарилъ мнѣ одноколку за два дня до указа, и я ни разу еще въ ней не ѣзжалъ. Хочется хоть разъ прокашиться.»

«Ты вѣрно шутишь, Василій Пешровичъ!»

Василій, въ ожиданіи Спрѣльцовъ ходилъ большими шагами взадъ и впередъ по горницѣ, разсказалъ Борисову цѣль своего ночнаго похода.

«И я съ побой! Куда вы, шуда и я. Въ огонь и въ воду гошовъ! Только смопри, чѣмъ намъ не доспалось. Съ Милославскимъ-шо шутишь не съ своимъ брашомъ.»

«Если вы прусишь, такъ оспанься!»

«Не, къ шому мое слово, Василій Пешровичъ! Мнѣ не своей головы, а швоей жаль. Я люблю тебя, какъ опца роднаго. Никогда швою хлѣбъ-соль не позабуду. Безроднаго вы пріютили меня и вывели въ люди.»

«Ну полно! Чѣмъ толкованье о старинѣ! Лучше разскажи: чѣмъ шебѣ приснилось!»

« Пожадуй ! Снилось мнѣ , что мы съ шобой споймъ на высокой горѣ . Съ одной спороны видимъ долину , да шакую долину , что вошь шакъ-бы и спрыгнулъ шуда ! Рай Эдемскій ! Съ другой спороны гора , какъ ножемъ срѣзана . Крупизна — взгляпушь спрашно , а внизу шаккой омушь , что дна не выдашь . Смопримъ : лепшимъ изъ долины бѣлая голубка . Она съма къ шебѣ на плечо . Вдругъ съ шой спороны , гдѣ былъ видѣнъ омуницъ , лѣзетъ на гору волкъ , ростомъ съ добраго медвѣда , а за нимъ скачутъ , словно лягушки — наше мѣсто свяшо ! — восемь бѣсовъ , ни дашь ни взяшь , какъ на нашемъ главномъ знамени , на которомъ Спрашний Судъ вышканъ . Волкъ прямо бросился на шебя , повалилъ на землю и пошацилъ къ омушу , а голубка вспорхнула , начала надъ шобой вышься и жалобно заворковала . Ты съ волкомъ барахшаешься . Я было бросился къ шебѣ на подмогу , анъ вдругъ бѣсм схвашили меня , да и не пускають . Мнѣ шакъ смало горько , шакъ душно , что и на яву , а чай , легче на пеплѣ висѣть , а лукавые начали вокругъ меня плясать и кричашъ : Здравствуй , брашъ ! Знаешь ли ны насъ ! Сшупай къ намъ въ госпи ! Давай пировать ! — Я хотѣлъ было сотворишь крешное знаменіе и молишву : Да воскреснетъ Богъ ! но окальные схвашили меня за руки и зажали мнѣ ротъ . Вдругъ изъ долины бѣжишь

на гору левъ , ну вопъ почъ въ почъ шакой , какъ на кариникъ , которую подарилъ шебъ начальникъ нашъ , Князь Михайло Юрьичъ. Левъ напалъ на волда , но бѣсы завыли , какъ псм передъ пожаромъ , кинулись на льва и бросили его въ омушъ. Тамъ кшо-шо громко захохоталъ совсѣмъ не человѣческимъ голосомъ — похоже какъ лѣшій въ лѣсу хохочетъ. Меня подралъ морозъ по кожъ. Волкъ прищацилъ ужъ шебя на самой край горы. Опкуда ни возмись медвѣдъ , съ чернымъ , деревяннымъ крестомъ въ лапѣ , какой на могилахъ спавяпъ. Онъ обнялся съ волкомъ , попомъ схващилъ шебя въ лапы и унесъ за какую-шо невысокую каменную спѣнку. Бѣсы подбѣжали къ волку и начали вокругъ него плясать , а медвѣдъ вопкнулъ крестъ въ землю , и нагибаетъ шебя , чшобы пы передъ крестомъ помолился. Глядъ ! Вмѣсто крестна спойшъ ужъ высокій , красный шестъ , а пы , оборотясь лицомъ къ долини , началъ молиться. Я также оборотился , и вижу въ небѣ надъ долиной бѣлое облако , а изъ него лучи во всѣ стороны такъ и сѣяють ! Солнышко опъ нихъ поблѣднѣло и спало похоже на серебряную шарелку , которую только чшо принесли въ горницу изъ холоднаго погреба. Медвѣдъ бросился на шебя , волкъ къ нему , и вдругъ шполинулъ его въ омушъ , а голубка опяшь сидишь у шебя на плечѣ. Волкъ , увидѣвъ ее , за-

вылъ и оскалилъ зубы. Голубка снова вспорхнула, а одинъ изъ бѣсовъ вырвалъ изъ земли красный шестъ и началъ полкатиъ себя къ омушу. Вдругъ надъ долиной подъ бѣлыми облакомъ что-то зачернѣло. Ближе, ближе! Глядимъ: лепишь орелъ о двухъ головахъ. Надъ самой верхушкой горы остановился и началъ спускаться. Крылья такія, что цѣлый полкъ прикроешь! Бѣсъ съ шестомъ кинулся на меня и сполкнулъ въ омушъ, но я очутился въ долину, а бѣлое облако у меня надъ самою головою, словно золошой шаперъ распилается. Сердце у меня — не знаю отъ чего — такъ и запрыгало отъ радости. Подлѣ меня на муравѣ спишь левъ. Я себя и думаю: какъ-же это и левъ и я сюда попали? Взглянулъ я на гору. Ты все еще шамъ, а бѣсы вокругъ волка сбѣжались въ кучку и смопряшь на орла. И начали они съ волкомъ — какъ-бы шевъ это сказать — не шю, чтобъ ежисься, а будшо-бы пропадашь въ шуманъ, и вдругъ свернулись въ черный большой шаръ. Онъ началъ кашаться изъ спороны въ сторону и обернулся въ какого-то спрашнаго звѣря съ семью головами. Орелъ схватилъ его въ когши, взвился и опушилъ въ омушъ. Въ это самое время ты меня разбудилъ?»

«Ну, а что сдѣлалось съ голубкой? спросилъ Василій.

« Не знаю. Какъ-бы вы не разбудилъ меня такъ я-бы посмотрѣлъ. »

На лѣспницѣ послышался шумъ шаговъ. Двери отворились, и вошли десять вооруженныхъ Спрѣльцовъ.

« Ребята! » сказалъ Василій. « Есть у меня просьба до васъ. Одинъ Божринъ обманомъ за кабрилъ мою родственницу. Въ нынѣшнюю ночь хочешь онъ взять ее силой къ себѣ во дворе. Надобно ее ошпоять. Каждому изъ васъ будетъ по десяти серебряныхъ копѣекъ за работу. »

« Благодарствуемъ швоей милости! » закричали Спрѣльцы. « Рады себѣ служить всегда вѣрой и правдой! »

« Только смощите, ребята! Никому ни слова. »

« Не опасайся, Василій Петровичъ! И пипкой у насъ слова не вымучашъ! »

« Я полагаюсь на васъ. За мной, ребята! »

Василій, сойдя съ лѣспницы, сѣлъ съ Борисовымъ въ одноколку, и выѣхалъ со двора на улицу. « Если кто меня спроситъ, Гришка, » сказалъ онъ слугѣ, « по говори, что меня пошребовалъ къ себѣ Князь Долгорукій. » -

Онъ пошевелилъ вожжами и поѣхалъ шагомъ дабы шедшіе за нимъ Спрѣльцы не ошпали

Въ нѣкошоромъ распоявѣи ошъ дома Смирновой, онъ оспановился и вышелъ изъ одноколки, приказавъ Борису и Спрѣльцамъ дожидаться его на эшомъ мѣспѣ. Подойдя къ ворошамъ, онъ постучался въ калишку. Залаала на дворѣ собака; но калишка не опширается. Между шѣмъ при свѣшѣ мѣсяца примѣшилъ онъ, что изъ ворошъ дома Милославскаго вышли при человекѣ въ Ташарскихъ полукашаньяхъ и шапкахъ. У каждаго былъ за спиною колчанъ со спрѣлами, а въ рукѣ большой лукъ. Въ неперпѣни началъ онъ спучашъ въ калишку ножами сабли.

« Кто шамъ? » раздался на дворѣ грубый голосъ.

« Опширай! »

« Не ошопру. Скажи прежде нашъ или не нашъ? »

« Опширай, говоряшъ. Не шо калишку вышибу! »

« А я те дубиной по лбу, да съ цѣпи собаку спущу. Много-ли васъ? Погодите! Вошъ уже васъ Обѣзжие! Они сей часъ шолько проѣхали и скоро вернутся! Вздумали разбойничашъ на Москвѣ-рѣкѣ! Шли-бы въ глухой переулкъ! »

« Дурачина! Какой я разбойникъ! Я знакомецъ вдовы Смирновой. Мнѣ до нея крайняя нужда. »

« Не морочь, брашъ ! Чшо за нужда ночью до спарухи. Убирайся по добру, по здорову, по камѣспѣ Обѣзжіе не найхали. Худо будешъ ! Да и хозяйки нѣшъ дома. »

« Скажи, по крайней мѣрѣ, гдѣ она ? »

« Не скажу-спа. Да чу ! Никакъ Обѣзжіе ѣдушъ. Улепешывай, пока цѣль ! »

Въ самомъ дѣлѣ раздался въ дали конскій по-пошъ. Легко вообразишь себѣ положеніе Бурми-спрова. Не зная гдѣ живешъ петка Напальи, онъ хошѣлъ спросишь о помѣ у вдовы Смирновой, и сказаць ей о своемъ намѣреніи. А шеперь онъ не зналъ на чшо рѣшишься. Выломилъ калишку и принудишь дворника сказаць : гдѣ хозяйка или дочь ея — невозможно ; ибо шумъ могъ разбудишь людей въ домѣ Милославскаго и все дѣло испортишь. Пришомъ угрожало приближеніе Обѣзжихъ. Гнашься за вышедшими изъ воровъ людьми Милославскаго — шакъ-же невозможно, ибо они давно уже переѣхали Москву-рѣку, и оставили лодку у другаго берега. Бѣжашъ къ мосту — слишкомъ далеко : пошерьлеш много времени, и пришомъ какъ попасть на слѣдъ эшихъ людей ? Оставалось возвращишься домой и успоковишь себя шѣмъ, чшо упошреблены были всѣ средства для исполненія добраго, но невозможнаго намѣренія. Василій почши уже рѣшился на послѣднее и пошелъ

воспѣшно къ своей одноколкѣ; но какой-то внутренній, пайный голосъ пвердилъ ему: дѣйствуй! Лицо его пылало отъ сильнаго душевнаго волненія, и онъ дивился: почему онъ съ такимъ усердіемъ спарается зашипить отъ упѣснишеля дѣвушку, никогда имъ не виданную и извѣстную ему по однимъ только рассказамъ. Онъ сѣлъ въ одноколку.

«Куда ты теперь?» спросилъ Борисовъ.

«Самъ не знаю куда!» отвѣчалъ Василій. «Поѣду куда глаза глядятъ, а ты съ нашими молодцами перейди черезъ мостъ, да подожди меня у лодки, вонъ видишь, что споятъ у шого берега.»

«Ладно! Однакожь не забудь, что скоро свѣшайтъ начнешь. А намъ, я чай, надо ворошиться домой до разсвѣта. А шо народъ войдетъ по улицамъ. Тогда на берегу споятъ будешъ не ловко. Если спросятъ насъ: что мы шупъ дѣлаемъ? Не скажешь-же, что лодку или рѣку спережемъ. Для лодки-шо одиннадцати спорожей много, а Москву-рѣку никто не украдетъ.»

«Разумѣешь, что должно ворошиться домой до разсвѣта. Сшупай-же на шомъ берѣгъ, а я поѣду. Прощай!»

Василій скоро скрылся изъ вида. Борисовъ и

Стрѣльцы переправились черезъ мостъ, дошли до назначенной лодки и сѣли на берегу. Прошелъ часъ: нѣтъ Бурмиспрова. Проходящій другой: все нѣтъ, а на безоблачномъ Востокѣ уже появилась заря.

«Что это вы, добрые молодцы, пушъ дѣлаете?» спросилъ вооруженный рогатиною Рѣшепочный Прикащикъ, проходившій дозоромъ по берегу Москвы рѣки.

«Звѣзды считаемъ, дяди!» ошвѣчалъ Бормсовъ.

«Дѣло! А много-ли насчитали?»

«Тмы шемъ, да и счетъ потеряли, и потому собираемся идти домой.»

«Дѣло! А какого полка и чина своя милосшь, и какъ прозваніе?»

«Я небывалаго полка Пятидесятникъ Архипъ Неошвѣчаловъ.»

«Дѣло! А не съ лихимъ-ли какимъ умысломъ пришли вы сюда, добрые молодцы — не въ обиду вамъ буди сказано — и по чьему приказу?»

«Не съ лихимъ, а съ добрымъ. А по чьему приказу — не скажу да и сказать не лзя. Накрѣпко заказано. Э! да ужъ солнышко взошло. Пойдемъ-те, ребяна, домой.»

«Дѣло! А не пойдши-ли мнѣ за вами слѣдой?»

« Пойдешь, шакъ въ воду сполкнемъ. »

« Дѣло! Спупайше домой, добрые молодцы. Нѣтъ, чшобъ вы на Обѣзжихъ наполкнулись. Съ ними народу-шо много, шакъ съ вами управился. Шупками не ошбояришесь! А мнѣ одному, вѣспимо, съ шакою гурьбою не сладить. »

« Дѣло! » сказалъ Борисовъ, передразнивая Прикащика, и пошелъ скорымъ шагомъ со Спрѣльцами по берегу Москвы рѣки. Солнце уже высоко поднялось, когда они вошли въ свою Сѣзжую избу.

К. Масальскій.

К Р А Т К О Е

О Б О З Р Ъ Н І Е К Н И Г И :

Пособія и правила изученія Россійскихъ законовъ , или матеріалы для Энциклопедіи , Методологіи и Исторіи Литтературы Россійскаго Права. Сочиненіе Доктора Правъ П. Дегал. Москва , 1831 года.

Amicus Socrates , amicus Plato ,
magis vero amica veritas.

Книги , издаваемыя для учащихъся , должны подвергаться строгому , но справедливому разбору ; говорю : справедливому , потому что несправедливая или пристрастная рецензія совершенно можетъ уничтожить даже самую полезную книгу ; а по словамъ *Мильтона* о цензурѣ , эшо равняется съ смертоубійствомъ !

Во всѣхъ классическихкихъ книгахъ , Энциклопедія и Методологія науки , которую предлагаютъ , относясь къ учителю , Нравственность-же для учащихъся ; и потому-то безнравственность книжная , подобно ржавчинѣ , поршитъ благосостояніе всякаго сословія ! Какъ разумъ внѣ законовъ , такъ безнравственная книга равно опасна ! Нравы суть самые первые законы , сказала *Пивагоръ*. Грѣхъ

молвишь, чтобы у насъ издавались книги безнравственныя для обучающихся, но безполезныхъ, нечего тапшь, много!

Здѣсь рѣчь идешь о книгѣ нравственной и полезной, и, можешь-ли иначе быть, если говоришь о Правовѣдѣніи.

Вступленіе. « Вѣра, языкъ и законы отечественныя необходимо должны быть извѣсны каждому, » пишешь Авторъ. Нравственнѣ выразишься нельзя; въ этомъ крашкѣ изученія заключается вся мудрость гражданина; вложишь оную въ юныя сердца, и счастье ихъ въ навсегда упрочишь. Я разумю, что съ объясненіемъ догматовъ Православной вѣры: ибо всяко, еже не отъ вѣры, грѣхъ есть; съ показаніемъ изящества отечественнаго языка и въ изученіи благотворныхъ законовъ государства, благочестивый наставникъ вложишь чувства любви и почтаванія въ юномъ воспитанникѣ.

Глава I. *Объ источникахъ, изъ коихъ могутъ быть потерпнуты Россійскія законоположенія.*

Здѣсь Авторъ, показавъ со всею точностію, откуда почерпать первоначально свѣдѣнія о законахъ отечественныхъ, раздѣляетъ оныя на *Историческіе* и *Догматическіе*: « Источники, содержащіе въ себѣ законы, нынѣ уже не существующіе, ошмѣненные послѣдующими, суть источники *Историческіе*; шѣ-же, которые содержатъ въ себѣ законы дѣйствительныя, во время настоящемъ, суть Источники *Догматическіе*. » Въ принѣчаніи на страницѣ 3. — Мнѣ казалось-бы прости можно

раздѣлишь Первоначальное изученіе законовъ, какъ то : на *Теоретическое* и *Практическое* : къ первому отнеси Источники Историческіе, или *факты*, ко второму современные или *акты*. Слово-же : *догматическое*, сюда неидешь ; оно означаешь или истину изъ Откровенія познаваемую, или правило за свято церковію признаваемое. (См. Словарь Россійской Академіи). Сію-шо вторую часть Практическаго Правовѣднія слѣдовало-бы поприлежиѣе шолковать воспішаникамъ, готовящимся на служеніе отечеству ; Теоретическая-же часть могла-бы входить даже въ Историческіе уроки, чего не соблюдаютъ училища Историческихъ наукъ ; а безъ сего включенія, кромѣ смертельныхъ дракъ, да сплетней дипломатическихъ, Исторія не рѣдко бываешь народною сказкою, а чаще и того хуже : однимъ умничаньемъ самого повѣствователя !

Глава II. О матеріалахъ къ пріисканію законовъ.

Нынѣ, съ изданія полнаго собранія отечественныхъ законовъ (Коммиссіею Сосоставленія Законовъ), весь трудъ къ пріисканію законовъ уничожень ; для изученія-же сихъ законовъ не столько хронологическій или алфавитный порядокъ нуженъ, сколько систематическій ; и пошому-шо отдѣльное собраніе по какой либо части Правовѣднія не только весьма полезно, но и необходимо для учащихъся. Преимущественнѣе изъ шаковыхъ частныхъ собраній, конечно, въ первыхъ наименовань должно изданныя Авпоромъ книги : *О заемныхъ и крѣпостныхъ актахъ*. Классическою-же книгою Русскаго

Правовѣднія , по истинѣ , можно одну только назвать : *Основаніе Россійскаго Права*, изданную въ 1821 году Коммиссією Составленія Законовъ.

Глава III. О вымѣкахъ изъ дѣлъ и законовъ.

Глава сія показываетъ всю опышность Автора въ судебныхъ дѣлахъ. Сюда-бы я только включилъ въ пополненіе изъ IV главы шреше одѣленіе : о *дѣлопроизводства*. Замѣчаніе Автора весьма справедливо : что сила убѣжденія въ дѣлахъ шяжебныхъ сопряжена съ особенною краткостію и ясностію изложенія. Въ примѣръ сему приводишь онъ мнѣніе Государственнаго Совѣща 1825 года Февраля 17-го дня ; смотри также, прибавляешъ онъ, и *Boinvilliers: Principes et morceaux choisis d'éloquence judiciaire*. Всѣ подобныя ссылки на иностранныхъ писателей при Россійскихъ узаконеніяхъ почитаю я излишними , пошому что разглагольствія и умничанья сихъ юристовъ , вообще , рѣдко бывающъ согласны съ краткостію и ясностію *положительныхъ* нашихъ законовъ ; и въ ссылкахъ шаковыхъ , особенно въ учебныхъ книгахъ нашего Правовѣднія , крайне слѣдуетъ бышь осторожну.

Скажу смѣле , что для учащихся , совершенно не одобряю и самую даже науку *Герменевтику* , о которой упоминаешъ Авторъ , и въ которой болѣе софистическаго , нежели точнаго истолкованія законовъ ; *Эксегеты* , Аѣвнскіе юриконсульты , были большіе словоохотники , отъ которыхъ и наука получала свое происхожденіе ; къ тому-же , Греческое слово *Герменевтика* употребительнѣе въ Богословіи , нежели въ Юриспруденціи. Вошь , слово

отъ слова , какъ Нѣмцы разумѣють сію науку («Hermeneutik, Hermenevtik (съ Греческаго: изложиши объясниши) , означаешь науку , представляющую основныя правила искусства изложенія. Подобная общая теорія содержишь въ себѣ приспособляему **Логикѣ**. Употребленіе сего слова ограничиваетъ обыкновенно объясненіемъ Священнаго Писанія *Герменевтика* относится къ *Экзегетикѣ* (Exegese какъ теорія къ практикѣ (Conversations-Lexikon). » В оправданіе мною сказаннаго , достаточнo привести мудрыя изрѣченія изъ Наказа Екатерины II § 153 — Нѣтъ ничего опаснѣе , какъ общее сіе изрѣченіе : *Надлежитъ въ разсужденіе брать смысл или разумъ закона , а не слова*. Сіе ни что иное значить , какъ сломиши преграду прошивающую стремительному людскихъ мнѣній теченію. § 156 Если законы не точнo и швердо опредѣлены , и в отъ слова въ слово разумѣются . . . то состояніе гражданина спрашнымъ приключеніямъ будешь подвержено . . . § 157. Ежели право толковашъ законъ есть зло , то шакъ-же есть зло и неясность оныхъ налагающая нужду толкованія. » То-же самое въ писано и въ книгу , нами разбираемую , на стр. 41 да и въ Указъ 1723 Ноября 5 (печаш. 12) , сказано *Не толковать* , что указныя формы суда къ шолку служашъ , а къ другому не служашъ.

Древніе едва-ли понимали *Правосудіе* въ точномъ значеніи сего слова , когда самъ *Фемистокль* говорилъ , что онъ не могъ-бы засѣдатель въ судѣ , и копоромъ должно и друга и недруга равно безпристрашно судить. Загляните въ IX книгу 3:

коновъ *Платона*, въ кошорой онъ говоритъ о невольникахъ. Прислушайтесь, что говоритъ Кашонъ о дѣляхъ, въ своемъ Земледѣіи.

На страницѣ 45, Авторъ говоритъ въ примѣчаніи, что будшо-бы извѣстные у насъ въ судебномъ дѣлопроизводствѣ *Смоленскіе пункты* никогда не были обнародованы Правительствомъ. Но въ Новомъ Памятникѣ законовъ Фіалковского, часть 8, стран. 427, подъ сими докладными пунктами значится именно: « Въ письмѣ отъ Графа Александра Андреевича Безбородки къ господину Генералу-Прокурору Генваря 15 дня 1781 года, объявлено, что Ея Императорское Величество показанные Смоленскаго Генералъ-Губернатора Князя Репнина пункты конфирмовать изводила въ 1775 году. По сему опредѣленіемъ Правительствующаго Сената Февраля 23 1781, Апрѣля 4 1783 и Мая 26 числа 1786 годовъ, велѣно съ тѣхъ пунктовъ, если въ какое Намѣстничество требованы будутъ, давать копіи. По Указу 1788 Февраля 24, изъ 4 Департамента отосланы оныя къ Главпокомандующему въ Москвѣ Еропкину, и велѣно ихъ почитать за законъ. Опредѣленіе о томъ Генваря 5-го. »

На стр. 52, въ примѣчаніи, Авторъ требуетъ, чтобы при Указѣ 1704-го года Февраля 25 дня: о двухъ-мѣсячномъ срокѣ, положенномъ на явку духовныхъ завѣщаній, непременно ставили Указъ Правительствующаго Сената отъ 27-го Іюля 1828 года; ибо до изданія сего послѣдняго Указа, говоритъ Авторъ, сомнительно было, сохранили-ли Указъ 1704 Февраля 25, свою силу. Къ сему слѣд-
Сентябрь 1831. 14

довало-бы Авшору непременно присоединить важное примѣчаніе самой Комиссіи Составленія Законовъ, значущееся въ книгѣ ея: *Основаніе Россійскаго Права*, часть 2 стр. 128, которое замѣчаніе еще до Указа 1823 года объяснило уже приводимый случай. Вотъ оное примѣчаніе, слово отъ слова: «Указъ Правительствующаго Сенаша 1813 Сентября 9, состоявшійся по частному дѣлу, ссылаясь на Указъ 1704 Марша 1, приводишь, между прочимъ, причиною къ уничтоженію завѣщанія обстоятельство, что оно представлено къ явкѣ и запискѣ послѣ смерти завѣщательницы не въ двухмѣсячный срокъ, а чрезъ пять мѣсяцевъ; но съ симъ Указомъ не согласенъ Указъ 1791 Октября 17, въ которомъ между прочимъ изображено: Указомъ 704 Февраля 25 дня духовныя къ запискѣ въ Судный Приказъ приносишь было постановлено слышать въ полгода, а новыя въ два мѣсяца, *не для того много, какъ для взятъя съ нихъ пошлины...* Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества 775 года Марша 17-го Манифестомъ таковой пошланный съ завѣщательныхъ писемъ сборъ отрѣшенъ, а между шѣмъ, Указами 726 Іюля 19 и Сентября 7-го числа, позволяющими духовныя писать въ домахъ, а не у крѣпостныхъ дѣлъ, *повелѣно только разсматривать оныя въ судебныхъ мѣстахъ тогда, когда оныя предъявлены будутъ, и сроку на ту леку сими указами не положено...* Сверхъ того въ Указъ 1704 не предписывается *послѣ смерти завѣщателя представишь завѣщаніе къ запискѣ въ судебное мѣсто въ печеніе двухъ мѣсяцевъ; и въ Указъ 1821 Ноября 24, яко новѣйшемъ, о семъ*

предметъ узаконеній, постановлено пошло въ 12 ст. 1 отд. съ домыма духовныхъ завѣщаній, писанныхъ на простой бумагѣ, при актѣ ихъ въ Гражданской Палатѣ взыскивать за крѣпостную бумагу по цѣнѣ завѣщаемаго имѣнія.» Указъ-же 1823 Марша 21, республикованный Юня 28 числа (а не Юля 27), издавъ именно на словесныхъ завѣщаній или изустныхъ памяти; при чемъ и Указъ 1 Марша 1704 года обозначень, какъ повелѣвающій *таковыми изустными завѣщаніями* являшь въ два мѣсяца; а на будущее время для подобныхъ случаевъ: *изустныхъ памяти*, на основаніи существующихъ о духовныхъ завѣщаніяхъ узаконеній, и самый указъ 1704 года 1-го Марша, не могутъ и не должны нынѣ имѣть своей силы и дѣйствія, исключая самыхъ крайнихъ случаевъ. . . А по всему оному и въ выпискахъ изъ узаконеній при двѣахъ объ *изустныхъ завѣщаніяхъ* не слѣдуетъ шеперь при Указѣ 1823-го Марша 21, ставишь уже Указъ 1704-го Февраля 25-го, какъ совершенно уничтожившійся при Указѣ 1823-го, кошорымъ запрещающся *изустныхъ завѣщанія или памяти.*

Глава IV. *О систематическихъ сочиненіяхъ, кои могутъ служить руководствомъ при изученіи Россійскаго Права.*

Сія глава естъ лучшая въ книгѣ: свидѣнія Автора по сей часіи ручаются за успѣхъ по его руководству; энциклопедическій обзоръ его вѣренъ; методологическій его указанія опредѣлительны; краснорѣчіе его убѣдительно. «Пресвѣщеніе, говоритъ онъ, вообще естъ плодъ опыта, наблюденій, опъ-

крышій нѣсколькихъ тысячелѣтій; и не поль предки потомкамъ, но и народъ народу передающъ сдѣланные успѣхи въ наукахъ, какъ-бы завѣщая ои дальнѣйшему усовершенствованію.»

Выхваляешь здѣсь Авипоръ Философа Платона но Мильтонъ, въ своей Ареопагишкѣ, говоритъ что Платона съ его законами ни одно государство къ себѣ не принимало! Цицеронъ выгоняетъ его изъ своей Республики, какъ сей выгонялъ Гомра! Въмѣсто гиперболей Платоновыхъ о законахъ *то они суть умъ Божій, душа свѣта, искусство природы!* сказати-бы проще: Законы суть средства къ благосостоянію государствъ. Въ Наказѣ Екашеринъ II-й, весьма кратко и ясно объ это сказано: «§. 145 — Законы можно назвати способами, коими люди соединяются и сохраняются обществѣ, и безъ которыхъ-бы общество разшлось.»

Въ сей главѣ, слѣдовало-бы по строгому порядку говорить прежде *объ общемъ Гражданскомъ Правѣ*, и потомъ уже о *частномъ*; а здѣсь напротивъ прежде говорися о *частномъ* на стр. 60, потомъ *объ общемъ Гражданскомъ Правѣ* на стр. 70. Тут же-на стр. 57, слѣдовало-бы пояснить *Этику* законодательство, въ смыслѣ котораго будто *собственно нѣтъ преступныхъ дѣланій!* — Въ §. 1 на стр. 81, слѣдовало-бы включить книгу: *Урныи реэстръ по части Гражданской Архитектуры* или описаніе разныхъ работъ, сочиненный въ 1818 году, подписанный Инженерными Генералами и печатанный въ 1818-мъ году; а также непремѣ

надлежало-бы упомянуть : о *положеніи слѣдств. и матеріаловъ*, разсмотрѣнномъ Комитетомъ Гг. Министровъ въ 1824-мъ году. Декабря 13, и Высочайше утвержденномъ въ 1825-мъ году Января 15 для, напечатанномъ въ Санктпетербургѣ, въ типографіи Цѣшаба Военныхъ Поселеній въ 1825 году) Безъ сихъ двухъ книгъ ни одно казенное свѣдѣніе не встрѣтится.

Въ отдѣленіи III : *О дѣлопроизводствѣ*, на стр. 95 сказано, что дѣлопроизводство раздѣляется на *безспорное и тяжбное*. Но какое-же можетъ завѣдываться дѣло, если нѣтъ ни съ кѣмъ *спора*? Здѣсь слѣдовало-бы это попредѣлительнѣе выразить ; къ тому-же и дѣлопроизводство само по себѣ не можетъ быть *тяжбное* ; развѣ предметъ его завѣдываній есть *тяжбный*.

И въ сей главѣ, какъ выше показано, изочтены многіе иностранныя Юриспы для истолкованія Россійскихъ Законовъ, особливо, на стр. 68, сказано, что будто-бы для поясненія главы VIII и X въ трудахъ Комиссіи Составленія Законовъ можно принять въ соображеніе сочиненія *Реуца* на Нѣмецкомъ языкѣ. Если уже надобно для соображенія съ Русскимъ Правовѣдніемъ принимать иностранное, то къ большому количеству, приведенному Авторомъ, почему-же-бы не присоединить : *Уложеніе Китайской Палаты вѣтшихъ смолвеній*, перешедшее съ Манчжурскаго Липовцовымъ, и напечатанное въ Санктпетербургѣ въ 1828-мъ году. Между тѣмъ, пропущена здѣсь важная книга : *Сообщенія и положенія Комитета Правительствующаго*

щито Сената по предмету уроченія земскихъ повинностей въ Россійскомъ государствѣ, съ приложениемъ документовъ, слушавшихъ къ сему основанію, при чемъ находится и прокъ Усшава о земскихъ повинностяхъ. Книга сія печатана въ Санктпетербургѣ 1819 года, въ листъ, и можешь служить образцовою для иностранцевъ.

Глава V. *О пополненіи ученія отечественнаго
Права поэмнѣ узаконеніямъ.*

Здѣсь въ примѣръ ставится Франція; но если бы у насъ печатанныя Записки Общихъ Департаментовъ Сената выпускались въ публику, то на первый случай весьма достаточнo было бы сего для распространенія Юридическихъ свѣдѣній.

Глава VI: *О практической дѣятельности Юриста.*

Сію главу надобно было бы пополнить, особенно примѣрами въ практической дѣятельности нашихъ *собственныхъ* Юристовъ; объ иностранныхъ, и такъ намъ уже слишкомъ много вѣдуешь, а на дѣлѣ совсѣмъ не шю. Посмотрише, какъ *Ломмстотъ* укоряетъ *Деломма*, *Адамса*, *Блакстона* въ несовершенствѣ Англійскихъ законовъ (см. *Vlamen du gouvernement d'Angleterre, par un Cultivateur de New-Jersey*); какъ *Сильвестъ*, *Русьеръ* справедливо нападаютъ на Французскій Кодексъ (см. перваго: *Tableau des desordres dans l'administration de la justice*, втораго: *Le Code Napoléon*). Правда и то, какъ сказалъ *Сильвестъ*, что зло, происходящее отъ шящбъ, не относится къ законамъ, а къ людямъ,

которыя ихъ выполняютъ. У насъ еще въ 1723-мъ году замѣчено было указомъ (ошъ 5 Ноября, печатанное 12), что *съ оудахъ много даютъ лишлаго говорить, и много ненадобнаго пишутъ.*

Глава VII. *Объ усовершенствованіи ученія отечественныхъ законовъ общю Теорією Права и познаніемъ иностраннаго Правовѣднія.*

Главу сію Авторъ основываетъ на семь умозрительномъ предположеніи, стр. 109: «Каждый пользуется опытами предшественниковъ и взаимно передаетъ другимъ сдѣланныя имъ пріобрѣшенія въ наукъ.» Истина неоспоримая для всѣхъ наукъ, исключая именно Законодательства; ибо законодатель есть шворецъ. Таковы были: *Лжуръ, Соложъ, Петръ Великій!* О законовѣдцахъ шупъ-же весьма справедливо сказано: «Юристъ шолько тогда съ ясностію будешь понимать ошечественное Право, когда хорошо познаешь общую цѣль законовъ; шолько шогда съ успѣхомъ будешь содѣйствовать усовершенствованію Правовѣднія, когда воспользуешься опытомъ другихъ положивельныхъ правъ, всегда медленнымъ и часто пріобрѣшаемымъ большими пожертвованіями.» И за симъ сѣдуешь бѣглое обзорніе Правовѣднія Древняго и Новаго.

При упоминаніи о Римскомъ Правѣ *Куяція, Тулье* и *Потье*, сѣдовадо-бы сказать о *Вальдекѣ* и *Генфнерѣ* (Petri Waldek Institutiones juris civilis Heinemann emendatae atque reformatae. — Theoretisch-Praktischer Commentar von Ludwig Höpfner); при *Дюпенѣ* и *Тиббо*, сказать о *Пасторетѣ* и *Бартедеми* (перваго:

Histoire de la législation, втораго : Voyage d'Anacharsis); шакже, сказати-бы о книгѣ Клюбера (Новѣйшее Европейское Народное Право, переведенное на Русскій языкъ Лызловымъ, въ 1828-мъ году). Пошому именно слѣдовало-бы упомянуть о сихъ сочиненіяхъ, даже съ нѣкоторыми замѣчаніями, что по онымъ преподають лекціи въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ (см. Конспекты Нравственно-Политическаго Отдѣленія, изданные отъ упомянушаго Университета въ 1826-мъ году). — Такъ-же бы упомянуть объ Основаніи Законодательства, сочиненіи *Перро*, писанномъ для Парижскаго училищнаго Пансеона и переведенномъ у насъ въ 1815-мъ году, Публичныхъ лекціяхъ въ Парижѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права, *Бову*, въ 1821-мъ году, и другихъ подобныхъ классическихъ книгахъ... Все это особенно нужно для самой Методологіи Правъ.

Познаніе Эмпирическое, на стр. 108, нѣсколько меня останавливало, будто-бы оно значить: *свѣдѣніе о вліяніи, каковъ на законы имѣетъ мѣстность!* — Не обычай-ли то намъ повѣрять, которыми не рѣдко вмѣсто узаконеній управляются? Не къ этому-ли случаю сказала *Сюлли*: *Надобно, чтобы законы и нравы одни другимъ содѣйствовали.* Въ Наказѣ *Екатерины II* сказано: *Законоположеніе должно прикипяти къ народному умствованію.* — Эмпирическое-же познаніе въ шочномъ смыслѣ означаешь познаніа поверхностныя, безъ правилъ и методы; чаще всего въ Медицинѣ употребляется сіе слово, и означаешь *навыкъ*; въ Метифизикѣ: *поняшіе о видимыхъ*

предметамъ; къ Правовѣдѣнію-же слово сіе ошьюдъ не отъносится, яко-бы оно не употребилъ.

Глава VIII. *Краткая Исторія Литтературы Россійскаго Права.*

Слѣдуетъ совершенно новая въ Словесности нашей и весьма любопытная. Желательна, чтобы Авторъ, исполненный свѣдѣній по сей части, и руководимый безпристрастіемъ, составилъ особенный и полный курсъ сему предмету. «Ошечественные законы, говоритъ Авторъ на стр. 117, служатъ основными образцами понятія гражданъ о Правѣ; слѣдовательно въ нихъ свойствѣ должно искать и причины направленія, принятаго въ изученіи и обработываніи нашего Правовѣдѣнія.»

Здѣсь въ Хронологическомъ реферѣ изданныхъ книгъ, по предмету Правовѣдѣнія, пронужены нѣкоторыя книги, довольно значащія по содержанию своему и соображеніямъ, такъ-же: въ 1803-мъ году изданная, *Опытъ историческаго изслѣдованія* и описанія судебныхъ спаринныхъ мѣстъ Россійскаго Государства, и о качествѣ лицъ и дѣлъ въ оныхъ, Мальгина. — Въ §. 135, при книгѣ, изданной въ 1808 году: *О правахъ и обязанностяхъ тѣлующихся* по части дѣлопроизводства, упомянуть, что оной книгѣ есть второе изданіе 1824 года, пополненное вновь послѣдовавшими узаконеніями. — Въ 1816-мъ году издана книга: *О судѣ по совѣсти*, съ эпиграфомъ изъ Дюкреша: «Доброта всякаго Правительсва сосшомтъ единственно въ мудрости правленія, а не въ образѣ его. . . Правленіе опредѣляетъ

жребій народа, но Правительствомъ учреждается правленіе. Когда же правленіе благо, то не должно ли Правительство, учредившее оное, пещися и о поддержаніи его?» Въ концѣ книги замѣчательно сравненіе Синода съ Сенатомъ. — Въ 1819-мъ году издана книга: *Опытъ теоріи налоговъ*, сочиненіе Николая Тургенева, книга весьма важная по предмету своему. Къ оной присоединить надобно: *Нѣкоторыя замѣчанія на сей Опытъ* Николая Демидова, 1830 года, также: *Разсужденіе о соразмерности налоговъ* со способами каждаго изъ плащащихъ, сочиненіе Петра Ювскаго, 1825 года.

Глава сія и самая книга заключающая весьма справедливымъ замѣчаніемъ, на которой истиннѣ опирается благосостояніе государства: «Въ Россіи успѣхи Законодательства опередили успѣхи частныхъ Юридическихъ сочиненій, тогда, когда въ другихъ государствахъ усовершенствованіе законоученія обыкновенно предшествоуетъ усовершенствованію законовъ общественныхъ.»

А. Ц.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

— *Странникъ*. Сочиненіе А. Вельшмана. *Часть вторая*. М. въ щ. Селивановскаго. 1831. X и 154 стр. in-8.

Мы радостно привѣтствовали *Странника*, извѣщая о первой части его, преданной благосклоннымъ и неблагосклоннымъ читателямъ нѣсколько вѣсцевъ назадъ. Кажется, публика подтвердила ваше мнѣніе. Даже ненавистники всего хорошаго отозвались милосивно о путешественникѣ новаго рода. Вошь и вторая часть *Странника* передъ нами! Не удивляшся-ли читатели наши, не удивитесь-ли самъ милый Авшоръ, если мы пожелаемъ, чтобы эта *вторая* часть была и *последнею*? Non plus ultra, Г. Странникъ! Будьте довольны своимъ добрымъ гениемъ, который нашепталъ вамъ два дюжины прелестныхъ шутокъ, замысловатыхъ разсказовъ, милыхъ и не рѣдко прекрасныхъ стиховъ, глубокихъ замѣчаній и Сперцовскихъ сближеній противоположностей. Остерегитесь своего гения, который изъ добраго можетъ превратиться въ злого. Онъ упоминъ васъ наконецъ своими внушеніями, заставивъ бытъ небрежнымъ, а между тѣмъ, испещривъ, какъ коварны читатели! Неужели вы

думаете, что имъ легко одобрить сряду два тома успѣховъ вашихъ? Неужели вѣрите вы, что они не пресытаются вашими острыми словами и круглыми фразами, если вы пойдете снова по ланкаришъ? Нѣтъ, вы такъ умны, что раздроблять эту важную мысль, эту аксіому литературшурной Спраггегіи для васъ не нужно. Вспомните успѣхъ *Омгима*; вспомните и послѣдовавшую за тѣмъ холодность многихъ чашашелей къ этому родственнику Чайльдъ-Гарольда.

Впрочемъ, можете спастись, что мы хлопочемъ напрасно, что Авшоръ и не думаетъ описывать своего дальнѣйшаго путешествія. Не просимъ однакожъ у него извиненія въ сказанномъ, а только пояснимъ свою мысль.

Родъ сочиненія, къ которому принадлежитъ *Странникъ*, совсѣмъ не глубока, не немощна. Это шушка, состоящая не въ вымыслѣ, а въ словахъ, не въ развитіи, а такъ сказать въ *сжатіи* каждаго предмета. Авшоръ привязывается къ слову, къ предмету, не для того чтобы выкинуть во внутренней смыслъ оныхъ, а чтобы сбить съ толку чашашеля шушкою, двусмысленностью, спутавши его и заславивши сказать внутренно: «Какой острякъ, какой умница! Съ нимъ надобно быть осторожнымъ.» И какъ скоро чашашель сказалъ себѣ эту послѣднюю фразу, *Страннику* уже трудно будешь съ нимъ ладить. Въ каждомъ человѣкѣ заключается столько силъ, что онъ можетъ выйти на борьбу, если его вызовутъ. Г. Вельшманъ зашрогиваетъ остроуміе чашашеля, и надобно при

башпъ, остроуміе чисто-Русское, не Стерновское, не поддѣльное. Но Рускіе шакъ смѣдливы, пакъ перемчивы — и даже, бышь можешь, скоро спанушь являться другіе Странники, шопорной рабшпы, шакъ-же какъ являлись Онѣгны въ видѣ Вельскихъ в *прогнѣ другнѣ*. Чшо художникъ дѣлаешь по всѣмъ правиламъ гармоніи и Искусства, шю прослоюднѣ Русскій возмешся сдѣлать, и сдѣлаешь — шопорамъ, съ глазомѣра. Право, кажешся, и въ воображеніи нашемъ есть какой-шо шопорный складъ ума! Но эши Рускіе — чншашели Г-на Вельшмана. Онн вооружашся прошивъ него, если еще не вооружились, и каждый изъ нихъ вѣрно уже говоришь самъ себѣ: « Да чшо-же? Вѣдь эшо и я могъ бы сдѣлать? Тушь все одно и шоже.» Въ эшомъ сужденіи есть нѣсколько и правды. Вошь почему и совѣшуемъ мы Г-ну Вельшману окончнть свое пушешествіе. Оно прекрасно, однако... все одно да шоже! Мы уже *прнвыкли къ его манеру*: пора отыскашь ему въ своемъ богашомъ воображеніи другой *манерь*. Уже ми ожидаемъ ошь него всего, чшо дѣлаешъ онъ: пора снова шворишь *неожиданное*. Приведемъ доказательство нашего мнѣнія, надѣясь вмѣстѣ съ шѣмъ доставншь и удовольствіе чншашелямъ нашимъ:

« Я снѣва съ книгой въ рукахъ... не помню, « чншала я, нли думала о *ней*... вдругъ очушнлось « передо мною видѣніе, свѣтлое какъ мысль о исполненіи пламенныхъ надеждъ и желаній.

« *Оно.* »

« — Конечно любите вы чпенѣе?

Я.

« Люблю-ли?!.. Я на небесахъ ,
 Когда въ пвоихъ, мой другъ, очахъ ;
 Читаю чувствъ изображенъ !
 Твержу, учу ихъ наизусть !
 Ихъ смыслъ такъ сладокъ и приятенъ !
 То привлекателенъ какъ грусть ,
 То вдругъ какъ случай непонятенъ !..
 Скажи мнѣ !.. нѣшь, не говори !..
 Но прямо въ очи мнѣ смотри !
 Я прочитаю . . . »

« Взявъ на себя шрудъ Шамполліона , я скоро
 « раскаялся. . . »

« Нѣшь! — думалъ я — разобравъ Египетскій языкъ
 « дружбы и любви, есть Египетская работа !.. и-
 « отправился въ Бугарію. »

Замѣчаете-ли , что весь эшотъ прелестный ош-
 рывокъ вершится около двухъ-смысленнаго слова :
читать? Таковъ весь *Страникъ*. Очень мило, очень
 хорошо! Но наконецъ читашель, ищущій одной,
 главной мысли сочиненія, ушомляется своимъ беспо-
 лезнымъ исканіемъ.

Таково мнѣніе наше о *Страникѣ*. Но, можешь
 быть слишкомъ строга судя объ общности эшого
 сочиненія — именно пошому что къ дарованію Г-на
 Вельшмана читашель въ правѣ быть строгимъ —
 не лзя не сказать и шого, что эшо прелестный,
 благоухающій цвѣшокъ въ заглохшемъ саду нашей
 Словесности. *Вторая часть*, кажется намъ, еще

богаче, разнообразіе первой, и еще лучше вымазываетъ гибкое дарованіе Сочинителя. Выписываемъ изъ нея еще одно стихотвореніе, которое достойно какого хошше славнаго имени, и въ старыя— даже и на нашей памяти — годы, могло бы служить вмѣсто пропускаго билета въ храмъ славы. Вошь оно :

Я высказалъ-бы всѣ примѣпы,
Я описалъ-бы образъ пвой,
Чтобы найдши . . . создашь . . . съ побой,
Съ побой бышь! . . . Но кто ты? гдѣ ты?
Въ кругу-ли ты живешь людей?
Земной-ли шаръ пвоя обипель?

Или изъ области птѣней,
Незримый сердца искуситель,
Какой-то глыбою огня,
Ты прилепаешь жезъ меня?

Послѣдуй чудному примѣру,
И дѣвою въ шеснадцатъ лѣтъ,
Сойди, явись на бѣлый свѣтъ,
Прими крещеніе и вѣру!

О, надъ купѣлю вѣнцомъ
Сплелась-бы Ангелы и пѣли;
А я-бы вреснымъ былъ опцомъ
И принялъ дѣву изъ купѣли!

— Russische Bibliothek für Deutsche. Von Karl von Knorring. Zweites Heft. (*Русская Библиотекa для Нѣмцевъ*, издаваемая Карломъ Кноррингомъ. *Книжка вторая*). Ревель. 1831. Въ ш. наслѣдн. Ливдѣорса. X и 164 стр. in-8.

Замѣчательно, что объ этомъ прекрасномъ предпріятіи Г-на Кнорринга не было извѣстія ни въ одномъ изъ Русскихъ Журналовъ, кромѣ Телеграфа (въ 6-й книжкѣ сего года, на стр. 245-й). Что причиною тому? Неужели переводъ *Кирдалы*, сочиненія Издашеля Телеграфа, помѣщенный въ первой книжкѣ *Русской Библіотеки*? Не думаемъ этого, хотя и знаемъ благопріятство Русскихъ Журналистовъ ко всему, что касается Издашеля Телеграфа. Скорѣе и гораздо вѣрнѣе можно полагаешь, что наши собратія журнальные не заботятся о своемъ дѣлѣ, не думаютъ объ ознакомленіи своихъ читателей съ любопытными явленіями литературнаго міра, и даже не знаютъ, что отличный литераторъ (это видно изъ переводовъ его) занимается полезнымъ для Русской Словесности трудомъ, издавая избранныя сочиненія Русскія въ хорошихъ Нѣмецкихъ переводахъ.

Въ изданной нынѣ второй книжкѣ *Русской Библіотеки*, помѣщены: переводъ *Бориса Годунова*, А. С. Пушкина, во всемъ сообразный подлиннику, и переводъ извѣстной повѣсти Жуковского: *Марына роца*. Прежде нежели скажемъ свое мнѣніе о достоинствѣ сихъ переводовъ, молвимъ слово о Предисловіи Г-на Переводчика. Онъ говоритъ: «Спѣшу представивъ Нѣмецкой публикѣ сочиненіе «А. Пушкина, давно ожидаемое и принятое современниками съ величайшимъ вниманіемъ. Въѣстѣи «съ Литературою, въ Россіи возникаетъ и Кри- «шика: многіе періодическіе листы, одни передъ «другими, старающіяся обращать вниманіе публ-

«ки на все, достойное замѣчанія, и всѣ они со-
 «гласны въ томъ, что *Борисъ Годуновъ* Пушкина
 «заслуживаетъ величайшую признательность. Прав-
 «да, они разнествуютъ во взглядахъ на это сочине-
 «нiе, но ннѣ кажется, что для Автора, приго-
 «воры не безусловно хвалебныя должны быть важ-
 «нѣе и даже лестнѣе, нежели безгранично-обожа-
 «тельное и нѣннѣе рецензента *Литтературной Га-
 «зеты*, упоеннаго любовью и почтенiемъ. Это
 «безусловное почтенiе всегда заставляетъ чита-
 «теля сомнѣваться, не подсказано-ли оно личною
 «дружбою разсматривателя къ Поэту? Напро-
 «тивъ; болѣе загромождающая Критика, гдѣ хвала
 «не безусловна, убѣждаетъ, что разсматриватель
 «строгий оцѣнилъ справедливость тому, что безъ
 «всякаго сомнѣнiя превосходно.»

Видимъ, что Г. Переводчикъ смотришь на Кри-
 шнику Русскую по-Европейски; но, къ сожалѣнiю,
 нѣкой взглядъ на нее можешь внести въ ошибку.
 Г. Переводчикъ не ошибся въ томъ, что Критика
Литтературной Газеты была писана дружескою
 рукою: это было видно само по себѣ; и сверхъ
 того заявлено наследникомъ покойнаго Иудыша
 покойной *Литтературной Газеты*. Всѣ другiе, по-
 явившiеся доннѣ разборы *Годунова* были двухъ
 родовъ: или крашкiя извѣстiя, или неокончатель-
 ный судъ, который для судимаго нѣмеле самаго
 строгаго приговора. Не говоримъ о вадорныхъ
 выходкахъ, извѣстныхъ подъ названiемъ *недоумог-
 мыхъ*: ихъ нѣннѣе не слушаешь, не уважаешь; и
 рѣдко даже доходяшь онѣ до слуха порядочнаго

Сентябрь 1831.

45

человѣка; мало-ли что толкуютъ на рынкахъ и в дубочныхъ балаганахъ, но благооспешанный чело-вѣкъ не спашаетъ навѣдываться объ этихъ толкахъ. Сладшевидно — истиной Кришки на *Борисъ Годуновъ* у насъ еще не явилось. Надобно знать наш литературатурное состояніе, чтобы не удивлялись этому. Скажемъ коротко и ясно: у насъ нѣтъ Кришки. Препинною этого нашъ домашній бытъ, нашъ образованіе, и наконецъ мѣкія спрасшишки отношенія, занимающія насъ *faute de mieux*. Есть люди, которые могли-бы установитъ у насъ Кришку истинную, но они или не хотятъ заниматься ею, или не имѣють средствъ. Самъ Пушкинъ съ его умомъ, его высокою образованностью и силою поэтическаго взгляда — могъ-бы сдѣлаться кришкой Европейскимъ. . . но . . . мы знаемъ, какія Кришки пишешь онъ нынѣ! Упоминаемъ об этомъ потому что къ слову пришлось.

Дайте, изложивъ мнѣніе Телеграфа о *Борисъ Годуновъ*, Г. Переводчикъ говорить: « Я думаю, что и въ Поэзіи, такъ-же какъ и во всѣхъ другихъ Искусствахъ, найдется очень не много произведеній совершенныхъ; да и въ самыхъ величайшихъ, и въ «разцовыхъ» произведеніяхъ встрѣчаются кой-гдѣ мѣста слабыя, которыми Кришка могла-бы открыть, если-бы благоволеніе къ тому, что произвела творческій геній, не дѣлало порицанія и искусственною выискашельностью. Истинный творецъ всего менѣе удовлетворяетъ самого себя, ибо онъ не можетъ никогда выразитъ съ такою ясностью и съ такимъ блескомъ послѣдующаго передъ . . . »

« образа, съ какими представляешь ему сей образ
 « гений его. Чтобы представить ему свои душе-
 « вые образы, онъ принужденъ употреблять сло-
 « ва, пособіе земное, и ему всегда кажется, что
 « при этомъ теряются самыя живыя краски, са-
 « мый яркій блескъ и самыя глубокія ощущенія.
 « Недовольный собою, онъ, въ то время когда се-
 « временники делятся ему, уже помышляютъ о но-
 « выхъ созданіяхъ, въ которыхъ надѣется болѣе
 « удовлетворить себя. Это ощущеніе рождается у
 « него при каждомъ новомъ произведеніи, и сему-
 « то взгляну на заблужденію одолжены мы всегда
 « вновь являющимися созданіями, всподняющими
 « насъ восшоргомъ благодарности; ибо я думаю,
 « что если-бы поэтъ остался совершенно доволенъ
 « собою, то онъ пересталъ-бы писать, потому
 « что удовлетворенное стремленіе не побуждало-
 « бы уже его къ созданіямъ новымъ. Утѣшаю себя
 « мыслию, что Пушкинъ рѣшившися представить про-
 « долженіе своего стихотворенія, которое будетъ
 « заключать въ себѣ истинное окончаніе Лже-Дими-
 « трія. Тогда только, мнѣ кажется, *Борисъ Году-*
 « *новъ* будетъ удовлетворителенъ.»

Мы нарочно выписали сіе мѣсто изъ Предисловія
 Г-на Переводчика, желая показать вышнему, съ ка-
 кой глядишь онъ на переводимаго имъ Автора. Че-
 ловѣкъ, столь просвѣщенный, утѣющій мыслию и
 пишашъ, заслуживаетъ полную благодарность на-
 шу за трудъ, принятой имъ на себя. Жалеть,
 что мѣсто не позволяетъ намъ вынести сужденій
 Г-на Кнорринга о способѣ его перевода и мѣсто-

перить подробностей снаго. Та-же причина не допускаетъ насъ привесть образцовъ и изъ самаго перевода, что было-бы очень кснати, ибо тогда читатели увидѣли-бы, что Пушкинъ нашелъ себѣ переводчика достойнаго. По крайней мѣрѣ можно вѣрнѣе сказать, что Г. Кнорригъ вполнѣ понималъ *Бориса Годунова*, и передалъ его вѣрно. О красотѣ Нѣмецкихъ стиховъ и вообще языка Нѣмецкаго въ семъ переводѣ — предсказываемъ судишь критикамъ Нѣмецкимъ.

Переводъ *Марьиной роши* конечно не такъ важенъ для насъ, какъ переводъ *Годунова*; однакожь нельзя не быть признательнымъ и за оный.

— О способахъ изслѣдованія кривыхъ линий второго порядка. Разсужденіе на степень Магистра Физико-Математическихъ наукъ, Кандидата Андрея Заблоцкаго. М. Въ Университ. ш. 1831. 47 стр. in-8.

Языкъ Математическихъ книгъ долженъ быть такъ-же точенъ, какъ и вычисленія Математическія, ибо опъ малѣйшей неясности въ языкъ можно понять Автора не вѣрно, и тогда Математическое сочиненіе не имѣетъ никакой цѣны. У насъ, кажется, не всегда думаешь объ этомъ. Профессоръ покорно выразитъ опредѣленіе *прямой линіи* хуже слѣдующаго: «Прямая линія есть та, которая лежитъ равно своими точками. Равнообразность положенія частей есть существенное свойство прямой линіи.» Впрочемъ, иногда слогъ Автора сей брошюрки переходить въ поэзію, хотя и не совсемъ удачно, напримѣръ: «Вѣкъ Архимеда и

Аполонія была ознаменована баснями и картинками Геометрія: это была прекрасная вечерняя заря, следовавшая за закатом лучезарнаго солнца Платона, заря, которая начала потухать мало по малу, и шодько изрѣдка лучи свѣтлые (развѣ бывають лучи темные?) отражались въ опдаленныхъ облакахъ, *восходившихъ* на горизонтъ, ученикъ. » Поэзія!.. А Московское правописание? Имелъ, это! Если неправильно, шо хоть упрямо!..

— *Прелестный вертоградъ для дѣтей*, или собраніе пріятныхъ и *отборнѣйшихъ* басенъ, предсшавленныхъ въ иллюминированныхъ картинахъ, съ яснымъ и легкимъ правоученіемъ. Изданіе *третье* (!). Спб. 1831. Въ ш. Крайя. 103 стр. in-32.

— *Дѣтскій натуральный Кабинетъ*, или каршвинная галлерей животныхъ и расшеній съ сокращеннымъ описаніемъ. Новое, исправленное и умноженное изданіе. Спб. Въ ш. Россійской Академіи. 1831. 80 стр. in-32.

— *Драгоценный подарокъ дѣтямъ*, или новая *Россійская* Азбука, содержащая въ себѣ: молитвы, правоученія, крашкія для дѣшей повѣсти и басни, съ показаніемъ чиселъ и шаблицы умноженія. Съ гравированными и раскрашенными картинками. Изданіе *одинадцатое* (!). Спб. Въ ш. Дец. Народн. Просв. 1831. 70 стр. in-12.

Прочитавъ заглавія сихъ книгъ, чашаеши поимуть, *зего* должно ожидать отъ эсихъ произведеній промышленности.

Первая изъ нихъ (*Вертоградъ*) есть сборникъ всякой всячины, писанной для дѣшей. Нѣкоторыя

отрывки есть и порочные, но вообще все составлено без выбора, без вкуса, без опчета.

На всякой войнѣ заглавіе второй изъ означенныхъ книгъ. Въ самомъ дѣлѣ: что значитъ *Нату- ральный Кабинетъ*? Пояснимъ, какъ очевидно, что это лубочныя картинки, въ которыхъ хотѣли изобразить разныя произведенія природы, но вѣстие много изобразились тутъ разныя уродливости. Только не лубочнымъ подписямъ можно догадываться, что хотѣли представить на какой картинкѣ. Описание подѣ съпашъ къ художественной части.

Кто не возражаетъ, увидѣвъ, что Новой Россійской Азбуки вышло *одинадцатое* изданіе! Сколько же бѣдныхъ дѣтей мучилось надъ этою непостижью, которую давали и, какъ вѣдно, еще даютъ имъ вѣсто азбуки! И тутъ есть картинки! Жаль, что мы не можемъ приложить снимковъ съ картинокъ всѣхъ этихъ книжекъ. Тогда только читатели наши поняли-бы, что это такое!..

— *Глазъ благодарныхъ сердецъ*, или Воспоминаніе о почтенномъ Московскомъ книгопродавцѣ Никитѣ Степановичѣ Пономаревѣ. М. Въ ш. Степанова. 1831. 18 стр. in-12.

Правду говорятъ, что нигдѣ не бываетъ иногда такихъ странныхъ, можно сказать, комическихъ сближеній, какъ на похоронахъ. Раздѣляя сожалѣніе всѣхъ добрыхъ людей о почтенномъ Пономаревѣ, не лзя не замѣнить, что подѣ вышенаписаннымъ заглавіемъ, напечатано: Луки гл. XXI, ст. 2', 3, 4. — Это значитъ, что Издатель выставилъ только указаніе на сіи стихи, а самыя слова оныхъ

не внесъ въ заглавіе. И вышло что-то очень странное! Описавъ жизнь покойника, Издатель говоритъ: «Таковъ былъ почтенный Н. С. Пономаревъ, скончавшійся отъ воспаления въ желудкѣ, 21 Іюня сего 1831 года, въ 40 часовъ по полудни.» Память о добромъ гражданѣ конечно сохранилась въ сердцахъ всѣхъ знавшихъ его.

— *Ключъ къ отверстію правды*, или изумрудная книжка, сказывающая всю правду-машку, и дающая справедливые отвѣты на все, кто о чемъ задумаетъ и загадаетъ; новозобрѣтенный гадашелейный способъ, служащій руководствомъ для всѣхъ карточныхъ раскладокъ, и замѣняющій собою всѣ Оракулы. М. Въ ш. Князя Львова. 1831. 48 стр. in-16.

Нужно-ли называть, что значить эта книжка? Сочинитель, кажется, довольно откровенно высказалъ все въ заглавіи.

— *Дверницкій съ своими героями*, или національный духъ храбрости Поляковъ. *Комическое сочиненіе* Н. Д. М. Въ Губернской ш. 1831. 15 стр. in-12. Подлинно, *комическое сочиненіе!*

О Т Ч Е Т Ъ

ПО УПРАВЛЕНІЮ НАРОДНЫМЪ ПРОСВѢЩЕНІЕМЪ ВО
Франціи,

Одинъ путешественникъ доставилъ мнѣ чрезвычайно любопытную брошюрку. Для поясненія содержанія оной, надобно знать, что въ Лондонѣ, съ нѣсколькихъ уже лѣтъ, основалось *Общество для распространенія полезныхъ знаній* (*S. for the diffusion of useful knowledge*). Основатель и Президентъ его былъ славный *Брумъ* (*Brougham*), нынѣшній Министръ Англійскій. Цѣль Общества: собирать, издавать и распространять въ народѣ наставленія, о наукахъ, знаніяхъ, художествахъ и ремеслахъ; заботиться о просвѣщеніи и образованіи народа, особливо низшихъ званій; заводить училища для народа; исправлять недоспашки народнаго воспитанія и вводить всѣ возможные улучшенія. Общество собрало большую сумму, издастъ книги, Журналы, дѣйствуетъ практически. Одна изъ мѣръ, принятыхъ Обществомъ, между прочимъ, естъ: собраніе свѣдѣній объ управленіи просвѣщеніемъ и воспитаніемъ народа во всѣхъ государствахъ Европы. Къ сему присоединяется личный обзоръ состоянія просвѣщенія и образованности, посредствомъ особыхъ, нарочно для сего посылаемыхъ людей. Все

сіе составить попомъ картину современнаго просвѣщенія и воспитанія общественнаго въ Европѣ. Общество намѣрено въ послѣдствіи сообразить всѣ собираемыя имъ описанія, извлечь практическія истины, и изложить общія правила. Кто не порадуется такому благодѣтельному, *Европейско-*му предпріятію? Во Францію былъ посланъ, въ прошедшемъ году, для сей цѣли, Секретарь Брунзъ, Томасъ Кошсъ (Th. Coates). Ошчетъ его Обществу еще неизвѣстенъ. Но по пріѣздѣ въ Парижъ, Г-нъ Кошсъ ошнесся къ *Обществу Всеобщаго Бюллетеня*, прося его способствовать въ полученіи отъ Французскаго Правительсва оффиціальныхъ свѣдѣній объ управленіи народнымъ просвѣщеніемъ во Франціи, дабы попомъ можно было ему руководствоваться сими свѣдѣніями, при личныхъ обзорніяхъ и изслѣдованіяхъ. Правительство Французское воспѣшило удовольствовитъ рѣшеніемъ всѣ вопросы, которые означены были въ инструкціи Г-на Кошса. Сіи вопросы, и рѣшенія оныхъ, помѣщены были Директоромъ Общества Всеобщаго Бюллетеня въ Журналъ, симъ Обществомъ издаваемый, и напечатаны ошдѣльно, подъ титуломъ: *Réponses aux diverses questions adressées au Comité français de la Société du Bulletin universel, par la Société fondée à Londres pour la diffusion des connaissances utiles, sur le système général d'instruction suivi en France* (Парижъ, 1830 г.). Получивъ сію брошюрку отъ одного изъ путешественниковъ, въ Москвѣ бывшаго, препровождаю Русскій переводъ оной для напечатанія въ Телеграфъ.

Узнать систему управления народнымъ воспитаніемъ во Франціи — конечно любопытно. Но мнѣ желалось-бы, чтобы кто нибудь, прочитавъ со вниманіемъ вопросы Брумова Общества и оштыи на оныя, постарался-бы привѣсти то и другое къ Россіи. Сталъ бы такого рода предупредилъ-бы доброе намѣреніе Англичанъ, и была полезна и высокой степени. Для большаго совершенства, ес можно-бы напечатать въ Русскомъ Журналѣ, и попросить благонамѣренныхъ особъ сообщать свои замѣчанія. Просвѣщенное Правительство наше и только не восприметъ въ семь случаѣ ошкровенности мнѣній, но конечно приметъ въ уваженіе подобный трудъ. Оно печется о благѣ нашемъ и желаетъ намъ добра. Въ эшомъ мы крѣпко увѣрены.

Г. И.

Вопросы, рѣшенія коихъ требовало Лондонско Общество для распространенія полезныхъ знаний

1-е. Какія мѣры взяты Правительствомъ, для воспитанія разныхъ званій народа, и какой родъ наставленія оно приняло?

2-е. Какое вообще воспитаніе дается въ учебныхъ и коллегіумахъ, и какія отношенія коллегіумовъ къ университетамъ?

3-е. Приняты-ли мѣры для воспитанія поселянъ и ремесленниковъ?

4-е. Какъ управляются вообще коллегіумы и университеты, и на чемъ основаны содержаніе, честность и снѣна Профессоровъ?

5-е. Какая опщешность Профессоровъ по ученію? Свободенъ-ли имъ входъ въ Музеи и Библіотеки?

6-е. Какіе предметы ученія въ коллегіумахъ? На чемъ основаны экзамены, награды и наказанія учениковъ?

7-е. Какая опщешность по частнымъ училищамъ? Не подчинены-ли они духовному опществу?

8-е. Какое воспитаніе ремесленниковъ-поселянъ? Есть-ли библіотеки и кабинеты Журналовъ въ маленькихъ селеніяхъ?

9-е. Какое воспитаніе ремесленниковъ-горожанъ? Есть-ли библіотеки, кабинеты чтенія? Какія средства приняты, чтобы они знали основанія своихъ занятій?

10-е. Какъ воспитывающся назначающіе себя для Медицины, въ Парижъ, Монпелье и Страсбургъ? Чего стоить, вообще для студента, ученіе? Какія преимущества городовъ въ сихъ случаяхъ? Что долженъ дѣлать иностранецъ, дабы дешевле и лучше учиться во Франціи?

11-е. Какъ пригошовляющся юристы во Франціи? Сколько времени учашся они, и чего имъ стоить ученіе?

От в ѣ т ы.

На 1-е. — «Какія мѣры взяты Правительствомъ, «для воспитанія разныхъ званій народа, и какой «родъ наставленія оно приняло?»

Для рѣшенія, необходимо сообразить разныя роды ученія и училищъ Французскихъ.

Ученіе во Франціи, вообще можно раздѣлнть на три рода: *первоначальное, второстепенное, высшее.*

Первоначальное заключаетъ въ себѣ необходимыя для каждаго челоуѣка знанія, т. е., чтеніе, письмочтене, и нѣкоторые прибавочные предметы, о коихъ подробнѣе изъяснимъ въ рѣшеніи шрешьяго вопроса. Сіе ученіе преподается въ Училищахъ, называемыхъ: *primaires*, или *élémentaires* (первоначальныя).

Второстепенное заключаетъ въ себѣ сверхъ того болѣе высшіе предметы, а именно: языки Грецкій и Латинскій, Исторію, Географію, Риторикъ, Философію, основанія Математики, Физикъ, Химію, Естествознаніе.

Общность всѣхъ сихъ знаній необходима для полученія степени *Баккалавра Словесности* (*bachelier ès-lettres*), а сія степень необходима для того, кто хочетъ поступать въ *Факультеты*, о коихъ будетъ объяснено далѣе. Здѣсь довольно сказать, что нельзя бытъ во Франціи ни Адвокатомъ, ни Медикомъ ни Учительмъ Словесности (*ès lettres*), или Знаній и Наукъ (*ès sciences*), не лзя получить степени по Богословію, не бывши *bachelier-ès-lettres*. *Баккалаврство Словесности* (*baccalauréat-ès-lettres*) естъ повѣрка *второстепеннаго* ученія, и условіе перехода отъ сего ученія къ *высшему*.

Третьестепенное ученіе производится въ слѣдующихъ пяти родахъ училищъ: *Королевскихъ Коллежиахъ* (*les Colléges royaux*), *Городскихъ Коллежиахъ* (*les Colléges communaux*), *Частныхъ Коллежиахъ*

макъ (les Colléges particuliers), *Институтамакъ* (Les Institutions) и *Пансіонамакъ* (Les Pensions).

Королевскіе Коллегіумы суть такія училища, въ коихъ управляющимъ и учащимъ плащятъ жалованье изъ государственныхъ доходовъ. До 1829 года считалось ихъ во Франціи 38. Въ 1829-мъ году, кажется, учреждены еще два новые. Болѣе подробностей предсавлено будетъ въ ошвѣствѣ на 4-й вопросъ.

Городскіе Коллегіумы суть второсепенныя училища, содержимыя городами; управляющимъ и учащимъ въ оныхъ плащятъ изъ городскихъ доходовъ. Слѣдъ Коллегіумовъ во Франціи весьма много, и вообще полагаешся ихъ болѣе 317. Но не всѣ они полныя (de plein exercice), ш. е., что не во всѣхъ изъ нихъ преподаюшся вполне предметы, составляющіе общность второсепеннаго ученія. Полныхъ считается не болѣе $\frac{1}{3}$ всего числа, ш. е. около 120. Въ Городскомъ Коллегіумѣ, *полномъ*, можно учиться такъ-же, какъ и въ Королевскомъ, и по выгодѣ получить званіе *Баккалавра Словесности*. Въ *неполномъ* можно только начать, и для полученія Баккалаврства, должно пройти недоспѣющіе классы въ другомъ мѣстѣ. Если, на примѣръ, нтъ класса Философіи, для полученія степени должно пройти Философію въ другомъ училищѣ; въ иныхъ нтъ Философіи и Риторики: для полученія степени, ученикъ обязанъ въ другомъ мѣстѣ пройти Философію и Риторикѣ.

Частныя Коллегіумы суть такія училища, въ коихъ второсепенное ученіе полное, и въ коихъ

управляющіе и учащіе обязаны имѣть санія-же и за на сіи званія, какія имѣютъ управляющіе и учащіе въ Королевскихъ Коллегіумахъ. Требуется чшобы управляющій имѣлъ званіе *Лиценціата Словесности* (licencié-ès-lettres), или *Наукъ и Знаній* (licencié-ès-sciences), а учащій имѣлъ шшшулу *Аггационную*. Въ отвѣтъ на 4-й вопросъ будутъ изданы сненія, касательно сего шшшула. Говоря собственно, Частныхъ Коллегіумовъ во Франціи только двѣ: *Святыхъ Варвары* и *Станислава*. Оба находятся въ Парижѣ. Правительство ничего не дѣлаетъ для ихъ веденія; они содержатся, и плаща учащихъ управляющихъ производится изъ шшхъ суммъ, и шшрыя взносятся за себя ученики.

Институты суть частныя училища, основанныя съ позволенія Университетовъ. Начальникъ Института долженъ быть Баккалавръ Словесности, или Наукъ. Отъ учащихся не требуется ни какихъ степеней: достаточно, если сіи учителя (ихъ обыкновенно называютъ *Репетиторами* — répétiteurs) одобрены *Ректоромъ Академіи* (о семъ званіи, будетъ говорено въ отвѣтъ на 2-й вопросъ). Институты ничего отъ Правительства не получаютъ, это заведенія рѣшительно частныя. Ихъ можно раздѣлить на нѣсколько степеней; но главное: они бываютъ въ городахъ, гдѣ есть Коллегіумы, Королевскіе, или Городскіе школы, и въ такіе мѣстахъ, гдѣ сихъ заведеній нѣтъ.

Если Институтъ находится въ городѣ, гдѣ есть Королевскій, или Городской коллегіумъ, Коллегіумъ, и каждаго учащагося, шшрате 10 ливровъ, Институтъ отъ

занъ *посылать въ классы* (*d'envoyer en classe*) Коллегіума. Такимъ образомъ, ученикъ, сшарте 10 лѣтъ, живеть и воспитываеця въ Инспишутѣ, и въ учебныкъ классахъ его имѣеть необходимое пригововленіе уроковъ, но учинся въ классахъ Коллегіума. Въ Инспишутѣ повшоряють съ нимъ *Репетиторы* то, что онъ слышалъ, или услышишь у *Профессоровъ* Коллегіума.

Если-же Инспишутъ въ шакомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ Коллегіума, то подраздѣленіе бываеть двоякое: одни Инспишуты *полныя*, другіе *неполныя*.

Инспишутовъ полныхъ во Франціи весьма мало. Они есть въ Жюмьи, Вандомѣ, Понъ-Левуа, Соррезѣ, Фоншене-о-Розѣ (*Fontenay aux Roses*), и, можеть бытъ, надобно еще одинъ, или два, причисляшь къ сему разряду. Въ сихъ Инспишутахъ *полный курсъ* второсреденнаго ученія, и ученики, выходя изъ оныхъ, выдерживають, какъ ученики Королевскихъ Коллегіумовъ, экзамень Баккалавра Словесности. Надобно замѣтишь, что по декрету Наполеона, ушвердившему Университетъ, *полныя Институты* строго запрещены, даже и въ шѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ Коллегіумовъ. Сей декретъ не позволялъ начальникамъ Инспишутовъ преподавать предметы, выходящіе, изъ шака называемыхъ *classes d'humanité*. Такое запрещеніе было сообразно съ системою монополіи въ ученіи, что Наполеонъ почившалъ однимъ изъ главныхъ пособій своей деспотической власти. Но монополія ученія постепенно ослаблялась послѣ паденія Наполеона, и во многихъ частяхъ система Наполеонова уже успу-

нила мѣсто новой системѣ. Этимъ объясняется послѣдовавшее учрежденіе, въ разныхъ мѣстахъ Франціи, *полныхъ Институтахъ*: это суть незамѣшныя побѣды надъ ограниченіемъ и монополіею воспитанія. Нѣкоторые изъ Институтахъ, выше упомянутыхъ, называются Коллегіумами, но несправедливо, ибо начальники и учащіе въ оныхъ не имѣють надлежащихъ для Коллегіума правъ и привилегій. (см. выше, что говорено о Частныхъ Коллегіумахъ).

Институты *неполные* находятся въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ Коллегіумовъ; въ нихъ преподають курсъ болѣе или менѣе обширный, но всегда не *полный*. Выйдя изъ нихъ нельзя получить Баккалаврства.

Пансіоны суть, такъ-же, какъ Институты, заведенія воспитательныя; частныя. Отъ Институтахъ они различаются двумя отношеніями:

1-е. Начальникъ Пансіона можетъ и не быть Баккалавромъ Наукъ и Знаній, что необходимо для начальника Института; довольно быть ему Баккалавромъ Словесности.

2-е. Ученіе ограничивается высшими классами, такъ называемыми, *Грамматическими* (*classes de grammaire*), и основаніями Арифметики и Геометріи. Посему *полныхъ* Пансіоновъ нѣтъ, и полного *классическаго* ученія въ нихъ пройти нельзя: здѣсь оно только начинается; а окончивать его надобно въ другихъ мѣстахъ. Впрочемъ, всѣ правила Институтахъ относятся и къ Пансіонамъ. Число Институтахъ, и Пансіоновъ во Франціи пре-

спираешся до 1,300; вообще болѣе 50,000 человекъ проходящъ курсъ *второстепеннаго* ученія, въ пяти родахъ учебныхъ заведеній, о коихъ мы доселѣ говорили.

Но есть множество молодыхъ людей, предназначаемыхъ для торговли и промышленности, ко которымъ родилели желали-бы дашь воспитаніе. Смиъ людямъ не сполько нужно изученіе Классическихъ языковъ, сколько пріобрѣтеніе знаній, полезныхъ въ ихъ будущемъ бытѣ. Имъ надобно ошдѣльное ученіе. Усшавъ, конмъ ошъ времяъ Наполеона управляется общественное воспитаніе во Франціи, не касается сего ошдѣльнаго ученія: въ немъ не сполько о немъ ничего не говорится, но полагающся, напросивъ, большія прецѣпстввіа всякому частному образованию. Обязанность: посылашь дѣшней въ классы Коллегіумовъ, не позволяла никакихъ ошдѣльныхъ курсовъ, для пригошовленія юношества къ заніяшямъ по торговлѣ, или промышленности, лишала родилелей всѣхъ средствъ дашь своимъ дѣшямъ иное воспитаніе, кромѣ классическаго. Только съ 1829 года сшали думать, какъ пособишь недоспашку, и придумали два средства: 1-е, учредили, во многихъ Королевскихъ и Городскихъ Коллегіумахъ, ошдѣльные курсы, для учениковъ, значающихъ себя для торговли и промышленности; 2-е, уполномочили начальниковъ Инспѣцирушовъ и Пансіоновъ заводишь подобные курсы, а учениковъ, проходящихъ сии курсы, уволиши ошъ классовъ Коллегіумныхъ. Такимъ образомъ, попечительность Правительсшва и желаніе подданныхъ соеди-

Сентябрь 1831.

16

нились для уснановленія пособій, удовлетворяющихъ важной общественной потребности.

До сихъ поръ, еще ничего не сказано нами объ училищахъ духовныхъ. Между тѣмъ, необходимо дашь основную идею объ отношеніяхъ по сему предмету; безъ того неполно будешь понятіе о второстепенномъ ученіи во Франціи, и не лзя понять важныхъ затрудненій и жаркихъ преній политическихъ, къ которымъ подавали поводъ духовныя училища.

Когда Католическая Религія была возстановлена во Франціи, то въ каждой епархіи (diocèse) основали *семинарію* (séminaire), для изученія Богословія. Намѣреніе Правительства было то, чтобы молодые люди, предназначающіе себя для духовныхъ званій, проходя классическое ученіе въ обыкновенныхъ училищахъ, поступали послѣ того въ Семинаріи, когда кончатъ обыкновенный курсъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ, Епископы изъявили желаніе имѣть высшія училища, въ коихъ-бы молодые люди, назначающіе себя къ духовному званію, могли проходить классическіе, или вторые, курсы. Сія училища были учреждены, подъ именемъ *Второстепенныхъ духовныхъ училищъ* (écoles secondaires ecclésiastiques), или *малыхъ Семинарій* (petits séminaires), для отличенія ихъ отъ *Семинарій* собственно, гдѣ предметъ ученія Богословіе. Въ 1814 году учрежденіе малыхъ Семинарій было постановлено особымъ опредѣленіемъ. Опредѣленіе это заключало въ себѣ разныя распоряженія, имѣвшія предметомъ, чтобы всячески воспрепятствовано

вашь не назначающимъ себя въ духовное званіе учене въ сихъ заведеніяхъ. Но Каполическое Духовенство, особенно стараясь завладѣть воспитаніемъ юношества, всѣ возможныя средства употребило избавившись отъ положенныхъ ему препятствій. Вскорѣ посторонніе воспитанники начали учиться въ малыхъ Семинаріяхъ, гораздо въ большемъ количествѣ, прошивъ назначающихъ себя въ духовное званіе. Дошло до того, что подъ именемъ малыхъ Семинарій основано было восемь Іезуитскихъ Коллегіумовъ, гдѣ почти всѣ воспитанники были не назначаемые въ званіе Духовенства. Обыкновенныя училища плашью подашь, извѣстную подъ именемъ *Университетскаго налога* (*rétribution universitaire*), и составляющую $\frac{1}{10}$ часть плаши, получаемой съ учениковъ. Училища духовныя были отъ сего уволены, въ предположеніи, что тамъ воспитываются только духовные люди. Явно, что они во зло употребили свое преимущество, принимая учениковъ не-духовныхъ, и незаконно устранивъ плашежь съ нихъ опредѣленнаго налога. Гражданскія училища не могли выдерживать ихъ соперничества, кромѣ уже того, что вмѣсто монополіи Университетской, бывшей при-Наполеонѣ, являлась новая монополія — Духовенства Каполическаго, направлявшая умы юношества къ воспитанію несообразному съ настоящимъ временемъ. Правительство старалось пособить такимъ важнымъ неудобствамъ, издавъ извѣстныя постановленія 16 Іюня, 1828 года, коими запрещалось людямъ, принадлежащимъ къ Духовнымъ Конгрегаціямъ, неподтвержденнымъ отъ Французскаго Правительсва, со-

держашь учащихся. Сильныя препятствія положены были и къ тому, чѣшобы въ малыхъ Семинаріяхъ не учились люди, не назначаемые къ духовному званію. Число учащихся въ сихъ заведеніяхъ было ограничено 20,000-ми.

Слѣдственно: 70,000 человекъ получаютъ во Франціи воспитаніе второстепенное, или классическое, и изъ сего числа 50,000 назначаются къ гражданской жизни, а 20,000 къ духовному званію.

Вошь вѣрное изображеніе нынѣшняго порядка дѣлъ, относительно *второстепеннаго ученія*; но сей порядокъ въ скоромъ времени долженъ испытать важныя измѣненія. Новыми узаконеніями положено будетъ разрушить всѣ монополіи въ ученіи, и сдѣлать ученіе совершенно свободнымъ. На семъ хотѣшь основать во Франціи общественное образованіе, постарайся привести его въ соопвѣтственность съ другими общественными установленіями, и съ нравственнымъ состояніемъ общества, ускоривъ усовершенствованіе, и истребивъ старыя предрасудки и заблужденія. Впрочемъ, переѣны предполагаются только, но въ чемъ рѣшительно будутъ онѣ состоять, неизвѣстно. Вѣроятно, Палаты займутся ими въ теченіе 1831-го года. Общее мнѣніе полагаетъ, что Правительству непременно должно ввести слѣдующія измѣненія :

1-е. Ошмѣнить посылку учениковъ изъ частныхъ заведеній въ классы, и позволить содержателямъ частныхъ заведеній составлять для себя такіе курсы ученія, какіе они почтутъ за приличнѣйшіе.

Принимая припомъ методы, которыя признають за самыя скорыя и полезныя, училиши приноровяшъ чрезъ шо воспишаніе къ различнымъ назначеніямъ своихъ учениковъ. Ученіе не будешъ уже стѣснено *установленною единожды, и безъ разбора одинаковою для всѣхъ* рамою, отъ чего нынѣ недоступно оно ни какимъ улучшеніямъ и полезнымъ нововведеніямъ. Ученіе въ Коллегіумахъ Французскихъ явно устарѣло; оно несообразно съ быстрыми успѣхами наукъ въ новѣйшее время; сіи успѣхи до него не доходяшъ. Правительство и города поддерживаю свои училища, но благородное и спасительное соревнованіе установившя между ними и частными училищами, а это должно повести къ усовершенствованію.

2-е. Установишь порядокъ наблюденія Правительства надъ частными училищами. Надобно, чтобы сіи училища были Правительству извѣстны, отдавали ему отчетъ въ ученіи, и чтобы люди, коиъ Правительство доверитъ, могли осматривать ихъ, когда заблагоразсудятъ. Сіи осмотры не должны однакожъ имѣть цѣлью стѣсненія въ выборѣ плана ученія и методы, что должно оставишь совершенно свободнымъ, но единственно надобно будешъ ограничяшъ надзоромъ за нравственностью, порядкомъ и здоровьемъ учениковъ.

Переходя къ высшему ученію, скажемъ, что оно преподаешя въ училищахъ, называемыхъ *Факультетами* (facultés). Сихъ Факультетовъ установлено пять *порядковъ* (ordres), а именно: *Факультетъ Богословія* (les facultés de Théologie), *Правъ* (de

Droit), *Медицины* (de Médecine), *Наукъ* (des Sciences) и *Словесности* (des Lettres).

Главная цѣль ученія въ Факультетахъ есть получение ученыхъ степеней. Въ каждомъ Факультетѣ степеней бываетъ три рода: *Бакалаврство* (Baccalauréat), *Лиценціатство* (la Licence) и *Докторатство* (le Doctorat). Сія степень приобрящается послѣдовательно, въ слѣдствіе экзаменовъ *публичныхъ актовъ*, или *тезисовъ* (actes publics ou thèses). Выше сказано, что нельзя получить никакой степени по Факультетамъ Богословія, Правъ и Наукъ, не получивъ предварительно степени Бакалавра Словесности. Предлагаемъ нѣкоторыя подробности, могущія дать понятіе объ ученіи въ каждомъ Факультетѣ.

Факультетовъ Католическаго Богословія считается во Франціи шесть, а именно: въ Парижѣ, Лионѣ, Э, Бордо, Руанѣ, Тулузѣ. Въ Э, Бордо и Руанѣ преподають Богословскіе догматы, Евангелискую нравственность, Исторію и чинъ (la discipline) Церкви. Въ Лионѣ и Тулузѣ есть еще кафедры Еврейскаго языка. Въ Парижскомъ Факультетѣ кромѣ того, отдѣльно преподаются: Священное Писаніе и Священное Краснорѣчіе.

Въ Факультетахъ Католическаго Богословія вообще учащихся весьма мало, и весьма рѣдко получаютъ въ оныхъ степени. По правиламъ Французской Церкви необходимо требовались ученые степени для достиженія высшихъ духовныхъ званій. Правила сіи были начертаны мудросшію, и они не уда-

чпожены, но сами по себѣ пришли въ забвеніе. Такъ, напримѣръ, было положено, что не можешь быть никто возведенъ въ Епископство, не получивъ степени Лиценціата Богословія; но почти всѣ высшіе Епископы Французскіе, кромѣ немногихъ стариковъ, были уволены отъ сей обязанности. Между тѣмъ, прежнее правило полагается существующимъ, и во всѣхъ утвердительныхъ буллахъ Папы, даваемыхъ представляемымъ отъ Короля кандидатамъ, обыкновенно означается, что Папа по своей милости увольняетъ новаго Епископа отъ получения Лиценціатства. Католическое Французское Духовенство вообще прикрываетъ тайною свои училища, экзамены и диспуты. Это служитъ къ подтвержденію общаго обвиненія его въ *Ультрамонтанизмѣ*. Желая унять сію склонность — говоришь общественное мнѣніе — Французское Духовенство старается скрывать свое ученіе во мракѣ Семинарій, и боится гласности. Можешь быть, такое обвиненіе и несправедливо; но оно достоверно, что каждый разъ, когда Правительство хотѣло открывать конкурсы, для замѣщенія вакансныхъ мѣстъ въ Факультетахъ Богословія, Духовенство отворачивало его намѣренія множествомъ затрудненій. Вообще, Духовенство охотно согласилось на уничтоженіе Богословскихъ Факультетовъ. Но, по мнѣнію благоразумныхъ людей, Правительство должно поддержать оныя, занявшись учрежденіемъ ученія въ оныхъ, и непремѣнно возобновишь уставъ, по коему безъ ученой степени не допускались къ высшимъ духовнымъ званіямъ. Это, при совершенной гласности ученія, полагаюшь достаточнымъ и къ истребле-

лію Ульшрамонпанізма, если онъ шочно существо-
 ешь, ибо гласность явно покажетъ все ложное
 опасное. Самое Духовенство жскоръ узнало-бы, че-
 долгъ върноши къ законамъ своей Церкви согласен
 и съ пользамн его, ибо шогда вполне возвратило-
 бы къ нему довѣріе народное, чего каждый бла-
 мыслящій желаетъ для общаго блага.

Факультетовъ Богословія Протестантскаго в
 Франціи два: одинъ въ Страсбургѣ, для Аугсбург-
 скаго исповѣданія, другой въ Моншабанѣ, для Гел-
 вецкаго исповѣданія. Въ нихъ преподають Док-
 машы, Евангельскую нравственность, Церковную
 Исторію, Священное Краснорѣчіе, Философію и Э-
 сегетику. Сіи Факультеты находятся въ состояніи
 весьма хорошемъ; -учениковъ въ оныхъ много.

Факультетовъ Правъ во Франціи девять; они на-
 ходятся въ Парижѣ, Э, Канъ (Саен), Дижонѣ,
 Греноблѣ, Пуашье, Руанѣ, Страсбургѣ и Тулузѣ.
 Въ нихъ изъясняють Инстишущія Юстиниановы,
 Гражданское Уложеніе и Судебное производство
 (la procédure). Въ нѣкоторыхъ естъ ещё особыя ка-
 едры Торговаго Уложенія, Права управительнаго
 (Droit administratif) и Пандекшовъ. Въ Парижѣ, кро-
 мѣ всѣхъ сихъ каедръ, естъ особыя для Исторіи
 Права и Права Общественаго (Droit public). Двѣ
 послѣднія, и каедра Права Управительнаго, нача-
 лись съ 1819 года. Черезъ три года потомъ, были
 онѣ уничтожены. Въ 1828 и 1829 гг. снова ихъ воз-
 шановили, къ особенной радости людей, понимаю-
 щихъ цѣну основательнаго и полнаго ученія. Двѣ
 года надобно учишься въ Факультетѣ, дабы полу-

чине степенъ Баккалавра Правъ; черезъ годъ послѣ того даешся степенъ Лиценціаша, и еще годъ пошребень для олученія Докшорства Правъ. Курсы дѣлятся на шримѣсячія, и каждый разъ ученіе повѣряешся пересмотромъ. Ученикъ, не представившій свидѣтельствъ о прилежности, и не выслушавшій надлежащаго числа шримѣсячій, недопускаешся къ экзамену и тезисамъ. Степенъ Лиценціаша необходима для полученія званія Адвоката, и для того, чтобы занять какое-либо мѣсто по судебной части (*judicature*). Степенъ Докшора шребуется только ошь шѣхъ, которые хощяшъ бытъ Профессорами Правъ, а пошому большая часть учащихся оканчиваешъ степенью Лиценціаша.

Леченіемъ, или пракшикою Медицинскою, во Франціи могушъ занимашся два рода людей: Докшора, Медицины или Хирургіи, и, шакъ называемые, *les officiers de santé* (Лекаря).

Дабы получить званіе Докшора, Медицины или Хирургіи, надобно учитьсѣ чешыре года въ Медицинскомъ Факультетѣ, и выдержашъ пять экзаменовъ и одинъ тезисъ. Первый экзаменъ ошносится къ Анапоміи и Физиології; второй къ Патології и Носології; шрешій къ Матеріи Медики (*la matière médicale*), Химіи и Фармаціи; чешвершый къ Гигиенѣ и Судебной Медицинѣ (*la médecine légale*); пятый, къ Клиникѣ ввуршенней (*interne*), для ищущаго степени Докшора Медицины, и къ Клиникѣ вѣшней (*externe*), для ищущаго степени Докшора Хирургіи. Такимъ образомъ, чешыре первые экзамена общи для Медицины и Хирургіи, а пятый разли-

чень, смотря пошому, какую кто хочетъ заняться частію. Время ученія опредѣляется въ Медицинскихъ Факультетахъ, шакъ-же какъ и въ Юридическихъ, шрехъ-мѣсячіями. *Медицинскихъ Факультетовъ во Франціи шри: въ Парижѣ, Монпелье, Страсбургѣ.* Парижскій составляютъ кафедрь: Анашоміи, Физиологіи, Медицинской Химіи, Медицинской Физики, Медицинскаго Ешестшвознанія, Фармакологіи, Гигіены, Хирургической Патологіи, Медицинской Патологіи, Хирургическихъ операцій и приборовъ, Терапевтики, Машеріи Медики, Судебной Медицины, Аккушерства, болѣзней родильницъ и новорожденныхъ, Клиники Медицинской, Хирургической и Аккушерской. Въ двухъ другихъ Факультетахъ нѣсколькими кафедрами менѣ. Такъ, напримѣръ, въ Монпелье нѣтъ кафедръ ни Медицинской Физики, ни Медицинскаго Ешестшвознанія.

Для полученія *Лекарскаго* званія не нужно учиться въ Факультетѣ; довольно бытъ экзаменованнымъ ошъ *Медицинскаго Присяжнаго* (un juré médical). Такіе Присяжные ешть въ каждомъ Департаментѣ. Въ извѣстное время года они собираются, состоя изъ двухъ Докторовъ, живущихъ въ Департаментѣ, и одного Коммисара, назначаемаго изъ Профессоровъ Медицинскаго Факультета. Условія, шребуемая ошъ экзаменующагося, сушь: шести-лѣтнее пребываніе при Докторѣ, въ качествѣ воспитанника, или пяти-лѣтняя, непрерывная, практика въ больницѣ, или шри года ученія въ Факультетѣ, либо во шторосшепенномъ Медицинскомъ училищѣ. Здѣсь кшшши сказашъ о сихъ училищахъ.

Ихъ считашся во Франціи восемнадцать: въ Амьенѣ, Анжерѣ, Арра, Безансонѣ, Бордо, Канѣ, Клермонѣ, Дижонѣ, Греноблѣ, Лионѣ, Марселѣ, Нанси, Нантѣ, Пуатьѣ, Реймсѣ, Руанѣ и Тулузѣ. Лекаръ можешъ практиковать шолько въ томъ Департаментѣ, гдѣ онъ экзаменовался. Ему не позволяють важныхъ Хирургическихъ операцій, безъ присмотра и присушства Доктора, въ томъ мѣстѣ, гдѣ есть Докторъ. Недосташокъ познанія большей части Лекарей, и небрежная легкоспѣ, съ какою удоспонавають симъ званіемъ, издавна уже сдѣлались предметомъ общаго негодованія, и желательна, чтобы Правительство обратило вниманіе на злоупотребленія по сему предмету, издавъ новые уставы, строже вышнихъ. Нѣсколько лѣтъ тому, былъ уже представляемъ Палашамъ прозкъ новаго закона о второстепенныхъ Медицинскихъ училищахъ и Лекаряхъ, но не былъ принятъ. Необходимо заняшь ся симъ дѣломъ вновь, и въ скорѣйшемъ времени.

Училища Фармаціи находящяся въ Парижѣ, Спразбургѣ и Монпелье.

Факультетовъ Наукъ (des sciences) во Франціи семь: Парижскій, Канскій, Дижонскій, Гренобльскій, Монпельескій, Спразбургскій и Тулузскій. Въ каждомъ изъ нихъ находящяся каѳедры Математики, Естествознанія, Физики и Химіи. Въ Тулузскомъ, кромѣ того, Математики Прѣкладной, въ Монпельескомъ Астрономіи, Минералогіи и Зоологіи; въ Парижскомъ число каѳедръ еще болѣе многочисленно: есть Профессоры Дифференціального и Интегрального исчисленія, Высшей Алгебры, Начертатель-

ной Геометріи, Физической Астрономіи, Механики Физики, Химіи, Минералогіи, Ботаники, Физиологическаго растеній и Зоологіи. Парижскій Факультетъ и жеть гордятся Европейскими именами нѣкоторыхъ изъ своихъ Членовъ; таковы имена Тенара, Біон Пуассона, Гей-Люссака, и другія.

Факультетовъ Словесности во Франціи шесть. Они находятся въ Парижѣ, Безансонѣ, Канѣ, Дижонѣ, Спрасбургѣ и Тулузѣ. Въ двухъ послѣднихъ учреждены кафедръ: Исторіи, Литтературъ: Латинской, Греческой, Французской, и Философіи. Въ Безансонѣ, Канѣ и Дижонѣ двумя, или одною кафедрою, менѣе. Въ Парижскомъ Факультетѣ счисляется одиннадцать кафедръ. Предметы ихъ суть Греческая Литтература, Латинское Краснорѣчіе Французское Краснорѣчіе, Литтературная Исторія и Поэзія Французская, Философія, Исторія Древней Философіи, Исторія Философіи Новой, Исторія Древняя, Исторія Новая, Географія. Въ семъ значительномъ училищѣ отличались своею краснорѣчивою импровизаціею Кузенъ, Гизо и Вильменъ. Общее желаніе публики: видѣть въ Парижскомъ Факультетѣ и въ другихъ, кафедръ Иностранныхъ Литтературъ, еще не исполнено. По мѣрѣ того, какъ умножаются взаимныя сообщенія между народами, изученіе и сравненіе генія Поэзіи и Краснорѣчія, собственныя каждому изъ нихъ, становящіяся потребностью, важною и всѣми ощущаемою. Франціи надлежало-бы податься примѣръ ученаго заведенія по сему предмету. Правительствово уже обратило на это вниманіе.

Только одна изъ степеней, опредѣляемыхъ Факультетами Наукъ и Словесности, требуетъ повѣрки ученія предшествовавшаго: сія степень есть Бакалаврство. Ошъ ищущаго сей степени требуется доказательство, что онъ учился въ Коллегіумѣ, или другомъ *полномъ* заведеніи (смотри выше, что говорено о вшоросепенномъ ученіи). Впрочемъ, молодые люди, воспитывавшіеся у своихъ родителей, уволены ошъ подобныхъ свидѣтельствъ. Экзамены Бакалавровъ Словесности, вообще, не строгі. Испытанія, необходимыя для степеней высшихъ, по Факультету Словесности и по Факультету Знаній, гораздо важнѣе. Но имъ подвергаются, почти всегда, только тѣ, которые хотѣли бытъ Профессорами.

Произведеть-ли сильное дѣйствіе на высшее ученіе та свобода, каковую предполагають распространить на ученія предуготовительныя? Ожидаютъ, что она придастъ ему новую жизнь. Полагають, что и по новымъ законамъ утвердятся существованіе различныхъ Факультетовъ, и нынѣшнихъ правилъ, касательно необходимости ученыхъ степеней, для занимающихъ мѣста Профессорскія. Дѣйствительные Профессоры останутся испытателями и руководителями при тезисахъ. Но должно полагать, что во Франціи, такъ, какъ во многихъ Университетахъ Нѣмецкихъ, каждому имѣющему степень Доктора будетъ позволено открывать лекцію а учащимся предоставлено право выбора лекцій свободныхъ и официальныхъ Профессоровъ, при чемъ слушаніе лекцій будетъ почишаемо равно дѣйстви-

пельнымъ, у шѣхъ и другихъ Профессоровъ; наконецъ, вѣроятно, что мѣста Профессоровъ будутъ назначаемы послѣ публичныхъ конкурсовъ, и что не будешь думать только объ исполненіи формъ конкурсовъ, вынѣ соспавляющихъ шайное, а машее дѣло между Профессорами.

(До слѣд. книжки.)

ИЗВѢСТІЯ

О нѣсколькихъ древнихъ, и донынѣ бывшихъ неизвѣстными, граматахъ.

(Статья третья)

Граматы, жалованныя Россійскому Дворянству до XVII-го столѣтія, соспавляютъ неисчерпаемый источникъ для Отечественной Исторіи. Сія храбрая сыны, защищая мужественно отъ враговъ Отечество, получали за подвиги отъ Великихъ Князей и Царей жалованныя граматы на имѣнія. Въ сихъ граматахъ, какъ въ вѣрныхъ фактахъ, встречаюся очень часто описанія и шѣхъ происшествій о кошорыхъ наши Лѣтописи, или не вполне повсвуютъ, или совершенно умалчиваютъ. Весьма много доставило-бы пользы для Отечественной Исторіи, если-бы кто принялъ на себя трудъ сдѣлать хотя крашкое обзорѣніе оныхъ. Трудъ огромный, но необходимый и полезный. Съ

ми такъ-же должно поступать, какъ съ лѣтописями, т. е. сдѣлать сводъ. Взаимное слѣченіе оныхъ съ лѣтописями, безъ всякаго сомнѣнія, покажетъ вѣрный резульшатъ. Но для этого нужно время, и глубокое свѣдѣніе въ Археологіи. Сего мы болѣе должны ожидать отъ путешествія Г. Шроева, разысканія коего подають ушѣшительную надежду.

Съ самаго шого времени, какъ обнародованіе древнихъ акшовъ содѣлалось необходимымъ условіемъ въ Археологіи, Отечественная Исторія начала приближаться къ усовершенствованію. Было время, когда Русскіе Дѣписатели слѣдовали однимъ сказаніямъ Лѣтописцевъ, нимаю не заботясь повѣрять ихъ древними акшами. Слѣдствіемъ сего былъ не только ошибочный взглядъ на Исторію, но и самыя происшествія облакались въ казую-шо непроницаемую таинственность. Прилѣпляясь къ однимъ рассказамъ Лѣтописцевъ, оставляли безъ вниманія наказы, граматы и другіе акшы, въ коихъ такъ живо отражаются права народныя, характеръ правленія, отношенія правителей къ подданнымъ, и даже самый духъ народный.

№ 13. Наказъ Царя и Великаго Князя Феодора Ивановича Намѣстнику въ Рыльскъ Ивану Филатьеву Библикову, писанный въ 1587 году ().*

Отъ Царя и Великаго Князя Феодора Ивановича всеа Руссіи въ Рылескъ, Намѣстнику Нашему Ивану

(*) Наказы, подъ № 13, 14, 15, 16, 17 и 18-мъ, выписаны мною изъ дѣла Гг. Зиновьевыхъ, хранящагося въ Арх. Тульского Двор. Депут. Собранія, за № 370.

Флашъевичу Бибикѣву. Послали есмь для Нашего дѣла ко Князь къ Михаилу Кружинскому дворянина своего Афонася Федоровича Зиновьева; и какъ Афонасей въ Рыльскъ придетъ, и шы-бъ съ нимъ Наше дѣло дѣлалъ, по Нашему Наказу, за одинъ, потчасъ безъ мешканія, какъ ему Афонасью по Нашему Наказу надобе. Писанъ на Москвѣ, дѣла 7095, Ноября въ 7 день.

№ 14. *Наказъ Царя и Великаго Князя Феодора Иоанновича Афонасью Федорову Зиновьеву, писанный въ 1589 году.*

Лѣта 7097, Апрѣля въ 26 день, Царь и Великій Князь Федоръ Ивановичъ всеа Русіи велѣлъ Афонасью Федоровичу Зиновьеву ѣхати изъ Пушная на полъ, на Донецъ Сѣверской, и на Осколь, на свою Государеву службу, въ которое мѣсто пригоже и Государеву дѣлу прибыльнѣе, въ которомъ мѣстѣ отъ Царева походу уберечися, а надъ нимъ и надъ кошемъ поискъ учиниши, обьсылаяся съ Черкасы, которые пришли изъ Запорожья на Донецъ, Машвей Федоровъ съ шоварыщи; а кому с нимъ дѣшею боярскимъ и головамъ съ козаки ишли на Донецъ, и что жалованья козакамъ даши, и ево Афонася съ шѣми со всѣми людьми пересмотря, отпустиши на Донецъ, и жалованье раздаши дѣшею боярскимъ и казакамъ посланъ дворянинъ Машвей Павловичъ Проесшевъ, и роспись ѣзъ сямъ Наказомъ къ Афонасью послана, и Афонасью вѣстѣ съ Машвѣемъ въ Пушивѣ Государевымъ дѣломъ проишляши, чтобъ ранѣе дѣшей боярскимъ и козаковъ собраши изъ Чернигова, и изъ Стародуба, и изъ Рыльска вскорѣ ишли для Государева дѣла на До-

нець, или на Осколь, а пойши-бы однолично, собрався съ людьми съ Вознесенсва. А какъ изъ Рылска, и изъ Шародуба и изъ Чернигова дѣли Боярсія и головы съ Козаки въ Пушивль сойдуща къ тому сроку, и въ Пушивль головы бѣлодворцевъ и охочихъ козаковъ приберуть, и Государево жалованье денежное дѣшамъ Боярскимъ и бѣлодворцемъ и казакамъ раздася Матвей Проешевъ, и Афонасью, собрався съ дѣшми Боярскими, и съ Пушивльцы, и съ Черниговцы, и съ Рылескими и съ Стародубскими козаки, ишши на Государеву службу на полъ на Донецъ или на Осколь, на кошорое мѣсто пригоже, то по вѣсшямъ смотря Афонасью учинишь. И пришедъ на Донецъ, или на Осколь, на кошоромъ мѣстѣ пригоже, спати, въ кошорое мѣсто крѣпкое на Донцѣ и на Осколѣ спавъ, и укрѣплясь въ крѣпкихъ мѣстахъ посылашь ошъ себя станицы, чшобъ про Царевъ походъ и про большихъ людей увѣдавъ и самому сметя по сакмъ людей, каковы люди пойдутъ, послать х кошорой Украинѣ къ Государю, и ошписать подлинно, многіяль люди и шрѣльба пищальная и шележные признаки будутъ ли со Царемъ, о шомъ провѣдавъ и смеша сакмы, шощасъ на скоро Государю ошписати, а къ Запорожскимъ Черкасомъ къ Ошману къ Машвѣю съ шоварищи, кошорые нынѣ пошли з Днѣпра на Донецъ, будутъ ли они Государю прямы; а прослышишь про нихъ, чшо ошъ нихъ Государю правды чаяшь для шого, какъ они ко Государю, служиши хотяшь и пришли на Донецъ, что бы имъ, будучи на Донцѣ, Государю служишь и надъ Крымскими людьми промышляшь Государе-

Сентябрь 1831.

вымъ дѣломъ и надѣ кошемъ надѣ Царевымъ , какъ Царь или Царевичи пойдуть на Украину промышлять , а поставяшъ кошъ въ кошоромъ мѣстѣ пригоже . А къ Черкасомъ посланъ голова Станичная съ Тулы Федоръ Кирѣевъ и бышь ему съ ними вѣтно . И Афонасью къ Федору и къ Черкасомъ къ Машвею Федорову съ шоварыщи обослашисъ и провѣдашъ Черкасскіе правды : какъ сшояшъ и какъ промышляши хошяшъ Государевымъ дѣломъ , и станичниковъ и сторожей Пушквльскихъ берегущихъ , и козаковъ и севрюковъ Государскихъ , кошорые по Довцу стояшъ , берегущихъ , и Петра Зяновьева съ Крымскими гонцы пропустили-ль и не погромяшъ-ли его . А кошорые воры Черкасскіе ходяшъ преже сего лѣшомъ и сея весны , а жишдемъ живуть по Оскѣлу и по Сеши , и что на Донъ ходяшъ Мшакъ съ шоварыщи , и съ нимъ онѣ вѣстѣ непойдуть ли воровашъ , или надѣ ними почнутъ промышляшъ что именно . Къ Государю Запорожскіе Козаки , Ошоманъ Машвей Федоровъ съ шоварыщи , писали : что имъ надѣ пѣши воры , надѣ Черкасы , кошорые хошяшъ по Довцу , и по Оскѣлу , и по Дону , и грояшъ Государевыхъ людей , хошяшъ надѣ ними промышляши и ихъ побываши , и ко Государю переимавъ носылаши , и шолько Афонасей про шѣхъ Черкасъ про Машвея Федорова съ шоварыщи провѣдаешъ , что они передѣ Государемъ ярямы будутъ . А вѣспи будутъ , что Царь самъ или Царевичи пойдуть на Государевы Украины , и Афонасью съ шѣми Ошамавы , съ Машвеемъ Федоровымъ съ шоварыщи , обослався съ Черкасы и сшедшисъ съ Федоромъ Киреевымъ и съ Черкасы

Государевымъ дѣломъ надъ Крымскими людьми промыслиши вмѣстѣ , за одинъ , и надъ Крымскими людьми и надъ коши ихъ приходишь и ишши за ними къ Украинѣ , на которыя мѣста пригоже , и на нихъ на походѣ промыслиши , зъзади на нихъ приходишь ; а Ошаманы и Черкасы, Машвей Федоровъ съ шоварыщи , со всемъ войскомъ своимъ съ Федоромъ съ Кпреевымъ шли бы съ ними съ Афонасемъ за Крымскими людьми и промыслиши съ нимъ за одинъ. А будешь Царь или Царевичи пойдушь многими людьми , и покинушь кошь по прежнему на Оскодѣ и межъ Щенева и Алымъ , или далѣе или ближе , въ кошоромъ мѣстѣ нибудь , Афонасью и Федору со всеми Черкасы вровѣдаши кошь , гдѣ покинушь , и ишши со всеми Черкасы на кошь , и взявъ кошь и ошспуня съ людьми къ Пушывлю , или въ кошорой городѣ , самому перебрался съ лудшими людьми и съ Черкасы на лучшихъ конехъ ишши за Царемъ или за Царевичи хъ кошорой Украинѣ ближе и шедшися съ Воеводами Государевымъ дѣломъ промыслиши. А будешь на Донцѣ , въ кошоромъ мѣстѣ на перевозѣхъ Афонасей или Черкасы погромяшь Крымскихъ людей и языковъ поемлють , и съ языкомъ съ лучшимъ съ однимъ послашь ко Государю , кошорый вѣшей больше вѣдаешь , х кошорой Украинѣ ближе. А будешь Черкасы , Ошаманъ Машвей Федоровъ съ шоварыщи , Государю не прамы и надъ Крымскими людьми промыслу ихъ нечаяшь съ ними за одинъ , и Афонасью , не сходясь съ Черкасы , надъ Крымскими людьми и оприче Черкасъ промыслишь , и на кошь ихъ приходишь , а за Крымскими людьми ишши къ Украинѣ ,

А будущъ вѣснѣ прѣные, что Царь Казыгирей со всѣми Крымскими людьми пошелъ на Казылбашу, а Крымскихъ людей, и Азовскихъ и Ногайскихъ людей приходу на Государевы Украйны почають, и Афонасю промышляти надъ дворы надъ Черкасы, которые нынѣ на Донцѣ, и на Осколѣ и на Семи живутъ и воруютъ Мишукъ съ поварыця, а бывалъ Путивлецъ казакъ, и ходять по Осколу и по Семи воруютъ, сшаничниковъ громяшь и грабять, и Афонасю надъ шѣми Черкасы промышляши, чтобы шѣхъ воровъ перенимати и перевѣшати, а перевѣшавъ воровъ Черкасы, быти Афонасю на Донцѣ и на Осколѣ со всѣми людьми, смотря по вѣснѣ до Государева Указу, а къ Государю описывашь о всякихъ вѣснѣхъ, и Государь по тому Указу свой учинишь. А будешь Казыгирей Царь на Казылбаше не пойдеть, а пойдуть Царевичи, и Князи и Мурзы съ Крымскими и съ Ногайскими людьми, и Афонасю надъ ними Государевымъ дѣломъ, сослався съ Черкасы, промышляши, и на перевозѣхъ перевозишесь имъ не давашь, и языковъ бѣ шѣ поры не перевозѣхъ подобыши, и съ вѣснѣю ко Государю прислаши напередъ ихъ, какъ пойдуть Крымскіе люди на Государевы Украйны, и хшо именовъ: Царевичь-ли, или Казыевъ улусъ, и самому Афонасю со всѣми людьми за ними ишши къ Украйнѣ, къ которому городу пригоже, и сшедши съ Государевыми Украинскими Воеводами на Крымскихъ людей назадъ промышляши, и о всемъ Афонасю будучи на Донцѣ Государевымъ дѣломъ промышляши по сему Государеву Наказу, какъ его

Богъ вразумишь и Государь , а о всемъ безъ вѣсти не держати , а описывати ко Государю.

Подлинный Наказъ за приписью : Дѣла Ондreja Щскалова.

№ 15. *Наказъ Царя и Великаго Князя Феодора Иоанновича Афонасью Федоровичю Зиновьеву , писанный въ 1589 году.*

Ошъ Царя и Великаго Князя Федора Ивановича всея Русии Афонасью Федоровичю Зиновьеву. Писали к намъ ис Пушिवля Воевода Василей Вельяминовъ да Иванъ Вахромеевъ , что пришедъ въ Пушивль , сказывалъ имъ козакъ Васка Тарунинъ , что стоятъ на устьи Самары шесть семь человекъ Черкасовъ , а еще иныхъ жадутъ к себѣ Черкасы , а хотяшь де ийти на Донъ и на Донецъ на Петровъ день , и Донскихъ козаковъ хошати громить. А к намъ Запорожскіе Ашаманы и Черкасы , Ашаманъ Машвей Федоровъ писалъ и шоварыщей своихъ прислали , Евсея съ шоварыщи , а хошати ийти на Донецъ для Царева приходу. И ты-бъ по Нашему Указу , собрався с людьми иель ис Пушивля на поле на Донецъ и на Осколь бережно , и ставился на станехъ уссторожливо , чтобъ шѣ Черкасы Запорожскіе , Машвей Федоровъ съ шоварыщи , которые стоятъ нынѣ на устьи Самары , на васъ не пришли и васъ не погромили. А пришедъ на Донецъ или на Осколь , въ которомъ мѣстѣ пригоже , по вѣстямъ смотря , с людьми сшаши въ крѣпкомъ мѣстѣ , гдѣ пригоже , и пошчасъ съ Федоромъ съ Киреевымъ , который поѣхалъ ошъ насъ на Донецъ

к шѣмъ Черкасомъ Запорожскимъ , къ Машвею Федорову съ поварыщи , обослався : Черкесы Машвей Федоровъ съ поварыщи на Донць естли ? И будетъ Черкасы , Машвей Федоровъ съ поварыщи не бывали еще , а шѣ Черкасы нынѣ стояшъ на устьи Самары и собираютъ съ поварыщи , и Федоръ Киреевъ съ шпаничники шель к шебѣ и с тобою былъ у нашихъ дѣлъ по Нашему Наказу . Будеть пойдуть на Наши Украйны Царь или Царевичи съ Крымскими людьми , и вы-бѣ подѣ ними Нашимъ дѣломъ промышляли и на нихъ приходили ; а про шѣхъ Черкасъ послалъ-бы еси провѣдашь на устьи Самары : шѣли Черкасы , Машвей Федоровъ съ поварыщи на устьи Самары , и какъ они пойдуть на Донецъ , и не чаялъ-ли ошъ нихъ воровства , нашихъ шпаничниковъ и сторожей и Донскихъ козаковъ не стануть ли громити ? И козакомъ Донскимъ велѣлъ съ собою быти . И будетъ шѣ Черкасы , Машвей Федоровъ съ поварыщи , собираются для нашего дѣла , какъ они писали къ намъ , и воровства ошъ нихъ ошнюдъ , нечаяшъ , и придуть на Донецъ , и похояшъ Нашимъ дѣломъ промышляшъ надѣ Царемъ , а ошъ нихъ Нашимъ шпаничникомъ и сторожемъ и Донскимъ козакомъ дурна некотораго не будетъ , а будетъ учнущъ стояши на Донць смирно , и Козаковъ Донскихъ съ Дону не учнущъ сбиваши , а учнущъ съ вами ссылашися для Нашего дѣла , что имъ съ вами вмѣстѣ и съ Донецкими козаками Нашимъ дѣломъ надѣ Крымскими людьми промышляши , какъ пойдуть Крымскіе люди . И будетъ шѣ Черкасы прями Намъ , какъ они намъ писали о службѣ своей , и Черкасы шобѣ о томъ при-

плюшь , чшобы нмъ , съ вами спедшися , Нашимъ дѣломъ надъ Крымскими людьми промышляши , и вы-бъ съ ними сослались , и Нашимъ дѣломъ сопча промышляли ; а ешюшь бы вамъ съ ними порознь и беречись , а на нихъ-бы неоплашивались бы , чшобъ надъ вами поману неучинили . А буде тѣ Черкасы , Машвей Федоровъ съ шоварыщи учнушь , пришедь на Донць , Нашихъ спаничниковъ и спорожей и севрюковъ громиши и грабиши , и Козаковъ Донскихъ учнушь съ Доица сбивати , и выбъ однолично съ шѣми Черкасы несходились , а споялибъ есте на Донць или на Осколъ въ крѣпкомъ мѣсштѣ , чшобъ на васъ тѣ Черкасы не пришли и васъ непогромили , а надъ ними сами промышляли , чшобъ ихъ самихъ погромить . А въ прибавку людей къ вамъ пош-часъ изъ Украинскихъ городовъ пришлемъ надъ шѣми воры промышляши . А изъ Рылеска къ намъ писали , что подъ Рылескъ воры Черкасы приходили на спада , и подъ Новосиль приходили на спада воры-жъ Черкасы с Оскола . И буде нынѣ до заговена Царева походу не почаяшь на Наши Украины , и вамъ бы однолично надъ шѣми воры надъ Черкасы промышляши , и шѣхъ воровъ Черкасъ переимати и перевѣшати , а къ намъ дву шрехъ лучшихъ прислаши . А будешъ и Машвей Федоровъ , Атаманы Черкасскіе съ Запорожскими придушъ на Донецъ , а почнушь съ шобою ссылашися и похотяшь Нашимъ промышляши съ шобою , и правды въ нихъ почаеть , и шыбъ к нимъ приказываеъ , чшобъ они Намъ впередъ шѣмъ правду свою показати , чшд-бъ себя очистиши , и ошъ Насъ к себѣ похотѣли Нашего жалованья . Надъ шѣми воры надъ Черкасы , кошорые

приходятъ изъ Переяславля, и подѣ Наши города
приходятъ и Нашихъ людей громашъ, и по Довцу
и по Осколу ставичниковъ и шпорожей грабашъ —
и они-бъ ихъ искаши послали, чшобъ ихъ побыши,
а Намъ ихъ служба тѣмъ прямѣ, что они тѣхъ
воровъ побыють и к Намъ пришлють

. А будетъ Царь или Царевичи пойдуть
на Наши Украйны — и онибъ съ вами по Нашему
Наказу надѣ Крымскими людьми промышляли, и о
всемъ бы еси съ Федоромъ Нашимъ дѣломъ промы-
шляли по нашему Наказу и смотря по тамошнему
дѣлу, какъ-бы Нашему дѣлу прибыльнѣе; а вамъ-
бы себя ошъ Черкасъ уберечися, и надѣ воры надѣ
Черкасскими промышлять, а насъ о всемъ безъ въ-
сти не держати. Писанъ на Москвѣ лѣта 7097,
Мая въ 11 день.

*Подлинный Наказъ за приписью: Дѣака Овдрия
Щелкалова.*

*N 16. Наказъ Царя и Великаго Князя Феодора
Юанновича Афонасью Федоровичу Зиновьеву, пи-
санной въ 1589 году.*

Ошъ Царя и Великаго Князя Федора Ивановича
всѣа Русіи Афонасью Федоровичу Зиновьеву. Писалъ
еси к Намъ чшо велѣно съ тобою по Нашему Ука-
зу ошпустиши на поле ис Пушивля дѣшей Болар-
скихъ двадцати человекъ, да бѣлодворцовъ пшшиде-
сяшъ семь человекъ, да Черкасъ сорока пшшиде че-
ловѣкъ, да изъ Рылеска пришло дѣшей Боларскихъ

двадцать человекъ, да Рылескихъ козаковъ сорокъ семь человекъ, и шѣ всѣ дѣти Боярскіе, и бѣлодворды и Черкасы на Нашу службу готовы; да во Чернигова Пешрѣ Кошкаровѣ привелъ дѣтей Боярскихъ семьдесятъ человекъ, а лошадей у нихъ только девяносто при лошади; да въ Пушивлѣ велѣно головамъ прибрать: Ивану Кирѣеву да Юрью Беззубцову охочихъ козаковъ сто два человекъ; да въ Рылеску Ивану Никонникову да Яку Вобровскому велѣно прибрать пятьдесятъ человекъ; да въ Стародубѣ велѣно прибрать Федору Щеголеву, да Якушу Лысому охочихъ козаковъ сто двадцать пять человекъ; а жалованья всѣмъ шѣмъ охочимъ козакамъ велѣно давати по два рубля человекъ, а были-бъ шѣ козакъ о дву конѣ и о дву мервнѣхъ. И въ Пушивлѣ и въ Рылескѣ головы не прибрали охочихъ козаковъ ни одного человекъ, и изъ Стародуба Федоръ Щеголевъ охочихъ козаковъ привелъ въ Пушивлѣ только пять человекъ, и жалованья имъ далъ въ Стародубѣ по два рубля человекъ; а что денегъ, за роздачею отъ козаковъ осталось, и шѣ деньги взялъ Пешрѣ Совинъ. А ашаманъ Якушъ Лысой въ Пушивлѣ не бывалъ, а изъ Стародуба велѣно ишши съ Матвеемъ Безобразовымъ сту человекомъ козакомъ о дву конѣ, а жалованья имъ послано по два рубля человекъ; а голова Матвей Безобразовъ привелъ козаковъ въ Пушивлѣ девяносто два человекъ, а лошадей у нихъ только десять клячь. Далъ Пушивлѣ Сотнику Спрѣлецкому, Ивану Мордвинову, велѣно выбрать изъ ста человекъ двадцать пять человекъ лучшихъ, да изъ пушкарей изъ заминщиковъ лучшихъ двадцать человекъ; а под-

погашн вѣлно шѣхъ стрѣльцовъ новаричанъ ихъ стрѣльцомъ, а пушкаремъ и записничкомъ своихъ двадцати человекъ вѣлно подмогашн, а были-бы стрѣльцы и пушкарн о дву меринѣхъ. И стрѣльцы, приходя къ вамъ говоряшъ, что у нихъ лошадей нѣтъ, а пушкарн и записнички у себя пищалей не сказывающъ, а Нашего Указу не слушающъ; а Стародубскіе козаки, Машвеева прибору Безобразова, лошадей у себя пошому не сказывающъ, а хотяшъ пѣши ипши на поле, и те стрѣльцы, и пушкарн и записнички и козаки Стародубскіе ворующъ, что у себя лошадей не сказывающъ. И Мы о швоемъ ошпускѣ о всемъ подлинно писали къ Машвею Проешеву, а вѣдѣли ему на Стародубскихъ козакахъ лошадей доправншъ, чтообъ съ шобою были всѣ конные, о дву конь или о дву меринѣхъ, а по шезодѣ иио-бы у дву человекъ было шри лошади; а будешъ на Стародубскихъ козакахъ недобриватьшъ вскорѣ лошадей, и Машвею вѣдѣли есмн придашъ къ прежнимъ къ дву рублямъ по рублю человеку, чтообъ за шѣмъ Наше дѣло не шгло; а что Пушнвальскіе стрѣльцы, и пушкарн и записнички у себя пищалей не сказывающъ, и Мы на нихъ на всѣхъ пищали и лошади вѣдѣли доправншъ шешчасъ; а что охочихъ козаковъ Мининскихъ Федоръ Щеголевъ прибралъ двадцать пять человекъ, а привелъ въ Пушнваль шолько пять человекъ, и будешъ которые козаки не бывали въ Пушнвалѣ, которыхъ Федоръ Щеголевъ прибралъ, и денежное жалованье имъ роздалъ, а Якушъ Лисой въ Пушнваль не бывалъ-же, и Мы Машвею Проешеву шешчасъ по нимъ вѣдѣли послашн, и шѣ деньги, что Петръ

Сокнѣ у Федора Щеголева взялъ, шшо у него за роздачею у охочихъ козаковъ ошалося, шѣ деньги велѣли есмѣ къ Машвею прислать въ Пуговиаль, и во шѣ деньги прибраши охочихъ на людей, сколько вочшо, не пошому Указу сколько велѣно прибраши, во деньгамъ смоври. А жалованья велѣли есмѣ давати по шри рубли человѣку, и былибѣ шѣ козаки о дву конѣ или о дву меринѣхъ, а по неволѣ у муш шри лошади. А Черкасомъ Федору Городскому велѣли придаши Нашего жалованья по прежшму Указу : Федору шри рубли, а шоварищамъ его шри человѣкомъ, которымъ дано Нашего жалованья по шши рублевъ, шѣмъ по два рубли человѣку, а досшалнымъ его шоварищамъ, которымъ дано по шри рубли, шѣмъ велѣли есмѣ придаши во два рубли человѣку. А Агеевымъ шоварищамъ, которые будущъ худи и лошадей у нихъ нѣшъ, и Машвею шѣмъ Черкасомъ велѣли есмѣ придаши по два рубли человѣку, шолко-бы Черкасы однолично шѣ были на конехъ или на меринѣхъ. А Якушку Лисаго велѣли есмѣ Машвею привести его къ себѣ, и распросиши про него Федора Щеголева ; и козаковъ поставя съ нимъ, и будешъ Якушъ вороваль в шль, и Мы его велѣли, бивъ, шебѣ ошдаши, и былъ-бы Якушъ съ шобою въ рядовыхъ Черкасехъ, а не въ ашаманехъ. А какъ Машвей на козакахъ Смародубскихъ лошади доправшъ, и на шпрѣльчехъ, и на пушкарехъ, и на зашницякахъ на Пушвиальскихъ лошади доправшъ, а деньги козакомъ и Черкасомъ роздасшъ, и шѣхъ всѣхъ людей шебѣ ошдасшъ, а ошдавъ шебѣ людей, велѣли есмѣ Машвею шдати къ Москвѣ; а шы-бѣ Афонасей, взявъ у Маш-

вѣя Проестева дѣшею Боярскихъ , и сирѣльцовъ , и козаковъ , и пушкарей и зашницниковъ , сколько ихъ сберетсѣя , шель на Нашу службу на Донецъ , смотря по вѣснѣмъ . Будешъ вѣснѣмъ ночаемъ Ташарь Бѣлогородцевъ и Черкасъ на Крымскіе мѣста и на посады къ Путивлю и къ Рылеску , и шы-бъ на Донецъ и на Осколь ходишь не посѣвшиль , а выждадь-бы еси подлинныхъ вѣснѣмъ въ Бѣлогородскихъ Ташарехъ , и о Черкасахъ о походѣ , шолько пойдешь недождався вѣснѣмъ прямыхъ , искати Черкасъ воровъ на Донецъ и на Осколь . А будешъ Бѣлогородскіе люди и воры Черкасы придуть безъ тебя къ Путивлю и къ Рылеску , и Нашему дѣлу шо будетъ убышокъ , а будешъ , вѣснѣмъ прямые будущъ про Бѣлогородскихъ Ташарь , и не ночаяшь будущъ ихъ приходу къ Путивлю и къ Рылеску , и шы-бъ шель на Донецъ и на Осколь съ тѣми людьми , што съ шобою будешъ , и Нашимъ дѣломъ промышляшь по нашему Наказу . А будешъ , вышедъ на полѣ , а вѣснѣмъ тебѣ объявися про Черкасъ , которые воры Черкасы почнушь гдѣ стоятъ , и шы-бъ надъ ними промышляль , чѣмъ шобѣ ишишь на Донецъ или на Осколь , и Нашего дѣла надъ ними искаль . А будешъ вѣснѣмъ у тебя , што чають приходѣ Царевъ или большихъ людей на Наши Украйны , и шы-бъ шель на Наши Украйны , на Осколь или на Донецъ , Нашимъ дѣломъ надъ ними промышляль по Нашему Наказу , усмотря по тамошнему дѣлу , какъ будешъ пригоже . А што селитры , и свинцу и сѣры послали еси въ Путивль , и шы-бъ шое селитру и свинець у Машвея Проестева взяль , и раздавалъ на пищади по фуншу человекъ , а инымъ по два , смотря

но людямъ ; а досталь , что ся за шѣмъ останеть , съ собою бы еси взялъ на запасъ ; а къ Матвеею ошомъ ошъ пасъ нисамо , и велѣно седитру и свинець ошдашь шебѣ . А какъ пойдешъ изъ Пушшуда , и на которое мѣсто , и что у шебя на полѣ вѣшей поновишя , а въ кошоромъ мѣстѣ почаеть бышь , ошомъ ошпиши съ поля немѣшкая ; а шолько на Осколь пойдешъ , и мы по шебѣ съ Ливень въ прибавку на Осколь пришлемъ людей . Писанъ на Москвѣ , лѣша 7097, Мая въ 23 день .

Подлинный Наказъ за приписью Дьяка Андрея Щелкалова .

(До слѣд. книжки).

ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ .

Въ Неаполѣ , въ церкви Santa-Maria della Pietà , находящяся надгробные памятникки многихъ Князей и Княгинь Сансеверо ; иногда и самую церковь называютъ Capella Sansevero , ибо она принадлежишь сей знаменишой фамилиі , и ею поддерживаешя .

Между многими другими памятниками въ сей церкви , особенно замѣчашельнъ памятникъ Князя Сангро Сансеверо . Эшо произведение Генуэзца Франциска Куэйроло (Queigolo) . Его называютъ иногда *Обращенный порогный* (Vicioux désabusé) . Ху-

дощникъ изобразилъ Князя Сангро въ видѣ чловѣка опушаннаго сѣшью, и старающагося разорвать ее. Геній, или Ангель, слезлъ къ нему, и помогаетъ ему освободиться.

Работа спонна неисчислимыхъ трудовъ, и ошдѣлка приводитъ въ изумленіе, ибо сѣшь, въ которой представлень опушаннымъ Князь Сангро, вся изъ мрамора, и большею часшю изъ цѣльнаго камня. Какой шщательности, какой шерпѣливости требовала сія работа! Фигура Князя Сангро во весь ростъ. Сѣшь, ее покрывающая, и шѣло спашуи ошдѣланы чрезвычайно искусно.

Говорять, что художникъ хотѣлъ предшавить памяшникомъ своимъ символъ жизни Князя Сангро, часто впадавшаго въ развратъ и прешупленія. Впослѣдствіи, Князь раскаялся во всемъ, чѣмъ ознаменована была жизнь его, оставилъ сѣшь и суешу міра, вошелъ въ одинъ изъ монашескихъ орденовъ, и ошдѣчался благочесшіемъ и добродѣтелью.

Мысль художника была хороша; исполненіе ошпроумно; работа его изумительна шерпѣніемъ и шщаніемъ, какого она шребовала. Но въ эстетическомъ ошношеніи, Кузироло можешь бышь рѣшительно осужденъ. Фигура Князя холодна, ни чего не выражаетъ; геній, или Ангель, освобождающій его, слишкомъ безчувственъ, слишкомъ занятъ своимъ вѣнцомъ, скипетромъ, и слишкомъ щеголевато принимаешь двумя пальчиками за сѣшь. Чшо за глобусъ лежитъ у ногъ его? Зачѣмъ утѣлся онъ шакъ спокойно подѣ грѣшника? Словомъ: памяшникъ Князя Сангро можешь бышь примѣромъ удк-

вишельной механической работы, а не изящнаго исполненія. Его можно сравнивать съ Архангелогородскими филигранными корзинками, а не съ произведениями Изящныхъ Искусствъ.

Взглядъ на произведеніе Куэирола штъмъ полезнѣе можешь бытъ для Русскихъ художниковъ, что недоставки сего произведенія есть именно недоставки многихъ Русскихъ вишельныхъ произведеній. Самый Маршосъ не всегда избѣгалъ ихъ. Не всѣ его произведенія дышашъ такою воззѣю, какъ памятникъ Императору Павлу и Великой Княгинѣ Александрѣ Павловнѣ, въ Павловскѣ — произведенія превосходныя! Памятникъ Ломоносову, изображеніе Ангела, держащаго лампаду предъ образомъ Богоматери (въ Грузинѣ, селѣ Графа Аракчеева), даже — осмѣлимся сказать — памятникъ Минину и Пожарскому, при всей его красотѣ и величіи, носяшъ на себѣ недоставки, или слишкомъ *Академическихкихъ* формъ (принимая сіе слово въ техническомъ смыслѣ онаго), или Куэироловой изысканности. Надобно, да и пора намъ говорить объ этомъ откровеннѣе. *Классицизмъ* страшенъ для насъ не только въ Липпературѣ, но и въ Изящныхъ Художествахъ, а возсавашъ противъ художническаго *Классицизма*, кажешся, никакъ еще не начинашъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ *Залискахъ*, издаваемыхъ ошъ Ученаго Комитета Морскаго Штѣба, помѣщены извѣстія о томъ, сколько построено было вновь въ Россіи кораблей и разныхъ судовъ, съ 1826-го по 1830-й годъ, а именно :

Въ 1827-мъ году.

Императоръ Александръ, корабль линейный, 110-ти пушечный; строенъ Полковникомъ Исаковымъ; заложенъ былъ 1826 года, Мая 8 дня; спущенъ на воду Октября 13, 1827 г.

Великій Князь Михаилъ, 74 пушечный; строенъ Полковникомъ Стоке; заложенъ Ноября 13, 1826 года; спущенъ Октября 15, 1827 года.

Императрица Александра, 84 пушечный; строенъ Капитаномъ Поповымъ; заложенъ Мая 8, 1826 г.; спущенъ Октября 19, 1827 г.

Усердіе и Охта, два 20-ти пушечные брига; строены Полковникомъ Стоке; заложены Ноября 13, 1826 г., спущены Апрѣля 30, 1827.

Марія, Александра и Ольга, три 44-хъ пушечные фрегата; строены Ген. Маіоромъ Курочкинымъ; заложены Іюня 15, 1826 года, спущены Мая 21, 1829 года.

Эрисань, *Абась-Абадь*, *Сардарь-Абадь*, *Тавризь*, чешыре 12-ши пушечныя брига, и *Мiма*, 8-ми пушечный бригъ, построены были въ Астрахани Подпоручикомъ Бурячкомъ.

Въ 1828-мъ году.

Арсисъ, 74-хъ пушечный корабль; строенъ Полковникомъ Споке; заложенъ Декабря 1, 1827 г., спущенъ Сеншября 29, 1828 года.

Эмгейтенъ, 84-хъ пушечный корабль; строенъ Полковникомъ Поповымъ; заложенъ Ноября 25, 1827 г., спущенъ Октября 29, 1828 г.

Елисавета, *Екатерина*, *Княгиня Ловица*, *Надежда*, при первые 44-хъ пушечныя, четвертый 4-хъ пушечный, фрегаты; строены Полковникомъ Поповымъ, Капишаномъ Глазыринимъ и Полковникомъ Споке; заложены въ 1827 году, Ноября 25, Декабря 5, Декабря 1; спущены въ 1828 году, Августа 18, Сеншября 10, Мая 26 и Сеншября 19-го.

Телемакъ и *Улиссъ*, 20-ши пушечныя брига; строены Полковникомъ Споке; заложены 1827 г. Декабря 1-го, спущены 1828-го, Мая 21-го.

Кацбахъ и *Кульмъ*, 74-хъ пушечныя корабли; строены Подполковникомъ Ершовымъ, въ Архангельскѣ; заложены 1827 г. Сеншября 5-го, спущены 1828 года, Мая 25-го.

Радуга, 14-ши пушечная шхуна, и *Фениксъ*, 0-ши пушечный бригъ; строены въ Кронштадтѣ Полковникомъ Зеньковымъ; заложены 1828 года, Марта 20-го и Февраля 10, спущены Августа 16, 1828 года.

Сентябрь 1831.

48

Туримангай, *Джева-булакъ*, *Арбедилъ*, 8-ми пушечные брига, построены въ Астрахани, Поручикомъ Бурячкомъ.

Кромѣ того построены, въ С. Петербургѣ: оштровская лодка, маячное судно, три парохода (*Опытъ*, *Охта* и *Нева*); въ Кронштадтѣ, 2-хъ пушечная лодка; въ Астрахани: *Кура* и *Араксъ*, пароходы.

Въ 1829-мъ году.

Георгій Побѣдоносецъ, 110-ми пушечный корабль; строенъ Полковникомъ Исаковымъ; заложенъ 1828, Декабря 5-го, спущенъ 1829, Октября 15-го.

Принцъ Оранскій, 44-хъ пушечный фрегатъ; строенъ Капитаномъ Глазыринымъ; заложенъ 1828 г., Октября 18-го, спущенъ 1829 г., Юля 13-го.

Полтава, 84-хъ пушечный корабль; строенъ Полковникомъ Поповымъ; заложенъ 1828, Декабря 5-го, спущенъ 1829, Октября 12-го.

Нева, 44-хъ пушечный фрегатъ; строенъ Капитаномъ Колодинымъ; заложенъ 1828, Октября 18, спущенъ 1829, Августа 7-го.

Бріенъ, 74-хъ пушечный корабль, *Анна*, 44-хъ пушечный фрегатъ, *Алексъ*, *Парисъ* и *Гекторъ*, 20-ми пушечные брига, *Ораніенбаумъ*, 12-ми пушечный люгеръ; всѣ строены Полковникомъ Смоке; заложены 1828, Ноября 29-го и Сентября 29-го, и 1829, Мая 11-го; спущены 1829-го, Сентября 10, Юля 19-го, Мая 18-го и 11-го.

Въ Архангельскѣ: *Льсной* и *Нарва*, 74-хъ пушечные корабли, *Двина*, 30-ми пушечный транспортъ, *Венусъ*, 44-хъ пушечный фрегатъ. Всѣ строены

Подполковникомъ Ершовымъ; заложены 1828, Августа 24-го, спущены 1829, Мая 21-го и Сентября 19-го.

На Ладейно-Польской верфи: *Стрѣла, Гонец, Вихрь* и *Молнія*, строены Подпоручикомъ Федоровымъ; заложены въ Май, спущены въ Сентябрь, 1829 года.

И шого построено и спущено на воду, въ 1827, 1828 и 1829-мъ годахъ: линейныхъ кораблей 12, фрегатовъ 11, бригаовъ 16, шхунъ 5, транспортъ 1, люгеровъ 2, канонерская лодка 1, мальное судно 1, островская лодка 1, пароходовъ 5; всего-же числомъ—55 разнаго званія судовъ.

Когда наши Русскіе корабли находились близъ Палермо, надъ на подвигъ Наваринскій, захватили ихъ жестокая буря. Матрозъ, Иванъ Ашурковъ, подбирая паруса на корабль Азовъ, упалъ въ море. На Азовъ находился тогда, въ числѣ офицеровъ, Мичманъ Александръ Домашенко. Онъ былъ отличный офицеръ, и совершилъ плаваніе кругомъ свѣта; изъ жалованья своего содержалъ онъ бѣдную мать, жившую въ Кронштадтѣ. Но — благородное сердце Домашенка вполне доказала смерть его! Не остановавъ ни минушы, и надѣясь на то, что былъ отличный пловецъ, Домашенко бросился съ корабля въ море, схватилъ погибаващаго матроза, и началъ бороться съ разъяренною стихіею, стараясь доплыть къ кораблю; немедленно спустили шлюпку, спѣшили спасти Домашенка и Ашуркова,

но — шцешно! Жестокое волненіе отбѣло нтъ далеко — они оба ушонули...

Кшо опкажешъ въ сердечной слезѣ памяти великодушнаго Домашенка? Его подвигъ былъ конченъ, и запечатаѣнъ слезами шоварищей; но Государь, узнавъ, что несчастная мать его осталась одинокою и безпомощною сиротою, приказалъ выдавать ей въ пенсію двойное жалованье сына. Офицеры корабля Азова собрали общую складчину, и положили воздвигнуть шоварищу памятникъ въ Кронштадтскомъ общественномъ саду. На одной споронѣ памятника видна корма корабля Азова, гражданскій вѣнокъ, и надпись: «*Въ память теловѣколюбиваго подвига А. Домашенка, 9 Сентября 1827 года, при берегахъ Сициліи;*» на другой споронѣ надпись: «*Офицеры корабля Азова, любезному сослуживцу, бросившемуся съ кормы корабля, для спасенія погибавшаго въ волнахъ матроза, и заллтившему жизнью за столь теловѣколюбивый поступокъ.*»

Какіе люди, какія чувства! Непобѣдимъ народъ, гдѣ есть Домашенки и Козарскіе!

С М Ъ С Ъ.

I.

Письмо изъ Рязани.

Всякое событіе, знаменующее любовь къ Отечеству, кою красятся грады и веси, цвѣтушъ Державы, и кошорая, какъ могущая сила, движущая всѣ общества, обнаруживаеиъ въ безчисленныхъ и многообразныхъ дѣйствіяхъ челоѵка-гражданина, должно быть ошмѣчаемо въ лѣтописяхъ современныхъ, ежели не въ поученіе, шо, по крайней мѣрѣ, на память потомства. Даже доброе намѣреніе, доброе желаніе спонсѣ вниманія нашего, какъ усердіе, какъ расположеніе къ пользѣ общественной. Сія черты изображаютъ народный характеръ. Наше Отечество богато шиковыми событіями: видѣли и видимъ великодушныя пожертвованія, приносимыя усердными гражданами на сооруженіе и украшеніе Храмовъ Божіихъ, на пользу просвѣщенія, на помощь бѣдному несчастливцу, сшарцу безпомощному или сиротѣ безродному. Подобныя событія, возвышающія нравственное состояніе народа должны сохраняться въ современныхъ запискахъ мѣстныхъ, за

неимѣнемъ конхъ, разумѣю, во всеобщее свидѣніе выдаваемыхъ, (хотя попечительнымъ Правительствомъ и сдѣлано распоряженіе объ изданіи Ведомостей въ губернскихъ городахъ, какія есть напримѣръ въ Остѣ-Зейскихъ провинціяхъ) шеперь намъ, жителямъ провинцій, не куда болѣе вносишь свои достопамятныя, хотя и частныя, случаи, какъ въ издаваемые въ Столицахъ Журналы и Ведомости.

Прошлаго Сентября мѣсяца 17-го дня, въ селѣ *Ходыинѣ*, отстоящемъ отъ губернскаго города Рязани въ 15-ши верстахъ, проехало истинно христіанское торжество — *освященіе Храма Божія*. Оно совершено Рязанскаго Спасскаго второкласнаго монастыря Архимандритомъ, Ректоромъ Семинаріи и Кавалеромъ, Арсеніемъ, съ прочимъ, приглашеннымъ изъ города-же Рязани, Духовенствомъ; изъ канувъ, ш. с. 16-го числа, было отправлено нѣ-же всенощное бдѣніе, а въ самый день освященія говорено поучительное слово, въ присутствіи многочисленнымъ слушателей, прибывшихъ, какъ изъ Рязани, такъ и изъ ближнихъ деревень, по предварительному приглашенію храмоздателя, который до воссорга радъ былъ сему событію, давно его занимавшему, и составившему одно изъ первыхъ и усердныхъ его желаній. По окончаніи священнаго обряда и службы, всѣ гости приглашены были къ обѣду; отличаясь богатствомъ и вкусомъ, обѣдъ еще болѣе украшался радушіемъ и привѣтливостію хозяина, всеми уважаемаго и любимаго. За столомъ пино было за здорье хозяина, соорудителя Храма и супруги его, коюрой сей день былъ днемъ

Ангела ея. Веселый праздникъ, но окончаніи спола, продолжася за полночь. — Не забудь въ сей торжественный день и народъ: и онъ участвовалъ въ радости своего господина; на открытой площади, за огово устроенными сполами, онъ былъ угощаемъ по Русской старинѣ. Однимъ словомъ, истинныя чувства веселія и радости, при участіи, или созерцаніи добраго дѣла происходящаго, были въ сей памятный день чувствами общими всѣхъ и каждого.

Понятно, какое удобство представляешь просторный, свѣтлый и шестый храмъ, какъ для ошпривленія богослуженія и разныхъ церковныхъ прѣбъ, такъ и для жишелей, куда во всякое время, по освященному Вѣроу, старинному обычаю, составляющему отличительную, высокую нравственную черту Русскаго народа, они обыкновенно шекаться, и въ счастіи и въ несчастіи прибѣгая къ одному Источнику всякаго добра, и ознаменовывая всѣ важнѣйшія событія въ жизни возношеніемъ усердныхъ молишвъ предъ престоломъ Всевышняго. — Высокая, всегдашняя потребность души, начинаясь съ первую нашею мыслию, успокоивается насъ во все теченіе жизни нашей, миритъ съ несчастіями, не рѣдко посѣщающими насъ, и какъ утѣшительна мысль, что мы за предѣлами гроба не будемъ забыты на землѣ, въ усердныхъ молитвахъ и желаніяхъ жизни блаженнѣйшей, возносимыхъ предъ престоломъ Божиимъ людьми, намъ преданными и близкими; наконецъ, храмъ есть мѣсто молишвъ за Царя-Отца и Домъ Его, за любезное Отечество, и среди славы его и въ годную покушеній. Въ этомъ отно-

шеніи, благоустроенный Храмъ есть истинное благо, есть первая потребность челоуѣка, выше и больше кошторой для него нѣтъ на землѣ.

Ходынинскій, *Преображеніа Господня Храмы*, каменный, двухъ-этажный, съ колокольною, начашъ назадъ тому нѣсколько лѣтъ прежними владѣльцами, но приведенъ къ совершенному окончанію строеніемъ, и украшенъ иконостасомъ, съ хорошею живописью, нынѣшнимъ помѣщикомъ села сего, Генераль-Маіоромъ и Кавалеромъ, *Емельяномъ Осиповичемъ Павленко*. Занимая прѣдшорвую площадь, и весьма украшая собою село, лежащее на большой Московской дорогѣ, по которой во всякое время года спремится множество и ѣдущихъ и идущихъ людей, какъ въ Столицу, такъ и на богомолье въ Радовицкій монастырь Свяшителя и Чудотворца Николая, сей Храмъ представляеть живописную картину, съ прилежащимъ къ нему съ одной стороны прекраснымъ домомъ помѣщика, а съ другой двумя, правильно идущими, рядами крестьянскихъ избъ, вновь выстроенныхъ попечительнымъ помѣщикомъ, со всеми удобствами какъ для помѣщенія крестьянъ, такъ и для приѣма проѣзжихъ и прохожихъ. Прямыя улицы, которую не во всѣхъ селахъ и деревняхъ встрѣчаемъ, доставляетъ особую удобность, и придаетъ красоту мѣсту. — Вдали, за садомъ помѣщика, виднѣется старинная, небольшая деревянная церковь, во имя Свяшителя и Чудотворца Николая, въ которой доселѣ происходила божественная служба; сія церковь не будетъ сломана, а сохранится и поддер-

жился (что также взялъ на себя храмоздатель), какъ святыня, уважаемая, и по древности, и по тому, что около ея погребены шѣла нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій, въ семь селъ жившихъ, о чемъ свидѣтельствуютъ надгробные камни, довольно древніе, но еще хорошо сохранившіеся.

1-го Окт. 1831 года.

II.

Какія шрогашельныя сцены Христіанскаго благочестія (пишутъ къ намъ изъ Тобольска) видѣли мы сего 19-го Сенсября! Еще за два дня, когда Преосвященнѣйшій нашъ Евгенийъ, по случаю своего ошѣзда ль Рязанскую Епархію, удостоилъ извѣстные дома послѣднимъ посѣщеніемъ, мы уже слышали о Христіанскихъ впечатлѣніяхъ, Архипастырскими завѣщаніями возбужденныхъ въ нѣкоторыхъ семействахъ.

Въ день ошбышія, ш. с. въ 19-е число, Архипастырь, освятивъ возобновленный его-же попеченіемъ Храмъ Софійскаго Собора, произнесъ подь конецъ Лишургія Слово, и какое Слово! *Вмалѣ и не увидите мене, паки вмалѣ и узрите мене*; въ смыслѣ послѣдняго *вмалѣ* представлялся сближенію суда Хришова надъ Пастыремъ и пашвою. У самаго Пастыря-проповѣдника многократно прерывались голосъ и рѣчь ошъ слезъ, и можно-ли было не плакать душамъ вѣрующимъ, душамъ способнымъ къ умиленію? Но когда Архипастырь спѣшилъ успокоиться внѣ Храма, проходя сквозь многое мно-

жество жець и мужинь, и въ слезахъ раздавая послѣднее благословеніе, мы были самовидцами, какъ многія изъ первыхъ рыдали, были самовидцами и не видѣли шѣхъ, у коихъ-бы глаза оспавались сухи. Вотъ какъ прекрасно вспрыскивается путь грядущаго во имя Господне!

Нужно-ли пояснять, что это за сила, которая шакъ власно дѣйствовала надъ душами, и благосчитанными и, какъ говорится, не воспитанными? Въ теченіе шести лѣтъ, мы шолько видѣли Архіепископа Евгенія въ воскресные и праздничные дни, видѣли, какъ онъ смиренно предстоитъ Престолю Господню, съ молитвою за Царя и за насъ, и какъ нерѣдко съ амвона поучалъ насъ, или изъ книги или изустно, но всегда съ сердечнымъ изліяніемъ. Не лзя сказать, чтобы многіе пользовались просвѣщенною бестдою его, хошя доступъ и былъ легокъ. Также въ зимніе вечера, когда бывало кашаешься и взглянешь на огромныя Архіерейскія палашы, видишь огонекъ шолько въ двухъ окошкахъ: ни освѣщенія вечерняго, ни роскошнаго днямъ празднества тамъ не видно. Ошъ чего-же шакая шоржественная сила можеть выражаться надъ сердцами? Ошъ шого, мы смѣемъ думать, что свѣтъ духовный есть общая стихія изнуряемыхъ забошамми или смертностію челошкоть, а жизнь чистая, прямо паспырская, и согрѣваемая любовію къ наешѣ, не есть-ли чувственное видѣніе свѣша духовнаго?

26-го Сеншября, 1831 г.

III.

Къ намъ прислано слѣдующее замѣчаніе, которое мы почли обязанностію помѣстить въ Телеграфъ:

«Въ Сѣверной Пчелѣ (№ 222) сказано, что одинъ изъ лучшихъ романовъ Купера: *The Red Rover* (*Красный Морской Разбойникъ*), переводимся съ Англійскаго языка, и въ скоромъ времени поступитъ въ печать.

«Радѣя о пользѣ бѣдной Литшерашуры нашей, а нѣкоторымъ образомъ и для пользы самого Г-на Переводчика, осмѣливаюсь передать ему Телеграфомъ замѣчаніе, кошораго, думаю, не лзя назвать лишнимъ, по той причинѣ, что въ романѣ дѣйствувешъ разбойникъ морской.

«Судя по опривкамъ, какіе были помѣщены въ Сынѣ Отечества, кажешся, можно сказать, что въ отношеніи литшерашурномъ переводъ хорошъ. Но что касается до *морскихъ, техническихъ*, словъ и выраженій, коихъ въ романѣ *The Red-rover* *изобиліе*, то почти всѣ, заключающіяся въ помянутыхъ опривкахъ перевода, исковерканы и перешолкованы самымъ несноснымъ образомъ. По этому можно полагать, что и во всемъ романѣ они переданы не болѣе вѣрно. Сего ради, мы совѣшовали-бы Г-ну Переводчику, прежде изданія шруда своего, исправить важный недоспашокъ.

«Взявшисъ за гужъ, не говори, что не дюжъ — гласитъ старинная Русская пословица.

Милмажъ Н. С.

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.

№ 18. Сентябрь 1831.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

ПО СМЕРТИ ГОСПОДИНА КОХТИНА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Смерть Г-на Кохтина.

Солнце свѣсило яркими лучами, опражалось на золотыхъ главахъ Москвы, въ хрусталѣ, кошорымъ украшены палаты богача, и въ слезѣ, кошорою бѣднякъ начиналъ день, не зная: есть-ли у него на эпошь день хлѣбъ насущный? Было прекрасное лѣшнее' ушро. Москва давно уже двигалась и шевелилась: судья вѣхалъ въ при-сущствіе; мошенникъ шелъ воровашъ; креди-шоръ знашнаго барива, въ сто-первый разъ, шелъ спросить у слугъ его: дома-ли баринъ? просишель шацился въ Приказъ, и шакъ да-лѣ, какъ водмшся всякій день — дѣла слыш-

комъ обыкновенна, о которыхъ не стоить
гордиться. Также обыкновенное дѣло, что в
эпохѣ дѣнь, Г-нъ Кохшинъ вспалъ, умылся, безъ
стыда и безъ совѣсти помоллся Богу, побри-
вилъ служанку, прогналъ нищаго, подбѣдшалъ
къ окошку, велѣлъ подать себѣ чай, и, сядъ
на диванъ за столомкомъ, хотѣлъ пить ег
Вдругъ почувствовалъ онъ, что правая рука е
не движится; потомъ спѣснило у него груди
Онъ хотѣлъ вспашъ, хотѣлъ перекреститься —
ноги у него подломилась — онъ повалился в
диванъ, глаза его выкатились, ротъ разинулся
Г-нъ Кохшинъ, падая, опрокинулъ столык
чашки, чай, столыкъ — все полетѣло; Г-н
Кохшинъ умеръ. Умеръ? Да! Дѣло очень обы-
кновенное; онъ умеръ, и приключенія его не
чинаются.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Раковый ходъ.

Мы будемъ имѣть честь познакомиться чини-
телей съ Г-нъ Кохшинымъ, и начинаемъ по-
вѣсть нашу съ неизвѣстнаго, чтобы помол-
вить интереснѣе сдѣлать завязку и развязку. Немно-
го странно покажется иному, что повѣсть и
она началась смерщью героя повѣсти. Но в
странно только сначала, а впрочемъ, прав-
дѣло преобыкновенное — *раковый ходъ*. Мы и

шимся назадъ — и полько! Чему тутъ дивиться? Развѣ не шакъ дѣлается у людей большею часпію? И развѣ самимъ вамъ, чипапель, не случалось пяпнисья такимъ образомъ къ дверямъ залы, или кабинеша какого нибудь вельможи, или богача? Развѣ Испорія не представляетъ намъ шакихъ примѣровъ: идущъ, идущъ впередъ, да и пойдущъ назадъ. И большая часть дѣлъ человѣческихъ, предпріятій людскихъ, не подражаешь-ли, либо черепахъ, либо раку? Оглянитесь кругомъ, предложите какое нибудь доброе дѣло окружающимъ васъ, и вы увѣритесь въ истинѣ нашихъ словъ. Впрочемъ, Испорія Г-на Кохпина не могла бытъ иначе начаша, пошому, что начатъ ее иначе, значило-бы учить азбукъ людей грамописныхъ. Большая часть людей живушь шакъ, что объ нихъ нечего сказашъ, кромѣ того, что *такой-то умеръ тогда-то*. Не думайте, что мы говоримъ аллегорически, что мы хотимъ означить смерпію день, въ кошорой человекъ отказывается отъ правъ человека, отъ ешь, отъ чеспи, отъ совѣспи, отъ ума. Нѣтъ! мы говоримъ о физической смерти. Отказываться можно отъ того, что имѣешь, тѣмъ обладаешь — а совѣспь, умъ, честь неужели такъ-же обыкновенны, какъ руки, ноги, головы? неужели они у всѣхъ еспь? По крайней мѣрѣ, это вопросъ, еще шребующій изслѣдованій.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Жизнь Г-на Кохшина.

По крайней мѣрѣ, у Г-на Кохшина не было ни перваго, ни другаго, ни шрепьяго. Впрочемъ, онъ обладалъ сокровищемъ, все это замѣняющимъ: у него были *деньги*, и было *много денегъ*. Следственно, онъ былъ человекъ весьма порядочный, а въ доказательство ссылаемся на многихъ, которые за то, что было у Г-на Кохшина, охотно променяютъ умъ, честь и совесть. Сказавъ, что у Г-на Кохшина было много денегъ, и что онъ умеръ — не знаемъ, что еще сказать о немъ? Если угодно, мы вспомнимъ здѣсь крапкую его некрологію.

Фока Фокичъ Кохшинъ родился въ 1770 году, Января 16 дня, онъ богатыхъ родителей. Образование свое получилъ онъ въ домѣ родительскомъ, былъ обученъ грамотѣ, писанью, чѣтанью, также класъ на счепахъ и считанью. Последнюю способность особенно старался образовать родители его, и весьма въ томъ успѣлъ. На двадцать пятомъ году, Фока Фокичъ сочетался бракомъ съ дѣвушкою, которой до сговора онъ никогда не видалъ, и за которую было на 50,000 рублей тряпокъ, камешковъ, мебели и металловъ въ дѣль, да 50,000 рублей

деньгами. Родителей лишился онъ вскорѣ по-
 шомъ; дѣшей отъ супружества не имѣлъ, нику-
 да изъ Москвы не выѣзжалъ, и все его занятіе
 состояло въ томъ, что онъ копилъ и берегъ
 деньги. Для сего рѣшился онъ отдавать ихъ въ
 проценты, смотря по заемщику, принимая отъ
 одного до двухъ проценсовъ въ мѣсяцъ, пода-
 вая векселя ко взысканію, когда не платили,
 садя въ тюрьму должника послѣ того, или по-
 лучая деньги, когда платили ихъ. Кроме того,
 Г-нъ Кохшинъ пилъ, ѣлъ, спалъ, ѣздилъ въ го-
 спм, впрочемъ рѣдко, ходилъ къ обѣдни по во-
 скресеньямъ, ссорился съ женою, похоронилъ
 ее весьма благоприсойно, когда она умерла,
 а самъ жилъ и дожилъ до 60 лѣтъ. Іюня 18,
 1830 года хотѣлъ онъ, какъ мы выше видѣли,
 начать день, какъ всегда начиналъ, но — по-
 валился на диванъ, и —

Тутъ ему дурью,
 И смерть приключилась!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Умеръ-ли онъ?

По смерти супруги своей, Г-нъ Кохшинъ
 жилъ въ своемъ домѣ съ весьма небольшимъ чи-
 сломъ домочадцевъ. Вся его семья состояла изъ
 стараго дворника, кошормъ кормилъ цѣпныхъ

собаки, оберегавшихъ домъ, мѣлъ пропихуаръ и улицу, опиравъ и запиравъ ворота, да из двухъ существъ женскаго пола, и еще одного подобія человѣческаго, называвшагося *Валькою* и которое само не могло-бы опидать опчена еслабм кшо нибудь спроситъ у него: человек ли ты? Одно изъ женскихъ существъ было уже шарое, морщиноватое, въ крѣкъ согнутое, въ снарый тешикъ одиное, и именовалось *ключницей*; другое было молодое, шолстое просповолосое, босое, и носило имя *служанки*. Ванька былъ одѣтъ въ снарый, изорванный фризовой сюртукъ, ходилъ съ вчесаной головой, въ разорванныхъ сапогахъ; кромѣ їды в пишья, онъ получалъ еще ежедневно опгъ Фоки Фокича по 20 ругашельшвъ и по 5 пощечивъ, самъ себя называлъ *Халовымъ* колѣномъ и долженъ былъ чистить плашье, мести комнаты, подавалъ Фокѣ Фокичу обѣдъ, чай, удннъ.

Ключница услышала изъ другой комнаты спукъ падающаго столика, дребезгъ разбившейся чашки, и выглянула въ двери. Увидѣвъ Г-на Кохшина лежащаго, столикъ упавшій чашку разбишую, она громко закричала: «Чашки, бапюшка, Фока Фокичъ? Чшо съ шобой кормилецъ, ошець родной!» и кинулась къ нему. Вошь горести вылетѣлъ изъ ея морщина

вашаго шѣла, когда она увидѣла, что Г-ну Кохншпу худо.

Ему въ самомъ дѣлѣ было худо: настала спирающій часъ опчеша, и опчеша передъ Судією, у кошораго нѣтъ лицепріятія! Приблизился часъ — шоржеспивенный, великій для праведника, начало расплаши за гореспни, за сущеснивованіе въ эшомъ жалкомъ, бѣдномъ мірѣ — часъ въ шоже время ужасный, ошъ кошораго судорогами гнешся кошъ, дыбомъ вснаешъ волось, и холодный пошъ покрываешъ чело грѣшника!

Ключница попробовала поднять Г-на Кохшина — ошъ былъ шажель, какъ свинець; хошѣла пошевеляшъ его — ошъ окоченѣлъ, какъ деревянный.

Слезы, кошорыя шекли изъ глазъ, воили и споны, вылешавшіе изъ груди спарухи — вдругъ прекрашались. Съ недошрчивосшью поглядѣла она на Г-на Кохшина; жадно оклинула пошомъ взоръ свой по комнашѣ, какъ будшо размашривая бюро, стоявшее въ углу, различную мебель, находившуюся въ комнашѣ, два большіе сундука, кошорые видни были въ другой комнашѣ, илючъ ошъ кладовой, лежавшій на столѣ, подлѣ спѣсны, и связку ключей, сиршанную за пазухою у Г-на Кохшина. Не знаемъ: что выражалъ голось спарухи — ра-

доспѣ-ли, снѣшанную съ недоумѣніемъ, или что другое, только вопль что произнесла старуха « Да ужь не умеръ-ли онъ ? » Косшлавая рука ея была приложена къ головѣ Г-на Кохшина — холодно; другая рука поднялась, глаза еще разъ пробѣжали по комнапѣ — рука старухи пропнулась къ связкѣ ключей — но снова недоумѣніе овладѣло старухой, и въ полголоса она спросила сама себя : « Умеръ-ли онъ ? »

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Кошкѣ слѣзки, а мышкѣ игрушки.

Мы перевернули Русскую эту пословицу, чтобы вполне выразить положеніе людей, ославшихся въ домѣ Г-на Кохшина, послѣ того, когда онъ, волею Божіею, помер. Ни съ чѣмъ лучше не лѣзя было сравнить отношенія Г-на Кохшина къ нимъ, при жизни его, какъ съ отношеніями кошки къ мышамъ. Кто не видалъ, съ какою упонченною хитроспѣю и злобовъ играешъ кошка съ мышами, послѣ того, какъ мышъ попадетъ въ ея когти ? Будущность погибла для несчастной мышкы, погибла невозвратно : она знаетъ, что ей уже не вырваться изъ когтей врага, не бѣгать на свободѣ подъ поломъ, не наслаждаться дружбою и любовью ближнихъ, не рыскавъ въ пишинѣ ночей, пу-

гая царя живошныхъ , человека , скребеньемъ , грызеньемъ , поискомъ крошекъ. Но смерть еще далека отъ нея — жестокое веселье кошки хочешь исперзать ее прежде, мяшь, вертѣшь, даже льспишь свободою, пускашь бѣжашь, допускашь даже до норки, и — снова начинашь ученія! Такъ дѣлалъ съ ближними своими Г-нъ Кохшинъ — пока былъ живъ.

Но какъ-же и радуешься мыши, когда кошь подвергнется общей участи всего живущаго на землѣ — участи, равной для царя и для пса-ря, для нищаго и для миллионщика. Игривое Русское воображеніе уже давно изобразило яркими красками мышье веселье послѣ кошачьей смерти. Вспомните, чишпашель, какъ *мышь коша хоронятъ*. Кто изъ насъ въ дѣтствѣ не восхищался эшимъ произведеніемъ Суздальскихъ аршисшовъ и лубочныхъ печашальщиковъ? Кто не разбиралъ по складамъ изящныхъ стиховъ, коими объяснено собраніе мышей: « Мыши коша погребашь, недруга своего провожашь; жилъ, былъ кошь Казанскій, хвостъ у него былъ Астраханскій, а умъ Сибирскій; сладко онъ ѣлъ, » и проч. и прочее?

Такъ радовались пеперь домохадцы Г-на Кохшина, когда удостоверились, что онъ ошправился шуда, *идѣ-же нѣсть болѣзни, петали, ни въздыханія...*

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

А! вздохъ!

« Акулина, Акулина! » громко закричала клячица, увидя въ другой компаніѣ босое, женское, полстое созданіе, о которомъ выше мы уже говорили.

— Чшо ты кричишь! сказала Акулина — какъ баринъ изволишь услышать, шакъ знаемъ чшо тебѣ буденъ. . .

« Дождидайся, дура! Смошри-ка : вопъ тебѣ баринъ. . .

— Наше холопское дѣло : смѣемъ-ли мы разсуждать, Машрена Карповна. Онъ изволишь приказывашъ говоришь шше.

« Приказывашъ! Спара пѣсня! Смошри, говорю тебѣ — вопъ онъ прошанулся!

— Какъ? Неужели онъ изволишь скончашься? Ахъ, Господи, Боже мой!

Акулина подбѣжала къ Г-ну Кохшину, оснавовилась, мола пощупала его голову, и когда увирилась, чшо Г-нъ Кохшинъ умеръ, лицо ея, избыное и замаранное, приняло видъ какой-шо дикой радости.

— А! вздохъ! — вскричала она. Голосъ ея, еслибы можно было разобрать всѣ составныя части его звуковъ, заставилъ-бы Человѣчество

покаришь. Это былъ голосъ раба, который узнаешь, что господинъ его умеръ Довольно!

« Издохъ, » сказала ключница, хладнокровно смотря на Акулину.

— И безъ христіанской кончины — воскликнула Акулина, съ видомъ сожалѣнія — безъ покаянія! . . . — Ей было только 22 года.

« Собакъ собачья и смерть! » отвѣчала ключница. — Этой было около 60 лѣтъ.

— Что? Теперь не закричишь на Акулину? Что? Теперь лежишь молча? Что не ударишь? — Акулина полкала рукою Г-на Кошкина.

Пока неопытное это созданіе бранилось на Г-на Кошкина, опытное думало совсѣмъ о другомъ. Опытъ есть мудрость, и это доказываетъ дѣлами своими каждый шарикъ, каждая шаруха.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Запасецъ.

— Что-жъ теперь намъ дѣлать? — спросила Акулина, въ недоумѣніи смотря на шаруху. — Не послали-ли за лекаремъ?

« Теперь ужъ не нужно.

— Аль за попомъ, чшоби опходную прочи-
шашь?

«Теперь ужь его не догонишь: онъ далеко
уѣхалъ.

— Аль въ Часъ дашь знать? Чшоби не при-
вязались — помнишь, какъ сосѣдъ Парамоновъ
вдругъ умеръ, шакъ его домашнихъ запаскали,
и даже его самого попросили.

«Будешъ всему время. Послушай, Акулина,
шм дѣвка добрая, и я шебѣ добра желаю. Ты
еще можешъ нажишься на свободѣ, и нарадо-
вашься жизнью, а я буду у шебя вмѣсто род-
ной мащери.

— Чшо-же, пешушка Машрена?

«А шо, чшо прежде всего надобно намъ поду-
машь, какъ-бы *запасецъ* у насъ былъ на нашъ вѣкъ.

— Какой-же, пешушка Машрена?

«А вопъ ми себѣ сперва кое-чшо пооберемъ,
поприпрячемъ, а шамъ и скажемъ о смерши ба-
рина, завоемъ, заплачемъ, заголосимъ. . . .

— Тешушка! да не грѣшно-ли будешъ? — спро-
сила Акулина въ недоумѣніи — вѣдь ми возьмемъ
чужое?

«*Чужое*, пока не спало наше. Ни у кого нѣтъ
своего. Одному принадлежало, другому перешло
— шакъ въ свѣтѣ всегда водится. Ми-же возъ-
мемъ на прокормленіе, на прожшокъ, а не для

ради богатства. Всякій спарается, чтобы у него замасецъ былъ.

— Но, куда-же намъ, петушка? Вѣдь мы холоныя — всякій узнаешъ, увидишъ. . .

« Было-бы только въ рукахъ, а по ни кому нужды не будешъ. Будшо мало нашего брата шеверъ въ господахъ, да шакъ-по себѣ живутъ, что и Генералы къ нимъ ѣздяшъ кланяться.

— А что, въ самомъ дѣлѣ!

« Да ужъ шакъ. Мы пошомъ опкупимся; ты выйдешъ за мужъ за шого, кого любишъ, и будешъ бариней. . .

Акулина засмѣялась дикимъ смѣхомъ. « Да мнѣ шожѣ надобно себѣ, на спаросши лѣшъ, хомъ въ саванъ припасши, да чѣмъ-бы душу помянушь. Много-ли мнѣ надобно — шебѣ-же останется. . .

— Ахъ, ты, моя родная петушка!» вскричала Акулина, цѣлуя руки ключницы. — Вопъ вѣдь правда говорися, что слушаи бывалаго, да сараго, шакъ на умъ насшавишъ.

« Ну, поди-же ты сперва спрячь вопъ эпомъ полущшомъ съ виномъ (ключница вынула полущшомъ съ насшойкою Аспраханскаго перцу, шѣтъ закомился бывало Г-нъ Кошпинъ), гдѣ шбудъ въ кухнѣ; да шакъ спрячь, шобомъ Машка дворникъ видѣлъ. Онъ шощасъ его вы-

шацишь, думая, что это краденое, выпьетъ
опьянешь, и намъ иѣнать не будетъ. А ты
запри ворота, и черезъ садъ сбѣгай къ сосѣдѣ
Филипу Ареевичу — вѣдь я знаю, что ты и
него заглядывалась. . . »

Акулина покраснѣла и пошупила глаза.

« Да это не мое дѣло! » сказала Матрена
Карповна улыбаясь — « зови его скорѣе ко мнѣ
и проводи черезъ садъ. »

— Тешушка! А Ванька нашъ что-же будетъ
дѣлать? Вѣдь онъ увидишь?

« О! не бойся! Онъ ужъ вѣрно гдѣ нибудь
въ углу сидишь и спишь. Вѣдь его только ба-
скія пощечины ошъ сна пробуждали! »

О *запасецъ!* Не ты-ли вернишь народами
Не ты-ли губишь добродѣтель и честность
Проклятый *запасецъ!*

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

И онъ предсталъ!

Да, онъ предсталъ, гошовой на всѣ предле-
женія Матрены Карповны — онъ, разумеется
не бѣсъ, котораго шакъ хорошо изобразилъ
Супей и, со словъ его, нашъ Жуковский-пре-
сталъ Филиппъ Ареевичъ.

Почтенная эта особа былъ соседъ Г-на Кохшина, оиешавной подканцелярствъ, выгнанный — возвратитъ-ли этому чинапели? — выгнанный изъ Палати за дурное поведеніе. Спало бытъ; Филитъ Ареевичъ былъ молодець. Онъ писалъ Г-ну Кохшину прошенія о взисканіи по рекселямъ, и бралъ съ него по четвертаку и полтиннику за свою работу.

Машрена Карповна отвела его въ спорону, поговорила съ нимъ — началось загошовленіе *завсѣгда*.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Да можно умерь-ли онъ?

Ванька, подавъ самоваръ, и лѣнливо поперевъ сапогомъ сапоги Г-на Кохшина, сѣлъ въ уголъ, въ передней, ждалъ приказовъ, то есть, ругательства и пощечины барскихъ, и заснулъ сполна. Какой вздоръ говорятъ, что сонъ есть двигательство числою, безупречной совѣсти! После этого цѣлый почти міръ долженъ-бы страдать бессонницею, а посмотрите — какъ легко спитъ люди! Есть много подобныхъ, душихъ повѣрій, кошоры издавна зашвердѣли въ людяхъ. Говорятъ, напримѣръ, что *гласъ Божій*: ссылаюсь на всякаго, кто

хоть скольконибудь имѣлъ дѣло съ народомъ: не суцій-ли это вздоръ? Такъ, намъ много говорили, что сонъ есть свидѣтельство чистоты душевной, а бессонница наказаніе злодѣевъ. Послѣ этого, кучера должны были самые безпорочные люди, потому, что свидѣтельство чистой совѣсти ихъ можно видѣть у каждаго воровъ, гдѣ сидятъ они на козлахъ дрожекъ, каренъ и колясокъ, и спятъ, какъ убитые.

Большеръ завидовалъ собакамъ, что онѣ могутъ спать безъ подушекъ; Ванька имѣлъ это драгоценное свойство: онъ спалъ на голой доскѣ лавокъ, устроенныхъ въ передней, и, по обыкновенію Русскому, измаранныхъ и испачканныхъ. Не знаю, какое спрашное свидѣніе прервало на этотъ разъ сонъ его. Онъ вскочилъ, прошеръ глаза, почесалъ голову, и подумалъ — да, подумалъ — чему вы смѣетесь читатели? Право я не могу прибравъ выраженія приличіе. Надобно-бы различать ошпѣнки разныхъ дѣйствій человѣческихъ, но мы еще до этого не достигли. И о Декартѣ, размышлявшемъ о строеніи міра, и о Кантѣ, разбиравшемъ природу чловѣка, и о подъячѣ, ищущемъ прошеніе, и о кухаркѣ, гошовойей пирога, мы говоримъ: *онъ думалъ, она думала*. Такимъ образомъ и Ванька подумалъ — но мысль, или дума его не улетала за облака — онъ по-

думалъ: чтожь это? Неужели баринъ еще спитъ, до сихъ поръ?

Онъ вошелъ въ гостиную, увидѣлъ Г-на Кохшина лежащаго на диванѣ, сполникъ опрокинутый, чай пролитый по полу, чашку разбитую. Что Г-нъ Кохшинъ умеръ, Ванькѣ не пришло этого въ голову, а что сполникъ надобно поднять, черепки подобрать — объ этомъ яркая мысль блеснула въ головѣ его. Когда онъ принялся за дѣло, то съ изумленіемъ увидѣлъ многое.

Ключница, Акулина, Филиппъ Ареѣвичъ бѣжали изъ угла въ уголъ, изъ комнашы въ комнашу; шкафы, сундуки были раскрыты; платье, бѣлье, вещи, съѣстные припасы разбросаны; въ углу лежали узлы, наскоро навязанные, съ шубами, плащемъ, и проч. и проч.

«Матрена Карповна! Что это вы дѣлаете?» спросилъ Ванька.

— Молчи! — отвѣчала старуха, вышаскивая изъ подъ софы большой сундукъ.

«А баринъ-то что это лежитъ?» сказалъ Ванька.

— Онъ умеръ! — отвѣчала Акулина, мимоходомъ, таща погребецъ съ серебрянымъ сервизомъ, бывший въ закладѣ у Г-на Кохшина.

Ванька замолчалъ, почесываясь смозрѣлъ все, слезы навернулись у него на глазахъ. — Что отъ чего? Право не знаю, а вѣроятно, съ глазами.

— До сихъ поръ, Машрена Карповна — съ залъ тогда Филиппъ Арсѣевичъ — мы занимаемъ постороннимъ, но забывали главное. Надо бы прежде всего посмозрѣть въ конторкѣ — наличное можно-бы... да если есть и лишніе докуменсы...

«Ахши, башюшка! Ну вѣдь изъ ума вошь. — Вотъ я достану ключи.

Она бросилась къ Г-ну Кохшину, и, безъ дальнихъ церемоній, ухватила за связку ключей, дежавшую у него за пазухою. Когда эта душа спала разлучалась съ тѣломъ — повѣрше-ли, чипашели? — судорожное движеніе потрясло Г-на Кохшина, какъ нервы мертвой лягушки содрагаются и шевелятся отъ прикосновенія гальванического проводника.

Что, чипашели, если въ это время Г-нъ Кохшинъ былъ еще живъ, если онъ не слышалъ то, по крайней мѣрѣ, понималъ, гусь, что дѣлалось, что говорили вокругъ него, это могло показаться ему, что ждемъ адъ!

(Будетъ продолженіе).

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

1831. № 19. **ОКТАВРЬ.**

- I. Мысли Шатобриана объ Исторіи и Историкахъ (*оконтаніе*)..... 277
- II. Поль Луи Курье (Извѣстіе о немъ, письма его: въ Спрасбургъ и къ Членамъ Академіи Надписей и Словесности)..... 316
- III. О древней повѣи Арабовъ, до Мугаммеда (*Моаллаки и Гамаза Арабскія*).—Сочиненіе Барона Экшпейна..... 349
- IV. Современная библіографія.
- Русскія книги 1831 года. (А. Таера, *Основанія Сельскаго Хозяйства. Ч. II—Роспись произведеній Промышленности, выставленныхъ въ залахъ Кремлевскаго дворца—Часы свободы въ молодости*, Ф. Львова—*Описаніе Введенской пустыни*, сост. Н. Самойловымъ—*Гребенскій Казакъ*, повѣсть А. Шидловскаго—*Нетай*. Повѣсть, соч. Г. Котиненія, переводы и подражанія К. Масальскаго—*Шельменко*, комедія—*Донъ Кихотъ Ламанжскій*, соч. Сервантеса, пер. С. Дешаплетта)..... 377
- V. Отчетъ по управленію народнымъ просвѣщеніемъ во Франціи (*продолженіе*)..... 394

Въ Конторѣ Московскаго Телеграфа, состоящей у Тверскихъ воротъ, напротивъ Спаснаго монастыря, въ домѣ Г-на Римскаго-Корсакова, подъ № 2 мѣ, принимается подписка,

НА ПОВРЕМЕННЫЯ ИЗДАНИЯ:

СѢВЕРНАЯ ПЧЕЛА, ежедневная газета, издаваемая въ Спб. Н. И. Гречемъ и Ф. В. Булгаринымъ, на 1832-й годъ; цѣна въ Москвѣ и другихъ городахъ 50 р. асс.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА и **СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ**, издаваемый въ Спб. Н. И. Гречемъ и Ф. В. Булгаринымъ, на 1832-й годъ, 52 книжки; цѣна въ Москвѣ и другихъ городахъ 45 рубл. асс.

Въ Спб. подписка принимается на сіи два изданія исключительно въ Конторѣ Типографіи Ст. Сов. Греча, состоящей на Мойкѣ, между Синимъ и Поцѣлуевымъ мостами, близъ чугуннаго Почтамтскаго мостика, въ домѣ Барона Аша, подъ № 176-мѣ.

Иногородные благоволятъ адресоваться не къ книгопродавцамъ, а прямо въ вышеупомянутыя Конторы, или въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта. Только въ семъ случаѣ могутъ быть увѣрены въ исправномъ доставленіи сихъ изданій.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ на 1832 годъ.

Седьмой годъ протекаетъ отъ начала изданія Телеграфа. Донынѣ былъ онъ удостоенъ публикою постоянного вниманія, и отзывомъ, самыхъ лестныхъ. Надежда, что при стараніи и опытности буду имѣти возможность оправдать ихъ и въ слѣдующемъ году, заставляеть меня продолжать Телеграфъ и на 1832-й годъ.

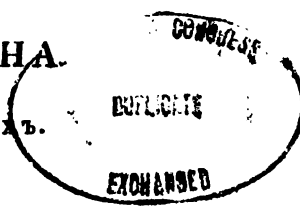
Планъ Телеграфа остается прежній, какой былъ нынѣшнемъ 1831 году, съ небольшимъ измѣненіемъ. Статьи, касательно теоріи и практическаго искусства; вообще статьи изъ новыхъ и особенно важныхъ и замѣчательныхъ, сочиненій и иностранныхъ или не напечатанныхъ Русскихъ; Стихотворенія, повѣсти, сказки, отрывки изъ романовъ, и всѣ роды сочиненій, относящихся къ изящной словесности; Критическіе разборы важнѣйшихъ иностранныхъ книгъ Русскихъ и иностранныхъ; Библиографическія извѣстія о всѣхъ замѣчательныхъ явленіяхъ Русской Литтературы.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

МЫСЛИ ШАТОБРИАНА

О ВЪ ИСТОРИИ И ИСТОРИКАХЪ.

(Окончаніе).

Французскіе авторы, писавшіе Исторію послѣ Революціи. Записки, переводы, изданія. Театръ. Романъ Историческій. Поэзія. Писатели, основавшіе нашу Новую Историческую Школу.

Разсмотрѣвъ основанія Новой Исторической Школы, и системы ея во Франціи, Германіи, Англіи, Испаніи, перехожу къ разбору Историковъ сей Школы у насъ.

Французскіе писатели, занимавшіеся Исторіею послѣ Революціи, шли двумя противоположными. Одни оспаривали вѣрныя преданія старой Школы; другіе прислали къ новой Школѣ, Описательной и Фантасматической.

Г-нъ Вильментъ, по здравому вкусу въ слогѣ принадлежащій къ Старой Школѣ, а по идеямъ

Октябрь 1831.

къ Новой, подарилъ насъ полною Исторією Кромвеля. Скрывши себя, онъ заставилъ говорить событія, и умѣлъ съ большимъ искусствомъ поставивъ ихъ свободно, и самымъ выгоднымъ образомъ для величайшаго дѣйствія. Г-нъ Вилльменъ занимается теперь предметомъ, безмѣрно любопытнымъ. Я былъ сполноко счастливъ, что слышалъ чтеніе опривковъ изъ жизни Григорія VII-го: судя по нимъ, можно надѣяться, что публика увидишь одно изъ лучшихъ Историческихъ сочиненій, какихъ давно уже не являлось. Впрочемъ, я такъ часто упоминаю въ своихъ *Изугненіяхъ* о трудахъ Г-на Вилльмена, что, не желая повпорянь самого себя, прекращаю здѣсь похвалы, которыя всрѣщашся въ другомъ мѣстѣ.

Г-нъ Дону принадлежалъ къ той духовной конгрегаціи, изъ коей вышли Лекозны и Лелонги онъ и не измѣнилъ своему ученому происхожденію. Это одинъ изъ ученѣйшихъ продолжателей Литтературной Исторіи Франціи. Изъ различныхъ спашей его есть чему научиться. Надобно беречься только того, что говорить онъ о духовныхъ власнншеляхъ, судя о Папахъ десятиаго столѣтія по идеямъ осмнадцатаго. Г-нъ Дону, кажется, не слишкомъ благоволишь къ Новой Школѣ.

Г-нъ Сень-Маршенъ, также слѣдующій спа

рою шпрою, пролилъ живой свѣтъ на Исторію Персовъ своимъ знаніемъ Армянскаго языка.

Есть нѣчто геніяльное въ *Теоріи Гражданской и Религіозной Власти*, Г-на Бональда; но съ грустью признаешь, что идеи этой теоріи уже далеки отъ насъ. Какъ быстро увлекаешь насъ время! Сочиненіе Г-на Бональда подобно пирамидамъ, эшимъ дворцамъ смерши, копорые служатъ плывущему по Нилу только къ тому, чтобы измѣрять разстояніе, проплытое имъ по волнамъ.

Не знаю куда причислишь Г-на Дюлора: онъ былъ извѣстенъ и прежде, и въ продолженіе Революціи, и послѣ. Его *Описанія рѣдкостей и окрестностей Парижа*, его *Историческія странности*, его *Критическая Исторія Дворянства*, наполнены любопытными событіями. Но это сашира Историческая, не Исторія: можно всегда показать изнанку обществу. Изъ сочиненій Г-на Дюлора надобно прочесть: *Дополненіе къ преступленіямъ прежняго Правительственнаго Комитета*, напечатанное въ 1795-мъ году.

Мальшебрѣнъ, съ великою пронцапельностью и большою ученостью коснулся нѣкошорыхъ происхожденій варваровъ, въ своей Географіи.

Трудъ Г-на Монлозье о Феодализмѣ напол-

негь идеями новыми , выраженными слогомъ независимымъ , кошорій опшывается своими Средними Вѣками. Если-бы спаринные владѣльци замковъ умѣли выводипь перомъ что нибудь , кромѣ крыжей , то они писали-бы шакъ ; только не шакъ далеко видѣли-бы они.

Г-нъ Лакретелль начерталъ Исторію нашего времени разсудительно , ясно , сильно. Онъ благородно взялъ сторону добродѣтели и вооружился прошивъ преступленія. Онъ ненавидипь въ Революціи все пресшупное. Онъ самъ , дѣйствовашель въ революціонныхъ явленіяхъ , шель въ ульцахъ Парижскихъ прошивъ кармечнаго огня власти , счастливой болѣе , нежели окончившася недавно. Въ наше время встрѣчается много людей , кошорые умѣюпъ очень хорошо написать десяшковъ цѣль страницъ , и даже помъ (только не очень толстпій) ; но за то , какъ мало людей , кошорые способны создать и расположишь пространное сочиненіе , обилье шешему , и поддержашь ее съ искусствомъ и занимательностью въ продолженіе многихъ томовъ ! Это шребуешь силы въ сужденіи , продолжипельностью въ работѣ , обилья слова , способности прилежанія ; а все это умалелся въ наше время. Брошюрка и журнальная статья сдѣлались , кажешся , мѣроу и границею нашего ума.

Сочиненіе Лемоншея о Людовикѣ XIV-мъ представляетъ царствованіе этого Государя совершенно въ новомъ свѣтѣ. Думаю однакожь, что я сдѣлалъ замѣчаніе необходимое для этого сочиненія, говоря о царствованіи Великаго Короля.

Мазюръ оставилъ намъ Исторію, написанную небрежно; но она переимѣнила во многихъ отношеніяхъ то, что мы знали о Іаковѣ II-мъ, и о роли, какую игралъ Людовикъ XIV-й въ бѣдствіи Англійскаго Государя. Мазюру не отдали должной справедливости. Черпая изъ его шруда свѣдѣнія, которыхъ имѣемъ только и есмь, а между тѣмъ скрываютъ испочинку, или молчатъ о немъ.

Женщина, не имѣющая соперницы, показала въ своихъ *Размышленіяхъ о главнѣйшихъ событіяхъ Французской Революціи*, что могла-бы она сдѣлать, если-бы обратила свой умъ на Исторію. *Размышленія* носятъ на себѣ печать живаго чувствва славы и свободы. Говоря объ униженіи Средняго Селовія во время прежней Монархіи, сочинительница показываетъ намъ оное въ минути открытія засѣданій Чиновъ, и восклицаетъ съ Корнелемъ: «Тогда возшаемъ мы!» Не знаю цыпапа, болѣе краснорѣчиваго! Но Г-жа Спаль гнушается пиранами, и ушѣснишель свободы, какъ-бы не былъ онъ великъ, не находишь въ ней никакого сочувствія.

Надобно прочесть въ ея *Размышленіяхъ* разсказъ о Мирабо, «народномъ прибувѣ по расчету, аристократѣ по склонности, копорый говоря о Колиннѣ, прибавилъ: *А онъ, за-мѣтимъ въ скобкахъ, былъ мнѣ родня; такъ искалъ онъ случая напоминать о своемъ родо-вомъ дворянствѣ! После смерти моей, гово-рилъ онъ еще, заговорщики раздѣляютъ между собою лоскутъ Монархїи.*» Г-жа Спаль оканчиваетъ свои завидные рассказы о Мирабо слѣдующимъ образомъ: «Упрекаю себя за то, что сожалѣла о характерѣ, мало достойномъ уваженія; но подобный умъ такая рѣдкость, и, къ несчастію, такъ вѣроятно не увидать во всю свою жизнь ничего похожаго на него, что не лѣзя не вздохнуть, когда смерть за-крываетъ свои мѣдьяныя ворота за человѣкомъ, еще не давно споль краснорѣчивымъ, споль одушевленнымъ и наконецъ споль полнымъ жизнью.»

Сїи размышленія, съ перемѣною въ нихъ первыхъ словъ, примѣняются къ самой Г-жѣ Спаль, и отъ того они еще гореспнѣе. Никогда не будушь упрекать себя за то, что сожалѣли о характерѣ сей знаменитой женщины. Ничто не могло быть прекраснѣе этого характера! Благородная независимость Г-жи Спаль навлекла на нее изгнаніе и преслѣдованія, ускорившія смерть ея. Бонапарте узналъ,

и Бонапарте долженъ-бы былъ знать, что геній есть единственнй царь, котораго не лзя приковать къ порожественной колесницѣ.

Не могу отказать себѣ, такъ сказать, въ окончательномъ свидѣтельствѣ о высокомъ дарованіи Г-жи Спаль, и переписываю слѣдующія спроки, изображающія бѣдственнй конецъ Робеспьера: «Человѣкъ, болѣе нежели цѣлый годъ «подписывавшій неслыханное множество смерп- «ныхъ приговоровъ, лежалъ, окровавленный, «на шомъ самомъ шолѣ, на которомъ ушвер- «ждалъ онъ своимъ именемъ пагубныя свои осу- «ждения. Челюсть его была раздроблена писто- «летнымъ выстрѣломъ: онъ даже не могъ го- «ворить для своей защиты, онъ, которнй шоль- «ко говаривалъ осуждая другихъ!»

Не лзя довольно жалѣть о преждевременной кончинѣ Г-жи Спаль! Ея дарованіе возрасшало, слогъ очищался; по мѣрѣ шого какъ юность менѣе шагивала надъ ея жизнью, мысль ея освободалась отъ своей оболочки и принимала въ себя болѣе безсмертнаго.

Подъ скромнымъ заглавіемъ: *О Коронованіи Королей Французскихъ и отношеніяхъ сей церемоніи къ уставу Государственному и разлитнымъ временамъ Монархін*, Г-нъ Клозель де Куссергъ написалъ шомъ, которнй не будетъ за-

бытъ. Кшо любить ясность, и события, хорошо распределенныя, безъ требованій и безъ пустословія, шопъ найдешъ въ эшомъ шомъ, чымъ удовольствовашъ себя.

Въ тѣсной рамѣ брошюрки, названной: *Мнѣнія и Пользы*, Г-нъ Фьеве заключилъ много новыхъ идей и превосходныхъ сужденій о нашей Исторіи.

Я говорилъ въ другомъ мѣстѣ объ *Исторіи Крестовыхъ Походовъ*: здѣсь скажу только, что переводы и извлечения изъ Восточныхъ и Западныхъ летописцевъ Крестовыхъ походовъ, при совокупленне къ новымъ изданіямъ сей книги въ видѣ доказательствъ, соснавляютъ сборникъ, весьма достойный вниманія. Г-нъ Мишо посвятилъ себя своей Исторіи. Последнимъ Крестоносцемъ пошелъ онъ къ той гробницѣ, подлѣ которой я думалъ навсегда положить свой спранныческій посохъ.

Исторія Польши, прежде и во время Короля Иоанна Собіескаго, важное, хорошо написанное сочиненіе Г-на Сальванди. «Грозная рука Собіескаго — говоритъ Историкъ — положила предѣлъ, котораго не должно было перейти господство Османлисовъ. Передъ его побѣдами сокрушилось бшенство сего послѣдняго вшествія варваровъ, дошелъ неукротимаго и спра-

«шнаго: послѣ, волны онаго уже только сбыва-
 «ли..... Все дни этого война и Государя
 «проходили въ непрерывномъ пожертвованіи сво-
 «ими склонностями, привязанностями, счастьемъ,
 «жизнію — для блага Польши. Казалось, онъ
 «одинъ былъ неупоминимымъ борцомъ, который
 «защищалъ ее; усилія его сохранили законы и
 «границы Польши почти чудесны. Эпа спрасилъ
 «господствовала всѣми днями жизни его. Онъ
 «смогъ укротить враговъ, которые пѣснили
 «Республику Ягеллоновъ, и со всѣхъ споронъ
 «наступали на нее; онъ побѣдилъ ихъ легче,
 «нежели враговъ внутреннихъ. Наконецъ онъ
 «скончался, и съ паденіемъ сей могуществен-
 «ной опоры, Польша, нѣкопорымъ образомъ,
 «также спутила въ могилу. При наследникахъ
 «Юанна III-го она уже только умирала.»

Такой благородный слогъ поддерживается въ
 цѣломъ сочиненіи. Авторъ не пропустилъ безъ
 замѣчанія, какой вѣсь имѣла Франція семнадца-
 тшаго столѣнія во всѣхъ дѣлахъ Европы. Тогда,
 какъ будто должно было всѣмъ великимъ людямъ
 приходиться опъ Двора Великаго Короля: и Со-
 біескій служилъ мушкеперомъ въ Дворцовой
 сипражъ Людовика XIV-го. *Исторія безнаталіа*
съ Польшы, сочиненіе Рюльера, составляетъ,
 можно сказать, продолженіе Исторіи, сочинен-
 ной Г-мъ Сальванди. Къ этимъ двумъ памятни-

камъ не надобно прибавлять ни придачи Г-на Феррана, ни другой, копорю Г-нъ Дону замѣнилъ трудъ Г-на Феррана. Къ нимъ должно приложитъ любопытныя и замѣчательныя брошюры Аббата Прадпа.

Исторія Французовъ разлитныхъ сословій, Г-на Моншейля, показываеитъ, что авторъ ея дѣлалъ много изысканій. Онъ и Г-нъ Капфигъ принадлежатъ къ небольшому числу нѣхъ молодыхъ писателей нашего времени, которые пишутъ, сначала чипавши: они были-бы достойными учениками Школы Бенедиктиновъ. Но современный вкусъ и пагубный примѣръ Аббата Бартелема сбили съ пути Г-на Моншейля: романическая форма, въ копорюю онъ облекъ свои свѣдѣнія, вредяитъ имъ, и надобно проситъ Автора, вмемъ собственннй его учености и неоспоримого его достоинства, откинуть эту форму въ будущиъ изданіяхъ его сочиненія.

Успѣхъ *Исторіи похода въ Россію* служяитъ доказательствомъ, что можно увлечь чипашеля, не облакаясь ни въ какую систему. Оживленные рассказы, блестящій колоритъ, явленія, выводимыя во всемъ ихъ движеніи и во всей полнотѣ жизни; вопъ что принадлежатъ всѣмъ Школамъ, и что дастъ долгую жизнь сочиненію Г-на Сегюра.

Не лзя преидти молчаніемъ *Жизней Француз*

скимъ полководцевъ Среднихъ Вѣковъ; сочиненія Г-на Мазаса. Авшоръ хошѣлъ разсказывать одну дѣйствительную истину: онъ посѣщалъ мѣста, гдѣ блисали воители, коихъ подвиги онъ живописуетъ; въ пустыняхъ моей бѣдной ошчизны искалъ онъ слѣдовъ Дюгеслена. Помню, что я началъ свое ученье въ ничтожной школѣ ничтожнаго городка, гдѣ покоилось сердце добраго Коннепабля; я учился немного по-Латини, по-Гречески, по-Еврейски, подлѣ этого сердца, говорившаго всегда по-Французски: и мое не забыло этого языка. Г-нъ Мазасъ думаетъ, что онъ ошскалъ мѣсто, гдѣ Эдуардъ III-й; въ Бланкъ-Такъ персвелъ черезъ Сомму. Желалъ-бы я, чтобы онъ упомянулъ, можно-ли и нынѣ переходить этотъ бродъ, или уже онъ истезъ въ морѣ, напрошивъ Крошуа, какъ вообще полагають.

Нѣтъ сомнѣнія, что я, къ великому своему неудовольствію, забываю многихъ писателей, кошорые достойны упоминанія; но границы предисловія не допускають меня распространяться. Публика сама подскажетъ имена, ускользящія ошъ моей памяти, и ошъ справедливости, которую желалъ-бы я ошдать имъ.

Мы живемъ въ такое время, когда необходимо должно было явиться много матеріаловъ для *Записокъ*. Нѣтъ человека, кошорый хошъ

на двадцать четыре часа не сдѣлался-бы дѣспвующимъ лицомъ и не почиалъ-бы обязанностью дасть отчетъ міру о своемъ вліяніи на дѣла вселенной. Всякій, кто перескакивалъ изъ комнаты придверника въ переднюю, кто вшрался изъ передней въ гостиную, кто пролазвалъ изъ гостиной въ кабинетъ Минисшерскій, всѣ, кто подслушивалъ у дверей, рассказывающъ, какъ они проглотили оскорбленіе, отъ котораго ожидали другихъ послѣдствій. Свипша удивляющаяся, нищіе въ золотѣ, добродѣтельныя измѣны, равенство съ нашивками, орденами и лакейскими ошлечіями, свобода, привязанная къ шнурку, вмѣсто колокольчикъ, готовы блеснуть своимъ прѣмодушіемъ, честью, независимостью. Одинъ считаешь обязанностью рассказать, какъ, еще проникнувшій послѣдними знаками довѣренности своего власнителя, еще согрѣшій его объявленіи, онъ клялся повиноваться другому власнителю, и даетъ вамъ выразумѣшь, что онъ измѣнилъ, для того что-бы измѣнить сильнѣе; другой пояснитъ вамъ, какъ онъ одобрялъ вслухъ то, что проклиналъ шпшкомъ, или какъ онъ ешарался обрушить все въ развалины, а самъ не имѣлъ смѣлости погребшисъ подъ ними. Къ эшимъ Запискамъ, ешоль печально испиннымъ, присовокупающиса Записки, еще болѣе печально ложныя. Эшо фабрика, гдѣ жизнь человека продающъ аршиномъ,

гдѣ поденьщикъ , за умѣренный обѣдъ , кидаетъ грязью въ лицо извѣстное, преданное его голоду.

Можно однако упѣшиться , находя , среди эшого хаоса низосши и подлосши , нѣкоторыя сочиненія добросовѣстныхъ , коихъ авшоры старающіеся искренно высказатъ , что они видѣли и испытали. Труды шакихъ апоровъ должны бытъ почитаемы драгоцѣнными Историческими свидѣніями. Г-да Ласказесъ и Гурго заслуживаютъ довѣріе , когда они говорятъ о плѣнникѣ на оспровѣ Святыя Елены.

Г-нъ Каррель издалъ не одну *Исторію контр-революціи въ Англіи* , при Карлѣ II-мъ и Іаковѣ II-мъ , Исторію написанную съ тою мужеспивенною простотою , которая нравится прежде всего. Онъ , разсматривая разныя сочиненія объ Испаніи , самъ составилъ о ней извѣстіе безподобное. Тамъ видимъ ны приемы рѣшиительныя , походку швердую , и что-то свободное , смѣлое въ слогѣ ; видимъ замѣтки , писанныя при свѣшѣ бивачнаго огня и звѣздъ непріязненнаго неба , въ промежутки бывшы вечерней , и шой , которая маченся при ушренной зарѣ. « *Повѣствованіе испытаннаго воина* , говорятъ Каспаръ де Таванъ , *отлично отъ сказокъ того , кто никогда не обрызгалъ рукъ кровью гордыхъ непріятелей , на укрѣпленныхъ долмахъ.* » Въ Г-нъ Каррельъ видишь мнѣніе утвержденныхъ ,

которое не мѣшаетъ ему понимать мнѣніе чуждое, и бытъ справедливымъ ко всѣмъ. Если и простой, неграмотный солдатъ, не умѣющій опредѣлять своихъ мыслей, занимается, когда онъ рассказываетъ о своихъ приключенияхъ и поощренныхъ его сподрами земляхъ, по челоуѣкъ воспитанный, досшойный, произвольно сдѣлавшійся солдатомъ, въ зацщпу дѣла, къ которому привязана душа его, умѣетъ иначе передать свои чувства внимающимъ ему. Вообразите Француза, блуждающаго по горамъ Испаніи: у нѣхъ паспуховъ, которыхъ свободу онъ думаетъ защищать, проситъ онъ госпепріимства военнаго; въ эпоху коропкостп, среди приключеній и опасностей, онъ узнаетъ тайну нравовъ, онъ изобразитъ вамъ общество, какъ ни одинъ изъ Историковъ не могъ-бы изобразить его. Я самъ проѣзжалъ черезъ Испанію и видѣлъ эсихъ Арабовъ-Христіанъ, для которыхъ не существуетъ полипическая свобода, потому что каждый изъ нихъ наслаждается лично независимостью. Вновь увидѣлъ я эптошъ народъ шолько въ повѣспивованіи Г-на Карреля.

Сочинитель быстро обрисовываетъ картину войны Капалонской, въ 1823-мъ году. Онъ изображаетъ смѣлоспъ Мины и горный походъ эптого искуснаго военачальника. Всѣ мы, разсѣянные грозами нашего отечесства, всѣ мы, во-

сившіе суму и ружье въ зацщипу собспвеннаго своего мнѣнія за чуждое дѣло , умиляемся какъ солданы и сочувствуемъ бѣдсшвію, внимаая превосходному разсказу, гдѣ Исторія кажешся нашею собспвенною.

« Спраспи, возжетшія войну въ Испанія, « говоримъ Г-нъ Каррель, шеперь довольно ус- « покоились : не лзя надѣяться ввущипшъ сколь- « ко нибудь учаспія, указавъ на горы Капалоніи, « гдѣ, въ прежнемъ мундирѣ Французскомъ, сол- « даны всѣхъ народовъ, сблизенные силою од- « ного великаго харакпера, идущіе, куда ве- « дешъ ихъ онъ, въ бояхъ и спраданіяхъ, не « ождая никакой хвалы или перемѣны, при всѣхъ « своихъ подвигахъ, въ опчаянномъ соспоянніи сво- « его собспвеннаго дѣла, знаютъ, что ихъ ждешъ « или ничшожный конецъ въ возспавшей на нихъ « спранѣ, или смертъ на площади, если-бы и « удалось имъ избѣгнушь опъ смерпи въ бпшвѣ. « Таково, долгое время, было соспоянніе пошед- « шихъ опъ Барцелоны, не за долго до капишу- « ляціи сей крѣпости, и опсправившихся паспъ, « вмѣспѣ съ Пакиаропши, передъ Фигіеромъ, по- « слѣ двухъ-суточной бпшвы, копорой осмер- « вененіе показало, что съ шой и другой спо- « роны дрались Французы. Эпа бпшва была дол- « жна окончпться испребленіемъ послѣдняго изъ « осмѣлившихся, въ Европѣ 1823 года, привя-

« зашь къ своимъ пикамъ шрехцвѣпный значекъ,
 « и прикрѣпишь къ своимъ шапкамъ кокарду Флѣ-
 « руса и Цюриха При такихъ соби-
 « яхъ, судьба нѣсколькихъ человекъ конечно не
 « значишь ничего; но сколько надобно было дру-
 « гихъ событій, чшобы сіи люди всѣхъ часшей
 « Европы, бывши прежде воинами одного вождя,
 « встрѣтились въ справѣ, невѣдомой для нихъ,
 « на защищѣ дѣла, превращившагося въ ихъ соб-
 « сшвенное дѣло Въ роковыхъ и безкре-
 « рыныхъ своихъ измѣненіяхъ, событія увлека-
 « ютъ не всѣ умы, покоряютъ не всѣ характеры
 « съ равною легкостью, и даже не о пользѣ всѣхъ
 « заботятся: это надобно понимать, и не слыш-
 « комъ быть въискательнымъ за хвалебные воз-
 « гласы прошедшему. Когда эпоха кончилась,
 « форма ея разбита, и Провидѣнію довольно, если
 « она не можетъ возстановиться; но изъ остав-
 « шихся на землѣ обломковъ ея есть прекрасные,
 « достойные разсмотрѣнія.»

Я подчеркнулъ послѣдніи сшроки: человекъ,
 написавшій ихъ, можешъ сочувствовать съ шѣ-
 ми, кшо вѣруешъ въ Провидѣніе, кшо уважаетъ
 религію прошедшаго, и шакже кшо обращаетъ
 вниманіе на обломки.

Время наше шакъ проникнуто временами Ис-
 шпорическими, чшо ошпечашокъ онѣго видѣнъ въ
 занятіяхъ всѣхъ родовъ. Переводяшь древніи

лѣтописи, издають старинныя рукописи. Г-ну Гизо одолжены ны *Собраніемъ Записокъ, относящихся къ Французской Исторіи отъ основанія Французской Монархіи до тринадцатаго столѣтія*. Не знаю, не повредятъ-ли Исторіку эти переводы нашихъ Латинскихъ лѣтописей, столь благопріятныя для Исторіи? Боязно, что открывъ священниче событій невѣждамъ и неспособнымъ, мы будемъ забросаны Титами Ливіями и Фукидидами, работающими по заказу книгопродавцевъ. Совѣмъ иное дѣло изданіе оригиналовъ: не льзя довольно похвалишь Маркиза Форцію за изданный имъ шекспъ *Лѣтописей Гено*, сочиненныхъ Яковомъ Гизомъ. Поблагодаримъ и Г-на Бишона за его изданіе *Фруассара* и другихъ лѣтописцевъ. Г-да Крапеле, Плюке, Меонъ, Барриеръ доказали свою любовь къ знанію: первый издалъ *Histoire du châtelain de Coucy*, впорой *le roman de Rou*, прешій *le roman de Renart*, четвершій *Записки Ломени*. Эти Записки содержатъ въ себѣ анекдоты о послѣднихъ дняхъ Мазарена; онѣ довершаютъ знакомство наше съ лицами, шакъ счастливо выведеннымъ Маркизомъ Сеншъ-Олеромъ, въ его *Исторіи Фронды*.

Все принимаетъ нынѣ образъ Исторіи: полемика, пѣснь, романъ, поэзія. Когда у насъ будетъ *Ришелье*, Викторъ Гюго, мы уз-

Октябрь 1831

20

знаемъ, что можешь найдши особенный гени на пунѣ, незвѣстномъ Корнелии и Расини. Шотландія видить возрожденіе Среднихъ Вѣковъ въ знаменитыхъ изобрѣтеніяхъ Валтера Скошна. Новый Свѣтъ, гдѣ всѣ древности со-составляють лѣса, дикіе, и свобода, столько спарая какъ земля, Новый Свѣтъ нашелъ въ Г-нѣ Куперѣ живописца для сихъ древностей. Имъ также ошличились въ этомъ родѣ Лишше-рашуры: множество людей съ дарованіемъ да-ли намъ картины, запечатлѣнными красками Ис-шорія. Не могу вспомнить обо всѣхъ такихъ картинахъ, но шеперь мнѣ памяны двѣ изъ нихъ: одна, Г-на Мерме, изображаетъ нра-вы времени Вареломеевской ночи; другая, Г-на Лашуша, показываептъ намъ одно изъ крова-выхъ происводѣйшвей Неаполитанской конспир-революціи. Эти живыя начертанія сдѣлають еще болѣе затруднительною обязанность Исшорика. Въ шринадцапомъ столѣшій, Исшорическое ри-царство произвело рыцарство романическое, ко-шорое шло съ нимъ рядомъ; въ наше время, въ испинной Исшоріи будептъ Исшорія выми-шленная, кошорая заслонитъ ее своимъ блес-комъ, или послѣдуептъ за нею какъ тѣнь.

Подъ скромнымъ названіемъ *лѣсенника*, одинъ человекъ сдѣлался величайшимъ изъ всѣхъ воз-шовъ Французскихъ. Одаренный гениемъ, кошо-

рый похожъ и на Лафоншеновъ и на Горациевъ, оуъ, когда хонгилъ, гремилъ какъ Таццивъ. Можеть бышь не совсѣмъ никакъ счасливъ оуъ воспитвая Королей на тронѣ, неключая развѣ *Королей Иветоскихъ* (*). Вообще, у Г-на Баранша обычный демоуъ ша муза, кошорая плачетъ смѣясь, и у кошорой оуъ несчаснїа выроспающъ крмля.

Теперь призывающъ все наше вниманїе основатели новой нашей Исторической Школы.

Я уже сказалъ, что Г. Бараншъ создалъ Школу Описательную. Объ *Исторіи Герцоговъ Бургундскихъ* я далъ ошчетъ публикѣ: мнѣнїе мое найдущъ въ 21-мъ томѣ *Полныхъ сочиненїй* моихъ. Нынѣ, проходя свое новое поприще, Г-нъ Бараншъ конечно мало заботишся о похвалахъ лишперашурныхъ. Да позволяшъ-же мнѣ пожалѣшъ объ *Исторіи Парламента*, кошорую оуъ обѣщаль намъ. Можеть бышь оуъ станеть продолжашъ ее, если когда нибудь будеть похищенъ у дѣлъ: Лишперашура естъ надежда для вспуления въ жизнь, и успокоенїе для выхода изъ оной.

(*) Les rois d'Yvetot. Такъ называли себя, оуъ 524 года до царствованїа Людовика XI-го, владѣльцы городка Ивето, нынѣ окружнаго въ Департаментѣ Нижней Сейны. *Прим. Перев.*

Гг. Тьеръ и Минье начальники Школы Философической; Гг. Тьерри, Гизо и Сисмонди, великіе преобразователи нашей всеобщей Исторіи. Оснаваляваюсь сначала при сихъ послѣднихъ.

Присовокупивъ, касательно событій, Исторію Адріана де Валуа къ замѣчаніямъ Гг. Тьерри, Гизо и Сисмонди, почти нечего болѣе сказать о первомъ и впрочемъ поколѣніяхъ нашихъ Королей.

Г-на Тьерри *Письма объ Исторіи Франціи*, сочиненіе превосходное, возвращающее истинный характеръ тому времени, которое было обезображено прежнею нашею Школою. По обычаю всѣхъ людей, руководимыхъ самосознаніемъ, и дарованіемъ истиннымъ, возрасшающимъ, Г. Тьерри исправилъ, что казалось ему сомнительнымъ въ первыхъ изданіяхъ его прекрасной, ученой *Исторіи завоеванія Англіи* и въ его *Письмахъ объ Исторіи Франціи*. Нѣкоторыя мнѣнія его спали умѣреннѣе; опытность пересмотрѣла сужденія нѣсколько безусловныя. Не лѣзя довольно жалѣть о томъ, что излишняя работа ошинула у Г-на Тьерри зрѣніе. Будемъ надѣяться, что еще долго спанешъ онъ дикшовавъ своимъ друзьямъ, для удивляющихся ему (въ числѣ коихъ шребую себѣ перваго мѣста) страницы лѣщонисей нашихъ: Исторіи,

такъ-же какъ Поэзія, будешь имѣть своего Омира. Мнѣ еще встрѣившася случай въ эшомъ Предисловіи поговорить о Г-нѣ Тьерри; счастливъ я, что и въ *Историческихъ Изугеніяхъ* своихъ могъ ссылаться на него и подкрѣплять себя его авторитетомъ.

Касательно вшораго поколѣнія, Историческій Курсъ Г-на Гизо имѣетъ высокое достоинство. Можно не соглашаться съ ученымъ Профессоромъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ; но онъ просвѣщеннымъ умомъ проникъ общія причины разложенія и сложенія общественнаго порядка въ осьмомъ и девяшомъ столѣтіяхъ. У него есть также любопытные уроки о Гражданской и Религіозной Лишперанурѣ, и множество наблюденій справедливыхъ, написанныхъ безприсрастно. Каѣдру Г-на Гизо занялъ одинъ изъ молодыхъ писателей нашего времени, Г. Сент-Маркъ Жирарденъ, являющійся во Франціи съ большимъ блескомъ: такъ эша Франція неисшощима дарованіями.

Г-нъ Сисмонди, извѣстный своею *Исторіей Итальянскихъ Республикъ*, достойный чужестранецъ, съ почетною для насъ ревностію посвящилъ себя нашей Исторіи. Можетъ бытъ слишкомъ поддавшись новымъ идеямъ, онъ судилъ о прошедшемъ увлекаясь настоящимъ. Какая-шо философская досада, безъ сомнѣнія очень еште-

спивенная, заставила его строго обозначить нѣкошорія лица и царшвованія. Но онъ умдымъ, одинъ изъ первыхъ, какую выгоду могли извлекашь народы изъ самыхъ преступленій своихъ. Надобно чашашъ тяжелую работу этого ученаго Бышописателя съ ошнорожносшью ; но изученіе оной принесешъ пользу.

Соглашалась съ надмецованными мною писашелыми почши во всемъ, касашельно событій, исправленныхъ ими въ нашихъ Историкахъ прежней Школы, каковы : сходшво, которое ушверждали сіи Историки между Франками и Французами, мнимое освобожденіе общинъ Людовикомъ Толстымъ, и проч., я принужденъ однакожь не согласшться съ ними, знашоками въ нѣкошорыхъ нунксахъ.

Неумолимая Исторія опшвергаешъ самыя швосходныя сисшемы, какъ скоро онъ не подшверждающа досшовѣрными свидѣшелъшвами.

Какъ о величайшемъ опшкрытій новой Школы, говорашъ о *шторигномъ шторженіи Франковъ*, то ешъ о шпорженіи Франковъ Аусшрашійскихъ въ Королевштво Франковъ Нейшпрійскихъ. Это шпорженіе спало, будшо-бы, причиною швозвышенія Вшораго Поколѣтія.

Можно ушверждаешъ шакую новосшь ; но, мнѣ кажешся, шущъ надобны не одни предположенія.

Развѣ открывши неизвѣстныя донынѣ мѣста, харшіи, дипломы? Напрошивъ, мѣшъ ничего положишельнаго въ подтвержденіе ашого мнѣнія, кошорое, при доказательспвахъ, измѣнило-бы при первыя сполѣшія нашей Исторіи. Невольно ищешь, на какомъ признакѣ истинны основываешся событіе, о кошоромъ былъ-би должны кричать всѣ лѣтописи? Какъ! второе вторженіе Франковъ вдругъ ошмысано въ девятнадцатомъ сполѣшій, а прежде о немъ нишло и не слыхивалъ? Ни Бенедикшины, ни учение Академіи Надписей, ни такіе люди, каковы Дюпилье, Дюшенъ, Балюзъ, Биньонъ, Адрианъ де Валуа, и всѣ Историки Французскіе, какъ-бы ни были различны ихъ мнѣнія и учения; ни такіе кришики, каковы Скалигеръ, Дюпlessи, Бюлле, Бель, Секуссъ, Жиберъ, Фрере, Лебёъ; ни такіе публицисты, какъ Боденъ, Мабли, Моншескё, не видали ничего? Одно ашо засшавило-бы меня сомнѣвашся, меня, кошорый не можешъ ни сколько надѣвашся на свои свѣдѣнія. Однакожъ, придчашъ мѣшъ какъ я чышаю, съ перомъ въ рукѣ, свидѣтельспва нашей Исторіи, и еще не замѣшилъ ни малѣйшаго слѣда шого событія, кошорое произвело-бы споль великій переворотъ.

Всегда бывши гошовъ сознашся въ превосходспвѣ другихъ надъ моею слабосшію, и, мо-

жестъ быль, олішкомъ скоро согласившись съ крипниками и совѣщани, я сражался съ самими собою, желая убѣдиль себя въ томъ, что отвергали событія. Пеппинъ Геристальскій, Герцогъ Ауспразійскій, предводительствуя войскомъ Ауспразійцевъ, разбиваетъ Тьерри III-го, Короля Нейспрійскаго, и захватываетъ всю власшь, подъ названіемъ Маіоръ-Дома (Maire du Palais), около 690 года. Это-ли прозвали вшорнимъ вшорженіемъ Франковъ?

Но съ водворенія Франковъ въ Галліяхъ, ошъ Хловига до Пеппина, начальника вшораго поколѣнія, Королевства Франскія были въ безпрерывной войнѣ одни съ другими: это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ раздѣла Королевскаго наслѣдованія, происшедшаго при наслѣдникахъ Карла Великаго. Такъ сосшавились и исчезли, по-очередно, Королевства Мецское, Суассонское, Орлеанское, Парижское, Бургундское, Аквишанское. Я очень боюсь, что новымъ вшорженіемъ Франковъ почли одну лишнюю междуусобную войну Франскихъ племенъ.

Не болѣе доказано, ни кажется, и то, что Франки Ауспразійскіе были многочисленнѣе и сохранили Салическій характеръ болѣе Франковъ Нейспрійскихъ. Франки Нейспрійскіе ошнюдь не просширались далѣ Луары; страна за сею рѣкою едва признавала ихъ власшь, и они

были принуждены ходити на нее войною; сами Г. Тьерри приводятъ примѣръ мимоходныхъ оуспешней ихъ въ этой справѣ. Чтò заключаетъ въ себѣ, для смѣлости и нравовъ Франковъ болѣе развѣивающаго эти города Галло-Римскіе, находившіеся между Соммой, Сейной и Луарою, въ сравненіи съ городами, занимавшими берега Мааса, Мозеля, Рейна? Парижъ былъ ничтожная деревушка, между тѣмъ какъ Кельнъ, Тревъ, Майнцъ, Шпейеръ, Страсбургъ, Вормсъ были города, знаменитые палишиками, коими украсили ихъ прежніе обладатели. По мнѣнію Г-на Гизо, Франки сдѣлались владѣльцами въ Ауспразіи скорѣе чѣмъ въ Нейсприі; тамъ, думаешь оны, находятся значительнѣйшія изъ обиталищъ, сдѣлавшихся замками. Замчаніе справедливо; но замки сіи не были дѣломъ рукъ Франковъ. Последніе изъ Императоровъ дозволяли подданнымъ и гражданамъ Римскимъ укрѣплять ихъ частными жилищами; укрѣпленныя обиталища въ Ауспразіи были только собственности, вспарину отданныя вѣреранамъ легионовъ, опредѣленнымъ на защиту береговъ Рейна, Мааса и Мозеля, отъ чего произошло и названіе ихъ: *Рипуэрскіе*. Франки Нейсприійскіе не были болѣе извѣжны, не были и менѣе храбры, нежели ихъ соотечественники. Въ Исторіи не замѣтно никакой разницы между Франкомъ Суассонскимъ, Парижскимъ и

Орлеанскимъ и Франкомъ Мецскимъ, Майнцскимъ и Кельскимъ. Франки Нейспрійскіе, такъ-же какъ Франки Ауспразійскіе, побѣждали Арабовъ въ Турѣ и Саксоновъ въ Германіи, при Пепинѣ и Карлѣ-Моломъ (le Martel). Короли, или начальники Нейспрїи говорили языкомъ Германскимъ, такъ-же какъ Короли или начальники Ауспразїи; только народы ихъ различествовали въ языкахъ.

Замѣтите наконецъ, что Карлъ, Герцогъ Нижне-Лотарингскій, дядя Людовика V-го, подарившій Императору Остроу свое Герцогство, былъ за то объявленъ недостоиннымъ владѣвать Франкїи: а Карлъ былъ изъ поколѣнїи Карла Великаго. Слѣдовательно, Франки Ауспразійскіе опредѣлись отъ поколѣнїи, воспитаннаго ими на щипѣ, и выбрали себѣ Короля между побѣжденными Франками Нейспрійскими, на мѣсто начальника, происшедшаго отъ Франковъ Ауспразійскихъ, побѣдителей.

Вотъ мой суждѣнїи! Они объясняютъ, почему относително двухъ первыхъ поколѣнїй, принявъ большую часть мнѣнїи новой Школы, я отвергнулъ второе вторженіе Франковъ. Я уверю, что знающіе люди, коихъ мнѣнїи не раздѣляю въ этомъ отношенїи, сами щитаемыя разсматривать ещѣ важное дѣло. Можеть быть и они, въ свою очередь, также упрекнутъ меня за смѣлость, когда увидятъ, что я за-

прудняюсъ значеніемъ, какое придавшъ слову *Франкъ*, и не унверждаю рѣшишельно, что нѣкогда существовало *содмненіе* Германскихъ народовъ, извѣстное подъ именемъ *Франковъ*, оупъ самаго ихъ союза.

Перейдемъ къ писателямъ новой Школы, слѣдующей системоу *Фаталистической*.

Изъ писателей сихъ, двое особенно привлекающъ на себя вниманіе. Соединенные шройной связью — дружбы, мнѣній и дарованія, они раздѣлили между собою повѣствованіе о событіяхъ Революціи. Г. Минье сжалъ въ крашкое и существенное сочиненіе разсказъ, кошорый Г. Тьеръ распространилъ въ траницахъ болѣе {обширныхъ. Въ первомъ находится множестве чертъ, подобныхъ слѣдующимъ: «Революціи, «въ конхъ дѣйствуютъ многіе предводители, «поддающа одному.» — «Въ Революціи все за- «виситъ оупъ перваго ошказа и первой борьбы. «Нововведеніе шогда шолько бываетъ мирно, «когда ему не прошиваша, ибо иначе, вышпо «благоразумныхъ и умѣренныхъ преобразоваше- «лей, у васъ будутъ преобразовашели неумѣрен- «ные и неумолимые Одноу рукоу сража- «юща они, защищая свое господство, другоу «унверждающъ свою систему, желая упрочитъ «ее.»

Поршреть Даншона превосходень: «Дан- «шонъ, говоритъ Авшоръ, былъ революціонеръ

« исполнивъ . . . Даншонъ , Мирабо черни , какъ
 « называли его , былъ похожъ на зного прибу-
 « на высшихъ классовъ . . . Сей могучій дема-
 « гогъ представлялъ собою смѣсь пороковъ и
 « качествъ прошивоположныхъ . Онъ продалъ се-
 « бя Двору , однакожъ не былъ презрительнъ ,
 « пошому что есть характеры , коиморые воз-
 « вышаютъ самую низость . . . Для него , Рево-
 « люція была игра , въ которую побѣдишель ,
 « если имѣлъ въ помъ нужду , выигрывалъ жизнь
 « побѣжденнаго . » Борьба Робеспьера съ Камил-
 « ломъ ? Демуленомъ и Даншономъ представлена
 « чрезвычайно занимашельно ; Исморикъ виѣшва-
 « етъ въ свой разсказъ рѣчи и слова сихъ кро-
 « завыхъ людей . Даншонъ , передъ своею гибелью ,
 « шакъ разсуждалъ о своей судьбѣ : « Лучше мнѣ
 « быть подъ гильотиною , нежели самому гиль-
 « ошинировать ; жизнь моя не стоить этого шу-
 « да , и человечество мнѣ надобно . » Ему со-
 « вѣщовали ѣхать . « Ъхать ! развѣ можно увезши
 « съ собою опечество , подъ подошвою башма-
 « ка ? » Когда его посадили въ шу шюрму , ко-
 « торую занималъ Геберъ , онъ сказалъ : « Въ ша-
 « кое-же время учредилъ я революціонное судя-
 « лице : прошу въ помъ у Бога и людей про-
 « щенія ; но его не назначали бытъ карою чело-
 « вѣчества . » На допросъ Президента Дюмаса
 « онъ опвѣчалъ : « Я Даншонъ ; мнѣ шрадцать
 « плять лѣшь ; жилищемъ моимъ скоро будешь

«ничтожество.» Осужденный, онъ воскликнулъ: «Увлекаю съ собой Робеспьера; онъ идетъ за мной!» Здѣсь ужасъ перешелъ въ разсказъ Историка. — Говоря о смерти Робеспьера, Авторъ прибавляетъ: «Надобно, возмутишель! погибнуть отъ эшафода, какъ завоеватель погибаетъ отъ войны.» Эшо краснорѣчіе, прилженное къ разуму.

Г. Минье начерпалъ смѣлый эскисъ; Г. Тьеръ написалъ картину. Особенно обращаю взоры моихъ читателей на смерть Мирабо и смерть Людовика XVI-го, пошому болѣе, что Авторъ представляя путь лица не плебейскія, предметъ его привязанности, удивляешся однакожь: испина совѣсти и дарованія превозмогаешъ въ немъ обольщенія его системы. Самъ чувствую, что если-бъ мнѣ должно было говорить о Мирабо и Людовикѣ XVI-мъ какъ Историку, я былъ-бы спрже Г-на Тьера: я спросилъ-бы, всѣ-ли пороки перваго были пороки великаго полищика, и всѣ-ли добродѣтели втораго были добродѣтели великаго Государа. «Мирабо,» говоритъ Авторъ — и можно-ли сказать лучше! — «Мирабо, въ эшомъ случаѣ, поразилъ «всего болѣе своею дерзостью. Никогда, мо-
«жеть бышь, споль повелишельно не по-
«рвалъ онъ Собранія. Но приближался конецъ
«его, и эшо были его послѣднія шоржешва...

. Философія и веселость ра-
 « дѣляли его послѣднія минушн. Блѣдный, съ
 « глубоко впадшимъ глазами, онъ былъ, по види-
 « мому, совершенно равнодушенъ къ шрибунѣ,
 « и часто впадалъ въ быстрые обмороки. Изли-
 « шество въ наслажденіяхъ и въ ирудѣ, душев-
 « ныя движенія на шрибунѣ, въ короткое время
 « распроили эшо сильное сложеніе. . . Въ по-
 « слѣднее свое присушествіе онъ начиналъ гово-
 « рить пять разъ; испощенный, вышелъ — и
 « болѣе уже не являлся. Смертний одръ при-
 « нялъ его и опдалъ шолько Паншеону. Онъ
 « требовалъ отъ Кабаниса, чшобы не призыва-
 « ли Медиковъ; но ему не повиновалсь; они
 « нашли смерть близкою къ нему: она уже овла-
 « дѣла его ногами и послѣ всего поразила его
 « голову. Природа какъ будто хотѣла дозво-
 « лить его гению блиснуть до послѣдней мину-
 « шы. Множество народа шолпилось вокругъ его
 « жилища и занимало всѣ выходы, въ глубокомъ
 « молчаніи. . . Мирабо велѣлъ открьть окна:
 « Другъ мой! сказалъ онъ Кабанису, я уиру
 « сегодня: остаешся шолько облечься благово-
 « ніями, увѣнчашься цвѣшамн, окружишь себя
 « музыкой, для того чшобы мирно перейдши
 « къ вѣчному сну. Острыя боли прерывали по
 « временамъ эши, шполь благородныя и мирныя
 « рѣчи. Вы обѣщали, сказалъ онъ своимъ друзь-
 « амъ, избавишь меня отъ бесполезныхъ стра-

«даній. Сказавъ это, онъ наспокойчиво пребу-
 «ешъ опиуму. Когда ему ошказали, онъ попре-
 «боваль его съ обыкновеннымъ своимъ неис-
 «повспомомъ. Желая удовольствовашь болящаго,
 «его обманываютъ и подають ему кружку,
 «увѣряя, что въ ней опиумъ. Онъ схватилъ ее,
 «проглотилъ иише, кошорое почившалъ смер-
 «шельнымъ, и, казалось, сдѣлался спокоентъ.
 «Черезъ минушу онъ испустиль дыханіе. Это
 «было 20 Апрѣля 1791 года Собраніе пре-
 «рываетъ свои шруды; приказываютъ наложитъ
 «общій шрауръ; приготавлиють великолѣпныя
 «похороны. Требують нѣсколькихъ Депута-
 «шовъ. Мы идемъ всѣ! воскликнули они. Цер-
 «ковъ Св. Женевьевы превращена въ Пантеонъ,
 «съ слѣдующею надписью, кошорой уже нѣтъ
 «въ шо время, когда описываю сін событія:
 «Великимъ людямъ признательное отечество.»

Надпись возобновлена: останешся-ли она шамъ?
 Кому извѣстно, что заключаетъ въ себѣ буду-
 щее? Кшо знаешь и кшо судишь великихъ лю-
 дей? Не хочу преслѣдовашь шого, что закры-
 то гробовою крышкою; когда смерть приложи-
 ла свою руку къ лицу человека, на немъ нѣтъ
 нѣшта для оскорбленія; но политическія спра-
 шни менѣе разборчивы, и если шолько рево-
 люція длилсь нѣсколько лѣтъ, шо не многія
 сшвы могутъ безопасно оставашься въ могилѣ.

Сравнивая разсказъ Г-на Тьера съ разсказомъ Г-жи Спаль, можно постигнуть нѣкошоры шайны дарованія.

Перейдемъ къ смерти Людовика XVI. Невинность жертвы овладѣваетъ геніемъ Авшора, покоряетъ его и вполнѣ являешся въ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ словахъ:

« Въ Парижѣ царшвовало глубокое безмол-
 « віе ; дерзосишь новаго Правительства произве-
 « ла на массы народа обыкновенное дѣйствіе
 « силы : она засшавила ихъ онѣмнш и молчанш.
 « Исполнительному Совѣшу было поручено го-
 « ресниное выполнение приговора. Всѣ Министры
 « были собраны въ залѣ своихъ засѣданій, и какъ-
 « бы поражены оцѣпенѣніемъ. Бой барабановъ
 « раздавался въ столицѣ; всѣ, кшо не былъ обя-
 « занъ предсшавляш какое нибудь лицо въ эпошъ
 « спрашний день, скрывались по домамъ. Две-
 « ри и окна были запершы , и каждый у себя
 « ожидалъ печальнаго событія. Въ восемь часовъ
 « Король выѣхалъ изъ Тюльери. Жандармскіе
 « офицеры сидѣли впереди кареты. Благочестіе
 « и преданность жертвы смущали ихъ. Множе-
 « штво вооруженныхъ спололо по обѣямъ споро-
 « намъ дороги. Карета подвигалась впередъ ти-
 « хо, среди общаго безмолвія. Вокругъ ашшо-
 « да осшавлено было свободное мѣсто. Это
 « мѣсто было окружено пушками , и презрѣнная

« чернь , всегда гошова оскорбляшь геній , до-
« бродѣшель и несчастіе , шѣснилась позади ря-
« довъ федераловъ , одна подавая нѣкошорме ,
« внѣшніе знаки удовольствія. »

Ипальянскія кампаніи соспавляющъ въ сочи-
неніи Г-на Тьера ошдѣльный эпизодъ , копорый
и одинъ могъ-бы поспавишь Авшора на возвы-
шенную степень между Испориками.

Послѣ эпои непривужденной дани главамъ
полишической Школы Фапалишовъ , мнѣ , мо-
жешъ бышь , позволяешъ свободнѣе изложишь нѣ-
кошорыя сомнѣнія о ихъ системахъ , пошому что
ее жесшоко упошребили во зло. »

Здѣсь конецъ нашему переводу изъ Предис-
ловія Шапобріанова. Мы довольно , кажешся ,
ознакомили чишателя съ духомъ , направленіемъ
и образомъ мыслей Авшора въ новомъ его со-
чиненіи. Кромѣ шого , что далѣе слѣдующее въ
его Предисловіи заняло-бы много мѣспа , ко-
шораго не можемъ мы ошдѣлишь въ нашемъ
Журналѣ , эпо уже и не шакъ занимашельно
какъ предшешествовавшее , ибо шущъ Авшоръ до-
казываешъ сбивчивошть системы Испорической,
названной имъ системою Фапалишовъ пошому ,
что она все разрѣшаешъ нешповѣдимомъ волею
Провидѣнія. И чѣмъ-же думаешъ Авшоръ опро-

Октябрь 1831.

21

вергнушь основаніе сей системы? Исчисленіемъ бѣдствій, причиненныхъ Революціею, что и занимаетъ у него много страницъ. Далѣе онъ входитъ въ объясненіе о своемъ собственномъ шрудѣ. Это весьма важно для того, кто на-
 зреть читашъ его сочиненіе, но отдѣльно не имѣешь никакой цѣны и даже было-бы во мно-
 гихъ отношеніяхъ непонятно. Рѣшались-ли наши читашели на чтение этой книги? Они вполне могутъ обѣщать себѣ удовольствіе прочесть книгу умную, написанную превосходно, одна-
 кожь не достигающую высшаго историческаго достоинства. По крайней мѣрѣ мы упѣшаемъ себя мыслию, что переводъ нашъ доставитъ многимъ свѣдѣніе о весьма замѣчательномъ про-
 изведеніи нашего времени.

—*—

ПОЛЬ ЛУИ КУРЬЕ.

Поль Луи Курье принадлежишь къ необыкновеннѣйшимъ людямъ своего времени. Глубокая ученость, обширный, быстрый умъ, неподражаемое искусство писать, и, наконецъ, благородный характеръ отличали его. Но имя этого замѣчательнаго человѣка едва извѣстно въ нашей Литтературѣ. Извлечемъ же нѣсколько чертъ изъ біографіи его, скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ его вообще, и наконецъ представимъ два отрывка изъ его сочиненій. Этимъ сколько нибудь загладимъ мы долгъ, давно лежащій на насъ, ибо знакомимъ читателей нашего Журнала со всѣми достопримѣчательностями иностранныхъ Литтературъ, мы почитали и почитаемъ нашимъ долгомъ.

Курье (Поль Луи) родился въ Парижѣ, въ 1773 году. Отецъ его владѣлъ помѣстьемъ Мере, въ Туренѣ. Эшошь человѣкъ, умный и образованный, самъ занимался воспитаніемъ своего сына, и старанія его были шакъ успѣшны, что Поль Луи пятнадцати лѣтъ уже зналъ превос-

ходно Греческій языкъ. Онъ также хорошо учился Математикѣ, и въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ вступилъ въ военную службу. Служа по Артиллеріи, въ 1792-мъ году онъ былъ уже начальникомъ эскадрона. Но чего спрасишь къ ученымъ занятіямъ, и независимый характеръ, скоро ошврапили его ошъ военного поприща, особенно во время Наполеона, когда слѣное повиновеніе счишалось первою добродѣпелюю, и когда одинъ человекъ, для своего чесшлюбія, хотѣлъ занять руки всѣхъ, способныхъ носить оружіе. Послѣ Ваграмской битвы, Курье вышелъ въ опсставку, которую дали ему съ радостью, потому что его образъ мыслей и пошупки не нравились многимъ изъ Сашраповъ Наполеоновыхъ. Напримѣръ, увидѣвъ однажды обозъ Генерала Бертье, съ надписями: *Цезарь Бертье*, онъ схвапываешъ переднихъ лошадей, ошпанавливаешъ первый фургонъ, и сбивая съ него надпись, говоритъ проводнику: «Скажи своему «господишу, что онъ можетъ называться Бертье, «но я запрещаю ему называться *Цезаремъ*.» Онъ также не любилъ подчинять себя военной дисциплинѣ. Часшо, на походѣ, онъ ошпалялъ своихъ товарищей и опиралялся въ какую нибудь пыльную библиошеку, разбираешъ Греческіе рукописи и палимпсесшш. Во время шакихъ-шо прогулокъ увидѣлъ онъ во Флоренціи, въ Лауренційской библиошекѣ, рукопись пастушеска-

го сочиненія Лонгуса. Онъ замѣтилъ въ ней одно мѣсто, котораго не было въ изданіяхъ сего древняго Автора. Въ 1840-мъ году, освободившись отъ службы, онъ спалъ свѣрять эту рукопись и списывать новый опривокъ, но, къ несчастію, залылъ его чернилами. Библіотекаръ, именемъ Фурія, злобившійся на Курье за его ошкряпаніе, сдѣланное передъ носомъ посѣдлага хранилеля сей рѣдкости, никогда не замѣтившаго ея, Фурія спалъ утверждать, что Курье умышленно испортилъ рукопись. Послѣ нѣсколькихъ полицейскихъ объясненій, Курье рѣшился передать все дѣло суду публики, и напечаталъ *Письмо къ книгопродавцу Рекурру*, образцовое произведеніе, проникнутое умомъ, шпункою шушкой и саширой. Вновь найденный опривокъ напечаталъ онъ и раздавалъ даромъ. Еще прежде, бывши во Флоренціи, онъ издалъ полный переводъ Лонгуса, гдѣ выѣспилъ изъ Аміота, этого пашріарха Французскаго языка, все, что было сообразно съ Греческимъ подлинникомъ. Во вновь переведенномъ опривкѣ и въ мѣстахъ, переработанныхъ имъ, онъ такъ подражалъ Аміоту въ слогѣ и всѣхъ приемахъ, что не лзя различить его слога отъ Аміотова. Кстати замѣтивши, что Курье зналъ языкъ Французскій такъ, какъ знаютъ его немногіе. Мы разумѣемъ здѣсь знаніе языка не школьное, и даже не то, которое первоначально пріобрѣтаешся изъ Грам-

машины и составляет обязанность всякаго благовоспитаннаго челоѣка. Онъ зналъ снхлм своего языка, зналъ его исторически, зналъ какъ искусный музыкантъ, перепробовалъ, перенсимшалъ всѣ лады, и рѣшительнымъ выводомъ долговременныхъ занятій его было — подражаніе шаринному слогу, принадлежащему къ шесннадцатому столѣтію. Тамъ находилъ Курье богатство неисчерпаемое, вродельсь и простому, чего нѣтъ въ нынѣшнемъ Французскомъ языкѣ. Не намъ рѣшать, правъ-ли былъ онъ; однакожъ, упадокъ *Академическаго* слога и новшкн Гюго, и другихъ молодыхъ писателей, показываютъ, что Курье имѣлъ основательныя причины утверждать свое мнѣніе.

Проживши въ Италіи нѣсколько лѣтъ, Курье возвратился въ Парижъ и провелъ время до возстановленія Бурбоновъ, разъѣзжая по разнымъ мѣстамъ и занимаясь своими Греками. Знаніе его въ Греческой Литтературѣ было изумительно. Всѣ, даже враги, отдавали ему въ эшомъ справедливосшь.

При наступившемъ для Франгузовъ времени свободы въ изъявленіи своихъ мнѣній, Курье спалъ извѣстенъ не между одними Эллинистами. Эта смѣлая, пламенная душа не могла хладнокровно видѣть злоупотребленій власти. Курье обличалъ оныя съ искусствомъ и пылкостью

Бомарше и Вольпера, если только къ этимъ именамъ можно приближать идеи нашего вѣка. Противъ него зашѣли процессъ. Онъ оправдывался въ судебныхъ обвиненіяхъ съ такими искусствомъ и остроуміемъ, что эпошъ процессъ можно почестъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній его. Надоѣвши непрерывными нападками своихъ противниковъ на памфлеты, копоряхъ издалъ онъ нѣсколько, Курье рѣшился изяснить, что значить сей родъ сочиненій, и написалъ свой знаменитый *Памфлетъ о памфлетахъ*. Это превосходное сочиненіе было лебединою пѣснью Курье. Въ 1825-мъ году онъ былъ убитъ, въ лѣсу, близко своего дома. Кѣмъ? За что? До сихъ поръ это еще не объяснилось — и едва-ли объяснися когда нибудь, ибо время уноситъ съ собою все признаки, все слѣды злодѣяній, шакъ-же какъ и добрыхъ дѣлъ.

Изъ краткаго очерка жизни Курье, читаше-ли видяшъ, что эпошъ необыкновенный человекъ, со всеми своими познаніями, умомъ и желаніемъ добра — не довершилъ почти ничего. Смерть зашла его во всемъ, шакъ-же какъ въ жизни, на распушіи. Немногіе переводы съ Греческаго; шома два политическихъ памфлетовъ и мѣлкихъ сочиненій; наконецъ шомъ писемъ, драгоценныхъ памятниковъ искусства — вопъ все, что осталось пошомшву ошъ Курье!

Издавали полныхъ сочиненій его напрасно говоряшь, что стоило только соединить его сочиненія, чтобы показашь, какъ много сдѣлалъ онъ. Это справедливо не вполне. Курье началъ многое, но не довершилъ почти ничего. Легко можно открыть даже причину этого, если сообразимъ обстоятельство, въ какихъ жилъ Курье. Онъ возросъ и провелъ лучшія лѣта молодости въ самый разгаръ Французской Революціи. Никто не станеть отрицашь, чтобы въ революціи не являлось людей, отличныхъ дарованіями, и даже геніальныхъ. Но все сіи люди принадлежатъ своему времени, и, такъ же какъ всякая революція, сами выражаютъ собою время борьбы, перехода, неокончательности. Таковъ и Курье. Истинный представитель Революціи, пылкій, добрый, умный и сумасшедшій! Человѣкъ, который былъ готовъ сказать истину въ глаза Наполеону — и скипался за его орлами по Германіи и Италіи! Такихъ прощиворѣчій въ жизни его шло. Таковъ характеръ и сочиненій его. Божественная искра генія горитъ въ немъ, но она часто задушается нелѣпными мнѣніями, понятіями, и чтобы сказашь выразительнѣе, судорогами современными.

Но, отбросивъ все, принадлежавшее времени и обстоятельству, не лѣзя не восхищашься шить, что вложилъ Богъ въ шило челоука, называвшагося Поль Луи Курье. Божественное

отразилось и въ его любви къ истинному просвѣщенію, и въ его поэтическомъ взглядѣ, и въ его прелестномъ, неподражаемомъ слогѣ. Какъ глубоко и какъ философически понималъ онъ Древнихъ, о томъ свидѣтельствуетъ его Предисловіе къ переводу Иродота и образцы самаго перевода, имъ представленные. Жаль, что судьба не допустила его свершить это предпріятіе, такъ-же какъ не допустила она его перевести Плутарховы Жизнеописанія, чего, кажется, не могъ-бы никто сдѣлать лучше Курье.

Изъ всѣхъ сочиненій его, на Русскій языкъ переведено нѣсколько писемъ, напечатанныхъ въ Сѣверной Пчелѣ. Мы помѣщаемъ ниже се-го одно изъ его писемъ, гдѣ онъ описываетъ Швейцарію. Извѣстный Французскій писатель (А. Каррель) справедливо сказалъ, что со времени Руссо, никто еще не описывалъ этой страны такъ поэтически, какъ Курье. И это въ дружескомъ письмѣ!.. Другой помѣщаемый нами въ переводѣ отрывокъ — Письмо къ Членамъ Академіи — прелестная, умная шутка, написанная Авшоромъ въ опущеніе Академикамъ, соблазвившимъ его вписаться въ кандидаты Академическіе. Мы увѣрены, что всякій пойметъ это сатирическое сочиненіе въ прямомъ его смыслѣ, но есть какъ шутка: эта шу-

ка въ шмсляхъ экземпляровъ напечатана во Франціи, и Академія не думала никогда за нее сердиться. Терминось ееть признакъ истиннаго просвѣщенія.

Намъ оспается покалѣнь о томъ, что ми не можемъ болѣе распространиться объ этомъ замѣчательномъ чловѣкѣ, и не можемъ поболѣе представить его сочиненій нашимъ читателямъ. При всемъ несовершенствѣ перевода въ сравненіи съ подлинникомъ, читатели наши навѣрное поблагодарятъ насъ, когда прочтуть нижеслѣдующее.

Письмо къ Г-ну и Г-жѣ Томассенъ, въ Страсбургъ.

Луцернъ, 25 Августа 1809 г.

Проѣзжая черезъ вашъ добрый городъ, я видѣлъ доказательство искренней вашей дружбы. Увѣренъ, что вамъ пріятно будете получить извѣстіе отъ меня, и узнать, что со мною дѣлается.

Разсѣвшись съ вами, я поѣхалъ въ Базель. Тамъ былъ я только въ одномъ, пріятномъ домѣ Г-на Гааса, къ которому послалъ меня Г. Левро. Случай, весьма пригодный для моего кармана, пошому что я могъ доѣхать до Ци-

риха почти даромъ (съ однимъ купеческимъ комиссіонеромъ), заспавилъ меня ѣхать въ Цирихъ — и я очутился въ Швейцаріи, которая испинно удивительна въ нынѣшнее время года. Расхваленная красота мѣстоположеній произвела на меня обыкновенное дѣйствіе, но есть изумила и очаровала. Тутъ-же былъ одинъ Русскій Князь, съ женою и дѣтьми: добрые люди, хотя и съ Княжескимъ шишоломъ; но Французски говорящъ они лучше нашихъ Князей, чему вы повѣрите безъ труда. Знакомство съ ними было мнѣ полезно и пріятно. Озеро обозрѣли мы въ лодкѣ, окрестности въ карешѣ (гдѣ можно было ѣхать въ ней), а все остальное пѣшкомъ. Въ обществѣ мнѣ было все хорошо. Мы ѣли ужасно, смѣялись какъ не лзя больше, разговаривали весело. Я осмѣливался говорить съ ними о ихъ непріятной странѣ, и мимоходомъ собралъ о ней кой-какія свѣдѣнія, довольно любопытныя. Такъ провелъ я съ ними два дни, безъ скуки. Наконецъ все это семейство, Князь, Княгиня, маленькіе Князья, слуги и хорошенькія служанки, все отправилось въ перехъ карешахъ къ Баденскимъ водамъ, а нѣкогда можешъ бышь отправитса . . . въ дальнюю ледяную сторону. Такъ я подумалъ шолько, но не сообщилъ имъ своего размышленія.

Богъ свидѣтель, что бывши из озера, я думалъ о своихъ друзьяхъ, жителяхъ Рейнскихъ

береговъ, и о васъ прежде всѣхъ, если вамъ угодно. И вотъ какъ еспешивенно это сдѣлалось: я глядѣлъ на воды озера, прозрачныя какъ кристалль; а изъ нихъ вытекающъ струи Лиммапы и капающъ въ Рейнъ. Видише-ли, мил. государь и мил. государыня, какъ легко доходили до васъ мои помышленія, слѣдуя за убѣгающей волной! А ваши? Не могли-ли они, хоть иногда, скользить противъ теченія воды? Это не такъ естественно, и пошому я не смѣлъ ушѣшашъ себя этимъ.

Послѣ ошѣзда моихъ Рускихъ, я не долго осшавался безъ случая прѣвхашъ такъ-же неубыточно въ Луцернъ, какъ прѣвхалъ въ Цирихъ, и начашъ прежній свой путь къ Ишалю. Въ Луцернѣ я хощѣлъ, не ошправляясь пока далѣе, ознакомиться съ здѣшнею спраною, гдѣ увидѣлъ много шѣни, хошя вовсе не видалъ винограду, довольно елей, и горы, вѣчно покрышя снѣгомъ и заслоняющія югъ. Я сообразилъ, что здѣсь было-бы очень не худо провесши Августъ мѣсяць; что здѣсь убѣжище ошъ бѣгуща каникулъ, какъ говорилъ Горацій. Случай познакомилъ меня съ однимъ молодымъ челоукомъ, кошорый только что получилъ въ наследство прекрасный сельскій домикъ на берегу озера, въ полумилѣ ошъ города. Мы вѣтшъ пошли осмощрѣшь его, и какъ только онъ увѣ-

мъ меня , что никогда нога его не будетъ на мѣ , я поселился въ его домикѣ , откуда никуда не пошелъ къ вамъ , гдѣ живу съ мѣсяць , и надѣюсь еще прожить даже до Сентября , ибо не думаю , чтобы на чашѣ Испалин , въ которую отправился я , была способна къ жишью прежде этого времени .

Мое жилище стоитъ на косогорѣ , прямо на полдень . Подо мною разспилася въ долину коверъ зелени , невѣдомой вамъ , жишелямъ свѣта , которые воображаете , что вы въ деревнѣ , когда живете подлѣ большихъ городовъ . Передо мною возвышеніе , которое у васъ называли-бы горою ; оно покрыто лѣсомъ , а лѣсъ наклоненъ волками : они каждое утро приходятъ къ моему дворику , и я принимаю ихъ , какъ Г. Шампенецъ принималъ своихъ кредиторовъ . Далѣ , въ огромныхъ Альпахъ , вижу зиму надъ лесною ; вправо , другія горы , пересѣкаемыя долинами ; влѣво озеро и городъ , и потомъ еще горы , опоясанныя зеленью и увѣнчанныя снѣгами . Вошъ каршины , на которыхъ взглянуть пріятно изъ далекихъ странъ ; но мы , Швейцары , глядя на нихъ такъ-же внимательно , какъ мужъ на свою жену , послѣ двухъ недѣль домашней жизни .

Время дѣлится у меня на три части : во-первыхъ я ѣмъ и сплю , во-вторыхъ купаюсь и

прогуливаясь, въ-прешнихъ продолжаю свои обыкновенныя занятія ученіемъ, для чего я привезъ съ собой добрый запасъ. Мнѣ прислуживающъ садовникъ и его жена; но они не понимаютъ ни слова по-Французски; пошому я спрото наблюдаю Пиаагорово молчаніе, и почта его правила. Въ городъ не хожу никогда: тамъ я не знаю никого и извѣсненъ только женщинамъ, по одному, довольно смѣшному приключенію.

Я каждый день купаюсь въ озерѣ, и всего чаще шамъ, гдѣ обыкновенно приспаютъ лодки. Въ послѣднее Воскресенье, при заходеніи солнца, я раздѣлся и былъ гошовъ броситься въ воду. Мимоходомъ скажу, что вода въ эшомъ озерѣ всегда очень холодна, и погруженіе въ нее нѣмъ благодѣпельнѣе; но ея здѣсь не пользуюшся ни сколько, и я думаю, даже во всей обласпи никно не умѣешь плавать. У меня нѣтъ другаго удовольствія, и пошому я наслаждаюсь эшимъ съ ушра до вечера; онъ чего чувшвую себя очень хорошо. И такъ я снялъ весь шуалешъ свой. Пучекъ деревьевъ, родъ опушки вдоль берега, не далъ мнѣ замѣнить, что нѣсколько лодокъ шли къ шому самому мѣсту, гдѣ я сидѣлъ, и вдругъ выплывъ, заспавили меня очушишся, въ костюмѣ Адама прежде грѣхопаденія, податъ двадцати женщинъ. Вошъ была

сцена, и совѣтъ не имая, а крики, хохотъ! Въ жизнь свою не слыхивалъ я ничего подобнаго! Эхъ, сибывавшесся съ голосами, удвоило шумъ. Дамы спасались кпо куда могъ, а я, какъ лягушка Лафоншенова, скрылся въ волны. Нанрасно умелалъ я водныхъ Нимфъ скрыть меня въ ихъ глубокіе гробы! Вскорѣ надобно было снова выказатъ носъ изъ воды. . . . Такъ Лудерьянки узнали меня, и можеть бышь эшто мѣшаешъ мнѣ поволочиться за ними.

Я поправляю шеперь изданіе Плущарха, печатаемое въ Парижѣ. Какой эшто чудный Историкъ, и какъ мало знаюшь его шѣ, кпо не читаешъ въ подлинникѣ! Все достоинство у него въ слогѣ. Онъ смѣшся надъ событіями и берешъ изъ нихъ шолько шо, что ему вздумашся. Одна забота его: бышь искуснымъ писателемъ. Онъ позволилъ-бы Помпею выиграть Фарсальскую битву, если-бы эшто могло сколько нибудь округлишь фразу. Онъ правъ. Всѣ эпитетосши, называемыя Исторією, могутъ значить что нибудъ шолько при украшеніяхъ вкуса.

Вошъ, мил. гос. и милосш. государыня, какъ проходишь мое время: мирно, увѣряю васъ, но съ шакою быспрошою, что она успрашила-бы меня, если-бъ я подумалъ о ней. Эшой глупосши я не дѣлаю. Думаю шолько, какъ-бы жишь, для шого чтобы опяшь свидѣшсья съ вами, и,

кажешься, исполняю, это довольно хорошо. Часы мои летаютъ такъ быстро отъ того, что я никогда не бываю празденъ. Могу сказать вмѣстѣ съ Каповомъ : никогда не былъ я такъ занятъ, какъ съ того времени, когда мнѣ нечего дѣлать. Наконецъ, если-бы я имѣлъ еще отъ васъ извѣстія, то не желалъ-бы ничего, и въ мірѣ былъ-бы одинъ человекъ, довольный своимъ жребіемъ. Напишите-же поскорѣе.

Поговорите мнѣ объ этой распускающейся розѣ, которую воспитываете вы подъ именемъ Елены... Вы такъ нераздѣлимы. Каждый изъ васъ необходимъ для бытія всѣхъ трехъ. Прошу васъ принять самое искреннее увѣреніе въ почтеніи и привязанности.

Письмо къ Гг. Членамъ Академіи Надписей и Словесности.

Милостивые государи!

Съ величайшимъ прискорбіемъ, съ чрезвычайно горесшью вижу себя исключеннымъ изъ вашей Академіи : вы рѣшительно отказываетесь отъ меня. Впрочемъ, я не жалуясь на это. Вы могли имѣть важныя причины не принять меня :

вы уже не приняли Коран, и другихъ, ко-
 рые, право, сподобятъ меня. Уравнивая съ ними,
 вы не оскорбляете меня; но, знаете-ли, что
 надо мной сѣюшся? Одинъ издатель Журнала,
 къ счастію мало читаемаго, напечаталъ: «Г.
 « Курье представлялъ себя, представляеть и бу-
 « дещъ представлять къ выборамъ Академіи Над-
 « нисей и Словесности; но Академія отверга-
 « етъ его единогласно. Для всшупленія въ это
 « знаменитое сословіе, надобно еще кой-что,
 « кромѣ Греческаго языка. Туда приняли Викон-
 « та Прево д'Ире, Камеръ-Юнкера, Г-на Жома-
 « ра, и Кавалера Дюро де Ла Малля: всѣ они,
 « правда, не знаютъ по-Гречески, но за то
 « правила ихъ извѣсны.»

Вошъ какія насмѣшки должно мнѣ вышерци-
 вать! Ошвѣчалъ я съумѣю, но мнѣ досадно,
 что я вижу какъ сбываешся предвѣщаніе моего
 ошца. Онъ сказалъ мнѣ: *Ты никогда не будешь*
нмѣтъ! До сихъ поръ я недоумѣвалъ (потому
 что въ изрѣченіяхъ оракульскихъ всегда естъ
 шемноша) и думалъ, что онъ сказалъ: *Ты ни-*
когда не сдѣлаешь ничего; а это было такъ
 удобно и даже казалось мнѣ добрымъ предвѣ-
 сніемъ для возвышенія въ свѣтѣ, потому что не-
 дѣлая ничего, я могъ достигнуть всего, и бышь
 прекраснымъ Членомъ Академіи. Но я заблуж-
 дался. Добрякъ, вѣрно, сказалъ (а онъ рѣдко

Октябрь 1831.

22

обманывался) : Ты никогда не будешь ни *митом*, ни есмь не будешь ни сплетникомъ, ни блудолюзомъ, ни доносчикомъ, ни Дюкомъ, ни лакеемъ, ни Академикомъ. Ты будешь просто Поль Луп, *id est*, *никто*. Слово ужасное.

Глупо сражаешься съ своей судьбой! Въ Академіи было при праздныхъ мѣсахъ, когда я предсварился, желая получить одно. Я былъ не безъ заслугъ: шакъ меня увѣрили, и — признаюсь — я вѣрилъ этому. Три праздныхъ мѣса, Милосшивые Гогудари! и, замѣтите одѣлайте милость, никого для замѣщенія ихъ. Вы опринули всѣхъ кто былъ способенъ занять оныя. Коран, Туро, Гаазъ, единожды опшвергнувшие, не являлись болѣе. Бѣдный Шардонъ де ла Рощешъ, который всю жизнь свою былъ шакъ простъ, что надѣялся получить своею наукою ученое мѣсто — едва разувѣрившись въ пошъ, умеръ. И такъ я былъ безъ соперниковъ, по крайней мѣрѣ спрашныхъ. Кандидатовъ не было; вы казались въ затрудненіи, и опсрочили уже два дня выборовъ, за *немнѣемъ* достойныхъ. Однихъ почитали вы слишкомъ знающими, другихъ слишкомъ не знающими, ибо вы конечно не думали-же, чтобы во Франціи не нашлось уже никого, достойнаго заседать подлѣ Галя. Вы искали пош посредственности, которую справедливо расквдали мудрецы. Что сказано вамъ еще? Все мѣ бл-

этого отказываешься вы оиъ Греческаго языка; и я согласенъ, что для этого Византизмъ лучше Коранъ.

Впрочемъ, Мм. Гг., вы совсѣмъ не пригласили ученыхъ людей: они желали-бы одни составлять Академію, и только стѣхъ допускать въ нее, кто сколько нибудь знаетъ Латинскіе; это печально, беспокоитъ порядочныхъ людей вашихъ, которые не заботятся о томъ, знали ли они когда нибудь свой букварь наизусть. Что-же шутъ худаго, что они исключаютъ стѣхъ, которые желали-бы ихъ исключитъ? Гдѣ несправедливость? Если послушаетъ ученыхъ людей, такъ они еще вздумаютъ одни бытъ Профессорами, подъ предлогомъ, что надобно знать, дабы учить; это предложеніе дерзкое, неблагозвучное: оно опшмаешь у духовенства общественное воспитаніе. И знаете-ли, до чего-бы довело оно? Вскорѣ проповѣдники Писанія должны-бы были слушать ихъ. Но если ученые хотятъ бытъ чѣмъ нибудь, хотятъ имѣть мѣста, то пусть дѣлаютъ то же, что другіе: шаги росписаны, средства извѣстны и удобны для всякаго. Визиты, поклоны, плашье извѣстнаго фасона, рекомендація нѣсколькихъ сильныхъ людей — вотъ все. Напримеръ, извѣстно, что кто желаетъ понасть въ Академію, тотъ долженъ поправиться двумъ человѣкамъ: Г-ну де

Саси, и Г-ну Капрмеръ де Кенси, да еще одному претъему, котораго имя всомню послѣ; но обыкновенно голоса одного изъ прехъ доспапочно, попому что они между собой уже сладяптъ. Будъше пріателемъ одного изъ эшихъ прехъ господъ — а эшо легко, попому что они люди добрые — и вамъ не нужно никакого доспоинспва, никакой ученоспи, никакого дарованія. Чшо можешъ бытъ удобіе, что можно купитъ дешевле? И чшо, если-бы вмѣсто этой цѣны, надобно было выслуживатъся у публики, соспавлятъ себѣ имя, извъспность?.. А сдѣлавшись Членомъ Академіи, уже сповшъ шолько идши однимъ пушемъ: мѣста и почести прольются на васъ дождемъ. Всѣ ваши обязанности заключающа въ двухъ правилахъ, легкихъ и вѣрныхъ въ исполненіи. Монахи, первые основатели всякой исполнптельности, пакъ выражали сіи правила своею Латинью: *Bene dicere de Priore, facere officium suum taliter qualiter*, и необходимое слѣдствіе эшого: *Sinere mundum ire quomodo vadit*.

О, какая счастливая мысль пршла великому Наполеону, когда онъ велѣлъ повесши подъ военные обычаи Изащныя Искусства, и образовашъ Науки по образцу гражданскихъ законовъ! *Мысль истинно Королевская*, сказалъ Фоншанъ, перемѣнитъ на жалованье обыкновенныя обшчанія

Музы, или лавры. Эпизод все угадалось въ Липшерашурѣ, и поприще, прежде столь тяжелое, стало легко и гладко. Молодой человекъ въ Липшерашурѣ идешь въ гору, и достигнешь чего нибудь, шакъ же какъ въ Соливой или Табачной Коммисіи. Веди онъ себя порядочно, будь шихъ, одѣвайся прилично, и можешь быть увѣренъ, что въ свою очередь достигнешь мѣспъ, окладовъ, пенсій, кварширы. Только не дѣлай иначе нежели другіе, не оплячайся, не учишь. Иногда молодые люди приспращающія къ ученю: это вѣрная гибель для того, кто ищетъ должностей въ Липшерашурѣ, это смерть для повышенія. Ученье дѣлаешъ лънивимъ: зароешься въ книги, спанешъ мечташъ, увлекаешься, забывашъ свои обязанности, визиты, собранія, обѣды, церемоніи, и что всего хуже, отъ ученя сдѣлаешъ гордъ. Кто учишься, шопъ скоро вообразишь, что онъ знаешъ болѣе другихъ, захочешъ успѣховъ, спанешъ презираешъ сверспниковъ, забывашъся передъ высшими, не уважашъ покровителей — и никогда не сдѣлаешъ ничего въ Словесности.

Если-бы Галь учился, если-бы зналъ онъ Греческій языкъ, былъ-ли-бы онъ шеперь Профессоромъ Греческаго языка, Академикомъ Греческой Академіи, и наконецъ полугалъ-ли-бы жалованья болѣе всѣхъ другихъ ученихъ? Гаазъ сдѣлалъ эту глупость:

спалъ ученикъ. Да что пользы, когда онъ способенъ только занимать мѣсна учениа, а не добивать ихъ? Гораздо разсудительнѣе его Г. Рауль Рошешпъ, эшопъ услужливый защитникъ Духовенства, эшопъ боецъ времянь прошедшихъ. Онъ не хуже другаго могъ-бы узнать многое поучившись, да увидѣлъ, что эшо не ведешъ ни къ чему; и полюбилъ лучше доспигашъ, нежели учисься, лучше занимать десяшь ученихъ мѣснъ, нежели бышь въ сосполнѣи управисься съ однимъ, котораго онъ не получалъ-бы, если-бы задумалъ бышь доспойнимъ его, какъ эшопъ бѣдный Гаазъ, человекъ, по моему сужденію, преученый, но не ловкій. Онъ сохнешъ за книгами и пердешъ время и свою Греческую ученость, когда у него передъ глазами прииѣръ, который могъ-бы предостеречь его опъ подобной ошибки: у него передъ глазами Галь, образецъ поведенія — истинный Липтерапюръ! Галь не знаешъ ничего, не разумешъ ни одного языка,

Mais s'il est par la brigade un rang à disputer,
Sur le plus savant homme on le voit l'emporter.

Знающіе люди просили должносши хранишеля рукописей: ее опдающъ Гаю, который не читаешъ и *печатныхъ буквъ*. Очистилась кведра Греческаго языка, единшвенная шогда во Фран-

ціи — означаютъ Гая, чопораго незнаніе въ Греческомъ языкѣ вошло въ пословицу (*)! Крестла Академіи Надписей и Словесности — отдають Гая! И такимъ образомъ, не подозрѣвая въ себѣ знанія Греческаго языка, онъ получилъ всѣ почести Греческой учености, соединилъ для себя всѣ награды, бывшія прежде его достояніемъ славнѣйшихъ знапоковъ. Гаазъ даже не осмѣлился-бы пребывать всего этого, попому что онъ изучаетъ Греческій языкъ, разбираетъ, изъясняетъ, печатаетъ Греческія рукописи, попому что онъ пишетъ книги для читающихъ по-Гречески, попому наконецъ, что онъ знаетъ все, кромѣ того, что нужно знать для полученія мѣстъ привилегированныхъ. О, какъ превосходишь его въ этомъ Гай! Онъ никогда не обманывался, никогда не сбивался съ пути подобнымъ образомъ, никогда не думалъ учиться тому, что долженъ преподавать. Такой человекъ, какъ Гай, конечно смѣется на спорону, когда получаетъ жалованье съ пяти или шести ученыхъ мѣстъ, онъ видитъ, какъ ждуть ученые.

Вопшь, Мм. Гг., что значить благоразумное поведеніе. Надобно сказать также, что при-

(*) Tu t'y entends comme Gail au grec — школьная поговорка.

грозишь Дюку и Перу — весьма выгодно : это ужасно пособляешь или , какъ говоришь поэтъ :

Ce chemin aux honneurs a conduit de tout temps.

Недантъ Карлъ Пяшый сдѣлался Папой; такой же недантъ Карлъ Девяшый былъ Великимъ раздавателемъ милосшны во Франціи. Но оба они знали грамотъ; напрошивъ Галь ничего не знаешь, и даже всѣмъ извѣстенъ какъ ничего не знающій; но пѣтъ удивительнѣе онъ успѣваетъ получать воздаяніе за ученость.

Вы знаете, какъ безкорыетны мои похвалы ему. Мнѣ нѣтъ никакой причины ему льстить; я совершенно чуждъ пріятному обмѣну взаимными похвалами, употребительному у васъ. Что мнѣ Г-нъ Галь? Ни другъ, ни врагъ; ничѣмъ не будетъ мнѣ, и во всю жизнь не удастся ему ни удружить, ни повредить мнѣ. И такъ *стала* любовь къ Греческому языку заставляеть меня прославлять въ немъ перваго изъ нашихъ эллинистовъ, по естъ самаго важнаго по липперапурнымъ званіямъ. Я знаю, что публика опдаеть ему справедливоссть; но его еще не знаютъ. Я сузу о немъ безъ предубѣжденія, и *скажу* немного людей его достоинства, даже между вами, Мм. Гг.! — Въ Германіи, гдѣ, какъ вамъ извѣстно, процвѣшаетъ ученость всѣхъ родовъ,

въ Германіи не вижу я ничего похожаго, ничего даже близкаго. Тамъ Академическія мѣста всегда отдаются людямъ, доказавшимъ свою ученость. Тамъ Коранъ былъ-бы Президентомъ Академіи Надписей, Гаазъ Хранишителемъ Рукописей; ктонибудь еще занималъ-бы кафедру Греческаго языка, а Галь. . . . Что дѣлалъ-бы онъ? Не знаю: такъ мало цѣнишься въ этой землѣ оборотливостью, осплечающая его! Эми, какъ видно грубые люди, признають одво право для полученія лишешерашурныхъ должностей: способность опправлять ихъ, кошорая у насъ служишь поводомъ къ исключенію.

Все это опносится однакожь шолько къ вашей Академіи, Мм. Гг., по ешь къ Академіи Надписей и Словесности. Въ другихъ могутъ бышь и другія правила. Смѣю увѣришь, что кандидату Академіи Наукъ не откажали-бы шолько за то, что онъ хорошій Натуралвсъ или глубокомысленный Математикъ: эштому ешь примѣры.

Но — вопъ какъ я удалился опъ предмета своего письма! *Говоря съ вами, забываю, о чемъ долженъ говорить*; удовольствіе разговаривать съ вами опвлекаетъ меня опъ предмета. Я хотѣлъ опвѣчать на злыя насмѣшки Журнала, кошорый сказалъ, *что я представлялъ себя, представляю и буду представлять*, желая бышь съ

вами. Въ эсихъ шрехъ положеніяхъ еспъ одна истина: что я предспавлялъ себя, но одинъ разъ, никакъ не болѣе, Мм. Гг. Желая бышь вашинъ, я сдѣлалъ шолько сорокъ визитовъ и восьмидесятъ поклоновъ, полагая два поклона на визитъ. Это не значить ничего для ищущаго Академическихкихъ должностей, но значить много для меня, не гибкаго отъ природы и новичка въ эшомъ упражненіи. Я еще и не оправился хорошенько отъ эшого. Но я вымечился отъ честолюбія, и ругаюсь вамъ, Мм. Гг., что не начну снова ошнша; если-бы и увѣренъ былъ въ успѣхъ.

Но Журналистъ упоминаеть о правилахъ людей, избранныхъ вами, правилахъ извѣстныхъ, какъ говоритъ онъ: это выраженіе, намекая, что мои правила неизвѣстны, беспокоить меня. Если вамъ удастся учредить во Франціи свяшую Инквизицію — а говорятъ, что вы думаете объ эшомъ — то я не хочу, чтобы со временемъ упрекнули меня, зачѣмъ я оставилъ безъ отвѣта подобный намекъ. И шакъ скажу вамъ, что правила мои извѣстны шѣмъ, кто меня знаетъ, и сказашъ это было-бы довольно. Но чтобы уже не говорили мнѣ болѣе о правилахъ моихъ, я ихъ изложу въ немногихъ словахъ.

Вопш мои правила: *Между двумя точками, прямая линія есть самая краткая; цѣлое болѣе*

своей части ; два количества , изъ коихъ каждое равно третьему , равны между собою.

Соглашаюсь также , что дважды два составляютъ четыре ; но я не увѣренъ въ этомъ.

Таковы правила мои , Мм. Гг.: въ нихъ я былъ воспишанъ , слава Богу , въ нихъ хочу жить и умереть. Если вы попросите у меня другихъ объясненій (ибо можно сказать , что въ различныхъ предметахъ бывающъ и различныя правила , напимѣръ правила Грамматики ; но пусть не о нихъ идетъ рѣчь , потому что эти господа , какъ говорятъ , не знающъ ни по-Гречески , ни по-Латини — правила религіозныя , нравственныя , политическія) , я удовольствую васъ и въ этомъ отношеніи съ равною искренностью.

Мои религіозныя правила шѣже , какія были у моей кормилицы , которая умерла Христіанкою Католическаго Исповѣданія , безъ всякаго подозрѣнія въ ереси. Вѣра солника и угольщика вошли въ пословицу. Я солдатъ и дровосѣкъ , то есть почти тоже что угольщикъ. Если кто станетъ подыскиваться подо мной касательно Религіи , я готовъ оправдаться.

Мои нравственныя правила заключающа въ слѣдующемъ правилѣ : Не дѣлашь другому того , чего не желалъ-бы я самому себѣ.

Касательно моихъ политическихъ правилъ скажу , что это дѣло во многомъ спорное :

Если-бы я опалъ выводилъ изъ эпюго свои права, да можетъ бытъ еще неудачно, по даль-бы поводъ смѣшать себя съ пѣми людьми, которыхъ чувствованій я не раздѣляю. Лучше я скажу вамъ однимъ словомъ, что оплацаетъ меня и раздѣляетъ опъ всѣхъ паршій, и почему я въ эпюмъ опношеніи чедовѣкъ рѣдкій въ наше время: я не хочу бытъ Королемъ, и всячески избѣгаю всего, что могло-бы меня навеселити на мысль о Королевствѣ.

Объясненія мои запоздали и могутъ показаться излишними, попому что я опказываю опъ почести бытъ между вами, Мм. Гг., а вы, безъ сомнѣнія, сколько-же хошите принять меня, сколько я хочу бытъ Членомъ какого нибудь липшературнаго обществя. Однако я не сожалѣю о томъ, если разувѣрю пѣхъ особъ, которыхъ, на вѣру къ Журналисту, могли подумашъ, что я упорствую, подобно многимъ другимъ, и хочу побѣдити ваши опказы своими надобданіями. Совсѣмъ нѣшъ, увѣряю васъ. Смиренно сознаюсь, что Богъ не создалъ меня бытъ Членомъ Академіи, и что не на добро совѣщавали мнѣ предшавишь себя къ выборамъ и одинъ разъ.

Парижъ, 20 Марта 1819.

О ДРЕВНЕЙ ПОЭЗИИ

Аравовъ, до Мугаммеда.

У обитателей Аравійскихъ степей была своя, самобытная Поэзія, имъ свойственная; задушенная пошомъ политическими событіями, она явилась въ новомъ видѣ послѣ Мугаммеда. Немного памятниковъ первобытной Аравской Поэзіи осталось намъ; тѣмъ они драгоценнѣе. Между ими въ первомъ ряду должно поставишь семь *Моаллакъ* — шворенія семи Аравскихъ поэтовъ. За ними слѣдуютъ другія древнія пѣснопѣнія, хопя менѣе блистательныя, но замѣчательныя однакожъ въ высокой степени, и современныя Мугаммеду. О *Моаллакахъ*, и о сихъ твореніяхъ, хопимъ мы говорить теперь. Но, предварительно, надобно предсавишь себѣ сущность генія древней Аравійской Поэзіи.

Степцой Аравъ живеть, съ своимъ конемъ, своимъ копьемъ, своимъ мечемъ, spadaми своихъ овецъ и верблюдовъ. Сія прѣдмешы знакомы его взору, его сердцу; болѣе: они, шакъ сказашь, *существуютъ* съ нимъ. Съ ними говоритъ Аравъ, чувствуетъ, мыслить съ ними, кажется, соединяеть съ ними свою душу. Небо, мѣдяный куполь, его покрывающій, являеть взору его океанъ лазури, спорящій въ красощъ цвѣта съ пещанымъ, золошымъ моремъ земли, гдѣ взоръ его шеряеться и гуляеть на раз-

доль. Звѣзды сверкають надъ его головою: это очи неба, созерцающія жребій отважнаго всадника. Пустыня есть море, гдѣ онъ рѣшся; верблюды есть корабль сей пустыни; кустарники дають приюстъ всаднику, въ тѣни своихъ огромныхъ, шолстыхъ иголь, служащихъ имъ вмѣсто лисшьевь. Горькая вода утоляетъ его жажду: пушникъ находитъ ее въ глубинѣ колодезь, часто раззоренныхъ—это послѣдніе слѣды убѣжищъ, вѣкогда обишашемыхъ поколѣніемъ, изгнаннымъ изъ сихъ мѣстъ, и ураганомъ бишь—болѣе ужаснымъ, нежели песчаный вихрь пустынь, принужденнымъ искашь прешанища подь другими скалами.

Левъ, съ величественною своею гривною, кровавая гѣнна, коршунъ, лешащій съ небесь—видяшь Арабскаго всадника въ пустынь, и наблюдають за нимъ. Утолишь-ли онъ свое жестокое ищение, и оставишь пиръ кровавый своимъ сопушникамъ—они сходятся, слетаются, и волки, менѣе знакомые человекъ—эти коршуны земли, спадаями крадутся къ побонцу. Дикіе звѣри почти всегда живуть въ мирѣ съ обишашелами пустынь. Вражда людей дѣлаешся ихъ Провидѣніемъ. Въ другихъ странахъ, человекъ гонитъ ихъ ошь своего благоденствія: миръ людей есть гибель дикимъ живощимъ.

Свойства героя соединяетъ Арабъ съ ищящникомъ свирѣпости, съ жаждою крови. Огонь величія сверкаетъ въ его мысли, горитъ во всѣхъ его поступкахъ, одушевляетъ его въ одно время великодушіемъ и любовью, воспоргомъ и доблестью. Бедуишь любитъ, но любовью исключительною, рев-

нявою, опасною. Едва онъ на зарѣ юности, какъ это чувство сверкаешь уже въ груди его, самыми яркими огнями Юга. Любовь Араба закрывается также своимъ покрываломъ стыдливости, своимъ пайнами чистой непорочности; но, какъ молнія, змією пролетающая по бурной шучѣ — она ужасна и жива, пламенна и быстра! Другія сильныя чувства также воздымають грудь Араба. Въ ограниченномъ кругѣ дѣйствій, у него есть свои политическія занятія, дѣла, которыхъ всегда подчиняешь онъ глубокимъ, часто воспорженнымъ уравненіямъ. Самый эгоизмъ является у него силою, а не мѣлкостью ума. Храбрый воинъ слыветъ кумиромъ своего поколѣнія; блестящее юношество его окружаетъ. Избавишель, герой, мстишель своихъ родичей, ошъ пѣсней Поэзіи ждешь онъ своей славы; врагъ плашишь ему дань удивленія и бѣшенства; онъ не умираетъ для своихъ родичей — онъ переживаетъ себя славою и ненавистью. Воспоминаніе о древнихъ герояхъ живо у Арабовъ и черезъ нѣсколько вѣковъ: ихъ обожаютъ, ихъ ненавидяшь, какъ будшо современниковъ.

Посмотрише на этого почтеннаго Шеика: паш-ріархъ, судія, ошець, старшина своего рода, священникъ-Царь, Монархъ-пашырь — онъ и жрецъ своего народа, онъ возноситъ мольбы, и цѣлое поколѣніе возвышается къ Богу на крылахъ его молитвы. Онъ закалаетъ жертву собственными руками, чшими почши за божественныя. Кто осмѣлился возропшашъ въ его присушствіи? Какой воинъ не почувствуешь цѣпей, оковывающихъ его дерзкую ошвагу, когда взоръ Шеика оврачаешь? Такъ

дичя, взрослый, старецъ, Арабъ всегда испы-
ваешь глубокія, сильныя душевныя движенія. Од-
нообразіе бытія его не естъ однообразіе скуки; са-
мая пустыня занимаетъ, кажешься, нѣчто высокое,
ошь характера челоука, въ ней обитающаго.

Глубоко важный, Бедуинъ свободенъ, ибо онъ
преданъ, гордъ, знаешь устройство общественна-
го быта, умѣешь повелѣвать, потому, что на-
учился повиноваться. Самыя спраши, ужасныя въ
нихъ неистовствія, онъ скрываетъ цѣлыя годы. Ни-
что не измѣнишь его движеній, до той роковой
минуты, когда вспыхнетъ его ярость. Арабъ укро-
щаетъ самого себя, какъ укрощаетъ онъ своего
быстраго коня, едва касающагося земли въ полетѣ
своемъ, едва вздымающаго песокъ пустыни своими
копытами, когда, какъ вихрь быстролетный,
мчишь онъ всадника на край степи. Аравіяннинъ не
знаешь шой любви, шого уваженія къ женщинѣ,
какія окружають ее на Западѣ; но онъ щадитъ
слабость ея, онъ уважаетъ ее, какъ мать его
дѣтей.

Мы говоримъ здѣсь не объ историческихъ Ара-
бахъ, общественное устройство коихъ было дѣ-
ломъ Мугаммеда, которые по голосу его ринулись
изъ среды пустынь, съ яшаганами въ рукахъ, про-
повѣдуя законы Исламизма. Мы говоримъ объ уеди-
ненномъ Арабѣ, скрывавшемся до Мугаммеда, и нынѣ
сокрышомъ въ песчаныхъ пустыняхъ Аравіи, гдѣ
сосредоточено все бытіе его. Противоположимъ
изображенію древняго и степнаго Араба, нами
представленному, исполнискій образъ другаго на-

рода, также гордаго, неукропимаго, поэтического — *Скандинавовъ*. Въ своей самобытной Поэзии, они являютъ намъ разительныя черты сходства съ Арабами, Тѣ и другіе принадлежатъ климатамъ однообразнымъ, землямъ, долгое время бывшимъ отдѣленными отъ другихъ.

Горящее однообразіе Арабскаго неба, по противоположности и по странному сближенію противоположностей, похоже на ледяной, ужасный холодъ Скандинавскаго климата. Съверное небо въ дни зимніе вообще ясно: звѣзды мерцаютъ на немъ даже въ самый день. Цвѣтъ его блѣдно-лазуревый, и оно не являетъ намъ глубины Арабскаго неба. Ураганъ пустыни вздымаетъ горы пѣску; буря Скандинавская ломаетъ, дробитъ мрачныя вѣтви обширныхъ сосновыхъ лѣсовъ. Лѣды для жителя Норвегіи шже, что пѣски для Бедуина. Норвежець обшашетъ съ волкомъ, бесѣдуетъ съ орломъ, зовешъ его спуститься на добычу; ему пригѣтовленную, кидается въ челнокъ на волны, и преслѣдуетъ исполинскаго моржа въ его морѣкомъ разгулъ. Легкій корабль, изображающій дракона — это верблюдь, носящій его, эту конь, на которомъ лешишь онъ! Скандинавъ даетъ ему такія-же символическія имена, какія Арабъ даетъ своему доброму коню. Медвѣдь страшится гнѣва его. Стихія вызываетъ онъ на бой, и укрощаетъ ихъ руническою пѣснью; отъ голоса его колеблются холмы могильные. Впрочемъ, Скандинавъ обладаетъ важнымъ прошивъ Араба преимуществомъ: его общественность заключаетъ въ себѣ сѣмя богатаго развитія:

вшо его *Ремзія*, обильная мнѣнческими вымыслами, болѣе глубокими, нежели Аравійское исповѣданіе Уроталша и чернаго Меккскаго камня. За шо, върваніе Араба блещеть, подобно солнцу Азіи, огнемъ болѣе живымъ, нежели мрачныя основанія Сѣверной Религіи, подобной Сѣверному небу, на которомъ никогда не горяшь Альдебаранъ лучами Аравійскими.

Въ Поэзіи Арабской и Скандинавской мы находимъ неодолимую швердосць дикаго ушеса. Одна живеть среди верблюдовъ и коней; гнѣнны, волки, львы сославляють ея свишу; она рассказываетъ о гордостии дикихъ поколѣній, говоришь объ ихъ ужасныхъ мщеніяхъ. Другая бросается на легкій корабль, вызываетъ къ ору, говоришь свирѣному волку, вызываетъ на брань морскихъ чудовищъ. Она упоена древнею славою поколѣнія воинственнаго и благороднаго; она поеть о своихъ похожденияхъ, своихъ подвигахъ: арфа ея окровавлена и ужасна, какъ арфа Арабской Поэзіи. Тоже величіе, шаже однообразносць картинъ, шоже повшореніе одинакихъ образовъ. Но противоположносши ихъ разительны не менѣе сходства. Арабъ и Скандинавъ понимаютъ жизнь совершенно въ двухъ различныхъ образахъ; женщины Сѣвера и женщины Юга занимають совершенно противоположныя мѣста; бышь Скандинава богашъ ошдаленными предпріятіями, но если-бы Мугаммедъ не вырвалъ своего народа изъ пустынь, онъ всегда ошсавался-бы шамъ. Скандинавъ и Арабъ сошлись наконецъ на Пиренейскомъ полуостровѣ, гдѣ Готы и Магры слудись воедино, послѣ

продолжительной борьбы, гдѣ кровь ихъ смѣшалась, гдѣ нравы ихъ, споль долгое время одни другиямъ непріязненные, соединились въ установленія общественныхъ и въ обычаяхъ, въ Поэзіи и въ дѣйствительности.

Въ Арабской Поэзіи больше нѣги, въ Сѣверной болѣе непорочности; та и другая чисты, та и другая не испорчены, ибо онѣ обѣ истинны. Это языческіе нравы, развившіеся подъ свободнымъ сводомъ неба; дикая опшкровенность ихъ можетъ встрѣожить наше чувство приличія, но не оскорбитъ нашей стыдливости. Скандинавская Амазонка отдается любовнику, но повелѣваетъ имъ. Дѣва Аравійская шеряетъ свою независимость, уступая любви, но она не отказывается отъ нравъ, ни на кокетство, ни на вѣтреное непостоянство. *Норны*, богини жребія, стрегутъ бышіе Сѣверныхъ дѣвъ. Въ уединеніи пустынь, видятъ ихъ приближающихся къ ней, прелестныхъ, исполненныхъ величія, какъ лебедей, плавающихъ на поверхности свѣтлаго озера; никто отважный не нарушитъ безнаказанно ихъ шанишвеннаго купанья. Съ дѣвою Сѣвера общается богиня, играющая копьемъ и мечемъ. Юная Арабка, напрошивъ, весела и робка, отважна и боллива; она изображаетъ собою полъ угнешенный, но обожаемый. Подъ огнемъ неба, близкаго къ проликамъ, вдохновенія любви жарче; подъ небомъ, близкимъ къ Сѣверному полюсу, они возвышеннѣе.

Кончимъ здѣсь наши сравненія. Мы не хотѣли выводить ихъ съ веданшскою важностью, но спарались однакожъ сдѣлать ихъ полнѣе, не забывая

ни разнообразій, ни сходствъ, ни даже того справнаго сближенія, которое рождается опъ соединенія двухъ совершенныхъ различій. Чашо мы сходствуемъ самыми противоположностями, и полюсъ сѣверный находится въ гармоніи съ полюсомъ Южнымъ, ибо онъ ему противоположенъ. Къ моральнымъ впечатлѣніямъ нашимъ можно прилагать также законъ противоположностей, производящихъ согласіе — *полярность* физическую, если для смѣлой мысли должно употребить выраженіе не менѣе смѣлое.

Обращаемся къ Арабскимъ *Моаллакамъ*. Мы уже сказали, что ихъ всего семь. Моаллака поэта *Амріалкаиса*, какъ говоритъ В. Джонсъ, исполнена блеска, нѣжности, веселости, щегольства, разнообразія, предести. Амріалкаисъ, Князь Арабскій, идетъ впереди дружины своей. Они приблизились къ тому мѣсту, гдѣ недавно еще обитала дѣва, любимая Амріалкаисомъ, и откуда удалась она, вмѣстѣ съ бѣжавшимъ изъ сего мѣста родомъ своимъ. Поэтъ проситъ друзей остановиться, и дать ему время на грустное ушѣшеніе—плакать на томъ мѣстѣ, гдѣ жила подруга его сердца. Друзья соглашаются, но убѣждаютъ его пробудить свою воинственную доблесть; говорятъ ему о минувшихъ его бѣдствіяхъ, и наслажденіяхъ, какія вкушалъ онъ. При воспоминаніи о бывшихъ наслажденіяхъ, воображеніе поэта успокоено, печаль его утихла. Такъ орелъ, прежде нежели кинется на добычу, нѣсколько времени держится подъ облаками неподвижно.

Въ жаркихъ выраженіяхъ, поэтъ разсказываетъ друзьямъ утѣхи юности своей. Онъ не могъ опкрыться въ страши своей прекрасной Онавзъ. Поколѣніе эпой, любимой имъ дѣвы, снимаешь шап-ры, и идешь въ другую страну. Поэтъ выбираешь шу минушу, когда женщины, окруженныя служителями, спрегущими обозъ, составляютъ послѣдній опрядъ переселенцевъ. Ованза, съ веселою шолпою прелестныхъ дѣвъ, удаляется отъ обоза, и останавливается на берегу ручья. Подруги ея сбрасываютъ свои одежды, купаются, играютъ въ волнахъ. Амріалкансъ сходишь съ верблюда своего, и садится подлѣ одеждъ. «Кто хочешь одѣваться» — говоришь онъ — «пусть иребуешь у меня своей одежды».

Въ Индійской пуранѣ о Шри-Бхагаватѣ находимъ подобное изображеніе: Кришна представленъ къ ней также забавляющимся надъ Гопіасами, или пастушками-

Мольбы и просьбы дѣвъ остаюцца безуспѣшны. Безразсудный неумолимъ. Насупаешь ночь; дѣвы принуждены выходить изъ воли, и Амріалкансъ опдаешь имъ одежды. Ованза остаецца послѣдняя, долго не хочешь выйдти, долго простираешь умоляющія руки, и, принужденная наконецъ подражашъ примѣру другихъ, приближаецца спядясь и робѣя. Подруги жалуются, говоришь, что чувствують голодь, что онъ иззябли. Амріалкансъ убиваешь молодаго верблюда, на кошоромъ ѣхаль, зажигаешь огонь, и готовишь имъ ужинъ. Въ веселомъ пиршествѣ незамѣшно проесаецца вре-

Октябрь 1831.

24

ня; вино оживляетъ бестду; Амріалкансъ нѣтъ большой запасъ вина, въ нѣхъ, кошорый былъ при немъ. Между нѣмъ, у него нѣтъ ни лошади, ни верблюда; ему не на чемъ шеперь ѣхать. Онанза ушупаешь его просьбамъ, и соглашается ѣхать съ нимъ на одномъ верблюдѣ; они опираются впередъ; дѣвы, подруги Онанзы, несутъ оружіе и припасы Амріалканса.

Послѣ описанія любви къ Онанзѣ, слѣдуетъ описаніе любви поэта къ Фатимѣ — другой страсти, столь-же опасной для Амріалканса, ибо дѣва, нѣ любимая; также принадлежала къ враждебному поколѣнію. Потомъ, воспорженная душа поэта внушаетъ ему похвалу его отвагѣ, съ какою, въ шенную ночь, онъ ѣздитъ и мчится по пустынямъ. Утромъ охота занимаетъ его; слѣдуетъ описаніе обѣда, составленнаго изъ добычи, добышой кош-емъ.

Ужасная буря прерываетъ повѣствованіе. Амріалкансъ съ радостью видитъ разгулъ молній по тучамъ; но друзья его ищутъ убѣжища, и нѣмъ оканчивается поэма.

Царь, подобно планетѣ бродящій — такъ называютъ Арабы Амріалканса, знаменишаго между ими по его странствованіямъ и несчасіямъ. Рожденіе призывало Амріалканса царствовать; но родителъ изгналъ его, въ наказаніе за смѣлыя любовныя похождения, и страсть къ шумнымъ пирамъ и веселой поэзіи. Послѣ смерти строгаго отца, Амріалкансъ принужденъ былъ бѣжать въ Грецію. Здѣсь его из-

мѣнячески отправили, подаривъ ему одежду, напишанную ядомъ. Терзаемый справою, онъ велѣлъ нести себя изъ жилища враговъ, и на пути горестно оплакивалъ свой жребій, въ позѣ донныя существующей. Постараемся, хотя весьма несовершененно, передать нѣсколько ошрынковъ изъ Моаллаки Амриалкакса, о кошорой мы говорили.

« Остановишесь ! будемъ плакать здѣсь, воспоминная мою возлюбленную, будемъ плакать, при взглядѣ на шо мѣсто, гдѣ раскинушь былъ шашеръ ея ! На мѣстѣ его, между Дагулемъ и Гомелемъ, обширные холмы песку, и между шѣмъ, хоша вѣтры Юга и Сѣвера, въ жестокой борьбѣ, кашили и вздымали волны зыбкаго песку — не всѣ еще сѣды ея убѣжища изглажены.

« Мои спутники остановились. « Успокойся », говорили они — « не допускай отчаянію погубишь себя ! » — Обильныя слезы мои были имъ ошвѣтомъ. « Но », продолжали они — « что ты плачешь на ошашкахъ брошенана жилища? Развѣ шеперь ты почишаешь себя несчастливѣе, нежели былъ въ шо время, когда на холмахъ Мазеля, ты ошавилъ Говаиру, и Ребабу, ея сосѣдку.

— Ахъ ! ошвѣчалъ я — правда, когда сѣи двѣ юныя дѣвы удалялись — благоуханіе, прелестнѣе благоуханія гвоздики, вѣяло ошъ ихъ одеждъ, разносимое вѣтромъ пустыни ! — И слезы пошохомъ лились изъ глазъ моихъ, шекли по моей груди, омочали перевязь, на кошорой виситъ мечъ мой.

« Но много дней проходило для шебя въ сладо-

спныхъ , уединенныхъ бесѣдахъ съ прекрасными дѣвами. Каковъ былъ день , проведенный тобою близъ волнъ Даратскаго озера ? » — Правда, онъ былъ прекрасенъ ; въ этотъ самый день, я самъ убилъ моего быстрого верблюда, и пиршествовалъ съ юными дѣвами. Какъ весело было мнѣ послѣ того видѣть , что дѣвы раздѣлили между собою и несли мою сбрую , мое оружіе , мои запасы ! До глубокой ночи милыя собесѣдницы мои рѣзали нѣжно-поджаренное мясо верблюда моего , и веселились. Не одна красавица вводила меня въ темный свой шатеръ , не одна юная мать забывала при мнѣ заботы о своемъ дитяшѣ , оставляя его волшебному шалиману , ея рукою привязанному къ его груди. Когда , забытое въ колыбели , дитя плакало , мать склонялась ко мнѣ на грудь, и мои объянія ошелекали ее ошъ любви къ сыну.

« Какой счастливый былъ этотъ день , когда Фатима , на вершинѣ этого песчаного холма , клялась никогда не слушать меня, и отвергла любовь мою! « Фатима!» говорилъ я — « не будь ни шакъ горда , ни шакъ робка, и если ты хочешь оставить меня , не бѣги шакъ скоро. Я не могу тебѣ нравиться ; вырви-же изъ сердца моего стрѣлу любви , его раздражающую! Или ты гордишься тѣмъ, что любовь къ тебѣ убиваетъ меня , и волю твоею я повинуюсь слѣпо и безразсудно? Ты плачешь — но ошъ слезъ твоихъ горитъ мое сердце ! Ахъ! что оно тебѣ сдѣлало? Оно и безъ того уже исперзано и умираетъ въ шокъ и ошчаяніи ! . . .

« И она позволила мнѣ придти къ шатру ея , гдѣ

допродѣ не было слѣда ни единого смѣлаго юноши ; она предалась сладкому восторгу любви моей. Я крадся между рлдами спражей , окружавшихъ ея шашеръ. Я не страшился ярости непріятельскаго племени , жаднаго моей крови. Это было шотъ часъ , когда Плеады являюся на небѣ , и подобяшся перламъ , конми унизанъ шелковый занавѣсъ. Я приблизился ; она ждала меня , подлѣ ковра , закрывавшаго входъ въ ея шашеръ ; она была въ вечернемъ плашьѣ , какъ будто готовилась предаться покою. Она просягнула ко мнѣ руку и гогорила : « Клянусь Создашелемъ , что ни въ чемъ не могу ошказашъ любви швоей ; швое безумное упоеніе умѣеть все укропшшь , и ничто не можеть побѣдишь его ». — Я обнялъ ее , и когда мы гуляли вмѣстѣ , въшеръ развѣваль длинное плашье ея , и смешалъ слѣды наши на песокъ. Мы вышли изъ обиталищъ ея племени , и сошли въ долину , окруженную холмами горячаго песку. Тихо привлекъ я дѣву къ себѣ за локонъ волосовъ ея , и она склонила голову свою на мою грудь. Какъ прелесшна была она шогда , какъ мида ! Тяжело вздымалась грудь ея подъ золошыми украшеніями ; легка была посшупъ ея , нѣжна и бѣла кожа , спройно шѣло , грудь свѣшла , какъ зеркало , какъ яйцо спроуса , прозрачное , наполненное чистшою , пишательною влагою. Она уклонилась ошъ меня , я цѣловалъ ея нѣжную щеку. Ташющіе глаза ея передали мнѣ робкій взоръ , подобный шихому взору дикой газели , когда въ пещерахъ Вагара , она смотришь на свосго друга. Ея шея подобилась шеѣ овсчки , бѣлой , какъ молоко , нѣжной и прекрасной. Ея длинныя , черныя волосы подобились величест-

венному лѣсу пальмъ ; обвѣшанному финиками , и , черные , какъ крыло ворона , падали на ея снаны . На съ чѣмъ не сравнишь прелесть , съ какою локоны волосовъ ея были перевязаны лентою , шурляшеюся въ полузавязанныхъ и разбросанныхъ локонахъ , ниспадавшихъ на плеча и грудь . Ножка ея была бѣла , и гладка , какъ шволь юной пальмы , какъ шпротникъ Аравійскій , гнущійся ошь въпра на берегу ручья . Когда дѣва отдыкала въ дневный зной , ея ложе благоухало мускусомъ . Гордая своею красою , часто мѣняла она великолѣпныя одежды на простое плашье , и прислужницамъ отдавала дорогой свой передникъ . Ея маленькіе , нѣжные пальчики , оконечности которыхъ казались окрашенными прелестною розою , подобно розовымъ настькомымъ долины Дабіа , блискали пурпуромъ и алебастромъ , и мило раздавали подарки подругамъ . Свѣтъ лица ея освѣщала мрачную ночь , какъ лампада пустычника , зажженная въ мрачной пещерѣ . Ахъ ! никогда сердце мое не исцѣлится отъ глубокой раны , нанесенной ему любовью къ тебѣ !

« Сколько разъ отвергалъ я совѣты и осужденія строгихъ друзей моихъ , порицавшихъ любовь мою къ тебѣ ! Какъ часто ночь , подобно дикому океану , съ мрачными валами , облекала меня своими ужасами , какъ будшо желая испытать любовь и сѣдосшь мою , когда я лепѣлъ къ тебѣ ! По мѣрѣ того , какъ мракъ ночи разширался по облакамъ , и шихо , медленно грозилъ охватить широкую свою грудью весь міръ , я восклицала : « О ночь унылая ! разсѣй свои мраки ; да загорится Востокъ зарею !

Трудно горести моей съ побою бороться; день развеселишь мою душу. Но ты ужасна, ты губительна ночь, когда ни одна изъ звѣздъ не блестятъ на небѣ, когда лучи ихъ, какъ будто скованы, подобно кораблю, скованному якорями у подошвы скалъ!

«Часто также вспавалъ я при первомъ блескѣ дня, когда пшцы дремали еще въ своихъ гнѣздахъ; тогда бросался я на моего мягко-гриваго коня, сильнаго, и споль быстраго на бѣгу, чѣмъ дикіе звѣри не перебѣгали его. Сильный, когда идешь впередъ, твердый, когда ошсупаешь, легкій на поворотѣ, вихрь, когда преслѣдуешь врага — онъ вдругъ исполнялъ все, какъ безмѣрный утесъ, ошорванный горнымъ пошохомъ воды ошъ воздушнаго его основанія, и крушящійся съ вершины горы въ долину. Сѣдло скользишь по его шемной спинѣ, какъ капля воды скользишь по мрамору, блескомъ ослабляющему взоры. Даже и усшальный, онъ все еще мчшся, словно буря, а ржаніе его, въ минушу гнѣва, подобно звуку мѣднаго кошла, кошорый кинишь и пѣнишь на огнѣ. Когда другіе кони ушпають, и, не разбиная уже волнѣ воздушныхъ на бѣгу своемъ, въздымають прахъ земли ушомленными ногами, мой конь лепишь, какъ пошокъ съ горы, и швердо бѣешь копышомъ въ землю, едва касаясь ея. Онъ вышпбаешь изъ сѣдла слабаго юношу; онъ дико мчшся съ мощнымъ всадникомъ. Онъ быстръ, какъ быстра игрушка дшяши, кошорую пускаешь оно съ крѣпкой ншпки и зашавляетъ вершѣшься. Хребетъ его подобенъ хребту аншелошы, ноги у него уно-

добляющся ногамъ спроуса. Онъ спунью ходить , какъ волкъ , рысью , какъ молодая лисица. Крѣпки бедра его , и когда онъ повершывается , видѣнь длинный , густой , прямой хвостъ его , никогда земли не касающійся. Когда онъ споншь на ногахъ въ своей конюшнѣ , спина его похожа на гладкій камень , на которомъ шрушь зерна колоквины , или гошовашъ ароматы для украшенія юной дѣвы.»

« Кровь быспролешныхъ пшиць видна на его гривѣ , будшо багряный сокъ гинны на сѣдыхъ волосахъ спарца , взвѣваемыхъ вѣшромъ пусшынн. Онъ лешпшь и вношишь меня въ средину дикаго спада , гдѣ юныя шелицы шакъ-же прекрасны , какъ юныя дѣвы , въ длинныхъ одеждахъ пляшущія вокругъ испукана Деваара. Онъ бѣгушь , и подобяшся цѣшисшымъ раковинамъ Іемена , повѣшеннымъ на шеѣ юнаго война , опличеннаго въ его поколѣнн числомъ благородныхъ сродниковъ. Конь мчишь меня въ нешшовствѣ къ шѣмъ , которыя въ бѣгѣ своємъ далеко опередили другихъ — и онъ-ли не догонишь ихъ ! Молніей налепашшь онъ , и въ мгновение сбивашшь юную шелицу и свирѣпаго вола — и пошь не смачивашшь даже его гривы ; онъ не прошишь даже пшь... Такъ легкокъ , шакъ нешшомнн бѣгъ его !

« Тупъ искусный поваръ готовишь намъ обѣдъ. Онъ жаришь часшь говядины ; кипяшишь другую на камняхъ , красныхъ ошь свирѣпости огня , и еще шрешью часшь наскоро гошовишь намъ въ желѣзномъ копликтѣ. Мы пируемъ , и ѣдемъ вечеромъ. Такова красота охошничьяго коня моего , что кто взгля-

глядеть на него съ головы до ногъ, и нѣтъ однимъ взглядомъ не обвинить всей красоты его. Онъ всегда передо мною, онъ бодръ, доплоть, пока не снимешь съ него богашой его сбруи, и не пуошяшь на шальную пашву.

« Другъ ! видишь-ли шы молнію, шакъ ярко свергающую, какъ будшо кто вибудъ бросаешь ее сильною десницею изъ-за тучи? Огонь ея блещеть, подобно лампадѣ опшелъника, когда вольюшь въ нее масло, и цѣпь, на кошорой висить она, еще колеблешся. Сопушники мои удалились за Даариджъ и Одхаибъ, а я неподвиженъ : дивлюсь блеску молніи, и устремляю на нее глаза свои, ничѣмъ неуспрашаемые. Вправо пошекли попоки съ холмовъ Хатава; влѣво воды шремяшся съ вершинъ Сипаара и Ядбуля ; буря зашопляеть Кошавфу, и пещеры ея скрываются въ волнахъ. Ночь возлегла на вершинѣ Кенаанской, покрыла ее пошопомъ, и низвергаетъ дикихъ козь съ обрывчатыхъ утесовъ. Ни одна пальма Таимаская не уцѣлѣла ; ни какое зданіе, сосшавленное изъ камней и связанное неразрушимымъ сосшавомъ, не устоитъ прошивъ шакой бури ! Какъ почтенный старецъ, закушанный разраннымъ плащемъ, гора Тебеиръ стоить неподвижно, среди высокихъ волнъ. Вершины Могаймира покрыты обломками, которые увлекъ въ печеніи своемъ горный пошокъ : онъ подобенъ пряслицѣ, обверченной волною, и яростно гремишь буря уже надъ Гхабейтскою пустынею, подобясь торговцу Іемена, прибывшему въ мѣсто своего назначенія съ богашшвомъ шоваровъ.

« И настаетъ утро. И пищцы долинь возвѣстятъ его, едва шолько заря покажется на небѣ, возвѣстятъ щебешаньемъ радости, какъ будто нанишокъ ушра, составленный изъ вина и приносяей, на зарѣ упоилъ ихъ. Звѣри лѣсные, увлеченные nocturnoю бурей, плавають въ волнахъ, какъ дикія шравы въ зашишь озера пустыннаго. . . . »

По слабой пѣни, нами представленной, можно судить: какова сія удивительная поэма, гдѣ шолько легкости и смѣлости, нѣги и страстей, гдѣ мы окружены первобытною, величественною природою, исполненною дикихъ образовъ, гдѣ нѣжность и бѣшенство нераздѣльны, гдѣ открывается намъ новый горизонтъ Поэзіи, неизвѣстный нашимъ Западнымъ понятіямъ! Арабская физиогномія оживляетъ эту Поэзію особеннымъ характеромъ, оплечающимъ ее отъ Эротической Поэзіи Индійской. Душа и воображеніе Амриалканса представляютъ намъ много безпорядочнаго и буйнаго, но ничего нечисшаго. Узнаемъ голосъ сына природы, безъ правилъ, безъ мѣры, вскормленнаго благодѣтельнымъ млекою общей матери, и при всемъ шомъ силы его сушь силы исполнна. Овъ ринулся въ жизнь, будшо смѣлый мореплаватель, горделиво пѣнящій волны далекихъ морей.

Другая звѣзда Арабской Поэзіи восходитъ передъ нашими глазами. Это *Тарафа*, творецъ второй Моаллаки.

Тарафа сдѣлался страшень своимъ сатирическими пѣснопѣніями, и былъ наконецъ зарѣзанъ врагами на 26-мъ году жизни. Вся жизнь его прошекла

въ ссорахъ и несогласіяхъ. В. Джонсъ , переведшій его Моаллаку , называетъ ее смѣлою , живою , дышащею насмѣшками и беззаботною веселостью. Вошь , по мнѣнію Джонеса , происхожденіе Моаллаки Тарафа : поэту и брату его , Мабебу , принадлежало сшадю. Было положено между ими , попеременно находиться при сшадѣ , и охранять его , ибо они опасались , что Арабы враждебнаго поколѣнія подсперсегаютъ богатство своихъ враговъ , и хощатъ его похищать. Поэтъ оправдываясь на спражку по условію , но , увлекаемый своею думою , забывалъ сшадю , мечталъ , и не думалъ о земномъ. Мабебъ засмалъ его врасплохъ , и жестоко укорялъ въ небрежности. «Если враги похищать нашихъ верблюдовъ» — говорилъ онъ — «неужели ты думаешь , что стихи свои возвращаешь ихъ намъ ?» — Я увѣрею въ эшомъ , и докажу тебѣ , что думаю справедливо — отвѣчалъ Тарафа. Также безопасно продолжалъ онъ и попомъ сшеречь сшадю. Враги напали , и угнали верблюдовъ. Тарафа хощалъ ошмстить имъ , но шщешно убѣждалъ другихъ пособить ему. Друзья , и особенно двоюродный братъ , Малекъ , упрекали его въ вѣтренности , гордости , и ненависти , какую возбуждали въ другихъ его сатиры , бывшія причиною гибели сшадю. Тогда , чтобы оправдать себя и ошмстить за укоризны , Тарафа пропѣлъ свою Моаллаку — произведеніе смѣлое , вызывающее удивленіе , даже къ самымъ слабостямъ , въ коихъ внимать себя поэтъ. Тарафа гордится успѣхами въ любви , оплакиваетъ ошсушество Хаулы , своей возлюбленной , и въ безуміи гордости порицаетъ наконецъ Мадека , извидяетъ свое любовное

упоеніе, осмысливается даже осуждавшіи отца своего, укоряя его въ скупости. Одинъ изъ начальниковъ Арабскихъ, похвалу которому помѣстивши Тарафа въ свою Моаллаку, немедленно подарилъ ему сто верблюдовъ, и тогда Тарафа убѣдилъ брата, что если Повзія заставила его быть небрежнымъ, то она-же и вознаградила вредъ, причиненный его небрежностью.

Тарафа начинаешь подобно Амріалкансу: онъ грустишь объ отсутствіи Хаулы, прекрасной дѣвы. Друзья окружаютъ его и утѣшаютъ.

«Ахъ!» восклицаетъ поэтъ — «верблюды, умчавшіе мою подругу, подобны были широкободкимъ кораблямъ, плывущимъ изъ Адулской пристани, или ладьямъ купца Ибнъ-Ямина, по волѣ кормчаго стремящимся прямо и косвенно — ладьямъ, разсѣкающимъ пѣнистыя волны, какъ руки младенца разгребаютъ песокъ, когда онъ играетъ имъ въ пустынѣ.

«Въ спадѣ Малека была прекрасная антелопа; губы ея были оживлены багрянымъ пурпуромъ, и прелестная шея, возвышаясь, какъ прямое дерево съ Эракскими гроздіями, украшалась двумя ожерельями, изъ жемчугу и шопазовъ. Мгновенно удаленная отъ своего дѣшца, юная антелопа смѣшалась съ спадомъ дикихъ ланей, въ шернистомъ кустарникѣ. Тамъ питается она дикими плодами, и не видна за покровомъ листвень, ея закрывающихъ. Такова была моя красавица, у которой прелестная улыбка открывала два ряда жемчужинъ, возвышавшихся изъ розоваго основанія, какъ развернувшаяся фіалка пробивается сквозь чистый, проникнутый росой

несомнѣно. Въ прекрасныхъ зубахъ ея видѣнь былъ блескъ солнца, бѣлизна слоновой кости, а десны, ихъ поддерживавшія, были цвѣша шусклаго, какъ свинець. Лицо ея прелестно, и какъ будто окружено покрываломъ лучей; цвѣшь ея шѣла блестящъ, и ни одна морщина не видна на шѣлѣ ея.

Но подруга Тарафа, о которой говоришь онъ съ такими великолѣпными похвалами, кажешся ему не столь драгоценною, какъ драгоцѣнно было ему спадю. Для забвенія горестей любви, для разсѣянія грусти, ему стоило только — говоришь онъ — сѣсть на своего верблюда, и начать любимую прогулку между спадюмъ. Тарафа хвалишь своего верблюда, какъ Швейцарскій пастухъ поешъ о своемъ волѣ, или своей шелицѣ, рыцарь о конѣ, воинъ о своемъ оружіи, охотникъ о своей добычѣ. Вотъ нѣсколько чертъ изъ описанія любимаго верблюда Тарафа (мы приводимъ ихъ болѣе за оригинальность, нежели за поэтическое ихъ достоинство):

«Крѣпка нога моего верблюда, и доски гробовыя не столь крѣпки, не столь тонки. Ускоряю бѣгъ его по пробитымъ дорогамъ, похожимъ на одѣяніе, составленное изъ многоразличныхъ цвѣтовъ. Быстро слѣдуюшь заднія его ноги за передними. Весною пасетсся онъ на сихъ двухъ холмахъ, питаеься мягкою травюю, которой шихій дождь придаеь волнистую зеленъ. Зову его — онъ ко мнѣ оборачиваетсся. Но онъ дикъ противъ шепнаго жеребца, съ длинною гривюю: онъ удаляетъ его шолсшимъ своимъ хвостюмъ, кошорымъ хлещетъ, какъ

широкою плешью, или, бьешь, какъ оранишь красномъ. »

Тарафа подробно описываетъ пошомъ своего верблюда, и прибавляетъ : « Впадины ногъ его глубоки, какъ пещеры, въ коняхъ скрывающія дикіе зѣбры, среди цвѣшовъ дошуса. Въ жилахъ его заключена сила, подобная силѣ лука, нащанушаго мощною рукою. Плосны бедра его, и когда идешь верблюдъ мой, колышуща онъ, подобно двумъ ведрамъ воды, несомымъ сильною десницею. Всѣ члены его шверды, и крѣпко связаны, подобно камнямъ въ мостѣ Греческой постройки, который обязался спростель воздвигнуть изъ кирпичей, на крѣпкихъ связяхъ, недослупныхъ разрушенію. »

Тарафа не забываетъ никакихъ подробностей, могущихъ выказать всѣ достоинства его верблюда. « Веревки, конми привязывающія шлестки на обширной спинѣ его, оставляющія на ней бѣлыя пятна, и выемки, похожія на оспашки воды, застывшія на поверхности швердаго ушеса; иногда они соединены, иногда явно отдѣлены, подобно нитямъ въ ткани искуснаго художника. Шея его длинна, и когда онъ быстро поднимаетъ ее, она похожа на мачту корабля, возвышенную въ быстромъ бѣгѣ его по пѣнистымъ волнамъ Тигриса. Глаза его свѣтятся въ пустошѣ глазныхъ впадинъ, какъ вода, скопившаяся въ пустошахъ ушеса, свѣтятся отъ лучей солнца. Они похожи своею красотою на глаза дикой шелицы, машери рѣзаго, шаловляваго шеленка, оживленные ужасомъ, когда слышашъ она голосъ одошника. Уши его различа-

юшь всѣ звуки. Внимательный, не дремлетъ онъ даже ночью. Быстро вытягиваетъ онъ голову, слышитъ-ли сильный шумъ, или только легкій шорохъ обеспокоитъ его. Острые его уши уподобляются ушамъ дикаго, пустыннаго вола; бродячаго въ пещерахъ Гомельскихъ. Сердце его доступно страху, и тогда бьется сильно и порывисто; но между шѣмъ швердо оно въ груди его, подобно швердому круглому камню, брошенному въ мраморную стѣну. Захочу — и онъ подымаетъ голову до самаго верха шяжестей, на немъ лежащихъ, и переднія ноги его, разсткая воздухъ, подобятся ногамъ юнаго спруса. Захочу — и онъ движется медленно, и вдругъ, покорный волъ моей, быстро бѣжишь онъ, спрашась плещи, съ длинными ремнями.

Все шрепещеть передо мною — говоришь Тарифа — когда, сидя на моемъ верблюдѣ, горделиво приближаюсь, и только я одинъ остаюсь тогда спокойнымъ.

«Если народъ громко начинаетъ говорить: «Кто избавитъ насъ отъ бѣды?» — я думаю, что мнѣ суждено избавить его; ударяю моего верблюда; онъ ускоряетъ бѣгъ, и горячій паръ вьется отъ него вокругъ холмовъ, пожираемыхъ зноемъ. Онъ плыветъ, какъ корабль, и волнистый хвостъ его уподобляется длиннымъ складкамъ плаща юной дѣвы, плывущей на пиру своего господина.

«Не живу на высокихъ горахъ, ибо не страшусь никакого врага; не отвергаю я гостя, когда судьба его ко мнѣ посылаетъ. Странникъ-ли одинокий, цѣлое-ли поколѣние проситъ моей помощи, я го-

шовъ немедленно. Ищи меня въ толпѣ собравшагося народа , и всегда найдешь меня тамъ. Привиди ко мнѣ съ ранцею зарею , я предложу тебѣ чашу , до краевъ наполненную. Робѣешь-ли , я ободрю швою застѣчивость , и повшоренныя приглашенія мои засмѣявъ тебѣ много разъ осушишь чашу , всегда снова наполняемую. Каждый родовой Арабъ возвышаетъ знаменитость своихъ предковъ : я возвышаюсь надъ всѣми , во главу могущаго рода , въ которомъ несчастные всегда находятъ пристанище. Великолѣпны пиршества мои. Юноши , какъ свѣтлыя звѣзды , полныя красоты , разливаютъ на нихъ живой блескъ. Молодые пѣвицы , одѣшныя въ пестрыя платья и въ плащи шафраннаго цвѣта , приближаются къ намъ. На ихъ нѣжныхъ грудяхъ открыты ихъ вѣющіяся одежды; взоры юношей вспыхиваютъ при семъ зрѣлищѣ; бѣлизна дѣвичей груди зажигаетъ смѣлую отвагу любви.

« Пой! » говоримъ мы одной изъ сихъ юныхъ дѣвъ. Ловко и нѣжно подходитъ она ; голосъ ея образуетъ утѣшительныя звуки ; сладостно начинаешь она , переливается потомъ въ звуки высокіе , и выражаетъ наконецъ нѣжную жалобу , подобно ангеломъ , оплакивающей смерть своего друга. »

« Пью старое вино , играю жизнью , продаю , расточаю добро мое и наследіе отцовское. Роскошествую , пою въ нѣгѣ , до того , что цѣлое проклятіе гонитъ меня изъ среды своей , какъ выбрасываютъ трущъ верблюда , начинающій гнить послѣ смерти сего благороднаго животнаго. Въ глубокое уединеніе покидаютъ меня... Гоните , гони-

ше меня; но посмотрите: и бѣдняки соединяются съ богачами возносите мою славу! Ты, осуждающій меня, за то, что я ищу наслажденій и стремлюсь въ бишвы — если побѣгу отъ однихъ, если удалюсь отъ другихъ, ручаешься-ли за мое безсмертіе? Или сохрани меня отъ смерти, или дай мнѣ пресышиться благами земли!»

«Три блаженства, которыми юность моя надѣется насладиться вполнѣ, и безъ кошорыхъ, клянусь, мнѣ все равно — рано или поздно наступитъ часъ, въ который друзья мои окружають смертный одръ мой! *Первое* — вспахъ на зарѣ, когда мои обвинители еще не покинули своихъ ложей, и выпитъ душистаго вина, блестящаго, какъ золото, пѣнящагося, какъ дикое море. *Второе* — видѣшь воина, обхваченнаго врагами, молящаго для спасенія своего пособія руки моей, ринуть къ нему дикоржущаго коня моего, любоваться, какъ яростно бросится конь мой, подобно волку, пробужденному подъ Гадхаскими деревьями шумомъ человѣческихъ шаговъ, и бѣгущему ушолить вспыхнувшую отъ гнѣва жажду въ холодномъ источникѣ. *Третье* наконецъ — сокращать мрачный день, когда небо закрыто облаками, печаль наводящими, сокращать, нѣжась въ подпершомъ высокими столбами шатрѣ, съ дѣвою нѣжною, роскошною, украшенною запястьями и ожерельями, подобными мягкимъ дисцьямъ, покрывающимъ вѣтви Ошарскаго древа.»

«Оставьте меня купаться въ винѣ, пока еще живъ я; если здѣсь мало буду я пить — на помѣевѣшъ умру отъ жажды! Гордому, великодушному,

Октябрь 1831.

25

благородному надобно осушать здѣсь полныя чаши! На зарѣ грядущей узнаемъ , когда насъ не будешь , кто изъ насъ не утолил жажды своей. Гробница скупца и гробница роскошнаго ничѣмъ не различаются — всѣ памятники умершихъ одинаковы! Смерть выбираешь себѣ на жершву славнѣйшихъ героевъ , и отнимаешь сокровища скупыхъ. Время есть сокровище , умаляющееся съ каждою ночью , и у дня жизни нашей будетъ-ли свое *завтра?*»

Есть нѣкоторое сходство между характеромъ Тарафа , эшого вольнодумца пустыни , смѣлаго , горделиваго безбожника Аравіи , и характеромъ рыцаря Среднихъ вѣковъ , въ излишкѣ гордости державшаго иногда вызывать на битву самое небо. — Тарафа предается пошомъ порыву страшнаго гнѣва , порицаетъ Малека , двоюроднаго своего брата , и Кареа , который изгналъ его изъ своего рода. Но ничто не умиряетъ Тарафа. Гордецъ клянется , что надъ всѣмъ восторжествуетъ , и переживетъ самое отчаянное состояніе. Въ страшныхъ укоризнахъ изливается ненависть его противъ обвинителей. Онъ готовъ самъ приблизить чашу смерти къ ушамъ ихъ , насильно раскрыть зубы ихъ , и засавивъ ихъ выпить смерть. Но щещны продолжительныя угрозы ; дѣла докажутъ имъ сильнѣе!

«Никого не обидѣлъ я , а со мною поступаютъ , какъ съ самымъ злымъ преступникомъ. Судятъ меня , оскорбляютъ , засавляютъ слушанъ правоученія , и наконецъ изгоняютъ меня. Ахъ ! если-бы не Малекъ былъ братъ мой , то прекратились-бы мои

страданія ! Но моя жестокая родня губить меня безъ жалости. Даже и тогда, какъ я благодарю ихъ за прежнее добро, они меня не слушаютъ, боясь, чтобы я не спалъ чего нибудь просить. Нѣтъ! сабля Индійская не раздеретъ груди моей столь жестоко, сколь жестоко раздраетъ ее недружелюбіе моей родни!»

Бѣшенство гнѣва изливается въ самыхъ оправданіяхъ Тарафа, и горько жалуется онъ, зачѣмъ такъ а не иначе созданъ онъ природою. «Я легкомысленъ — вы это знаете — беззабошенъ и въпрямь; но я слѣдую своимъ наклонностямъ. Я-ли виновенъ, что движенія души моей живы и быстры, какъ огненные глаза змѣи?» «Никогда» — говоритъ онъ пономъ — «никогда не оставлю я моей Индійской, моей не сокрушимой сабли. Бросаюся-ли на меня свирѣпыя враги — ударю, и — другой ударъ не нуженъ! Не щещно блестящая моя сабля: это не живой хребецъ, это брашна моихъ сокровеннѣйшихъ мыслей, и не гнется онъ отъ самаго сильнаго удара. Смирись враги мои; ярость моя утишилась — довольно!»

«Я обнажилъ саблю мою; я приближился къ многочисленному стаду спящихъ верблюдовъ. Только первые, пробужденные шорохомъ шаговъ моихъ, избѣгли моихъ ударовъ. И вотъ одинъ передо мною, высокій, широкогрудый, съ жирными бедрами — это принадлежность шарика, угрюмаго, изсохшаго, подобнаго кашку красильщика, принадлежность дорого имъ зацѣленная. Рублю сильнаго верблюда, и шарикъ кричитъ: « Не чувствуешь ты позора,

какой мнѣ наносишь , а вы , рабы мои , что вы думаете объ эпомъ пьяномъ юношѣ , и о безуміи , съ какимъ вдается онъ въ неистовыя дѣла?»

Полагаюшъ , что Тарафа говоритъ здѣсь о своемъ опцѣ. Далѣе описываетъ онъ , какъ изъ верблюда , имъ убишаго , приготовленъ былъ пиръ.

« И между шѣми , юныя дѣвы наши ухаживали за молодыми верблюдами , и дѣятельно кормили ихъ обидною пищею. О дочь Мабеда ! пой мнѣ хвалы , если мой преступныя дѣла доведуть меня до смерти — праведная мечь ; но искренняя печаль , да расшерзаетъ тогда швое сердце ! Не сравнивай меня съ шѣми , которые неравны мнѣ храбростію , которые , подобно мнѣ , не ошличались геройскими дѣлами. Такъ ! если-бы не благородно и шрусливо жилъ я между моими соопчичами , тогда не-любовь ихъ была-бы моимъ позоромъ ; но безстрашный вызовъ мой противъ нихъ , мое гордое прямодушіе , знаменитость крови моей — сражаютъ злобу ихъ. Величайшія предпріяшя не шребуютъ отъ меня , ни долгихъ пригошвленій , ни безпокойныхъ , бессонныхъ ночей ! »

Слѣдующія мысли оканчиваюшъ пѣснь Тарафа : « Излишняя мудрость есть безуміе. Ты не знаешь , что готовишь себѣ будущность. Можешь быть , человекъ , котораго ты не просилъ о томъ , принесешь себѣ совѣтъ неожиданныя вѣсти. »

Невозможно употребить для собственнаго своего поршреша красокъ , болѣе живыхъ , болѣе благопріяшныхъ. Смѣлый геній , Байронъ Аравійскихъ пущынь , Тарафа является намъ столь воз-

вышненнымъ, что самые пороки его не кажутся низкими, и самыя заблужденія его удивляють насъ, представляя намъ все, что только страсти человѣческія заключають въ себѣ прихотливаго, смѣлаго и высокаго. Нигдѣ не видимъ мы слѣдовъ ни инстинкта, ни потребностей искусственнаго образованія. Въ подобной душѣ могутъ быть соединены сѣмяна величайшаго злодѣйства и высокаго назначенія человѣческаго.

(До слѣд. книжки).

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

— А. Тэера, *Основанія рациональнаго Сельскаго Хозяйства*, съ примѣчаніями Н. Н. Муравьева и Е. Крюда. Переводъ С. А. Маслова, Императорскихъ Обществъ: М. Сельскаго Хозяйства, М. Испышашелей природы, и С. Петербургскаго Вол. Экономическаго, Д. Ч. — Издавъ А. Ширяевъ. Ч. II. М. 1831 г. въ ш. Университетской, in-4, VIII и 230 стр., съ таблицею.

Въ прошедшемъ году извѣщали мы о выходѣ 1-й части сего важнаго творенія (Тел. Т. XXXIII, стр. 99). Неблагопріятныя обстоятельство, въ какихъ находилась Москва, въ концѣ 1830 и началѣ

1831 года, воспрепятствовали скорѣйшему появленію слѣдующихъ оной часшей. Теперь будешь онъ выходить безъ задержанія.

Вторая часть Тэрова сочиненія содержишь въ себѣ вообще изложеніе сѣво-оборотовъ, по разнымъ системамъ Сельскаго Хозяйства (какъ-то: разныя шрехъ-польныя, Мекленбургскія и Голштинскія выгонныя, и разныя плодо-переменные системы). Къ вычепамъ и изъясненіямъ Тэера, продолжаешь присовокупляшь примѣчанія свои Н. Н. Муравьевъ, а Г-нъ Масловъ, по прежнему, излагаешь примѣчанія Крюда. Такимъ образомъ, Русскіе хозяева получають, какъ и въ 1-й части, не просто переводъ Нѣмецкаго подлинника, но критически и систематически разбираемое руководство для Сельскаго Хозяйства, объемлющее всѣ части сего обширнаго и многосложнаго занятія. Прилагая правила Тэера къ Русской Агрономіи, Н. Н. Муравьевъ разсудилъ за благо вообще объяснить мысли свои въ отдѣльномъ Предисловіи, при 2-й части. Онъ говоришь здѣсь особенно о различіи мѣстности въ Германіи и Россіи, изъ чего выводится имъ и необходимость различія Агрономіи въ шой и другой землѣ.

Пріятно видишь шрудъ, подобный Русскому переводу книги Тэера, пріятно думаешь, что онъ показываешь вообще наступленіе времени *угенія* и *мысленія* для нашихъ Сельскихъ Хозяевъ и Помѣщиковъ. Такое движеніе замѣтно у насъ во всемъ. Почши во всемъ имъ уже осшаемся недовольны прошымъ *пересказомъ* того, что говоришь намъ Нѣм-

цы и Французы , разсматриваемъ , кришкнемъ , и если еще *не творимъ* сами , то , по крайней мѣрѣ , чувствуемъ , что для насъ равно вредны и суевѣрное , безошчетное послѣдованіе грубой *нашей* спаринъ , и слѣпое , безразсудное подражаніе *ужой* работъ.

Давно-ли еще , напримѣръ — говоримъ , обращая рѣчь нашу къ Сельскому Хозяйству — по указкѣ иностранцевъ , наши агрономы не душая думали , что безъ Англійскихъ клеперовъ и система агрономіи Англійской въ Россіи не годится ? Давно-ли съ важностью утверждали , что Россія *земледѣльское* государство ? Давно-ли , не по Русской почвѣ , а по знаменитымъ шестрадамъ Нѣмецкихъ лекцій , похваляли намъ о плодо-переменно́мъ хозяйствѣ ? Настало время , привело съ собою необходимость основательнѣйшихъ познаній , и мы перестаемъ вѣрять , что нашего мужичка надобно одѣть въ плащъ Англійскаго фермера , дабы у него хорошо хлѣбъ родился ; мы смѣемъ уже надъ политическо-экономическими идеями о монополіи земледѣльчества въ Россіи , и заводимъ фабрики и шехнологическія училища ; мы видимъ шакже , что ошъ шестрадокъ Нѣмецкихъ мало шолку , если Профессоръ худо знаетъ Русскую землю , Русскій климашъ , Русскую мѣстность , и Русскаго помѣщика и его крестьянина.

Всему полагаешся у насъ *только нагало*. Не будемъ обольщашъ себя ни блескомъ однихъ , ни словами другихъ. Но , когда всюду Помѣщики наши принимающся основательно за Сельское Хозяйство ,

и дѣятельно за Мануфактуры, когда книги, подобныя переводу Тэрова сочиненія, начинаютъ у насъ выходить въ свѣтъ, когда Сельскіе хозяева ошкровенно предлагають истины, подобныя истинамъ патріотической сшашьи почтеннаго Г-на К-на (изложившаго свои практическія замѣчанія въ № 3-мъ Земледѣльческаго Журнала, подъ названіемъ: *Взглядъ на настоящее положеніе Дворянскихъ достояній*, стр. 438—475) — все это показывается *нагало доброе*.

Будешь время, что Русскіе Тэеры практически изложатъ всѣ системы Сельскаго Хозяйства для Россіи — *системы* говоримъ, ибо Россія есть міръ-государство, и по разности климатовъ и мѣстъ истребуешь разныхъ системъ; мы увидимъ помѣщиковъ нашихъ, убѣдившихся и въ томъ, что не одинъ блескъ роскоши доказываетъ дворянство ихъ и что для благосостоянія своего надобно имъ не пустое хвастовство, иногда сомнительнымъ родомъ, но ученіе и терпѣніе. До тѣхъ поръ, дай намъ Богъ побольше того, что мы назвали *добрымъ нагало*. Истинный сынъ отечества не скроешь радости своей въ подобномъ случаѣ.

— *Роспись произведеніямъ Отечественной промышленности*, вышавленнымъ въ залахъ Кремлевскаго Дворца, Ноября дня, 1831 года. М. 1831 г. въ ш. А. Семена, in-4, 20 стр.

Съ чувствомъ сердечной гордости вносимъ въ Русскую библиографію сію брошюрку, отпечатанную въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, и не пошупившую въ продажу. Она всегда будетъ напо-

минашь Русскимъ производителямъ торжество народной Промышленности, которое, волею Монарха, было устроено въ залахъ Кремлевскаго Дворца, Ноября 2 дня, 1831 года. Выставка мануфактурныхъ произведеній Русскихъ, бывшая во Дворцѣ въ сей день, не могла бышь почтена полною представительною нынѣшняго состоянія Русской Промышленности: она свидѣтельствовала только о томъ благодѣтельномъ покровительствѣ, которое оказываетъ всякому благому дѣлу своихъ подданныхъ Повелитель Россіи, и о томъ усердіи, съ какимъ готовы они исполнить все, что только можешь порадовать Великаго Государя ихъ. Въ десять дней великолѣпная выставка украсила залы Кремлевскаго Дворца, и среди мирныхъ производителей, какъ хозяинъ среди семьи, явился Монархъ Россіи, награждая ихъ милостью и щедростью, за грусть, чувствованную ими, при мысли, что ни С.Петербургская, ни Московская Выставки не были осчастливлены Высочайшимъ присутствіемъ Государя и Государыни. Чишателямъ нашимъ, вѣроятно, всѣмъ извѣстны уже подробности Кремлевской Выставки, изъ извѣстій, помѣщенныхъ въ Коммерческой Газетѣ и Московскихъ Вѣдомостяхъ.

Около 200 производителей участвовало въ Выставкѣ Кремлевской. Ихъ имена, предметъ производности каждаго, мѣсто заведенія, годъ начала заведенія, и число рабочихъ на заведеніяхъ, означены въ *Росписи*. Все это подаешь поводъ ко многимъ соображеніямъ. Среди именъ купцовъ и про-

смыхъ ремесленниковъ, видимъ мы имена вельможъ, Князей и Графовъ Русскихъ. Число рабочихъ на нѣкоторыхъ заведеніяхъ показываетъ огромность работъ (Мальцовыхъ, хрустальный заводъ, 1,200 человекъ; бумажныхъ шканей фабрика Тилова 1,500, Черокова 2,000, Урусова 1,600, Котельникова 900, Третьякова 2,900, Липинскаго 1,200; шелковыхъ шканей, фабрика Рогожиныхъ 3,000, Кондрашевыхъ 1,500, Левиныхъ 700; суконная, фабрика Рыбникова 5,000, Жукова 1,000, Тугариновыхъ 2,300, Алексеевыхъ 1,000, и проч.).— Любопытна и самая хронологія Русскихъ фабрикъ. Только восемь во всей росписи находимъ мы перешедшихъ давностію за шридесятъ лѣтъ (Бахмешева, хрустальный заводъ, съ 1770 г.; Лукушина, шабакерочная фабрика съ 1796 г.; Урусова, бумажная (прежде шелковая) съ 1770 г.; Кондрашевыхъ, шелковая, съ 1772 г.; Соловьева, шелковая, съ 1790 г.; Левиныхъ, шелковая, съ 1790 г.; Тугариновыхъ, суконная, съ 1771 г.; Сшужина, шляпная, съ 1774 г.; Черепихина, производство косян. издѣлій, съ 1793 г.). Какъ все еще ново у насъ!

— *Часы свободы въ молодости Федора Львова.* Двѣ части. СПб. 1831 г. въ ш. Росс. Академіи, in-8, 288 и 176 стр.

Имя *Ф. П. Львова* напоминаетъ намъ великаго Державина. Другъ, родственникъ, собесѣдникъ пѣвца Фелицы, *Ф. П. Львовъ* принадлежалъ къ дружескому кругу Державина, гдѣ находились Капнистъ, *Н. А. Львовъ*, Храповицкій, Хованскій, и еще нѣсколько избранныхъ друзей великаго поэта. Люба

Поэзію, но всегда отвлекаясь отъ литературныхъ занятій службою и другими дѣлами, Ѳ. П. Львовъ могъ посвящать имъ только малые досуги. Плоды сихъ досуговъ изданы имъ нынѣ вполнѣ: 92 стихотворенія, заключающіяся въ 1-й части *Часовъ свободы*, суть замѣтки поэтическихъ вдохновеній почтеннаго Автора. Многія изъ нихъ заставляютъ жалѣть, что обстоятельства не дали дарованію поэта развиться на свободѣ. Начиная съ стиховъ *Къ рѣкѣ Талажитъ*, которые помѣстилъ и похвалилъ Карамзинъ въ *Московскомъ Журналѣ*, до стиховъ къ Ѳ. Н. Г., написанныхъ въ наше время, сильное дарованіе поэта всегда просвѣчивало въ стихотвореніяхъ Ѳ. П. Львова, и часто оно сверкало оригинально, ярко и пламенно. Всего болѣе замѣтно это въ *Письмахъ въ прозѣ и стихахъ*, составляющихъ 2-ю часть *Часовъ свободы*. Сія письма суть нѣчто цѣлое, и были уже изданы нѣкогда Авторомъ, подъ названіемъ: *Письма Скимнина* (СПб. 1813 г.). Это романъ, неправильный, странный во многомъ, но писанный по вдохновенію любви и съ сердечнымъ жаромъ. Признаемся: мы подсадовали на нѣсколько строкъ, которыя, при вынѣшнемъ изданіи написаны Авторомъ, составляютъ *Предисловіе*, и разочаровываютъ насъ, ибо Авторъ, безжалостно смѣясь, называетъ Письма Скимнина *игрушками рѣзвой молодости*. Мы гошovy защищаемъ Скимнина противъ самого Автора, и скажемъ:

Конечно: Скимнинъ самъ собой

Ничто для всѣхъ — но намъ извѣстно,

Что онъ есть лучъ любви чудесной. . .

Письма Скрябина всегда останутся драгоценными для того, кто уврѣнъ въ истинѣ словъ, оныя заключающихъ: «Любишь есть высочайшее благо на землѣ.» Не будемъ допускать холодный опытъ разочаровывать насъ, а шарость разрушать мечту счастливой нашей молодости. Неужели шарецъ долженъ спыдаться за пылкія, святыя думы любви и поэзіи, испытанныя имъ нѣкогда? И для чего же? Въ угоду черствой прозы жизни, говорящей устами холоднаго ума! Богъ съ ними: кто никогда не жывалъ въ мірѣ очарованій, о томъ поjalъемъ!

— *Историческое описаніе Введенской Островской пустыни, Владимірской губерніи, находящейся (?) на островѣ озера Вятскаго, сост. Общества Ист. и Древ. Росс. соревновашелемъ, Н. Самойловымъ. М. 1831 г. въ ш. Унив. in-12, 38 стр., съ изображеніемъ пустыни.*

Исторія и обстоятельное описаніе монастыря Введенскаго, находящагося въ 4-хъ верстахъ отъ уѣднаго города Покрова, на маленькомъ островѣ озера Вятскаго. Обишель сія, основанная двумя отшельниками, въ концѣ XVII-го вѣка, была ушверждена въ 1708 году. Она не заключаетъ въ себѣ ничего особенно замѣчательнаго, и не памятна никакимъ важнымъ событіемъ. Но трудъ Г-на Самойлова достоинъ благодарности, и, не смотря на бѣдность предмета, показываетъ, что всюду можно однакожь отыскать нѣчто любопытное и, больше или меньше, достойное замѣчанія. Исторія Введенской пустыни, напримѣръ, представляетъ

Объ сіи поэмы принадлежатъ къ длинному ряду тѣхъ поэвъ, которые появлялись и донинѣ появляются послѣ *Кавказскаго пѣвника* и *Войларовскаго*. Основанія и пѣвническія правила, по которымъ пишутся сіи поэмы, весьма просты и легки. Въ *Живописцѣ*, при Телеграфѣ, были нѣкогда помѣщаются образчики такихъ поэвъ, и вышедшія нынѣ поэмы, Г-дѣ Шидловскаго и І. К., столь похожи на сотню другихъ, имъ предшествовавшихъ, что невольно дивишься: какъ хочешь шерять время нашимъ поэтамъ на подобныя творенія? Для доказательства пустошы, выпишемъ содержаніе *Негая*.

Извѣстно, что *Негай* былъ начальникомъ Казаковъ Украинскихъ, и сражался противъ притѣснителей Украйны, Поляковъ. На него послано было наконецъ Польское войско. Нечай окопался близъ мѣстечка Краснаго, и хотѣлъ сражаться. Въ отсутствіе Нечая, Поляки напали на станъ его. Тщешно прибѣжалъ шуда Нечай. Казаки были разбиты, и Нечай убитъ въ сраженіи. Донинѣ сохранилась Дума Малороссійская о битвѣ подь Краснымъ и смерти Нечая.

Вотъ что сдѣлалъ изъ этого Г-нъ І. К. въ своемъ *Негай*: онъ раздѣлилъ поэму на семь маленькихъ пѣсень, назвавъ ихъ *Думами*. Въ первой, въ станѣ Казакомъ, пьютъ, поютъ и грозятся на Поляковъ Казаки; во второй, Нечай, ночью, размышляетъ о судьбѣ своей. Туть-же вставленъ сонъ Казаковъ (изъ извѣстной поэмы: *Иснелъ*); въ шрешней Думѣ начинается гроза. Нечай продолжа-

намъ весьма странный случай. По кончинѣ основателя оной, Иеромонаха Сергія, опредѣленъ былъ въ нее Строщелемъ Иеромонахъ Нексарій. Выпросивъ у Митрополиша *сборную память*, онъ началъ ѣздить по городамъ и собирать подаяніе на монастырь (любопытны слова Памяти: «Просишь ему съ благою совѣстію и шихостию, а не съ озлобленіемъ и не безчинно»).» Потомъ перешелъ онъ самовольно въ другой монастырь, и выпросилъ указъ, коимъ велѣно было Введенскую пустынь подчинить сему монастырю. Тогда Нексарій продалъ монастырскую церковь, и съ церковною ушварью, на съезъ, за 17 рублей, въ одно изъ окрестныхъ селеній, а колоколь церковный, вѣсомъ въ 1½ пуда, въ другое село, за 11 рублей. Такъ прошло около семи лѣтъ. Монахи Введенскіе жаловались, искали суда, и наконецъ получили указъ о разысканіи дѣла, но ничего не успѣли. Уже въ 1735 году, послѣ множества новыхъ споровъ, посланъ былъ изъ Духовной Дикастеріи *копенеть*, все разыскалъ и возвратилъ въ Введенскую пустынь, кошорая съ тѣхъ поръ возстановлена и остается донинѣ. Обстоятельства сего страннаго дѣла, изложенныя Г-мъ Самойловымъ, имѣють историческое достоинство.

— *Гребенскій Козакъ*. Повѣсть Александра Шидловскаго. Спб. 1831 г. въ ш. А. Смирдина, in-8, VI и 177 стр.

— *Негай, или битва подъ Краснымъ*. Историческая повѣсть, въ Думахъ. Соч. І. К. — М. 1831 г. въ ш. Лазаревыхъ, Инш. Вост. языковъ, in-12, XI, 52 и 111 стр.

еще размышляешь, и идеешь къ своей любовницѣ; въ четвершой, любовница ждетъ его и грустишь; въ пятой описана ихъ бѣда, зловѣщій сонъ любовницы, и извѣстiе Нечаю о нападенiи Поляковъ. Нечай скачешь сражаешься, а любовница его отъ страха умираешь. Въ седьмой Дума, Нечай сражаешься и убиваешься.

Все это похоже на музыкальныя фаншазiи Шпейбельша, въ которыхъ думалъ онъ изобразить, шо бурю, шо пожаръ Москвы, наборомъ звукоподражанiй.

Г-да Поэты! не пора-ли вамъ знать, что такое пустоцвѣтъ, что истинная поэзiя? Не пора-ли узнать, что такое вамъ надобно, если вы поэтически хотите представлять отечественный нашъ бытъ? Кажется, вамъ говорили уже объ этомъ неоднократно.

Поэмы Г-дъ Шидловскаго и Г. К. напечатаны весьма красиво. Стихи въ нихъ вообще гладкiе; мѣстами встрѣчаются довольно звучные.

— *Согиненiя, переводы и подражанiя*, въ стихахъ, Константина Масальскаго. СПб. 1831 г. въ ш. Росс. Академiи, in-12, 92 стр.

Скромный, юный поэтъ взялъ эпитафiю стихи Крылова :

Не для того, чтобы похвалъ ему хощлось,
И не за что; такъ какъ-то пѣлось!

Разныя небольшiя стихотворенiя Г-на Масальскаго, разсыяныя въ Журналахъ и Альманахахъ, собраны имъ въ сей книжкѣ. Многiя навѣяны гру-

стію ; другія доказывають остроуміе поэта ; въ переводахъ Г-на Масальскаго находимъ пьесы , переведенныя съ *Греческаго* и съ *Испанскаго* — это рѣдкость въ Русской Словесности.

— *Шельменко*, волоспной писарь. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Харьковъ , 1831 г. въ ш. Унив. , in-8 , 96 стр.

Шельменко , одно изъ дѣйствующихъ , второстепенныхъ лицъ въ *Дворянскихъ выборахъ* и *Выборѣ Исправника* , являешся здѣсь главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Онъ плуствуетъ , спараясь не въ очередь ошдашь одного крестьянина въ рекрушы , поишь подъячихъ , и оканчиваешъ шѣмъ , что всѣ его плушни открываюшся , и ему самому забриваюшъ лобъ.

Таже оригинальность , поже умѣнье списывашъ съ природы , какія видны были въ двухъ прежнихъ пьесахъ неизвѣстнаго Автора , опличаюшъ *Шельменку*. Это живая картина , въ Фламандскомъ вкусѣ , съ грубыми фигурами ; но сіи фигуры въ высокой степени естественны , и истина сихъ изображеній сосавляетъ излишность шворенія. Нѣкошорые изъ чашашелей , и даже кришниковъ Русскихъ , все еще не понимая того , что бываешъ основаніемъ всякой эстетической идеи , продолжаюшъ жаловашся на Автора *Дворянскихъ выборовъ* за его Теньершво. Видно имъ надобны *Негам* и *Гребенскіе Козаки* , гдѣ въ вылощенныхъ стихахъ отражаешся безошчешный идеаль , такъ , какъ солнце отражаешся на налощеномъ паркешѣ.

Довольно самолюбиво будешь, если Журналистъ станетъ говорить о мнѣніи публики въ отношеніи къ какому нибудь частному предмету Липшерашурь. Кромѣ того, что публика дѣлится на безчисленные отдѣлы и партіи, можешь-ли одинъ частный человѣкъ взять на себя обязанность говорить за цѣлую публику? Иное дѣло сказать *свое собственное мнѣніе*; иное дѣло даже объяснить *голосъ общій въ предметахъ важныхъ*. Но въ нѣкоторой степени, и при частностяхъ можно Журналисту позволить представительство за публику.

Такъ въ отношеніи трехъ пьесъ неизвѣстнаго намъ Автора, изданныхъ въ печеніе двухъ или трехъ лѣтъ, мы осмѣлимся сказать, что публика вообще приняла ихъ довольно холодно. *Дворянскіе выборы, Выборъ Исправника и Шельменко* стоили-бы пріема лучшаго, по степени внутренней ихъ достоинства.

Намъ кажется, что главное заключается здѣсь, со стороны Автора, въ некрасивой отдѣлкѣ, устарѣлости формъ и однообразіи содержанія всѣхъ трехъ пьесъ. Тяжелый слогъ Автора; правла старой Французской Комедіи, въ которыхъ заковывается себя Авшоръ; мысль о нравственности, ложно понимаемая, въ слѣдствіе коей у него раздѣляются, говоряшь, начинающъ и оканчивающъ свои роли всѣ лица на одинъ извѣстный манеръ; наконецъ — шроекрашное изображеніе *одного и того-же* бурноу провинціальныхъ, и хишрыхъ, разврашнныхъ юдѣдчихъ всѣхъ классовъ — вошь причины, почему плохо смотришь публика.

Октябрь 1831.

26

Съ другой стороны, намъ кажется, что публичъ совѣстно сознаешь въ исшивѣ картинъ Автора. Ей все думается, что Авторъ уже слишкомъ густо накладываетъ краски, и слишкомъ каррикатурно пишешь свои портреты. Недовѣрчивость публики Авторъ можешь побѣдишь новыми трудами. Пусть теперь обмакнешь онъ кисть свою въ краски новыя. О подъячихъ и буянахъ довольно. Не лѣзя-ли ему коснуться оригиналовъ другаго рода? Не лѣзя-ли въ такихъ-же рѣзкихъ портретахъ представивши намъ другія стороны провинціального быта? Напримерь: хозяйство, воспитаніе, понятія о разныхъ предметахъ общественной и частной жизни, любовь, дружбу, словомъ — жизнь провинціаловъ нашихъ въ разныхъ отношеніяхъ — какое богатое поле для его Гогаршовскаго пера! Мы ждемъ исполненія нашихъ желаній, надѣясь видѣть дальнѣйшіе труды почтеннаго Автора.

— *Донъ Кихотъ Ла-Манхскій*, сочиненіе Сервантеса. Перевелъ съ Французскаго С. Де-Шапельъ. 6 частей. СПб. 1831 г. въ т. А. Смирдина, in-16, XXI, 211, 228, 275, 238, 246 и 220 стр., съ картинками.

Донъ Кихотъ не новесть въ Русской Литтературѣ, такъ-же какъ и во всѣхъ другихъ Европейскихъ Литтературахъ. Множество переводовъ Донъ Кихота есть на Французскомъ, Нѣмецкомъ, Англійскомъ, Итальянскомъ языкахъ. По Русски есть его, если не ошибаемся, два перевода. Одинъ изъ нихъ старинный, того времени, когда, безъ дальнаго разбора, все переводили слово в слово.

но, Французское съ Нѣмецкаго, Нѣмецкое съ Польскаго, Испанское съ Французскаго (*), и ш. д. — Другой переводъ Донъ-Кихота есть трудъ юныхъ лѣтъ Жуковскаго. Думаемъ, что Жуковский учился еще въ Университетскомъ Пансіонѣ, когда перевелъ для одного изъ Московскихъ книгопродавцевъ Донъ-Кихота, съ Флоріанова Французскаго перевода (**). Сей трудъ, весьма слабый самъ по себѣ, дѣло юности человека, впоследствии оказавшаго великія поэтическія дарованія, означилъ другое время Русской Словесности, когда мы даже Французской Литературы ничего не видали.

Времена переходчивы. Черезъ 25 лѣтъ, при всеобщемъ переворотѣ въ литературныхъ мнѣніяхъ, измѣнился образъ воззрѣнія и на твореніе Сервантеса. Прежде, когда Шекспира называли гаеромъ, и восхищались имъ въ Дюсисовыхъ передѣлкахъ, Донъ-Кихота читали Французы и Нѣмцы, какъ забавную сказку, на слово вѣрили Флоріану, что онъ очистишь ее отъ всякой дряни, кошорою грубый Авшоръ завалилъ свое созданіе, и дивились только одному: отъ чего Донъ-Кихотъ постоянно и вѣтъ нравился? Теперь думаютъ объ этомъ совсѣмъ иначе.

Знакомые съ Шекспиромъ и Англичанами, Нѣмцы первые ознакомились съ Сервантесомъ и Испанца-

(*) Кажется, что этотъ самый переводъ былъ вновь напечатанъ въ 1812 г., въ Москвѣ.

(**) Сей переводъ напечатанъ въ 1805 году, и пономъ изданъ вторично, въ 1815 году.

ми. Тогда увидѣла Европа все величіе произведенія Сервантесова. Жизнь Автора, эпоха, въ кошую онъ жилъ, изученіе *Донъ-Кихота* въ подлинникъ, показали это геніальное произведеніе въ полномъ блескѣ. Пошомство угадало наконецъ глубокую мысль Автора, узнало неподражаемыя красоты подробностей его созданія, удивительную прелестнѣ мѣстности, поняло и шомъ восторгъ, съ какимъ Испанцы, уже при вѣка, читаютъ *Донъ-Кихота*, и всеобщность мысли, по которой *Донъ-Кихотъ* равно нравился философу и поэту, шарку и юношѣ. Не мѣсто здѣсь излагать сущность *Донъ-Кихота*, и показывать геніальное швореніе это съ философической и поэтической сшеровы его. Довольно, если мы скажемъ, что люди съ шалантомъ передали уже его вновь на Французскій и Нѣмецкій языки. Французы, при перерожденной ихъ *Лешшерашуръ*, смѣются теперь надъ *Флоріаномъ*, который шоме дѣлалъ съ *Сервантесомъ*, что *Дюссисъ* дѣлалъ съ *Шекспиромъ*: съ шворенія генія списывалъ каррикатуру! Но до сихъ поръ нѣтъ еще однакомъ ни во Франціи, ни въ Германіи перевода, который-бы замѣнялъ Испанскій подлинникъ. Столь недостижимы красоты выраженія *Сервантесова*.

Г-нъ *Де-Шаплешъ*, какъ *Лешшерашоръ* просвѣщенный и образованный, долженъ былъ все это знать, когда книгопродавецъ Санктпетербургскій, *А. Ф. Смирдинъ*, предложилъ ему заняться новымъ переводомъ *Донъ-Кихота*. Неужели все это было неизвѣстно Г-ну *Де-Шаплешу*? А если онъ зналъ все это, то неужели не дрожала рука его, передавая въ другой разъ Русскимъ читателямъ вода-

ную передѣлку Флоріанову? Довольно было и одной, отъ кошорой и шеперь, за славу имени переводчика, многіе въ восторгѣ.

Признаемся — мы невольно повторили присловіе Донъ-Кихота: *La lengua queda, y los ojos listos*, когда увидѣли новый переводъ. Пусть-бы Г-нъ Де-Шаплезъ переводилъ хотя съ Французскаго *исправленнаго* перевода Фильо-де-Сень-Мартина, или съ того перевода, кошорый вышелъ въ Парижъ въ 1821 году, подъ названіемъ: *L'ingénieur chevalier Don Quixote de la Manche* — но можно-ли было приниматься ему за жалкій переводъ Флоріана? Можно-ли было перевести даже и пуситѣйшее *предисловіе* этого щеголеватаго Француза, похожее на сужденія Сумарокова о Шекспирѣ, Предисловіе, въ кошоромъ Флоріанъ судитъ о великомъ швореніи Сервантеса, какъ сущій невѣжда!

Переводчикъ проститъ насъ послѣ сего, если мы скажемъ Русскимъ чинашелямъ, что не смотря на новый переводъ Г-на Де-Шаплеза — они знаютъ только шѣнь Донъ-Кихота, карандашный, плохой очеркъ геніальной каршины.

Аполлонъ хотѣлъ, кажется, наказать Русскаго переводчика, и, къ удивленію нашему, Г-нъ Де-Шаплезъ, извѣстный доннынъ хорошимъ слогомъ, въ своемъ переводѣ Донъ-Кихота безпрерывно грѣшитъ противъ чистоты Русскаго языка, и попадаетъ въ галлицизмы, ошибки и промахи противъ Грамматики. Переводъ Г-на Де-Шаплеза и въ эшомъ отношеніи неудовлетворителенъ.

О Т Ч Е Т Ъ

ПО УПРАВЛЕНІЮ НАРОДНЫМЪ ПРОСВѢЩЕНІЕМЪ ВО
ФРАНЦІИ.

(Продолженіе)

Къ училищамъ высшаго разряда надобно присо-
вокупить еще: Французскій Коллегіумъ (le Collège
de France), Музей Естествознанія при Королев-
скомъ Саду (le Muséum d'histoire naturelle du Jardin
du Roi), Училище живыхъ Восточныхъ языковъ, при
Королевской Библиотекѣ (l'École des langues orientales
vivantes à la Bibliothèque du Roi) и Отдѣльное учили-
ще Изящныхъ Художествъ (l'École spéciale des beaux-
arts). Всѣ сии учебныя заведенія извѣстны каждому,
посѣщавшему Парижъ.

Училище Политехническое и Училище Нормальное
(l'École polytechnique, l'École normale) также суть
высшія училища. Первое пользуется Европейскою
извѣстностью. Второе предназначено для образо-
ванія учащихся, опредѣляемыхъ потомъ въ Город-
скіе и Королевскіе Коллегіумы. Начатое въ 1812
году, оно славилось въ послѣдовавшіе послѣ того
годы. Знаменитые Профессоры вышли изъ онаго.
Благодаря сему обильному разсаднику, ученіе въ
Коллегіумахъ являло годъ отъ году болѣе счастли-
выхъ развитій. Но въ 1821 году, Училище Нормаль-

ное вдругъ было уничтожено. Мѣру сію представляли, какъ необходимость политическую, осуждая вредный образъ мыслей воспитанниковъ. Вѣрнѣе можно сказать, что это было слѣдствіемъ старанія Капюлицкаго Духовенства. Постоянно стремясь овладѣть народнымъ воспитаніемъ во Франціи, оно очень вѣрно разочло, что уничтоженіемъ разсадника, изъ коего выходяшь въ Коллегіумы Профессоры, Коллегіумы свѣшскіе необходимо должны упасть, въ пользу училищъ, управляемыхъ Духовенствомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ основано было, подъ именемъ *Приготовительнаго училища* (*l'École préparatoire*) заведеніе, въ родѣ Нормальнаго Училища, но съ такими преградами, и на такомъ шѣсномъ планѣ, что вовсе не могло его замѣнить. Въ 1828 году, Министры хотѣли было возобновить Нормальное Училище, подъ прежнимъ его именемъ и на прежнихъ основаніяхъ, но Капюлицкое Духовенство до сего не допустило. Съ Іюля 1830 года, Приготовительное Училище снова назвали *Нормальнымъ*. Переименованіе это показываетъ будущую его участь; но законъ о полномъ приведеніи его въ прежнее состояніе, и предполагаемыхъ вновь дополненій, еще не утверждёнъ. Нынѣшнее положеніе сего заведенія есть слѣдующее: ученики принимаются по конкурсу; Училище дѣлится на двѣ части: *Наукъ* и *Словесности*; число учениковъ опредѣлено 50; послѣ шрехъ-лѣтняго ученія, ихъ помѣщаютъ, подъ именемъ *Управляющихъ* (*régens*), на профессорскія мѣста въ Городскіе Коллегіумы. Ихъ подвергаютъ также въ сіе время и конкурсу *агрегациі* (*concours de l'agrégation*). Сей конкурсъ

имѣешь цѣлю опредѣленіе достойныхъ Профессоровъ въ Королевскіе Коллегіумы, и въ Коллегіумы св. Варвары и Станислава. Ученики Нормальнаго Училища, управляющіе Городскими Коллегіумами и учителя (*les maîtres d'études*) изъ Королевскихъ Коллегіумовъ, допускаются въ конкурсы агрегацій. Предварительно опредѣляютъ число и содержаніе предметовъ, назначаемыхъ для конкурса (*). Отличившіеся передъ другими помѣщаются въ Королевскіе Коллегіумы, при первыхъ вакантныхъ мѣстахъ. Много было писано *pro* и *contra* агрегаціонныхъ конкурсовъ. Но вообще, если-бы предметы конкурсовъ сихъ были избираемы лучше, то польза ихъ, кажется, неоспорима. Они поддерживаютъ соревнованіе между воспитанниками Нормальнаго Училища, управляющими Городскихъ, и учителями Королевскихъ Коллегіумовъ, и могутъ быть также почтены средствомъ выказать скромное дарованіе и скрытое ученіе.

Кромѣ исчисленныхъ нами, есть еще училища во Франціи, частныя, о которыхъ краткое свѣдѣніе необходимо. Они суть:

1-е. Училища *Художествъ и Ремеслъ* (*les Écoles d'arts et métiers*), въ Шалонѣ и Анжерѣ. Цѣль ихъ

(*) Дабы понять сущность предметовъ конкурса агрегацій, читатели могутъ видѣть означеніе конкурсовъ на 1831 г., въ Телеграфѣ вышедшаго года, № XI, стр. 399, и — справедливое припомъ замѣчаніе Издашеля. Г. П.

есть образованіе людей, соединяющихъ съ практической Механическихъ Искусствъ необходимое теоретическое ученіе, дабы упражняшся въ дѣлѣ своемъ основательно. Воспитанники назначаются Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; число ихъ определено 600: въ Шалонѣ 400, въ Анжерѣ 200. Изъ числа всѣхъ, 450 содержатся, или совершенно, или отчасти на счетъ государства. Каждому Департаменту позволено представлять по три ученика: одного на половинное, одного на шрехъ-четвершное, одного на полное содержаніе. Восемь мѣсъ дано ученикамъ, представляемымъ отъ *Общества для ободренія отечественной промышленности* (*Société pour l'encouragement de l'industrie nationale*), и именно: два шрехъ-четвершныхъ, шесть полныхъ. Назначеніе учениковъ въ Департаментахъ производшся по представленіямъ Префектовъ. Допускаются и вольные пенсіонеры, съ платою за каждаго по 500 фр. ежегодно. Теоретическое ученіе состоятъ въ письмѣ, Ариѳметикѣ, Французской Грамматикѣ, основаніяхъ Геометріи и Тригонометріи, Начертательной Геометріи, съ приложеніемъ къ плосничеству, устройству зубчатыхъ колесъ и вообще механикѣ промышленности, главныхъ основаніяхъ Физико-Химическихъ знаній, и изслѣдованіяхъ силы и сопротивленія разныхъ строительныхъ матеріаловъ. Практическія занятія суть ремесла: каретное, плосничное и сполярное, кузнечное, приводка слесарная, шоченье изъ дерева и мешалловъ, ноставка машинъ, мѣльничная работа, дѣлье чутуна, шигельное и Вилькинсоновское, и дѣлье мѣди. Курсъ продолжается четыре года;

оплаченные ученики остаются еще годъ, для большаго усовершенствованія. Послѣ того, избранные изъ нихъ посылаются на главнѣйшія мануфактуры, и содержатся тамъ на иждивеніе государства еще одинъ годъ. Число сихъ послѣднихъ ограничивается десятью, ежегодно.

2-е. *Парижская Консерваторія Искусствъ и Ремеслъ* (le Conservatoire des arts et métiers à Paris). Въ семъ заведеніи преподаются публичные курсы Механики и Химіи, въ приложеніи къ Промышленности, также курсы Физики, Ремесленной экономіи, Начертательной Геометріи и Рисованья. Консерваторія имѣетъ богатое собраніе моделей машинъ всякаго рода. *Советъ усовершенствованія* (Conseil de perfectionnement) находится при Консерваторіи, и состоитъ изъ извѣстныхъ ученыхъ и мануфактурщиковъ. Онъ разсуждаетъ и даетъ свои мнѣнія обо всемъ, что можешь служишь къ поддержанію и улучшенію Консерваторіи, и другихъ училищъ Искусствъ и Ремеслъ.

3-е. *Училище для преподаванія, безъ платы, Математики и Рисованья, въ пользу механическихъ Искусствъ* (L'École gratuite des mathématiques, et de dessin en faveur des arts mécaniques), находящееся въ Парижѣ, въ улицѣ Медицинскаго Училища. Въ семъ училищѣ преподають практическую Геометрію, Архитектуру и Науку измѣреній (le toisé), Землемерію, обработку камней и дерева, основанія Зодчества, рисованье шѣла человѣческаго, живошныхъ и цвѣтныхъ. Тамъ-же находится училище рисованья, безъ платы, для молодыхъ людей. Немалое число Де-

шарпашеншалъныхъ городовъ имѣеть подобныя училища.

4-е. *Отдѣльное Училище Изящныхъ Художествъ* (L'École spéciale des beaux-arts), въ Парижѣ, въ улицѣ des Petits Augustins. Оно раздѣлено на двѣ части: одна занимается Живописью и Ваяніемъ, другая Зодчествомъ. Знаменитые художники, прославляющіе Францію своими дарованіями, преподають уроки въ семь училищъ.

5-е. *Французское Училище Изящныхъ Художествъ* (L'École française des beaux-arts), находящееся въ Римѣ.

6-е. *Королевское Училище пѣнія и декламациі* (L'École royale de chant et de déclamation), въ Парижѣ, въ улицѣ du Faubourg Poissonnière.

7-е. *Ветеринарныя Училища* въ Альфоршѣ, Лионѣ и Тулузѣ. До 1825 года въ Альфоршѣ была еще каедрa Сельскаго Хозяйства; опасаясь, что она принесеть вредъ, просвѣщая съ излишкомъ земледѣльцевъ, ее уничтожили въ семь году. Нынѣ думаютъ опять возобновить. Воспитаніе и обученіе лошадей составляетъ особые классы въ означенныхъ училищахъ. Прежде преподавали еще сіи предметы при Спрасбургскомъ манежѣ.

8-е. Училища, предназначенныя для образованія чиновниковъ и знающихъ людей, по разнымъ частямъ государственныхъ службъ и управленій, суть слѣдующія: *Сенъ-Сирское военное Училище*; *Сомюрское кавалерійское Училище*; *Училище приложенія наукъ по Главному Штабу*; *Училище Корпуса*

Инженеровъ-Географовъ ; Училище артиллеріи и военно-инженерныхъ знаній , въ Мецъ ; Училище путей сообщенія ; Училище горное ; Училище форштмейстерское , въ Нанси ; Отдѣльное Училище инженерно-морскихъ знаній , въ Брестъ .

Для помѣщенія въ Училища: Инженеровъ-Географовъ , Артиллеріи , Путей сообщенія , Морское Инженерное , и Горное , непременно должно быть воспитанникомъ Политехническаго Училища. Въ Горномъ Училищѣ принимаются еще поспоронніе ученики , учащіеся шамъ безъ всякой платы . Они не поступаютъ потомъ въ Корпусъ Горныхъ Инженеровъ , но , приобрѣтши нужныя познанія , опредѣляются въ директоры рудокопства частнаго . Такимъ образомъ , Училище снабжаетъ офицерами Горное управленіе и споспѣшествуетъ успѣхамъ частныхъ горныхъ работъ . *Практическое Горное Училище* заведено еще въ Сеншъ-Эшъеннѣ .

Кромѣ Училища , предназначеннаго обученію офицеровъ военнаго флота , для купческаго мореходства учреждены курсы *Гидрографіи* , почти во всѣхъ портахъ Франціи .

Земледѣльскихъ училищъ во Франціи , главныхъ , два : одно въ Ровиллѣ , другое при опытной фермѣ Гриньонской . Ученіе производится теоретическое и практическое . Теоретическое состоитъ въ курсахъ Земледѣлія и вспомогательныхъ онаго знаній . Ровилльское училище , управляемое славнымъ агрономомъ Домбаземъ , есть заведеніе частное . Въ немъ образовалось много искусныхъ людей , и оно

значительно содѣйствовало распространенію во Франціи хорошихъ методовъ земледѣлія, хотя оны еще далеко не повсемѣстны и не приведены въ практику вполне, какъ-бы сего желать было можно. Кромѣ двухъ, означенныхъ нами, есть еще во Франціи много другихъ земледѣльческихъ училищъ. Таковы: *Приготовительное Земледѣльческое Училище*, основанное въ Парижѣ Г-мъ Бланкомъ (Blancq?), бывшимъ воспитанникомъ Политехническаго Училища. Имя основателя говоритъ въ пользу заведенія и ручается за успѣхи; при *образцовой фермы*, въ Вернѣйлѣ (Департаментъ Maine et Loire), въ Гранжуавѣ, близъ Нанта, и близъ Тулузы; *опытная ферма* въ Департаментѣ Энскомъ (de l'Ain), управляемая находящимся тамъ Земледѣльческимъ Обществомъ. — *Училища садоводства*. Сюда должно отнести: курсъ, основанный Туиномъ при Парижскомъ Музеѣ Естественнаго; курсы прикладной Ботаники и всеобщаго воздѣлыванія въ садахъ ботаническихъ, аптекарскихъ, земледѣльческихъ, и проч. — Нѣсколько такихъ курсовъ читаютъ въ разныхъ городахъ, какъ-то: Стразбургъ, Лионъ, Дижонъ, Монпелье, Тулузъ, Брестъ, Лорьянъ, Рошефоръ, Марсель, Тулонъ. Наконецъ, Институтъ Садоводства, учрежденный Г-мъ Суланжъ-Боденомъ, въ прекрасномъ его Фромонскомъ помѣстьѣ, заслуживаетъ вниманіе.

Въ Парижѣ есть нѣсколько Училищъ торговли и промышленности, управляемыхъ частными людьми. Между ими должно замѣнить *Лицей торговли и промышленности*, находящійся въ Сомьерскомъ переулкѣ.

Сіе заведеніе хорошо управляется, ученіе въ немъ расположено прекрасно, и число воспитанниковъ его умножается безпрерывно.

Наконецъ, упомянемъ объ училищѣ, предназначеномъ, какъ кажется, для оказанія важныхъ заслугъ Промышленности. Это *Центральное Училище Искусствъ и Мануфактуръ*, находящееся въ Парижѣ, въ улицѣ Ториньи. Цѣль его есть образованіе гражданскихъ инженеровъ, управителей заводовъ и фабрикъ, и ученыхъ людей, для приложенія Наукъ къ Промышленности. Извѣстные ученые и просвѣщенные мужи были основателями сего училища, и занимающія въ немъ курсы. Надобно-бы войдши въ большія подробности, дабы изъяснить все, что касается образованія сего Училища Искусствъ и Мануфактуръ, и курсовъ онаго. Довольно здѣсь сказать, что всѣ ученики въ ономъ приходятъ. Ихъ допускаютъ послѣ экзамена въ знанія Арифметики и основаній Алгебры и Геометріи. Курсъ ученія продолжается три года. Первый годъ преподаютъ Начертательную Геометрію, Механику, общую Физику, общую Химію; второй прикладную Начертательную Геометрію, постройку машинъ, физическую теорію паровыхъ машинъ, Физику и Химію Промышленности, Зодчество гражданское и промышленное, Естественное, Исторію Промышленности, экономію Промышленности, Анатомію и Физиологію челоука, Минералогію и Геологію; третій годъ, устройство машинъ и описаніе ихъ, Химію промышленную, постройки и работы публичныя, Горное дѣло, Естественное, въ

отношеніи Промышленности, Спашистикѣ Промышленности и Гигіену, въ отношеніи Промышленности. Издержки ученика сосавляютъ 600 франковъ ежегодно. Это частное заведеніе, расположенное въ огромнѣйшемъ объемѣ, заслуживаетъ общее вниманіе и ободреніе, въ высокой степени.

Таковы суть пособія, представляемыя Франціею для общественнаго воспитанія. Они значительны; лучше употребленныя, и лучше согласенныя, они были-бы важныя сдѣдствія.

Главное: всѣ учебныя заведенія управляются съ разными цѣлями и разнымъ образомъ. Думаютъ, что еслибы всѣ содержимыя Правительствомъ училища (исключая только военныя) были подъ вѣдомствомъ одного Министра, то болѣе единства и согласія было-бы въ сей важной части государственнаго управленія. Раздѣленіе управленій оныи вредитъ училищамъ, и не имѣетъ собственно никакой важной причины. Трудно ошвѣчать отрицательно, если спроситъ: почему одному Министру не ввѣрять всего, что касается народнаго воспитанія, и при томъ всѣ Академіи и учебныя заведенія, словомъ — все, что заключаетъ въ себѣ моральную силу общества?

На 2-й вопросъ: «Какое вообще воспитаніе дается въ Училищахъ и Коллегіумахъ, и какія суть отношенія Коллегіумовъ къ Университетамъ?»

Первая часть сего вопроса разрѣшена въ ошвѣтѣ на предшествовавшей вопросъ. Дальнѣйшія изъясненія будутъ предложены въ ошвѣтахъ на вопросы шрешій и шесшой.

Вторая часть вопроса сводится съ вопросомъ четвертымъ, относящимся къ Университетскому управленію (см. далѣ).

На 3-й вопросъ: «Приняты-ли мѣры для воспитанія поселянъ и промышленниковъ?»

Отвѣтъ. Желательно-бы отвѣчать на сей вопросъ утвердительно; но, къ сожалѣнію, нельзя сдѣлать сего, не отступивъ совершенно отъ истины. Воспитаніе двухъ означенныхъ званій, есть то, что называется *первоначальнымъ* ученіемъ (*instruction primaire, élémentaire*). Правительство донынѣ мало обращало вниманія на сей предметъ, и занятія по сей части предстоятъ еще многочисленныя, обширныя.

Первоначальное ученіе доколе будетъ во Франціи ничтожно, доколе не исполнятъ слѣдующихъ условій:

1-е. Не заведуть достаточнаго числа училищъ, для приготовленія учителей.

2-е. Не объявлять первоначальнаго ученія безплатно, для всѣхъ немущихъ семействъ.

3-е. Не обезпечать жребія учителей устарѣвшихъ, или не могущихъ шрудиться по болѣзни.

4-е. Не учредять испытаній для учителей и средствъ надзора за ихъ поведеніемъ, такъ, чтобы испытанія и надзоръ не унижали и не затрудняли ихъ.

5-е. Не ободрять лучшихъ методовъ ученія.

6-е. Не присовокупяшь къ чтенію, письму и сти-панію познаній, необходимыхъ для образованія свѣдущихъ и искусныхъ ремесленниковъ.

7-е. Не составляешь и не распространяешь книгъ, приспособленныхъ къ понятіямъ учениковъ въ первоначальныхъ училищахъ. Книги сіи должны образовывать ихъ разумъ, внушать имъ религіозныя понятія, очищенные отъ пзувѣрія и суевѣрія, передавать имъ чувства чести, благонравія, чело-вѣколюбія, любви къ отечеству и повиновенія законамъ, снабжать ихъ наставленіями, полезными и приспособленными къ ихъ мѣстамъ въ обществѣ гражданскомъ, наконецъ — изцѣляшь ихъ отъ вред-ныхъ предразсудковъ, споль еще сильно дѣйствующихъ донинѣ въ нисшихъ званіяхъ Франціи, по-груженныхъ въ грубое невѣжество.

Постараемся, крѣпко, но съ возможною полнот-ною, изъяснишь, что сдѣлано донинѣ для испол-ненія вышесказанныхъ условій первоначальнаго уче-нія.

Училищъ, предназначенныхъ для образованія пер-воначальныхъ училелей, и называемыхъ: *Нормаль-ныя, первоначальныя училища* (les Écoles normales, primaires), донинѣ во Франціи слишкомъ мало. Въ 1828 году, Министры завели было нѣсколько вновь. Но у нихъ было весьма недостаточное количество необходимыхъ для сего капиталовъ. Министръ На-роднаго Просвѣщенія ошнесся тогда къ Главнымъ Департаментальнымъ Совѣщаніямъ, приглашая ихъ къ пособію. Только четыре, или пять, изъ числа всѣхъ,

отвѣчали его вызову. Всѣ другіе отказались, въ такихъ выраженіяхъ, которыя показывали, какъ мало участія принимаютъ они въ первоначальномъ ученіи. Вліяніе Духовенства Католическаго разрушило всѣ предположенія благонамѣреннаго Министра. Надобно сознаться, что первоначальныя училища во Франціи вообще хороши, и только одна бѣда — число ихъ недостаточно. Слѣдовательно, какъ ни хороши ученики, выходящіе изъ сихъ Училищъ, и опредѣляемые учителями съ разныя первоначальныя училища, но ихъ савшкомъ мало. Нынѣ Правительство особенно заботится объ умноженіи Нормальныхъ, первоначальныхъ училищъ.

По закону 14 Сентября 1791 года, слѣдовало образовать публичное ученіе, общее всѣмъ гражданамъ, и «безъ всякой платы, касательно тѣхъ предметовъ, которыхъ познаніе для каждаго чело-
«вѣка необходимо.» Къ несчастію — эпошъ законъ остался только филантропическимъ желаніемъ, и приводимъ въ исполненіе никогда не былъ. Законъ 11-го Флореала X-го года утвердилъ, чтобы первоначальныя училища были учреждаемы на общественный счетъ. Присовокуплено, что содержаніе наславниковъ должно состоять: 1-е, въ квартирѣ, на счетъ общественный; 2-е, въ платьѣ отъ родителей, опредѣляемомъ Муниципальными Совѣтами. Сія Совѣты исключаютъ изъ числа платящихъ немущихъ людей, но такое исключеніе должно составлять *не болѣе* ; *долгъ* всѣхъ учениковъ, поступающихъ въ первоначальныя училища. Видимъ, сколь несправедливъ и безсовѣстенъ былъ подобный

порядокъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что было обща-
но по закону 1791 года. Установленіе, изданное
Апрѣля 28-го 1816 года, приближалось болѣе къ за-
кону 1791 года, подтверждая, что каждое городское,
всякое другое общество обязано стараться, что-
бы всѣ дѣти членовъ онаго получали первоначаль-
ное образованіе, а дѣти немущихъ безъ всякой
пряткомъ платы. Слова были хороши, но о сред-
ствахъ умолчано, и забыто, что большая часть
обществъ не имѣетъ средствъ содержать учителей.
Необходимо, или вообще въ государствѣ, или по
Департаментамъ, образовывать общественыя капи-
шалы, и изъ нихъ содержать, или дополнять изъ
содержанію учителей въ обществахъ недостаточ-
ныхъ.

Когда всѣ дѣйствующіе учителя будутъ прилич-
но удовлетворены содержаніемъ, то легко образо-
вать капиталы, вычешомъ изъ ихъ жалованья, для
обеспеченія пенсіями учителей, приходящихъ въ
старость, или по болѣзни дѣлающихся неспособ-
ными къ исполненію должности. Давно думали о
составленіи запасныхъ капиталовъ для пенсій снѣ-
бдякамъ, но никакихъ средствъ не находили, ибо
многіе изъ дѣйствующихъ учителей имѣють со-
держаніе недостаточное и неопредѣленное.

Желающій занять должность первоначальнаго
учителя, прежде всего долженъ получить отъ Рек-
тора Академіи *свидѣтельство въ способности* (ou
brevet de capacité). Свидѣтельство сіе доказываетъ
только способность имѣющаго оное, на занятіе
учительскаго мѣста, но оно не даетъ еще званія

учителя ни въ какомъ опредѣленномъ мѣстѣ. Свидѣтельства бывають прехъ родовъ. Низшее, даваемое челоѣку, умѣющему читать, писать и считать цифрами; второстепенное, даваемое челоѣку, знающему правописание, числописание и четыре правила Арифметики; первостепенное, даваемое такимъ, которые правильно знаютъ Арифметику и Французскую Грамматику, также въ состояніи преподавать начала Географіи, землемѣрія, и другихъ знаній, полезныхъ въ ученіи первоначальномъ. Такая постепенность свидѣтельствъ полезна, ибо она производитъ соревнованіе и стараніе лучше приготовляясь къ званію учителя. Каждый изъ кандидатовъ учитель, стараясь занять высшее мѣсто, прошивъ того, которое уже имѣетъ. Не выдавая еще свидѣтельствъ, Ректоръ самъ экзаменуетъ ищущаго учительскаго мѣста, или дѣлаетъ ему экзаменъ черезъ своего чиновника (*un délégué*). Желательно, чтобы въ каждой округѣ былъ, по крайней мѣрѣ, одинъ такой чиновникъ, дабы кандидаты въ учителя не были принуждены для экзаменовъ ѣздить далеко и спрашиваться по пути. Повелѣніемъ, изданнымъ 21 Апрѣля 1828 года, отъ кандидата, исповѣдующаго Католическую Религію, требуется еще свидѣтельство въ знаніи Закона Божія, выдаваемое отъ чиновника епархіальнаго Епископа. Это бываетъ довольно затруднительно, и часто подчиняетъ кандидатовъ излишнему владычеству Католическаго Духовенства.

Сказано выше, что получившій свидѣтельство въ способности занимать мѣсто учителя, чрезъ

сіе одно не приобретаешь еще права бытъ учите-
лемъ ; ему надобно имѣть особую довѣренность на
занятіе мѣста , съ почетнымъ означеніемъ , гдѣ имен-
но станешь онъ исправлять свою должность. До-
вѣренность сія выдается Рекшоромъ Академіи , по
увѣдомленію *Почетительнаго Комитета персона-*
льнаго ученія того мѣста , гдѣ учишель опре-
длается. Такіе Комитеты находятся въ каждой
округѣ. Ихъ составляютъ непрѣмѣнные члены: Мѣръ,
Мирный судья и Священникъ главнаго въ округѣ
мѣста ; кромѣ того бываешь при нихъ нѣсколько
почетныхъ гражданъ , избираемыхъ Рекшоромъ. Въ
уѣздныхъ городахъ , Подъ-префектъ и Королевскій
Прокуроръ могутъ въ оныхъ присущствовать. Пред-
сѣдательство принадлежитъ Мѣру , кромѣ того ,
когда Подъ-префектъ или Прокуроръ находятся въ
присущствіи : тогда предсѣдательствуетъ первый ,
а въ небытность его второй. Окружные Комитеты
обязаны не только давать свои мнѣнія о до-
вѣренностяхъ , требуемыхъ учителями , но кромѣ
того , обязаны , и это главная ихъ должность ,
смотрѣть за ученіемъ и ободрять его. Если будешь
жалоба на учителя , Комитетъ окружный вызыва-
ешь его къ себѣ , спрашиваешь , дѣлаетъ заключе-
ніе , и передаетъ оное Ректору Академіи. Рекшоръ
можетъ лишить учителя данной ему довѣренности
и учитель входитъ апелляціею уже къ Министру
Народнаго Просвѣщенія. Если учителя , кромѣ то-
го , лишаютъ еще и свидѣтельсва на способность
бытъ учителемъ , дѣло производится въ Совѣтъ
Академическомъ ; апелляція вносится въ Совѣтъ
Университетскій (о Ректорахъ , Совѣтахъ Акаде

лиескихъ и Университетскихъ, см. далѣе, опитвъ на 4-й вопросъ).

Таковы нынѣшнія законоположенія, касательно первоначальныхъ училищъ и самаго ученія. Думаешь, что во всемъ этомъ надобно сдѣлать нѣкоторыя перемѣны.

Полагаешь достасочнымъ, если учитель будешь имѣть свидѣтельство въ способности своей заниматься учительское званіе (раздѣляя свидѣтельства по степенямъ, какъ нынѣ). Поелику первоначальные учителя бывають двухъ родовъ: *общественные*, т. е. или вполнѣ, или отчасти содержимые общесвами городковъ, селеній, деревень, и *вольные*, т. е. ничего отъ общесвъ не получающіе, и живущіе платою, какую берушь за уроки, то Муниципальнымъ Советамъ должно предоставитъ полное право выбирать общественныхъ учителей, между людьми, имѣющими свидѣтельство на способность; въ тоже время, имѣющій такое свидѣтельство долженъ имѣть право основываться и учить вездѣ, гдѣ ему заблагоразсудится, въ качествѣ *вольнаго* учителя, съ объявленіемъ только въ засѣданіи Мера, и съ представленіемъ свидѣтельства о добромъ своемъ поведеніи.

Комитеты окружныя должны при томъ оставаться, и будутъ весьма полезны. Ихъ обязанность будешь наблюдать за первоначальнымъ ученіемъ и ободрять его, также посредствовать при жалобахъ противъ учителей. Въ случаѣ важныхъ обвиненій, учитель, общественный и вольный, могутъ бытъ лишены свидѣтельства; обществен-

мый учитель можешь быть, при сохраненіи свидѣтельства, удаляемъ изъ мѣста ученія, по требованію Муниципальнаго Совѣта того мѣста, когда причины, излагаемыя Совѣтомъ, будутъ почтены достаточными для исполненія сей мѣры. Въ первомъ случаѣ рѣшеніе должно принадлежать Совѣту Академическому, въ другомъ Ректору. Весьма-бы хорошо было включить правила составленія и дѣлопроизводства Окружныхъ Комитетовъ въ составъ Муниципальныхъ законовъ, о которыхъ донинѣ не дошла еще рѣчь въ нашемъ Правительствѣ.

Методъ первоначальнаго ученія донинѣ существуетъ во Франціи при: *одиножная* (*individuelle*), *общая* (*simultanée*). Она употребительнѣе всѣхъ; ее принимаютъ между прочимъ и *Братья Христіанскихъ училищъ*), наконецъ *взаимнаго обученія*, иначе называемая *Ланкастеровою*.

Первая метода весьма дурна и неловка; другая прилична для небольшихъ училищъ; въ шѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ собирается въ училище 40 или 50 человѣкъ учениковъ, Ланкастерова метода лучше и удобнѣе всѣхъ. Ученіе идетъ по ней успѣшнѣе, и шановишся дешевле. Слѣдовательно, сія метода есть одно изъ средствъ распространенія первоначальнаго ученія. Заведеніе Братьевъ Христіанскихъ училищъ, самое дешевое, стоить не менѣе 1,800 фр. въ годъ; заведеніе по Ланкастеровой методѣ стоить не болѣе половины сей суммы, хоша учениковъ будешь въ немъ вдвое, или втрое болѣе.

Но когда еокрашическая паршія шоржешествовала во Франціи, Ланкастерова метода была гонима.

Повелѣніемъ отъ 8-го Апрѣля 1824 года, дана была Епископамъ власть выдавать и отбирать дотренности первоначальныхъ училищелей. Это продолжалось до повелѣнія отъ 21-го Апрѣля 1828 года. Въ продолженіи сихъ четырехъ лѣтъ *три четверти* училищъ по Ланкастеровой методѣ были уничтожены. Съ 1828 года метода сія снова стала распространяться, но весьма медленно, ибо духъ партій мѣшаетъ ея распространенію во многихъ мѣстахъ. Непремѣнно должно-бы разсти ея рѣшительно. Для шѣхъ училищъ, гдѣ число учениковъ небольшое, слѣдуетъ предписатьъ употребленіе метода общей, а методу одиночную уничтожить совершенно. Дѣйствія окружныхъ Комитетовъ весьма-бы могли сему способствовать. Опытъ доказалъ, что ежегодныя собранія училищелей въ главномъ мѣстѣ округа, и въ присутствіи Комитета, способствуютъ образованію ихъ, и исправленію въ нихъ предразсудковъ и дурныхъ привычекъ. Можно пожелать, чтобы подобныя собранія, учрежденныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ людьми благонамѣренными, были приняты общимъ правиломъ.

Первоначальныя училища, въ коихъ къ чтенію, письму и счисланію присовокупляютъ и другія, необходимыя для образованія простолюдина, знанія, напримѣръ: черченіе и начала Геометріи, вообще начинаютъ размножаться. Правительство и многія общества даютъ за сіе награды, и это сильно способствуетъ соревнованію.

Во многихъ городахъ (какъ сказано уже въ отвѣтѣ на 1-й вопросъ) есть еще публичныя курсы

Геометріи и Механики, въ приложеніи къ Искусствамъ и ремесламъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ заведены такіе-же курсы и Химіи. Сіи курсы посѣщаютъ ремесленники и масперовые, разныхъ званій и дѣлъ. Дѣйствіе сихъ курсовъ весьма значительное; почти всюду слушатели ихъ отличаются успѣхами, и во многомъ уже замѣтно вліяніе науки на способности ремесленниковъ, выслушивающихъ сіи курсы.

Въ армейскихъ батальонахъ заведены училища взаимнаго обученія, гдѣ учащъ солдашъ чшенію, письму и счисланью.

Хорошихъ книгъ, могущихъ служить основаніемъ и пособіемъ первоначальнаго ученія, вообще во Франціи мало. Нелѣпость и глупость нѣкоторыхъ, донывѣ находящихся во всеобщемъ употребленіи по училищамъ, невольно изумляетъ. Съ нѣкотораго времени начали однакожь думать о семъ предметѣ, и появились книжки, приспособленныя къ понятію и положенію учениковъ въ первоначальныхъ училищахъ. Это небольшія основательныя изложенія различныхъ полезныхъ знаній, и повѣсти, заключающія въ ошроумномъ, занимательномъ разказѣ уроки нравственности. Изъ числа сихъ послѣднихъ особенно должно упомянуть о превосходныхъ произведеніяхъ Г-на Жуссье. Но все это едва только начинаешь входить въ практическое употребленіе, и еще далеко недостаточно. Правительствомъ опредѣляется небольшія суммы для умноженія книгъ по сему предмету. Въ 1828-мъ году, было открыто состязаніе, и предложена задача: написать книгу для чшенія учениковъ вообще. Награды за признан-

ную лучшею книгу опредѣлено было 10,000 франковъ. Программа, казалось, привлекла общее вниманіе. Но слѣдствіемъ сего дѣла донынѣ остающіяся неизвѣстны.

Вообще суммы, ежегодно отпускаемая изъ государственныхъ доходовъ на Министерство Народнаго Просвѣщенія, слишкомъ умеренны, хотя въ послѣдніе годы и были онѣ значительно увеличены, въ сравненіи съ прежнимъ: за три года тому отпускалось — по 50,000 франковъ; нынѣ отпускается до 300 тысячъ въ годъ. Доказывать, что такого капитала недоуспанешь даже на необходимое поддержаніе стараго — почишаемъ излишнимъ. Надобны милліоны ежегодно, и, кажешься, едва-ли какойнибудь другой расходъ можешь принести болѣе пользы государству, нравственно и вещественно. Въ землѣ образованной и промышленной, гдѣ власть Правительства заключается не въ грубой силѣ, не въ страхѣ, имъ внушаемомъ, и не въ предразсудкахъ, но въ здоровомъ смыслѣ подданныхъ, сознаниіи благодѣяній его и счастья народномъ, необходимо должно заботиться о воспитаніи народа.

Здѣсь прилично будетъ упомянуть о благошворительныхъ Обществахъ, которыя значительно способствовали первоначальному ученію, въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ. Иногда они дополняли своими трудами и пожертвованіями то, что было упускаемо невниманіемъ и беспечностью людей, долженствовавшихъ преимущественно о семъ заботиться; иногда боролись они съ неблагонамѣренностью и предразсудками; иногда поощряли частныя порывы людей просвѣщенныхъ. *Общество пер-*

оначального ученія. (La Société pour l'instruction élémentaire), находящееся въ Парижѣ, оказало во всѣхъ сихъ отношеніяхъ большія заслуги. Безъ его твердой насшойчивости и великодушныхъ пожертвованій, метода Ланкашперова конечно погибла-бы совершенно во Франціи, при упорствѣ и ярости ея противниковъ. Много подобныхъ обществъ находится въ разныхъ городахъ Франціи, и почти всѣ они содержатъ училища взаимнаго обученія, по добровольнымъ подпискамъ Членовъ. Парижское Общество находится съ ними въ дѣятельныхъ сношеніяхъ, помогаетъ имъ, ободряетъ ихъ шруды. Не должно забывать, что успія и шруды сего Общества, во все время его существованія, были подкрѣпляемы вельможею, справедливостью, независимостью мнѣній и просвѣщеніе котораго, навсегда остануся въ благодарномъ воспоминаніи жителей Парижа. Мы говоримъ о Графѣ Шабролѣ, Префектѣ Сенскаго Департамена, всегда бывшемъ ревностнымъ покровителемъ первоначального ученія и неутомимымъ распространителемъ метода Ланкашперовой во Франціи. Его благородное поведеніе шѣмъ болѣе достойно похвалы, что нерѣдко оно было совсѣмъ противоположно пошупкамъ его товарищей въ государственномъ управленіи. Политическія перемѣны не должны препятствовать принесенію должной благодарности истинному сыну ошечества, шѣмъ болѣе, что въ нынѣшнемъ своемъ уединеніи, онъ, можешь бышь, часто видишь примѣры неблагодарности.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

ИЗВѢСТІЯ

О НѢСКОЛЬКИХЪ ДРЕВНИХЪ, И ДОВНѢ БЫВШИХЪ
НЕИЗВѢСТНЫМИ, ГРАМАТАХЪ.

(Окончаніе.)

№ 17-й. *Наказъ Государя, Царя и Великаго Князя Феодора Иоанновича Афанасью Федоровичу Зиновьеву, писанный въ 1589 году.*

Ошъ Царя и Великаго Князя Феодора Ивановича всеа Русіи, Афанасью Федоровичу Зиновьеву. Прислали къ намъ съ Донца ашоманы, Машвей Федоровъ съ шоварищи, шоварыщей своихъ Черкасъ Машвея Дворецкаго съ шоварыщи пяти человекъ, и языка къ намъ Казыева улусу прислали; а послѣ Машвей же Федоровъ съ шоварыщи прислали къ намъ шоварыщей своихъ Черкасъ, Ясаула Трошу Афанасьева съ шоварыщи, съ воры съ Черкасскими языки. И били Намъ челомъ о записяхъ, чѣмъ намъ ихъ пожаловали прислали къ нимъ на Донецъ запасу, чѣмъ ихъ не помориши съ голоду; а они де и на Донецъ ѣдять справу; а ты Федоръ писалъ къ намъ, чѣмъ ты ашамана Машвея Федорова съ шоварыщи сшелъ на Донецъ на устенцу, и по перевозомъ для нашего дѣла ашаманъ Машвей съ тобою козаковъ Донецкихъ посшавили вмѣстѣ, и ходять подъ Крымскими и подъ Азовскими людьми; и нашимъ дѣломъ промышляють, и надъ дворы надъ

Черкасскими, кошорые воры Черкасы, ходя по Донцу, нашихъ севрюковъ и козаковъ Донскихъ громашь, хошашъ ихъ имая, вѣшаши, и Черкасъ воровъ, Сенку Колпакова съ шоварыщи, на Донцѣ побили. А послѣ того шы къ намъ писааь, что шы запасъ имъ жь Пушвига привези, ошдалъ Машвею Федорову, а хочешъ съ Машвѣемъ Федоровымъ съ шоварыщи дѣломъ нашимъ промышлять и языковъ въ улусахъ добываши. И мы шѣхъ Черкасъ, Машвея Дворецкаго съ шоварыщи и Ясоула Трошу съ шоварыщи пожаловали и ошпустили на Донецъ, а къ вамъ есмь въ прибавку людей на Донецъ, головъ съ дѣшми боярскими Деменшя Яшкова до Афонася Жиллина, а съ ними дѣшей боярскихъ, пославъ сто человекъ, да съ ними же послано съ Тулы и съ Болхова, и нѣ Ливны двѣшть человекъ съ огненнымъ боемъ на конехъ: да съ ними же послали есмь къ нему, Машвею Федорову съ шоварыщи, на Ливну сто чешьи муки ржаной, да двадцать пять чешьи толокна; а съ Ливны впередъ велѣли есмь ошпустить достальное муки сто чешьи да половина полпретьядцать чешьи. Да къ Машвею Федорову послали есмь съ Богданомъ Арсеньевымъ пансырь, да шеломъ, да шулумбасъ, да сукна поршнице лундушу, да въ приказъ пять рублей денегъ, да атоманомъ лучшимъ и ясоуломъ пятидесять человекомъ по сукну по доброму, а достальнымъ ясьмъ на шесть еошъ на двашцать человекъ на раздѣлъ послано сто рублей. И какъ Деменшей Юшковъ да Афонасей Жиллинъ съ дѣшми боярскими и съ Козаки къ вамъ прѣдушъ на Донецъ и запасъ привезушъ, и вы-бъ шотъ-часъ, что привезушъ муку и шолокна,

атаману Машвею Федорову съ тогарыщи имъ отдасть вельдъ на ихъ войско, а Богдану Арсеньеву наше жалованье, Машвею Федорову пансырь, и шелошь и шулумбась, и апоманомъ лучшимъ пятидесяти челоуькомъ по сукну по доброму, да на войско на шесть сошь на двадцать челоуькъ на роздѣль сто рублей вельдъ отдати. И были бы Дементей Юшковъ и Афонасей Жилинь съ дѣтymi Боярскими и съ козаки, и съ Черкасы, а Федоръ Киреевъ съ своими спаничниками, съ тобою съ Афонасьемъ; а стояли бы со всѣми бы людьми въ стогать опричешъ Черкасъ Машвея Федорова съ товарыщи, а нашимъ дѣломъ промыслили съ тобою вмѣстѣ. Будеть пойдушь Крымскіе и Азовскіе люди на наши Украйны, и выбъ надъ Крымскими и Азовскими людьми нашимъ дѣломъ надъ ними прочыслили. А будеть, нечаять нынѣ Крымскихъ и Азовскихъ людей на наши Украйны, и подливные вѣсши у васъ будушь, что Царь будеть пойдетъ на Днѣпръ города спавишь, а рать Крымскую пошлетъ на Лишовскую, и вы-бъ Атаману Машвею и всѣмъ Черкасомъ товарыщемъ его говорили на крѣпко тогда, какъ онѣ намъ почали служить, такъ бы онѣ намъ большую свою службу и совершили съ вами, на воры на Черкасъ ходили, чтобъ воровъ Черкасъ на Осколъ и на Донцѣ, гдѣ воры будушь, Черкасы шунъ-бы еше ихъ сходили, и ихъ въ пѣхъ мѣстѣхъ имая, вѣшали, а къ намъ бы еше одного ихъ нихъ лучшего или дву прислали, а достальныхъ всѣхъ тушо перевѣшали, а живыхъ ни кого непуцали, и гдѣ ихъ не поемлете—тушо ихъ и перевѣшайте; а кошорыхъ товарыщи, Сенку Кознака, у себя въ

войску Матвей Федоровъ оставилъ съ товарищи , и которые громилъ Донецкихъ козаковъ , а они-бъ шѣхъ воровъ Черкасъ велѣли перевѣшати , а живыхъ недержали , гдѣ кого возмуть , шумо шѣхъ и казнили , и намъ бы шѣмъ службу свою довершили : а намъ всехъ болша ша и служба , что они воровъ Черкасъ по всѣмъ рѣчкамъ , и по Донцу и по Осколу перенмають , а мы за шо Матвея Федорова съ товарищи пожалуемъ своимъ великимъ жалованьемъ . А подлинно бы еше однолично пош-часъ послали вѣстей провѣдашь , и языковъ подобыть : Крымской-ли Царь Казыгирей стоишь въ Крымѣ , или въ Перекопѣ , или на Днѣпрѣ городъ дѣлаешь ? И въ Литву война будешь-ль , или будешь итти ему на наши Украйны ? И исъ Азова и исъ Нагаи Ногайскіе Мурзы въ Крымѣ къ Царю бывали-ль ? И какъ съ Крымскимъ Царемъ нынѣ Казыева улусу Мурзы Ягшусашъ Князь , и всѣ шѣ Мурзы Казыева улусу въ Тирулѣ или ль Крыму ? И исъ Казыева улусу Мурзь ешь-ли кто ? И ошъ Турскаго къ Крымскому Царю сее весны присылка о чемъ бывала-ль ? А провѣдавъ при Крымскаго Царя , и про Азовскихъ и Ногайскихъ людей подлинно , и добывъ языковъ съ шѣми вѣстями пош-часъ къ намъ прислали бы еше . А буде подлинно вѣстей , про Крымскаго Царя , и про Азовскихъ и Ногайскихъ людей , провѣдаеше , что нечаяшь его походу на наши Украйны , и хочешь съ нами быти въ миру , и гонцовъ и пословъ хочешь къ намъ опшуснишь , а Азовскихъ и Ногайскихъ людей на наши Украйны нечаяшь же ихъ приходу , и вы-бъ и съ вами ашамъ Матвей Федоровъ съ шоварыщи нашимъ дѣ-

ломъ промышляли надъ вору надъ Черкасы. А будетъ Казыгирей Царь нашего гонца Ивана Мишурна или Павла Елизарьева, или кто поидеть ись Крыму, и къ намъ опущиши и своихъ гонцовъ съ нимъ опущиши, а придуть къ намъ на перевозъ, и выбъ нашего гонца Ивана Мишурна и Павла Елизарьева и Крымскихъ гонцовъ велѣи перевести и береженье великое учинили, и ашоману, Машвею Федорову съ шоварыщи на крѣпко говорили, чшобъ они Крымскихъ гонцовъ ни чѣмъ не крянули и провожашыхъ, кошорые ихъ учнутъ провожашъ ись Крыму до перевозу, не крянули-хъ ничѣмъ. А Крымскимъ гонцомъ велѣши про себя сказать, что головы спонше для обереганья отъ воровъ отъ Черкасскихъ, а шо съ вами служивые Черкасы стоятъ для того, что многіе вору Черкасы споятъ по Донцу и по Осколу и по Дону, и спаничниковъ нашихъ громятъ, и подхоя подъ наши Украйные города спада отганиваютъ, и они для того по Донцу стоятъ и шѣхъ воровъ Черкасходя, сыскиваютъ, и для того чшобъ вору Черкасы на нихъ гонцовъ на Крымскихъ не приходили и ихъ не громили; да и шопъ вамъ указъ естѣ отъ насъ, что вамъ на крѣпко велѣно того беречи, что-бы вамъ проходить здорово безъ всякаго изрону; да проводишь-бы естѣ ихъ послали до Ляны дѣшей боярскихъ до двадцати человекъ, да Козаковъ до шридцати человекъ—Ливенскихъ и Болховскихъ; и шѣ-бъ Черкасы, Машвей Федоровъ съ шоварыщи, ни чѣмъ не крянули, и сами-бъ они того берегли на крѣпко. А будетъ отъ Черкас отъ Машвея Федорова съ шоварыщи, впередъ ка-

тога дурна почаете, и неучнущъ будущъ намъ пря-
иши, и надъ дворы надъ Черкасы нашимъ дѣломъ
не станутъ промышлять, и выбъ впередъ близко
къ стану не ставилися, и ошъ нихъ-бы еспе обе-
регли себя, и гдѣ и спанете, и вы-бъ ошъ нихъ
береглися, чпобъ надъ вами котораго дурна не
гчили; а только ошъ нихъ дурна не почаете и
прямая ихъ служба будетъ къ намъ, какъ нынѣ
почали они служить, и вы-бъ съ ними стояли по-
близку и нашимъ дѣломъ промышляли сопча за одну
по сему нашему наказу, усмопрятъ по тамошнему
дѣлу. А Деменшей-бы Юшковъ и Афонасей Жилинъ
съ собою съ Афонасеемъ стояли, или особно, тол-
ко-бъ по близку межъ васъ, и дѣломъ нашимъ про-
мышляли сопча все, какъ-бы вамъ бережно было
ошъ Черкасъ. А писали-бы еспе грамоты къ намъ
о всякихъ нашихъ дѣлахъ, ты Афонасей съ това-
рыщи. А которые воры Черкасы пынѣ по Дону и
на Волгѣ воруютъ, и Донскіе козаки съ ними, ашо-
манъ Борисъ Ташариновъ съ товарищи, и надъ ни-
ми наши головы пошли промышлять изъ Шидкаго и съ
Рязскаго Князь Пешръ Горчаковъ, да Иванъ Гу-
бинъ. И будетъ тѣ воры Черкасы пойдутъ съ Дону
къ Волги на Донецъ—и вамъ бы однолично надъ
тѣми воры промышляли и ошъ нихъ сами берега-
лися, чпобъ надъ ними промышляли. А слухъ у насъ
въ томъ учинился, что де имъ пынѣ на Днѣпрѣ
къ атаманомъ Запорожскимъ, и вы-бъ однолично
нашимъ дѣломъ промышляли, какъ будетъ приго-
же. А какъ ся у васъ наше дѣло учнетъ дѣлаться,
и вы-бъ насъ безъ вѣсти не держали, и къ намъ по-
часту отписывали. Да послали есми нашего жало-

Октябрь 1831.

28

ванья къ Донецкимъ ашаманомъ Юшку Лопашину, Ивашку Розмазнѣ, Труше Черкашенику, Грише Деменькову, Федкѣ Жулидору, Иванку Бѣлоусу по рублю человѣку; а послали есмя съ симъ шридацашъ при рублевѣ съ Богданомъ съ Арсеньевымъ. И какъ Богданъ Арсеньевъ на Донецъ съ тою нашею посылкою придеши, и ты-бъ ему шѣ деньги козакомъ велѣлъ роздаши: ашаманомъ шши человѣкомъ по рублю человѣку, а достальнымъ пшидесяшъ четьремъ человѣкомъ по полшнѣ человѣку, и говорилъ-бы еси имъ наше жалованное слово, чшобы они намъ нынѣ послужили, и надъ дворы и надъ Черкасы промышляли съ нашими головами вмѣстѣ, а мы ихъ за то своимъ жалованьемъ впредь пожалуемъ. Писанъ на Москвѣ, лѣша 7097, Юля въ 12 день.

Уподлиннаго Наказа прились: Дьякъ Ондрей Щекаловъ.

№ 18. Наказъ Государя, Царя и Великаго Князя Осодора Иоанновича Аванасью Осдоровичу Зиновьеву, писанный въ 1589 году.

Отъ Царя и Великаго Князя Федора Ивановича всеа Русія на Донецъ головамъ Афонасью Федоровичу Зиновьеву съ шоварыщи. Писалъ къ намъ цы Афонасей, что живучи на Донцѣ Черкасы, ашаманъ Машвей Федоровъ съ шоварыщи, съ голоудѣдьяшъ лошади, а запасу у нихъ нѣтъ, и что ты привезъ—и шотъ запасъ поѣли, и они съ Донца хешпашъ бресши розно, и мы нынѣ послали къ вамъ съ Ливенъ на Донецъ въ прибавку людей: голови Деменьшя Юшкова да Афонася Жилна и съ ними дѣшей Боярскихъ сто человѣкъ, да коза-

ковъ и Черкасъ двѣспѣ чловѣкъ; и съ ними вмѣстѣ велѣли есми послати къ Черкасомъ къ Машвею Федорову съ шоварыщи, сто чешьи муки да двадцашъ пяшь чешьи шолокна, а проводиши есмя велѣли головъ Деменшья и Афонасья съ запасомъ до Донца, до Чигаева до перевозу до шебя Афонасья Князь Андрею Волконскому. И какъ придущъ головы наши Деменшей и Афонасей съ запасомъ и провозашой Князь Андрей Волконской, и головы бы были съ шобою съ Афонасьемъ, а Князю Андрею Волконскому велѣли есми быти съ шобою-жь съ Афонасьемъ. А писали-бы есте грамоты къ намъ о всякихъ нашихъ дѣлехъ, шы Афонасей съ шоварыщи. И какъ къ вамъ сей нашъ наказъ придетъ, и вы-бъ ашаману Машвею Федорову и всемъ Черкасомъ говорили опъ насъ на крѣпко, что-бы они намъ служили, и надъ воры надъ Черкасы промышляли, а запасы есми къ вамъ нынѣ послали сто чешьи муки ржаной да двадцашъ пяшь чешьи шолокна, а большое свое къ нимъ жалованье и запасъ пришлемъ въ передъ, и они-бъ, однолично на Донцѣ будучи, намъ служили, и съ Донца несходили, хотя они нынѣ голоду и пошерпяшъ; и мы къ нимъ за шо большое свое жалованье, и запасъ и указъ свой, гдѣ имъ впередъ сшояшъ, пришлемъ; а они-бъ намъ нынѣ на Донцѣ служили. Будущъ пойдущъ Крымскіе люди на наши Украйны, а вы-бъ надъ ними промышляли; и будущъ Крымскіе люди не пойдущъ, и они-бъ съ вами промышляли надъ воры надъ Черкасы, и за ними ходили, и, вѣхъ имая, вѣшали; а какъ къ намъ вѣсти Крымскіе прямыя будущъ, и мы къ нимъ шотчасъ указъ свой

пришлемъ. Писанъ на Москвѣ. Лѣта 7097, Іюля въ 25 день.

У подлиннаго Наказа приписъ: Дьякъ Ондрей Щелкаловъ.

Вошь акшы, которые довольно объясняютъ ходъ нашей политики съ Крымскимъ Ханомъ въ концѣ XVI столѣтія. Всѣ эти Наказы были отправляемы отъ имени Государя къ Головѣ сторожевому, Дворянину Аванасью Федоровичу Зиновьеву, который въ 1589 году наблюдалъ на границѣ Крымцевъ, съ отрядами изъ Казаковъ и дѣшей боярскихъ. Тогда управлялъ Крымскими улусами Казы-Гирей, облеченный въ достоинство Хана по милости Турецкаго Султана. Осторожный Годуновъ, Правитель Государства, употребилъ сего Хана орудіемъ нашей политики противъ Сигизмунда. Ханъ, вступая въ Крымъ, нашелъ улусы раззоренными, Крымцевъ безъ приюта, рать шогимую бездѣйствіемъ и съ душою гошовой на всѣ хищенія. При вступленіи въ управленіе, новый Ханъ, по правамъ и обычаямъ Крымцевъ, долженъ повести ихъ на промыслъ. Литва и Россія были всегдашнимъ предметомъ для хищныхъ набѣговъ. Честнымъ дарами отъ Россіи Казы-Гирей обратился къ Литвѣ, гдѣ въ это время кипѣло безначаліе и умы всѣхъ обращены были на избраніе Короля. Но Рускіе не вѣрили клятвѣ Ташаръ: сторожевая рать сберегла ихъ на границѣ. Были примѣры, что Крымскій Ханъ въ Москвѣ бралъ дары и заключалъ вѣчный миръ, а въ Украинѣ нашей грабилъ народъ и жегъ селенія.

Спорожевая ливія, для наблюденія за Крыпцами, простиралась по Донцу и Осколу; а главнымъ сборомъ назначены были города: Пушिवль и Рыльскъ, куда ратные головы приводили наемныхъ Казаковъ, сирѣчьцовъ и дѣшей боярскихъ. Всей спорожевой рати въ 1589 году съ Зиновьевымъ было 1176 человекъ, кромѣ Ногаевъ. Въ этомъ числѣ было: дѣшей боярскихъ 372 человека, Казаковъ 764, сирѣчьцовъ, пушкарей и запящниковъ 40.

Въ сихъ Наказахъ обращаютъ особенное вниманіе разныя названія Казаковъ. На Руси система *казакества* развилась по Украинѣ изъ вольныхъ удалцовъ, гарцовавшихъ ошъ Дона до Днѣпра, по родимой и чуждой споронѣ. Зародышъ казацкой жизни шеряется въ древнихъ временахъ; но полишическій бытъ ихъ образовался и развился подъ игомъ Ташаръ. Не патриотизмъ, не любовь къ свободѣ породила *казакество*, но безчестіе и позоръ родимыхъ, чувство мщенія къ ожесточенному врагу, приволье на раздольной жизни и жажда къ добычѣ. Наскучивъ угрозами, рабъ Ташаръ бѣжалъ ошъ грозы—въ глушь лѣсовъ, въ пріюшъ свободы и породнялся съ дикою независимостію. Въ кругу шоварищей, рабъ пришлецъ дѣлался свободнымъ, шель съ мечемъ въ рукъ, грабилъ и жегъ селенія своихъ враговъ, дѣлялъ съ ними добычу и славилъ въ пѣсняхъ свое удалство. Эпи-шо толпы удалцовъ называли себя *Казаками*. Съ начала Ташары, пошомъ Литва и Руссы водили съ собою въ поле сихъ удалцовъ. За наемъ Казакъ готовъ былъ служишь орудіемъ

длѣ ихъ мщенія и защиты. Липовцы болѣе всѣхъ способствовали къ распространенію быша Украинскихъ удалцовъ. Одни Руссы упрочили ихъ за собою, пріютили ихъ становища къ границамъ своихъ враговъ и продолжили такое право до нашего времени.

Въ шпорожевой Русской службѣ, въ 1589 году, въ снѣхъ Наказахъ упоминаются Казаки: *Рыльскіе, Стародубскіе, Запорожскіе, Путивльскіе и Мишенскіе*. Всѣ сіи охочіе Казаки служили по найму. Длѣ сего особенно отправлялись изъ Москвы и другихъ городовъ Головы, которые за условленную цѣну набирали ихъ въ службу. Охочій Казакъ непременно долженъ былъ имѣть съ собою въ полѣ двухъ коней, исправлять приказанія Воеводъ и удаляться не прежде положеннаго срока. За сіе получалъ онъ напередъ два рубли денегъ, а во время службы довольствовался всѣмъ содержаніемъ. Казакъ стольже скоро оставлялъ свою службу, сколько готовъ былъ на оную. Рускіе имъ мало вѣрили: онѣ за ними болѣе присматривали, нежели за Ташарами. Болѣе всѣхъ опасались Запорожскихъ Казаковъ, и попому въ каждомъ Наказѣ предписано было Зиновьеву не прежде соединяться съ ними, пока онъ не узнаеть ихъ расположенія. Въ это время Запорожскими Казаками начальствовалъ Ашаманъ Машвѣй Федоровъ съ пятидесятыми другихъ Ашамановъ и Ясауловъ. Ашаманъ кромѣ подарковъ и жалованья отъ Русскихъ, дѣлалъ одинъ добычу съ своими шоварищами, а другіе Казаки не смѣли вступаться. Донскихъ

Казаковъ очень мало находилось въ спорожевой службѣ; они не любили подчиненности; ихъ очень рѣдко принимали Рускіе въ службу. Съ Зиновьевымъ ихъ было только 54 человекъ. Вся тягость спорожевой службы падала на дѣшей Боярскихъ, которые наблюдали за врагомъ въ полѣ, провожали дни среди степей, прокрадывались въ улусы Татаръ, прислушивались къ ихъ разговорамъ, провожали гонцовъ, и первые при измѣнѣ наемниковъ защищали своею грудью напоръ хищныхъ Татаръ. Замѣтимъ еще, что въ числѣ продовольствія находилось шодокно, любимое кушанье Рускихъ. Спорожевая рать никогда не вступала въ бой съ сильными ошрядами; при первомъ появленіи она ошступала во внутренность своихъ предѣловъ и до шѣхъ поръ, пока главная рать соединится съ ними. Вся ошибка тогдашней полишки состояла въ томъ, что содержали на границахъ слабую оборону. Навѣрно Крымскіе Татары не дерзнули-бы вносить своего меча на Рускихъ, если-бы тамъ содержалась постоянная и сильная рать. Наемные войны жаждали только денегъ, а не сбереженія нашихъ предѣловъ; для нихъ все равно было: и родимая страна и чужбина, лишь только имѣшь въ виду лишній рубль. Присовокупимъ къ сему еще внутреннее наше бѣдствіе — Намѣшничество Воеводъ. Трашили въ спорахъ время, и наемники шеряли шерпѣніе: шѣ и другіе равно забывали свои обязанности. Вошь отъ чего вторгались враги въ наши предѣлы — и чего недосшавало для ошечества.

№ 19. *Жалованная грамота отъ Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича Тульскому Предтечеву монастырю въ 1628 году (*).*

Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Федоровича всеа Русіи на Тулу писцомъ нашимъ Василью Констаншиновичу Несперову да подъячсму Ивану Федотову. Въ прошломъ во 130 году били намъ челомъ и отцу нашему Великому Государю, Святѣйшему Филарету Никишичу Патріарху Московскому и всеа Русіи съ Тулы Предтечева монастыря Игумень Феодосей сбрашею, а сказали: въ прошломъ де во 107 году дано имъ при Царѣ Борисѣ на Туль въ Никишскомъ концѣ за Ржавцемъ земли для усадища подъ крестьянскіе дворы, и подъ монастырской огородъ и подъ коровой дворъ; и на шю де землю и выпись имъ Тульской осадиной голова Петръ Вельяминовъ далъ, и послѣ де того въ Московское разоренье на нхъ земли поселилась Тульскіе посадскіе люди самовольствомъ: и намъ бы нхъ пожаловати велѣши имъ въ шюе земли мѣсто даши пустую землю, что владѣлъ Констаншинъ Михайловъ изоброчу двадцашъ десяшинъ на шюе монастырскую землю, что имъ даво при Царѣ Борисѣ, за рукою осаднаго головы Петра Вельяминова въ Володимерскую чешь передъ Діакомъ нашимъ передъ Петромъ Микулинымъ клали. И по

(*) Подлинная грамота, писанная на сполбцѣ, связнымъ почеркомъ, хранится съ другими грамотами въ Архіерейской ризницѣ. Всѣхъ грамотъ Царскихъ находится, какъ мнѣ извѣстно, до 16, не включая въ шо число привезенныхъ изъ Коломны.

нашему указу посылана наша грамота на Тулу къ осадному головѣ къ Ивану Зыбину, а велѣно ему про ту землю, что была за Предомеченскимъ монастыремъ по выписи Петра Вельяминова, сыскашь всякими людьми, а обыски прислалъ къ намъ къ Москвѣ, а въ обыскѣ сказали: пропоповъ и поповъ, и служивыхъ людей и оброчныхъ кузнецовъ сто шестьдесятъ пять человекъ, что въ прежнихъ годѣхъ блаженныя памяти при Государѣ, Царѣ и Великомъ Князѣ Федорѣ Ивановичѣ всеа Русіи на Тулѣ въ осирогъ Предомечева монастыря, крестьянскіе дворы, монастырской огородъ и коровей дворъ взяны подѣ Спрѣлецкіе земли и подѣ Черкаскіе дворы, и въ прошломъ во 107 году въ Предомечевъ монастырь въ шой земли мѣсто на Тулѣ-жѣ въ Никпцкомъ концѣ за Ржавцемъ по Царя Борисовѣ грамотѣ Тульской осадной голова Пешрѣ Вельяминовѣ земли на усадище подѣ крестьянскіе дворы и подѣ монастырской огородъ и подѣ коровей дворъ далъ, и выпись имъ на лою землю далъ-же, почему имъ владѣшь. И монастырскіе крестьяне на шой землѣ жили, а послѣ шого поселились и нынѣ живутъ посадскіе люди. И мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Федоровичъ всеа Русіи и ошцъ нашъ Великій Государь, Свяшѣйшій Оларешъ Никитичъ Патриархъ Московскій всеа Русіи, слышавъ обысковъ Предомечева монастыря Игумена Теодосія съ брашією, что на Тулѣ, пожаловали землю двадцать десятиинъ, что была на оброкъ за Констаншиномъ Михайловымъ, въ Предомечевъ монастырь на усадище подѣ крестьянскіе дворы и подѣ мо-

настырской огородъ и подь коровой дворъ дали въ монастырь безоброчно въ спарыя ихъ земли мѣсто, что у нихъ взяшо въ оспрогъ подь Спрѣлецкіе и подь Черкаскіе дворы, и въ шой землю мѣсто, что была имъ дана, а на ней поселились и нынѣ живущъ посадскіе люди, и оброкъ съ шой земли, что плашилъ въ нашу казну Констаншинъ Михайловъ, и что Констаншинъ ималь собѣ, и шѣхъ оброчныхъ денегъ пмати не велѣли, и изокладу ихъ велѣли выложитъ, и въ прошломъ де во 132 году наша грамота имъ дана на Тулу къ осадному головѣ къ Ивану Зыбину, а велѣно ему шу мельничную оброчную землю двадцать десятинь, что была на оброкъ за Констаншиномъ Михайловымъ, отвести по старымъ межамъ въ Предосечевъ монастырь безоброчно. И нынѣ били намъ челомъ Тульского Предосечева монастыря Игумень Феодосій съ брашією, а сказали: шоя-же оброчная земля, что имъ дано двадцать десятинь, Тульской городской прикащикъ Юрій Оспрековъ невѣдомо почему рубежъ испоршилъ, и столпъ и грани учинилъ свои, и посадскіе люди на шой землѣ живутъ; и намъ бы ихъ пожаловати велѣши имъ шѣ оброчную землю ошмежевати и грани учинитъ по прежнему, какъ было напередъ сего. И буде шакъ, какъ намъ Тульского Предосечева монастыря Игумень Феодосій съ брашією билъ челомъ, а шѣ буде мельничная земля Юрій Оспрековъ рубежъ у нихъ испоршилъ и столпъ, грани учинилъ свои и посадскіе люди на шой землѣ буде живутъ: шо какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бъ на Туль взяли съ собою посадскихъ спарасшъ и цѣловальниковъ, и по-

садскихъ лучшихъ людей, и Преодшечева монастыря старцовъ, и слугъ и креспьянъ, да съ шѣми людьми шѣ мельничную оброчную землю, что была за Констаншиномъ Михайловымъ, а нынѣ опдана въ Преодшечевъ монастырь, досмотрѣли, и досмотрѣ шѣ мельничную землю двадцать десятинь опвели и опмежевали въ Преодшечевъ монастырь по старымъ межамъ, какъ было напередъ сего за Констаншиномъ Михайловымъ, и на шѣи землѣи межи учинили и грани пошесали, и въ книги шѣ межи и грани велѣли написати именно; а какъ шу землю опмежуеше и вы-бѣ о шѣи опписали и межевые книги прислали къ намъ къ Москвѣ и велѣли опдати въ Володшмерскую чешь Дьяку Гуляю Золотареву. А прочешь сѣи Нашу грамоту и списавъ съ нее списокъ слово въ слово оставили у себя, а сѣи нашу подленную грамоту опдали-бы еше Игумену Феодосію съ братією въ передъ для нашихъ Воеводъ и приказныхъ людей. Писана на Москвѣ, лѣша 7136, Сешября въ 20 день.

На оборотѣ граматы подписали: Дьякъ Гуляй Золотаревъ. Справилъ Дашилко Ждановъ.

№ 20. Челобитная Тульскихъ гражданъ, поданная Великимъ Государямъ, Царямъ и Великимъ Князьямъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу и Великой Княжнѣ Софїи Алексѣевнѣ въ 1687 году ().*

Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу і Ве-

(*). Подлинная челобитная приобрѣтена мною опъ Тульского К. Черникова; она писана на сполбцѣ, мѣрою въ длину 20 вершковъ, связнымъ почеркомъ.

ликой Государынѣ Благовѣрной Царевнѣ, і Великой Княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцемъ, бьющъ челомъ холопи ваши Тульскіе помѣщики і вошчинники, стольники и дворяне, жильцы Московскіе і всѣхъ чиновъ люди. Въ прошлыхъ, Государи, годѣхъ, до Московскаго разоренья і въ Московское разоренье, в Королевичевъ приходѣ, прадеды и дѣды наши побишы на вашихъ Государскихъ службахъ, а иные ошъ ранѣ померли, и дѣды наши по отцахъ своихъ, а по нашихъ прадедахъ, и опцы наши по своихъ отцахъ, а по нашихъ дѣдахъ давали на Туль для поминовенія вкладау крестьянъ, и построили на Туль въ деревянномъ городѣ монастырь, и церковь Божію воздвигнули во имя Святаго Іоанна Предтечи, для того что прадеды и дѣды ихъ въ шомъ монастырь погребены; и шѣ наши вкладавныя крестьяне, которые даваны по душамъ прадедовъ и дѣдовъ нашихъ, поселены были въ Епископскомъ уездѣ, на дикомъ полѣ, что дано по указу отца вашего Великихъ Государей блаженныя памяти Великаго Государя Царя і Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца двѣсѣ чешвершей, и шѣ крестьяне ту земаю дикое поле пахали и дворы на шой землѣ построили и церковь Божію воздвигнули; и въ прошлыхъ Государи во 186 годѣхъ, по имянному указу отца вашего Великихъ Государей блаженныя памяти Великаго Государя Царя і Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца взяша ша монастырская распашная земля въ Богородицкому городу

к десятинной пашнѣ, и построено на той землѣ монастырской Ваше Великихъ Государей гумно, а вмѣсто, Государи, той распашной монастырской земли дано того монастыря крестьяномъ въ Епинеанскомъ же уѣздѣ дикаго поля на рѣчкѣ Ситункѣ двѣсти чешвершей, и стѣ монастырскіе крестьяне на то дикое поле переселилися, дворы построили и землю распахали и церковь Божию воздвигнули. И въ прошломъ, Государи, въ 180 году, по указу брата Вашего Великихъ Государей, блаженный памяти Великаго Государя, Царя і Великаго Князя Ѳедора Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, и по отпискамъ Богородицкаго города Воеводы Петра Жаденскаго, да Моисея Ливвинова, взята у стѣхъ монастырскихъ крестьянъ и другая распашная земля къ Богородицкому городу к селу Михайловскому к Вашей Великихъ Государей десятинной землѣ, а вмѣсто той монастырской распашной земли дано имъ монастырскимъ крестьянамъ въ Донковскомъ уѣздѣ дикаго поля шри ста чешвершей сверхъ дачь Донковцовъ двѣсти болярскихъ села Маликова за ихъ дачами прѣмѣрной земли; и стѣ монастырскіе крестьяне на ту землю, въ Донковскомъ уѣздѣ, на дикое поле переселилися, дворы построили и землю распахали и церковь Божию воздвигнули; и отъ стѣхъ, Государи, разныхъ многихъ переселеній крестьянскихъ разорился и оскудѣли, а иные розна разбрелися і Вашему Великихъ Государей богомолію Предошечеву монастырю учинилася скудосшь великая и безхлѣбье. И въ прошломъ, Государи, во 193 году, по Вашему Великихъ Государей указу валовые писцы

Федотъ Кобяковъ съ товарищи свое монастырскую землю мѣрили и межевали и на той, Государи, земля тѣхъ монастырскихъ крестьянъ села Покровскаго за тѣмъ Предопечевымъ монастыремъ въ писцовыя Книги написали, и той монастырской объявлено по ихъ писцовой мѣрѣ двѣсти пѣтдесять четвертей. И въ прошлыхъ, Государи, годѣхъ во 194 и въ нынѣшнемъ во 196 году положному челобитию Донковцовъ дѣтей боярскихъ села Малинова Конспяншина Калабина с товарищи послана Вашихъ Великихъ Государей грамота въ Донковъ къ Воеводѣ Федору Грекову; велѣно ему про ту землю розыскать, будто то земля ихъ дѣтей боярскихъ въ межахъ и граняхъ, а то, Государи, монастырская земля за межами и гранями ошъ тѣхъ дѣтей боярскихъ, и Донковцы дѣти боярскіе всыску сыскиваютъ не правдою, и урочища отводятъ не тѣ, не ихъ села Малинова, многіе свойспвенники и хлѣбожцы подъячіе Донковскіе спскавсь с челобитчиками за одно пишутъ обыски не правдою и чершежъ чинятъ ложно, для того, что у тѣхъ подъячихъ у Федосія Маркелова въ томъ селѣ Малиновѣ построены дворы, для того на монастырскихъ крестьянъ посягаютъ и с той земли гонятъ напрасно. А какъ Государи, писцы Федоръ Кобяковъ ту монастырскую землю мѣрили и межевали, на томъ межеваны тѣ дѣти боярскіе села Малинова были, и о той монастырской землѣ ни чемъ не спорили, и к тѣмъ писцовымъ межевымъ книгамъ они дѣти боярскіе руки положили; а вытѣ, Государи, тѣхъ монастырскихъ крестьянъ дѣти боярскіе и подъячіе с той земли згоняютъ напрасно.

Милосердные Великіе Государи Цари, і Великіе Князи Іоаннь Алексѣевичь, Пётръ Алексѣевичь і Великая Государыня Благовѣрная Царевна і Великая Княжна Софія Алексѣевна всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы: пожалуйте насъ холопей своихъ за службу, и за кровь и за смерть родителей нашихъ, и за нашу холопей вашихъ службишку, и за кровь и за раны не велише Государи пому ихъ ложному челобитью и не правому сыску и черпѣжу повѣрши; і велише Государи шой земли бытъ за Предсечевымъ монастыремъ противъ прежняго своего Великихъ Государей указу, по писцовой межѣ Федоша Кобякова с поварыщи, того ради, это ша ихъ земля Предсечеву монастырю дана вмѣсто ихъ распашныхъ монастырскихъ дву земель, что взята къ Богородицкому городу, а другая распашная земля взята к селу Михайловскому, а ша земля дана имъ въ Донковскомъ уѣздѣ тѣхъ дѣшей Боярскихъ села Малинова примѣрная за ихъ дачами, и за межами и за границами; і велите, Государи, послашь отъ себя дворянина для подлинного розыску, кому вы, Великіе Государи, укажете, чтобы тѣмъ дѣшемъ Боярскимъ, села Малинова, по писцовымъ книгамъ, сколько кому дано чешвершей намѣрять по крепостямъ ихъ.

Тульскій Предсечевъ Каѳедральный монастырь основанъ во второй половинѣ XVI столѣтія, Тульскими гражданами; но въ которомъ году—неизвѣстно. Онь построенъ по лѣвому берегу рѣки Упы, подлѣ Кремля, съ каменною оградой. Изъ зданія сего монастыря сохранилась одна только каменная

церковь , построена посреди монастырскаго двора, о шрехъ пирамидальныхъ верхахъ, иждивеніемъ Царя Бориса Феодоровича Годунова.

Великіе Государи и граждане Тульскіе всегда оказывали большое усердіе къ сей обители. Памяшниками Царскихъ благоволеній остались граматы, жалованныя ей на помѣстья, земли, лѣса и рыбныя ловли. Государь Феодоръ Іоанновичъ въ 1596 году пожаловалъ сему монастырю богатое село Волянцево со всѣми доходами, а Михаилъ Феодоровичъ въ 1622 году утвердилъ грамотою за нимъ 100 чешвертей пахашной земли, по рѣчкѣ Рагожки, рыбную ловлю по рѣкамъ Упѣ и Плесу, и спроеваго лѣсу на одну версту. Кромѣ того Тульскіе городовые дворяне и посадскіе люди жертвовали по своимъ родителѣмъ крестьянъ и разныя имущества на содержаніе брашна монастырскаго. Всѣхъ крестьянъ за Предсечевымъ монастыремъ находилось 1,111 душъ.

Настоятелями сей обители были Игумены и Архимандриты. При учрежденіи Духовныхъ штатовъ въ 1764 году, Предсечевъ монастырь положенъ по штату въ 3 классъ, степеню 73, съ настоятельствомъ Игуменскимъ. Въ 1798 году Коломенскій Епископъ Аѳанасій, на основаніи указа 1797 года, Игумена сего монастыря, Галакшіона, посвятилъ въ Архимандриты. Сей монастырь существовалъ до 1800 года, и при открытіи Тульской Епархіи уничтоженъ и обращенъ въ Архіерейскій домъ. Нынѣшній Архіерейскій домъ построенъ Преосвященнымъ Меодіемъ изъ старыхъ монастырскихъ

зданий. Для сего разобрана была тогда церковь, сооруженная надъ святыми воротами, а колокола монастырскіе были проданы къ Срѣтенской церкви. Внутри сего дома тогда-же была устроена и церковь во имя *Св. Николая*, которую Преосвященный Авраамъ распространилъ и назвалъ во имя *Св. Іоанна Предтечи*, въ память монастыря и той церкви, которая была надъ св. воротами. Кромѣ сего дома, Епархіальный Епископъ имѣеть еще другой загородный, близъ Щегловской заставки, построенный Преосвященнымъ Амвросіемъ, внутри коего устроена имъ церковь во имя *Амвросія, Епископа Медиоланскаго*. Внутри Архіерейскаго двора находящіяся еще два каменные корпуса, оставшіяся отъ монастырскихъ зданій. Въ одномъ изъ нихъ помѣщается нынѣ Духовная Консисторія, въ которой имѣли пребываніе Настоятели сего монастыря; въ другомъ оповедены покои для пѣвческой капеллы, въ которомъ прежде помѣщались іерархи. Сей Архіерейскій домъ положенъ по штату въ 3-мъ классѣ, а число всѣхъ монашескуюющихъ назначено быть до 9. Содержаніе получаешь жалованья, опредѣленнаго ему по штату, и оходами съ Тульскаго Архіерейскаго подворья, находящагося въ Москвѣ, и съ луговъ и рыбной ловли. При немъ имѣеться 39 десятинъ и 970 квадр. сажень пахашной и луговой земли, одна мукомольная мельница и рыбная ловля.

Богатая Архіерейская ризница, привезенная изъ Флоренцы, обращаетъ особенное вниманіе посѣпителей. Въспѣтъ съ нею сохраняются деревянныя иконы, рѣзные образы на кости, умывальныя

Октябрь 1831.

29

кушны, употреблявшіеся при Архіерейской службѣ и жалованныя грамоты Предсечеу монастырю. Изъ грамотъ уцѣлѣли только со временъ Царя Михаила Феодоровича, а древнія погибли во время Междуцарствія. Большое собраніе грамотъ, принадлежавшихъ Іерархамъ и монастырямъ Коломенской Епархіи, находится въ этой-же Архіерейской ризницѣ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ N 11-мъ Телеграфа, представили мы читателямъ нашимъ изложеніе порядка военного управления въ Россійской Имперіи, взятое изъ официальныхъ свѣдѣній. Для надлежащаго понятія о современной администраціи въ Россіи, представляется теперь очеркъ *полнаго образованія государственнаго управленія*, извлеченный также изъ официального, изданнаго ошъ Правительства, *Общія Штата*, и расположенный систематически. — Въ 1831-му году государственная администрація Россіи представляла слѣдующія, общія раздѣленія:

I. Высшая администрація.

Государственный Совѣтъ (Предсѣдатель Графъ В. П. Кочубей), раздѣляющійся на 4 Департамента *Законовъ*, *Дѣлъ военныхъ*, *Дѣлъ гражданскихъ*

духовныхъ, Государственной экономіи. Сюда присоединяются: Члены неприсущствующіе, Министры: Пухей сообщенія, Императорскаго Двора, Почтоваго управленія, Иностранныхъ дѣлъ, Военный, Народнаго Просвѣщенія, Финансовъ, Морской, Внутреннихъ дѣлъ, Государственнаго Контроля, Иностранныхъ исповѣданій, и Юстиціи (Комитетъ Министровъ и Канцелярія его); Комиссія прошеній; Государственная Канцелярія.

II. Внѣшняя Администрація.

Министерство Иностранныхъ дѣлъ, къ коему принадлежатъ:

Коллегія иностранныхъ дѣлъ, раздѣляющаяся на экспедиціи: *Секретную, Публичную*; припомъ: *Церемониальный Департаментъ; Архивъ Московскій* (и Комиссія печашанія Государственныхъ грамотъ); *Азіатскій Департаментъ* (Учебное отдѣленіе Воспитанныхъ языковъ, и пограничныя Комиссіи, въ Керчи, Кяхтѣ, Оренбургѣ).

Чрезвычайные и полномочные Россійскіе Послы, въ Вѣнѣ, Лондонѣ, Парижѣ.

Чрезвычайные Россійскіе Посланники и Полномочные Министры, въ Берлинѣ и Мекленбургъ-Шверинѣ, въ Нидерландахъ, при Дворахъ Дрезденскомъ, Ганноверскомъ и Саксенъ-Веймарскомъ, въ Копенгагенѣ, Мадришѣ, Минхенѣ, Неаполѣ, Римѣ, Стокгольмѣ, Туринѣ и Пармѣ, Филадельфій, Франкфуртѣ на Майнѣ, и при Германскомъ Союзѣ и Гессенъ-Кассельскомъ Дворѣ, въ Штутгартѣ, Бра-

зіліи , Констаншинополѣ , Греціи , при Дворѣ Ольденбургскомъ и городахъ : Гамбургѣ , Любекѣ и Бременѣ .

Повѣренныя отъ дѣлъ : въ Карлсруэ , Тосканѣ и Луккѣ , Швейцаріи , Веймарѣ , Краковѣ , Неаполѣ .

Генеральныя Консулы : въ Англіи , Бразиліи , Венеціи , Генуѣ , Данцигѣ , Египтѣ , Копенгагенѣ , Ливорно , Амстердамѣ , Норвегіи , Сициліи , Триэстѣ , Нью-Йоркѣ , Швеціи , Штетинѣ , Лейпцигѣ , Кадиксѣ , Смирнѣ , Вадахіи и Молдавіи , Моретѣ .

Консулы : въ Алкантшѣ , Анконѣ , Антверпенѣ , на Балеарскихъ островахъ , въ Барцелонѣ , Бильбао , Бордо , Бродахъ , Гибралтарѣ , Готенбургѣ , Гаваннѣ , Эльзенерѣ , Ливерпулѣ , Любекѣ , на остр. Мадертѣ , въ Малагѣ , Мальтѣ , Марсели , Мемелѣ , на М. Доброй Надежды , въ Ниццѣ , Ростокѣ и Висмартѣ , Роттердамѣ , Салоникахъ , на Негропонтѣ , въ Христіаніи , Чививша-Веккіо , Яссахъ .

Вице-Консулы : въ Алеппо , Белемѣ , Гаммерфестѣ , Дарданеллахъ , Каглиари , Зантѣ , Корфу , Палермо , Рагузѣ , Сень-Жанѣ д'Акрѣ , Свѣ . Голландіи , Сливно , Яффѣ .

Агенты , въ Адрианополѣ , Галацахъ .

III. Внутренняя , военная администрація .

А. Сухопутная часть .

Главный Штабъ Его Императорскаго Величества . Начальникъ Главнаго Шшаба , онъ-же нынѣ и *Военный Министръ* . Кромѣ Канцеляріи Начальника Шша-

ба, два Департаментша Шшабскіе: *Инспекторскій* и *Аудиторіатскій*.

Подробная администрація военныхъ сухопутныхъ силъ изложена была нами въ № 11-мъ Телеграфа (*); къ шому слѣдуетъ прибавить только, что изъ числа подвѣдомственныхъ Военному Министерству Департаментовъ (Артиллерійскаго, Инженернаго, Коммиссиріашскаго, Провіаншскаго и Медицинскаго) —

къ *Артиллерійскому* относятся всѣ артиллерійскія Депо, Арсеналы, пороховые и оружейные Заводы;

къ *Инженерному* принадлежить еще Гвардейская казарменная Коммиссія;

къ *Коммиссиріатскому* относятся всѣ Коммиссіи Коммиссиріатскія (всего 12: СПетербургская, Московская, Кіевская, Казанская, Кременчугская, Рижская, Дубенская, Воронежская, Ставропольская,

(*) Здѣсь должно исправить ошибки, вкрашіяся въ сіе изложеніе. На стр. 395-й, сказано, что Главный Шшабъ дѣлится на семь Департаментовъ, когда въ ономъ только два Департаментша, а пять другихъ состоятъ только въ *вѣдомствѣ Военнаго Министра*. На стр. 396, вмѣсто: *Военно-учебный Комитетъ*, и *Совѣтъ Военнаго Министра*, должно быть: *Военно-учебный Комитетъ* и *Совѣтъ Военнаго Министреста*. На стр. 394, *рота Деорцовыхъ грендеровъ* несправедливо показана въ *Военно-учебныхъ заведеніяхъ*: она принадлежить къ *Придворному Шштату*.

Балтская, Тифлисская и Сибирская), Коммиссіонерства Коммиссіаріатскія (всего 5: Виленское, Варшавское, Тобольское, Иркутское, Тамбовское), суконныя казенныя фабрики (Павловская, Екаперинославская), лосинная фабрика, и военные Госпитали, по городамъ и въ Столицахъ.

Къ *Провіантскому*, Коммиссіи провіантскихъ Дешо (Московская, Финляндская, Тобольская), Коммиссіонерства (Новгородское, Симферопольское, Саратовское) и Диспанціонные Коммиссіонеры по губерніямъ.

Къ вѣдомству Начальника Главнаго Штаба причисляются еще: *Комитетъ о конскихъ заводахъ* и *Военно-конно-заводское управленіе*.

Б. Морская часть.

Главный Морской Штабъ Его Императорскаго Величества. Начальникъ Главнаго Морскаго Штаба. Кромѣ Канцеляріи его, здѣсь также два Департамента: *Инспекторскій* и *Аудиторіатскій*; Дежурный Генераль; управленіе Генераль-Гидрографа (съ депо, чертежною и шипографіею); *Ученый Комитетъ*.

Министерство морское, къ коему принадлежать (кромѣ Канцеляріи): Адмиралтействъ-Совѣтъ, управленіе Генераль-Интенданта, Департаменты: *Кораблестроительный* (съ Контролемъ; *Ученнымъ Комитетомъ* и Начальниками портовъ и адмиралтействъ), *Корабельныхъ лѣсовъ* (съ правленіемъ двухъ Округовъ лѣсовъ, *Низоваго* и *Сѣвернаго*), *Артиллерійскій* (съ Управляющими морскою артиллеріею въ портахъ), *Коммиссіаріатскій*.

Черноморскій Департаментъ заключаетъ въ себѣ отдѣльное вѣдомство по Черноморскому флоту, съ экспедиціями: Хозяйственной, Исполнительною, Артиллерійскою, Казначейскою, Управленіемъ Медицинскимъ, Управленіемъ казенныхъ фабрикъ и Депо каршъ.

Кромѣ того, по Морскому Министерству находится: *Управленіе флота Генераль-Штабъ-Доктора* и *Управленіе морской строительной части* (инженерныя и военно-работія команды, поршова зданія, и проч.).

Флотъ Россійскій раздѣляется слѣдующимъ образомъ:

Гвардейскій экипажъ, съ артиллерійскими рошамми и ласшовыми рошамми.

Флотъ Балтійскій, съ Корпусомъ морской артиллеріи, Корпусомъ корабельныхъ инженеровъ, Корпусомъ флотскихъ штурмановъ, Ласшовыми и Рабочими экипажами. — Порты его: С.Петербургъ, Кроншпашъ, Ревель, Свеаборгъ, Архангельскъ, Астрахань, Охотскъ, Камчатка. Принадлежатъ сюда еще: Морской Кадетскій Корпусъ, Штурманскій полуэкипажъ, Учебныя, морской и морской рабочій, экипажи.

Флотъ Черноморскій, съ Корпусами: морской артиллеріи, флотскихъ штурмановъ, корабельныхъ инженеровъ, рабочими и ласшовыми экипажами. — Порты его: Николаевъ, Херсонъ, Севастополь, Измаиль. Учебныя заведенія: Николаевская штурманская роша, Училища артиллерійское и юнговъ; шакое-же въ Севастополь.

IV. Внутренняя духовная администрація и судъ.

А. Греко-Россійскаго исповѣданія.

Святѣйшій Прavitельствующій Синодъ, съ особымъ Отдѣленіемъ, Коммиссіею Духовныхъ училищъ, Московскою Конторою, Грузино-Имеретинскою Конторою, и Московскою Тилографическою Конторою.

Вся Имперія раздѣляется на Епархіи, изъ коихъ 4 считаются въ 1-мъ классѣ, 16 во второмъ, и 20 въ 3-мъ. При Епархіальныхъ Архіереяхъ находятся Духовныя Консисторіи.

Въ Грузіи считается 4 епархіи.

Къ Духовной администраціи относятся еще: Осетинская Коммиссія и Оберъ-Священники, арміи, флота, и Главнаго Штаба.

Настоящеди монастырей раздѣляются на 3 класса, и кромѣ того считаются, особо заштатныя монастыри. Игумены 7-ми женскихъ монастырей считаются въ 1-мъ классѣ.

Б. Иностранскія исповѣданія.

Главное управленіе духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Департаментъ его раздѣляется на 3 отдѣленія: Римско-Католическо-Уніятско-Армянское, Протестантское, и не-христіанскихъ вѣръ.

Римско-Католическая Коллегія. Она завѣдуетъ Римско-Католическими въ Россіи епархіями, кои суть: Могилевская, Виленская, Самогитская,

Луцкая, Каменецкая, Минская и Армяно-Кашолическая. Сюда принадлежатъ *Провинціаллы*, *Конгрегаціи* и *Визитаторства* монашескихъ орденовъ: Піарскаго, Бернардинскаго, Доминиканскаго, Францисканскаго, Босыхъ Кармелитовъ, Кармелитовъ древнихъ правилъ, Капуцинскаго, Реформатскаго, Тринитарскаго, Августіанскаго, Бенедиктино-Цистерсіенскаго и Каршезіанскаго, Канониковъ регулярныхъ Лашеранскихъ, Канониковъ регулярныхъ ошъ покаянія, Викеншиновъ и Бонифратровъ.

Греко-Унітская Духовная Коллегія, завѣдываетъ Унітскими епархіями, кои суть: Бѣлорусская и Лишовская, со всѣми Унітскими монастырями.

По *Армянскому исповѣданію* счищается три епархіи: Асшраханская, Нахичевано-Бессарабская и Грузинская. Армянскія Духовныя Правленія находятся въ Спбургѣ, Москвѣ, Нахичеванѣ, Григориополѣ, Карасубазарѣ, Кизлярѣ и Моздокѣ.

По *Евангелистскому исповѣданію*, завѣдываютъ: С.Петербургское консисторіальное заведеніе, и Лифляндская Оберъ-Консисторія (съ Дерпшскою и Перновскою городовыми Консисторіями); Провинціальные консисторіи: Эстляндская и Эзельская; Консисторіи: Курляндская и Саратовская, Городовыя: Рижская, Ревельская, Нарвская, и Лишовскій Евангелистско-Реформатскій Синодъ.

По *Мугаммеданской вѣрѣ*, Духовныя собранія находятся въ Оренбургѣ и Тавридѣ. Къ послѣднему относятся уѣздные Кадіи Крымскіе.

V. Внутренняя гражданская администрація и судъ.

Высшая и центральная ()*.

Правительствующій Сенатъ, раздѣляющійся на *восемь* Департаментовъ и *Межевой Департаментъ*. Третій Департаментъ дѣлится на два Отдѣленія; 5-й на три; 6-й на два. Особыя канцеляріи: *Общаго собранія первыхъ трехъ Департаментовъ*, и *Общаго собранія Московскихъ Департаментовъ*.

Къ Сенату принадлежатъ: *Герольдія*, *Государственный Архивъ старыхъ дѣлъ*, *Архивъ при Сенатѣ*, *Сенатскій* и *Разрядный Архивы въ Москвѣ*, *Сенатское Казначейство*, *Кашемирская часть*, и *шипографія*, въ Спб. и Москвѣ.

Министерство Юстиціи. Министръ, его *Канцелярія* и *Департаментъ*.

Юстицъ-Коллегія Лифляндскихъ и Эстляндскихъ дѣлъ, съ *Магистратами* въ Ригѣ, Ревелѣ и Нарвѣ.

Къ сему-же Министерству относятся: *Архивы-Государственный Санктпетербургскій*, *Государственный Московскій старыхъ дѣлъ*, и *Ревизионъ-Коллежскій*. — *Воинскій Департаментъ*. — *Межевая Канцелярія*, и *Межевые Конторы*: *Вятская*, *Ека-*

(*) *Мѣстная*, какъ соединяющая въ себѣ отрасли не одного суда, но и разныхъ администрацій, будетъ предложена послѣ обозрѣнія вышнихъ оной начальствъ, каковы: *Министерство Финансовъ*, *Министерство Внутреннихъ дѣлъ*, и проч.

пернославская, Оренбургская, Саратовская и Пермская. — *Московская Коммисія* для составленія свода запрещительныхъ и разрѣшительныхъ книгъ.

(До слѣд. книжки).

С М Ъ С Ъ .

На зимнее трехмѣсячье, въ Грейфсвальдскомъ Университетѣ, по *Богословскому* отдѣленію объявлено 16 Профессорскихъ кафедръ, по *Юридическому* 13, по *Медицинскому* 24, по *Философскому* 7, по *Педагогическому* 2, по *Математическому* 7, по *Естествознательному* 14, по *Камералистическому* 3, по *Историческому* 10, по *Филологическому* 13, всего—109 кафедръ! — Какая бездна премудрости! А Грейфсвальдскій Университетъ еще не изъ первыхъ въ Германіи. Есть гдѣ поучиться! — Въ Тиблингенскомъ Университетѣ, по 6 отдѣленіямъ (Протестантскаго Богословія, Каполическаго Богословія, Юриспруденціи, Медицины, Философіи и Государственнаго Хозяйства) объявлено, ошъ 53 Профессоровъ, болѣе 100 кафедръ. Предметы многихъ довольно любопытны. Особья кафедры объявлены для чшенія и объясненія Нибелунгской поэмы, Индійскихъ Бгайвадгишы и Саковшалы, Исторіи по Сѣвернымъ Сагамъ, Простонародной Астрономіи, Исторіи Педагогіи въ Германіи, и проч.

Романъ Н. И. Греча : *Побѣда въ Германію*, переведенъ на Нѣмецкій языкъ , и выданъ въ Лейпцигѣ , подъ названіемъ : *Ausflucht eines Russen nach Deutschland* (aus dem Russischen von C. Eugot, in-8, у Брокгауза). Странно, что подобное событіе съ романомъ одного Русскаго писателя, было приводимо опъ нѣкошорыкъ Русскихъ Журналистовъ, какъ свидѣтельство Европейской его извѣстности и славы Русскихъ, а о переводѣ романа Греча тѣ же самые Журналисты молчашъ, какъ убитые? Впрочемъ, диковинка-ли это? Переводы романовъ Булгарина на Французскій и Нѣмецкій языки были ему приписаны — почти въ вину и пресшупленіе! Въ самомъ дѣлѣ, какъ не сердиться на Булгарина : пишешь себѣ, и не думаешь пересшашъ, даже и послѣ шого, когда неуязвимый беззубыми эпиграммами *знаменитыхъ*, онъ заставляешь ихъ съ досады надѣвашъ броню *семинариста*, называшься *Косишкиными*, дружишься даже съ Г-мъ Орловымъ — и все безъ вреда его лиштературной чести и извѣстности!

Если вамъ случится наннмашъ извозчика, на биржѣ близъ Петровскихъ ворошъ, замѣшьте бодраго, хотя сѣдаго, спарика, кошораго зовушъ *Степаномъ*; наймише его, ведите ему вѣхашъ шише, и поговорише съ нимъ. Вотъ любопышное явленіе : этому спарику 97-й годъ опъ роду, и 40 лѣшъ уже онъ извозчикомъ въ Москвѣ! Разговоръ добраго Степана настоящія *гусли-самогуды*. Въ молодосши былъ онъ кучеромъ въ Пешербургѣ, видалъ въ Царскомъ

Селъ великолѣпіе Екашерны , помнишь огромны погдашніе *берлины* и *возки* ; объ изобрѣшеніи рес-сорныхъ дрожекъ говоришь онъ , какъ о дѣлѣ весьма недавномъ , и мастерски рассказываетъ о шарнирныхъ скороходахъ и гайдукахъ . Не лѣзя безъ невольнаго почтенія смодръшь на этого убѣленнаго сѣдинами Несшора извозчиковъ Московскихъ , воображая , что вы видише человѣка , пережившаго уже нѣсколько поколѣній . Сшепанъ родился въ 1734 году , если нынѣ ему 97-й годъ . Сколько прожили , сколько пережили въ это время люди !

Волканическій островъ , явившійся подлѣ Сициліи , объявленъ отъ Короля обѣихъ Сицилій принадлежащимъ къ его Королевству , и названъ островомъ *Фердинанда* . Писали , будто Англичане хотѣли взять сей островъ себѣ , но слухъ оказался невѣрнымъ .

При сей книжкѣ Телеграфа приложенъ портретъ *Талейрана* , гравированный съ портрета , писаннаго въ его молодости . Это Талейранъ еще *юноша* , еще *придворный Аббатъ* , и щеголеватый знатный челоѣкъ при Дворѣ Людовика XVI-го . Какой былъ вѣкъ его послѣ того ! Сколько грозныхъ событій , кипѣнія страстей , разрушенія , возстановленія царствъ , перерожденія народовъ ! И Талейранъ все это видѣлъ , зналъ , испыталъ , во всемъ участвовалъ . « Искренняя Исторія Талейрана » — говоришь

Норвѣнь — « могла-бы составишь полныя тайныя записки нашего времени. » Шалунь и повѣса до Революціи; потомъ другъ и товарищъ Мирабо, повѣренный и министръ Наполеона, Людовика XVIII-го и Людовика Филиппа; заключавшій трактаты въ Люневиллѣ, Аміенѣ, Тяльзитѣ и подписавшій постановленіе Вѣнскаго Конгресса въ 1815 году; близкій къ Наполеону и Александру, Пипшу и Сіейсу, Фоксу и Лафайету, первый въ революціи 1789-го и 1830 года, въ возведеніи Наполеона на престоль и изгнаніи его изъ Европы — чего не сказала-бы намъ Талейранъ, если-бы захошѣлъ говорить откровенно! Онъ и теперь еще находится среди дѣятельной политической жизни. И нынѣ еще видишь онъ совершеніе судебъ народныхъ, не смотря на старость, не старѣющійся умомъ гибкимъ, обширнымъ, провицательнымъ, предчувствующимъ будущее!

Описывать жизнь Талейрана, значило-бы писать Исторію Европы съ 1789-го по 1831-й годъ. Мы означимъ здѣсь только годы нѣсколькихъ событій изъ жизни сего замѣчательнаго современника нашего.

Карлъ Маврикій де-Перигоръ, Князь Талейранъ происходить отъ знаменитой фамиліи Перигоръ, и родился въ 1754 году. Определенный въ духовное званіе, онъ былъ уже Епископомъ Ошюнскимъ, когда загремѣла Революція. Проклятый Папоку въ 1790 году, какъ одинъ изъ главныхъ дѣйствователей оной, Талейранъ находился Посломъ въ Англіи, когда революціонеры осудили его на изгнаніе. Онъ

пушешествовалъ послѣ того по Сѣверной Америкѣ, и возвратился во Францію въ 1795 году. Въ 1797 году онъ былъ уже опять Министромъ иностранныхъ дѣлъ, и приготовлялъ революцію 18-го Брюмера. Папа разрѣшилъ ему выходъ изъ духовнаго званія, и Талейранъ, Министръ иностранныхъ дѣлъ при Наполеонѣ, женился; въ 1806 году получилъ онъ Княжество Беневентское (которое взяли у него подлѣ паденія Наполеона), а въ 1814 году, послѣ отрѣченія Наполеонова, Талейранъ правилъ Франціею до самаго пріѣзда Короля. Министръ Франціи на Вѣнскомъ Конгрессѣ, онъ предвидѣлъ по возвращеніи своемъ во Францію революцію 1830 года, сдѣлался главою оппозиціи, и умѣлъ выиграть еще разъ въ жизни. Нынѣ онъ полномочный Посолъ Франціи при Англійскомъ Дворѣ, гдѣ знавалъ цѣлыя поколѣнія Министровъ, Пишша, Фокса, Кастельре, Каннинга, Веллингтона, и видѣлъ теперь министерство Брума.

«Если Наполеонъ» — говоритъ Норвѣнъ, «имѣлъ жребій генія побѣды, Талейрану выпалъ жребій генія политики. Исторія не представляетъ намъ другаго примѣра столь великаго вліянія одного человѣка на различныя революціи, времени столь продолжительнаго. Мощь и сила всегда переходили черезъ руки Талейрана: онъ отдавалъ ихъ другимъ, не искалъ первенства мѣстъ, но требовалъ первенства дѣлъ, и соблюдалъ себѣ только одну изъ вѣнскихъ выгодъ — золото, орудіе, при умѣ его непобѣдимое. Безопасно участвовавшій во всѣхъ переворотахъ, всегда готовившій новыя измѣненія,

незамѣнный врагу, подвижный, какъ счастье.
Талейранъ не долженъ бытъ сравниваемъ ни
Сюдли, ни съ Кольберомъ, ни съ Ришелье,
съ Мазареномъ: онъ походитъ только на
себя.»

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

1831, № 20. ОКТЯБРЬ.

- I. Явленіе Демидовъ Самодланца. Опытокъ надъ
Беровой Московскій Лѣтопись, составлен-
ной 1-и томъ Сказаній современниковъ о
Демидовъ Самодланецъ, издаваемыхъ Г-мъ
Устряловымъ..... 153.
- II. Замокъ Коппель, Историческая повѣсть,
соч. Г-жи Жаплисъ, издаванъ послѣ ея смер-
ти..... 173.
- III. О Поэзіи Арабовъ до Мухаммеда (*Моаллики*
и *Галсаза Арабскія*).—Соч. Барона Энгель-
на (продолженіе)..... 190.
- IV. Современная библіографія:

Русскія книги 1831 года. (Альфредъ, романъ
В. Констанъ, переведенный Ки. Ваземскимъ
—*Зотерра*, или собраніе повѣстныхъ роман-
совъ—*Швейникъ* или дамского ридикюла и
титулата—*Система Лоски*, соч. Вазмана. Ч.
1-я—*Ueber die Verhütung und Heilung der herr-
schenden Cholera*—*Историческія записки*
Сибиріи о соединеніи оной въ древней
столицѣ Москвѣ Холерѣ—*Замѣтки о Холе-
рѣ*, Шиндлеръ, Аларя Саламова—*Распреде-
леніе процентовъ по билетамъ Государственной*

Въ Конторѣ Типографіи Гелеграфа, состоящей у Тверскихъ мостовъ, противъ Спираспнаго монастыря, въ домѣ Барона Корсакова, подъ № 2 мѣ, принимаются подписки на:

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗДАНИЯ:

ПЧЕЛА, ежедневная газета, издаваемая въ Спб. Н. И. Гречемъ и Ф. В. Булгаринимъ, на 1832-й годъ, цѣна въ Москвѣ и другихъ городахъ 50 р. асс.

СВѣдѣніе ОТЕЧЕСТВА и СВѣРНЫИ АРХИВЪ, издаваемый въ Спб. Н. И. Гречемъ и Ф. В. Булгаринимъ, на 1832-й годъ, 52 книжки; цѣна въ Москвѣ и другихъ городахъ 45 рубл. асс.

Въ Спб. подписка принимается на сіи два изданія исключительно въ Конторѣ Типографіи Сп. Сов. Грета, состоящей на Мойкѣ, между Синимъ и Поцѣлуевымъ мостами, близъ чугуннаго Почтамтскаго мостика, въ домѣ Барона Аша, подъ № 176-мѣ,

Иногородные благоволящъ адресоваться не къ книгопродавцамъ, а прямо въ вышеупомянутыя Конторы, или въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта. Только въ семь случаевъ могутъ быть увѣрены въ исправномъ доставленіи сихъ изданій.

РАДУРА, Журналь Философіи, Педагогіи и Изящной Литтературы, съ присовокупленіемъ записокъ о сѣмъ Зейскомъ краѣ, издаваемый въ Ревелѣ А. Бюргеромъ. Журнала сего будетъ выходить ежемѣсячно одна книжка, величиною отъ 3 до 6 и болѣе печ. листовъ. Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 12 книжекъ, въ Москвѣ и другихъ городахъ 24 рубл. асс.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ на 1832 годъ.

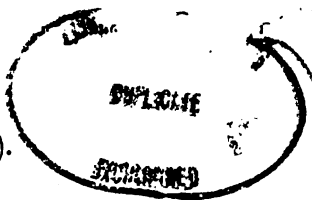
Седьмой годъ пропекаетъ отъ начала изданія Телеграфа. Донынѣ былъ онъ удостоенъ публикою постояннаго вниманія, и опзывовъ, самыхъ лестныхъ. Надежда, что при стараніи и опытности буду имѣть возможность оправдать ихъ и въ слѣдующемъ году, заставляющъ меня продолжать Телеграфъ и на 1832-й годъ.

Планъ Телеграфа остается прежній, какой былъ въ нынѣшнемъ 1831 году, съ небольшими перемѣнами.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ЯВЛЕНІЕ

Димитрія Самозванца (*).

Былъ въ одномъ Русскомъ монастырѣ монахъ, именованъ Гришка Опрепьевъ. Зная хорошо всѣ происшествія своего Отечества, онъ вмѣстѣ съ крамольниками распускалъ о Борисѣ худую славу; но вдругъ бѣжалъ изъ монастыря, оспа-

(*) Отрывокъ изъ Беровой Лѣтописи Московской. Сія Лѣтопись, переведенная съ Нѣмецкой рукописи, составляетъ 1-ю часть *Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ* (см. № 210 и 211 Сѣверной Пчелы), и будетъ напечатана въ концѣ сего 1831 года. *Прим. Пер.* — Изъ означенныхъ номеровъ Пчелы, публика ознакомлена съ истинно-полезнымъ и оплочно-исполняемъ предпріятіемъ Г-на Устрялова, который въ прошломъ году издалъ уже Маржерета (см. *Телеграфъ*, 1830, ч. XXXV, стр. 258—266). Мы съ своей стороны, благодаря усердно почтеннаго переводчика за сообщеніе въ Телеграфъ отрывка изъ юваго труда его, искренно желаемъ ему полного успѣха. *Изд. Тел.*

Октябрь 1831.

30

вилъ Россію , достигъ береговъ Борисѣена , нашель въ Бѣлоруссіи какого-то благороднаго юношу (по былъ побочный сынъ Стефана Башорія , какъ открыли мнѣ , по довѣренности , Польскіе вельможи) и далъ ему нужныя наставленія для своего умысла : уговорилъ его сдѣлаться слугою Князя Адама Вишневецкаго и потомъ , при удобномъ случаѣ , открылъ сему вельможѣ съ притворною горестію , будшо-би ему , еще младенцу , пригошовлена была насильственная смерть (*). Послѣ сего Опрещевъ

(*) Петрей : « Борисъ правилъ государствомъ до тѣхъ поръ , когда явился опчальный монахъ , кошорый назвалъ себя Царевичемъ Димитріемъ , вырвалъ скипетръ изъ рукъ Годунова и заставилъ его съ родственниками и друзьями испытать поже самое , что онъ сдѣлалъ съ Царскимъ поколѣніемъ. Эпопть монахъ былъ Гришка Опрещевъ (Grisca Utrepeia) , сынъ простаго дворянина , родомъ изъ Ярославля. Въ юности онъ велъ жизнь самую распущную и могъ служить образцемъ для всѣхъ негодяевъ. Родители посадили его въ Крыпецкій монастырь (Trinouka) , думая , что тамъ , среди суровыхъ иноковъ , онъ переспанетъ и попребспивовать и привыкнетъ къ благочестивой жизни ; но Гришкѣ монастырскій хлѣбъ былъ весьма невкусенъ : имѣя лукавый и проницательный умъ , онъ скоро подружился съ однимъ кипрымъ монахомъ , Борисовымъ недоброжелателемъ. Эпопть монахъ прегугадывалъ , что Гришка рожденъ къ чему-шо не обыкновенному , ибо онъ походилъ на убиеннаго Царя»

возвращился въ Россію ; пришелъ въ землю Казаковъ и началъ шамъ разглашати , что у Князя Адама Вишневецкаго живеть въ великой чести законный наслѣдникъ Русскаго престола , Димитрій Іоанновичъ , котораго Борисъ хотѣлъ умерщвить въ Угличѣ. Распустивъ сію молву , Опрепьевъ проситъ , убѣждаетъ Казаковъ подать помощь Царевичу и сулитъ имъ значную награду; убѣжденія этого дьявольскаго мо-

вича Димитрія нѣкоторыми признаками на носу и на правой рукѣ ; впрочемъ имѣлъ круглое лицо , густые , черные волосы , средній ростъ и плотное тѣлосложеніе. Монахъ познакомилъ его съ Русскими Лѣтописями и научилъ разнымъ плутиямъ , шѣмъ удобіе , что самъ былъ чернокнижникъ ; а пріятель понималъ его наставленія весьма быспро. Попомъ оба они оставили Россію и пришли въ Княжество Кіевское. Между шѣмъ , злой инокъ объяснилъ Гришкѣ , въ какомъ положеніи были дѣла государственныхныя , какъ ненавидѣли Царя вельможи , и что надлежало предпринять для исполненія ихъ замысла : по совѣту его , Гришка долженъ былъ явиться къ Князю Адаму Вишневецкому.....» Далѣе изъ Бера. *Muszkow. Chron.* 284—285.

Въ извѣстіяхъ Пепрея и Бера о Самозванцѣ находится важное разнорѣчіе : первый признаетъ его Опрепьевымъ , а второй Полякомъ , побочнымъ сыномъ Стефана Вапорія ; Опрепьевъ-же , по мнѣнію Бера , былъ только руководителемъ Самозванца.

наха не оспались безъ дѣйствія , какъ вскорѣ увидимъ (*).

Наученный имъ юноша , мнимый Димитрій , исправно служилъ Князю Вишневецкому , въ званіи камердинера (**). Случилось ему однажды , въ банѣ , подавъ своему господину не то , что было нужно. Князь далъ ему пощечину и при-молвилъ : *curvin sin*. Жестоко обиженный слуга со слезами говоритъ Князю : « Еслибъ зналъ ны , Князь Адамъ , кто тебѣ служилъ , не услышалъ-бы я споль обиднаго слова , да еще съ побоями , за такую бездѣлицу ! Но дѣлашь нечего : я долженъ все терпѣшь , назвавъ самъ себя слугою. » « А кто-же ты ? спросилъ Вишневецкій , и откуда пришелъ ? » Тупъ юноша признался , что онъ сынъ Царя Іоанна Васильевича ; рассказалъ весьма складно приключенія своего

(*) Пепрей, рассказывая поже самое , несогласенъ съ Беромъ въ главномъ обстоятельстве : Опрепекъ остался у Вишневецкаго , а злой черно книжникъ возвратился въ Россію и взбунтовалъ Донскихъ Казаковъ.

(**) Пепрей прибавляетъ , что Самозванецъ довольно долго исправлялъ должность камердинера ; между тѣмъ учился владѣшь конемъ и мечемъ : скакалъ , стрѣлялъ , билъ , рубилъ , участвовалъ въ играхъ воинскихъ и выжидалъ случая объясниться съ своимъ господиномъ. *Muszkow. Chron. 287.*

дѣшшва и умыселъ Бориса на жизнь его ; оп-
крыль , какимъ образомъ онъ избавился опъ
смерши , кто спасъ его и какъ онъ спраншво-
валъ по Бѣлорусси ; припомъ показалъ золо-
шой крестъ , осыпанный драгоцѣнными каменя-
ми , подаренный ему , будшо-бы , крестнымъ
ощемъ . Всю эту сказку сочинилъ Опрепьевъ .
Мнимый Димитрій упалъ , по Русскому обычаю ,
въ ноги Вишневецкому и воскликнулъ : « Пре-
даю себя въ швою волю ; дѣлай со мною , что
угодно ! Горькая жизнь не мила мнѣ . О , еслибъ
шм помогъ мнѣ возврашшь то , чего я лишил-
ся : какая награда была-бы шебъ , съ Божіею по-
мощію ! »

Князь изумился ; повѣрилъ всему , что ни го-
ворилъ скромный и красивый собою юноша ;
извинялся предъ нимъ за пощечину и бранное
слово ; просилъ оспашься въ банѣ и подождать
его ; а самъ пошелъ къ женѣ , приказавъ между
шѣмъ своимъ людямъ пригошовишь ясилва и на-
пипки , для угощенія въ пошъ-же вечеръ Рус-
скаго Царя . Дивились не мало всѣ домашніе
шоль неожиданному пріѣзду Царя Всероссійска-
го . Князь велѣлъ , сверхъ шого , пригошовишь
6 верховыхъ лошадей въ богашомъ уборѣ ; ко-
нхамъ нарядишься какъ можно лучше ; зало-
жишь шесперней дорожную карепу и убрашъ
вокон драгоцѣнными коврами , шакъ , что ни-

кто не могъ придумать, кого ожидаетъ Князь себѣ въ гости.

Когда все было устроено, Вишневецкій возвратился въ баню съ двѣнадцатью слугами, поднесъ бывшему камердинеру богатую одежду, прислуживалъ ему при выходѣ изъ бани, предложилъ въ подарокъ запряженную карешу, 6 верховыхъ лошадей, со всѣмъ уборомъ, сѣдлами, палашами, пистолями, со всѣми находившимися при нихъ людьми, и просилъ *Его Величество* принять сію бездѣлку, изъявляя готовность служить ему всѣмъ, что имѣетъ. Юноша поблагодарилъ Князя за такое одолженіе и далъ обѣтъ вознаградишь ему спорщевъ; великолѣпное пирушество заключило эшоуъ день.

Между тѣмъ молва о Царевичѣ Димитріи болѣе и болѣе распространяясь, достигла и до Бориса: эша новостъ его ужаснула. Справедливо опасался Годуновъ, чтобы враги его, Поляки, не воспользовались обманомъ на бѣду его; посему желая предупредитъ опасность, онъ тайно послалъ гонца къ Бѣлорусскому Князю (*), съ просьбою выдать измѣнника и об-

(*) Вишневецъ — столица Князя Вишневецкаго — входился въ Подолію. Бѣлорусскихъ Князей никогда и было.

манщика, за что общалъ уснулицѣ ему нѣсколько пограничныхъ городовъ Русскихъ; но Вишневецкій, еще болѣе убѣжденный симъ предложеніемъ, что мнимый Димитрій есть истинный Царевичъ, спрышалъ Царское письмо и опущилъ гонца безъ опвѣща; между шѣмъ, опасаясь мести Годунова, свѣшилъ удалиться отъ Россійской границы, близъ коей находилось его помѣстье (*), въ принадлежащій ему городъ Висніовець: тамъ показалъ Царевичу письмо Борисово и хопѣлъ знашь его мысли. Мнимый Димитрій, упавъ на колѣна, со слезами опвѣчалъ: «Богу и себѣ извѣстно, кто я; дѣлай со мною, что хочешь; я въ швоей власши: предаю себя въ швою волю!»

Князь спарался его успокоить, общалъ некогда не измѣнять ему, говорилъ, что одво только опасеніе побудило его удалиться отъ Русскихъ предѣловъ; въ заключеніе просилъ Царевича опспаться въ городъ Висніовець подъ защитою вѣрныхъ слугъ, объявивъ, что самъ онъ возвратишия въ Бѣлорусское помѣстье, откуда извѣстишь его немедленно, если что-либо провѣдаешъ о Борисѣ.

Царь, между шѣмъ, опсправивъ къ Вишневец-

(*) Это помѣстье было Брагинъ, по извѣстію нашихъ Лѣтописей.

кому другое письмо, съ предложеніемъ еще выгоднѣйшимъ перваго, подослалъ нѣсколько чело- вѣкъ, съ тайнымъ приказаніемъ засмѣлишь Са- мозванца. Но бдительный Князь проводилъ мни- маго Царевича въ Великую Польшу, къ Вое- водѣ Сендомирскому, который принялъ его, какъ истиннаго Государя (*).

Въ Январѣ 1604 года, Іоаннь Тирсельдъ пи- салъ изъ Нарвы къ Абовскому Коменданту, что несправедливо разгласили, будшо-бы сынъ Іоан-

(*) Пепрей: « Воевода Сендомирскій, съ дозволе- нія Іезуитовъ, обѣщаль Самозванцу склонить Короля Польскаго, Папу и другихъ Вѣнценосцевъ къ содѣй- ствію ему людьми, деньгами, всѣми средсвами овла- дѣшь прародительскимъ пресполомъ и низложитъ Бо- риса, если полько согласится уничтожитъ въ Россіи спаринную вѣру. Самозванецъ изъясвилъ согласіе искоренить Грехескую вѣру, ввеси Каполическую и далъ слово жениться на дочери Воеводы Сендомирска- го. Іезуиты радовались опъ всей души, и поспѣшь да- ли ему двухъ учипелей, которые вскорѣ сдѣлали его наспоющимъ Каполикомъ. Послѣ того представлен- ный Воеводою Королю Польскому, онъ принятъ былъ весьма ласково и получилъ дозволеніе набиратьъ въ Польшѣ людей военныхъ. Многіе знаные Паны, вмѣ- стѣ съ обоими Воеводами, упошребили всѣ силы, да- же заложили свои помѣстья, чшобы доставитъ Са- мозванцу средсва къ походу, и сами съ нимъ отпра- вились. » *Muszkow. Chron.* 290—292.

на Мучишеля былъ умерщвленъ; что онъ живъ и здоровъ, находишся у Казаковъ и спараепися овладѣшь пресполомъ; въ Россіи-же страшное волненіе. Посланнаго съ симъ письмомъ задержали и заключили въ Иванъ-городъ, откуда перевезли его въ Москву. Такое письмо, какъ легко можно догадаться, не весьма обрадовало Бориса. Въ томъ-же году въ мѣсяцъ, отправленный симъ Государемъ съ какимъ-то порученіемъ въ Казань и Аспрахань (города, отстоящіе отъ Москвы первый на 250, а второй на 500 миль) дальній родственникъ Царя, Степанъ Степановичъ Годуновъ (*), встрѣшилъ шайку свирѣпыхъ Казаковъ, которые, по убѣжденію проклятаго Ошрепьева, шли къ Пупивлю, городу на Бѣлорусской границѣ, съ намѣреніемъ подать помощь законному, по ихъ мнѣнію, наследнику Русскаго престола. Сии Казаки напали на Степана Годунова, убили многихъ изъ его людей, остальныхъ-же взяли въ плѣнъ (самъ онъ едва могъ спастись бѣгствомъ); послѣ того, послали къ Борису нѣсколько плѣнниковъ съ вѣстію, что они скоро придутъ въ Москву съ Царевичемъ Димитріемъ.

Царь, получая такія вѣсти со всѣхъ спо-

(*) Окольный Степанъ Степановичъ Годуновъ былъ шуринъ Бориса.

ронъ , изъ Бѣлоруссiи , Лiшвы , Ливонiи , самъ началъ сомнѣваться въ убiенiи Димшiрiа и приказалъ развѣдать обо всемъ общоюшельно ; но-выя свидѣтельсшва въ смерти Царевича наконецъ убѣдили его, что виновниками обмана были зложелашели его, Бояре. Ослѣвленный Борисъ не могъ замѣшпшъ , что все это было дѣломъ Небеснаго Промисла , котораго хопшлъ явшш ничшожность премудрости человѣческой въ сравненiи съ Божешвенною. Годуновъ мечшалъ однимъ коваршвомъ ушвердивш себя на престолѣ , но вскорѣ убѣдился , что кози его безсилны предъ Богомъ. При всемъ благоразумiи своемъ , ни въ одномъ предпрiаши онъ не имѣлъ желаннаго успѣха : не принесли ему никакой выгоды союзы съ иноземными Государями ; бесполезны были щедрости и благодѣвiя , оказанныя Нѣмцамъ ; никакшо не уиѣлъ цѣнивш его неуспшной заботливости , его мудрыхъ распоряженiй о благоденствiи Россiи ; наконецъ неимовѣрныя суммы , раздаваемыя средю нѣсколько лѣтъ на вспоможенiе подданнымъ , не предохранили бѣднаго народа его опш губишельнаго глада и мора.

Въ 1601 году началась неслыханная дороговизна ; она продолжалась до 1604 года. Бочка ржи стоила опш 10 до 12 гульденовъ (*) : на-

(*) Кадь , бочка , или оковъ , содержала въ себя 4

спалъ такой голодъ, что самъ Иерусалимъ не испытывалъ подобнаго бѣдсшвія, когда, по сказанію Юснѣа Флавія, Евреи должны были ѣсть кошекъ, мышей, крысъ, подошвы, голубинный навозъ, и когда благородная женщина, шерзаямая несшерцимымъ голодомъ, умершвивъ собственное дѣши свое, изрубилла его на часпни, сварилла, сжарилла и съѣла. Вошъ самое ужасное событіе изъ всѣхъ происшествій, описанныхъ Еврейскимъ Историкомъ; свидѣтельствуюсь испиною и Богомъ, что въ Москвѣ я видѣлъ собственными глазами людей, которме, валяясь на улицахъ, лѣшомъ щипали шраву, подобно скошамъ, а зимою ѣли сѣно; у мершвыхъ находили во рпу, вмѣшшъ съ навозомъ, человѣческой калъ. Вездѣ опцы и машери душили, рѣзали и варили своихъ дѣшей, дѣши своихъ родшиселей, хозяева гостей; мясо человѣческое, мѣлко изрубленное, продавалось на рынкахъ за

четверши; до 1601 года продавали хлѣбъ единшвенно бочками, четвершиями и осминами; а съ шого времени, безпримѣрная дороговизна ввела новую мѣру *тетверикб*. Истор. Госуд. Росс. III. Прил. 8. Карамзинъ выводитъ, что четвершь ржи возвысилась цѣною опъ 12 и 15 денегъ — до 15 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ. По словамъ Пешрея, бочка ржи, спомышная прежде 12 грошей, продавалась по 19 шадровъ.

говяжье, въ пирогахъ; путешественники спрашивались оспанавливаясь въ гостинницахъ (*).

Когда разнеслась молва о столь ужасныхъ, неслыханныхъ злодѣяніяхъ, и на улицахъ находили ежедневно шрупы умершихъ отъ голода, Борисъ Федоровичъ рѣшился помощію казны своей облегчить народное бѣдствіе: приказалъ близъ самой городской сѣны, имѣющей въ окружности 4 Нѣмецкія мили, устроить чепыре ограды и раздавать тамъ каждое утро бѣднымъ жителямъ по деньгѣ (Польскій грошъ); свѣдавъ о семъ, окрестные земледѣльцы оставили свои жилища и устремились въ Москву съ женами и дѣтьми, чтобы также участвовать въ Царскомъ благодѣяніи. Такимъ образомъ раздавалось ежедневно около 50,000 денегъ (Польскихъ грошей), во все время дороговизны, ни мало впрочемъ отъ сего не уменьшавшейся (**). Сверхъ

(*) Пепрей: «Я видѣлъ въ Москвѣ бѣдную, истомленную голодомъ женщину, копорая, проходя по улицѣ, схватила зубами собственное дитя, бывшее у нея на рукахъ, оторвала изъ рученки два куска, съѣла на дорогѣ и начала жрать ихъ. Народъ едва силою могъ опнять младенца и спасти его.» *Muszkow. Chron.* 292.

(**) Пепрей говоритъ, что каждый получалъ по 3 гроша и что такимъ образомъ раздавалось ежедневно по 30,000 шалеровъ, доколѣ дороговизна не уменьшилась. 293.

шого, по волѣ Государя, назначены были особенные люди, которые подбирали на улицахъ мертвыя шѣла, обмывали ихъ, завершывали въ бѣлое полотно, обували въ красные башмаки и вывозили въ *Божій домъ* для погребенія (*). Безъ содроганія не лзя было смотрѣшь на множество шруповъ, отправляемыхъ въ семь видѣ за городъ ежедневно! До какой-же степени, во время чешырехлѣпней всеобщей дороговизны, казна оскудѣла опъ Царскаго милосердія, легко судишь изъ слѣдующаго соображенія: самъ я слышалъ опъ нѣкоторыхъ купцовъ и досто-вѣрныхъ сановниковъ, что въ одной Москвѣ по-гибло опъ голода болѣе 500,000 человекъ, ко-торыхъ Его Величество при жизни кормилъ, а по смерти приказалъ одѣшь и похоронишь на

(*) Справедливѣе *Убогій домъ*. Скудельницы или Убогіе дома учреждены въ Россіи по примѣру бывшаго въ Іерусалимѣ села Скудельнича. На сихъ общихъ кладбищахъ погребали бѣдныхъ людей, спранниковъ, также самоубійцъ и вообще погибшихъ насильствен-ною смертію. Въ Москвѣ былъ не одинъ Убогій домъ: главный, кажется, находился тамъ, гдѣ нынѣ Убоже-домскій Покровскій монастырь. Сверхъ того были скудельницы или убогіе дома близъ церкви Іоанна Во-ина, близъ Варсонофьевскаго монастыря, въ Марьи-ной роцѣ, у Нѣмецкаго кладбища и проч. *Труды Общ. Истор. и Древ. Росс. III кн. 1.*

своемъ издивеніи (*). Если въ одномъ городѣ была такая смершность, сколько-же людей должноствовало погибнуть отъ глада и мора во всемъ Государствѣ, и чего спомно казнѣ погребеніе оныхъ? Спрашенъ Божій гнѣвъ, карающій Царства и вароды!

Но сколь ни очевидно было наказаніе Небесъ, ослѣпленный Борисъ не хотѣлъ смиришся и думалъ одною казною своею прекрапшш бѣдспвіе. По изволенію долгоперѣливаго Бога, прибыло изъ Нѣмецкихъ приморскихъ городовъ въ Русскую Нарву нѣсколько кораблей, нагруженныхъ хлѣбомъ, которыми многія шшсчя могли-бы прокормишся; но Царь запрешилъ Россіянамъ, подъ смершною казнію, оный покупашъ, думая, что для него было-бы спмдно, если-бы въ Россіи, обильной своимъ хлѣбомъ, продавался ту-жеспранный; почему иноземные купцы, не сбнѣ шовара, возвратились назадъ (**). Послѣ сего,

(*) По сказанію Авраамія Палицына, въ два года и 4 мѣсяца скоронено въ шрехъ скудельницахъ болѣе 127,000 шруновъ повелѣніемъ Бориса, кромѣ погребенныхъ людьми хрисполюбивыми у церквей приходскихъ, коихъ считалось болѣе 400. *Сказ. о осадѣ Троицкаго монаст. 11.*

(**) «Извѣстіе конечно несправедливое,» говоритъ Карамзинъ: «ибо наши государственныхъ бумагы, сви-

Ворисъ велѣтъ освидѣтельствовать свои владѣнія: нашлись на поляхъ огромныя скирды, длиною въ 1000 сажень, болѣе полувѣка неприкосновенныя и уже поросшія деревьями. Царь приказалъ немедленно молопить ихъ, и везти хлѣбъ въ Москву и въ другіе города (*). Вездѣ отворены были Царскіе хлѣбные магазины, и нѣсколько тысячъ четвертей ежедневно продавалось за половинную цѣну; бѣднымъ-же вдо-

дѣтельствуя о приходѣ къ Ивану-городу Нѣмецкихъ кораблей съ хлѣбомъ въ 1602 году, не упоминають о такомъ жестокомъ запретѣ.» *Ист. Государ. Росс. XI. 116.*

(*) Авраамій Палицынъ свидѣтельствуесть, что послѣ, во время смятеній, обрелся безчисленно расхищаемо всякаго хлѣба, и давныя житницы неиспощены и въ поляхъ скирды спояху: гумна же пренаполнены одоной, и копень, и взородовъ, и до 40 лѣтъ, опнелъ-же смященіе бысть во всей Русской землѣ, и пипахуся вси старыми пруды, также и убивающихъ ихъ пипаху. *Сказ. о осадѣ Троицк. монасты.* 11. Карамзинъ вѣришь словамъ Бера; но едва-ли не справедливо замѣчено въ Сѣверн. Архивѣ (ч. 14) что изъ скирдовъ, поросшихъ деревьями, невозможно молопить хлѣба, ибо деревья иначе не могутъ роспи, какъ на пшвердомъ и плодномъ веществе, составляющемъ одну массу. — Впрочемъ дознано опытомъ, что хлѣбъ въ скирдахъ можетъ лежать до 40 лѣтъ безъ поврежденія.

вамъ и сиропамъ, особливо Нѣмцамъ, опущено было значительное количество безденежно. Князья и Бояре, исполняя Царскую волю, жалились надъ всеобщемою нуждою и дешево обыкновеннаго продавали народу съѣстные припасы. Но къ довершенію бѣдствій, Божій Промыселъ допустилъ пресупному сребролюбію овладѣвъ богатыми Московскими барышниками, которые, скупивъ за малыя деньги, чрезъ бѣдныхъ людей, нѣсколько тысячъ бочекъ муки изъ Царскихъ и Княжескихъ магазиновъ, продавали оную весьма высокою цѣною: это беззаконіе продолжалось до тѣхъ поръ, когда Богъ, смягченный гибелію несчастнаго множества людей, устранилъ одно бѣдствіе — дороговизну, и послалъ другое — войну кровопролитную.

Въ Іюнь 1604 года прибылъ въ Россію Императорскій Посланникъ, Баронъ Фонъ Логау, изъ Праги, съ значительною свитою; до пріѣзда его отдано было Царское повелѣніе, чтобы ни одинъ нищій не встрѣчался ему на пути, и чтобы все рынки, которые могъ онъ видѣть, изобиловали жизненными потребностями: Борисъ хотѣлъ испребитъ и малѣйшій слѣдъ дороговизны. Въ Москвѣ-же, все Князья и Бояре, все Нѣмцы, Поляки и другіе чужестранцы должны были нарядиться какъ можно великолѣпнѣе, согласно съ Царскимъ достоинствомъ,

въ одежды бархашныя, шелковыя, камчашныя, парчевыя, подъ опасеніемъ потерять годовой окладъ своего жалованья. Не одному бѣдняку пришлось покупать для сего товары вдвое дороже обыкновеннаго, и многіе нарядились въ такія платья, какихъ ни сами, ни опцы, и дѣды ихъ носить никогда не воображали. Дворяне пригостили для себя свишы и кафшаны, сшоль богато выложенные позументомъ, что ни одинъ Князь не посмѣлся-бы надѣть ихъ. Кшо былъ пышнѣе другихъ наряженъ, шоль казался болѣе усерднымъ Царю слугою: ему прибавляли жалованья и помѣшье. Кшо-же по бѣдности не могъ равняться великолѣпіемъ одежды съ своими шоварищами, шому объявляли Царскій гнѣвъ и грозили уменьшитъ его жалованье, хотя многіе изъ такихъ дворянъ едва имѣли насущный хлѣбъ и должны были заложитъ свою одежду, чшобы не умереть съ голода. Угощали Посла съ роскошью удивительною: изобиліе яствъ и напитковъ, богатство одеждъ — все скрывало дороговизну, кошорая шайлась въ однихъ сердцахъ и жилищахъ. Ни одинъ Царскій подданный не смѣлъ, подъ опасеніемъ шѣлеснаго наказанія, рассказывать кому-либо изъ посольской свишы о великой нуждѣ народной: надобно было говорить, что все дешево, всего въ изобиліи. Сми безполезнымъ высокомѣріемъ Борисъ шолько раздражилъ Всевышняго; Россія, шерзаемая

Октябрь 1831

31

голодомъ и моромъ, испышала новое бѣдствіе: началась война.

Не задолго до этой войны, случились странные явленія: видны были по ночамъ огненные столпы на небѣ, которые, спалкиваясь другъ съ другомъ, представляли сраженіе воинствъ; они свѣшили подобно мѣсяцу. Иногда восходили двѣ и три луны; два и три солнца вѣспѣ; спрашныя бури низвергали городскія воропа и колокольни; женщины и живописныя производили на свѣтѣ множесиво уродовъ; рыбы исчезали въ водѣ, птицы въ воздухѣ, дичь въ лѣсахъ; мясо-же, употребляемое въ пищу, не имѣло вкуса, сколько его ни приправляли; волки и псы пожирали другъ друга, спрашно были въ шой странѣ, гдѣ послѣ открылась война, и спаницами рыскали по полямъ, шакъ, что овно было выходипь на дорогу безъ многихъ провожатыхъ. Въ 8 миляхъ ошъ Москвы, Немецкій серебряникъ поймалъ орла и убивъ его привезъ въ Москву. Въ самой спюлицѣ ловили руками лисицъ разнаго рода, какъ бурыхъ, шакъ и черныхъ; цѣлый годъ шакое было множесиво ихъ, что никшо не могъ придумать, ошкунъ брались. Такъ въ Септябрѣ 1604 года, въ далеко ошъ Дворца, убили черную лисицу, за кошорую одинъ купецъ заплатилъ 90 рублей.

Москвитяне смотрѣли на сіи чудныя явленія, какъ на предзнаменованія благоденствія, а Ташары предсказывали, что вскорѣ многіе наѣоды овладѣють Москвою: слова ихъ почши оправдались. Спранную-же злобу собакъ и волковъ, взаимно пожиравшихъ себя, вопреки пословицъ: *волкъ волка не ѣстъ*, изъяснилъ одинъ Ташаринъ такимъ образомъ: «Москвитяне, говорилъ «онъ», измѣняшъ сами себѣ, и какъ цсы, будущъ «язвишь и испребляшь другъ друга.»

Были и другіе предвѣснники близкаго несчастья: во всѣхъ сословіяхъ воцарились раздоры и несогласія; никто не довѣрялъ своему ближнему; цѣны шоварамъ возвысились неимоვნю; богачи брали росты болѣе Жидовскихъ и Мусульманскихъ; бѣдныхъ вездѣ прииѣсняли. Все продавалось вдвое дороже. Другъ ссужалъ друга не иначе, какъ подъ закладъ, широе превышавшій заняшую сумму, и сверхъ того бралъ по 4 процента ежемѣсячно; если-же закладъ не былъ выкупленъ въ опредѣленный срокъ, пропадалъ невозвратно. Не буду говорить о приспращеніи къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ; о нестерпимомъ, глупомъ высокоуміи, о презрѣніи къ ближнимъ, о неумѣренномъ употребленіи пици и напишкочъ, о плюшовствѣ и прелюбодѣйствѣ. Все сіе, какъ наводненіе раз-

№72 Повѣсть Бѣра о Дмитріи Самозванцѣ.

дѣлось въ высшихъ и низшихъ сословіяхъ (*). —
Всевышній не могъ долѣе терпѣть; казнь была
необходима: Онъ послалъ мечъ и пламя.

Перевелъ съ Нѣмецкаго Николай Устряловъ.

(*) Въ сіе время, по извѣстію нашей Лѣтописи, свирѣпствовалъ злодѣй Хлопко, который подъ самою Москвою сразился съ Царскимъ Воеводою Иваномъ Федоровичемъ Басмановымъ, и убилъ его. *Никонов. Лѣт. VIII. 53.*

—*—

ЗАМОКЪ КОППЕТЪ

въ 1807 году (*).

Озеро было спокойно ; первые лучи солнца только что сверкнули. Видно уже было , какъ начинали опъ нихъ альпъ снѣговыя горы и вѣчные льды за Женевскимъ озеромъ , образующіе собою споль блестящую перспективу въ маленькомъ городкѣ Лозаннѣ. Генрихъ Сеймуръ , молодой Англичанинъ , около трехъ мѣсяцевъ живущій въ семъ городкѣ , уже проснулся въ это время , и былъ одѣвъ. Онъ отворилъ окно , и искалъ взорами утеса , который сдѣлался споль

(*) Повѣсть , сочиненная Г-жею Жанлисъ. Она осталась въ рукописи у книгопродавца Ладвока , который напечаталъ ее нынѣ , въ прибавленіе къ книгѣ : *Paris en province et la province à Paris* , изданной Г-жею Дюкре (въ Парижѣ , 1831 г. 3 тома in-8) , племянницею Г-жи Жанлисъ. Помѣщаемъ эту повѣсть въ Телеграфѣ , какъ послѣднее *воспоминаніе* о писательницѣ , имя которой нѣкогда наполняло собою Русскіе Журналы , и было знакомо вообще всей читающей Русской публикѣ , не менѣ имени В. Скопина. Впрочемъ , повѣсть эта , довольно занимательная сама по себѣ ,

славенъ ошъ именъ вымышленныхъ любовниковъ. «О Мейльери!» вскричалъ онъ — «я тебя вижу! Сквозь шуманъ, поднимающійся съ озера, я различаю твои живописныя формы, измѣряю швое ужасное возвышеніе! Только ошъ грубыхъ взоровъ челоуѣка равнодушнаго шуманъ скрываетъ тебя! Скала знаменитая! для несчастнаго сердца ты всегда будешь драгоценнѣе обеласковъ Ипаліи и пирамидъ Египта!»

При сихъ словахъ Сеймуръ зашворилъ окно, взялъ свою шляпу, и спѣшилъ въ жилище друга своего Вернера, которій хотѣлъ въ тошъ самый день проводить его въ замокъ Коппешъ, и познакомиться съ Г-жею Спаль.

всего интереснѣе тѣмъ, что въ ней описано *истинное происшествіе*, и Г-жа Жанлисъ, въ предисловіи, говоритъ: *Je n'ai point écrit de Nouvelle historique ou l'histoire fût plus fidèlement suivie que dans celle-ci.* Дѣйствующія лица повѣсти: Г-жу Спаль, А. Шлегеля, Вернера, Принца Фридриха, Г-жа Жанлисъ списывала съ вѣрныхъ слуховъ. *Ассанда*, героиня повѣсти, есть извѣстная красавица Г-жа *Рекамье*, вѣкогда споль славная своею красотою и любезностью. Впрочемъ, вѣрно-ли изображены всѣ дѣйствующія лица — ругаться не лзя. По крайней мѣрѣ, видимъ, какъ представляла себѣ извѣстная писательница другую извѣстную писательницу, и общество ея. *Изд. Тел.*

Эпо было въ Іюнѣ 1807 года. Поспѣшно перешедъ двѣ небольшія улицы, Сеймуръ былъ уже у Вернера, заспалъ его спящаго, разбудилъ и шоропилъ вспавашъ и одѣвашся. «Что за вздоръ!» сказалъ Вернеръ — «Пяшь часовъ упра; намъ должно бышь въ Коппенѣ въ шесть часовъ вечера, а на дорогу надобно часовъ шесть, или семь. И такъ мы явимся шуда ровно въ полдень!

— Мы погуляемъ въ Коппешскомъ паркѣ.

«Къ чему эша поспѣшность? Понимаю, что не бывавши никогда въ Коппешъ, вы непертерливо хоипите видѣшь славную женщину, копорая, высокими умомъ своимъ и независимостью мнѣній, заставила бояшься себя челоуѣка, незнающаго боязни. Но, берегитесь: вы подвергаетесь опасности, сами ея не зная, можетъ бышь. Аэенанда въ Коппенѣ. Эша юная подруга Г-жи Спаль, по спеченію самыхъ странныхъ обстоятельствъ, приобрѣла Европейскую извѣстность красошъ своей, въ шакіе годы, когда другія женщины едва сами знаютъ, что онѣ красавицы.

— Мнѣ объ эпомъ сказывали — отвѣчалъ Сеймуръ. И хоша самъ я не былъ свидѣтелемъ неслыханнаго впечатлѣнія, какое красота Аэенанды произвела, года два тому, въ Англии, но я знаю подробно и объ эпомъ историческомъ событіи въ лѣтописяхъ Лондонскаго общества. Ни-

когда красота не видала поржества столь полного. Признаюсь вамъ, любезный Вернеръ: двойная Поэзія влечетъ меня въ Коппелъ. Согласись, что довольно необыкновенно, среди борьбы старыхъ и новыхъ царствъ, среди прескападающихъ престоловъ, найдши очаровательный уголокъ на землѣ, гдѣ владычествуютъ — только геній, никогда не старѣющійся, и красота, очаровывающая все, что къ ней приближается?

Во время этого разговора, Вернеръ одѣлся. Друзья оправились немедленно, взяли лодку, и поплыли по озеру. Дружба Сеймура и Вернера основывалась на сочувствіи, долженствовавшемъ сдѣлать ее прочною. Оба они были одарены воображеніемъ живымъ и поэтическимъ; оба отличались и въкопорою странностью характера. Вернеръ, Нѣмецъ и Протестантъ, прославился уже въ это время двумя трагедіями, имѣвшими величайшій успѣхъ въ Германіи. Онъ уже при раза женился, при раза разводился съ женами, и все это вслѣдствіе странной системы, какую онъ составилъ себѣ о супружествѣ. Отъ любви онъ отказывался уже въ то время навсегда; но его горячее воображеніе требовало сильныхъ чувствъ. Онъ сдѣлался миспикомъ; извѣстно, что потомъ онъ перемѣнилъ вѣру, и умеръ въ Капюлическомъ монастырѣ, показавъ собою примѣръ самаго изступленнаго фанатизма.

Разговоръ снова начался , когда друзья вошли въ лодку .

« Уже при мѣсяца прошло , какъ мы знакомы » — сказалъ Вернеръ — « но все это время , мы такъ были заняты , каждый своимъ дѣломъ , и такъ развлекались въ обществѣ , что въ первый еще разъ случилось намъ быть однимъ . Пользуясь этимъ случаемъ , поговоримъ откровенно . Скажите , любезный Сеймуръ : вы пріѣхали въ Лозанну больной и печальный ?

— Я почто переѣхалъ на материкъ Европы за здоровьемъ . Различныя огорченія и несчастная любовь заставила меня расстаться съ Англіею , передъ самымъ объявленіемъ войны . Война была объявлена ; мнѣ невозможно было воротиться домой : меня объявили плѣннымъ . Впрочемъ , шпурма моя довольно обширна : всѣ владѣнія Бонапарте . Я рѣшился остановиться въ Швейцаріи , и для развлечения хотѣлъ видѣть Унперлакенскій праздникъ . Пріятно мнѣ было , въ грусти моей , и среди всеобщаго униженія , быть свидѣтелемъ этого прогашельнаго воспоминанія побѣды людей свободныхъ . Коппетскія изгнанницы , такъ-же какъ я , хотѣли видѣть этотъ праздникъ , и одинаковость участи влекла меня , плѣнника , къ нимъ , изгнаннымъ . Мы хорошо познакомились . Впрочемъ , Г-жа Спаль и ея молодая подруга , всегда и вездѣ были-бы такія яв-

ленія, которыя не скоро выходящъ изъ мыслей. Не знаю, какое-то очарованіе окружило меня послѣ того. Я почувствовалъ, какъ будто новое бытіе, и вся грусть моя пропала.

« Не дивлюсь, что соединеніе двухъ особъ, споль достойно славныхъ, произвело на васъ сильное впечатлѣніе; но, безъ сомнѣнія, одна изъ нихъ болѣе была причиною перемѣны вашей, нежели другая. Теперь вижу, что опасеніе мое за васъ было не даромъ. Угадываю-ли я: вы любите Аэнаиду? Да? И знаете-ли, что мнѣ васъ очень жаль! Опъ чего? Опъ того, что Аэнаида женщина необыкновенная. Тринадцать лѣтъ вышла она за человѣка, котораго неравенство лѣтъ и обширныя занятія отдаляли опъ нея. Ему нѣкогда было заботиться о спранномъ и блестящемъ жребіи жены. Аэнаида очутилась въ самомъ шумномъ и большомъ свѣтѣ, будучи совсѣмъ не готова къ тому. Безъ руководства, безъ наставника, окруженная обожателями, она сохранила непомятенною честь свою. Не лзя ей бытъ равнодушною ко всеобщему воспоргу, съ кѣкимъ всюду встрѣчаютъ ее; но она принимаетъ его, какъ дань удивленія, не обольщаясь имъ, какъ вѣжливость, которая нравится уму, не возмущая сердца. Любовь, внушаемая Аэнаидою, кажется ей излишнимъ чувствительности, котораго она не раздѣ-

лещъ, и копорый между пѣвъ занимаещъ ее. Она не ошвергаетъ чувства нѣжнаго, когда оно высказывается опъ сердца; но опъ нея не ждите соощвѣспивя, хопя очаровашельность ея поступковъ и ошноеній часто вводятъ въ заблужденіе и ошибку. Сердце Аѳенаиды до сихъ поръ не знало сильныхъ спрасшей, и было донынѣ доступно только дружбѣ, копорой въ одно время она и героиня, и жершва. Вы знаете, что Г-жа Спаль изгнана изъ Франціи, и что Аѳенаида непременно хощѣла раздѣлишь съ нею жребій изгнанія. Для шого, чшобы жить съ своею подругою, Аѳенаида не побоялась угрозъ и гнѣва шой спрасшной власти, передъ копорю трепещетъ Европа.

— Объявляю вамъ, любезный Вернеръ, что если вы хоните вооружиться прошивъ оболщенія, меня увлекающаго, то не успѣете въ эшомъ. Но — я давно хощѣлъ спросить васъ.... Скажите: какъ вы, будучи человекомъ столь крошкимъ и общежительнымъ — при раза женились и разводились?

«Я не хощѣлъ быть мужемъ чужой жены, что по моему мнѣнію хуже всякаго оболщенія.

— Не понимаю.

«Вѣрю. Но у меня есть вѣрная система на эшо. Я думаю шакъ, что для каждаго мужчины, на зсмѣ существующаго, есть предопре-

дѣленная женщина-подруга, и что только съ этою женщиною онъ будетъ счастливъ. Остается — смыкать предназначенную.

— И надобно, можешь быть, обѣзжать цѣлый свѣтъ, когда захочешь женишься? Если эта *предопредѣленная* живетъ гдѣ нибудь въ Африкѣ, или въ Америкѣ...

«Неправда! Въ Природѣ такихъ несообразностей не бываетъ. Вѣрно, назначенная подруга живетъ гдѣ нибудь близко подлѣ суженаго ей, и ее легко встрѣпишь.

— А если она умретъ, прежде нежели встрѣпишься, и мы будемъ искать ее безпрестанно, а между тѣмъ и незнаемъ того, что уже давно овдовѣли?

«Лучше быть *не-женатымъ*, нежели ошибишься, и женишься на чужой женѣ. Я никакъ не прощаю себѣ шрехъ моихъ ошибокъ, и оправдываюсь только разводами!

— Прекрасное оправданіе!

«И очень. Каждый разъ, когда женился я, по думалъ, что уже нашелъ предопредѣленную, *мою*. Едва только узнавалъ я свою ошибку, какъ и спѣшилъ разрывать цѣпи, потому, что почиталъ за грѣхъ жить съ чужою женою, и измѣнить своей. Всѣ при жены мои были женщины премилыя, и я ихъ всѣхъ любилъ. Но когда глубоко

кимъ размышленіемъ убѣждался я, что между нами не было никакой природной симпатіи, но жены мои казались мнѣ чужими. Я разводился не изъ прихотей, не по легкомыслію, но по убѣжденію ума, и по вѣрѣ въ добродѣшель (*).

— Какія спранныши! Впрочемъ хотя я и несогласенъ съ вами, а съ удовольствіемъ вижу большое сходство характеровъ. Вы любите при рава — этого довольно; зная вашъ характеръ, я увѣренъ, что вскорѣ влюбитесь вы въ четвертый разъ.

« Да это ужь было.

— Какъ?

« И еще больше общаго между мною и вами было въ этотъ разъ, потому, что предметомъ четвертой ошибки моей была эта самая Ассанда, вскружившая вамъ голову.

— Возможно-ли! Но чему шутъ дивитесь? Видѣть ее и — не любите...

« Моя ошибка была непродолжительна. Система предопредѣленія, мною обдуманная, ей извѣстна, и когда я сдѣлалъ ей свое предложеніе, она ошвѣчала мнѣ, съ улыбкою, что я ошибся,

(*) Историческая истина. Точно такъ думалъ Бернеръ. Пр. Г-жи Жамлисб.

я полюбилъ предопредѣленную другаго. Желаю вамъ, любезный Сеймуръ, лучшей удачи.»

Двое друзей разговаривали такимъ образомъ, во все время переѣзда отъ Лозанны до Коппена. Они приплыли на видъ замка, немного ранѣе полудня. Оставя лодку свою, друзья пошли въ главный вѣропна замка. Вернера знали, и свободно пропустили съ нимъ Сеймура. Они прошли въ садъ, и скоро обошли часть его. Пошомъ сѣли отдыхать на лавкѣ, и Вернеръ, удовлетворяя любопытству Сеймура, рассказаль ему разныя подробности о главныхъ лицахъ, составлявшихъ общество Г-жи Спаль. Вотъ какъ описываль ихъ Вернеръ:

«*Бенжамень Констанъ*, извѣстный публицистъ, который долженъ-бы имѣть важное политическое поприще, еслибы не было человека, умѣвшаго задушить Революцію.

«*Монлозье*, другой публицистъ, только совсѣмъ особаго рода, принадлежавшій къ правѣ споронъ Конституціоннаго Собранія, человекъ, который, конечно, лучше всѣхъ во Франціи знаеть постановленія древней Французской Монархіи.

«*Сисмонди*, занятой ученіемъ, худо оцѣвляемъ въ наше время: онъ пишеть о Среднихъ вѣкахъ Европейской Исторіи.

«*Камилль Жорданъ*, ораншоръ съ душою и совѣстью, перенесшій къ Нравственной Философіи то, что назначалось для политическаго поприща.

«*Барантъ*, молодой человекъ, на котораго во многомъ можешь надѣяться Французская лишшерашура.

«*Эльзаръ де-Сабранъ*, разговоръ котораго часто бываетъ перемѣшанъ съ эпиграфическими фразами и анекдотами — умомъ прежняго времени, вышедшимъ изъ моды. Сабрана шерпяшъ здѣсь за другое: онъ легко пишешъ списки, коихъ все достоинство въ томъ, что они пишущя по заказу и скоро.

«Вкусъ и щегольство прежняго Двора Французскаго имѣющъ въ Коппешъ представителя въ особѣ *Герцога Ноалл*. Вы знаете, какъ Г-жа Смаль, умѣющая оцѣнять достоинства ума, умѣетъ оцѣнять тонъ высшаго общества и умѣетъ жить прежней Франціи.

«*М. Монморанси* приведенъ въ Коппешъ изгнаніемъ, которое, правду сказать, онъ заслужилъ. Не смотря на молодость свою, это образецъ вѣжливости, ловкости старинныхъ дворянъ Французскихъ, и рыцарскаго благородства, нѣмъ болѣе въ немъ плѣнительныхъ, что они выражаютъ его истинныя чувства, и соединены въ немъ съ качествами, самыми основатель-

ными, самыми пвнишельными, и съ характеромъ возвышеннымъ.

« Вы увидише еще въ Коппетъ *Г-жу Криденеръ*, романъ кошорой, *Валерія*, надблалъ сполько шуму; *Г-жу Монтольё*, извбспную своєю *Каролиною Интфельдъ*; *Г-жу Лебрюкъ*, знаменную живописицу, работа кошорой нахсдишся во всбхъ лучшихъ галлереяхъ современной Европы; *Графа Головкина*, Русскаго дворянина, ошлично любезнаго и умнаго. Все Женевское высшее общесство бываешъ въ Коппетъ, но особенно часто увидише вы любезнбйшаго изъ Женевцевъ — *Г-на Шатсвё*.

— Мнб кажется—сказалъ Сеймуръ — что мы слбдуемъ теперь правилу классической поэмы.

« Какъ-же это ?

— Такъ, что прежде всего вы пересчишали мнб героевъ, долженствующихъ играть роли пошомъ.

« Правда », сказалъ Вернеръ, смбясь — « и въ такомъ случаб вы будепе главнымъ героемъ поэмы, пошому, что вамъ передалъ я рассказы о побочныхъ лицахъ. Повторяю: боюсь за васъ — не будетъ-ли роль ваша шакже неудачно выполнена, какъ, по неволб, худо выполнилъ я мою роль !

— Это самолюбие поэта, и его можно извинить.

« Я говорилъ вамъ только о людяхъ , поспоянно бывающихъ въ Коппетъ . Но переказапъ имена всѣхъ его поспшителей , невозможно . Каждый иностранецъ , посещающій Швейцарію и Савоію , или путешествующій по Италіи , сворачиваетъ съ дороги , когда надѣется быть допущеннымъ въ Коппешское общество . Только тѣхъ людей не увидите вы здѣсь , которые бояща подозрительности Французскаго Правительсва , и , вопреки непреодолимому любопытству , бояща быть замѣченными . Да , мнѣ кажется , я позабылъ еще сказать вамъ о главномъ лицѣ , о чловѣкѣ , который почти поселился въ Коппетъ : это *Августъ Шлегель* , чловѣкъ , изумляющій обширностью познаній , и хотѣвшій систематически передѣлать Французскую Литтературу , по правиламъ , которыми , если не ошибаюсь , годятся только для нашей Германской литтературы . Расивъ не имѣлъ счастья ему понравиться , и онъ , не шуша , хотѣлъ передѣлывать стихи его . Онъ предлагалъ , на примѣръ , слово : *expirer* замѣнить словомъ : *étrangler* , въ стихѣ :

Dans les mains des muets viens la voir *expirer* !

— Надобно имѣть много смѣлости , чтобы ласаться такихъ предмешовъ — сказалъ Сеймуръ .

Октябрь 1834 .

32

« О , за смѣлостью у Шлегеля дѣло не сманешь ! Здѣсь еще надежнѣе шумишь онъ , попому , что полагаешь Г-жу Спаль въ числѣ своихъ ученицъ .

— Да она и заимствовала , говорятъ , у него многое , писавши объ Изящныхъ Искусствахъ .

« Правда , но только для того , чтобы доказать , какъ при большомъ умѣ можно защищать самыя спранные парадоксы . Впрочемъ , ей весело съ Шлегелемъ , и часто смѣется она надъ его пламенной любовью .

— Шлегель влюбленъ ?

« И еще съ надеждою , что когда нибудь посплоянится и слава его побѣдитъ жестокое сердце Г-жи Спаль .

— Скажите , что дѣлають , чѣмъ занимаюся въ Копенбургскомъ обществѣ ?

« Во-первыхъ , каршъ никогда нѣтъ .

— Какъ ? Даже и въ вистъ не играютъ ?

« Никогда . Говорятъ , пишутъ , спорятъ о любви , о славѣ , о липпсерапурѣ , о полишикѣ . Вы увидите еще особенное занятіе , которымъ всегда оканчивается день : разговаривать перестаютъ , и вмѣсто того начинается переписка .

— Переписка ?

« Да , вмѣсто разговора , пишутъ .

— Понимаю : каждый пишетъ письмо , попомъ

перемѣшивають письма , и на завтра должно отвѣчать на то , что кому поцалось .

« Совсѣмъ нѣтъ . Это было-бы вѣло и продолжительно . Вотъ какъ дѣлается : всѣ садятся кругомъ стола , на кошоромъ лежатъ перья и бумага . Каждый пишетъ вопросы , или замѣчания , и передаетъ другимъ , а потомъ на все полученное долженъ отвѣчать .

— Для передачи любовныхъ изъясненій — прекрасно !

« Въ этомъ главное ; но тутъ вмѣшивается умъ , ловкость , выходятъ ошибки и смѣхъ . Иногда двое влюбленныхъ пишутъ къ одной , отвѣты перемѣшиваются , и по лицамъ соперниковъ узнаете дѣйствіе ошибки .

Тутъ колоколь замка пробилъ четыре часа . Обѣдали въ Коппешѣ обыкновенно въ шесть ; но Вернеръ полагалъ , что въ гостиной уже собираются , и друзья пошли въ замокъ . Г-жа Спаль и Аэенайда явились къ самому обѣду . Обѣдъ длился долго , потому , что по обыкновенію былъ оживленъ занимательностью разговора . Краснорѣчіе Г-жи Спаль , умъ Бенжамень-Констана , парадоксы А . Шлегеля , анекдоты Сабрана , ловкость и пріятность ума Аэенаиды , заставляли время пролетать незамѣтно .

Въ искреннемъ , веселомъ кругу , Г-жа Спаль часто предавалась всѣмъ прихотямъ , всѣмъ шалостямъ воображенія смѣлаго и богатаго . Она любила браться за самыя разнообразныя предметы разговора , измѣняла , оставляла ихъ , и нерѣдко всѣми пособіями ума поддерживала мнѣнія самыя спорныя . Нерѣдко , непривыкшіи къ гибкости генія , споль смѣлаго и быстраго , Шлегель первый попадался въ обманъ . Онъ начиналъ спорить , оставляясь на шомъ , чѣмъ начинала Г-жа Спаль , и преслѣдовалъ спорное дѣло , когда умъ Г-жи Спаль давно уже перемѣнялъ и мѣсто и образъ нападенія , или защиты , шакъ ловко и явно , что никто не могъ не замѣшивъ парадоксовъ , лешѣвшихъ съ обѣихъ споронъ . Въ этотъ день споръ завязался объ *единствѣ* Драмы . Шлегель горячо излагалъ свою теорію , и жестоко нападалъ на систему Французской Драмы . Никто не соглашался съ нимъ , даже и Г-жа Спаль . Шлегель сердито нацалъ на нее , почему отвергаетъ она мнѣніе , кошорое сама защищала въ своихъ сочиненіяхъ ?

— Чшо-жъ шакое — сказала смѣясь Г-жа Спаль — развѣ я первая защищала нелѣпность , желая показашъ силу ума своего ? — Шлегель хотѣлъ возражать , когда Сабранъ попросилъ позволенія разсказать небольшой анекдотъ — *кстати* , слышанныи имъ ошъ Шевадьѣ Буффлера .

« Въ первые годы царствованія Людовика XV-го, двѣ красавицы блистали особенно при Французскомъ Дворѣ: Маршальша Люксанбургъ и Графиня Эгмоншъ. Одна была жива, ловка, прелестна; другая прекрасна — но, вовсе безъ вкуса. Давали при Дворѣ большой праздникъ. Графиня явилась въ платьѣ великолѣпномъ, но спраннымъ; всѣ согласились, что эша одежда смѣшна, и безвкусіе убора обезобразивало Графиню до того, что узнать ея было невозможно. Одна Г-жа Люксанбургъ спорила, что платье было прекрасно, и что особенность вкуса прибавила ему прелести. Такой отзывъ почли за колкую насмѣшку; но всѣ изумились, когда на новомъ балѣ Г-жа Люксанбургъ явилась въ нарядѣ, осмѣянномъ за два дня на придворномъ праздникѣ. Окружили Маршальшу, посмотрѣли, и всѣ согласились, что платье въ самомъ дѣлѣ прекрасно, что она очаровательна въ этомъ платьѣ. Въ чемъ-же заключалась ошибка? Платье точно было дурно, но прелестъ Г-жи Люксанбургъ заставила забыть его спраннысть. » — Сабранъ замолчалъ, и значительнo посмотрѣлъ на Г-жу Спаль. Всѣ захохотали. Шлегель понялъ примѣненіе и захохоталъ съ другими. « Вы шовко польстили » — сказалъ онъ съ важносью Сабрану — « но знаете-ли, что вашъ анекдотъ не доказательство, а дѣло совсѣмъ постороннее? »

— Ничто не скроешь ошъ проницательности Г-на Шлегеля — подхватилъ Бенжамеъ Коншанъ.

« О , что до проницательности — отвѣчалъ Шлегель — по я не уступлю никому , когда дѣло идееть о томъ , чтобы опвлечь споръ ошъ настоящаго предмета . Я всегда гонюсь за убѣгающимъ соперникомъ , и всегда заславлю его признашь въ неправомѣ . Не угодно-ли вспорону все посстороннее , и ошвѣчай на по , о чемъ я имѣлъ чесшь говоршь ?

— А знаете-ли , что экипажи уже готовы ? — сказала Г-жа Спаль — Поѣдемъ-ше прогуляшь по берегу озера . — Она вспала ; всѣ слѣдовали ея примѣру , и , не смотря на возраженія и жалобы Шлегеля , ошправились гуляшь .

Вечеромъ , по обыкновенію , всѣ сѣли вокругъ стола , писашъ . Шлегель обратился къ своей любимой идеѣ , и написалъ къ Г-жѣ Спаль предлинное письмо , пребуя изъясненій . Въспо отвѣща , Г-жа Спаль передала его Аенандѣ , и обѣ пачали смѣяшься . Шлегель разсердился , вспалъ и ошправился спать .

Сеймуръ написалъ , пользуясь счастливымъ случаемъ , самое пламенное признаніе въ любви , и передалъ его Аенандѣ . Она имѣла право ошдашь записку сосѣду , но не сдѣлала эшого . На бѣломъ листочкѣ бумаги посшавила она нѣсколь-

ко почекъ, и передала эшошъ листочекъ Сеймуру. Долго смотрѣлъ онъ на сіи таинственныя знаки, схватилъ перо, и ошвѣчалъ слѣдующее:

« Десять почекъ ! Онѣ конечно изображаютъ собою такое слово, которое вы не смѣли написать вполнѣ, и это слово должно состоятъ изъ десяти буквъ. Угадываю, съ воспоргомъ угадываю рѣковое слово ваше ! Сіи десять почекъ означаютъ: persévérez. Надобно-ли мнѣ было получить столь милое приказаніе ? Но какъ же и усладительно получить его отъ васъ ! До гроба сохраню таинственную записку вашу, сдѣлавшую меня счастливейшимъ изъ людей ! »

Аеенаида прочитала, улыбнулась, и ошвѣчала слѣдующими словами: « Вижу, что самолюбіе есть изъяснитель самый остроумный, но — не всегда проницапельный. »

Сеймуръ возразилъ, что никогда не оставитъ своего изъясненія, что до гроба будетъ онъ упорствовать въ своемъ чувствѣ. Тутъ кончилась переписка эшого вечера.

На другой день, Г-жа Спаль объявила всѣмъ любопытную новость, о скоромъ прибытіи въ Коппешъ молодого Принца Фридриха . . . скаго. За пять мѣсяцевъ до того, онъ былъ взятъ въ плѣнъ, на сраженіи подъ Прейсишъ-Эйлау. Нѣсколько времени жилъ знаменитый плѣнникъ въ Суассонѣ и Мецѣ, и наконецъ получилъ поз-

воленіе Наполеона путешествовать по Италіи. Проѣзжая черезъ Швейцарію, онъ хотѣлъ посѣтить Г-жу Спаль, которую зналъ прежде, когда она являлась при . . . скомъ Дворѣ. Эша новостъ обрадовала всѣхъ дамъ, бывшихъ въ обществѣ Г-жи Спаль. Принцъ, ошличавшійся храбросцію, прекрасный, молодой, въ цѣну — сколько прогашельныхъ, романическихъ идей! Особливо Аэеняда, казалось, занялась эшимъ болѣе другихъ, и всѣ мужчины невольно начали ревновать къ будущему гостю. Шлегель не преминулъ изъяснить это, съ своею обыкновенною колкостію. «Пріѣздъ вашего Принца свяжетъ всѣмъ намъ руки!» сказалъ онъ Г-жѣ Спаль. «Сколько времени, думаете вы, прогоспитъ онъ въ Коппенъ?»

— Сколько будетъ ему угодно — отвѣчала Г-жа Спаль; но, надѣюсь, не менѣе двухъ недѣль. Постараемся сдѣлать его пребываніе въ Коппенѣ какъ только можно пріятнѣйшимъ.

«Почему, что онъ Принцъ» — вскричалъ Шлегель — «хотя Принцъ такой-же человекъ, какъ и всѣ другіе.»

— Что за вольнодумство! — возразила Г-жа Спаль.

«А между тѣмъ правда» — сказалъ Сеймуръ. «Если-бы это не былъ Принцъ, внушилъ-ли бы онъ вамъ такое живое участіе къ себѣ?»

— Разумѣется, нѣтъ. Славное имя предка, съ честію поддержанное попомкомъ его, важнѣе имени проспаго челоуѣка.

« Въ эпихъ историческихъ именахъ » — сказала Аѳенаида — « есть не знаю что-то очаровательное для воображенія и прогашельное для сердца, если къ нимъ присоединено спраданіе и несчастье. »

— А особливо, когда историческое имя принадлежитъ Принцу, молодому и красивому — сказалъ Шлегель, обращаясь къ Аѳенаидѣ — не правда-ли, сударыня ?

И Шлегель громко захохоталъ при этомъ вопросѣ, увѣренный, что сочинилъ эпиграмму, злую и колкую. Аѳенаида покраснѣла; Сеймуръ, внимательно глядѣвшій на нее, вздохнулъ, а Г-жа Спаль опвѣчала Шлегелю: « Нѣтъ ! но мы согласимся, что Принцы, и всѣ мужчины нравятся намъ, если они любезны. »

— А ! такъ вашъ Принцъ любезенъ ?

« Необыкновенно, если только захочешъ нравиться — опвѣчалъ Монморанси.

— Здѣсь въ этомъ желаніи, у него не будешъ недосташка — сказалъ Сеймуръ.

Тутъ услышали спукъ подѣхавшихъ карешъ. Пріѣхали госпи. Г-жа Моншольё, Г-жа Неккеръ, Графъ Головкинъ и Князь Волконскій вошли въ

госпиную. Краснорѣчивый гнѣвъ Шлегеля былъ оспановленъ ихъ прїѣздомъ. Онъ началъ оплнчаться передъ новыми госпями своими спранными идеями и романшическими выходками. Новая досада ожидала его. Г-жа Спаль объявила, что по вечерамъ пишашь не будущшъ, попому, что Принцъ, незнакомый съ часпными отношенїями и шупками общества, не можешъ принимаешъ учасшя, въ сей забавѣ.

— И шакъ ее уничпожають! — вскричалъ Шлегель. — Но, воля ваша, а эшо слишкомъ жестоко, если Принцъ разрушаешъ все наше общество! Можно-ли снести подобный деспотизмъ!

Слово: *деспотизмъ*, упошребленнос Шлегелемъ, заспавило всѣхъ смѣяшся. Шлегель не разсердился, думая, что онъ сказалъ нѣчто весьма оспроумное. Самолюбїе его всегда принимало смѣхъ, имъ возбуждаемый, за успѣхи. Эшо видимъ мы нерѣдко и не съ Шлегелями, но съ людьми болѣе понкими и опышными.

Весь оспашокъ дня проговорили о Принцѣ, его храбрости, его несчаспнн, копорое, лншивъ его свободы, заспавило удалнться съ поприща бнпвъ, и спрадать въ пѣну, далеко отъ опчизны, спраждущей, униженной силой исполнна.

« Мнѣ кажешся весьма замѣчательнымъ и романшическимъ, » сказала Г-жа Крнденеръ, « что

внй Принцъ , ошпоргнутий отъ своего Августѣйшаго семейства , отъ своего спрадающаго опечешва , будетъ приведенъ судьбою въ эшотъ замокъ , жилище знаменитыхъ изгнанниковъ . »

— Да !— опвѣчала Г-жа Спаль—слѣзная сила , вписавшая въ современную Испорію столько кровавыхъ спраницъ , кошорыя покажутся баснословными пошомству , эша сила , вмѣсто укрѣпленія своего , помышляющая только о расширеніи , о раздвиженіи , не видя , не замѣчая паденія проновъ — сколько ниспровергла она часпныхъ судебъ , сколько соспавила романовъ , чудесныхъ , не менѣе испорическихъ событій , сю произведенныхъ ! Но я — продолжала Г-жа Спаль , смошря на Аеннаиду и Г-на Монморанси — должна-ли я жалованься на деспотизмъ , удалившій меня изъ Франціи , если черезъ шо узнала я — до какой спепени можетъ проспираться великодушіе вѣрной дружбы . Жестокая воля деспотизма собрала вокругъ меня друзей , споль драгоцѣнныхъ мнѣ . . .

« Ахъ ! » сказала Аеннаида , съ выраженіемъ шрогапельной вѣжности — « съ вами , при васть-можно-ли жалованься на изгнаніе ! »

Пріѣхавшій отъ Принца курьеръ извѣспилъ Г-жу Спаль , что Принцъ будетъ имѣть удовольствіе явиться въ Коппешъ завтрашній день ,

непрерывно въ чепыре , или лишь часовъ по полудни . — День , столь давно ожидаемый , наконецъ насталъ . Мужчины замѣтили , что всѣ дамы были наряжены обыкновеннаго , за исключеніемъ только Аенанды . Она , по видимому , одѣта была весьма просто ; но щегольство и изысканность эпои мнимой простоты не укрылись отъ зоркихъ глазъ влюбленнаго Сеймура . Онъ сидѣлъ , задумчивый , подлѣ Вернера , въ углу залы .

— Я погибъ — сказалъ онъ Вернеру , тихо . — Посмотрише : она никогда не была такъ прелестна !

« Какъ ? Что вы разумѣете подъ этимъ ?

— Вѣрьте , что только чувство сердца , смѣшанное съ желаніемъ нравиться , можете придать красотѣ такую прелесть .

« Чувство ? Она никогда не видала Принца !

— Но объ немъ такъ много говорили ! Его воображеніе уже разгорячено , обольщено . Принцъ , блестящій юностью , храбростью , романтическими бѣдствіями , именемъ , напоминающимъ великаго предка , славу , еще столь недавнюю , пронзъ , возвышенный оружіемъ и искусствами , и ломаемый , подрываемый войною , на едва только закрышемся гробѣ великаго человека Столько чудесныхъ событій , и какое впечатленіе должны они произвести на сердце женщид-

ны, молодой, съ воображеніемъ пламеннымъ, никогда не знавшей любви! И развѣ за ничто считаеше вы и непобѣдимое очарованіе эпого проклятаго замка, гдѣ ничто не дѣлаешся обыкновеннымъ образомъ, гдѣ въ любви и дружбѣ изгнано все простое, гдѣ дышатъ заразительнымъ воздухомъ, разгорячающимъ сердце, производящимъ круженіе головы, придающимъ каждой спраспи, каждому разговору, каждому письму даже, написанному здѣсь — не знаю чпопо необыкновенное, идеальное, въ кошоромъ, можешъ быть, иногда недоспаешъ испины, но все увлекаешъ, жжешъ душу...

При такомъ жаркомъ изъясненіи Сеймура, Вернеръ смѣялся. Вдругъ Аэенаида вспала и вышла изъ залы; Сеймуръ остановился и замолчалъ.

Безпокойная, озабоченная, Аэенаида ушла въ свою комнашу. Тамъ открыла она окошко, изъ кошораго можно было видѣть всѣхъ, кпо приѣзжалъ въ замокъ, опустила жалузи, и сѣла подъ эшимъ окошкомъ. Она взяла было книгу, но волненіе мѣшало разобрать ей даже одну букву. Черезъ чешверть часа, невольно запрепала Аэенаида: она замѣпила вдали карешу, вспала, наклонилась на жалузи. Кареша быспро приближается — вопъ она остановилась, ее ошворяющъ — и, съ сердечнымъ движеніемъ, Аэе-

наида видѣтъ выходящаго молодаго Принца. Она не могла разглядѣть чертъ лица его ; но локось , благородство поступи , щегольская одежда Принца очаровали ее.

Принцъ вошелъ въ комнаты. Аеенаида слышала голосъ Г-жи Спаль , вышедшей изъ гостиной въ переднюю , чтобы встрѣпить гостя у дверей.

Между тѣмъ , какъ Аеенаида , въ нерѣшимельности , горѣла неперѣвнѣемъ идиши къ гостиной , и все еще осмывалась въ своей комнатѣ , Принцъ и Адьюшанши его явились въ гостиной , предводимые Г-жею Спаль . Она представила ему всѣхъ дамъ , и сказала имена всѣхъ мужчинъ , сославлявшихъ общество . Во все время этого представленія , Принцъ какъ будто ждалъ еще одного имени , какъ будто искалъ кого-то разсѣянными взорами . Наконецъ , онъ сѣлъ подлѣ Г-жи Спаль , и началъ общій разговоръ . Тогда дверь медленно отворилась ; вошла Аеенаида . Принцъ быстро поднялся съ кресель . По лицу , походкѣ , стройному стану , онъ пошчасъ угадалъ , кто явился передъ нимъ ; но онъ казался изумленнымъ . Онъ представлялъ себѣ ее совсѣмъ иначе : красавицею , гордою своими прелестными , надменно успѣхами въ свѣтѣ , и съ тою уврешностью въ себѣ , которую такъ часно даштъ красавицамъ ихъ извѣстность . Принцъ увидѣлъ

напрошивъ того прелестную женщину , подх-
дившую робко , красѣвшую . . . Удивленіе Прин-
ца смѣнилось сладостнымъ чувствомъ ; каза-
лось , онъ не могъ наглядѣться на Аэенаиду .

За споломъ , Г-жа Спаль посадила Принца
между собою и Аэенаидою . Не смопря на все
краснорѣчіе Г-жи Спаль , Принцъ не могъ скрыть
разсѣянности . Аэенаида также не умѣла со-
братъ своихъ мыслей . Сеймуръ все видѣлъ , все
замѣпилъ , и — вспалъ изъ-за сполы въ опчаяніи .

Послѣ обѣды не рѣшились выходить изъ ком-
наты : день былъ трезвычайно жаркій . Положено
было идти въ галерею , и заняться музыкою ,
пока жаръ спадеть . Дорожная арфа , изящной
формы , была поставлена на колѣна Аэенаиды .
Послѣ нѣсколькихъ блестящихъ аккордовъ , и
перехода въ очаровательные , гармоническіе зву-
ки , Аэенаида пропѣла , аккомпанируя себя , пре-
лестную пѣсню Королевы Голландской : *Fais se
que dois , advienne que pourra* . Отношеніе
словъ къ положенію знаменитыхъ изгнанниковъ ,
очаровательность , прелестъ голоса Аэенаиды ,
пріятность ея движеній , произвели общій вос-
торгъ , выраженный шумными восклицаніями .
Принцъ слушалъ съ восхищеніемъ , и когда Аэе-
наида перестала пѣть , съ неизъяснимымъ вос-
торгомъ смопрѣлъ онъ на нее и , довольно гром-
ко , какъ будто забывшись , произнесъ : « II

еще такіа дарованія !.. Сія немногія слова выска- зывали такъ много , были произнесены такъ вы- разительно , что Аэнаида запрепешала. Желая скрыть свое движеніе , она вспала , и сѣла на другомъ концѣ галлерей , подлѣ большаго сто- ла. Часть общесшва перешла къ ней , и начала обыкновенную переписку. Адьюшаншъ Принца , и нѣсколько другихъ особъ , прогуливались по шеррастѣ. Принцъ не участвоваль въ перепискѣ , и разговариваль въ споровѣ съ Г-жею Спаль. Среди множесшва людей , заняпыхъ разными предметами , эшо былъ разговоръ самый уди- венный. Того только и желаль Принцъ. Говорено было шихо , незамѣпно. Принцъ спрашиваль о всѣхъ гостяхъ , хотя собшвенно ни о комъ изъ нихъ не заботился : ему надобно было до- спроситься до *одной*. Когда перебрали всѣхъ , кромѣ *ея* , Принцъ думаль , что вовсе не есте- ственно будетъ ему забыть самую замѣчатель- ную особу ; такая молчаливость была-бы даже нескромностью , и измѣнила его шайнѣ. Но онъ и не могъ однакожъ собрать силъ произнесш имя Аэнаиды , молчалъ и глядѣль на Г-жу Спаль , въ величайшемъ замѣшательствѣ. Умъ можешъ скрыть шо , что занимается голову и воображеніе , но онъ почти всегда неловокъ , если берешся скрывать происходящее въ сердцѣ. Большіе , проницательные глаза Г-жи Спаль усшремились на Принца , и привели его въ со-

вершенное смяшеніе. Онъ не зналъ уже, какъ поддержать разговоръ. . . . Но шумъ раздался по галлерей пронзительныя восклицанія Шлегеля. Обрадованный нечаяннымъ спасеніемъ, Принцъ бросился къ крикуну, и, смѣясь, спрашивалъ его о причинѣ шумныхъ восклицаній. Шлегель объяснилъ Принцу, что Аенаяда упрямо отказывается отвѣчать на вопросы, и не хочешь даже продолжашъ весьма занимательнаго разговора, который началъ былъ съ нею вчера. «И что съ ней сдѣлалось? Я въ вѣкъ не видывалъ подобной разсѣянности!» говорилъ Шлегель. Г-жа Спаль прибѣжала между нѣмъ упишій бурю. Шумливо велѣла она Шлегелю замолчать, взяла Аенаиду за руку, и увела ее на перрасу. Принцъ слѣдовалъ за ними. Г-жа Спаль, Аенаида и Принцъ сѣли на одной скамьѣ. Долго говорили между собою онъ и онѣ. Имъ было шакъ весело, хорошо! . . . Наконецъ, нѣсколько особъ подошло къ нимъ. Тумъ вспомнилъ Принцъ, что онъ очень уснулъ, скакавши всю ночь на почтовыхъ. Вскорѣ проснулся онъ съ Г-жею Спаль, и ушелъ въ приговоренныя для него комнаты. Но онъ не думалъ еще спать, и даже не ложился въ постелю. Одинъ изъ его Адъютантовъ, любимый имъ за отличныя качества души, блестящія дарованія и привязанность неизмѣнную, довѣренный всѣхъ шайнъ Принца, оспался въ его спальнѣ.

Октябрь 1831.

33

«Любезный Вильгельмъ!» сказалъ ему Принцъ — «знаешь-ли, что хочу я сказать тебѣ? Какъ изумишься ты!»

— Совсѣмъ нѣтъ, В. В. — отвѣчалъ Вильгельмъ, улыбаясь — вы влюблены на двѣ недѣли, которыя мы проживемъ въ Копенгѣ.

«На всю жизнь!» вскричалъ Принцъ. — Голосъ его былъ важенъ. — «На всю жизнь, говорю тебѣ!» повпорилъ онъ. — Вильгельмъ изумился.

— Въ самомъ дѣлѣ, это новоспѣ для меня — сказалъ Вильгельмъ — *такъ* никогда не говорили вы прежде, В. В.

«Потому, что прежде я зналъ только одиъ мечтъ моей головы; но *люблю* я въ первый разъ въ жизни! Нѣтъ! ничто не исцѣлитъ глубокаго впечатлѣнія души моей! И какая женщина замѣнитъ мнѣ воспоминаніе этого очаровательнаго существа, этого образъ, который будетъ всюду и всегда меня преслѣдовать? Только это-го еще не доспавало къ моему несчастному положенію! Я находилъ въ самомъ себѣ довольно силъ переносить всѣ другія бѣдствія, всѣ потери обольщенія честолюбія и мечтъ величія. Но если душевная сила поддерживается въ подобныхъ случаяхъ, можно-ли чѣмъ нибудь спасти себя отъ мученія сердца? Гордость можешь замѣнить счастье; прошивъ любви она ничтожна...»

— Но почему-же, В. В. такъ скоро приходи-
ше въ опчаяніе? Особа, внушившая вамъ столь
сильное чувство, можешь-ли бышь сама къ вамъ
нечувствительною? Вы часто бранили меня за
излишнее любопытство и спрашиванье... Если-
бы я и исправился ошъ моего недоспатка, то
въ здѣшнемъ замкѣ мнѣ легко-бы впаснь въ
него снова: здѣсь такъ любяпъ говорипъ —
я знаю уже весьма много подробностей, В. В.—

« Я хошѣлъ-бы знать только одно... »

— Предугадываю, и спѣшу опвѣчать вамъ.
До сихъ поръ Аеенаида ни съ кѣмъ не раздѣ-
ляла чувства, столь многимъ ею внушеннаго.
Зная только чувство дружбы, она никогда не
знала чувства любви...

« Возможно-ли! »

— Всѣ такъ говоряпъ. Англичанинъ, кото-
раго вы здѣсь видѣли, смертельно влюбленъ въ
нее.

« Я замѣнилъ эпо. И ты думаешь, что у не-
го нѣтъ никакой надежды? »

— Увѣренъ даже въ эпомъ. Вернеръ и Шле-
гедъ сказывали мнѣ, что у бѣднаго Брипанца
совсѣмъ повернулась голова; но онъ и самъ не
дѣлшился уже надеждою, увѣренный, что не-
счастливая спроситъ его никогда не получишь ни-
какого соответствія.

«Почему-жъ мнѣ быль его счастливѣе? Зачѣмъ льстивъ мнѣ себя горделивою мечшою...

— Кромѣ юности и наружныхъ качествъ, неужели В. В. ни во что не ставиле, въ глазахъ женщины, вашего рожденія, званія, того, что вы настоящій герой романа? Какой женщиѣ не вскружилъ все это головы? И еще въ этомъ убѣжищѣ любви и поэзи, гдѣ вы осуществляете самый прекрасный, самый занимательный эпизодъ героическаго романа, гдѣ вы являешесь, измѣненный счастьемъ, но оплеченный храбростью, славою, наконецъ, съ именемъ самымъ блистательнымъ, послѣ событій великихъ, съ чувствомъ споль неожиданнымъ, пламеннымъ и сильнымъ!

«Нѣтъ, Вильгельмъ! Если-бы я и надѣяся пронуть ея сердце — не должно-ли мнѣ пощадить ея спокойствія, уважить безпорочность ея жизни?

— И такъ, В. В. скроеше отъ нея свои чувства?

«Она никогда ихъ не узнаешъ, и я, какъ можно скорѣе, оставлю опасное здѣшнее убѣжище!»

— Какъ, В. В.? Вы намѣрены...

«Я долженъ! Спрашусь, что и за всѣмъ нѣтъ слишкомъ долго пробуду я здѣсь — для моего спокойствія.»

Въ то время, какъ Принцъ открывалъ такимъ образомъ сердечную тайну своему другу, у Г-жи Спаль, удалившейся въ свои комнаты, былъ разговоръ о томъ-же самомъ съ Аэнаидою. «Вижу» — сказала Г-жа Спаль — «вижу, что Вернеръ правъ. У любви свое Провидѣніе — говоритъ онъ — и на зло всему, это Провидѣніе даетъ средства узнать другъ друга шѣмъ, кому опредѣлено. любишь и быть любимымъ, не смотря на прошиворѣчія судьбы. Надобно было Наполеону выиграть огромную битву, надобно было сильному государству преклониться передъ его звѣздою, Принцу поспѣть въ плѣнъ, вздумать путешествовать по Италіи, и захватить ко мнѣ; надобно было и милой моей Аэнаидѣ быть здѣсь, въ изгнаніи. Безъ всѣхъ сихъ событій, вы никогда не встрѣпились-бы одинъ другаго...

— Дивлюсь — сказала съ улыбкою Аэнаида — какъ легко сочиняете вы цѣлый романъ. Вся эта судьба встрѣчь и любовь Принца — поэтическая ваша выдумка!

«Скажите лучше: вѣрная истина. Я читала сегодня первая страницы прекраснаго романа, романа героическаго; но не мнѣ принадлежишь честь сочиненія, и моего вымысла нѣтъ въ немъ ни сколько.

— А кто-жь его сочинилъ?

«Вы — ваше лицо, вашъ умъ, ваша прелесть — вы вся, милая Асеняда!

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Этого рода романовъ самый опасный; я отъ него отказываюсь.

«Романъ ужъ начашъ, говорю я вамъ.

— Ну, такъ мы кончимъ его ошривкомъ.

«Испинная спрашь пребуешь непременно продолженія, а та, о которой говорю... ея достаточно на цѣлую эпопею.

— Какъ много! Но какая-жъ будешь развязка?

«Вы можете бышь свободною, если только захопише.

— Подумали-ль вы о томъ, что говорите? Разводъ...

«Тотъ, чье имя теперь ваше, не будетъ пропивишься, если это необходимо для вашего благополучія.

— Но вы забыли, что я Кашоличка?

«Законы Франціи позволяють разводъ, и въ наспоощемъ вашемъ положеніи, кажешся, совѣшь не будешъ укорать васъ.

— Нѣтъ, никогда, никогда! Вы забыли о рожденіи, о самѣ того, въ комъ предидолагаете эту мнимую спрашь?

« Она не мнимая. Любовь побѣждаетъ всѣ препятствія. Она уничтожитъ ваши сомнѣнія и его предразсудки.

— Какъ скоро, и какъ далеко зашли вы въ вашъ романъ!

« Сердце и воображеніе сказываютъ мнѣ, что должно быть. Въ любви, одинъ взглядъ высказываетъ всю будущую судьбу. Развѣ не правда то, что я предсказывала о Принцѣ? Прекрасная фигура, правильныя черты, шемные волосы, голубые глаза, выразительная физиогномія, великодушный характеръ, возвышенная душа... Чего-жъ вы еще хотите опъ моего героя?

— Онъ точно таковъ, но — я хочу только спокойствія и тишины.

Эпопъ разговоръ былъ продолжителенъ. И хотя Аэнаида постоянно говорила одно, упрёки Г-жи Спаль въ равнодушіи и скрытности не были ей неприятны. На другой день, Принцъ изъявилъ Г-жѣ Спаль желаніе видашь ее иногда одну, или съ немногими искренними, потому, что онъ не могъ наслаждаться ея дружескою бесѣдою при ста свидѣтеляхъ. Г-жа Спаль обѣщала ему раньше оканчивать свои вечера, и просила его приходить попомъ въ ея комнаты. Она сказала, что будетъ приглашать только Аэнаиду, и Г-дъ Монморанси и Сабрана.

Принцъ казался обрадованнымъ, услышавъ объ эпюмѣ. Вечеромъ, послѣ ужина, десять разъ глядѣлъ онъ на часы, и не могъ наконецъ удержаться и не сказать, что они опспаюшъ, по его мнѣнію Г-жа Спаль улыбнулась, и въ одиннадцать часовъ раскланялась съ своими гостями. Одни изъ нихъ оспались въ гостиной; другіе пошли къ себѣ; нѣ, кого пригласила Г-жа Спаль, явились въ ея комнашѣ. Начался ошкровенный разговоръ, и вскорѣ попомъ Г-жа Спаль и Аеенаида начали просить Принца разсказать имъ подробности того, какъ онъ попался въ плѣнъ. Принцъ охотно согласился удовлетворить ихъ любознательство. Вотъ разсказъ его :

(До слѣд. книжки).

— ❦ —

О ДРЕВНЕЙ ПОЭЗИИ

АРАБОВЪ, ДО МУГАММЕДА.

(Продолженіе)

Оставимъ своевольнаго, буйнаго Тарафа, и обратимъ вниманіе на поэта, не менѣ замѣчательнаго по силѣ дарованія. Но гевій его, болѣе чистый, пѣлъ только нравственность и добродѣтель. Поэзія Зогаира, сочинителя *третьей* Моаллаки, строга, важна, чиста — говорятъ В. Джонесъ. Она обилуетъ нравственными изрѣченіями и строгими совѣтами. Послѣ краткаго обозрѣнія Зогаировой Моаллаки, мы представимъ изъ нея нѣсколько отрывковъ, такъ-же какъ и изъ Моаллакъ Амріалкаиса и Тарафа.

Творецъ первой Моаллаки, Амріалкаисъ, Царь и Поэтъ (о чемъ мы выше говорили), былъ причиною войны, между поколѣніями Абскимъ и Добхіанскимъ. Сорокъ лѣтъ продолжалась сія война, и кончилась миромъ. Гаремъ, братель Гуссейна, былъ послѣ шого убитъ Вардомъ; Гуссейнъ поклялся Богомъ, что до тѣхъ поръ не умоетъ главы своей, пока не отмститъ смерти брата, или самому Варду, или кому либо изъ его ближнихъ. Онъ вскорѣ насытилъ свое мщеніе. Говорили, что будшо-бы

онъ зарѣзалъ пришельца, принадлежавшаго къ поколѣнію Абсовъ, сначала предложивъ ему самъ гостепріимство, и вѣроломно умертвивъ его ночью. Преступленіе было ужасно! Гареевъ и Гаремъ, родственники злобнаго Гуссейна, оскорблялись его поведеніемъ, а между шѣмъ, Абское поколѣніе двинулось на нихъ, пылая мщеніемъ за нарушеніе договоровъ. Добродѣшительный Гареевъ послалъ къ непріятелямъ въ заложники своего сына, предлагая имъ сто лучшихъ верблюдовъ въ возмездіе обиды. «Братья!» велѣлъ сказать Гареевъ непріятелямъ — «предпочтите млеко верблюда крови моего сына! «Рабеевъ, Князь Абскій, былъ пронупъ сильною рѣчью присланныхъ, убѣдилъ своихъ подданныхъ принять верблюдовъ, и ошпустилъ сына Гарееова невредимо. Тогда старецъ Зогаиръ, въ восторгъ, сочинилъ свою Моаллаку, въ чѣсть Гарема и Гарееа.

Онъ начинается, такъ-же, какъ и другіе шворцы Моаллакъ, сладостными воспоминаніями о бывшей любви. Печальная пустыня шамъ, гдѣ нѣкогда летѣли для него часы радости; но видъ этой пустыни зажигаетъ снова его воображеніе. Ему кажется, что онъ еще видитъ свою возлюбленную, окруженную двумя, прекрасными и непорочными. Обольщенія бывшей юности вскорѣ бѣгутъ отъ него. Поэтъ славитъ вождей миролюбиваго поколѣнія, осуждаетъ жестокость Гуссейна, ирогашельно изображаетъ бѣдствія войны, и передаетъ поколѣнію своему уроки мудрости, пріобрѣтенныя долговременною его опытностію. Въ этомъ окончаніи поэмы есть нѣчто напоминающее пѣснопѣнія Соломона.

Тамъ , гдѣ нѣкогда обитала предествная Оммау-
я , шамъ — унылая пустыня ! « Дикія , великоокія
елицы и лани , бѣлая , какъ млеко , шихо , мед-
ленно бродить одна за другою , и за ними слѣду-
ють , оставляя свои логовища , дѣши ихъ . »

Зогаръ останавливается на семь мѣстѣ , и про-
молкаетъ : « Гляжу на черныя камни , нѣкогда
оддерживавшія пошь сосудъ , въ которомъ гешо-
ла она себѣ пищу , гляжу на канаву , окружаю-
щую нѣкогда шатеръ ея , какъ на русло ручья , гдѣ
ука времени. засушила животворную влагу , вспо-
минаю , что здѣсь нѣкогда было ея жилище , и не-
мало лешаю слова мов къ этому незабвенному
бѣжищу : » Мѣсто драгоцѣнное ! благоденшвуй ! . . »
осмотри , другъ ! посмотри : не видишь-ли ты ,
онъ этой шолпы юныхъ дѣвъ : онѣ сидятъ на вер-
юдахъ , и ѣдутъ черезъ значные холмы и пошокъ
реамскій ! Вправѣ оставили онѣ горы и камени-
ныя долины Кенаанскія . Ахъ ! сколько въ этомъ
анаанѣ злыхъ враговъ моихъ и вѣрныхъ моихъ
рузей ! На колесницахъ , убранныхъ драгоцѣнными
олами и розовыми покрывалами , обшитыми пур-
урною , какъ дерево Андемское , бахрамою , они
злятся уже близъ долины Субаанской , и ѣдутъ
алѣе . »

Въ описаніи , исполненномъ жизни , Зогаръ изо-
бражаетъ , какъ юныя дѣвы слѣдуютъ за симъ ка-
ваномъ Аравійскимъ . Кажется , видишь ихъ , ося-
нешь , слѣдуешь за ними по степямъ Аравіи . Ди-
граммическій переходъ вдругъ приводитъ поэта
къ похвалѣ благороднымъ воителямъ , умирившимъ

враждебныя поколѣнія. Онъ хваляшь сяхъ ошцовъ народа , сяхъ мирошворцевъ. Ничто не можешъ бышь возвышеніе ; пашріархальте эшой хвалы восторженной , въ ушахъ старца.

« И подѣ шашровъ умиренаго врага , пасушныи стада нашихъ верблюдовъ , юныхъ , прекрасныхъ , знаменитыхъ родомъ , переданныхъ по наследству , или славно ошбитыхъ мечемъ въ кровяной бившѣ .» Послѣ похвалы , высказанныхъ сильно благородно , Зогаиръ говоритъ : « Не скрывай предъ Богомъ тайны сердца твоего . Господь явно видитъ все , что хотѣлъ-бы ты скрыть ошъ Его всезирающаго ока . Иногда медляшь его наказаніе , но вѣрнень у него счетъ прешупленіямъ , и въ день суда спрашенъ будетъ разсчешъ швой за нихъ ! Иногда наказаніе Его ускоряется , и въ ускоренномъ паденіи на главу грѣшника шрояко увеличенъ шагосшь его !»

« Или не знаете , какой спрашннй непріятель война ? Когда съ позоромъ гнали вы ее изъ своихъ долинъ , продолжительное степенаніе бѣшенства въ шрадось изъ ушь ея , и огнемъ взялось ея дыханіе . Какъ жерновъ расширяетъ зерна , шакъ она растерла вашихъ воишелей . Какъ верблюдица , она рождаетъ дважды въ годъ , и два дѣшница родили у нея въ послѣдній разъ . Это были : ошчаяніе , безнадежность — чудовища , возмужалыя при самомъ рожденіи , сышыя , едва коснулись груди матери шкой , и они ринули на ваши страны зло и бѣдшвіе , обильнѣе запасовъ приготавливаемыхъ обшашелами городовъ Ирака , взвѣшваемыхъ страшны

ни шягосшями, измѣряемыхъ огромными мѣрами!»

Зогаиръ привѣтствуетъ потомъ знаменитое поколѣнiе, которое вознесъ хвалами. «Враги швои были, какъ спада верблюдовъ на прпвольѣ ражисей, ведомыя потомъ къ источникамъ воды, и бросившіяся въ источникъ. Такъ они бросились въ бездну смерти, и были ведомы, подобно спаду, оставленному на пажити, гдѣ растушь одуряющія травы.»

Поэтъ изображаетъ мщенiе свирѣпаго Гуссейна, въ бышвѣ его прошивъ враговъ. «Дико напалъ онъ, не страшась, и не считая шашровъ, гдѣ смерть, ишашельница коршуновъ, уже основала свое пребыванiе. Тамъ бияся онъ, съ ногъ до головы вооруженный, какъ левъ свирѣпый, съ крѣпкими мускулами, съ вьющеюся гривой, съ когшями, никогда не пришупляющимися!»

Спарецъ судишь наконецъ между вѣроломнымъ Гуссейномъ и его великодушными родшвенниками. Онъ произносишь тяжелый приговоръ, и ушверждаешь его власшю добродѣтели. «Успалъ я» — говоришь онъ — «успалъ носить шяжкое бремя, налагаемое жизнiю, и кто, достигшій до предѣловъ старости, будетъ ушомленъ менѣ моего? Смерть спощькается иногда на бѣгу своемъ, какъ недалновидящій верблюдъ. Кого поражаетъ она, шощь падаешь, кого забываетъ, шощь спартеть, и достигаешь унылой дряхлости. Ошышность научила меня шому, что было вчера и нынѣ. Признаю слѣпое невѣдѣнiе обо всемъ, что будешь завшра. По-

ловина чело́вка языкъ его , другая половина его *сердце* ; все ошальное ничтожный образъ , сосна- вденный изъ мяса и крови. »

Моаллака поэша Аншара — *гешвертая* по порядку , по времени сочиненія долженствовала предшествовать Моаллакѣ Зогаира , какъ полагаешь В. Джонесъ. Кажется , что она была сочинена во время самыхъ жестокихъ битвъ той войны , которую великодушно кончили вожди Аравитянъ , воспѣтые пошомъ Зогаиромъ. Аншара , въ своей Моаллакѣ , поешъ о своихъ славныхъ дѣлахъ , и хвалился , что убилъ Демдема , отца того самаго Гуссейна , изъ поколѣнія Дхобіанскаго , ищевіе коего имѣло столь несчастныя послѣдствія. Смертельную ненависть пишашъ Аншара противъ Гуссейна , и Гарема , браня его , за котораго мстилъ потомъ Гуссейнъ. Поэшь обвиняешь обоихъ братьевъ въ клеветѣ. Пѣснь его горделива , угрожающа , исполнена разцѣплыми чертами и великолѣпными образами.

Аншара начинаешь сътованіемъ объ ошѣздѣ Аблы , своей милой подруги , дѣвы поколѣнія враждебнаго. Горячо выражаешь онъ любовь свою , и поешъ свою возлюбленную въ выраженіяхъ страстныхъ. Потомъ , на крылахъ Поэзіи , подьемлешся , перелетаешъ поле убійствъ , упиваешся памятью словъ подвиговъ и горделивымъ воспоминавіемъ своихъ добродѣтелей. Такой возвышенный восторгъ всегда дышитъ въ Поэзіи Аравовъ. Онъ перешелъ пошомъ и въ Мугаммеданскую религію , гдѣ принялъ однакожь другія формы. Поэшь оканчива-

есть свирѣпымъ желаніемъ : жить только до тѣхъ поръ , когда зарѣжешь обоехъ сыновей Демдема.

« О рощи , гдѣ обитаешь Абла , въ долину Дживааской ! передайше мнѣ вѣсть о милой ! О рощи Аблы ! да нисходишь на васъ съ каждымъ утромъ день благодашный , тихій , сопровождаемый благополучіемъ и здравіемъ ! »

Такъ начинается поэтъ , останавливая , подлѣ развалинъ прежняго обиталища милой , бѣгъ скорраго верблюда , огромнаго , будто башня . « Енѣтъ здѣсь ! Она живетъ въ странѣ враговъ моихъ , львовъ рыкающихъ ! О , прекрасная дочь Махрема ! Черезъ какія опасности , дерзала я искать тебя ! При первомъ взглядѣ на тебя — я былъ уже твой , хотя на полѣ битвы друзья твои гибли отъ моихъ ударовъ . Глубока любовь моя къ тебѣ — клянусь главою твоего почтеннаго отца ! Ахъ ! я тебя не обманываю : ты владычица моего сердца , ты въ немъ царствуешь , самовластная , милая , обожаемая ! »

Поэтъ оплакиваетъ пошомъ удаленіе предмета любви его , и восклицаетъ : « Аншара ! она пронзила мое сердце ! Она уязвила его двумя рядами острыхъ , гладкихъ зубовъ , бѣлыхъ и блестящихъ , обитателей того ротика , котораго поцѣлуй вливаетъ нѣгу , дыханіе приводитъ въ восторгъ . Когда ротикъ ея открытъ для поцѣлуя , дыханіе его сладостнѣ мускуса , благоухающаго въ сосудѣ торговца драгоценныхъ благовоній — оно упоетъ воздухъ . Такъ бѣздка , обремененная цвѣтами , кошоры освѣжилъ тихій дождь , кошорымъ не каса-

лось ничто нечистое, къ кошорымъ никто не подходилъ рвать ихъ, распространяеть окрестъ себя божественный запахъ. Каждое упреннее облачко, обремененное дождемъ, но не губишельнымъ градомъ, питаешь ее росю; земля блестящъ окрестъ ея, и неровности земли кажутся круглыми, свѣщящимися, гладкими, какъ серебро искусно обдѣланное. Льются потоки съ небесъ, и ручьи, ушученные дождями, вырываются изъ бѣсѣды; непрерывно жужжащія настькомыль, смѣшенный шумъ коней подобенъ пѣвию пьянаго челоука, увлекаются потокомъ. Когда маленькія эти мушки сшибаются одна о другую своими легкими крылышками и ножками, кажешься, слышишь звукъ камня, изъ коего сильная рука челоука сыплеть искры. Прекрасная Абла! между шѣмъ, какъ ты каждое ушро, каждый вечеръ покоишься на мягкомъ своемъ ложѣ, я провожу цѣлыя ночи, сидя на ворономъ конѣ моемъ, богато-убранномъ. Сѣдло крѣпкаго, широкобедрого коня, съ сильными ребрами и швердою грудью — вошь единственна подушка, на кошорой я покоюсь.

«Верблюды Шаденскій! принесешь-ли ты мени къ шатру ея, верблюды, удаленный ошь родины своей, лишенный млека, разлученный ошь стада? Въ рзвой приходи, онъ шеведишь хвостомъ своимъ, и даже вечеромъ, послѣ долгаго перехода, также горделива, какъ всегда, выстунка его. Быстро движется онъ, и ударяеть въ холмы сильнымъ, неушомимымъ своимъ копытомъ. Такова легкая шица, спросуь, ушей лишенный; ноги его,

близкія одна къ другой, рѣзво перебѣгають пространство. Молодые строусы собираются вокругъ него, какъ черные Іеменскіе верблюды собираются вокругъ пастуха Абиссинскаго, не умѣющаго говорить по-Арабски. Они слѣдуютъ за нимъ, проводимые величественною его головою, похожею на высокія колесницы двѣ, въ конхъ пушешествующій онъ подъ огромнымъ навѣсомъ, убраннымъ коврами и несомымъ верблюдами. Не велика, но благовидна голова легкаго строуса. Когда онъ осматриваетъ гнѣздо, гдѣ подруга его скрыта, среди песковъ Дхулашенраскихъ, онъ походитъ на Эіона, съ короткими ушами, въ длинномъ, украшенномъ мѣхомъ одѣяніи.

« Мой верблюдъ пьетъ воду Дерадаинскую, и съ презрѣніемъ отворачивается отъ непріязненныхъ водъ Делемскихъ. Можно-бы подумать, что тогда боясь онъ дикаго звѣря, отвращительные вопли коего слышны бывають въ мракѣ ночи, злаго звѣря, который широкою своею пастью и острыми зубами и когтями впивается въ его шѣю, усиливая ярость, каждый разъ, когда разсерженный верблюдъ сгибается, желая отогнать ее.

« Цѣлый день остаюсь я на моемъ верблюдѣ, какъ на башнѣ, хорошо построенной, твердо связанной, и крѣпкой, подобно шолбамъ прочнаго шашра. Когда онъ покоится, то ложится на зеленѣющемъ берегу Ридааскомъ, рыча отъ усталости, будто шроспникъ звонкій, придавленный его ногою. Потъ, его покрывающій, походитъ на шолстое покрывало, или на шелуху гороха, отъ силы огня испавъ-

Октябрь 1831.

34

шую на поверхность кипящей воды. Назадъ обращающагося уши его, каждый разъ, когда яросшь овладѣваетъ имъ, когда онъ торжественно приближается, когда играетъ онъ своею силою, подобно жеребцу, окруженному его соперникамъ.»

Поэшь заклинаешь поимомъ Абу, сохранишь любовь къ нему. «Столь-же гордъ, и столь-же спрашенъ я, когда меня оскорблять» — говоришь онъ — сколь кротокъ и нѣженъ. Враги мои почитаютъ меня горькимъ питьемъ. Не одинъ юный любовникъ палъ подъ моими ударами, и изъ жилъ не одной жертвы вылетѣла жизнь съ истекшею кровью, шумѣвшею, подобно погребальной пѣснѣ, цвѣтѣвшей землю багрянцемъ, яркимъ болѣе багрянца ашмоновъ.

«Иди, благородная дѣва! спроси у воиновъ: каковъ я, когда упершись въ сѣдло красиваго коня, волнующаго бѣгомъ долину, лечу подъ свѣтлами враговъ, и, бѣшенный, подъ шумомъ копій, спренюсь въ битву, или когда тихо стою среди шопы героевъ, вооруженныхъ крѣпкими луками!»

Воинская яросшь и гордость Аншара не перестаютъ возвышаться. Не одинъ герой глоталъ прахъ земли послѣ его удара. «Широкий ротъ раздѣвала рана пораженнаго мною, и журчаніе истекавшей крови призывало къ шрупу голодныхъ волковъ, во мракѣ бродящихъ. Я оставлялъ врага моего, какъ жертву лѣснымъ лвамъ, и они рвали его тѣло, глодали кости, дрались за добычу.»

Жестокое и дикое описаніе это принимаетъ наконецъ выраженіе дидрамическое: сладострастнѣе

кровавой битвы дышишь въ несть. Дикій повнше-
воиншель приближается къ своему непріятелю. «Ко-
гда онъ увидѣлъ меня спрыгнувшаго съ коня, и
устремившагося къ нему, зубы его застучали ошъ
страха; казалось, онъ смѣялся, но это не была
радоснъ. Долго длилась наша битва, долго, пока
голова и руки его, покрытыя запекешеюся кровью,
казались омытыми въ сокъ Иллана. Я прошибъ его
копьемъ моимъ, прорѣзалъ сердце его булавою
моего Индійскаго меча; напъ воды быстрого ру-
чья, блнстала булашъ мой, неизбъженъ былъ ударъ
его.» . . .

Антара снова обращается къ любви, и эшошь
переходъ исполненъ красосъ. Эпизодъ любовной нѣ-
ги кажется здѣсь Венерою, вышедшею изъ бур-
ныхъ волпъ Океана, въ красосъ небесной, рай-
скимъ оазисомъ, зеленыющимъ среди ужасной пу-
стыни. Но вскорѣ поэшь снова *погружается въ*
кровавыя бездны, въ вихрь битвы, въ ошвраши-
шельныя пашти смерти и ужаса, поглощающія ге-
роевъ. Покодѣніе Антара почишаетъ его щипомъ
своимъ: шакъ говоритъ о себѣ поэшь. Оно сна-
вишь его между собою и швердыми копыями вра-
говъ своихъ, спавишь въ шакомъ тѣсномъ мѣстѣ,
что рядомъ съ нимъ никто другой сташъ не мо-
жетъ. Битва шумишь; черепы вскрывающся, и
даюшь свободный выходъ дымящемуся мозгу.

«Едва завидѣлъ я толпы вражескія, ободряющія
одна другую на битвы, я ринулся, и — безъ упре-
ка сражался я съ ними! *Антара!* воскликнули онъ.
Копья, динныя, какъ веревки глубокаго колодезя,

шумно устремлены были на грудь моего вороного коня. Не перескакала я двигаясь въ среду враговъ благородной его груди, доколь кровь не покрыла его, какъ будто плащомъ. Удары копейные въ его лобъ, заставили его преклонить свою голову; онъ давался мнѣ гнѣзными своими ржаніемъ, и слезами, капающими изъ его глазъ. Если-бы онъ могъ поворнись, если-бы онъ умѣлъ высказать мнѣ скорбь свою, грустные, ясные звуки повѣдали-бы мнѣ, какъ жестоко страдалъ онъ.»

Аншара нецѣляешься отъ своей печали, забываешь ее среди шума битвъ, и при восклицаніяхъ друзей, изумленныхъ его храбростію. Онъ хочешь встрѣпнись двухъ сыновей Демдемъ, но это благополучіе не исполняешься для него.

«Страшную жертву принесть я» — восклицаешь онъ — «жертву для льсыыхъ львовъ, спорящихъ объ окровавленномъ шѣлѣ отца ихъ, и уже старые орлы слешаюпсь на кровавый пиръ съ дикими львами!»

В. Джонесъ перевелъ и пятую Моаллаку, сочиненіе Амру. Онъ называетъ ее высокою, пламенною, исполненною поэтической гордости. Амру пропѣлъ свою Моаллаку, когда предсталъ съ своимъ поколѣніемъ предъ Царя Гиры, въ Месопотаміи. Тамъ выступилъ на состязаніе съ нимъ Гарееъ, соперникъ его въ войнѣ и Поэзіи, творецъ *шестой* Моаллаки, слѣдующей за Моаллакою Амру. Сей повшъ, въ восторженной похвалѣ, перемѣшанной съ грозными возгласами противъ враговъ, спарался, шакъ, какъ и Гарееъ въ свою очередь, превознес-

сии нравственную и политическую силу своего рода. Судя и рѣшивель спора двухъ поэтовъ, Царь Месопотамскій слушалъ ихъ одного за другимъ. Онъ надѣялся покорить ихъ своей властью; но дикіе сыны пустынь не покорялись ему, и Царь обманулся въ своей надеждѣ. Гордая сѣмьство Амру, доказательствомъ которой можешь служить его Моаллака, была попомъ для Арабовъ, удивлявшихся сей поэмѣ, упоенныхъ похвалами, какія Амру распочиналъ поколѣнію Таглеба, предметомъ вѣковѣчной славы. Поколѣніе Таглеба было такъ славно, такъ гордо, что если-бы не явился Мутаммедъ, оно конечно овладѣло-бы всю Аравією и морскою торговлею Аравіянъ.

«Возстань, дѣва прекрасная! возстань! Подай намъ широкобокую чашу упреннаго пища! Да не останешся дорогое вино Эндеренское въ сосудѣ, гдѣ его закупили. Подай мнѣ этого, шафраноцвѣтнаго вина, ушушающаго желанія любви! Чувствую, какъ оно наполнило меня храбростію и силою. Онъ горящаго пламени его вспыхнешь и робкій ошрокъ, и его почтешь обезумѣвшимъ. Налей въ тѣ драгоценныя чаши, которыя купилъ я въ Балбекъ, Дамаскъ и Казирейнъ! Пробьешь и вашу часъ! Мы принадлежимъ смерти, но шеперь смерть еще принадлежитъ намъ!

«О Амру! когда шапнственнно посѣщала ты свою возлюбленную, и глаза вражескихъ стражей смыкались подъ тяжестью сна, она обнимала тебя прелестными руками, стоюль пухлыми, стоюль прекрасными, какъ члсны юнаго верблюда, близною сѣтгу

подобнаго , скачущаго весною по зеленымъ холмамъ и песчанымъ долинамъ. Дѣтъ груди ея , гладкія , какъ сосуды изъ слоновой кости , защищены были скромнымъ покрываломъ , пропихъ дерзкаго покушенія сѣлаго ея любовника. Легокъ , прелестень , спросишь быль стванъ ея , и шакъ очаровашелень поясъ ея , что не могъ я удерживать моего безумія , при взглядѣ на впошь поясъ. Нѣжныя ножки ея подобались двумъ гладкимъ шолбикамъ , изъ ирамора , или ясписа , къ которымъ привѣшены украшенія и золотыя кольца , ошь колыханія въпронъ издающія серебряныя звуки .»

При взглядѣ на обиталища Эмамаскія , возышающіяся среди долинъ , и «блещущія , подобно жемчугамъ , блистающимъ въ рукахъ вонновъ , испоргнившихъ оные изъ ноженъ ,» Амру чувствувешь возобновленіе своей страсти ; съ ошчаяніемъ вспоминаешь онь о разлукѣ съ своею возлюбленною .

«Когда я потерялъ ее , печаль верблюдицы , щещино ящущей дитя свое , возвращающейся безъ него , и пронзительно вопіющей , не равнялась съ моею печалью ! Менѣ жестоко и ошчаяніе сѣдовласой вдовы , матери девяти умирающихъ сыновъ , ошь конхъ ошщается ей шолько девять шруповъ , гробомъ пожираемыхъ . Таковъ жребій нашъ ! Судьба , какъ залогъ владычества своего надъ нами , сшерещень день настоящій , и завтрашній , и грядущіе послѣ него . Владыка жизни нашей , она гомовишь намъ собышя , которыхъ наше предвѣдніе не можеть постигнушь !»

Тутъ , сильно , величественно обращается поэтъ къ Царю Месошопамин , и убѣждаетъ слушавъ его

шерифаво. Говорить, что могущее поколѣніе Таглеба носишь на войну бѣлыя знамена, и приносишь ихъ обратно красныя отъ крови. Продолжительныя дни славы, въ печеніе коней презирало оно силу Царей, и ни отъ какого предиріянія не отказывалось. Многихъ власпшелей видало оно простертыми во прахѣ, и коней, богато-убранныхъ, принадлежавшихъ побѣжденнымъ воишелямъ; щещно ржали сін кони, щещно звали своихъ погибшихъ всадниковъ. Въ Сирійскія долины устремлялись пошомъ кони сін, и окровавленные сѣдлы и уборы ихъ были такъ неузнаваемы, что даже вѣрные нсы ошибались и лаяли на знакомыхъ коней своихъ повелшелей!

«Если мы сами бросаемъ какое-либо поколѣніе въ мѣльницу войны, первое сраженіе перемалываетъ его, какъ муку. Ковшъ, въ который сыпаемъ мы ихъ, простирается до восточныхъ предѣловъ Нажда, и все, что мы въ него сыпаемъ, дѣлается прахомъ незамѣпнымъ.

«Придешь-ли вы въ нашу страну, мы дадимъ вамъ приблизиться; рассыпшесь по нашимъ долинамъ, носъ высокихъ горъ нашихъ мы покашимъ на ваши головы цѣлые упесы, и они раздавятъ васъ.» — Амру обращается къ Царю, судіи его пѣнія, кажешся грозить ему, и укоряетъ, что по глубинѣ сердца своего зазналъ онъ ненависть къ роду Таглеба. Съ безпримѣрною силою описываетъ Амру жестокости, въ какія вдаешся поколѣніе, коего, въ одно время, онъ вождь, вѣпшія и швецъ. Ничего не лзя сравнить съ дикимъ и высокимъ ужасомъ, коимъ исполнены въ семъ мѣстѣ изображенія Аравійскаго

поэта. Только въ одномъ поэтическомъ памятникѣ, въ той Германской Нибелунгъ, которою оканчивается ужасный разсказъ убійства и кровопролитія, можемъ мы сыскать подобную свирѣпость, подобную жажду крови, силу героическую, безчеловѣчную, высокую и дикую. И въ Моаллакъ Араба, и въ Нибелунгъ Германца — рана за рану, кровь за кровь, перпетіе непоколебимое и упоряченіе мукъ — достойное Каннибаловъ! Жалобъ не слышно, но среди удушаемаго чувства страданій, ожидающаго шолько клики торжества. Ничто не сравнится и съ величіемъ описанія, какъ, предводимое Амру, поколѣніе его движется, будто гора съ ужасными ушесами, съ юношами, горящими узнавъ славу смерти, и старцами, богатыми опытомъ славы. Ошь слова къ слову, рѣчь поэта становится болѣе и болѣе угрожающею, и оканчивается паденіемъ на самого Царя, предъ котораго предсталъ Амру. Кажешся, слышишь громъ, долго шавшійся въ нѣдрахъ горъ, и передаваемый ошь одной вершинны къ другой, наконецъ вскипѣвшій бурю въ своемъ логовищѣ, разрушившій гору, и хлывшій въ долину губительными потоками. Царь Месопотамскій, конечно, долженъ былъ вооружившись большимъ перпетіемъ, чтобы безъ гнѣва выслушать все, что говорилъ ему безстрашный сынъ пустыни. Никогда Александръ не слышалъ ошь Клыша такихъ горькихъ испинъ, такихъ упрековъ. Въ глазахъ его, ему самому, говорятъ Амру, что не признаешь, никогда и никакъ, даже и шѣни персепства надъ собою. Величіе выраженія равняется здѣсь шолько пылкости, съ какою наносишься оспор-

бленіе. Такую высокую, безумную гордость найдемъ мы только въ исполинской ошвагѣ, съ какою говорятъ герои Скандинавской Эдды.

«О Царь!» восклицаетъ Амру, оканчивая рѣчь, гдѣ дышало все высокое величественнаго своеволія, «о Царь! копыя нѣши презираютьъ предъ тобою унижать ту горячность, съ какою стремишься они въ непріятеля. Едва только чуждая сила принимается за нихъ, они шановавшаяся шяжки и неподсмылемы, обращаются вспяшь, и съ провзисельнымъ свистомъ поражаютъ безразсуднаго, осмѣлившагося нанести на нихъ свою руку!»

Далѣ Амру продолжаетъ превозносить своихъ предковъ, исчисляетъ ихъ, и воспоминаетъ ихъ геройскіе подвиги. «Внималъ-ли ты, Царь! чтобы колено хоша одного изъ нихъ согнулось передъ врагомъ, чтобы хоша одинъ изъ нихъ не имѣлъ добычею славы и побѣды?» — Тутъ обращается Амру къ поколѣнію Бекрскому, представителемъ славы кошораго былъ соперникъ его Гареевъ, и спрашиваетъ: не побѣждали-ль они когда нибудь поколѣніе Таглеба? Амру смѣется надъ непріятелемъ, и насмѣшка его столько-же ядовита, сколько похвала своему поколѣнію восторженна.

«Когда воишеди наши скидаютъ свои брони, на темной кожѣ ихъ увидишь ты слѣды крѣпкой стали, ихъ сжимавшей. Въ день битвы, звѣтныя кони мчатъ насъ въ долину брани. Они вскормлены нами, и какъ ни ошнимали ихъ наши враги, мы всегда умѣли выкупашъ ихъ. Съ закрышою спальнымъ доспѣхомъ грудью, летящъ они въ битву, и когда возвращающся, грива ихъ въ безпорядкѣ,

пыль ее покрываешь , узды ихъ порваны , связаны узлами , и закинута на спину . Завѣтные кони наши ешь наслѣдіе , преданное намъ ошь добродѣтельныхъ предковъ , и по смерти нашей мы передадимъ ихъ нашимъ дѣтямъ . »

Похвалы поэта еще не востощены . Какъ помошь , съ яростію воздымающійся при каждомъ ушетъ , Поэзіи Араба усиливаетъ спремленіе свое при каждомъ препятствіи . Амру описываетъ гостеприимство своего поколѣнія , красоту женщины его рода , благодаренія , данныя имъ природою , и жалкую противоположность во всемъ этому враговъ ихъ .

« Своими собственными руками кормятъ наши жены завѣтныхъ коней нашихъ . «Вы не мужа наши » — говорятъ ошь намъ — « если не защитите насъ ошь враговъ . » — Ты нашъ , міръ ! ты нашъ , со всемъ шѣмъ , что на тебѣ существуетъ ! Едва младенецъ нашего рода покинешъ грудь матери , какъ уже самые гордые вожди чуждыхъ поколѣній гнушь передъ нимъ колѣно , и благоговѣютъ передъ нимъ . Шапры наши скоро покрѣютъ всю землю , и нѣгдѣ уже будешь спавить ихъ , а корабли наши покрятъ намъ всѣ моря земныя ! »

Такая гиперболическая похвальба Аюкса Аравійскихъ степей , такое чувство изступленной гордости , напоминающее гордость Каспійской Поэзіи , славящей подвиги Сада , при звукѣ трубы и лишавръ , это высокомерное упоеніе , долженствующее показаться нелѣпнымъ въ ушахъ всякаго другаго , кромѣ дикаго пѣвца Аравіи — представляеть совершенную противоположность Моаллакъ Гарева . Пѣвецъ поколѣнія Векроуъ , мейте сильнаго , во

болѣе добраго, Гарееъ посвящаетъ своему поколѣнію хвалы шихія, и сердце ошдыхаетъ, но не содрогается при нихъ.

Амру кончилъ свои горделивыя похвалы; «труба славы прозвучала.» Поколѣніе Таглеба зашумѣло въ воспоргъ, восклицая, что юный вождь и пѣвецъ его достоинъ вѣнка и побѣды. Тогда возсталъ Гарееъ, и нипровизировалъ свою Моаллаку. Ему было уже болѣе ста лѣтъ ошъ роду, но старецъ, убѣленный сѣдинами, смоялъ еще бодро. Пѣснь его «вспыхивала, какъ загорѣвшійся источникъ нефти.» Въ жару воспорга, онъ порѣзалъ себѣ руку, пѣшвию лука, на кошорый опирался, по обыкновенію всѣхъ пѣвцовъ Аравійскихъ. Но онъ не обращалъ никакого вниманія на свою рану, и пѣлъ не османавливаясь.

Исполненный мудрости, величія, дарованій, Гарееъ не старался ушрашить пѣснію своею Царя-судію. Онъ началъ похвалою Царицѣ, которая, сидя за богатымъ ковромъ, невидимая ни кѣмъ, была свидѣтельницею сосязанія Поэзіи и чести. Даже и въ шѣхъ мѣсахъ, гдѣ Гарееа оживляло негодование, гдѣ онъ выражался сарказмами, благоуміе и умѣренность владѣли имъ. Рѣшеніе Царя Месопотамскаго преклонилось въ пользу Гарееова поколѣнія, и навлекло на него мстительную ярость Амру, подъ ударами кошораго палъ онъ. Гнѣвъ Амру перешелъ въ истинное бѣшенство и обезумилъ его.

Искусною похвалою Царицѣ, невидимой, но присушствующей, началъ, какъ мы уже сказали, Гарееъ. Слезы пошекли изъ очей старца. Возвращающъ-

ли ему слезы сіи минувшее его счастье? Онъ вспомнилъ Хинду, мать Царя, и, любилъ-ли онъ ее нѣкогда, или это имя напомнило ему другую красавицу, но ему кажется, что онъ еще видитъ ее. Огонь, зажженный ею во время ночи между двухъ холмовъ, ведешь его къ ея жилищу.

«Она зажгла огонь изъ сухихъ вѣтвей, между холмами Акеика и Шахсенна, и костеръ сей заблесталъ во мракѣ ночи, какъ солнце. Я взвѣхалъ на холмъ, и издали смотрѣлъ на огонь; но увы! днемъ палящій зной, ночью бѣдствія войны не дозволили мнѣ приблизиться къ нему.»

Въ этомъ элегическомъ воспоминаніи старинной любви, нѣтъ ничего смѣшнаго. Поэтъ, мудро располагая свое пѣснопѣніе, изгналъ изъ поэмы своей всякое выраженіе любовной нѣги и сладострастія. Это лучъ лѣшняго неба, запавшій въ осеннія облака, это свѣтъ сѣвернаго сіянія, блестящій, но не горящій.

Ничего не можешь быть прогашельнѣе съшованій старца о бѣдствіяхъ его поколѣнія. «Братья наши, рода Аракемскаго, съ глазами змѣиными» — говоришь онъ, обращаясь къ поколѣнію Таглеба — «въ рѣчахъ своихъ, говоря объ насъ, перешли всѣ предѣлы справедливости, и устремили прошивъ насъ горящія поруганія. Они смѣшали и шѣхъ изъ насъ, кошорые были виновны, и шѣхъ, кошорые были невинны. Чистѣйшая добродѣтель не спаслась отъ ихъ ненависти!»

Поэтъ изображаетъ далѣе коварство Амру. Ночью, во мракѣ шло его поколѣніе, и среди смашенія ржу-

щитъ коней, среди крика испуганныхъ верблюдовъ, началъ Амру непріяельскія дѣйствія. Онъ погубилъ поколѣніе Бекровъ. Нѣкогда благоденствовала сей родъ. «Казалось, что счастье, для закрытія его, воздвигло швердый ушель, оспрая вершина коего разрѣзывала небесныя тучи. Казалось, ни какая шревога не могла поколебать, ослабить нашего благополучія.»

«Но дни бѣдствій настали. Сыны рода Бекрско-го желаюшь честнаго и мудраго суда о взаимныхъ распряхъ, не хомяшь насилія и свирѣпаго мщенія. Если они заблуждаются, они готовы сами себя осудить. Но если враги доведуть ихъ до крайности, да помыслятъ они, что въ поколѣніи Бекровъ вспрѣтятся имъ соперники опасные.

«Ошкажешесь-ли ошь честнаго суда, вы, сыны поколѣнія Таглеба, съ гнѣвомъ ошвратимся и мы ошь васъ, и ненависть скроемся въ груди нашей, какъ песчинка скрывается въ глазахъ человека.»

Поэшь возносишь хвалою воинскую славу своего рода, и мужество его, подкрѣпляемое духомъ правоты. Уличая Амру въ его несправедливости, просимъ, но сильнымъ воззваніемъ, онъ умоляетъ его не вѣряться гордости, не забывашъ кляшвъ, не нарушашъ договоровъ, не измѣняшь взаимныхъ обязательствъ. «Взаимна должна бышь добрая вѣра. Виносны-ли мы въ преступленіяхъ, учиненныхъ не нашими родичами?» Исчисливъ сіи преступленія — «Амру хочешь насъ винишь въ чуждомъ» — говоришь поэшь, — «хочешь, и мы должны спрадашь за другихъ! Лань должна бышь принесена въ жершву за воака,»

Самимъ живописнымъ и оживленнымъ описаніемъ , Гареовъ являєть послѣ шого передъ глазами слуша- телей походы , нападенія , ошраженія разныхъ по- колтній Аравіи , бшшвы и ненависть ихъ. Одни не- сущъ конья , у конхъ « жребій войны взошррешъ же- лтзное ошпріе.» — Другими обладаешъ яросшь , шоль пламенная , чшо нтшь всточника , могущаго заливъ жажду крови , ихъ пожирающую. Но жестокое не- счастье суждено въ удтль роду Бекровъ ; разбой стремншся на него ошвсюду , какъ орлы слешающ- ся на трунь. Ничего не недосшашъ врагамъ въ ихъ виновныхъ предпрїятїяхъ ; обилень у нихъ запасъ финиковъ и свѣжей воды. Но поколтнїе Бекровъ , у коего Амру хочешъ похшшншь даже и покровишель- ство Царя Месопотамїи , храбро сражалось про- шивъ вошшелей Іемена и Персіи. Бекры видали Ара- вїйскаго вождя , впереди шоллы Персіянъ , прибли- жающагося , подобно льву красногривому , въ яро- стш пошрающему ногами кровавую добычу. И сей вождь со шшдомъ бѣжалъ ошъ Бекровъ. Съ другой стороны двинулся на нихъ поколтнїя Аусскїа , и напалъ какъ коршуны кривоносые. Но едва на лег- кихъ коняхъ своихъ , появились они изъ тучи пыли , ихъ облакавшей , какъ и ринулись всшашъ , гонимые Гареовомъ. Поэтъ ошачшваетъ , призывая къ себѣ всѣ поколтнїа , соединенныя узамн родства. Онъ желаетъ , чшобы голосъ его , перелешая изъ доли- ны въ долину , ошозвался повсюду , и увлекъ всѣхъ ихъ въ союзъ дружескїй.

(Окончанїе въ слѣд. книжкѣ).

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

— *Адольтъ*. Романъ Бенжамень-Констана. СПб. 1831. Въ т. Деп. Народн. Просв. XXXIV и 222 стр. in-12.

Бенжамень-Констанъ, котораго сочиненія недо-
ступны для насъ вообще, могъ принадлежать на-
шей Литтературѣ только своимъ романомъ. Этотъ
романъ перевелъ нынѣ Кн. Вяземскій, одинъ изъ
извѣстнѣйшихъ лиитераторовъ Русскихъ. Онъ при-
ложилъ къ своему переводу довольно длинное раз-
сужденіе, гдѣ говорить: 1-е, почему не былъ до-
нынѣ переведенъ Б. Констановъ романъ; 2-е, въ чемъ
состоитъ дословность этого сочиненія; 3-е, какъ
переводилъ его онъ, новый переводчикъ. Спраши-
ваю: много-ли бываетъ споль любопытныхъ явле-
ній въ Литтературѣ нашей? Тушь есть пища уму,
есть заглазіе воображенію, есть работа Искусству,
и — пожива Критикъ. Да: и Критикъ. Впрочемъ,
что-жь было-бы за произведеніе, съ которымъ
вспрѣтившись, Критика разошлась-бы безъ спо-
ровъ, какъ съ покойникомъ на пуши его къ клад-
бищу. Съ живыми надобно дѣйствовать, а книга
существо живос, хотя и не органическое; по край-
ней мѣрѣ Французская основа *Адольфа* нашаиута

струнами живыми. Посмотримъ-же, въ какомъ видѣ передалъ ее намъ Русскій Переводчикъ, и прежде всего начнемъ съ его Предисловія.

Совѣтуемъ Г-ну Переводчику, при слѣдующемъ изданіи сей книги исключишь первыя страницы Предисловія, гдѣ идетъ разсужденіе о причинахъ, по коимъ не былъ переведенъ на Русскій *Адольфъ*. Можетъ бышь эти причины очень остроумно приисканы, но жаль что *Адольфъ* былъ переведенъ на нашъ языкъ два раза, прежде нежели явился шрудъ Кн. Вяземскаго. Первый переводъ напечатанъ въ Орлѣ, въ Губернской типографіи, въ 1818 году, подъ заглавіемъ: *Адольфъ и Елсонора, или опасности любовныхъ связей, истинное происшествіе*; а другой въ Московскомъ Телеграфѣ 1831 года. Это даже досадно, пошому что Переводчикъ извлекъ было много любопытнаго изъ того, что *Адольфъ* неизвѣстенъ у насъ. Напримѣръ, знаете-ли почему эшотъ романъ оставался (какъ онъ думалъ) безъ перевода? Пошому что, *Рускіе отстали отъ движеній иностранныхъ Литтературъ болѣе нежели четвертью вѣка*. «*Эшо первая причина непреселенія* «его на Русскую почву. Онъ въ одномъ шомъ: эшо «*вторая причина*. Переводчики наши говорятъ, «что не стоишь *пристѣть къ дѣлу* для подобной «бездѣлицы, просто, что не стоишь рукъ марать.» По крайней мѣрѣ весело находишь такіа философскія причины небывалыхъ дѣйствій!... Замѣшимъ, мимоходомъ, еще одну неоспоримую истину, разрушающую эшу философію. Всякій, сколько нибудь знакомый съ настоящею Литтературою нашею, и

даже самъ Г. Переводчикъ, подтвердишь, что главный недостатокъ нашихъ переводчиковъ — нешерпѣливость ихъ и щедрность силъ. Къ тому-же имъ лѣнь переводить чтонибудь многошумное. Едва спашеть ихъ на романъ В. Скошша, а Манцони-евъ прелестный романъ не переведенъ и до сихъ поръ, именно потому, что онъ вдвое больше В. Скопиловыхъ. Г. Переводчикъ подтверждаетъ наши слова своею *первою прижиною*, которою онъ прошиворѣчишь *второй*, ибо если нынѣ ничего не переводяшь, то что-же дѣлають переводчики, которые не холяшь и *рукъ марасть* однимъ помомъ? Но предоставимъ перу самого Г-на Переводчика вычеркнушь всѣ эти нецсправности, и обратимся къ тому, что гораздо важнѣе.

Въ чемъ состоишь достоинство Б. Констанова романа? Прежде всего спѣшимъ сказашь, что мы ошнюдь не раздѣляемъ подозрѣнїя Г-на Переводчика, будшо въ ошношенїяхъ Адольфа съ Элеонорою находили такую-шо тѣнь связи Автора съ славною женщиною, и что эле было причиной успѣха его романа, что это ошлю подѣйствовало на общеснїе. Какая холодная догадка! Можешъ-ли испинный цѣнитель изящнаго произведенїя находить такое ошносительное достоинство въ произведе-нїи повиническомъ, и шѣмъ ставишь его въ рядъ съ Записками Дюбарра и Дюбуа, которыя имѣють сего-рода занимательность? Сверхъ того, на людѣ, ошюлящхъ сшюль высоко въ общеснвенномъ мнѣнїи, какъ Б. Констанъ и *славная женщина*, не можешъ падашь намекъ неосновательный: ихъ за-

Октябрь 1831. 35

щита въ гласности нынѣшней общественной жизни, и въ собственныхъ и чужихъ исповѣдяхъ, издаваемыхъ въ свѣтъ подъ именемъ *Записокъ*. Слѣдственно, Б. Констанъ не потому отрицалъ излишнее хваленіе и успѣхъ своего романа, чтобы онъ боялся худой славы своей домашней жизни, а потому, что въ самомъ дѣлѣ *Адольфъ* былъ написанъ имъ какъ упрямый опытъ надъ собственною силою въ Искусствѣ. «Да будешь!» сказалъ онъ своему живому воображенію и — явился *Адольфъ*. Доказательствомъ сего можешь служить еще и то, что ни прежде, ни послѣ не писалъ онъ ничего въ романическомъ родѣ.

«Трудно» — говоришь Переводчикъ — «въ такомъ шѣсномъ очеркѣ, въ такомъ ограниченномъ и такъ сказать одинокомъ дѣйствіи, болѣе выказать сердце человѣческое, перевернуть его на всѣ стороны, сыворотить до дна и обнажить наголо во всей жалости и во всемъ ужасѣ холодной истины.» Сколько словъ, ничего не поясняющихъ! Такъ можно опредѣлишь и *Послѣдній день приговореннаго къ смерти*, Гюго, и *Мертваго осла*, Жанена, и даже *Записки Сансона*, *Палата*. Нашъ вѣкъ любитъ нагую истину; но достоинство-ли это въ эстетическомъ смыслѣ? Истина-ли изображеній составляетъ цѣль изящнаго произведенія? Не есть-ли она только одно изъ условій сего послѣдняго? Въопъ, кажется, вопросы, которыхъ не задавъ себѣ Русскій цѣнилъ Б. Констанова романа. Но, шопчасъ послѣ эшого, онъ смѣется надъ всеми романами *многомѣтными*, и восхищается тѣмъ, что

въ *Адольфѣ* вѣшь приключеній, нѣтъ неожиданныхъ переломовъ, и однимъ словомъ, всей кукольной комедіи романовъ. Это очень мило! Переводчикъ даже не подозрѣваетъ, что все это есть въ *Адольфѣ*, и что называя кукольную комедію приключенія и переломы, онъ осуждаетъ едва-ли не всѣ произведенія Изящной Словесности.

«Характеръ Адольфа вѣрный оппечашокъ времени своего.» Наконецъ истина! Но жаль, что слѣдующее за нею показываетъ ненадежность истинъ *услышанныхъ*, а не *погубствованныхъ*. «Онъ «пропощипъ Чайльдъ Гарольда и многочисленныхъ «его потомковъ.» Вызываю цѣлый міръ сказать что нибудь болѣе несправедливое! Адольфъ пропощипъ, то есть первообразъ Чайльдъ Гарольда! Не возмущается-ли тѣнь Байрона при эсихъ словахъ? Нѣтъ, потому что невѣрность этого положенія слишкомъ явна и хронологически и эстетически. Того, что *Адольфъ* вѣрно изображаетъ собою современное состояніе сердца человѣческаго, даже не должно ставить въ достоинство Автору, ибо что-жь такое былъ-бы романъ его безъ этого? И Адольфъ и Чайльдъ Гарольдъ современники наши, но они такъ-же разнo выражаютъ свой вѣкъ, какъ Французскій солдашъ 1799-го года и Наполеонъ выражали состояніе Франціи своего времени. Чайльдъ Гарольдъ высшее выраженіе онаго, сосредоточенные лучи, распопляющіе всякую бронзу сердца, картина великаго художника, а романъ Б. Коншановъ вѣрный списокъ съ невымышленной сцены свѣша—не болѣе. Въ эшомъ его достоинство и не-

доспашокъ ; отъ шого онъ и разителень и холо-
денъ. Не ужасайтесь сего послѣдняго эпитета:
холодъ *Адольфа* принадлежишь не Авшору , а на-
шему вѣку и слѣдственно намъ самимъ. *Адольфъ* не
созданіе , а изображеніе ; это портретъ Рембран-
товъ , глядя на который мы говоримъ : « Да , да !
это онъ ! » хотя не знаемъ , кто былъ этошь са-
новившій бургеръ какого нибудь Голландскаго го-
родка. Но , конечно не Рембрантъ виновать , что
въ лицѣ этого челоука не было поэшическаго вы-
раженія. Такъ и Б. Коншанъ : списалъ что было у
него передъ глазами. И вошь почему онъ справед-
ливо дивился , что въ этомъ изображеніи видѣли не
шо , что хотѣлъ онъ выразить. Его картина есть
настоящая картина нравовъ, tableau des mœurs , ра-
зумѣется сполько-же отличная отъ *Нравовъ* на-
шихъ Журналовъ , сколько отлична *Cinq-Mars* или
Notre-Dame de Paris отъ *Юрія Милославскаго* и *Ро-
славлева*. Князь Вяземскій , въ Предисловіи своемъ ,
очень удачно выразилъ , почему и въ чемъ *Адольфъ*
есть изображеніе совершенно современное. Это
мѣсто его Предисловія достойно замѣчанія. Во
всемъ другомъ мы должны-бъ были оспоривать его ,
ибо не можемъ согласиться съ его мнѣніями ; но
пора къ дѣлу главному : къ самому переводу.

« Слогъ Б. Коншана есть вертъ искусства , или
« лучше сказать природы , » говоритъ Г. Перевод-
чикъ. Хотя мы и невольно понимаемъ , что зна-
чиль *вертъ природы* , но изъ слѣдующаго дайте в-
идимъ , что Г. Переводчикъ почтшася слогъ Б. Кон-
шана совершенствомъ , шакъ , что малѣйшее « он-

« ступленіе ошъ выраженій Автора , часто ошъ « самой симметріи словъ , » казались ему « пропущеннымъ естественнымъ измѣненіемъ мысли Авторовой. » Не беремса судить о слогѣ Б. Констанана. Впрочемъ , самые знающіе критики Французскіе находятъ слогъ его прекраснымъ , хотя и не называютъ совершенствомъ. Фелезъ строго критикуетъ слогъ этого самаго *Адольфа* , и особенно странность нѣкоторыхъ выраженій , подобныхъ слѣдующему: « Je pensais faire le tour de son caractère et de son esprit. » Какъ-бы шо ни было , но никогда не должно увлекаться излишнимъ пристрастіемъ къ слогу переводимаго Автора ; по крайней мѣрѣ не должно впадать въ такое дѣтское подобострашіе , какимъ ознаменованъ переводъ Кн. Вяземскаго. Я увѣренъ однакожь , что этому переводу всего болѣе повредило слишкомъ высокое мнѣніе Переводчика о своемъ трудѣ. Не воздержусь : напишу нѣсколько строкъ изъ *Посвященія* Ал. Серг. Пушкину. « Мы такъ часто говорили съ тобою » (пишетъ Переводчикъ къ А. С. Пушкину) « о происхожденіи творенія сего , что , принявшись переводить его на досугъ въ деревнѣ , мысленно относился я къ суду твоему ; въ борьбѣ , иногда довольно трудной , мысленно вопрошалъ я себя , какъ другую совѣсть ; призывалъ въ аренахъ свои « и Баратынскаго , подвергалъ вамъ свои сомнѣнія « и запросы , я руководствовался угадываніемъ вашего рѣшенія. » Подумаете , право , что Г. Переводчикъ собирается на Геркулесовскій подвигъ , запасаясь не только собственными силами , но одушевляясь и волшебною силою именъ своихъ пріятелей!

Но прежде нежели взглянемъ на подвиги этого союза новаго рода , замѣшимъ еще слѣдующее.

Даже смѣшно , въ переводѣ небольшого романа , анекдота , видѣшь какой-то шагъ къ преобразованію , эпоху , ибо не лзя думатьъ чшобы книжка въ десять листовъ могла сдѣлать эпоху въ языкѣ. Труды цѣлой жизни *одного* писателя не сдѣлають этого , а не только одна брошюрка. Еще болѣе : если писатель самъ пишетъ не въ духѣ своего времени , то ни сколько не удастся ему подвинуть впередъ языкъ. Противное сему понятіе достойно времени *Бѣдной Лизы* , а не нашего. Самъ Карамзинъ былъ не какая нибудь выскочка ; онъ шелъ не на перекоръ вкусу своего времени. Тогда всѣ писали его слогомъ ; только никто не имѣлъ его дарованія. Но Переводчикъ Адольфа говоришь такъ , какъ будто всѣ писатели Русскіе заблуждаются , и онъ первый хочешь показашъ имъ прямой путь. Слова его , что онъ хошѣлъ *изугивать , ощупывать языкъ нашъ , производить надъ нимъ попытки , если не пытки , и вывѣдать , сколько можетъ онъ приблизиться къ языку иностранному* , показывають , что онъ считаешь нашъ языкъ такъ-же мало обработаннымъ , какъ Остяцкій или Чулашскій , на которыхъ еще не бывало переводовъ ; что онъ хочешь бышь Петромъ Великимъ Русскаго языка , создать его " подарить намъ въ видѣ Минервы , взрослой при рожденіи. Благодаримъ за трудъ , но смѣемъ увѣришь Г-на Переводчика , что его предпріятіе похоже на зашѣи алхимиковъ. Человѣкъ не въ силахъ создать ни языка , ни золота : языкъ имѣеть свою

лабораторію въ духъ времени и въ обстоятель-
ствахъ, шакъ-же какъ золото, для кошораго воз-
двигнушы цѣлыя хребты минеральныхъ громадъ;
передъ ними, алхимическіе горшки значашъ не-
болѣе усилій единицы-человѣка. Переводы Карамзи-
на и Жуковскаго, говоряшъ намъ еще, «не отзы-
ваются почвою и климатомъ родины.» Какое спро-
гое осужденіе! И какая несправедливость! Пере-
воды Карамзина даже не могутъ быть ставимы въ
рядъ съ переводами Жуковскаго: первый всегда
шолько *подражалъ* переводимому Авшору, а вто-
рой *переводилъ*. Правда, что и Жуковскій иногда
исключалъ, передѣлывалъ фразы и даже цѣлыя стра-
ницы подлинниковъ, но онъ имѣлъ на это свои
причины. Въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ онъ перево-
дилъ безъ измѣненій, его переводы можно назвашъ
превосходными, ибо совершенства нѣтъ въ мірѣ.
Чего-же еще хотѣлъ Кн. Вяземскій? Какихъ попы-
токъ? «Я хотѣлъ испытать,» говоритъ онъ,
«можно-ли, не насильствуя природы нашей, со-
хранить въ переселеніи запахъ, опызывъ чужбины,
«какое-то *областное выраженіе*.» А я право не по-
нимаю, что разумѣешь здѣсь новый Переводчикъ!
У насъ есть переводы почти буквальные, и вмѣ-
стѣ съ тѣмъ прекрасные: шаковы, напримѣръ, пе-
реводы нѣсколькихъ липштерашоровъ, помѣщавшихъ
чужеземныя повѣсти въ Сынѣ Отечества. Эти пе-
реводы гораздо ближе къ подлинникамъ, нежели
переводъ, размашриваемый нами. Я готовъ под-
твердить это примѣрами. Даже переводъ *Адольфа*,
помѣщенный въ Телеграфѣ, ближе къ подлиннику
нежели переводъ Кн. Вяземскаго, и, кажется,

ближе не одною буквальностью: говорю это не за-
пинаясь, ибо вся рецензія наша показываетъ, что
въ ней нѣтъ мѣста личностямъ и придиркамъ са-
молюбія; говорю потому, что почитаю это спра-
ведливымъ.

Если я не ошибаюсь, то новый Переводчикъ хо-
тѣлъ показать своимъ переводомъ, что Русскій языкъ
способенъ передавать всё тонкости, всю гибкость,
весь блескъ Французскихъ выраженій; что надобно
только умѣть властвовать своимъ языкомъ, и красота
чуждыя переселятся въ нашу почву. Онъ полагалъ,
что наши переводчики не довольно знакомы съ бо-
гашствомъ и пособіями ошечественными, и отъ
того у нихъ какъ-бы не достаешь выраженій для
передачи всего щегольства, всей красоты гладкихъ,
чистыхъ и свѣжыхъ Французскихъ словозвучій...
Кажется, такая была мысль Переводчика? Но,
не ясно-ли, что здѣсь виноваты Русскіе перевод-
чики не передъ системою, а передъ вкусомъ, передъ
знаніемъ, то есть, что не система ихъ ложна, а
недостаточны ихъ дарованіе и пособія слова? Го-
воря другими словами: Кн. Вяземскій объявляетъ
только о томъ, что онъ превзойдетъ ихъ дарова-
ніемъ и знаніями, ибо мы уже показали, что у ве-
го нѣтъ никакой новой системы перевода, и что
на Русскомъ есть переводы, еще болѣе его пере-
вода буквальные, сохраняющіе и *звукъ*, и *свѣжесть*
родины, и *отзвукъ поговю и климатомъ*. Не слыш-
комъ-ли много съ его споры?... И къ чему та-
кая самоувѣренность и такое презрѣніе къ трудамъ
предшественниковъ? Не знаю, но по крайней мѣ-
рѣ странно, что всё эти сборы, всё великолѣп-

ныя обѣщанія, призываніе Пушкина и Барашинскаго, осужденіе всѣхъ предшественниковъ Переводчика, трибуналы, ареонаги, и проч., изъ чего? Для какого великаго событія? Для того чтобы перевести книжечку въ 10 листовъ! А что-же скажешь, когда еще она переведена болѣе нежели посредственно? Мы не любимъ утверждать что-либо безъ доказательствъ, и потому приведемъ нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ читатели наши увидяшь справедливостъ вышесказаннаго, и сверхъ того изумятся еще одному обстоятельству. Вотъ въ чемъ дѣло.

Г. Переводчикъ давно выѣзъ несчастную мысль, что въ Русскихъ писателяхъ пропала вѣка заключается богатство нашего языка. Онъ любилъ, изучалъ ихъ, восхищался ими; не одинъ разъ и писалъ онъ, въ Журналахъ и Альманахахъ, о ихъ сладкозвучіи. Наволнившись этою системою, онъ давно желалъ показать истинное богатство Русскаго языка — и теперь показалъ его, въ своемъ переводѣ!... Вотъ отъ чего и порицаніе, падшее на прежнихъ переводчиковъ, не пользовавшихся красочами слога Елагина, Сумарокова, Ф. Эмина, и прочихъ писателей прошедшаго столѣтія! Вотъ отъ чего и самонадѣянность, съ какою новый Переводчикъ думалъ показать первый примѣръ истиннаго перевода, что высказалъ онъ такъ скромно въ своемъ Предисловіи! Вотъ и *система*, которую просилъ онъ судить, и осуждать, если угодно, давая разумѣть напередъ, что онъ не согласится съ осужденіемъ. Вольному воля, но признаюсь, что я

никогда не повѣрю, чтобы ктонибудь сказалъ, что слѣдующіе за симъ примѣры хороши.

Каково, напримѣръ, изъясненіе пламеннаго любовника: «*Не прихожу прекословишь приговору, ва-«ми произнесенному; не прихожу отречься отъ «признанія, которое могло васъ обидѣть: напра-«сно хотѣлъ-бы я того. Любовь, вами отвергае-«мая, несокрушима. Самое напряженіе, которымъ «одолеваю себя, чтобы говорить съ вами нѣсколь-«ко спокойно, есть свидѣтельство силы чувства, «для васъ оскорбительнаго.»* Не правда-ли, что это похоже не на разговорный языкъ человѣка свѣтскаго, волнуемаго чувствомъ, а на книжный языкъ какогонибудь престолюдина, начивавшагося спарыхъ романовъ? Многимъ-ли разнится этошъ языкъ отъ языка *Маркиза Г****? Такова-то система новаго Переводчика. *Областное выраженіе*, котораго искалъ и желалъ онъ, есть въ переводѣ его; но это выраженіе области не Б. Констанана, а покойнаго старика А. П. Сумарокова. Пламенный, глубокий, краснорѣчивый Б. Констанъ говоритъ по-Русски какимъ-то ломанымъ языкомъ, на который наведенъ лакъ Сумароковскаго времени. Вотъ еще примѣръ: «*Такимъ поведеніемъ я распустилъ о се-«бѣ славу человѣка легкомысленнаго, насмѣшлива-«го и злобнаго. Мои ѣдкіе отзвывы пошли за свидѣ-«тельство души ненавистливой; мои шутки за пре-«супленія, посягающія на все, что есть почтен-«наго. Люди, предъ коими провинился я, насмѣха-«ясь надъ ними, нашли удобнымъ вооружиться за «одно съ правилами, которыя, по ихъ словамъ, я «подвергалъ сомнѣнію: и пошому что мнѣ удалось*

«нехотя позабавишь ихъ другъ надъ другомъ, они «всѣ соединились прошивъ меня.» А какова слѣдующая фраза: «Я долго продолжалъ такимъ образомъ, «опровергая всѣ возраженія, пересчитывая тысящю «средствъ всѣ сужденія, ходатайствующія въ мою «пользу.» Признаюсь, я не нахожу шущь никакого смысла. Но справнѣе всего, что Переводчикъ во многихъ мѣстахъ не понималъ подлинника, и пошому спавилъ слова на удачу, и впадалъ въ смѣшныя ошибки. Вошь доказательство. «Вижу васъ и дышу «свободно, созерцаю васъ и оспанавливаюсь, какъ «бѣглець, кошорый коснулся до благодѣтельной по- «вы, спасающей его ошь смерти.» То-ли въ подлинникъ: «Je vous vois et je respire, et je vous contemple et je m'arrête, comme le fugitif qui touche au sol protecteur qui doit le garantir de la mort.» То есть: «Вижу васъ и дышу свободнѣе; вглядываюсь въ васъ и оспанавливаюсь, какъ бѣглець, касающійся покровишельной земли, кошорая должна защишить его ошь смерти.» — Еще примѣръ: «Ея заботливое *сердоболіе* размножало ея услуги (спр. 96).» Въ подлинникъ: «Son ingénieuse bonté multipliait ses facultés.» То есть: «Ея высокая доброта умножала ея способности, или средства.»— «Она всѣмъ мнѣ пожершвовала: *фортуною, дѣшми, доброю славою.*» Неужели въ трибуналѣ Пушкина и Барашынского рѣшено переводить Французское слово *fortune* такимъ образомъ? Вошь новое доказательство, что рѣшенія судилищъ бывающъ иногда несправедливы. Но Переводчикъ вездѣ въ книгѣ своей писалъ *фортуна*. Наприм., спр. 116-я: Онъ предлагалъ ей половину *фортуны* своей. — Спр. 122-я: Она обез-

печивала судьбу дѣшей своихъ большою *фортуною*. Подлинно оригинальный способъ выраженія! Переводчикъ увѣряетъ, что онъ избѣгалъ галлицизмовъ: читатели довольно видѣли ихъ въ приведенныхъ нами примѣрахъ. Вотъ еще примѣръ: «Какъ *гореть сія*, которую мнѣ ставяшь шеперь въ преступленіе, потому что *источникъ ея* невѣдомъ, быстро *убѣжала-бы* отъ меня.» Не обращаемъ уже вниманія на мѣлкіе грѣхи противъ Грамматики, подобныя слѣдующимъ: «*Распекатывал* письмо, *трелеталъ*, *вообразилъ*.» — Иногда сладостныхъ, но никогда совершенно свободныхъ — «небреженіе добродѣтели» — вмѣсто: *о добродѣтели*, и проч. и проч. Нѣтъ! Пересподъ Кн. Вяземскаго не хорошъ: шпатель, невѣренъ, писанъ дурнымъ слогомъ. Но если именитый писатель, на образецъ, *на отлику* переводитъ такъ, то какъ-же должны переводить дюжинныя предлагатели всякой всячины иноземной? И къ кому должно быть строже: къ намъ-ли, или къ Кн. Вяземскому?

Ксенавія или не читавши, я вспомнилъ мысль одного известнаго писателя. Вотъ она: «Есть люди, въ успахъ конхъ высонія мысли и думы — смѣшны; такимъ людямъ надобно запрещати даже выговаривать слово: *любовь*, ибо оно есть символъ Божеспенный; люди сіи мощунствуютъ надъ нимъ, и тогда какъ они волочатся за женщиною, и тогда какъ, обвиняя своимъ слухомъ земнымъ понятіемъ Божешвенное, кохлятъ выразити его на бумагѣ.» Неужели это романъ В. Кохшавовъ.....?

— *Дотерте*, или собраніе новѣйшихъ романовъ, балладъ и пѣсень известнѣйшихъ и любимыхъ Рус-

скихъ Поэтовъ. М. Въ ш. Лазаревыхъ Института
1831, 185 стр. in-16.

— *Пѣсенникъ для дамскаго ридикюля и туалета.*
Собраніе романсовъ и пѣсень. М. Въ ш. Лазаревыхъ
Института. 1831, 137 стр. in-16.

Объ сіи книжки одинаково безтолково составле-
ны и дурно изданы. Простодушныя компляціи,
извѣстныя у насъ съ давнихъ лѣтъ подъ названіемъ
Пѣсенниковъ, оплечающагося оныя нѣтъ только тѣмъ,
что оныя полныя. Впрочемъ, нынѣшнія компляціи
новѣе содержаніемъ, но есть въ нихъ есть пѣсни
Гг. Пушкина, Баратынскаго, Писарева, М. Дми-
тріева, Аксакова, и прочихъ, здравствующихъ,
или еще недавно скончавшихся писателей.

— *Система Логикъ.* Сочиненіе Фридриха Бахма-
на. Переводъ съ Нѣмецкаго. Часть первая. СПб. Въ
ш. К. Крайя 1831. X и 328 стр. in-8.

Явленіе, достойное радостью всѣхъ любящихъ ис-
спытывать познанія! Бахманъ принадлежитъ къ числу
оплечивѣйшихъ мыслителей Германскихъ. Одно изъ
лучшихъ произведеній его, *Система Логикъ*, изда-
на имъ въ 1828-мъ году, въ одномъ томошномъ то-
мѣ, который Авторъ раздѣлялъ на *Основное ученіе*,
на *Систематику* или *Архитектонику*, обыкновенно
именуемую *Методологию*, и наконецъ, на
Исторію Логикъ. На Русскомъ языкѣ нынѣ издава
первая часть: *Основное ученіе*. Обращая на нее
вниманіе читателей нашихъ, ожидаемъ появленія
слѣдующихъ частей перевода Русскаго, который
хорошъ и выполненъ съ знаніемъ дѣла.

— *Ueber die Verhütung und Heilung der herrschenden asiati-
schen Cholera. Für Nichtärzte. Von Dr. J. K. Lichtenstädt, etc.*

(О-предохраненіи себя отъ господствующей Азіатской Холеры и о леченіи оной. Для не-врачей, сочиненіе Докш. Лихтеншшедта). СПб. Въ ш. Край. 1831. 35 стр. in-8.

— *Историческія Записки Сибиряка о свирѣпствовавшей въ древней Столицѣ Москвѣ болѣзни Холерѣ, съ Сентября 1830 года, основанныя на оффиціальныхъ извѣстіяхъ и достоверныхъ свидѣтельствъ* 2 Часши. М. 1831. Въ ш. Селивановскаго. 89 и 128 стр. in-8.

— *Замѣчанія о Холерѣ, поразившей Астрахань въ Іюль 1830 года. Шшабъ-Дѣкаря Соломона, изданныя Медицинскимъ Совѣщомъ.* М. Въ Университетской ш. 1831. 47 стр. in-12.

О сихъ шрехъ книгахъ можешъ судишь вслѣдїи, не бывши медикомъ, пошому что первая по назначенію самого Авшора предлагаешся *не-врагамъ*, вторая писана *не-врагемъ*, а шрешья въ основаніи своемъ прошиворѣчишь рѣшенію, приняшому въ двухъ величайшихъ Имперіяхъ: Россіи и Авшпріи, гдѣ Холера признана незаразительною, шогда какъ Г. Соломонъ ушверждаетъ, что она заразительна. Г. Лихтеншшедтъ держишь одного мнѣнія съ Г-мъ Соломономъ. Такъ иногда люди ндушъ прошив очевидности!... Касашельно леченія, предлагаемаго обоими сими медиками, мы не смѣемъ говоришь ничего. Эшо дѣло людей, не шолько занимающихся Медициною, но и пракшически знающихъ леченіе Холеры.

— *Расшсленіе процентовъ по билетамъ Государственнаго Казнагейства, составленное Николаемъ Терлецкимъ.* СПб. Въ ш. Крайя. 1831. 6 стр. in-4

Таблицы, въ коихъ исчислены проценшы, по билетамъ Государственнаго Казначейства, на суммы отъ 250 р. до 125 тысячъ р., и на время отъ одного до 12-ти мѣсяцевъ.

— *Новые разговоры Французскіе, Нѣмецкіе и Россійскіе*, раздѣленные на 124 урока; въ пользу юношества и всѣхъ начинающихъ обучаться симъ языкамъ, изданные Яковомъ Лангенымъ. СПб. Въ ш. Плюшара. 1831. 291 стр. in-8.

— *Новые разговоры Французскіе и Россійскіе*, раздѣленные на 150 уроковъ, для употребленія юношества и всѣхъ начинающихъ обучаться симъ языкамъ, по образцу Валентина Мейдингера изданные. М. Въ т. Н. Снепанова. 1831. 367 стр. in-12.

Видно, что книги сего рода, не смотря на ихъ бесполезность, раскупаются! Вотъ еще два собранія разговоровъ. Что скажешь о нихъ? Книги сего рода составляются у насъ по извѣстнымъ формуламъ, такъ что всѣ различные Разговоры, собственно суть одна книга, съ нѣкоторыми прибавками или убавками. Въ нихъ обыкновенно перепечашываются одни и тѣ-же выраженія, всего чаще нелѣпыя, пошлыя, и дурно выраженныя. Даже заглавія сихъ книгъ мало различествуютъ между собой. Напримѣръ, уже сколько разъ мы замѣчали, что *Россійскаго* языка нѣтъ на свѣтѣ, а есть языкъ Русскій — но вотъ вновь двѣ книги съ *Россійскимъ* языкомъ! И подлинно шумъ *Россійскій*, а не Русскій языкъ!

О Т Ч Е Т Ъ

ПО УПРАВЛЕНІЮ НАРОДНЫМЪ ПРОСВѢЩЕНІЕМЪ ВО
ФРАНЦІИ.

(Окончаніе).

На 4-й вопросъ: « Какъ управляюся вообще Коллегиумы и Университеты, и на чемъ основаны содержаніе, опчетность и сѣна Профессоровъ? »

Сей вопросъ вообще многообразенъ, и отвѣтъ на разныя его части долженъ быть сдѣланъ опредѣлительно.

§ 1. *Общее управленіе Коллегиумовъ.*

Надобно знашь различіе между *Королевскими* и *Городовыми* Коллегиумами.

Въ каждомъ *Королевскомъ* Коллегиумѣ есть начальникъ, называемый: *Провизоръ* (proviseur), и при немъ еще чиновникъ, называемый: *Цензоръ учения* (censeur des études), обязанность коего, подѣ надзоромъ Провизора, наблюдать за поведеніемъ, нравственностью, занятіями и успѣхами учениковъ. Особый чиновникъ, называемый *экономомъ* (économе), смотритъ за приходами и расходами денежныхъ суммъ. Духовная особа (aumônier) опредѣляется къ надзору за вѣсѣмъ, относящимся къ религіи.

Во всѣхъ Королевскихъ Коллегіумахъ естѣ ученики *воспитанники* (*pensionnaires*) и ученики *приходящіе* (*externes*); изъ сего должно исключить: *Коллегіумъ Карла Великаго* и *Коллегіумъ Бурбонскій*, въ Парижѣ, въ коихъ шолько одни *приходящіе*.

Воспитанники раздѣляются на *вольныхъ* (*libres*) и *бурсаковъ* (*boursiers*); вольные суть шѣ, за коихъ плащяшъ родители, или родственники; бурсаками называющъ шѣхъ, за коихъ плаща, вся сполна, или опчасти, взносится *Правительствомъ*, или городскими обществами.

Приходящіе ученики суть дѣши, воспитываемые дома, или учащіеся въ *Институтахъ* и *Пансіонахъ*, и *приходящіе* въ классы *Коллегіума*. Сии учащіеся плащяшъ *Коллегіумамъ* издержки ученія, называемыя *налогомъ Коллегіумовъ* (*rétribution collégiale*). Не должно смѣшивать сего налога съ *Университетскимъ*, о кошоромъ было говорено въ опшѣ на 1-й вопросъ.

Доходы *Коллегіумовъ* составляются:

1, Изъ суммъ, отпускаемыхъ *Правительствомъ*, для *непремѣннаго содержанія* (*traitement fixe*) *Провизорамъ*, *Цензорамъ*, *духовной особѣ*, *Эконому* и *Профессорамъ*.

2, Изъ плащы за *воспитанниковъ*, *вольныхъ* и *бурсаковъ*, *содержимыхъ государствомъ*, или *городскими обществами*.

3, Изъ налога *Коллегіумовъ*, плащимаго *приходящими учениками*.

Октябрь 1834.

4, Изъ доходовъ съ разныхъ ивъній, принадлежащихъ Коллегіумахъ.

Расходы Коллегіумовъ суть :

1, *Непремѣнное содержаніе* всѣхъ выше сего означенныхъ чиновниковъ и учащихъ.

2, *Содержаніе оныхъ неопредѣленное (éventuel), или прибавка къ опредѣленному содержанію (supplément de traitement)*, полагаемая нѣкоторымъ изъ нихъ. Она опредѣляется сложностью платы за учениковъ, и основывается на излишкѣ (les boni) доходовъ противъ расходовъ по каждому Коллегіуму. Если-же нѣтъ излишковъ, то ее платять изъ общихъ фондовъ университета.

3, *Содержаніе учителей (des maîtres d'études)*.

4, *Содержаніе и лица воспитанниковъ.*

5, *Опредѣленное содержаніе* нѣсколькихъ Профессоровъ, не получающихъ онаго отъ государства, какъ-то : Профессоровъ Исторіи во многихъ департаментальныхъ Коллегіумахъ, также Профессоровъ Естественнаго, живыхъ языковъ, и проч.

6, *Различныя небольшія издержки*, какъ-то : покупка и содержаніе физическихъ инструментовъ, книгъ, и ш. п., малыя поправки зданій, и проч. — Помѣщеніе-же и значительныя въ ономъ переправки производятся городами, гдѣ находятся Королевскіе Коллегіумы. Остающіеся излишки (les boni) Коллегіумныя, и вычтены изъ расхода, означеннаго выше сего во 2-й сшашъ, упощребляются Коллегіумами на приобрѣтеніе билетовъ государственныхъ, доходъ приносящихъ. Многіе изъ сихъ учеб-

ныхъ заведеній имѣютъ оныхъ на весьма значительныя суммы. Коллегіумы могутъ также принимать всякія приношенія, вклады по духовнымъ, покупать, продавать имѣнія, и проч., съ позволенія Правительства. Ихъ суммы отдѣлены и независимы отъ суммъ Университетскихъ, и еще болѣе отъ суммъ Государственнаго Казначейства (объ Университетскихъ казначействахъ, см. далѣе, § 3).

Коллегіумы *Городовыя* содержатся на счетъ городскихыхъ обществъ. Ихъ денежное управленіе бываетъ различно. Вообще, *воспитанники* содержатся въ пользу начальника Коллегіума, называемаго *Главнымъ* (principal). Съ *приходящихъ* учениковъ городъ собираетъ плату, служащую отчасти жалованьемъ Профессорамъ, называемымъ *Управляющими* (régens); дополненіе необходимой для сего суммы взимается изъ городскихыхъ доходовъ. Городъ даетъ и поддерживаетъ помѣщеніе Коллегіума.

§ II. Управленіе Университетское.

Здѣсь прилично объяснить Университетское образованіе во Франціи.

Университетомъ называется все *сбсловіе*, или корпусъ, *указанныхъ*.

Всѣ принадлежащія къ нему бывають двухъ родовъ: одни *преподаютъ* ученіе: это *Профессоры*; другіе *управляютъ* онымъ и наблюдаютъ надъ нимъ. Это суть: *Министръ народнаго просвѣщенія*, *Университетскіе Святники*, *Генераль-Инспекторы*, *Ректоры* и *Инспекторы Академій*.

О Профессорахъ говорено выше ; впоследствии предложимъ мы еще нѣсколько подробностей. Здѣсь полагается нужнымъ объяснить значеніе чиновниковъ , наблюдающихъ и управляющихъ.

Министръ есть государственная особа , соединяющая въ себѣ всѣ должности , которыя по уставамъ Университетскимъ доверяются *Великому магистру Университета* (*grand maître de l'Université*). Во всемъ , что касается администраціи , Министръ рѣшаетъ по своему усмотрѣнію , и подъ своею отвѣтственностію , одобравъ предварительно уведомленіе ошъ Университетскаго Совѣща. Онъ управляетъ и самымъ ученіемъ въ случаяхъ неважныхъ ; но онъ не можешь никого ни смѣнить , ни исключить изъ списка учащихъ членовъ Университета , ш. е. лишишь кого либо его Профессорскаго достоинства. Это опредѣляется только *Университетскимъ Советомъ* , который дѣйствуетъ въ семъ случаѣ , какъ настоящее судебное мѣсто.

Изъ сего ясно , что Совѣщъ Университета занимаетъ двѣ должности. Онъ *совѣщательное* мѣсто въ дѣлахъ управленія , и *судебное* въ дѣлахъ ученія. Онъ завѣдуетъ въ первомъ отношеніи всеми дѣлами общности Университетской , исключая переходящихъ въ Государственный Совѣтъ. Сей переходъ допускается и въ дѣлахъ до ученія касающихся , но тогда только , когда по суду полагается рѣшительное исключеніе подсудимаго. Такое наказаніе весьма необыкновенно : членъ , ему подвергнувшійся , не только исключается изъ корпуса учащихъ , но объявляется неспособнымъ къ занятію и всякой

другой, публичной должности. Университетскія сужденія, опредѣляющія смѣну, или исключеніе, читаются въ публичномъ засѣданіи Королевскаго Суда (la Cour royale). Вообще однакожь, все, что относится къ суду и наказанію Университетскому, не опредѣлено донинѣ почнымъ образомъ. Исправленіе и дополненіе законовъ по сей часши необходимо.

Полагають, что всего-бы лучше было распространить и на сужденія Университетскія суды Присяжныхъ. Присяжные выбираются должны, разумѣется, изъ членовъ Университета.

Университетскіе Совѣтники назначаются на всю жизнь. Важный вопросъ: полезно-ли пожизненное ихъ назначеніе, и не лучше-ли будетъ выбирать ихъ на время, изъ Профессоровъ Факультетскихъ? Справедливо опасаются, что всякій совѣтъ, или мѣсто, въ которомъ члены безсмѣнны, должны отставать отъ общихъ требованій, и едва-ли по мѣсто, въ коемъ члены повременно смѣняются, не лучше можетъ слѣдовать за мнѣніемъ общественнымъ и за успѣхами человеческого ума.

Генераль-Инспекторы Университетскіе обязаны обзрѣвать по мѣстамъ разныя Академіи. Они осматриваютъ Факультеты, Королевскіе Коллеіумы, и нѣкоторыя другія Университетскія заведенія. Не рѣдко возставали противъ учрежденія Генераль-Инспекторовъ, утверждая бесполезность ихъ. Кажется, что это несправедливо. По донесеніямъ Генераль-Инспекторовъ центральное управленіе Университетское открываетъ множество злоупо-

шребленій , которыя безъ того оставались-бы ему неизвѣстны.

Вся Франція дѣлится на 27 *Академій*. Ихъ столько-же , сколько и Королевскихъ Судовъ. Каждою Академію управляетъ *Ректоръ* , вспомошествоваемый *Академическими Инспекторами*. Сихъ Инспекторовъ обыкновенно бываетъ въ каждой Академіи по два ; въ Страсбургской и Реннской (Rennes) ихъ по три , а въ Парижской восемь. Ректоръ и Инспекторы его надзирають надъ всеми учебными заведеніями въ своей Академической округѣ , какъ надъ высшими , такъ и надъ низшими , включая сюда Ииспитумы и Пансіоны , т. е. учебныя заведенія , содержиыя частными людьми. Они обзрѣваютъ всѣ заведенія , экзаменуютъ учащихся , дабы утѣришься въ ихъ успѣхахъ , и смотрятъ за всѣмъ , что касается ученія и нравственности. Они обзрѣваютъ также и главнѣйшія Первоначальныя училища.

Въ каждой Академіи находится *Академическій Совѣтъ* , составленный изъ Ректора , Инспекторовъ , и нѣкотораго числа другихъ Членовъ , назначаемыхъ Министромъ , изъ числа членовъ Университетскихъ , и изъ значительныхъ мѣстныхъ жителей. Академическій Совѣтъ разсуждаетъ о всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ по управленію въ округѣ Академической. Онъ представляетъ о дѣлахъ по ученію , относительно всѣхъ Университетскихъ членовъ. Во сіи дѣла , какъ выше объяснено , судятся Университетскимъ Совѣтомъ . Наконецъ , въ нѣкоторыхъ случаяхъ , Совѣтъ Академическій судитъ дѣла по

ученію, относительно учащихся въ Факультетахъ ; въ другихъ же, онъ только представляешь, и сужденіе производится Университетскимъ Совѣтомъ.

Таково, вкратцѣ, образованіе *управляющей* части Университетской.

§ III. Жалованье, контроль, перемѣщеніе.

Выше сего объяснено, какъ производится плата жалованья *Профессорамъ* Королевскихъ Коллегіумовъ и *Управляющимъ* Городскими Коллегіумами.

Профессоры Факультетовъ получаютъ отъ Университета определенное жалованье ; кромѣ того имъ дается содержаніе *неопредѣленное*, состоящее въ платѣ за присутствіе ихъ на экзаменахъ и диспутахъ учащихся.

Слѣдственно, есть разница между определеннымъ жалованьемъ Профессоровъ въ Королевскихъ Коллегіумахъ, и определеннымъ жалованьемъ Профессоровъ въ Факультетахъ. Первые получаютъ его изъ Государственнаго Казначейства, а вторые изъ частныхъ Университетскихъ капиталовъ. Сія частныя капиталы, изъ коихъ производится жалованье и по управляющей части Университета, состоятъ изъ принадлежащихъ Университету доходовъ съ государственныхъ билетовъ, изъ налога Университетскаго, издержекъ, какія падаютъ на учащихся въ Факультетахъ, и нѣкоторыхъ другихъ отраслей дохода, менѣе значительныхъ. Но мы полагаемъ, что подробное объясненіе различія между фондами

университетскими и суммами, употребляемыми изъ государственной казны, не можешь быть занима-тельно для члшашелей, особенно иностранныхъ. Теперь вообще желаюшь во Франціи того, чтобы сословіе учащихъ имѣло достаточное содержаніе, по всѣмъ онаго степенямъ, и чтобы это было вво-димо въ государственный бюджетъ, разсмашриваемый объими Палашами, Депушатовъ и Перовъ, при-чемъ и отчеты были-бы ими повѣряемы. Сямъ сред-ствомъ, говоряшь, всего легче сохранишь выгоды независимости и законной отчетности по Универ-ситетскому Корпусу. Другіе думающъ еще, что учащіе не должны имѣть никакихъ частныхъ кассъ, ибо это производишь неравенство въ распредѣ-леніи плашы. Вопросъ довольно трудный.

Контроль Профессоровъ по ученію состоишь въ надзорѣ Университета, и въ мѣрахъ, какія можешь онъ взять при неблагопріятныхъ, замѣченныхъ имъ, случаяхъ.

Профессоръ не можешь быть, какъ выше сказа-но, ни смѣненъ, ни исключенъ безъ суда.

Профессоры Королевскихъ, Коллегіумовъ, и Упра-вляющіе въ Коллегіумахъ Городскихъ, могутъ одна-кожь быть, но вошь Университетскаго Правитель-ства, переводимы изъ одного Коллегіума въ дру-гой. Для сего достаточнo приказанія Министра, при чемъ прсбуется однакожь предварительное со-гласіе шрехъ Членовъ Университетскаго Совѣща. — Полагаютъ, что сіе поспановленіе надобно-бы уничшожить, и безъ согласія самого переводимаго,

или безъ суда, не переводить изъ одного мѣста въ другое, ни Профессоровъ, ни Управляющихъ.

На 5-й вопросъ: «Какая ошчешность Профессоровъ по ученію? Свободенъ-ли имъ входъ въ Музеи и Библіотеки?»

На первое, отвѣтъ заключается въ предшествовавшихъ и послѣдующихъ нашихъ отвѣтахъ. — Касательно Музеевъ и Библіотекъ, должно замѣтить, что доступъ въ оныя весьма легко, какъ учащему, такъ и всякому другому.

На 6-й вопросъ: «Какіе предметы ученія въ Коллегіумахъ? На чемъ основаны экзамены, награды и наказанія учениковъ?»

Въ отвѣтъ на 1-й вопросъ уже изложено, какіе суть главные предметы ученія въ Коллегіумахъ, Здѣсь предлагаемъ мы только дополнительныя свѣдѣнія. Предположимъ, что ученикъ девятилѣтній вступаетъ въ Коллегіумъ, что онъ умѣетъ читать и писать правильно, и знаетъ основанія Французской Грамматики. Послѣдуемъ за курсомъ ученія его, предположивъ въ учащемся понятія обыкновенныя.

Два года проведетъ ученикъ въ Классахъ, называемыхъ *основными* (*élémentaires*). Тутъ учится онъ Лашинской Грамматики и Географіи. Его заставляють переводить Лашинскихъ легкихъ писателей, и составлять шемы.

Одиннадцати лѣтъ переходить онъ въ *Грамматическіе* Классы (*de grammaire*). Это суть шестой, пятый и четвертый. Въ каждомъ ученикъ прово-

двѣ по одному году. Онъ продолжаетъ Латинскій языкъ, учится Латинской просодіи; его заставляють писать — *Латинскіе стихи*. Ему преподають Греческую Грамматику. Въ четвертомъ Классѣ изъясняють онъ Ксенофонта. Въ пятомъ начинаютъ учиться Исторіи.

Четырнадцать лѣтъ вступаетъ ученикъ, въ такъ называемые, *les classes d'humanités* (гуманитарныя). Въ первомъ изъясняють онъ Виргилія, Цицерона, Саллустія, Омира, Плутарха, и другихъ писателей, Греческихъ и Латинскихъ, представляющихъ одинаковую трудность съ тѣми, о коихъ мы упомянули. Продолжаютъ занимать его темы и стихами Латинскими. Въ некоторыхъ Коллегіумахъ упражняются и въ Греческихъ темахъ. Въ семь-же первомъ классѣ начало уроковъ Естественнаго знанія. Во второмъ составляетъ ученикъ Латинскіе примѣры прозаическихъ сочиненій (*pagtationes latines*), на заданные предметы. Это переходъ къ Классу Риторики. Здѣсь изъясняють Греческихъ и Латинскихъ авторовъ, трудныхъ болѣе тѣхъ, коими занимались въ 3-мъ классѣ. Начинають Математику. Въ обоихъ Классахъ продолжается Исторія.

Шестнадцать лѣтъ ученикъ вступаетъ въ *Риторическій* Классъ. Здѣсь составляетъ онъ рѣчи, Французскія и Латинскія, дѣлаетъ переводы на Латинскій и Греческій, пишетъ стихи Латинскіе. Ему изъясняютъ Софокла, Демосфена, и Латинскихъ авторовъ, труднѣйшихъ. Ученикъ окончиваетъ Исторію, и продолжаетъ Математику. Въ Риторическомъ Классѣ можетъ онъ пребыть одинъ годъ,

можешь остаться для повторенія курса и на другой годъ; это называется: *удвоить* (doubler).

Изъ Класа Риторки ученикъ поступаетъ въ Класъ Философіи. Изученіе Философіи составляютъ: Логика, Метафизика и Нравственность (la morale). Профессоры изъясняютъ ученикамъ основанія сихъ различныхъ знаній, спрашиваютъ ихъ, и заставляютъ сочинять Философическія диссертаціи. Нѣсколько лѣтъ тому, Философію преподавали на Латинскомъ языкѣ, отъ чего Философическій Класъ вообще шелъ весьма плохо. Повелѣніемъ 1829 года, предписано преподавать Философію на языкѣ Французскомъ. Ученикъ продолжаетъ Математику, и слушаетъ курсъ Основаній Физики. Пробывъ годъ въ Философическомъ Класѣ, ученикъ допускается къ экзамену *Баккалавра Словесности*, и если онъ учился хорошо, то весьма легко можешь выдержать сей экзамень.

Молодые люди, назначающіе себя въ Политехническое Училище, или въ Нормальное Училище, по части *Наукъ*, или вообще къ ученому званію, остаются въ Коллегіумѣ еще на годъ. Они проходятъ тогда курсъ *отдѣльной* Математики (de mathématiques dites spéciales) и особый курсъ Физики.

Такимъ образомъ, ученикъ, поступившій въ Коллегіумъ девяти лѣтъ, кончитъ *классическое* ученіе 18-ти лѣтъ, если онъ ищетъ только степени Баккалавра Словесности, и 19-ти лѣтъ, если хочешь вступить въ Политехническое Училище, или посвящаешь себя ученому званію.

Таково Коллегиумное ученіе. Оно далеко несовершенно. Слишкомъ уже явно для всякаго, что изученію Латини посвящается несоразмѣрно много времени. При лучшей методѣ, ученики могли-бы выучиваться сему языку скорѣе и *лучше*. Въ 1828-мъ году, Министръ народнаго просвѣщенія учредилъ Комиссію, которая должна была разсмотрѣть разныя методы, употребляемыя въ публичныхъ заведеніяхъ для изученія Греческаго и Латинскаго языковъ, и означить улучшенія, къ коимъ способны всѣ сїи методы. Слѣдствія занятой сей Комиссіи остались неизвѣстны публикѣ. Но есть усовершенствованія, сами собою представляющіяся, просто въ самомъ порядкѣ механическаго занятія, не говоря уже объ ученыхъ методахъ науки-собственно. Такъ, на примѣръ, явно, что въ *Основныхъ* Классахъ Коллегиумовъ слишкомъ много бываетъ учениковъ. Въ нѣкоторыхъ находишь ихъ до 60-ти. Это число надобно ограничить двадцатью. Дѣти, начинающіе учиться Древнимъ языкамъ, имѣють пошребность быть чаще упражняемы. Въсто двухъ Классовъ, утренняго и вечерняго, можно устанавить три Класса. Молодые ученики теряють попустому время въ залахъ преподаванія курсовъ, когда въ Классъ, напротивъ, вниманіе ихъ занято, и умъ упражняенъ. Также слишкомъ много заставляють учениковъ писать. До пятаго Класса надобно-бы все преподаваніе сдѣлать словеснымъ. Изъяснять Авторовъ, и пошомъ передавать на Латинскій языкъ то, что за нѣсколько времени переводили съ Латинскаго — вошь средство самое вѣрное, скорое и незашруднительное, для приученія къ Грам-

машинскимъ формамъ языка Лашинскаго. Нынѣ нѣтъ также никакого соревнованія между учениками, кромѣ того, которое является при сочиненіяхъ, какія пишутъ они для полученія награды. При изуспномъ преподаваніи легко-бы напросивъ образовашь систему соревнованія безпрерывнаго. Ученикъ замѣшался, или ошибся — вызывающъ изъ поварихей его шакого, кошорый надѣется ошвѣчашь лучше. Сямъ, и подобными средствами, можно постоянно возбуждашъ дѣятельность учениковъ, отвращашь ихъ невниманіе, и каждую минушу упошребляшь съ пользою.

Нѣкошорыя изъ означенныхъ нами средствъ, съ пользою, упошребляющь въ частныхъ заведеніяхъ. Невниманіе Университеша въ семъ отношеніи удивительно. Объ улучшеніяхъ, какъ будшо нарочно, вовсе не хотяшъ думашь! Свобода преподаванія, о чемъ мы уже говорили выше, конечно доведешь, шакъ, какъ и по всѣмъ другимъ частямъ, до благихъ послѣдствій. Если частныя училища будушъ даватъ примѣръ казеннымъ, стыдно будешь не слѣдовашь ему.

Сдѣлавъ сокращеніе въ преподаваніи Древнихъ языковъ, выиграли-бы много времени, и его можно-бы было упошребить на ученіе языковъ новѣйшихъ, совершенно пренебрегаемое въ Коллегіумахъ. Ученики занимающь ими шолько въ часы рекреационныя. Также посшупающъ съ искусствами, образующими физическую шпору ученика (шанцы, музыка, фехшование, и проч.) Правда, что повелѣніемъ Марша мѣсяца 1829 года, положено сдѣлашь

ихъ, и вообще Гимнастическія искусства непримѣнными предметами ученія въ Коллегіумахъ, но донынѣ сіе не исполнено.

Все сказанное здѣсь относится къ классическому-собственно ученію. Мы говорили уже, что въ нѣкоторыхъ Коллегіумахъ есть особая отдѣленія учениковъ, проходящихъ курсы отдѣльныхъ знаній, относящихся къ торговлѣ и промышленности. Починаемъ не нужнымъ входить въ подробности, ибо — сущность дѣла не стоитъ того. . .

Инспекторы Университетскіе экзаменуютъ учениковъ ежегодно, въ Мартѣ мѣсяцѣ. Въслѣдствіе сихъ экзаменовъ даютъ награды, называемыя: *les prix de semestre*. Въ концѣ Классическаго года даются другія награды, по рѣшеніямъ задачъ. Въ Парижѣ учрежденъ еще ежегодный конкурсъ между семью Коллегіумами. Въ немъ участвуетъ и Версальскій Коллегіумъ. Каждое изъ сихъ заведеній посылаетъ лучшихъ учениковъ изъ всѣхъ Классовъ. Награды отличившимся раздаются весьма торжественно. Ихъ вручаетъ самъ Министръ народнаго просвѣщенія, въ присутствіи Академическаго и Университетскаго Совѣтовъ Парижскихъ. Онъ произноситъ при семъ случаѣ рѣчь, на Французскомъ языкѣ. Профессоръ Риторики говоритъ рѣчь Латинскую. Впрочемъ, публика давно уже знаетъ всю пустоту этого обряда. Всѣмъ извѣстно, что конкурсъ Парижскій болѣе вреденъ, нежели полезенъ. Профессоры, готовясь къ нему, занимаются немногими отличными учениками, чѣобы изъ самолюбія блеснуть

ихъ дарованіями, и пренебрегають ученіемъ другихъ. Самые ученики, зная всегдашнее распредѣленіе предметовъ конкурса, занимаются шюю только частію задачъ, къ кошорой каждый изъ нихъ особенно склоненъ. Риторическій ученикъ, на примѣръ, извѣстный сочиненіемъ Лашинскихъ стиховъ, и мало успѣвшій въ прозѣ Лашинской, даже Французской, прилагаешъ всѣ силы, всѣ старанія единственно къ Лашинскому стихотворству. Опшличившіеся ученики, извѣстные вообще подъ названіемъ Выигравшихъ награду (*gagneurs de prix*), весьма часто пощщаюся послѣ того, безъ плашы, въ Инспитущы; но поеляку имъ должно заплашшь за свой пріемъ успѣхами, то начальники Инспитущовъ всячески напираютъ пошомъ на предметъ, въ кошоромъ приняшой ими ученикъ опшличился. Дальнѣйшій успѣхъ ученика доставляешъ блескъ заведенію; но неоспоримо, что это-то и составляешъ истинный вредъ хорошему ученію; искусшвенный навукъ замѣняешъ здѣсь истинное знаніе; являетя пустое шоржество шарлатанства надъ истинною и здравымъ смысломъ. Уничпоженіе общихъ конкурсовъ произвело-бы два важныя послѣдствія: посредшвенныя ученики не были-бы жершвуемы опшличнымъ, и опшличные мѣстѣ-бы блиштали въ одномъ чѣмъ нибудь, но за то пріобрѣшали-бы образование болѣе общее, болѣе прочное.

Наказанія учениковъ состояшъ изъ *карцера* (*les retenues*), запрещенія выходить изъ училища, и изъ шакъ называемаго — *pensum*. Бышь наказану *пенсумомъ* (*faire un pensum*) значить: бышь принужден-

нымъ списашъ извѣстное число стиховъ. Это наказаніе сущая несправедливость! Не лучше-ли было-бы замѣнить его обязанностью учить, во время отъезда другихъ учениковъ, избранныя мѣста изъ лучшихъ писателей?

На 7-й вопросъ: «Какая оппеченность по частнымъ училищамъ? Не подчинены-ли они духовному оппечу?»

Начальники частныхъ училищъ, какъ выше объяснено, подчинены надзору Университетскому.

Если въ частномъ училищѣ замѣчены злоупотребленія, его закрываютъ, по суду Университетскаго Совѣта, производимому послѣ обзорнаго и требованія отвѣта на обвиненіе.

Духовенство, и надзоръ его, не касаются частныхъ училищъ.

Общее мнѣніе, что и послѣ свободы ученія, объявленной новою Харціею, Правительству должно имѣть средства наблюденія и наказанія въ частныхъ училищахъ; но, дабы удалить всякую самовольность надзора и наказанія, надобно шолько рѣшашъ дѣла черезъ судъ Присяжныхъ.

На 8-й вопросъ: «Какое воспитаніе ремесленниковъ-поселянъ? Есть-ли библіотеки и кабинеты Журналовъ въ маленькихъ селеніяхъ?»

Отвѣтъ на 3-й вопросъ уже доспашеченъ для разрѣшенія первой части сего вопроса.

Ни въ городкахъ, ни въ селеніяхъ, нигдѣ нѣтъ во Франціи, ни библіотекъ, ни кабинетовъ Жур-

нальныхъ. Библіюшеки находяща шолько въ значительныхъ и большихъ городахъ. Надобно замѣтить однакожь, что во многихъ мѣстахъ Франціи болѣе и болѣе распространяются нынѣ складчины для подписки на Журналы, и шакія заведенія, гдѣ приходятъ читашь Журналы за небольшую плату. Вообще-же бѣдныя и нисшія званія во Франціи читають очень мало, и то по значительнымъ городамъ. Надобно-бы издавашь особые Журналы и Газеты для народа. Донынѣ эшого нѣтъ во Франціи, и прослоюдину читають нѣчего, ибо чѣмъ наполняются наши повременныя изданія? Политикою, шѣмъ, что занимаешь избранныхъ, или большой свѣшъ. О распространеніи простыхъ, полезныхъ, ясныхъ понятій въ народѣ, о передачѣ ему приличныхъ свѣдѣній, и приспособленныхъ къ его понятіямъ статей и сочиненій, никто не думаетъ; опышы въ семъ родѣ если и были, то они рѣдки, и никогда не были они истинно приноровлены къ понятіямъ народа.

Воспшаніемъ сельскихъ жителей донынѣ шакже весьма мало занимались; просвѣщеніемъ и образованіемъ ихъ еще менѣе. Учрежденіе *Общественныхъ Библіютекъ* (bibliothèques communales), въ городахъ и селеніяхъ значительныхъ, много способствовало бы распространенію знаній и образованію умовъ. Проектъ повелѣнія о сихъ Библіюшекахъ былъ пригшовленъ Министершвомъ въ 1828-мъ году. Библіюшеки предполагалось завести первоначально въ главныхъ мѣстахъ округъ, потомъ распространяшь ихъ понемногу во всѣхъ небольшихъ обществвахъ.

Октябрь 1831.

37

Хотѣли поручить ихъ первоначальнымъ учителямъ, и отдашь при томъ подъ надзоръ мѣстныхъ муниципаловъ. Жизнеописанія великихъ людей Франціи, также художниковъ, гражданъ, земледѣльцевъ, ученыхъ, съ описаніями ихъ открытій, изобрѣженій, объясненіемъ пользы, доставленной ими обществу, Исторіи Государей, нравственныя стихошворенія, ошрывки изъ Естествознанія, ручныя книжки по разнымъ художествамъ и ремесламъ, и тому подобное, должны были составить основу Библіотекъ. Это предпріятіе, способствуя успѣхамъ полезныхъ знаній, способствовало-бы и общественному образованію народа. Но, Министерство 1828-го года уничтожилось, и — проектъ общественныхъ Библіотекъ остался погребеннымъ въ тогдашнемъ Министерскомъ портфелѣ.

На 9-й вопросъ: «Какое воспитаніе ремесленниковъ-горожанъ? Есть-ли Библіотеки, Кабинеты чтенія? Какія средства приняты, чтобы они знали основанія своихъ занятій?»

Сей вопросъ, большею частію, рѣшенъ уже оштыномъ на вопросы 3-й и 9-й.

Здѣсь надобно дополнить, что въ шѣхъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ заведены публичныя Библіотеки, каждый посѣщаетъ ихъ безъ всякой плашы. Что касается до Кабинетовъ чтенія, это суть предпріятія частныя; книги берутъ изъ нихъ всѣхъ званій люди; но ремесленники вообще читаютъ весьма мало.

Мы уже говорили о томъ, какіе способы употребляются, чтобы доставить ремесленникамъ

теоретическія новыя объ ихъ занятіяхъ, и какіе счастливые успѣхи отъ сего оказываются.

На 10-й вопросъ: «Какъ воспитывающія назначающіе себя для Медицины, въ Монпелье, Спрасбургъ и Парижъ? — Чего сподобишь вообще для такого студента ученіе? Какія преимущества городовъ въ сихъ случаяхъ? Что долженъ дѣлать иностранецъ, дабы дешевле и лучше учиться Медицины во Франціи?»

Въ Парижъ, безспорно, всего лучше можно учиться, ибо нигдѣ уже въ другихъ мѣстахъ Франціи, нѣтъ подобныхъ пособій; но содержаніе становившя здѣсь дороже, нежели въ двухъ другихъ мѣстахъ, гдѣ Медицинскіе Факультеты находятся. Въ Спрасбургъ, напримѣръ, жить гораздо дешевле. Для студента не-шугемнаго, незнаніе мѣстности, и пошребность указателя при разсѣченіи шруповъ, пошребують издержекъ болѣе, нежели отъ студента шугемнаго, могущаго бытъ руководимымъ поварщицами.

Большое число учащихся въ Парижъ дѣлаеть приобращеніе шруповъ затруднительнымъ, и они довольно дороги: менѣе 9 франковъ не лзя купить непрягошоваеннаго (*quand ils ne sont pas injectés*) и 12-ши франковъ прягошоваеннаго. Надобно еще особливо плащину служителью шеатра Анатомическаго.

За входъ въ больницы ничего не платяшь, также и за всякую клинику, Медицинскую и Хирургическую; но къ издержкамъ на содержаніе надобно прибавить плату за записку (*inscription*), хощи-бы ино-

странный студентъ и не хотѣлъ получать степени во Франціи. Определеіемъ Парижскаго Факультета, Декабря 13-го 1810 г., постановлено: Профессоры не могутъ давать, отъ своего собственнаго, частнаго имени, свидѣтельство ученику, желающему слушать публичныя курсы въ училищѣ, если ученикъ не представитъ билета и записки своей. Каждый, желающій быть допущеннымъ на курсъ, долженъ сперва записаться въ Факультетъ.

Записываться иначе не лзя, какъ въ первое трехъ-мѣсячіе учебнаго года, который считается съ 1-го Ноября до 1-го Сентября. Сентябрь и Октябрь суть ваканціонныя мѣсяца. Въ особенныхъ случаяхъ, Министръ позволяетъ записываться и Январское трехъ-мѣсячіе. Но на Докторскую степень не лзя ни комъ образомъ начать курса въ 3-е трехъ-мѣсячіе года. Для первой записки требуется званіе Баккалавра Словесности.

Три курса объемлютъ все ученіе. Они дѣлятся каждый, на половину *зимнюю* и половину *лѣтнюю*, слѣдующимъ образомъ:

Первый годъ, зиму: Анатомія, Физиологія, Имунитетъ; *лѣтомъ:* Физика, Медицинское Естествознаніе, Гигіена.

Второй годъ, зиму: Анатомія, Физиологія, Оперативная Медицина; *лѣтомъ:* Гигіена, Патологія внутренняя, Фармація.

Третій годъ, зиму: Оперативная Медицина, Патологія внѣшняя, тожь внутренняя; *лѣтомъ:*

Клиника внутренняя, шоужь внѣшняя, Матерія Медика.

Четвертый годъ, зимою: Клиника внутренняя, шоужь внѣшняя, Патологія внутренняя; *лѣтомъ:* Медицина Судебная, Терапевтика, Аккушерство.

Независимо отъ слушанія общихъ курсовъ, поставлено, чтобы для каждой части ученія были отдѣльныя занятія (*exercices particuliers*), къ которымъ допускаются избранные ученики. Они именуются воспитанниками *Практическаго Училища*, и ихъ подвергаютъ для избранія конкурсу; конкурсы возобновляются потомъ для нихъ ежегодно, въ печеніе трехъ лѣтъ, для полученія наградъ училищныхъ. Полученіе трехъ первыхъ наградъ даетъ право на пріемъ безъ всякой платы.

Въ 1-й годъ, конкурсъ имѣеть предметомъ Медицинскія знанія, подлежащія изученію въ четыре первыхъ записки.

Во 2-й годъ, тѣ предметы, которые изучаются въ восемь первыхъ записокъ.

Въ 3-й годъ, тѣ Медицинскія знанія, кои должно изучать въ печеніе курса 12-ти первыхъ записокъ.

Чужестранные студенты допускаются къ конкурсамъ, наравнѣ съ туземными.

Воспитанники *Практическаго Училища* пользуются выгодами довольно важными: дешевле достаются имъ шрупы; Химическіе опыты производятся ими подъ руководствомъ Профессоровъ, или Агрегатовъ; они имѣють билеты на частные курсы.

Агрегатовъ, преподаваемые въ залахъ Факультета, на курсы Профессоровъ и помощниковъ по части Анатоміи и Клиники; входъ въ Библіотеку и Анатомическіе Кабинеты позволенъ имъ и въ необыкновенные часы.

Такое облегченіе вовсе, уменьшаетъ издержки на раздѣленіе стипендій и на частные курсы, къ каковымъ обязаны учащіеся, кромѣ курсовъ Факультетскихъ.

Медицинскіе воспитанники, иностранцы и нунземцы, отъ 18-ми до 24-хъ лѣтъ, могутъ пользоваться практикою въ больницахъ, гдѣ ихъ помѣщаютъ, сначала, какъ постороннихъ помощниковъ, или *дополнительныхъ*, потомъ, какъ *болыиныхъ* *инновниковъ*; сн мѣста даются по конкурсу, и часто Англичане и Швейцары получаютъ ихъ, какъ *дополнительные*, и какъ *болыиные*. Первымъ, предворительно, должно быть три года; вторымъ четыре года; но съ перваго года *дополнительный* можешь поступить въ больничные. *Дополнительные* при больницѣ, въ Парижѣ, могутъ жить въ ней *квартиру*, и легко доставать стипендіи.

Болыиные получаютъ 500 франковъ жалованья и *квартиру*; если имѣютъ они столю, то жалованья получаютъ только 100 франковъ. Мѣсто больничнаго, въ какомъ-либо заведеніи Парижскомъ, даетъ удобство приобрѣтать знанія болѣе прочныя; явгдѣ не можешь быть для ученика болѣе средствъ учиться. Издержки его во всѣхъ отношеніяхъ значительно уменьшаются.

Вопшъ ипогъ суммъ , которыя должно плащитъ по шремъ Факультетамъ: за право Декшерское 1,100 франковъ , а именно :

Подашь Университетская	785 ф.
Плаша Профессорамъ за экзамены	215 —
За печать къ диплому	100 —

Сумма сія плащится по часшямъ , а именно :

15 записокъ на шрехъ-мѣсячія	750 ф.
16-я записка	35 —
	785 ф.

Пяшь экзаменовъ по 30 фр.	150 —
Тезисъ	65 —
Печашъ къ диплому	100 —

Кромѣ' того , плащится особо за напечатаніе тезиса.

Плашежь за тезисъ и дипломъ производится вѣвѣштѣ.

Выгоды, представляемыя Парижемъ для Медицинскаго ученія , превосходящъ выгоды всѣхъ другияхъ Факультетовъ. Объ эшомъ мы упомянули. Дабы студенту жить порядочно , не нужно болѣе 120 или 150 франковъ въ мѣсяць. Разумѣешся , что одежда и учебные расходы здѣсь не считающся.

Въ Монпелье выгодъ во всѣхъ ошпошеніяхъ менѣе. Профессоры ештъ хорошіе , но большой недостапокъ въ трупахъ и въ больныхъ по больницамъ. Не лишнее однакожь ученику постѣшитъ и эшотъ знаменитый Факультетъ.

Въ Страсбургѣ основанія наукъ проходятъ лучше и это важно для начинающихъ; труппы гораздо дешевле Парижскаго. Въ клиникѣ каждому воспитаннику дають по нѣскольку больныхъ, подъ смотрѣніемъ Профессора. Есть особенная клиника Аккушерства, куда всѣ трехъ-годичные и чешырехъ-годичные ученики допускаются. Ихъ собирають при каждомъ новомъ предметѣ занятія, и каждую недѣлю одного изъ нихъ заставляють заниматься ручною практикою, подъ надзоромъ Профессора.

Квартира и пища стоятъ не болѣе 60 и 80 фр. въ мѣсяць.

Дешевизна производишь, что многіе учащіяся вдаются въ шалости и мошовство.

Клиника Страсбургская недоспащочна, операціи въ ней бывають немногіе, и ученикъ не можеть хорошо изучиться Хирургіи. Кромѣ трехъ или чешырехъ, Профессоры вообще не славны.

Словомъ: учебные расходы вездѣ одинаковы, только житье въ Парижѣ дороже, нежели въ Монпелье и Страсбургѣ, но эштошь излишекъ замѣняешся годами, нигдѣ незамѣняемыми. Впрочемъ, если учащійся помѣщенъ въ больницу, то, при экономіи, и самое житье станеть ему не дороже шого, какъ и въ двухъ другихъ Факультетахъ.

На 11-й вопросъ: «Какъ приготавлиются юристы во Франціи? Сколько времени учаться они, и чего имъ стоятъ ученіе?»

Здѣсь немногое надобно намъ присовокуишь къ шому, что находишь уже въ отвѣстѣ на 1-й вопросъ.

Степень Лиценціата достаточна для шого, чтобы исправлять должность Адвоката, и занимать

разныя мѣста въ Судахъ и Трибуналахъ. Для достиженія оной пошребно при года учисься. Издержки на записку, экзамены, тезисы и дипломъ простираются до 730 франковъ. Степень Доктора пребуешь еще цѣлаго года ученія, и новыхъ издержекъ, простирающихся до 400 франковъ — но до степени Доктора идушь только шѣ, которые хонять преподавашь Юриспруденцію.

Для Лиценціатства надобно выдержашь чешыре экзамена и одинъ тезись; для Докторства еще два экзамена и одинъ тезись.

Экзамены для полученія перваго достоинства касающа Гражданскаго Кодекса, Юстиниановыхъ Инстинуцій и Судопроизводства. Въ Факультетахъ, гдѣ есть еще кафедры Права Управительнаго, экзаменуютъ учениковъ и по сей часии Правовѣднія. Докторъ выдерживаетъ экзамень по всѣмъ предметамъ Факультета.

Вообще, Факультетское ученіе почитается недосташочнымъ для образованія хорошаго правовѣда. Большая часть молодыхъ людей занимается по сашь того у какого-либо шряпчаго (avocat), который приучаетъ ихъ къ дѣламъ и практическому познанію формъ судоведенія. Пошомъ ходяшь они въ судилица, и это называется между ними: *faire son stage* (быть въ судѣ). Не лзя записашь въ табели адвокатовъ, безъ того, чшобы *три года не быть въ судѣ*. Сии кандидашы составляютъ между собою особенныя собранія, называемыя конференціями (conférences), и въ нихъ упражняються они въ примѣрномъ судопроизводствѣ и въ разрѣшеніи юридическихъ вопросовъ. Въ судейскій корпусъ до-

пускаюцца они послѣ двухъ-годичнаго *бытія въ судѣ*. Французскіе Кодексы просшы и ясны, но они не обнимають всѣхъ юридическихъ *казусовъ* (*les cas*). По сему должно, на случай непредвидѣнныхъ затрудненій, восходить къ общимъ основаніямъ Правъ, шакъ, что соображая все, знаніе юрнста во Франціи столько-же обширно и затруднительно, сколько и въ другихъ земляхъ. Собраніе *рѣшеній* (*arrêts*), различныхъ Судовъ Королевства, со-составляетъ огромную библіошеку, и изученіе сихъ рѣшеній необходимо, ибо недовольно знанъ тексты закона, но надобно еще вѣдать, кромѣ того, образъ приложенія и исполкованія онаго, въ разныхъ судебныхъ мѣстахъ. Наконецъ, механизмъ судоведенія есть предметъ весьма затруднительный и сложный. Послѣ всего этого должно-ли удивляться, что самые искусные юристы Французскіе входить чему учишься въ теченіе цѣлой жизни своей?

Общее желаніе, чтобы Правительство основало во всѣхъ юридическихъ Факультетахъ кафедры *Права Общественнаго* и *Права Управительнаго*, существующія, какъ мы показали (см. отвѣтъ на 1-й вопросъ), въ нѣкошорыхъ Факультетахъ. Необходимо-бы шакже учредить кафедры Государствен-ной Экономіи и Статистики Юридической. Все это недовольно еще распространено между Французскими юристами. Вообще, при той формѣ правительства, какая нынѣ во Франціи, познанія юриста должны бытъ соединены съ познаніями публициста, и ссужать себя взаимною помощью.

(Съ Франц. Г. П.).

ПОПРАВКИ ГРАМАТЪ ,

НАПЕЧАТАННЫХЪ ВЪ N° VIII МОСКОВСКАГО ТЕЛЕ-
ГРАФА 1830 ГОДА.

(Статья вторая).

Приступаемъ къ поправкамъ другой граматы, заслуживающей щцательное изслѣдованіе единствен-
но по ея шишулу, а не по содержанію, которое со-
всѣмъ не любопышно. Мы намѣрены говорить о
граматѣ *Великаго Князя Симеона Бекбулатовича*
всѣя Русіи, на коей, какъ-бы отъ столкновенія,
отразились всѣ недосщашки предыдущей граматы,
размошрѣнной и нѣсколько поправленной нами. И
въ семь спискѣ Изыскашель пропустилъ нѣкоторыя
собшвенныя и нарицательныя имена, неправильно
писалъ прищажательныя; пропустилъ цѣлую спро-
ку; поправилъ шекстѣ, вставилъ отъ себя шо,
чего нѣтъ въ рукописи. Въ первомъ періодѣ грама-
ты сказано: «за *Нечаевымъ*,» должно чпшашъ: *за Ое-*
доромъ за Нечаевымъ; во второмъ періодѣ послѣ
словъ: «на сто четвертей,» должно прибавить: *и*
за нимъ де помѣстье во Мценску на пятдесять те-
твертей. Фамлія *Ашихминныхъ* превращена въ *Ах-*
шминныхъ; отъ дѣйшвишельнаго глагола: *изпомѣс-*
нить, вездѣ выкинула первая буква: *и*. Въ послед-
немъ періодѣ носѣ словъ: «писцы наши,» чпшай:
и м большія Мѣрички опишутъ и измѣрютъ, и у-

гнать за нѣмъ пашню по нашему Указу. Не извѣстно : почему Изыскашель не хотѣлъ списывать слѣдующихъ двухъ словъ , находящихся на оборотѣ сей-же граматы: *Первой день?* — Вошь примѣры о-шибокъ; о другихъ умалчиваемъ. Послѣ представ-ленныхъ нами доказательствъ непрощительнаго не-вниманія Изыскашеля къ обязанности , возложен-ной на себя добровольно , взглянемъ на его замѣча-нiя.

Нѣтъ сомнѣнiя , что Г. Сахаровъ , писавши свои замѣчанiя , имѣлъ намѣренiе весьма похвальное , но исполненiе онаго не было удачно. Замѣчанiя его на-полнены только выпискою изъ Карамзина , и при-шомъ не весьма вѣрною ; подкрѣплены не доказа-тельными , а сомнѣиємъ и излишнею довѣрчиво-стью , слѣдственно , и не мудрено споль поверхво-стному взгляду быть съ ошибками несизвинитель-ными. Но сомнѣнiе и излишняя довѣрчивость суть двѣ крайности , говоритъ Шлецеръ , которыя , по-добно всемъ крайностямъ , ни къ чему , не годятся. Разсмотримъ здѣсь сей любопытный предметъ , сколько можно подробнѣе , и разысканiя наши , можеть быть также слабыя и невѣрныя , предло-жимъ на судъ людей , болѣе насъ искусившихся на поприщѣ кришки благонамѣренной.

Историческiе Писатели наши увѣряли : одни , что Бекбулашовичъ происходилъ отъ поколѣнiя Царей Казанскихъ ; другiе называли его просто Царемъ Ташарскимъ ; нѣкоторыя , болѣе осторожныя , Царемъ Касимовскимъ. Они очевидно уклонялись отъ изслѣдованiя подлинной его генеалогiи. Такiе раз-

нообразныя показанія не могли удовлетворить читателя, желающаго видѣть въ Исторіи одни факты положительныя, уже разработанные разысканіями, и утвержденные крипикою. По тщательномъ изслѣдованіи открывается, 1-е, что Бекбулатовичъ происходилъ отъ поколѣнія не Казанскихъ, а *Нагайскихъ* Ташаръ; 2-е, что ни онъ, ни отецъ его никогда не были, да и не могли быть Царями Казанскими; 3-е, что мы ошибочно принимали Бекбулата и Спикъ-Булата за одно лицо подъ именемъ Бекбулатовича, и, наконецъ, 4-е, что онъ, кромѣ шишуловъ: Царя и Великаго Князя Тверскаго, имѣлъ еще и третій титулъ: *Великій Князь всея Руси*. Всѣ сія обстоятельства довольно важны, а потому и требуютъ обстоятельнаго объясненія.

Приступая къ дѣлу, попробуемъ прежде разрешить вопросы: былъ-ли Бекбулатовичъ сынъ Царя Казанскаго, или не происходилъ-ли, по крайней мѣрѣ, отъ поколѣнія Царей Казанскихъ? Что-бы отвѣчать на сія данныя, надлежитъ обратиться къ генеалогіи Царей Казанскихъ, царствовавшихъ тамъ во время Іоанна Васильевича Грознаго. Изучившимъ нашу отечественную Исторію извѣстно, что въ государство Іоанна IV-го, въ Казани были слѣдующіе Цари: Еналей, и братъ его Шихъ - Алей, сыновья Царя Асстраханскаго Шихъ - Авлеара, изъ коихъ первый былъ бездѣшенъ, а послѣдній имѣлъ одну дочь; Сафа-Гирей, женатый на супругѣ Еналея, Царицѣ Горшандѣ, имѣлъ отъ нее одного только сына, Ушешимъ-Гирей. Они происходили отъ Крым-

скихъ Ташарь. Едигерь-Махмешъ, сынъ Астраханскаго Царя Косыма-Хорева, не имѣлъ дѣшей (*). Вошь ихъ родословіе. Но чшашели, не замѣчая въ ономъ *Бекбулатовича*, остались-бы въ прежнемъ невѣдѣніи, если-бы не объясняло вполне сего обстоятельство слѣдующее извѣстіе. Цари: Еналей и Шихъ-Алей имѣли еще двухъ брашьевъ: *Тахтамыша* и *Бекбулата*, о которыхъ мы будемъ говорить послѣ. Теперь слѣдуешь-ли заключишь, что Бекбулатовичъ, сынъ Бекбулата и племянникъ Еналея и Шихъ-Алея, пошому только называется Казанскимъ, что его дяди царшвовали въ Казани? — Думаемъ, что это разрѣшаешь недоразумѣніе, но для чшашелей предлагаемъ дальнѣйшія наши изслѣдованія.

Если исключишь Царя Булата, или Зелешъ-Сулана, друга Польскаго Короля Ягайлы, и Булата, знашнѣйшаго Князя Казанскаго, то и самыя имена Бекбулата и Саинъ-Булата не встрѣчаются въ лѣтописяхъ Казанскихъ. — Неизвѣстно даже, были-ли они когда въ семъ древнемъ городѣ.... Слѣдуешь вопросъ: почему иностранные писатели, и наши сочинители не-современныхъ лѣтописей, называютъ Бекбулатовича Царемъ Казанскимъ? Ошибаемъ: они, не зная настоящаго происхожденія его, ошибочно именовали Казанскимъ, вмѣсто Нагайскаго или Касимовскаго. Вошь доказательство: Маржеретъ въ началѣ своего сочиненія о Россіи говоритъ: «Вла-

(1) И. Г. Р. VII, 96, VIII, 30, и прим. 260; IX, 113. Степ. Кн. II, 250; Царств. Лѣтоп. 79.

дѣлецъ Казанскій взяшь былъ въ плѣнь, въ самомъ городѣ, Іоанномъ Васильевичемъ; онъ живъ и шеперь зовушь его Царь Симеонъ (2).» Совершенно ложное извѣстіе! Плѣнный Царь Казанскій, Симеонъ Касаевичъ, умеръ еще въ 1565 году, а Маржеретъ прибылъ въ Москву въ 1600 году; слѣдственно, онъ говорить здѣсь о *Царѣ Симеонѣ Бекбулатовичѣ*, котораго зналъ лично, и отецъ котораго, какъ увидимъ, прѣѣхалъ въ Россію по собственному желанію. Наши Сочинители, такъ называемыхъ, дѣлописцевъ, писавшіе послѣ Князя Курбскаго, т. е. послѣ 1560-го года, руководствовались одними только изустными преданіями, всегда почти невѣрными. Современникамъ Шихъ-Алея было извѣстно, что онъ три раза царствовалъ въ Казани, и что около 14 лѣтъ пошомъ постоянно жилъ въ городкѣ своемъ, Касимовѣ. Предки наши, совершенно не озабочиваясь о подлинности родословія, назвали и Царя Саина-Булаша Бекбулатовича *Казанскимъ*, который, послѣ смерти Шихъ-Алея (1566 года), жилъ въ Касимовѣ, носивъ еще долго имя Ташарское, и исповѣдуя законъ Мугаммедовъ. Ко всему этому прибавимъ, что одинакія имена, данныя Царямъ при св. крещеніи (Симеоновъ), были предметомъ безчисленныхъ ошибокъ для несовременныхъ писателей. Не различая *Касаевича* отъ *Бекбулатовича*, они ввели въ заблужденіе опытнѣйшихъ любителей Исторіи. И такъ, мы, кажется, разрѣшили сдѣланные себѣ вопросъ,

(2) Маржеретъ, стр. 2. Русскій Переводчикъ, въ 5-мъ примѣчаніи своемъ, сдѣлалъ очевидно анахронизмъ!

касательно происхожденія и прозванія Касимовскаго Царя Симеона Бекбулашовича.

Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, желая сблизиться съ сосѣдними Ташарами, для безопасности нашихъ южныхъ границъ, дѣятельно приводилъ обширные свои политическіе планы въ исполненіе. Онъ наспоиательно приглашалъ къ себѣ Нагайскихъ Царевичей: *Тахтамыша*, *Козбулата* и *Бекбулата*, изъ коихъ первый, долго живши въ Крыму, и возвратившись къ берегамъ Яика, спѣшилъ исполнить волю своего Государя, и увидѣвъ брата и благодѣтеля своего, Царя Шихъ-Алея: онъ пріѣхалъ къ намъ въ 1556 году (3). Другіе два Царевича кочевали тогда въ своихъ улусахъ, въ Нагайской Ордѣ, которой главою былъ Князь Измаиль, вѣрный союзникъ и ревностный другъ Іоанна. Въ опасныхъ грамотахъ, писанныхъ на имя Казбулаша и Бекбулаша, 1558 году, Грозный, въ весьма милоштивыхъ выраженіяхъ, изъявлялъ свое желаніе скорѣе видѣть ихъ въ Россіи, убѣждая о томъ и главу Нагайскихъ Владѣтелей, Измаила (4). Наконецъ Елизаръ Мальцовъ, жившій въ Сарайчикѣ, въ качествѣ посланника, писалъ къ Іоанну: «А Царевичъ, Государь, Бекбулашъ разболелся передъ моимъ поѣздомъ, и ему, Государь, было со мною ѣхать къ тебѣ Государю не мочно (5).» Но мы напрасно искали

(3) И. Г. Р. VIII, 253, прим. 473. Прод. Вивлюеики IX, 236.

(4) Прод. Вивлюеики IX, 113, 114, 115.

(5) Ibidem X, 24.

вѣрнаго свидѣтельства прибытія его ко Двору нашему! Ни въ лѣтописяхъ, ни въ хронографехъ, намъ извѣстныхъ, нѣтъ о томъ ни единого слова. Вѣроятно Бекбулашъ пріѣхалъ къ Іоанну изъ Орды Ногайской въ 1562 году, но не прежде: ибо воинское его поприще начинается только съ означеннаго времени.

Въ скудномъ, но дословѣрномъ источникѣ, въ Разрѣдахъ 1562 года, упоминается о Царевичѣ Бекбулашѣ и, кажется, въ первой еще разъ, какъ о Военачальникѣ Спорожеваго полка въ походѣ изъ Смоленска въ Лишву (*). Въ слѣдующемъ 1563 году, онъ участвовалъ во взятіи Полоцка, а возвращаясь въ Москву находился въ Передовомъ полку, начальствуя онымъ (**). Здѣсь прерываются извѣстія о Царевичѣ Бекбулашѣ.

Бытописатели наши, не различая Бекбулаша отъ Сання-Булаша, принимали ихъ за одно лицо и, продолжая свои шруды, не обращали надлежащаго вниманія на генеалогію оныхъ. Но Царь Сання-Булашъ Бекбулашовичъ былъ сынъ Ногайскаго Царевича Бекбулаша, о которомъ уже чинашели имѣющъ достаточное свидѣніе.

Не зная источниковъ болѣе основательныхъ и надежныхъ, мы ссылаемся въ семъ случаѣ на наказъ, писанный въ 1565 году, Царемъ Іоанномъ Василье-

(6) Древн. Росс. Вивл. XIII. 327.

(7) Ibidem 335.

вичемъ. Извлекаая изъ сего наказа слѣдующія строки, мы сдѣлаемъ послѣ на нихъ и наши замѣчанія. Вошъ онѣ.

« А что прїѣхала Асанакъ Мирзина Княгиня Тахшамышева Царевичева, да Бекбулашова Царевичева сестра ко Государю, да и съ племянемъ съ Алшычанъ Царицею видѣшесь, да и съ племянникомъ Саннь-Булашомъ, и шу Княгиню пригоже Государю пожаловати, что братье ее родные Государю служили и головы положили. А что другая Княгиня Дюнчманъ, Бекбулашова жена прїѣхала, а шамъ называлась Тенехмашове Княгине Черкасской племя, а здѣсе она сама же Тенехмашове Княгини племянсмъ ся не называетъ » (*).

Изъ сего видно: 1-е, что Княгиня, жена Мирзы Ногайскаго Асанака, была сестра Царевичей Тахшамышъ и Бекбулата; 2-е, что у насъ жили: Царьца Алшычапъ и племянникъ Княгини, именованъ Саннь-Булашъ; 3-е, что родные братья ея убиты были на службѣ Государевой, и прочее. Спрашивается: какіе родные братья Княгини положили головы? Были-ли то Тахшамышъ и Бекбулашъ? По вѣрнѣйшимъ справкамъ оказалось: что ни гдѣ уже болѣе не упоминается о сихъ Царевичахъ, а въ Разрядахъ имя Бекбулата превратилось въ Санна-Булата. Это молчаніе нашихъ извѣстій, и таинственные слова граматы, подали намъ поводъ думать, что смерть ихъ не сомнительна. . . . Но

(8) Прод. Вивліюе. XI. 170.

для чего прїѣзжала къ намъ жена Царевича Бекбулата въ 1565 году, когда его не было уже на свѣтъ? Вѣроятно эшошь прїѣздъ былъ предметомъ свиданія матери съ сыномъ, или просьбы Государева жалованья за службу ея супруга: ибо и самые Мирзы Ординскіе вѣдали къ намъ *отъ голоду и отъ нужы* (9). Далѣе. Мы сказали, что Саннъ - Булашъ былъ сынъ Бекбулата, Царевича Ногайскаго, и мнѣніе свое основали на слѣдующихъ соображеніяхъ:

I-е. Очевидная переимѣна имени Бекбулата послѣ 1563 года не могла произойти отъ описки, небрежности, или умысла.

II-е. Предки наши, по обыкновенію, изшари въ Россіи существующему, присоединяли къ собственному имени Санна-Булата и имя отца его, назвавъ: *Саннъ-Булатомъ Бекбулатовичемъ*. Такъ они именовали и другихъ Царей и Царевичей: Шигъ-Алея-*Шиговляровичемъ*; Симеона-*Касаевичемъ*; Александра-*Сафаниреевичемъ*; Канбуду-*Ахкубековичемъ*; Михайла-*Кайбуловичемъ*.

III-е. Саннъ - Булашъ былъ племянникъ Княгини жены Асанаковой, которая была родная сестра Бекбулата Царевича.

IV-е. Недоразумѣніе: почему не упоминается о Саннъ-Булашѣ въ Разрядахъ раньше 1572 года, разрѣшается шѣмъ, что онъ вѣроятно тогда былъ

(9) Ibidem 25.

еще очень молодъ, а потому и шягости службы военной были-бы для него обременительны и бесполезны. Царя Александра Казанскаго не писали въ Разрядахъ по той-же причинѣ.

V-е. Иоаннъ по смерти Шягъ-Алея опдалъ городокъ Касимовъ родному его племяннику Царю Саянъ-Булашу Бекбулашовичу, и сіе можешь слушать новымъ доказательствомъ, что прозваніе *Казанскаго*, получаеъ онъ отъ современниковъ, знавшихъ, что Бекбулашовичъ находился въ ближайшемъ родствѣ съ Шягъ-Алесемъ, Царемъ Казанскимъ. Таковы наши доводы.

Исторіографъ Карамзинъ увѣряетъ, что Иоаннъ въ ласковомъ письмѣ въ Султану Турецкому Селиму II-му въ 1570 году, торжественно наименовалъ Саяна-Булаша *Царемъ*, господствующимъ въ Касимовѣ (*). Въ 1571 году, отправленный Государемъ въ

(10) И. Г. Р. IX. 178. «Ежели дѣйствительно былъ онъ Царемъ Касимовскимъ («говоритъ Изыскашель,») то для чего употреблялъ титулъ Царя, ни по какому праву ему не принадлежавшій при Царѣ Иоаннѣ IV Васильевичѣ? Изъ грамагъ удѣльныхъ Князей не видно, чтобы кто нибудь пользовался симъ правомъ.» О такомъ опкровенномъ сознаніи Изыскашеля въ исторіи своей Русской Исторіи мы сожалѣемъ, а потому и оставляемъ оное безъ замѣчанія. . . Миллеръ утверждалъ зашѣдливые свои вымыслы такимъ образомъ: Царскій Титулъ данъ ему былъ нѣкогда *сб шуткажд*, говоритъ онъ и. . . безъ доказательствъ Сочин. и перев. 1761 года Янв. 58.

Орѣшекъ , чтобы воевашь вмѣстѣ и Финляндію и Эстонію , Бекбулашовичъ начальствоваль всею передовою, вѣренною ему дружиною (11). Въ слѣдующемъ 1572 году онъ вторично находился въ походѣ въ Новгородъ , гдѣ и ожидадь прибытія Іоанна. Замѣшнимъ , что въ Разрядахъ сего года упоминаешся о Бекбулашовичѣ какъ о Начальникѣ прежде Спорожеваго , а потомъ Большаго полковъ. Здѣсь упоминаешся и о шомъ , что онъ имѣль уже *свой дворъ* (12). Въ 1573 году Бекбулашовичъ находился при взятіи крѣпости Вишпенштейна въ Эстоніи гдѣ былъ , если не участникомъ въ злодѣяніяхъ , шо , по крайней мѣрѣ , свидѣтелемъ неслыханной свирѣпости грознаго своего Повелителя ! По отбытіи Іоанна въ Новгородъ , Бекбулашовичъ , вмѣстѣ съ Принцемъ Магнусомъ , одержали значительныя побѣды : первый взяль Нейгофъ , а послѣдній Каркусъ ; но счастье имъ измѣнило , и они были разбишы близъ Лоды (13). Исполняя волю своего Государя, Бекбулашовичъ, оставивъ Эстонію, возвратился уже въ Новгородъ , гдѣ и получаль повелѣніе о *Свейскомъ дѣлѣ поговорити...* (14). Только съ 15 Іюля сего года въ Разрядахъ (рукописныхъ) Царя Бекбулашовича называюшъ *Симеономъ* (45). Въ 1575 году

(11) Ibidem, 189.

(12) Древн. Росс. Вѣвл. XII. 423.

(13) Ibidem, 439. И. Г. Р. IX. 218, 219.

(14) Ibidem, Примѣч. 416.

(15) Ibidem, Прим: 460. Самъ Карамзинъ прописорѣчипть себя въ семъ случаѣ: Ibidem, 137. Изыскатель

Царь Касимовскій начальствовалъ Большимъ полкомъ въ Ливоніи. « Россіяне , говоритъ Карамзинъ , опустошили всѣ мѣста вокругъ Ревеля и взяли городъ Пернау , кошорый сполна имъ (Ливонцамъ) семи тысячъ воиновъ , убишихъ въ его укрѣпленіяхъ (16). Словомъ, Симеонъ Бекбулатовичъ былъ сполько же ревностнымъ исполнишителемъ воли Іоанновой , какъ и храбрымъ предводитишителемъ дружины.

Приведа различныя сказанія о Царѣ Касимовскомъ въ нѣкоторый систематическій порядокъ, мы шеперь приблизились къ главной цѣли нашего изслѣдованія : мы намѣрены говорить о грамотѣ, данной Спешану Козмичу Меркулову и писанной въ 7084-1576 году.

Она была нѣкоторое время предметомъ разнообразныхъ толковъ , болѣе неосновательныхъ и ошибочныхъ , нежели сужденій зрѣлыхъ или мѣстныхъ догадокъ. Одни увѣряли : *что Царь Симеонъ Бекбулатовичъ самовольно наименовалъ себя Великимъ Княземъ всея Русіи* ; другіе : *что онъ , будучи самъ подданнымъ , не имѣлъ законнаго права жаловать дворянъ помѣстьями и писать на оныя грамоты отъ своего лица* ; шретьи доказывали : *что она есть не что иное, какъ мистификація. . . . Мы ждали и на-*

пополнилъ оныя собственными ошибками , сказавъ , что сей Царь принялъ Греко - Росс. вѣру въ 1573 году.

(16) И. Г. Р. IX. 225 , и прим : 426. Въ Разрядахъ означенъ 1574 годъ взятіе Пернау. Д. Р. В. XIII. 458.

дѣялись услышать окончательный приговоръ перво-классныхъ нашихъ Кришниковъ, но ожиданія и надежды наши не исполнились.

Исторія Царя Іоанна IV Васильевича представляетъ изумленному читателю разительное зрѣлище великаго съ низкимъ, набожностію съ злодѣяніемъ, и наконецъ благороднаго съ гнусностію и униженіемъ постыднымъ. При воззрѣніи на Іоанна, мы видимъ его на шеатрѣ политическаго міра тираномъ жестокосердымъ, рабомъ страстей чувственныхъ, но всегда неушомимымъ въ трудахъ, въ дѣятельности Государственной. Эша смѣсь добра и зла, прекраснаго и отвратительнаго, находишься въ дѣяніяхъ сего Государя, или лучше, она составляетъ отличительный его характеръ. Узнавъ непоспояныя и совершенно одно другому противоположныя свойства души Іоанновой, мы должны послѣ сего допустить всѣ невѣроятныя, странныя и удивительныя событія, случившіяся въ Царствованіе сего грознаго Вѣнценосца! Повторяемъ: мы должны вѣрить, съ нѣкоторою впрочемъ осматрительностію, Писателямъ, объ оныхъ повѣствующихимъ, потому, что они не могли согласиться выдумать никогда не бывавша происшествія, не зная другъ друга и живши въ разное время въ Россіи. Уже одно учрежденіе Опричнины, коей права, неслыханныя и ужасныя, были-бы не столько еще изумительны, если бы Глава Земщины не облеченъ былъ въ достоинство Государя—самимъ же тираномъ — Государемъ!... Къ сей-шо эпохѣ учрежденій, какъ мы полагаемъ, относимся и упомянутая грамада.

Знаменитый нашъ Исторіографъ Карамзинъ, ко-
его одно имя произносимъ съ уваженіемъ и призна-
тельностьюю, къ сожалѣнію, въ любопытнѣйшія
подробности, касательно Опричнины и Земщины,
не развернулъ вполнѣ, какъ еще сомнѣтельные, и ко-
снулся оныхъ только слегка, въ своихъ примѣчаніяхъ.
Можешь бышь не имѣя достаточныхъ доказательствъ
разрѣшишь вопроса: почему сей Царь Касимовскій
именовался Великимъ Княземъ всея Русіи, Исторіо-
графъ оставилъ оный безъ надлежащаго истори-
ческаго изслѣдованія. Онъ даже не сослался на Раз-
ряды 1576 года, гдѣ именно Симеонъ Бекбулашовичъ
названъ Великимъ Княземъ всея Русіи (17). По сему
мы находились-бы въ совершенно затруднительномъ
положеніи говорить о предметѣ недоступномъ для
самаго блестящаго дарованія, если-бы не подали
къ сему повода поверхностныя замѣчанія Изыска-
шеля.

Главная ошибка, происшедшая отъ недоразумѣнія
и зашитающая истину, по мнѣнію нашему, состо-
яла въ томъ, что въ тѣхъ обстоятельстве, о ко-
ихъ съ такою точностію рассказываютъ иностран-
ные писатели, несправедливо приписаны плѣнному
Казанскому Царю Симеону Касаевичу, между тѣмъ
какъ они относились къ другому Царю, Симеону Бекбу-
лашовичу. Но зная начала учрежденія Опричнины,
мы не можемъ съ историческою вѣрностію опре-
дѣлить ея конца: ибо хотя Флетчеръ и увѣряетъ,
что Опричнина существовала только семь лѣтъ,

(17) Ibidem, XIV. 293.

ш. е. съ 1565-го до 1572 года (18), но Грозный, не измѣняя своего измѣнчиваго характера, боясь или ненавидѣвъ людей, еще долго, долго послѣ означеннаго времени укрывался въ Слободѣ Александровской. Сколько жерствъ пало послѣ 1572 года въ семь жилищъ ужасовъ? Кто былъ исполнителемъ пиранскихъ, неистовыхъ его велѣній? Кромѣшникъ! Самъ Исторіографъ не рѣшительно утверждаетъ уничтоженіе Опричнины. Онъ говоритъ: «По крайней мѣрѣ исчезло сіе страшное имя съ его гнуснымъ символомъ (19).» Это справедливо потому, что слова Разрядовъ (1578 года): *опричь тѣхъ*, которыхъ Государь помѣстилъ съ собою съ Москвы (20), доказываютъ, что Опричнина еще существовала, утративъ только одно свое названіе. Все это имѣетъ неразрывную связь съ послѣдующимъ.

Доказавъ продолжительность бытія сего губительнаго постановленія, мы должны теперь повѣрить сочиненіе Маржерета о Россіи.

» Иоаннъ Васильевичъ, прозванный Мучителемъ, говоритъ онъ, сомнѣваясь въ преданности своихъ подданныхъ, испытывалъ ихъ разными средствами; главнымъ же было возведеніе на престолъ Царя Симеона, о которомъ говорено выше. Иоаннъ короновалъ его и предоставилъ ему весь Царскій шишулъ.....

(18) И. Г. Р. IX, примѣч. 400.

(19) Ibidem, 207.

(20) Ibidem, примѣч. 516.

Подумаешь, что происшествіе сіе относится дѣйсвительнѣе къ 1565 году, но слѣдующія слова Маржерета тотчасъ уничтожаютъ это мнѣніе.

«Симеонъ царствовалъ *цѣлыя два года*, управляя какъ внутренними, такъ и внѣшними дѣлами. Разумѣешь, что онъ спрашивалъ у Іоанна совѣта или, праведливѣе, получалъ повелѣнія. Въ концѣ втораго года Іоаннъ низложилъ его съ престола и далъ ему великія богатства (21).»

Спрашивается: кого низложилъ Іоаннъ: Царя Касаевича? Но его уже не было на свѣтѣ во второй годъ учрежденія Опричины. Другіе два Царя Казанскіе, Шигъ-Алей и Александръ, также не могли бытъ главами Земщины (22); но мы не должны забывать, что Маржеретъ, рассказывая про короновааннаго Царя, вездѣ разумѣлъ не умершаго плѣннаго Симеона, котораго онъ не могъ знать, а Бекбулатовича, *носившаго тоже имя, титулъ и прозваніе*, и отъ котораго онъ слышалъ всѣ упомянутыя подробности изустно. Невозможно думать, чтобы сей образованный Французъ, писавшій о Россіи съ столь благороднымъ намѣреніемъ и искренностію, могъ говорить одну ложь, и наполнить свое сочиненіе одною грубою клеветою! Флетчеръ и Петрей описываютъ почти тоже, изъ коихъ первый называетъ Симеона *Великимъ Княземъ*.— Соображая запущанныя сіи обстоятельства, мы вы-

(21) Маржеретъ, 12.

(22) И. Г. Р. IX. прим. 217.

воднѣмъ слѣдующіе результаты : Главою Земщины *въ началѣ учрежденія Опричнины* могъ быть дѣйствительно Царь Симеонъ Касаевичъ ; ибо онъ , хотя умеръ въ томъ-же 1565 году , но уже 26 Августа (23). Слѣдовательно *Касаевичъ* не могъ дожить до эпохи изложенія. Изъ сего видно , что сказанія сочинителей несовременныхъ лѣтописей не погрѣшаютъ противъ истины ; но они едва-ли знали о событіи , случившемся гораздо послѣ означеннаго нами времени , и о кошоромъ , кромѣ иностранныхъ писателей , никто не упоминаетъ. Вотъ причина , почему разысканія по сему предмету не были удачны , и отъ чего родилось недоразумѣніе , ввергнувшее насъ въ шму догадокъ , совершенно неосновательныхъ !

Многіе сочинители Временниковъ , принадлежавъ къ черному Духовенству , строго наблюдали за всѣми релігіозными обѣтами Царя , по видимому , преданнаго вѣрѣ , усерднаго къ Церкви , а потому и усматриваемъ мы въ сихъ Временникахъ длинный рядъ почти непрерывныхъ его путешествій по монастырямъ , и кошорыя продолжались иногда по нѣскольку мѣсяцовъ сряду. Военные походы сего Государя , въ коиъ онъ принималъ ревностное участіе , удаляли его изъ Столицы также на время весьма продолжительное. Сверхъ того Іоаннь съ 1565 года имѣлъ постоянное жительство въ Слободѣ Александровской , изъ кошорой пріѣзжалъ въ Москву не на великое время , какъ увѣряетъ Лѣтопи-

(23) Ibidem , прим : 137.

сецъ (24). Послѣ сего легко можно себя предсказать, что печеніе дѣль Государственныхъ могло бы совершенно остановиться, или по крайней мѣрѣ, они имѣли-бы медленное движеніе, если-бы Царь Іоаннъ Грозный, въ осуществленіе свое, не вѣривъ оныхъ Сановникамъ знаменитымъ, конхъ обязанность была только исполнять приказанія своего Самодержца. Намъ извѣсны такіе случаи. Такъ братья его, Князья Владиміръ Андреевичъ, Юрій Іоанновичъ, и Князь Андрей Петровичъ Куракинъ, во время отбытія Государя изъ Москвы, заведывали всими дѣлами внутренними. Чишатели уже видѣли, что Царь Симеонъ Бекбулашовичъ, испытанный Іоанномъ какъ въ храбрости непоколебимой, такъ и въ совѣтахъ благоразумныхъ, имѣлъ теперь полное право на неограниченную довѣренность сего недовѣрчиваго Монарха. Возложивъ на него все бремя Государственнаго правленія, но верховную власть сосредоточивъ въ своей особѣ, Іоаннъ, казалось, изыскивалъ новыя средства къ новому испытанію, или лучше, къ его гибели. Одна безпредѣльная, неукоризненная преданность, (можешь быть послѣдствіе страха, или благодарности), и безусловное повиновеніе всѣмъ повелѣніямъ сего грознаго Государя, могли спасти и наконецъ возвысить Симеона до высочайшей степени величія. Нѣтъ : въ Исторіи напрасно будемъ искать подобнаго событія! . . . Теперь мы можемъ, кажется, не безъ основанія заключить, что Бекбулашовичъ, въ 1576 году, буду-

(24) Ibidem, прим : 138.

чи любимцемъ Іоанна, чesшнмй, ласкаемй, былъ удостоенъ шѣхъ необыкновенныхъ почестей, шѣхъ милостей безпримѣрныхъ, кошорыя изумляють попомство и кошорыя, можеть бышь, на долго останушся не рѣшенными вопросами въ отечественной нашей Испоріи. Однимъ словомъ: Симеонъ былъ Главою Земщины, и два года предсавлялъ для Росіи, если не Монарха Самодержавнаго, шо, но крайней мѣрѣ, носилъ имя его!...

Ссылаясь на Разряды означеннаго нами года и грамашу сего же времени, мы рѣшишельно утверждаемъ, что Царю Бекбулашовичу дѣйствительяо *предоставленъ былъ и весь титулъ Царскій*, ибо шишудъ: *Великій Князь всея Русіи*, принадлежалъ съ древнѣйшихъ временъ только однимъ коронованнымъ Государямъ. Сверхъ шого уже замѣчено, и весьма справедливо, что подъ словами Маржереша: *даль ему великія богатства*, должно разумѣшь пожалованіе Бекбулашовичу въ слѣдующемъ 1577 году удѣла, съ новымъ шишудомъ Великаго Князя Тверскаго (25). Въ сіе-шо время Великій Князь Симеонъ Бекбулашовичъ всея Русіи имѣлъ неоспоримое право дашь отъ своего лица грамашу на владѣніе помѣшьемъ Меркулову, а пошому она не ешь *мистификація*, какъ думали нѣкошорые. Напрощивъ, грамаша сія, имѣя всѣ законныя достпоин-

(25) Удѣлъ сей издревле давалъ право на достпоинство Великаго Князя. И. Г. Р. прим: 211. Маржерешъ, 26. *Прилиѣтаніе Переводсика*.

схва, служишь памяшникомъ, подкрѣпляющимъ правому сказанію вноспранцевъ. Замѣчательныя слова на оборотѣ сей же граматы: *первой день*, есть ясное и твердое доказательство, что Бекбулашовичъ писалъ оную *въ первой день* своего мнимаго управленія дѣлами внутренними (26).

Вотъ слабыя наши изслѣдованія: желаемъ чисташь основательнѣйшія.

Въ Липовскую войну (1577 года), Симеонъ Бекбулашовичъ, жившій уже въ удѣлѣ своемъ Твери, и называвшійся Великимъ Княземъ Тверскимъ, былъ первымъ Военачальникомъ подъ Іоанномъ, предводительствуя многочисленною дружиною (27). Сія Липовская война достопамятна въ лѣтописяхъ военной Истории. Въ слѣдующихъ годахъ (съ 1578, до 1581) оль непрерывно находился въ походахъ, кои однакожь не были ознаменованы блистательными побѣдами.

И въ Государствованіе Феодора Іоанновича, Бекбулашовичъ не оставлялъ дѣлъ рашныхъ, служилъ съ шѣмъ же усердіемъ сыну, съ какимъ угождалъ

(26) Напрасно Изыскапелъ увѣряешъ, что грамата сія писана въ то время, когда Девлешъ-Гирей намѣревался громить Россію. Напомнимъ Изыскапелю, что грамата писана въ началѣ Февраля 1576 года, а Ханъ явился *въ полдъ* уже лѣпомъ. Сверхъ того въ семъ походѣ находился и Симеонъ Бекбулашовичъ, бывши въ числѣ особъ, приближенныхъ къ Іоанну. И. Г. Р. IX. 250. Др: Р. Вивл. XIV. 293.

(27) И. Г. Р. IX. 253. 263. и примѣ: 460.

ощу (28). Но хитрая полишка Годунова не дремала! Великій Князь Тверскій былъ предметомъ, можешь бышь и несправедливаго, подозрѣнія Борнсова, предвидѣвшаго огорчительную будущность для своихъ замысловъ. Могущественный Царедворецъ Θεодора лпшилъ прежде Сямеона удѣла. «Борнсъ опасался», пишеть Маржереть, чпобы нѣсколькo домовъ, соединясь узамп родства, не вздумали сопротивляльсь ему; съ шюю же мыслию удалль въ ссылку Царя Сямеона, женатаго на сестрѣ Мспиславскаго (29). Бекбулатовичъ сосланъ былъ въ село его Кушвалино, гдѣ и жилъ *въ скудости* (30). Испоріографъ Карамзинъ разсказываетъ дальнѣйшія обстоятельства такимъ образомъ: «Не знаменитый ни разумомъ, ни мужествомъ, онъ слылъ одинакожь благочестивымъ, смиреннымъ въ счастиі,

(28) Д. Р. В. ХІҮ. 490.

(29) Переводчикъ и здѣсь исправилъ ошибки Маржерета. Супруга Царя Сямеона, именемъ Анаспасія, была дочь, а не сестра И. Ѳ. Мспиславскаго. Вѣроятно, послѣ постигшаго несчастія, она добровольно удалилась въ монастырь, и въ Инокиняхъ названа *Александрю*. Бывшая Царица Анаспасія скончалась въ 1607 году. Вотъ надпись надъ ея гробницею въ Симоновскомъ монастырѣ: «Лѣта 7115, мѣсяца Іюня въ 7-й день, на память святаго Мученика Θεодоша прешавися раба Божія Царя Сямеона Бекбулатовича Царица Наспасья, въ Иноцѣхъ Схимница Александра, Князя Ивана дочь Θεодоровича Мспиславскаго.» Древн. Росс. Вивл. ХІХ. 385.

(30) Ник. лѣт. VIII. 30.

великодушнымъ въ ссылкѣ, и казался опаснымъ Правительству, нося громкое имя Царское и будучи зятемъ перваго родоваго вельможи (31).» Осмысливаясь замѣтивъ, что первая половина сего краснорѣчиваго періода—принадлежитъ *вымыслу* пошому, что объ этомъ рѣшишельно не упоминаешь ни одинъ Лѣтописецъ; что самъ Исторіографъ впоследствии прошиворѣчивъ себя, называя его *знаменитымъ* (32); что и здѣсь находишься прошиворѣчиемъ, кошорой не лзя пожертвовашъ при всемъ нашемъ уваженіи къ памяти незабвеннаго Карамзина!... Если Бекбудаповецъ *слылъ благогестивымъ, смиреннымъ въ счастіи, великодушнымъ въ ссылкѣ*, то это одно уже могло-бы сдѣлать *знаменитымъ* имя каждаго гражданина у всѣхъ народовъ и во всѣхъ вѣкахъ. Можно-ли обвиняшь его въ недоспашкѣ разума, въ неимѣніи отличнаго мужества, когда Іоаннъ возлагалъ на Царя Симеона все бремя Государственнаго управленія, и, корешко знавши его мужество, его примѣрныя доблести воинскія, вѣрять ему многочисленныя дружины?..

Но опала бывшаго Великаго Князя Тверскаго не вполне удовлетворяла властолюбіе Годунова: онъ посягнулъ на злодѣяніе еще ужаснѣшее, паносащее укоризну его вѣку, и служившее новымъ доказательствомъ безчеловѣчной полишкы Русскаго Крестя! Годуновъ спѣшилъ привести въ исполненіе свои замыслы, созрѣвшіе еще при жизни слабаго

(31) И. Г. Г. X. 215.

(22) Ibidem, XI. 257.

Феодора. «Въ день своего рожденія,» говоришь Маржереть, «день, который празднуютъ во всей Россіи съ великимъ торжествомъ, Царь (Борисъ) обрадовалъ заоченнаго Симеона надеждою скорого освобожденія и прислалъ ему при своемъ письмѣ вина Испанскаго. Симеонъ и служитель его, выпивъ вина за Царское здоровье, оба въ короткое время ослѣпли. Я «продолжаетъ Маржереть,» слышалъ это изъ собственныхъ устъ его (33).» Князь Хилковъ пишетъ, что Борисъ ослѣпилъ Бекбулатовича именно за то, «что Царь Симеонъ подозрѣнъ на него имѣлъ о убивствѣ Царевича Дмитрія (34).» Сказаніе сіе правдоподобно, слѣдовательно и уважительно. Карамзинъ относитъ сіе обстоятельство къ царствованію Феодора Иоанновича: онъ вѣрнѣе болѣе Никоновской лѣтописи, опредѣлившей даже и время (1595 годъ) сему злодѣйскому событію; но мы сказаніе Маржерета и въ семъ случаѣ должны предпочесть собственнымъ извѣстіямъ. Посмотрите: съ какою точностію рассказываетъ онъ о семъ происшествіи! Сверхъ того царубійство, приписываемое Борису, и случившееся не задолго до того въ Угличѣ, было тогда у всѣхъ въ свѣжей памяти. Коварный любимецъ Феодора не дерзнулъ-бы на но-

(33) Маржереть, 66. Замѣтимъ, чего не замѣтилъ Переводчикъ. вмѣсто дня рожденія, надобно читать день *имянинъ* Бориса, который бываетъ 20 Іюля и который дѣйствительно почитается въ народѣ великимъ праздникомъ.

(34) Ядро Исторіи Россійской. 244.

Октябрь 1831.

39

вую опасность, коей послѣдствія могли-бы угрожать ему гибелью....

Находясь въ заточеніи, забышій и счастьемъ, и Дворомъ, и людьми, сей слѣпой страдалецъ былъ еще страшнымъ пугальцемъ воображенія и для Теодора Борисовича. Въ историческихъ памятникахъ, не подлежащихъ ни малѣйшему сомнѣнію, читаемъ присягу (сочиненную еще при Борисѣ), кошорая служила опцу съ сыномъ какъ-бы надежною порукою въ будущности, всегда ужасной для омраченной совѣсти (35). Лже-Димитрій, почтивъ прежде знаменіяшаго изгнанника нѣкошорыми ничтожными почестями, снова дозволилъ именоваться Царемъ, но всегда ревностный къ Церкви Симеонъ: «начашъ многимъ людемъ говорить, чшобы не предали православныхъ Христіанскія вѣры въ Лашынство, «повѣствуешъ Лѣтописецъ.»—Ему же, Ростригъ, шо увѣдавшу, повелъ его поймати и сосла его въ Соловецкій монастырь: памъ его и постригоша (36).» Въ 1611 году бывшаго Царя Симеона, названнаго въ инокахъ *Стефаномъ*, неизвѣстно по какому случаю, перевезли въ монастырь Кирилловъ Бѣлозерскій (37). Уже въ царствованіе Михаила Теодоровича, Векбулатовичъ, волею или неволею, живой или мершвыи, неизвѣстно, снова перевезень былъ

(35) Собр. Государ. грамотъ и договоровъ II. 192

(36) И. Г. Р. XI. 216, и прим: 368. Никон: лѣтопись VIII. 73.

(37) Лѣтоп. Соловецкій. 32.

изъ обихели Бьдоезерской въ Симоновъ. Прахъ бего несчастнаго Царя покоиша нынѣ въ Симоновскомъ монастырѣ, рядомъ съ могилою его супруги, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая надпись, находящаяся на гробовой каменной доскѣ, по правую сторону подъ папертью Соборнаго Храма въ палащкѣ: «Лѣта 7124 (1616) Генваря въ 5 день на память святыхъ мученикъ Θεопемша и Θεоны, престависъ рабъ Божій Царь Симеонъ Векбулашовичъ, въ иноцехъ схимникъ Сшефанъ (38).

Вошь его биографія! Подробнѣйшихъ обстоятельствъ о дѣшельной жизни Векбулашовича, исполненной злоблудія, мы не знаемъ.

Трешья грамаша въ Телеграфъ: Юрія Ивановича Дмишровскаго, списана вѣрно, однакожь замѣшимъ, что шамъ, гдѣ сказано: *Инобажемъ*, пропущено слово *исправлена*, кошорое замѣнено точками.

Обнаруживая истину (касательно вѣрности спи-

(38) Древн. Росс. В. XIX. 385. Напрасно мы желали узнать: былъ-ли Царь Векбулашовичъ въ Симоновѣ инокомъ! Письменныхъ документовъ нѣтъ; только въ *Синодикѣ* упоминается о Царѣ Симеонѣ... Замѣшимъ, что древнія гробницы, находящіяся подъ папертью Соборнаго Храма, въ 1812 году много поперѣли отъ любопытства Французовъ. Небрежность угрожаетъ остатку совершеннымъ разрушеніемъ.

сковъ,) мы думаемъ, что сдѣлали не маловажную услугу Г. Сахарову: « ибо пошь служить, кто укзываетъ на погрѣшности наши и даешь намъ возможность исправлять ихъ. »

Николай Андреевъ.

1831 года.

Тула.

ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ.

Въ N° 18-мъ Телеграфа сообщили мы извѣстіе о надгробномъ памятникѣ Князя Сангро Сансеверо, находящемся въ Неаполитанской церкви Santa-Maria della Pietà, или Capello Sansevero. Сей памятникъ, воздвигнушій сыномъ Князя Сангро, Княземъ Раймондомъ, и изваянный изъ мрамора Генуэзцемъ Курэйроло, какъ мы замѣтили, достоинъ особеннаго вниманія по трудности работы, но едва-ли имѣешь какое либо *эстетическое* достоинство.

Не смотря на то, художникъ достигъ своей цѣли, если онъ желалъ удивить современниковъ. Замысловатость и хитрость работы его возбуждали изумленіе шугемцевъ, и иностранцевъ, посѣщавшихъ Неаполь.

Когда Князь Раймондъ пожелалъ имѣть, въ соотвѣтственность сему, памятникъ шерсти своей, Княгиня Сансеверо, нашелся художникъ, вызвавшійся перехитрить самого Куэйроло. Это былъ Венеціанинъ Коррадини.

Рисунокъ сдѣланнаго имъ памятника приложенъ при сей книжкѣ Телеграфа. Коррадини изваялъ изображение Книгини и закрылъ его покрываломъ, шакъ, что казалось мраморъ сквозилъ на головѣ и груди этой спашув, а потомъ, сгибаясь складками, дѣлался мягкимъ, и образовывалъ шкань, закрывавшую шло ось самага пояса. Издали можно было обманушься, и подумаешь, что мраморное изображение Книгини Сансеверо художникъ закрылъ какою-нибудь прозрачною шканью.

Отдавая справедливостъ механической части работы Коррадини, кажешся, о трудѣ его шоже самое сказать надобно, что мы сказали уже о работѣ Куэйроло: въ эстетическомъ отношеніи трудъ его не имѣетъ никакого достоинства. Это побѣжденная шрудность, игрушка, искуснымъ рѣзцомъ сдѣланная, и — болѣе ничего! Художникъ хотѣлъ, говоряшь, изобразить *стыдливость женскую* (la pudeur). Не понимаемъ, какъ можетъ эта полстая, не-блгообразная фигура, очень спокойно облокошившаяся на какой-то камень, выражать тихое, прекрасное чувство женской стыдливости! Скорѣе можно почестъ ее за изображение доброй торговки, которая послѣ бани закупалась въ прозрачное покрывало.

Механическая обработка, конечно, составляешь важную часть достоинствъ художника, но не *главную*, и даже не принадлежитъ она къ числу главныхъ. Это въ ваяшелѣ шже, что въ поэзі способность выражашься чистыми, звучными стихами. Данте, Альфіери, Державинъ нашъ, не имѣли сей способности, и за всѣмъ тѣмъ они безсмертны; изъ числа-же современныхъ нашихъ Русскихъ поэтовъ, человекъ десятъ пишушь стихи удивительно звучные и гладкіе, въ большей или меньшей степени, но — это Коррадини Русской Поэзии! Рафаэль давалъ иногда ошдѣлывать многія подробности своихъ картинъ ученикамъ своимъ, но бессмертная мысль, но его изобрѣшеніе гениальное, его непостижимое искусство *изложить*, такъ скажашъ, картину, заставляли забывашъ механическую часть. Здѣсь тайна Эстетическаго очарованія *Изящныхъ Искусствъ!*

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Изложивъ, въ № 19-мъ Телеграфа, государствен-
ное устройство любезнаго ошечества нашего, ка-
сашельно : I, *вышей* администраціи, II, *внѣшней*,
или въ отношеніи къ другимъ Державамъ, III, *во-*
енной внутренней, IV, *духовной* внутренней, и
V, *гражданскаго суда*, вышей и центральной,
предешавляемъ систематическое изложение осудаль-
ныхъ раздѣловъ государственной Россійской адми-
нистраціи.

Она сущь :

VI. Финансы, торговля и промышленность.

Министръ Финансовъ. При немъ Канцелярія, Уче-
ный Комитетъ, и особенная Канцелярія по кре-
дитной частши.

Депаршаменты Министерства :

1. *Государственныхъ имуществъ*, дѣлящійся на
6 Отдѣленій, Чертежную и Архивъ. Сюда отно-
сятся : Санктпетербургскій Лѣсной Инспияшущъ,
и управление въ государствѣ казенныхъ лѣсовъ :
Форштмейстеры, Губернскіе Лѣсничіе, старшіе
Лѣсничіе, Онежская Лѣсная Коншора, Присшавы
лѣсныхъ засшавъ. — Особенное управление казенныхъ
поселянь.

2. *Горныхъ и соляныхъ дѣлъ*, дѣлящійся на 5 отдѣленій, Отдѣленіе Колывано-Воскресенскихъ и Нерчинскихъ заводовъ, Счетное, Судное и чершежную. Сюда относятся: Горный Кадетскій Корпусъ, Санктпешерб. Монетный Дворъ, Московское Горное Правленіе, Пермское Горное Правленіе (два Департаментна онаго; Оренбургскій линейный баталіонъ, Горные Члены въ уѣздныхъ судахъ, Заводскіе Исправники по заводамъ частныхъ людей; заводы казенные: Пермскіе, Екатеринбургскіе, Гороблагодатскіе, Богословскіе, Камско-Воткинскіе, Злашоустовскіе, Оружейная Злашоуст. фабрика); липейный Александровскій (въ С.Петербургѣ) и липей. Луганскій заводы, Олонецкіе заводы, Грузинская Горная Экспедиція; Главное управленіе Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, Горное оныхъ правленіе и Горныя конторы; Главное управленіе Нерчинскихъ заводовъ, Горная оныхъ экспедиція и Горныя правленія и конторы. — Соляныя правленія; въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

3. *Внѣшней торговли*, дѣлящійся на 4 Отдѣленія. Сюда относятся: Начальники таможенныхъ округовъ, Таможни, Таможенные засшавы, внутр. засшава Одесскаго Порто-франко, Таможенная пограничная стража, и Коммиссія для окончанія биржевыхъ спроеній въ Спб.

4. *Разныхъ податей и сборовъ*, дѣлящійся на 6, и еще временное, Отдѣленія.

5. *Мануфактуръ и внутренней торговли*, дѣлящійся на 2 Отдѣленія, и Счетное. — Мануфактурный Совѣщъ, съ его Отдѣленіемъ (въ Москвѣ). —

Комитетъ снабженія гойскъ сукнами (въ Москвѣ).—
 Коншоры купеческихъ верфей (въ Спб. и Херсонѣ).—
 Училище торговаго мореплаванія (въ Спб.).—Ком-
 мерческій Совѣтъ и его Ошдѣленія.

Государственные Банки :

1. Ассигнаціонный (Правленіе онаго, и Экспедиція
 загошовленія государственныхъ бумагъ).

2. Заемный.

3. Коммерческій (Правленіе онаго, Ошдѣленія, и
 пять *Конторъ* по городамъ).

Департаментъ государственнаго казначейства.—
 Главное Казначейство.

VII. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ. При немъ Канце-
 ларія.

Департаменты Министерства :

1. *Государственнаго хозяйства и публичныхъ
 зданій*, въ трехъ Ошдѣленіяхъ. Къ нему относя-
 ся, *Комитеты*: Строительный, и о колоніахъ
 южнаго края Россіи (Коншоры иностранныхъ посе-
 ленцевъ). Саратовская Коншора опекуинства ино-
 странныхъ поселенцевъ, Инспекція шелководства,
 Инспекція СПетербургскихъ колоній.

2. *Хозяйственный.*

3. *Полиціи исполнительной*, и при немъ Спаши-
 щическое ошдѣленіе.

4. *Медицинскій*, къ которому относящаяся: Медико-
 Хирургическая Академія, и Московское оной Ош-

дѣленіе; Повивальный Институтъ въ Бѣлостокѣ; Аптечныя магазины, Казенныя аптеки, Инспекція по арміи, Инструментальная фабрика; Школа на Аптекарьскомъ островѣ; Медицинскій Лубенскій садъ. — Медицинскій Советъ. — Управление Гражданскаго Генераль-Штабъ-Доктора (Физикашъ въ Спб., Мед. Контора въ Москвѣ, Врачебныя Управы по губерніямъ).

VIII. Просвѣщеніе народное.

Министръ народнаго просвѣщенія. При немъ Канцелярія.

Департаментъ Министерства раздѣляется на 4 Отдѣленія. Кромѣ того, находясь при немъ: книжный магазинъ; Географическая экспедиція; Экспедиція о снабженіи училищъ пособиями, и типографія.

Главное управленіе Цензуры, съ Цензурными Комитетами, въ Спбургѣ, Москвѣ, Дерптѣ, Вильнѣ, и отдѣльными Цензорами въ городахъ. — Комитетъ Цензуры иностранной.

Академія: Наукъ и Россійская.

Главное Правленіе училищъ. Къ нему, Педагогическій Институтъ въ Спб. — Мѣстное управленіе учебною частію, или *Учебные округа*, суть:

1-е. *С. Петербургскій*. Университетъ (при немъ Пансіонъ и Высшее училище, преобразуемые въ Гимназіи), Гимназія, Управление училищъ Евангелической церкви, и Дирекція губернскаго (Гимназіи, уѣздныя и приходскія училища шести губерній).

2. *Московскій*. Университетъ. При немъ Ученыя Общества: Испытателей природы, Исторіи и Древностей Россійскихъ, Врачебныхъ и Физическихъ наукъ, любителей Россійской Словесности; Пансіонъ (преобразуемый въ Гимназію), — Демидовское высшихъ наукъ училище, въ Ярославль. Дирекціи губернскаія (гимназіи и училища 11-ти губерній).

3. *Дерптскій*. Университетъ, и дирекціи училищъ (Курляндская, Рижская, Дерптская, Эстляндская).

4. *Виленскій*. Университетъ. При немъ: Кременецкая и Виленская Комиссіи училищныхъ фондушей; Медицинское Общество; Дирекціи губернскаія (Гимназіи и училища губ. Виленской, Гродненской, и Бѣлосшокской области).

5. *Казанскій*. Университетъ. При немъ: Общество любителей Отеч. Словесности, и Дирекціи губернскаія (Гимназіи и училища 8-ми губерній).

6. *Харьковскій*. Университетъ. При немъ: Общество наукъ; Гимназія высшихъ наукъ Князя Безбородко, въ Нѣжинѣ; Дирекціи губернскаія (Гимназіи и училища въ 12 губерніяхъ, землѣ Донскихъ и Черноморскихъ войскъ).

7. *Бѣлорусскій*. Дирекціи губернскаія (Гимназіи и училища 3-хъ губерній).

Отдѣльныя управленія :

а) *Одессы и Бессарабіи*. Ришельевскій Лицей и мѣстныя дирекціи.

б) *Грузіи и Армянской области*.

в) *Сибири*.

Публичная Библіотека , въ Спб. — Общество Словесности и Практики , въ Ригѣ. — Общества: Минералогическое и Фармацевтическое, въ Санкт-петербургѣ.

(Для полнаго соображенія всѣхъ пособій народнаго Просвѣщенія , надобно сообразить учебныя и ученые заведенія по другимъ управленіямъ, какъ-то: Военному , Финансовъ , Внутреннихъ дѣлъ , Духовному , Пушей сообщенія , Императорскаго Двора , Иностранныхъ дѣлъ , и ошдѣльнымъ (см. ниже).

IX. Дороги и каналы.

Главноуправляющій путями сообщеній. При немъ: особенная Канцелярія , Штабъ Корпуса пушей сообщенія и Совѣтъ пушей сообщенія.

Департаментъ путей сообщенія , въ 5-мъ Ошдѣленіяхъ , съ резервомъ , и разными ошдѣльными командировками , порученіями и часпями.

Инспикторъ Корпуса Инженеровъ пушей сообщенія. — Кондукторская Школа.

Коммисія построенія Шлиссельбургскихъ шлюзовъ. — Особенное управленіе большихъ дорогъ въ государствѣ.

Частныя управленія , или мѣстные *Округи* (всего 8 , по водянымъ и сухопутнымъ сообщеніямъ , съ мастерскими и полицейскими бригадами , Медицинскою частью , судоходными расправами и депушациями судоходства. — Экономическіе Комитеты (мѣстные).

Х. Почты.

Главнoначальствующій надъ Почтовымъ Департаментомъ. При немъ Канцелярія.

Почтовый Департаментъ, въ 5-ти Отдѣленіяхъ. — Почтамты въ Спб. и Москвѣ.

Округи (всего 11-ть, съ окружными Почтъ-Инспекторами, губернскими и уѣздными Почтмейстерами въ Почтовыхъ Конторахъ, Временнымъ Лишовскимъ Почтамтомъ, и заграничными Конторами (въ Бухарестѣ, Яссахъ и Константинополѣ).

ХІ. Ревизія счетовъ.

Государственный Контролеръ. При немъ Канцелярія, съ отдѣльною Экспедиціею, Архивомъ, и чиновниками по другимъ Министерствамъ отъ Контроля.

Государственная Экспедиція для ревизіи счетовъ. — Военно-счетная Экспедиція. — Департаментъ Морскихъ счетовъ. — Временныя Комиссіи для осчетовъ, по разнымъ частямъ.

ХІІ. ИМПЕРАТОРСКІЙ Дворъ, Придворная
Администрація и Штатъ.

а. Придворный Штатъ.

Министръ Императорскаго Двора.

Первые чины. Оберъ-Каммергеръ, Оберъ-Гофмейстеръ, Оберъ-Гофмаршалъ, Оберъ-Шенкъ, Оберъ-Шпалмейстеръ, Оберъ-Егермейстеръ.

Вторые чины. Гофмейстеры, Гофмаршалы, Шталмейстеры, Егермейстеры, Оберъ-Церемоніймейстеръ, Церемоніймейстеры, Дѣйств. Каммергеры, въ званіи Каммергеровъ, въ званіи Каммеръ-Юнкеровъ.

Статсъ-Секретарь (у принятія прошеній на Высочайшее имя).

Собственная Его Императорскаго Величества Канцелярія, въ 4-хъ Ошдѣленіяхъ.)

Медицинскіе придворные чины: Лейбъ-Медики, Лейбъ-Окулисты, Лейбъ-Хирурги, Придворные Докшора, Гофъ-Хирургъ, Зубные Врачи, Врачи при Дворѣ.

Духовенство. Протоіерей, Прощодіаконы, (Придворная Капелла пѣвчихъ).

Гардеробъ-Мейстеры, Каммеръ-Фурьеры, Каммердинеры.

Эрмитажъ.

Роша Дворцовыхъ Гренадеровъ.

Собственные Его Императорскаго Величества Коншора и Дворецъ.

При Государынѣ Императрицѣ:

Оберъ-Гофмейстерина, Статсъ-Дамы, Каммеръ-Фрейлины, Фрейлины, Дѣвицы помѣщенные при Фрейлинахъ, Каммеръ-Фрау, Каммеръ-Юнгферы.— Ошдѣльная Канцелярія.

При Цесаревичѣ Наслѣдникѣ, Воспиташель, Наславникъ, Учитель.

При Великихъ Княжнахъ, Воспиташельница, помощница ея, Учишела, Англичанки, Каммеръ-Фрау, Каммеръ-Юнгферы.

Особенный Шштатъ былъ при Дворѣ въ Бозѣ почитающаго Цесаревича. Новыя' перемѣны по сей чаша въ Общемъ Шштатѣ не показаны, ибо сей Шштатъ ошносился къ началу 1831 года.

Особенный Шштатъ при Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ, Супругѣ Его и Великихъ Княжнахъ.

б. *Вѣдѣнія Придворнаго Штата.*

Капишуль Россійскихъ Орденовъ, и при немъ: Экспедиція знака отличія безпорочной службы, Экспедиція ордена Св. Анны, Офиціалы Орденовъ.

Министерство удѣловъ. Министръ удѣловъ (онъ же и Императорскаго Двора). При немъ: Департаментъ удѣловъ (въ вѣдомствѣ онаго Санктпешсбургское Земледѣльческое Училище). — Удѣльныя Управленія; 21 Удѣльная Контора, въ разныхъ мѣстахъ государства. — Петергофская бумажная фабрика.

Кабинетъ Его Императорскаго Величества, въ 4-хъ Отдѣленіяхъ. Сюда ошносятся: фабрика гранильная въ Екатеринбургѣ, и Горношидскій мраморный заводъ, шлифовальная Колыванская фабрика, шпалерная мануфактура, заводы: стеклянныя въ Спб., стеклянныя Выборгскіе, фарфоровый, Кіево-Межигорская фаянсовая фабрика, Царскосельская обойная. — Строительная особенная Коммиссія,

Канцелярія Министерства Двора , и при ней
Контроль.

Конторы: Придворная, Гофъ-Инпендантская, Экспедиція Кремлевскаго Строенія (переобразованная въ 1831 году), Дворцовыя мѣстные управленія, и Градскія Правленія въ Гашчинѣ и Павловскѣ; Мастерская Оружейная Палата, въ Москвѣ; Егермейстерская Контора, Придворная Конюшенная Контора (къ ней относятся Дворцовыя конскіе заводы, и Конюшенные Штаты), Придворный Конюшенный экипажный Комитетъ; Дирекція Театровъ (въ Петербургѣ и Москвѣ); Пажескій Корпусъ; Академія Художествъ; Ботаническій садъ, въ Санктпетербургѣ.

(До слѣд. книжки).

—*—

С М Ъ С Ъ .

—

Недавно объявлено было въ иностранныхъ Журналахъ о новомъ изданіи Клапротовой: *Asia Polyglotta* (Парижъ, 1831 г. in-4°). Въ Нѣмецкихъ Газетахъ пишутъ шеперь, что это пустая купеческая спекуляція (*Die Sache erscheint als ein kaufmännisches Manöver*). Книгопродавцы Эйделгофъ и Кампе купили остальные экземпляры сшараго, 1823 года изданія, и припечатали къ нему новый заглавный листокъ, а самъ Авторъ приклеилъ новое посвященіе, и все эшо назвали *вторымъ*, новымъ изданіемъ.

—

Новая опера Мейерберга: *Робертъ Дьяволъ* (слова Скриба и Жермень-Делавиня) надѣлала много шуму въ Парижъ, и приняша была съ громкими рукоплесканіями. Содержаніе оной въ родѣ Фрейшица, шолько еще спрашивѣ. Въ музыкѣ также отзывается Веберъ, какъ пишутъ въ Газетахъ и Журналахъ. — Новый романъ Купера: *Браво*, изданъ въ Парижъ, въ 4-хъ частяхъ. Человѣкъ, въ родѣ Шпіона Куперова, есть главное дѣйствующее лицо романа. Дѣйствіе въ Венеціи. Якопо Фронтони являещя на сцену тайнымъ убійцею, начальникомъ Бандитовъ, для того, чтобы услугою Венеціанскому Правительству спасти жизнь своего отца, помя-

щагося въ подземныхъ темницахъ Венеціи. Но въ самомъ дѣлѣ, Фройшони не сообщникъ Венеціанской подозрительной Аристокрашіи: онъ гошовилъ ей мщеніе, показывая въ себѣ ея мнимаго соучастника. Вотъ завязка романа, въ который помѣстивъ Куперъ множество замѣчаній и описаній мѣстностей, собранныхъ имъ во время путешествія по Италіи. Впрочемъ, давно уже замѣтилъ странное однообразіе Куперова воображенія. Кто прочиталъ два, три его романа, тотъ знаетъ всѣ остальные.

Въ будущемъ 1832 году послѣдуетъ два солнечныхъ и одно лунное затмѣніе. Одно солнечное, кольцеобразное, будетъ съ 20 на 21-е Января, и въ Европѣ оно останется невидимо; другое полное, Іюля 15-го, будетъ видимо въ Европѣ западной. Лунное затмѣніе будетъ частное, Декабря 25 числа. Еще любопытное небесное явленіе приходивша въ 1832 году — прохожденіе Меркурія передъ Солнцемъ, 23 Апрѣля.

Вотъ что пишушь въ *Парижскомъ Дамскомъ Журналѣ*: «Одинъ изъ *Московскихъ* купцовъ изобрѣлъ машину для шканья шалей, на манеръ *Кашемирскихъ*. Если онъ сдѣлаешь свое открытіе известнымъ публикѣ, какъ онъ обѣщаль, то наши щеголихи могутъ порадоваться этому, ибо шали, вѣроятно, будутъ тогда дешевле, и имъ можно будетъ мѣнять ихъ чаще, и имѣть болѣе.»

Холеру ждуть безпрестанно въ Парижѣ, и вооружаются противъ нея всѣми возможными средствами : хлоромъ , уксусами , благовоніями , каламбурами , пѣснями , куплетами. Баронъ Массіасъ выдумалъ даже *анти-эпидемическую маску*, кошорую надобно будешь носить на лицѣ тому, кто не хочеть заразиться Холерою. Фигура этой маски презабавная; Журналисты Парижскіе смѣются надъ изобрѣщеніемъ Барона Массіаса , и говорятъ , что если она не войдетъ въ моду , то останется безполезною , ибо ее ни кто носить не станеть , хотя-бы пришлось отъ этого умирать. Какой-то шарлаханъ объявилъ наконецъ о продажѣ *Воды Герцогини Портсмутской* (L'eau de la Duchesse de Portsmouth). Онъ увѣряеть , что кто станеть умываться и прыскается этою водою, тотъ не только спасеться отъ Холеры, но помолодѣеть, и будеть очень красивъ и милъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ХЛІ Ч А С Т И.

Мысли Шатобриана объ Исторіи и Историкахъ.....	3, 137, 277
Письмо къ Доктору Эрману.....	37
Поль Луи Курье (Извѣстіе о немъ, и письма его)..	311
Явленіе Димитрія Самозванца (опрывокъ изъ Беровой рукописи, пер. Г-на Устрялова).....	453
Историческое обозрѣніе пятой части свѣта (<i>оконтаніе</i>).....	99
Письмо къ Издателю (о жизни и сочиненіяхъ В. И. Баженова).....	115
Рѣчь, говоренная В. И. Баженовымъ, при заложеніи Кремлевскаго Дворца.....	120
Отчетъ по управленію народнымъ просвѣщеніемъ во Франціи.....	211, 394, 548
Извѣстія о нѣсколькихъ древнихъ грамотахъ (Г-на Сахарова).....	246, 416
Поправки грамотъ, напечатанныхъ въ № 19-мъ Моск. Телеграфа.....	575
<hr/>	
Опрывокъ изъ романа: <i>Стрѣльцы</i> , соч. К. П. Масальскаго.....	175
Замокъ Коппетъ. Повѣсть Гжи Жанлисъ.....	473
СТИХОТВОРЕНІЯ.	
Преложеніе изъ Пророка Іезекіиля (Д. Боринянскаго).....	172

II.

РАЗБОРЫ И КРИТИКА.

Крипическое обозрѣніе новой методики ученія , изобрѣщенной Жакопо (статья I).....	74
Краткое обозрѣніе книги : <i>Пособіа и правила изученія Россійскихъ законовъ</i> , соч. П. И. Дегая	196
О древней Повѣи Арабовъ , до Мугаммеда. Соч. Барона Экшпейна.....	349, 503

Современная Русская библиографія. 87, 211, 377, 351	
Опытъ Малороссійскаго перевода <i>Полтавы</i>	123
Отечественныя извѣстія.....	130, 264, 438, 603
Изъясненія картиновъ.....	261, 600
Смѣсь.....	133, 269, 447, 503

Новый Живоп. Овц. и Литтературы. № 17, 18, 19, 20.

Всѣда у стараго лившператора.....	281
Приключенія по смерти Гна Кохшпина.....	297
Для чего это дѣлается? (статья II).....	331
Парижскія моды.	

При сей части Телеграфа находятся : *изображеніе
Мексиканскихъ гіероглифовъ ; портретъ Талейра-
на ; изображенія надерабныхъ памятниковъ Князя
и Княгини Сансверъ ; два изображенія Парижскихъ
модныхъ мебели , и шесть картинокъ Париж-
скихъ , дамскихъ и мужскихъ , модъ.*

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.

№ 20. Октябрь 1831.

ДЛЯ ЧЕГО ЭТО ДѢЛАЕТСЯ?

(Статья вторая)

Толстосумовъ, (богатый купецъ, полуодѣтый, стоитъ передъ зеркаломъ). Будшо нарочно сегодня выбрилъ прескверно! Право, незнаю, какъ я явишься къ Его Сіашельству. Иванъ Ѳомичъ! (прикащикъ выглядываетъ изъ дверей) Чшо-же, брашець: пріѣхаль-ли извозчикъ? Вѣдь эдакъ я опоздаю.

Иванъ Ѳомичъ. Нѣшъ еще, не пріѣхаль.

Толст. Ахъ, онъ разбойникъ! Поди-же, найми мнѣ хорошенькаго съ биржи, топчасъ.

Ив. Ѳом. Сей часъ-съ.

Толст. Иванъ Ѳомичъ!

Ив. Ѳом. Чшо прикажете?

Толст. А когда топшь плушяга пріѣдешъ, такъ не плаши ему денегъ. Уговоръ былъ пріѣхашъ рано. Вѣдь если я его прожду, да опоздаю, шакъ знаешъ, я съ него шмьсячи рублей не возьму.

Ив. Өом. Очень хорошо.

Толст. Иванъ Өомичъ! не слышишь! Иванъ Өомичъ!

Ив. Өом. Чшо прикажете?

Толст. Чшо-жь, брашець! Давай одѣвайся!

Ив. Өом. Я было за извощикомъ побѣжалъ...

Толст. Все-то еще собираешься! А я думалъ, что ты ужь привелъ... Скорѣе-же спупай! (*Ив. Өом. бѣжитъ*) Или ужь сперва дай одѣшься. — Иванъ Өомичъ!

Ив. Өом. Чшо изволише?

Толст. Да чшо, брашець, ты ничего порядкомъ не дѣлаешь. Давай одѣвайся! Есть-ли у тебя хорошая манишка, да галспухъ дай башикетный — а фракъ, я думаю, бронзовый, что Немець шилъ — жилетъ бархатный — знаешь пошто, что дорогой по!

Ив. Өом. Сей часъ, сударь! (*слышенъ звукъ колокольника у дверей*).

Толст. Вошь еще кто-то пришелъ нѣшашъ. Скажи: нѣшъ дома! (*Ив. Өом. уходитъ*) Вѣдь право, какіе люди: времени не знаютъ, когда приходишь. Годовой праздникъ, день ошди и поржешственныхъ связей, существующихъ между людьми порядочными. А шупъ поди съ какими нибудь будничными пусыками лѣзутъ! (*слышенъ голосъ Ивана Өомича: «Нѣшъ, сударь, е*

дома; онъ не велѣлъ сказывашь!» — *Пришед-
шій спорить съ нимъ*) О, да эшо знакомый го-
лось, кажешся; какъ будшо Хрисанеъ Августини-
нычъ. Иванъ Ѳомичъ! кпо шамъ?

Ив. Ѳом. Хрисанеъ Августиновичъ Адопуло
пришелъ, да вошь я ему говорю, что васъ
дома нѣтъ, а онъ говоришь, что слышишь вашъ
голосъ, и не вѣришь.

Хр. Авг. Здравствуйше, мой почтеннѣйшій,
Яковъ Самсонычъ.

Толст. А, эшо ты! Ну пусти его, Иванъ
Ѳомичъ; эшо свой человекъ. Ну, здорово, Хри-
санеъ Августиничъ? Ну, что скажешь? Здо-
ровья? Садись-ка.

Хр. Авг. Чшо сказань-вамъ, Яковъ Самсо-
нычъ; вы ныпче, какъ знашый человекъ: ни-
кого не пускаете. Чшо у васъ за дѣла пакія?

Толст. Да, поважиѣ, брашь, вашихъ маклер-
скихъ дѣлъ.

Хр. Авг. Ну, конечно, поважиѣ — гдѣ-же на-
шему брапу за вами шануться. У васъ бездѣлье
больше нашего важнаго дѣла.

Толст. (*улыбался*) Нѣтъ? Право пакъ?

Хр. Авг. Я и мѣшашъ вамъ не буду. Пришелъ
сказашъ вамъ шолько одно: Яковъ Пешровичъ
гошовъ купишь у васъ шоваръ, шолько надобно

дѣло рѣшить пеперь-же, а шо за намъ ходитъ
человѣкъ десятъ — перебьютъ.

Толст. Ну, что-же? Рѣшишь, такъ рѣшишь.

Хр. Авг. Я за шѣвъ ѣ забѣжалъ къ вамъ. Мо-
жно придти ему сей часъ, посмотрѣшь?

Толст. Сей часъ не лзя.

Хр. Авг. Какъ не лзя? Почему?

Толст. А пошому, что я сей часъ ѣду со
двора.

Хр. Авг. Не ѣздише.

Толст. Не лзя, говорю шебѣ.

Хр. Авг. Да какія необходимы дѣла у васъ
сегодня, что непременно надобно ѣхать?

Толст. Экой ты, братецъ, не лзя. Сегодня
пояржественный праздникъ.

Хр. Авг. Ну что-же?

Толст. Какъ: что-же? То, что я не невѣжда
какой нибудь: надобно съѣздишь поздравить съ
праздникомъ попевнѣйшихъ вельможъ, моихъ
знакомцевъ.

Хр. Авг. Да что вамъ за радость ѣздишь къ
нимъ? Вы оиъ нихъ гроша не получите, а если
рѣшишь дѣло съ Яковомъ Петровичемъ, такъ
вамъ не одна тысяча перевалился.

Толст. Охъ, ты, Маклерская душа: только
и коммшленія, что о барышахъ!

Хр. Авг. А о чемъ-же еще думатьъ?

Толст. Есть, братецъ, вещи важнѣе денегъ и барышей, Хрисанеъ Августиновичъ.

Хр. Авг. Какія-же эшо вещи?

Толст. Главное, братецъ: честь! Я не отдамъ ее за большія деньги. Ты говорилъ: шмсячи перевалаятса. А знаешь-ли, что за честь не возьму я многихъ шмсячь.

Хр. Авг. Не понимаю, какъ вы связываеше честь вашу съ поѣздкой къ какимъ-то боярамъ! Приѣдеше-ли вы къ нимъ, или не приѣдете, онъ эшого вамъ ни шепло, ни холодно.

Толст. Если ты, дружище, какойнибудь вещи не понимаешь, шакъ ты и не берись судить объ ней. Ты человекъ хорошій, добрый, исправный въ своемъ дѣлѣ, но человекъ ты припомъ проспой и незначачій много въ большомъ свѣтѣ. Ну, а я, напримѣръ, совсѣмъ другое дѣло. У меня есть другія обязанности, и если я не сшану оказывать примѣра прочимъ, шакъ что же эшо будешъ?

Хр. Авг. Покорно благодарю васъ за наспавленіе, но право-же я не понимаю, что вамъ за обязанность, бросая дѣло, вѣхашъ кланяшся вельможѣ какомунибудь?

Толст. Какъ: вельможѣ какомунибудь? Я поѣду къ Графу Разсудову, бывшему нашему Губернатору.

Хр. Авг. Кошораго смѣнили за взяшки, какъ я слышалъ?

Толст. Тотъ самый, и — охъ, брашъ! какой молодець былъ: ни живому, ни мершвому спуску не было! Опъ него проѣду къ Парсеншю Ягуповичу Благородову, который прѣзжалъ его ревизовашъ, и сполкнулъ съ мѣста.

Хр. Авг. Эшопъ, говорятъ, пречеснѣйшій старикъ.

Толст. Да немного эшакихъ найдешь.

Хр. Авг. Развѣ вы съ ними обими хорошо знакомы?

Толст. Они оба у меня обѣдывали, и когда я служилъ Головой въ нашемъ городѣ, шакъ бывало всегда ѣздилъ къ нимъ съ дѣлами.

Хр. Авг. А шеперь развѣ ешь у васъ дѣла?

Толст. Никакихъ.

Хр. Авг. Такъ развѣ вы ихъ обонхъ равно уважаете?

Толст. Экой ты какой: уважаете! Какъ-же мнѣ не явилъся къ нимъ съ поздравленіемъ-шо, въ шаконъ шоржешественный праздникъ?

Хр. Авг. Развѣ у васъ шакъ водится по городамъ, а здѣсь всякій знаетъ свое, и со всѣмъ не считающся почесшями.

Толст. А у насъ, я шебѣ скажу, когда праздникъ приходишь, шакъ не знаешь какъ и упра-

вишься. Все это зашевелился, заѣдешь, одинъ къ другому. Да забудь-ка ты хоть Капитана-Исправника, такъ и оплатишь себѣ, что долго не забудешь. А у Губернатора, у Виц-Губернатора, у Городничаго — и прохода нѣтъ! Иногда часовъ съ двѣнадцати у меня, такъ водка и не сходишь со стола, а пораньше, такъ чай, а послѣ водки, винца, закусишь. Вошь когда я былъ Головой, такъ о Масляницѣ, о Рождествѣ, о Свяшой и воропа бывало не запираются.

Хр. Авг. И здѣсь, всякой праздникъ ѣздишь, но только къ такимъ, до кого ешь нужда да дѣло. Я жилъ въ домѣ ***, года два тому; знаете: этотъ домъ выходитъ на двѣ улицы. На одной жилъ иногда Министръ ****, и всякой праздникъ бывало у него каретъ сколько, что улица ломится. На другой улицѣ жилъ Графъ Ѳ. — У этого бывало, посмотришь, ни одной каретки не стоишь подлѣ подъѣзда. Однажды поутру выхожу я на улицу эту, смотрю: у подъѣзда Графа Ѳ. каретъ и счета нѣтъ. Что за диковинка, подумалъ я, вспомнилъ, что идши мнѣ ближе по той улицѣ, гдѣ живетъ Министръ; иду — глядь: ни одной у него кареты, когда прежде бывало не прополчишься. Тутъ попался мнѣ чиновникъ знакомый; я спросилъ у него о Министрѣ, и узналъ, что онъ ужъ не Ми-

интеръ. Кто-жъ получалъ Министерство? Графъ
 Ѳ. — Давно-ли? А вошь только вчера.

Толст. Ну, что-жъ? Это значишь, что въ столицахъ больше фармазонства. И всѣ эти каршочки, и билетицы, и записки въ книгу, что такое? По моему — нехорошо! Не пусти-ка у насъ въ городъ, да не угости чаемъ или водкою, или виномъ, какъ придется въ какую пору — да и на бѣлый свѣтъ не кажись. Ну, ужь пусть-бы между боярами велось — Богъ съ ними! А то и между купечествомъ-то заводись — каршочки, да и только! Я сначала здѣсь всѣхъ знакомыхъ объѣзжалъ, а теперь ужь выучили — не поѣду, развѣ кто самъ придетъ. Съ большихъ-же, нашей братьи, и мѣлочь беретъ. Давно-ли вы видали Кузьму нашего?

Хр. Авг. Давно; онъ вѣдь занятъ: должность трудная; почти нѣкогда выходитъ изъ Коншоры.

Толст. Ну, дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ, а почтенныхъ людей забывашь не должно. Увидишь, такъ попеняй ему: Яковъ-де Самсоновичъ сильно на себя сердился.

Хр. Авг. Право ему нѣкогда.

Толст. Нѣкогда! Я его помню еще вошь такого, а онъ, ужь такъ высоко носъ поднимаетъ!

Кузьма Кузьмичъ (*входитъ, и низко кланяется*)
 Ахъ! бапюшка, Яковъ Самсонычъ! позволше
 васъ поздравить съ высокопоржешшвеннымъ
 праздникомъ, и засвидѣшельшвовать глубокое
 мое почшеніе.

Толст. А, здравствуй, брапъ, Кузьма Кузь-
 миачъ! Чшо эшо шебя не выдашь? Заецѣсивилса,
 брапъ! Пешербургскій жишель сшалъ! Ужь и
 въ праздники-шо никогда не придешь!

Куз. Куз. Ахъ, бапюшка, Яковъ Самсонычъ!
 Испинно нѣкогда. И шеперь урвалса на мину-
 шочку, чшобы поздравить.

Толст. Зачѣмъ-же беспокоилса? Я не пре-
 бую, бапюшка, Богъ съ шобой! Живи, какъ
 хочешъ; вѣдь ты живешъ своей головой. Толь-
 ко смотри, брапъ: не плюй въ колодець, го-
 дишса водицы напишся!

Куз. Куз. Ахъ, благодѣтель вы мой...

Толст. Да чшо, брапъ, полно пустословишь-
 шо — нѣчего! Ты еще молодъ, Кузьма Кузь-
 миачъ, а у меня, видишь: сѣдина пробиваешса.
 Сшарику не худо честь опдавать; съ праздни-
 комъ поздравить немного времени надобно. Я
 шебя постарше и пополновѣснѣе, а вошь — спро-
 си у Хрисанеа Августинича — бросаю дѣло, да
 ѣду къ сшаршимъ поклонитьса...

Куз. Куз. Виноватъ, бапюшка, Яковъ Сам-
 сонычъ!

Ив. Оомичъ. Гошовъ извощикъ, и плашье при-
гошовилъ и все.

Толст. Ну пойдѣмъ-же! (*уходитъ съ другую комнату*).

К. К. Ахши, какая бѣда: онъ изволилъ раз-
гнѣваться!

Хр. Авг. Да вамъ-то что-же изъ того?
Пусть сердися. Вѣдь вы не его хлѣбъ ѣдите...

К. К. Что эшо вы изволише говорить...

Хр. Авг. Вѣдь вамъ не бывашъ ужъ на своей ро-
динѣ, родныхъ шамъ нѣшъ, ничего шамъ нѣшъ; да
сердися они, какъ угодно — вы знаете свое дѣ-
ло, и вамъ нѣкогда.

К. К. Полно-те, ради Бога!

Хр. Авг. Развѣ вы пользовались его благодѣ-
лїями, и благодарность заснавляетъ...

К. К. Охъ! нѣшъ! Да онъ въ нашемъ городѣ
почетный чловѣкъ...

Хр. Авг. Хорошо, но вѣдь вы не въ вашемъ
городѣ, а въ Петербургѣ...

К. К. Охъ! прогнѣвался онъ... (*Толстосу-
мовъ входитъ*) Батюшка, Яковъ Самсоновичъ! про-
стите, ради Бога — испинно безъ умысла — не
причштите...

Толст. (*смягчасъ*) Ну, ну, такъ и бышь;
только помни, братъ, Кузьма Кузьмичъ, впередъ:
гордымъ Богъ противится!

(Передняя Графа Разсудова. Толстосумовъ входитъ).

Слуга. Кого вамъ?

Толст. Его Сіяшельство у себя-ли?

Слуга. Нѣтъ.

Толст. А Ея Сіяшельство?

Слуга. Не принимаешъ.

Толст. Поди доложи.

Слуга. Не лъзя.

Толст. Какъ не лъзя?

Слуга. Не принимаешъ.

Толст. Скажи поди, что Яковъ Самсоничъ Толстосумовъ пріѣхалъ.

Слуга. Не лъзя. Извольте записать ваше имя.

Толст. Ну, вѣчего дѣлашъ! (береть бумагу и смотритъ) Князь, Графъ, Генералъ, Сенаторъ, еще Князь, еще Генералъ... (тихо) И наше имя между ими будетъ — Господи благослови! Пиши-ка: Яковъ Самсоничъ Толстосумовъ, очень-дескашъ сожалѣлъ, что Его Сіяшельства не видалъ.

(Передняя П. Я. Благородова. Толстосумовъ входитъ).

Толст. (слугѣ) У себя-ли Его Высокопревосходительство?

Слуга. Онъ занятъ, и не принимаешъ.

Толст. Я безъ того не уѣду. Поди и доложи: Яковъ Самсоничъ Толшосумовъ прѣхалъ.

Слуга. Если у васъ есть просьба, шакъ извольте пожаловашъ въ среду, или въ субботу.

Толст. Просьбы, брашецъ, у меня никакой нѣтъ, а прѣхалъ, скажи, засвидѣтельствовашъ свое почтеніе.

Слуга. Я, сударь, не смѣю, не приказано.

Толст. Аль на водку хочешь? Такъ за эшимъ не спанешъ.

Слуга. Мнѣ не нужно, сударь, а доложитъ не лзя.

(Чиновникъ идетъ съ бумагами).

Толст. А, почтеннѣйшій Адрианъ Пепровитъ, съ праздникомъ поздравитъ честь имѣю. Все-ли, бапюшка, въ добромъ здоровьѣ?

Чин. Слава Богу! Вы какъ поживаете?

Толст. Да, вопъ, хошѣлось къ Его Высокопревосходительству...

Чин. Теперъ не лзя: онъ занятъ.

Толст. Вы къ нему вѣдь идете?

Чин. Точно шакъ.

Толст. Я за вами.

Чин. Но... извините...

Толст. Чего извинятъ! Мы свои люди. Идише-ка, идише, а я за вами.

Чин. Но у него дѣло. . .

Толст. Безъ чиновъ, башюшка, попросту...

Чин. Позвольте-жь, я доложу.

Толст. Чшо докладываешь! я за вами.

(Кабинетъ).

Благородовъ (*читаетъ бумаги и диктуетъ*).
Написали? Поспѣшите-жь, пожалуйста.

(Чинovníкъ, и по пятамъ его Толстосумовъ).

Чин. Г-нъ Толстосумовъ проситъ. . .

Благор. Но я велѣлъ опіказываешь... А, почтеннѣйшій Яковъ Самсонычъ! Прошу пожаловать.

Толст. Въ высокопоржеспивенный и, можно сказать, великій праздникъ сей, честь имѣя вспоминашь вождельнное пребываніе Вашего Высокопревосходительсшва въ нашемъ городѣ, и вспоминая пришомъ безчисленныя благодѣянія щедрой руки вашей. . .

Благ. Чшо это вы беспокоились. . .

Толст. Долгомъ посшавилъ засвидѣтельствовать всенижайшее мое, глубокое почшеніе, съ изъявленіемъ искреннихъ чувствъ радосни, чшобы во многолѣшіи. . .

Благ. Благодарю васъ. . .

Толст. И благоденствіи, на пользу всѣхъ, лируды, подьемлемые вашею особою, принесли драгоцѣнный и сморичный плодъ.

Благ. Очень вамъ благодаренъ. Какъ вы поживаете?

Толст. Преуспѣваю въ дѣлахъ моихъ, и благодарительнаго воспоминанія чувствомъ согрѣваюсь и радуюсь.

Благ. Часно получаете письма отъ вашихъ?

Толст. Отъ 18-го текущаго мѣсяца имѣю уведомленіе, со извѣщеніемъ о здоровьѣ и благополучіи.

Благ. Скоро намѣрены оставить Пепербургъ?

Толст. По неокончательности производимаго мною здѣсь сбыта поваровъ, намѣренъ еще нѣкоторое время спастись, и имѣнь счастье бытъ зримымъ отъ Вашего Высокопревосходительства.

Благ. (*Чинovníку*). Принесли-ль вы бумаги... намъ надобно поспѣшить...

Толст. Какъ изволише обрѣшаться въ вашемъ здоровіи, Ваше Высокопревосходительство?

Благ. Стариковское здоровье плохое, почтеннѣйшій, да и дѣлами занятъ; вошь и шерсть... нѣкогда...

Толст. Да благословитъ Всевышній труды Вашего Высокопревосходительства, ко счастью и благотворенію...

Благ. (*тихо*). Чѣмъ дѣлаетъ? (*вслушь*) Я всегда былъ такъ счастливъ, что посланные труды мои успѣвалъ дѣлать нѣсколько полезными...

Толст. Божіе Провидѣніе ниспослало въ васъ единого изъ шѣхъ мужей, кошорые родяшся для благоденствія подвласпныхъ. . .

Благ. Пріятно было-бы мнѣ продолжись бесѣду съ вами, но — извините: вы видите, что шрудолюбіе моихъ юныхъ шоварищей шребуешъ заняшя.

Толст. Кпо лучше меня можешъ эшо понимаешъ, чувспвовашъ, разумѣшъ. . . .

Благ. *(жметъ ему руку)* И шакъ — извините меня. . .

Толст. Приказаніемъ вашимъ не можете сдѣлать болѣе шого, сколько изъядненіемъ чувспву моему вашей воли.

Благ. Прощайте, почпеннѣйшій Яковъ Самсоновичъ! Клантаешесь опъ меня вашимъ — извините. . . *(тихо)* Надобно спасшсь, какъ нибудь. *(вслухъ)* Чшо шакое? Иду — Извините — меня зовушъ — проспшите!

(уходитъ въ другую комнату)

Толст. *(Чишовнику)*. Видите-ли, почпеннѣйшій Адріанъ Пешровичъ, какъ мы свой долгъ исполняемъ? А вы еще не хошѣли веспи меня! Прощайте, прощайте! *(тихо)* Вошъ, чшо называешся: *спрашмвай бывалаго, какъ попа зовутъ!*

Чин. Право, не понимаю: для чего это дѣлается?

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Pour demi-toilette : des capotes et des chapeaux à passes courtes, à forme d'une égale hauteur par devant comme par derrière, en gros-de-Naples, en satin à raies, d'une seule nuance, en satin uni et en velours. Les couleurs les plus généralement portées sont le rose, le bleu, l'aventurine, le grenat, celles violettes-de-Parme et lapis. Les plumes les plus nouvelles ne forment plus des bouquets; ce sont de longues plumes dont les barbes sont souvent encore rallongées par d'autres qui y sont nouées, et leurs extrémités sont gaufrées.

Les plumets en plumes de coq se portent de plus en plus : on en voit un assez grand nombre en noir.

En grande toilette, les coiffures sont le chapeaux bérêt, le bérêt et la toque, tous trois ornés de longues plumes; le turban formé le plus souvent avec une écharpe, et enfin les coiffures en cheveux. Les plus en faveur, sont celles à la grecque et celles formant le chou par derrière; nous ajouterons que les fleurs dont on usait peu, il y a quelque temps, partagent avec les perles, les chaînes d'or et les pierreries, le droit de faire partie d'une coiffure en cheveux. On leur fait traverser le front, en guise de féronnière, et le surplus de la guirlande s'unit au reste de la coiffure.

Les corsages se font ou à la grecque, ou à plis croi-

(*) Въ Парижѣ до 5 Декабря (н. ст.)

Парижскія моды.

Въ большой нарядъ носяшъ шляпы-береты, береты и шюки, всѣ съ длинными перьями; также шюрбаны, всего чаще изъ шарфа, и наконецъ прически. Самыя любимыя прически: *Гретеская*, и ша, у кошорой назадъ, такъ называемый, *коганъ*. Надобно сказать еще, что цѣшпы, мало упошреблявшіеся въ послѣднее время, такъ же составляютъ принадлежность головной уборки, какъ жемчугъ, золотыя цѣпочки и дорогіе камни. На лбу располагають гирлянду на подобіе фероньеры, а далѣе она соединяется съ остальною прическою.

Лифы дѣлаются или *Гретескіе*, или съ перекрестными складками, и съ складками, образующими драпировку. Многіе бывають украшены блондовою маншильею, если плашье нарядное. У плашьевъ прошыхъ рукава изъ одинакой шкани дѣлаются на ватъ, для того чтобы складки держались.

У нарядныхъ плашьевъ рукава корошкіе. Двухъ-берешные, у кошорыхъ нижній беретъ меньше, новѣе всѣхъ другихъ, хотя шакіе рукава уже носили въ прошедшемъ году. Наконецъ рукава блондовые, съ шипьемъ колоннами, и съ шакимъ шипьемъ, кошорое широко сверху, но суживается къ кисти руки, все еще въ модѣ для большаго наряда.

Самыя новыя шкани для плащей, прежде всего—*Дамла*, машерія шерстяная съ шелковымъ, цѣшпъ на цѣшпъ; далѣе—Африканскій репсъ, кошорый нынѣ въ большой модѣ, и наконецъ Испанскій бархашъ. — Форма плащей, самая новая съ пелериною, вырѣзанною зубьями, и съ бархашнымъ воротникомъ.

нов. 9

НА ПРИЛОЖЕННЫХЪ КАРТИНКАХЪ:

Дама. Новая уборка волосовъ. Платье à la Tagliom.
шюлевое, вышитое, и съ золошомъ.

Мужина. Фракъ открытый. Казимировые панталоны. Жилетъ изъ волнистой материи, на блонпике.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечаташи представлены были
въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва
Декабря 7 дня 1831 года.

Цензоръ и Кавалеръ Левъ Цѣцкас.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА.

JUN 3 1938

